САРА ЛАРК

Под парусом мечты

Бушующая страсть в краю цветов и любви

Annotation

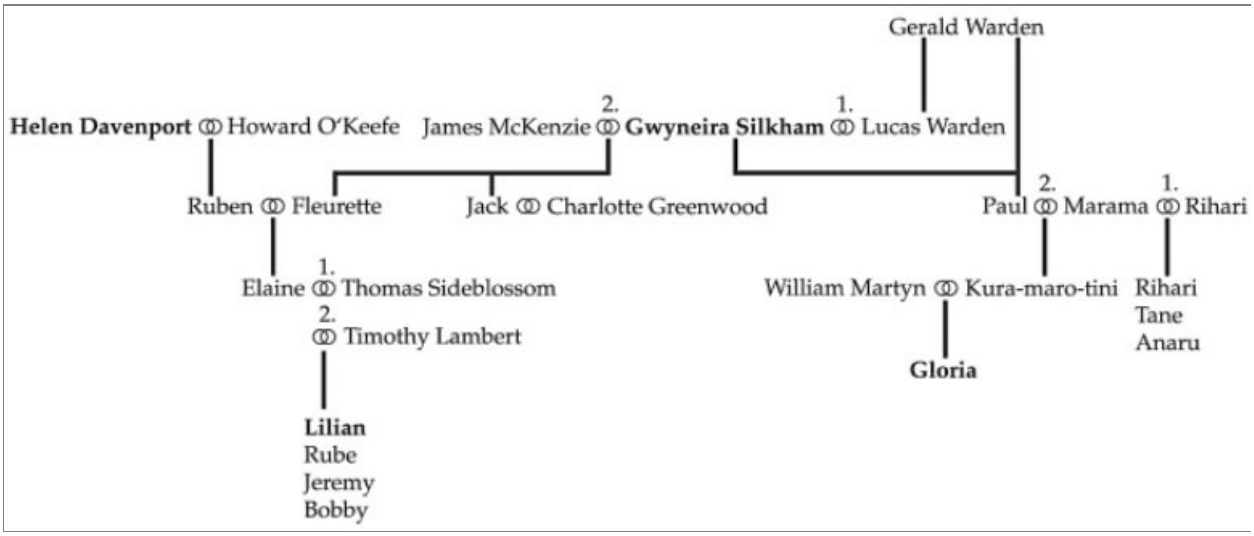
Глория родилась в чудесном краю, что на языке маори зовется Землей белых облаков. Но счастливое детство закончилось, когда девочку отправили учиться в английский интернат. Вдали от родных, среди чужих людей Глория чувствовала себя ненужной и одинокой. Она мечтала вернуться туда, где ее настоящий дом, и однажды решилась на отчаянный шаг — завербовалась юнгой на корабль, чтобы пересечь полмира и быть с теми, кого любит. Но какие испытания ждут невинную девушку на этом пути?

- Сара Ларк
  -
  - ПОД ПАРУСОМ МЕЧТЫ
    - Воспитание
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
      - 6
      - 7
      - 8
    - Затерянные райские места
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
      - 6
      - 7
      - 8
      - 9
      - 10
    - Война
      - 1

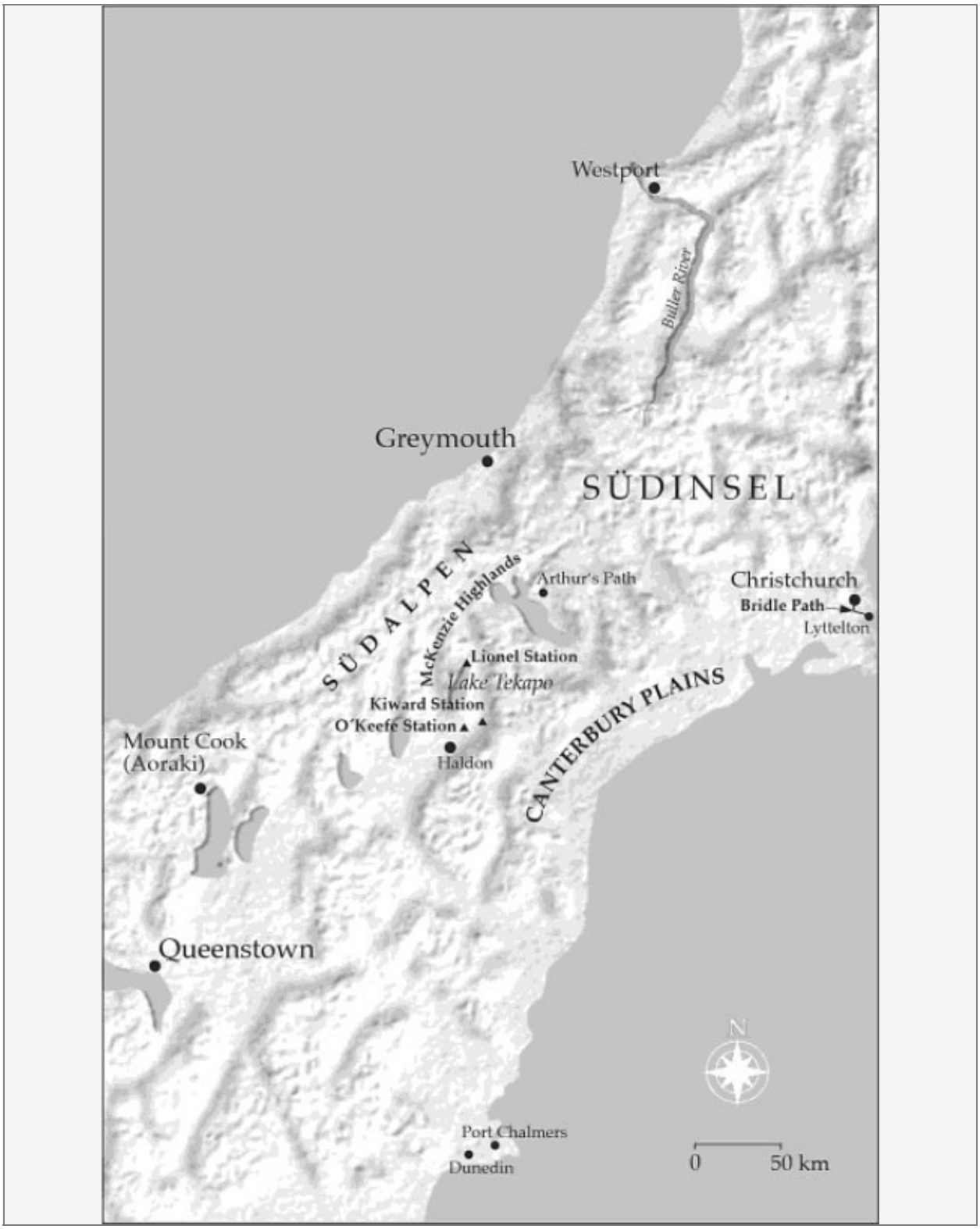
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
    - Дальние дороги
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
    - Мир
        - 1
        - 2
        - 3
        - 4
        - 5
        - 6
        - 7
        - 8
        - 9
        - 10
        - 11
        - 12
        - 13
        - 14
    - Послесловие и благодарность
  - Выходные данные книги
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13

Сара Ларк
Под парусом мечты

NEUSEELAND
0
100 km
N
Cape Reinga
Kaitaia
Auckland
NORDINSEL
TASMANSEE
Wellington
Blenheim
Westport
Greymouth
Christchurch
Arthur's Path
Lyttelton
SÜDALPEN
Mount Cook
(Aoraki)
Haldon
Lake
Tekapo
Queenstown
SÜDINSEL
Port Chalmers
Dunedin
PAZIFISCHER OZEAN

Сара Ларк известна как автор ярких, запоминающихся книг, полных глубоких чувств, романтики и бушующих страстей. «Земля белых облаков»

и «Остров надежды» пришлись по душе тысячам читателей. В этих удивительных произведениях роскошная природа далеких стран удачно оттеняет кипение страстей, трагедии и драмы, которые выпадают на долю героев.

Действие нового романа известной немецкой писательницы разворачивается в Новой Зеландии. Очевидно, посещение этой страны оставило в душе Сары Ларк неизгладимый след и вдохновило на создание замечательных произведений. «На зов киви» — одно из них.

Итак, знакомьтесь — Глория. Казалось бы, ничем не примечательная девочка, в жилах которой смешалась кровь маори и европейцев. Она растет на ферме под присмотром Гвинейры МакКензи, которую называет бабушкой, дружит с ее сыном Джеком и старается не вспоминать о родителях. Почти сразу после рождения Глории ее мать, известная певица-маори Кура-маро-тини, оставила ее на попечение родных и вместе с мужем отправилась в европейское турне. С тех пор девочка не видела ее. Только редкие письма и экстравагантные сувениры напоминали о том, что где-то за океаном у нее есть родители. Единственным подарком за тринадцать лет, которому Глория искренне обрадовалась, был маленький пони.

Девочке была по душе жизнь на ферме: она объезжала пастбища, следила за стадами овец, училась управлять поместьем. Но однажды клочок бумаги разрушил ее жизнь. Это было очередное письмо отца, который требовал, чтобы дочь приехала в Европу «развивать творческие способности». Он не поинтересовался, есть ли у нее тяга к музыке или другим видам искусства. Родители даже предположить не могли, что их дочь начисто лишена музыкальных способностей.

За годы, проведенные в элитном лицее искусств, Глория возненавидела музыку, живопись, драматургию. А еще больше — родителей, которые ни разу не навестили ее.

Глория не могла пожаловаться даже бабушке Гвинейре — письма воспитанниц перечитывались и редактировались. А короткая записка «Джек, пожалуйста, забери меня домой!», которую девочка в отчаянии пыталась отправить другу, так и не попала в почтовый ящик.

Началась Первая мировая война, и отец забрал ее из тихой английской деревеньки, где располагался интернат, в каменные джунгли Нью-Йорка. Он сторонился дочери, которая была совершенно не похожа на изящную, кокетливую, кипящую энергией Куру. Мать тоже была явно разочарована — дочь не могла помочь ей в подготовке выступлений.

Глория чувствовала себя лишней, ненужной, одинокой. И однажды во время гастролей в Сан-Франциско девушка решилась на отчаянный шаг.

Она хотела убежать туда, где настоящий дом, где ее ждет любимая бабушка и верный друг Джек… У нее не было ни опыта, ни денег, ни верного друга, который бы подсказал ей, как действовать.

В итоге Глория попала на корабль в одежде юнги, но отнюдь не для того, чтобы выполнять работу матроса. Юной невинной девушке предстояло стать забавой для моряков на время долгого путешествия в Кантон.

Но это было еще не самое страшное — в Китае кок перепродал ее на пассажирское судно, следовавшее в Австралию. Сумеет ли Глория выжить в этом аду? Сможет ли вернуться на родину и посмотреть в глаза близким и Джеку? Какие новости ждут ее в доме, который она привыкла называть родным?

В память об Эйнштейне и Мари Кюри

ПОД ПАРУСОМ МЕЧТЫ

Воспитание

Кентерберийская равнина, Греймут, Крайстчерч, Кембридж

1907–1908-1909

1

— Наперегонки! Давай, Джек, до круга каменных воинов!

Глория даже не стала дожидаться ответа Джека, вместо этого подвела свою рыжую, словно лиса, пони к лошади Джека и приготовилась стартовать. Когда Джек обреченно кивнул, Глория слегка стиснула голени и маленькая кобылка рванула с места.

Джек МакКензи, молодой человек с темно-рыжими волнистыми волосами и спокойными зелено-карими глазами, тоже пустил свою лошадь в галоп и погнался за девушкой по бескрайним пастбищам Киворд-Стейшн. У Джека не было шансов нагнать Глорию на своем сильном, но довольно медлительном мерине-кобе. Кроме того, он был слишком высок для жокея, но позволил девчушке насладиться игрой. Глория очень гордилась своим быстроногим английским пони, похожим на чистокровную кобылу, только в уменьшенном варианте. Насколько Джек помнил, это был первый подарок на день рождения от родителей, которому Глория по-настоящему обрадовалась. Содержимое посылок из Европы, приходивших довольно нерегулярно, было не особенно интересным: платье с рюшами, веер и кастаньеты из Севильи; золотистые туфельки из Милана; крохотная сумочка из страусиной кожи, купленная в Париже. Все эти вещи вряд ли можно было считать необходимыми на овечьей ферме в Новой Зеландии, ибо даже для редких визитов в Крайстчерч они казались чересчур экстравагантными.

Однако родители Глории никогда не думали о подобном. Наоборот, Уильям и Кура Мартин, скорее всего, с любопытством представляли себе, как шокируют несколько чопорное общество Кентерберийской равнины своими подарками из «большого мира». Обоим были чужды условности и робость, и, судя по всему, они нисколько не сомневались в том, что их дочь воспринимает мир примерно так же.

Мчась полевыми тропками с головокружительной скоростью, чтобы хотя бы не потерять девушку из виду, Джек думал о матери Глории. Кура-маро-тини, дочь его сводного брата Пола Уордена, была экзотической красавицей, наделенной потрясающим голосом. Впрочем, музыкальность она скорее унаследовала от своей матери, певицы-маори по имени Марама, нежели от своих белых родственников. С самого детства Кура лелеяла мечту сделать карьеру оперной певицы и завоевать европейскую сцену, а потому постоянно работала над собственным голосом. Джек рос вместе с ней в Киворд-Стейшн и до сих пор с ужасом вспоминал Курины уроки пения и нескончаемую игру на рояле. Многим поначалу казалось, что в провинциальной Новой Зеландии у Куры нет никаких шансов воплотить свою мечту в жизнь, пока в лице Уильяма Мартина, своего будущего мужа, она не обрела поклонника, сумевшего сделать так, что ее талант раскрылся во всем своем блеске. Вот уже не первый год они колесили по Европе с группой певцов и танцоров маори. Кура была звездой ансамбля, исполнявшего традиционную музыку маори на западных инструментах и в своеобразной трактовке.

— Я выиграла! — Глория ловко остановила своего веселого пони посреди нагромождения камней, которое называли здесь «кругом каменных воинов». — А там, позади, и овцы!

Маленькая отара овцематок, собственно, и была истинной причиной поездки Джека и Глории. Животные выбрались из загона и теперь паслись неподалеку от круга камней, на священной для местного племени маори земле. Гвинейра МакКензи-Уорден, руководившая фермой, уважала религиозные чувства туземцев, несмотря на то что земля эта принадлежала Киворд-Стейшн. Для овец и крупного рогатого скота здесь вполне хватало пастбищ, и животным не было нужды бродить по святыням маори. Поэтому за обедом она попросила Джека перегнать овец, что вызвало бурный протест со стороны Глории.

— Я ведь тоже могу сделать это, бабуля! — заявила девочка. — Нимуэ еще нужно учиться!

С тех пор как Глория натренировала свою собственную овчарку, она постоянно просила, чтобы ей давали все более ответственные поручения на ферме, к вящей радости Гвинейры. Вот и на этот раз она улыбнулась правнучке и приветливо кивнула.

— Отлично, но Джек поедет с тобой, — решила она, хотя и сама не понимала, почему не позволяет девочке поехать одной. В принципе, повода для тревог не было: Глория знала ферму как свои пять пальцев и все люди в Киворд-Стейшн знали и любили Глорию.

Собственных детей Гвинейра не окружала такой чрезмерной заботой. Ее старшая дочь Флёретта, будучи восьмилетним ребенком, преодолевала верхом четыре мили до ближайшей маленькой школы, которой в то время руководила подруга Гвинейры, Хелен, жившая на соседней ферме. Но Глория была другой. Все надежды Гвинейры были связаны с единственной признанной наследницей Киворд-Стейшн. Только в жилах Глории и Куры-маро-тини текла кровь Уорденов, настоящих основателей фермы. К тому же мать Куры, Марама, была родом из местного племени маори; таким образом, Глорию признавали и туземцы. И это было важно, поскольку между Тонгой, предводителем нгаи таху, и семьей Уорденов с давних времен установилось противостояние. Тонга надеялся, что, если Глория выйдет замуж за маори из его племени, он будет пользоваться большим влиянием на этой земле. Впрочем, эта стратегия уже потерпела крах в случае с матерью Глории, Курой. Вот и Глория до сих пор не проявляла особого интереса к жизни и культуре племени. Конечно же, она бегло говорила на языке маори и любила слушать, как бабушка Марама рассказывала древние предания своего народа. Однако настоящую связь она чувствовала с Гвинейрой, ее вторым мужем Джеймсом МакКензи и, конечно, с их сыном Джеком.

Между Джеком и Глорией всегда были особые отношения. Молодой человек, будучи на пятнадцать лет старше своей сводной внучатой племянницы, в первые годы жизни Глории защищал и оберегал ее от капризов родителей, зачастую не проявлявших к дочери никакого интереса. Джек не любил Куру и ее музыку, а к Глории привязался с первого крика — в буквальном смысле этого слова, как любил говаривать отец Джека. Едва Кура прикасалась к клавишам фортепьяно, как малышка принималась громко кричать. Джек полностью разделял негодование девочки и таскал ее за собой, как щенка.

Тем временем до каменного круга добрался не только Джек, но и маленькая собачка Глории по кличке Нимуэ. Бордер-колли тяжело дышала, высунув язык, и почти с упреком глядела на хозяйку. Собачке не нравилось, когда Глория уезжала далеко вперед. Она была вполне счастлива, пока из Англии не привезли быстроногого пони. Однако Нимуэ, добросовестно относившаяся к своим обязанностям, тут же сорвалась с места, стоило Глории резко свистнуть и указать на овец, которые паслись, рассыпавшись вокруг скал. Под благосклонными взглядами Джека и гордой хозяйки Нимуэ согнала животных и стала ждать дальнейших приказаний. Глория ловко направила отару в сторону фермы.

— Вот видишь, я справилась бы и одна! — ликуя, воскликнула девочка и улыбнулась Джеку. — Расскажешь бабушке?

Джек серьезно кивнул.

— Конечно, Глори. Она будет гордиться тобой. И Нимуэ!

Более пятидесяти лет тому назад Гвинейра МакКензи привезла в Новую Зеландию первых бордер-колли из Уэльса, сама обучала и тренировала их. И теперь женщина не могла нарадоваться, наблюдая за тем, как ловко Глория обращается с животными.

Энди Макэран, старейший работник фермы, подправлявший ограду, не сводил взгляда с Джека и Глории, которые загоняли овец в загон. Макэрану давным-давно стоило бросить работу, но он так любил возиться на ферме, что почти каждый день седлал коня и приезжал в Киворд-Стейшн из местечка Холдон. Его жене это не нравилось, но Энди старался не обращать внимания на ее упреки. Он поздно женился и не собирался менять своих привычек. К тому же он не любил, когда кто-то указывал ему, что надо делать.

— Почти как тогда мисс Гвин, — с уважением произнес старик, когда Глория закрыла ворота за овцами. — Не хватает только рыжих волос и…

Энди не стал продолжать, потому что ему не хотелось обижать Глорию. Но Джек слишком часто слышал подобные заявления, чтобы не суметь прочесть мысли Энди: старый погонщик скота жалел, что Глория не унаследовала ни хрупкой, как у эльфа, фигурки, ни узкого хорошенького лица своей прабабушки, — что было, в общем-то, странно, поскольку почти все остальные потомки женского пола унаследовали от Гвинейры рыжие локоны и точеную фигуру. Но Глория пошла в Уорденов: угловатое лицо, близко посаженные глаза, резко очерченный рот. Ее пышные светло-русые локоны не столько украшали, сколько подавляли лицо. Причесывать эту буйную копну волос было сущим мучением, поэтому примерно год назад девушка в приступе упрямства отрезала волосы. Конечно, все подшучивали над ней, интересуясь, не собирается ли она стать «полностью мальчиком»: прежде Глория любила носить бриджи, которые шила ее бабушка Марама для мальчишек-маори, — но Джек считал, что девушке очень идут и короткая стрижка, и широкие брюки для верховой езды. И он был прав: Глория с ее сильной, несколько приземистой фигуркой гораздо лучше смотрелась в брюках, чем в платьях. В этом отношении она пошла в своих предков со стороны маори. Ей никогда не блистать в одежде западного покроя.

— Что ж, от матери девушка совершенно ничего не унаследовала, —

заметил и Джеймс МакКензи.

Он тоже наблюдал за прибытием Джека и Глории из эркера в спальне Гвинейры. Он любил сидеть там; просторный наблюдательный пункт нравился ему больше, чем удобные кресла в салоне. Недавно Джеймсу исполнилось восемьдесят, и возраст давал о себе знать. С некоторых пор его мучили боли в суставах, затруднявшие каждое движение. И при этом он терпеть не мог опираться на палку. Джеймс не любил признаваться в том, что лестница, ведущая вниз, в салон, все чаще становится для него почти непреодолимым препятствием, и поэтому предпочитал говорить, что, находясь в эркере, он лучше видит происходящее на ферме.

Однако Гвинейра знала истинную причину: Джеймс никогда не чувствовал себя на месте в роскошном салоне Киворд-Стейшн. Его миром всегда было сообщество овцеводов. Только ради Гвин он согласился жить в роскошном особняке и воспитывать здесь сына. Джеймс предпочел бы построить для своей семьи дом из блоков и сидеть перед камином, для которого он сам рубил бы дрова. Впрочем, эта мечта утрачивала свою привлекательность по мере старения. Сейчас он просто наслаждался теплом, которое обеспечивали слуги Гвинейры.

Гвинейра положила руку ему на плечо и тоже посмотрела на Глорию и своего сына.

— Она чудесна, — произнесла она. — Если однажды найдется подходящий муж для нее…

Джеймс закатил глаза.

— Вот только не начинай! — вздохнул он. — Слава богу, она пока еще не бегает за парнями. Как вспомню о Куре и том парне-маори, о твоей головной боли… Сколько лет ей тогда было?

— Просто она скороспелка! — встала на защиту своей внучки Гвинейра. Она всегда любила Куру. — Я знаю, что ты не очень-то жалуешь Куру. Но ее проблема состояла исключительно в том, что здесь она была не на своем месте.

Гвинейра расчесала волосы, прежде чем подобрать их наверх. Они все еще были длинными и волнистыми, хотя седина уже заметно преобладала над рыжиной. В остальном же она выглядела замечательно в свои семьдесят три года, и никто не давал ей ее возраста. Гвинейра МакКензи-Уорден была стройной и худощавой, как в юности. Хотя лицо ее похудело и его избороздили мелкие морщинки, оттого что она никогда не защищала свою кожу от солнца и дождя, Гвинейра сохранила свою женскую привлекательность. Ей не по душе была жизнь дамы из высшего общества, и вопреки всем жизненным опасностям она все еще считала редкой удачей

то, что давным-давно, в возрасте семнадцати лет, оставила родительский дом, чтобы пережить рискованное брачное приключение.

— Проблема Куры состояла в том, что она с детства не знала слова «нет», — проворчал Джеймс. Спор по поводу Куры продолжался в течение многих лет, и это была единственная тема, которая когда-либо нарушала размеренное течение семейной жизни Джеймса и Гвинейры.

Гвин неодобрительно покачала головой.

— Опять ты говоришь так, как будто я боялась обидеть или наказать Куру, — недовольно сказала она.

Этот упрек тоже был не нов, хотя впервые его произнес не Джеймс, а подруга Гвин, Хелен О’Киф, и при одной мысли о Хелен, умершей в прошлом году, Гвин стало больно.

Джеймс поднял брови.

— Боялась обидеть Куру? Никогда! — Он принялся поддразнивать жену. — Именно поэтому вот уже три часа ты возишь по столу письмо, которое привез старый Энди. Открывай его уже, Гвин! Между тобой и Курой — восемнадцать тысяч миль. Она тебя не укусит!

Энди Макэран и его жена жили в Холдоне, ближайшем к ферме городке. На тамошний почтамт приходили письма для обитателей Киворд-Стейшн, и Энди любил подрабатывать почтальоном, когда приходила почта из-за океана. В ответ он ждал — как и все болтуны мужского и женского пола в Холдоне — немного сплетен об экзотической наследнице Уорденов. Джеймс и Джек с готовностью делились новейшими известиями о безумной музыкальной жизни Куры, и Гвинейра обычно не спорила. Ведь чаще всего новости были хорошие: Кура и Уильям счастливы, билеты на представления раскупают полностью, одно турне следует за другим. Однако в Холдоне, конечно, все равно сплетничали. Вот уже скоро десять лет, как они с Уильямом воссоединились. Действительно ли он верен Куре? В Киворд-Стейшн их безоблачное счастье продлилось ровно год. И если брак Куры и Уильяма в самом деле такой счастливый, то почему не благословлен другими детьми?

Гвинейре, которая сейчас дрожащими пальцами открывала пришедший из Лондона конверт, все это было безразлично. Ее волновало лишь отношение Куры к Глории. До сих пор родители Глории не проявляли к девочке никакого интереса, и Гвинейра молилась, чтобы так оставалось и дальше.

Однако на этот раз по лицу жены Джеймс понял, что в письме содержатся более будоражащие новости, чем обычные истории относительно успешного турне под названием «Хака и пианино». Впрочем,

Джеймс догадался об этом еще раньше, как только увидел на конверте не угловатые буквы, выведенные рукой Куры, а беглый почерк Уильяма Мартина.

— Они хотят забрать Глорию в Англию, — бесцветным голосом произнесла Гвинейра, наконец отложив письмо. — Они… — Гвин искала нужное место в письме Уильяма, — они ценят наш труд, вложенный в воспитание их дочери, но очень переживают по поводу того, достаточно ли развиваются здесь «художественно-творческие» способности Глории! Джеймс, у Глории нет «художественно-творческих» способностей!

— И слава богу, — заметил Джеймс. — И как эти двое собираются ее развивать? Девочке предстоит отправиться в турне вместе с ними? Играть на флейте?

Виртуозная игра на флейте *путорино* была одним из кульминационных моментов их программы, и, конечно же, у Глории тоже имелся такой инструмент. Однако, к досаде бабушки Марамы, девушке ни разу не удалось извлечь без ошибок хотя бы один из «нормальных голосов», не говоря уже о знаменитом «*вайруа*», голосе духов.

— Нет, она поедет в интернат. Ты только послушай: «Мы выбрали маленькую, расположенную в очень живописном месте школу в окрестностях Кембриджа, где дают всестороннее женское образование, особенно в художественной и творческой областях…» Женское образование! Что они под этим подразумевают? — раздраженно пробормотала Гвинейра.

Джеймс рассмеялся.

— Готовить, печь, вышивать? — предположил он. — Французский язык? Игра на фортепьяно?

Судя по лицу Гвин, подобная идея не вызывала у нее энтузиазма. Поскольку она была дочерью мелкопоместного дворянина, ей довелось испытать все это на себе, но, к счастью, у Силкхэмов никогда не хватало денег на обучение дочери в интернате. Поэтому самого страшного безобразия Гвин сумела избежать, зато научилась таким полезным вещам, как верховая езда и тренировка пастушьих собак.

Джеймс тяжело поднялся и обнял ее.

— Брось, Гвин, все не может быть настолько плохо. Благодаря пароходам совершить путешествие в Англию стало проще простого. Люди отправляют детей в интернаты. Глории не повредит немного посмотреть мир. И природа вокруг Кембриджа очень живописная, как и здесь. Глория будет общаться с одногодками, играть в хоккей или во что там еще играют… Ну ладно, ей придется смириться с тем, что в Англии ездят в

дамском седле. Нет ничего плохого в том, чтобы навести немного лоску, ведь бароны становятся все более и более важными…

Крупные фермы на Кентерберийской равнине, стоявшие здесь вот уже более полувека, приносили хороший доход, причем по большей части без особых усилий. Поэтому некоторые «овечьи бароны» во втором или третьем поколении вели легкую жизнь зажиточных помещиков. Однако были и такие фермы, которые пришлось продать за долги, и теперь они служили прибежищем английским ветеранам войны, имевшим кучу наград.

Гвин глубоко вздохнула.

— Ну, — с грустью произнесла она, — вот, наверное, и все. — Нельзя было разрешать Глории фотографироваться с лошадью. Но ей так хотелось. Глория так радовалась тому, что ей подарили пони…

Джеймс понял, что имела в виду Гвин: раз в год устраивался большой переполох по поводу того, чтобы сфотографировать Глорию и отправить фото родителям. Обычно в тот день девочку одевали в как можно более чопорное и скучное летнее платье; однако в последний раз Глория настояла на том, чтобы ее сфотографировали в седле на новом пони.

— Ведь это папа с мамой подарили мне Принцессу! — заявила она. — Они наверняка обрадуются, увидев ее на снимке.

Гвинейра нервно дергала недавно завязанный пучок волос, пока из него не выбились первые пряди.

— Нужно было хотя бы настоять на дамском седле и платье для верховой езды.

Джеймс мягко взял ее за руку и поцеловал.

— Ты ведь знаешь Куру и Уильяма. Может быть, все дело действительно в пони. Но ты с равным успехом могла послать фотографию Глории в праздничном наряде — тогда они написали бы, что ей не хватает фортепьяно. Наверное, просто пришло время. Они ведь должны были в какой-то момент вспомнить, что у них есть дочь.

— Довольно поздно! — возмутилась Гвин. — И почему они не дают нам права голоса? Они ведь совсем не знают Глори. И сразу в интернат?! Она слишком юна…

Джеймс прижал жену к себе. Признаться, он предпочитал видеть ее в гневе, нежели такой отчаявшейся и неуверенной, как сейчас.

— Многие английские дети отправляются в интернат уже в четыре года, — напомнил он ей. — А Глори двенадцать. Она справится. Может быть, ей даже понравится.

— Она будет совсем одна… — негромко произнесла Гвин. — Она будет тосковать по дому.

Джеймс кивнул.

— Наверняка поначалу все девочки тоскуют. А потом все как-то устраивается.

Гвинейра возмутилась.

— Если поместье родителей находится в двадцати милях, то конечно. Но в случае с Глори это восемнадцать тысяч километров! Мы посылаем ее на другой конец света, к людям, которые ее не знают и не любят!

Гвинейра закусила губу. До сих пор она никогда не признавала этого, напротив, всегда защищала Куру. Но, в принципе, это было правдой. Куре-маро-тини не было дела до своей дочери. И Уильяму Мартину тоже.

— А мы не можем сделать вид, что не получили письма? — Она прижалась к Джеймсу. И тот вдруг вспомнил совсем молоденькую Гвинейру, которая сбегала в стойла к погонщикам скота, когда не справлялась с претензиями своей новой новозеландской семьи. Но это серьезнее, чем рецепт ирландского рагу…

— Гвин, милая, они пришлют новое! Похоже, эта идея принадлежит не Куре. По всей вероятности, она как-то высказалась на этот счет, а потом, готовясь к следующему концерту, забыла. Письмо от Уильяма. Значит, это его затея. Возможно, он носится с идеей выдать Глорию за какого-нибудь графа при первом же подвернувшемся случае…

— Но раньше он ненавидел англичан, — напомнила Гвинейра. В недалеком прошлом Уильям Мартин был борцом за независимость Ирландии.

Джеймс пожал плечами.

— Уильям — парень гибкий, ты ведь знаешь.

— Если бы Глория была не одна, — вздохнула Гвин. — Долгое путешествие на корабле, все эти чужие люди…

Джеймс кивнул. Несмотря на его усилия успокоить жену, он прекрасно понимал Гвин. Глория любила работу на ферме, но ей не хватало тяги к приключениям, отличавшую Гвин и ее дочь Флёретту. В этом отношении девушка была совсем другой — и Гвин, и прадед девочки Джеральд Уорден никогда не боялись идти на риск, не говоря уже о Куре и Уильяме Мартине. Но здесь, видимо, сработало наследие маори. Марама, бабушка Глории, была мягкой женщиной, привязанной к земле. Конечно, она кочевала вместе со своим племенем, но если приходилось покинуть землю нгаи таху одной, она чувствовала неуверенность в себе.

— А если мы пошлем с ней другую девочку? — размышлял Джеймс. — У нее нет подруг среди маори?

Гвинейра покачала головой.

— Ты ведь не думаешь, что Тонга пошлет девочку из своего племени в Англию! — заметила она. — Не считая того, что я не припоминаю ни одну из них, которая дружила бы с Глорией. Впрочем… — Лицо Гвин просветлело. — Да, это было бы неплохо!

Джеймс терпеливо ждал, когда жена озвучит свою мысль.

— Конечно, она еще очень юна…

— Кто? — не выдержав, спросил он.

— Лилиан, — ответила Гвин. — С Лилиан они отлично поладили, когда Илейн приезжала в прошлом году. В целом это вообще единственная девочка, с которой когда-либо играла Глория. К тому же Тим и сам учился в Англии. Возможно, такая идея придется ему по душе.

При упоминании Лилиан Джеймс невольно улыбнулся. Еще одна правнучка, но на этот раз совершенно плоть от плоти его. Илейн, дочь Флёретты, вышла замуж и жила в Греймуте. Ее дочь Лилиан была старшей из четверых детей. Единственная девочка, новая копия Гвинейры, Флёретты и Илейн: рыжеволосая, живая, всегда в хорошем настроении. Сначала Глория слегка робела, когда в прошлом году познакомилась с Лилиан. Но та быстро растопила лед. Она болтала без умолку, рассказывая о школе, подружках, лошадях и собаках, ездила с Глорией верхом наперегонки, просила, чтобы та научила ее языку маори и съездила с ней в гости к племени, живущему в Киворд-Стейшн. Гвинейра впервые в жизни видела, чтобы ее правнучка Глория хихикала и секретничала с другой девочкой. Эти новоиспеченные подружки пытались подслушать, как Ронго Ронго, повитуха и *тохунга* маори, творит заклинание, а потом Лилиан показала Глории кусок нефрита, который подарила ей Ронго Ронго и который девочка берегла как настоящее сокровище. Малышка не уставала выдумывать собственные истории.

— Я спрошу отца, сделает ли он для камня оправу, — важно заявила она. — Тогда я повешу его на золотую цепочку и буду носить на шее. А когда познакомлюсь с мужчиной, за которого выйду замуж, он… он… — Лилиан не могла определиться между «будет жечь, как раскаленный уголь» или «будет биться, как сердце».

Глория не могла поддержать игру. Для нее «сокровище» Лилиан было куском нефрита, не более. Что уж тут говорить о том, чтобы с его помощью очаровать кого бы то ни было. Однако слушать фантазии Лилиан ей нравилось.

— Лилиан еще младше Глории, — заметил Джеймс. — Я не представляю, чтобы Илейн согласилась с ней расстаться. Что бы ни думал по этому поводу Тим…

— За спрос денег не берут, — решительно заявила Гвин. — Я сейчас же напишу им. Как думаешь, сказать Глории?

Джеймс вздохнул, еще раз провел рукой по когда-то каштановым, а теперь седым, но по-прежнему непослушным волосам. Совершенно типичный для него жест, который всегда любила Гвинейра.

— Не сегодня и не завтра, — наконец произнес он. — Но если я правильно понял Уильяма, новый учебный год начинается после Пасхи. К этому времени она должна быть в Кембридже. В случае опоздания никто не будет делать ей поблажек. Если в середине года она будет единственной новенькой, тем хуже для нее.

Гвин устало кивнула.

— Но мы должны сказать мисс Бличем, — грустно произнесла она. — Ведь ей придется искать новое место. Проклятье, наконец-то у нас есть домашняя учительница, которая чего-то стоит, и тут такое!

Сара Бличем учила Глорию с самого начала, и девочка очень любила ее.

— Что ж, по крайней мере Глори точно не будет отставать от своих одноклассниц-англичанок, — попыталась утешить себя Гвин.

Мисс Бличем училась в педагогической академии в Веллингтоне и закончила ее с отличием. Больше всего она любила естественные науки, и ей удалось пробудить интерес к ним у Глории. Обе с радостью зарывались в книги, в которых речь шла о флоре и фауне Новой Зеландии, и восхищению мисс Бличем не было границ, когда Гвинейра раскопала рисунки своего первого мужа, Лукаса Уордена. Лукас в первую очередь исследовал и каталогизировал популяции насекомых своей родины. Мисс Бличем пришла в восторг от его точных рисунков различных видов веты. Гвинейра же смотрела на этих существ со смешанным чувством. Огромные насекомые никогда не вызывали у нее особых симпатий.

— Это сделал мой прадед, верно? — гордо поинтересовалась Глория.

Гвинейра кивнула. На самом деле Лукас был скорее ее двоюродным прадедом, но об этом ребенку знать не нужно. Лукас был бы рад такой умной правнучке, единственной из всех, кто наконец-то разделил его интерес.

Хотелось бы знать, сумеют ли оценить восхищение Глории насекомыми и прочими животными в английском пансионе для девочек?

2

— Оставь это, я могу выйти сам!

Тимоти Ламберт почти с грубостью отказался от помощи своего слуги Роли, хотя сегодня ему было особенно тяжело перенести ноги с сиденья кабриолета на подножку, надеть шины, а затем встать с помощью костылей. Это был один из плохих дней. Он чувствовал себя окостеневшим и раздраженным — как почти всякий раз, когда приближалась годовщина катастрофы, которой он был обязан своим увечьем. Обрушение рудника Ламберта отмечали уже в одиннадцатый раз, и, как и каждый год, руководство устраивало в этот день небольшое поминальное торжество. Члены семей погибших ценили этот жест, равно как и принятые меры безопасности на руднике. Однако Тиму снова придется оказаться в центре внимания, на него будут смотреть. И конечно же, Роли О’Брайен в тысячный раз расскажет, как его спас сын владельца рудника. Тим ненавидел эти взгляды, в которых было все: от почитания героя до ужаса и жалости.

Вот и сейчас обиженный его отказом Роли отошел в сторону, но при этом неотрывно следил за тем, как его господин мучается, выбираясь из кареты. Если Тим упадет, он будет рядом — как всегда, на протяжении последних двенадцати лет. Роли О’Брайен оказывал неоценимую помощь, но иногда он действовал Тиму на нервы, особенно в подобные дни, когда терпение и без того готово было вот-вот лопнуть.

Роли отвел лошадь в стойло, в то время как Тим захромал к дому. Как и всякий раз, вид белого одноэтажного деревянного строения подействовал на него успокаивающе. После свадьбы с Илейн он заказал построить простой дом в кратчайшие сроки — вопреки протестам родителей, которые советовали ему более представительную резиденцию. Их собственная вилла, находившаяся на расстоянии двух миль от города, гораздо больше соответствовала местным представлениям о доме хозяина рудника. Но Илейн не захотела жить в поместье Ламбертов вместе с родителями Тима, к тому же в их двухэтажном особняке практически не было условий, удовлетворявших потребности Тимоти. Кроме того, Тим не был владельцем рудника; большая часть акций предприятия давным-давно принадлежала инвестору Джорджу Гринвуду. У родителей Тима осталась лишь небольшая доля, а сам он работал управляющим.

— Папочка! — Лилиан, дочь Тима и Илейн, уже распахнула дверь, прежде чем Тим успел перенести свой вес так, чтобы опираться только на один костыль, а правую руку освободить и воспользоваться дверной ручкой.

Вслед за Лилиан показался Руб, старший сын Тима, разочарованный

тем, что Лилиан снова, как и каждый день, опередила его, чтобы открыть отцу дверь.

— Папочка! Ты только послушай, что я сегодня разучивала! — Лилиан любила играть на фортепьяно, к тому же еще и пела, хотя и не всегда верно. — «Аннабель Ли». Ты знаешь эту историю? Такая грустная. Она така-а-а-я красивая, и принц ее ужасно любит, но потом…

— Девчачьи глупости! — возмутился Руб. Ему было семь лет, но он уже прекрасно знал, что следует считать глупым. — Лучше посмотри на железную дорогу, папочка! Я сам собрал новый локомотив…

— А вот и неправда! Мама тебе помогала! — разоблачила его Лилиан.

Тим закатил глаза.

— Милые мои, мне очень жаль, но я сегодня уже слышать не могу слова «железная дорога»… — В утешение он растрепал темно-рыжие волосы сына. Все четверо детей были рыжими — Илейн старательно передавала в наследство цвет своих волос. Но в остальном мальчики больше походили на Тима. Илейн каждый день радовалась шаловливому выражению их лиц и веселым зелено-карим глазам.

Лицо Тима окончательно прояснилось, когда он увидел жену, вышедшую из комнат в маленький коридор. Она была прекрасна: ярко-зеленые глаза, почти прозрачная светлая кожа и неукротимые рыжие локоны. Старая собачка Келли брела за ней.

Илейн нежно поцеловала Тима в щеку.

— Что она опять натворила? — вместо приветствия спросила Илейн.

Тим наморщил лоб.

— Ты умеешь читать мысли? — озадаченно поинтересовался он.

Илейн рассмеялась.

— Не совсем, но это выражение появляется на твоем лице только тогда, когда ты в очередной раз продумываешь особенно интересный способ укокошить Флоренс Биллер. А поскольку обычно ты ничего не имеешь против железной дороги, это, судя по всему, будет связано с прокладыванием новых путей.

Тим кивнул.

— Ты угадала. Но дай хотя бы войти. Как малыши?

Илейн прижалась к мужу, давая ему таким образом возможность незаметно опереться на нее. Она помогла ему дойти до уютной гостиной, обставленной мебелью из древесины матаи, сняла с него пиджак, а затем он рухнул в одно из стоявших у камина кресел.

— Джереми нарисовал овцу и написал под ней «корабль»[1], — рассказывала Илейн. — И непонятно, то ли это описка, то ли он так

задумал… — Джереми было шесть, и он как раз учил буквы. — А Бобби сделал четыре шага подряд.

И, словно в доказательство ее слов, малыш побрел к Тиму. Тот подхватил его, посадил к себе на колени и принялся щекотать. Ему вдруг показалось, что неприятности с Флоренс Биллер остались где-то совсем далеко.

— Еще семь шагов, и ему можно будет жениться! — рассмеялся Тим, подмигнув Илейн. Когда после трагедии он снова учился ходить, одиннадцать шагов — от входа в церковь до алтаря — были его первой целью. Илейн обручилась с ним после трагедии на шахте.

— Не слушай, Лили! — сказала своей дочери Илейн, которая как раз собралась что-то спросить. Лилиан мечтала о сказочном принце, и игра в свадьбу была у нее любимой. — Лучше пойди к фортепьяно и еще раз отправь «Аннабель Ли» к ангелам. А папочка пока расскажет мне, почему он вдруг разлюбил железную дорогу…

Лилиан бросилась к инструменту, а маленькие мальчики снова занялись железной дорогой, выложенной на полу.

Илейн налила Тиму виски и села рядом с ним. Он никогда не пил много и обычно никогда — перед едой, чтобы не потерять контроль над движениями. Но сегодня он казался таким усталым и раздраженным, что глоток пошел бы ему на пользу.

— В принципе, об этом и говорить не стоит, — наконец пробормотал Тим. — Просто Флоренс в очередной раз провела переговоры с железнодорожной компанией, не поговорив предварительно с владельцами других рудников. Я случайно узнал об этом от Джорджа Гринвуда. Он ведь и в строительство дороги влез. При этом вместе мы могли бы выторговать более выгодные условия. Но нет, похоже, Флоренс просто надеется, что остальные в Греймуте не заметят новую колею и только Биллеры смогут пользоваться упрощенной системой транспортировки угля. Как бы там ни было, мы с Мэттом потребовали подвести рельсы и к Ламбертам. Завтра придут представители компании, мы будем беседовать на тему разделения средств. Конечно же, к Биллерам они сразу протянут колею — Флоренс получит свой собственный грузовой вокзал самое позднее через шесть недель. — Тим отпил виски.

Илейн пожала плечами.

— Она хороший делец.

— Она чудовище! — выругался Тим, выражаясь при этом гораздо более деликатно, чем большинство других владельцев рудников и поставщиков региона.

Флоренс Биллер была жесткой деловой женщиной, пользовавшейся слабостью своих противников при каждом удобном случае. Она управляла рудником своего мужа железной рукой. Ее штейгеры и секретари дрожали от страха — хотя уже ходили слухи, что молодого начальника канцелярии хозяйка предпочитает остальным. Часто бывало, что один из ее сотрудников некоторое время, довольно короткое, играл роль фаворита. Строго говоря, это случалось уже трижды. Тим и Илейн Ламберт, посвященные в некоторые тайны брака между Калевом и Флоренс Биллер, додумывали остальное. У Флоренс Биллер было трое детей.

— Не представляю, как Калев ее выдерживает. — Тим поставил бокал на стол. Постепенно напряжение сходило на нет. Как же хорошо разговаривать с Илейн, слушать скорее старательную, нежели вдохновленную игру Лилиан и приходить в благожелательное расположение духа.

— Думаю, иногда ее махинации очень неприятны Калеву, — заметила Илейн. — Но в целом, наверное, ему все равно. Она оставляет в покое его, а он — ее: именно так они изначально и договаривались.

Калева Биллера управление рудником не интересовало. Он был ученым и считался светочем в области искусства и музыки маори. До женитьбы на Флоренс Биллер некоторое время носился с идеей полностью бросить семейное дело и посвятить жизнь музыке. Он и сейчас занимался аранжировкой музыки для программы Куры-маро-тини Мартин. Но Калев слишком волновался во время выступлений, и его страх перед публикой в конце концов оказался сильнее, чем страх — к слову, тоже весьма значительный — перед ужасной Флоренс. Теперь он номинально руководил рудником Биллера, однако фактически всеми делами там заправляла Флоренс.

— Мне просто хочется, чтобы она спокойно работала, а не воевала, — вздохнув, сказал Тим. — Я прекрасно понимаю, что Флоренс добивается того, чтобы ее воспринимали всерьез, но… боже мой, у других ведь тоже есть свои проблемы.

На этот счет у Тима имелся собственный опыт. В начале его карьеры управляющего некоторые поставщики и клиенты пытались воспользоваться ситуацией, зная об ограниченных возможностях Тима, и поставляли товар низшего качества или предъявляли неоправданные рекламации. Они полагали, что Тим не сможет как следует контролировать поставки. Однако у Тима были глаза и уши даже за стенами конторы. Его заместитель Мэтт Гавейн смотрел в оба, а Роли О’Брайен поддерживал отличные отношения с шахтерами. Он работал днем на поверхности

рудника, когда не нужен был Тиму, а по вечерам был так же перемазан пылью, как и остальные горняки. Грязь не пугала Роли, но спускаться в шахту он больше не собирался — с тех пор, как его засыпало вместе с Тимом и они два дня просидели в завале.

Со временем Тим, как руководитель рудника, завоевал уважение и попытки обмануть его прекратились. С Флоренс Биллер ситуация наверняка была такая же; она могла бы заключить мир со всеми своими конкурентами-мужчинами. Но Флоренс с ее неиссякаемой энергией продолжала сражаться. Для нее сделать рудник Биллера ведущим в Греймуте было мало — ей хотелось контролировать все Западное побережье, если не вообще всю горную промышленность страны.

— Есть чем-нибудь перекусить? — спросил Тим жену, почувствовав пробудившийся аппетит.

Илейн кивнула.

— Уже в печке. Нужно подождать совсем чуть-чуть. И я… я хотела прежде кое-что с тобой обсудить.

Тим заметил, что она бросила взгляд на Лилиан. Судя по всему, речь пойдет о дочери.

Илейн обратилась к девочке, которая как раз закрыла крышку фортепьяно.

— Это было просто чудесно, Лили. Мы все потрясены судьбой Аннабель. Я совершенно не могу накрывать сейчас на стол. Может быть, ты сделаешь это вместо нас, Лили? А Руб поможет тебе?

— Он ведь опять будет ронять тарелки! — воскликнула Лилиан, но послушно отправилась в столовую.

Вскоре послышался звон бьющейся посуды. Илейн закатила глаза. Тим понимающе улыбнулся.

— Судя по всему, к домашней работе у нее нет особого таланта, — заметил он. — Наверное, нам стоит отдать управление рудником в ее руки.

Илейн улыбнулась.

— Или позаботиться о «художественно-творческом» образовании девочки.

— О чем? — озадаченно переспросил Тим.

Илейн вынула из складок домашнего платья письмо.

— Вот, это пришло сегодня. От бабушки Гвин. Она совершенно сбита с толку. Уильям и Кура хотят забрать у нее Глорию.

— Вот так, внезапно? — без особого энтузиазма переспросил Тим. — Ведь до сих пор их интересовала только карьера Куры. А теперь вдруг они решили создать семью?

— Все выглядит несколько иначе, — ответила Илейн. — Они подумывают об интернате, потому что бабушка Гвин, по их мнению, не занимается развитием «художественно-творческих» способностей Глории.

Тим рассмеялся. Он полностью отвлекся от неприятностей в конторе, и Илейн радовалась, глядя на его по-прежнему мальчишеское лицо с морщинками у глаз, которые появлялись, когда он смеялся.

— Ну, тут они не так уж и неправы. Ничего не имею против Киворд-Стейшн и твоих бабушки с дедушкой, но ферму нельзя назвать пристанищем искусства и культуры.

Илейн пожала плечами.

— Мне не показалось, что Глория нуждается в этом. По-моему, малышка совершенно счастлива. Впрочем, несколько застенчива. Ей потребовалось некоторое время, чтобы подружиться с Лили. Поэтому я понимаю бабушку Гвин. Она боится отправлять малышку в путешествие одну.

— И что? — спросил Тим. — У тебя ведь явно что-то на уме, Лейни. Что ты хотела обсудить со мной?

Илейн протянула ему письмо Гвинейры.

— Бабушка Гвин спрашивает, не хотим ли мы послать с ней Лилиан. Будто бы интернат именитый. И Глории будет гораздо легче вдали от дома.

Тим внимательно прочитал письмо.

— Кембридж — это всегда хорошо, — кивнув, произнес он. — Но не рановато ли ей? Не говоря уже о том, что подобные интернаты стоят обычно целое состояние.

— МакКензи готовы взять расходы на себя, — пояснила Илейн. — Если бы это не было так ужасно далеко… — сказала она и умолкла, когда в комнату вошла Лилиан.

Девочка надела слишком большой передник и теперь путалась в нем на каждом шагу. Как обычно, это рассмешило родителей. Веснушчатое лицо Лилиан казалось довольно лукавым, хотя в глазах застыло мечтательное выражение. Волосы у нее были тонкие и рыжие, как у матери и бабушки, но не настолько волнистые. Она заплетала их в две длинные косы, и в этом огромном переднике была похожа на кобольда[2], решившего поиграть в служанку.

— Стол готов, мамочка. И мне кажется, запеканка тоже.

И действительно, из кухни в гостиную донесся аромат мясной запеканки.

— И сколько стаканов ты разбила? — с наигранной строгостью поинтересовалась Илейн. — Не отрицай, мы все прекрасно слышали.

Лилиан покраснела.

— Ни одного. Только… только чашку Джереми…

— Маа-мааа! Она разбила мою чашку! — заревел Джереми, любивший свою керамическую чашку, и без того уже оббитую. — Почини ее, мамочка! Или папочка! Папочка инженер, он ведь может чинить всякие вещи!

— Но не чашки же, глупыш! — послышался голос Руба.

Мгновение спустя дети уже громко ссорились. Джереми всхлипывал.

— Мы поговорим позже, — сказал Тим, позволяя Илейн помочь ему встать с кресла. На людях он настаивал на полной независимости и лишь разрешал Роли носить свою сумку. Однако при Илейн он признавал собственную слабость. — Сначала нужно накормить нашу ораву.

Илейн кивнула. Ей хватило нескольких слов, чтобы навести порядок.

— Руб, твой брат не глуп, извинись. Джереми, если немного повезет, папочка склеит чашку и ты сможешь поставить в нее цветные карандаши. И поскольку ты уже большой мальчик, то можешь пить из стаканов, как и все остальные. А ты, Лили, убери, пожалуйста, ноты, потом пойдем есть. Руб, тебе придется собрать железную дорогу.

Илейн взяла на руки младшего и посадила его на высокий стул в столовой. Тим присмотрит за ним, пока она принесет еду. В принципе, это входило в обязанности их служанки, Мэри Флаэрти, но в пятницу у Мэри был выходной. По этой же причине Роли не вошел в дом после того, как Тим отпустил его. Обычно он не любил так легко расставаться со своим начальником и хотя бы спрашивал, не может ли сделать для него еще что-нибудь. А затем он обменивался парой непринужденных слов с Мэри.

Илейн догадалась, что эти двое решили воспользоваться теплым летним вечером, чтобы насладиться общением, заменив слова поцелуями.

Как бы там ни было, Мэри успела приготовить запеканку, и Илейн оставалось только вынуть ее из печи. Илейн собралась позвать Лилиан, но девочка уже показалась в дверях.

Лицо ее сияло, она размахивала письмом от Гвинейры МакКензи, которое Тим неосторожно оставил на столе рядом с креслом.

— Это правда? — радостно воскликнула она. — Бабушка Гвин посылает меня в Англию? Где живут принцессы? И в такой интра… интер… в такую школу, где можно злить учителей, устраивать полуночные вечеринки и все такое?

Тим Ламберт часто рассказывал детям о своей учебе в Англии; его интернатское прошлое, судя по всему, представляло собой целую череду розыгрышей и приключений. И вот теперь Лили не могла дождаться, когда

будет учиться, как папа. Ей не стоялось на месте, от возбуждения она то и дело подпрыгивала.

— Вы меня отпустите, правда? Мамочка! Папочка! Когда мы едем?

— Я вам что, надоела? — Глория переводила обиженный взгляд с одного взрослого на другого, и в ее больших фарфорово-голубых глазах сверкали слезы.

Это было для Гвинейры невыносимо. Обняв малышку, она едва не расплакалась сама.

— Глория, как ты можешь так говорить! Конечно нет! — утешал ее Джеймс МакКензи, отчаянно желая иметь под рукой бокал с виски. Для того чтобы сообщить Глории о решении Куры и Уильяма, Гвинейра выбрала момент после совместного ужина. Без сомнения, ей хотелось заручиться поддержкой своих мужчин. Однако Джеймс чувствовал себя скорее неловко в роли воспитателя ребенка Уорденов. А Джек с самого начала не оставил никаких сомнений насчет того, что он думает по поводу указаний Куры и Уильяма.

— Все люди ходят в школу, — произнес молодой человек, но прозвучало это не очень убедительно. — Я ведь тоже пару лет учился в Крайстчерче.

— Но ты каждые выходные приезжал домой! — всхлипнула Глория. — Пожалуйста, пожалуйста, не отсылайте меня! Я не хочу в Англию! Джек…

В поисках поддержки девочка умоляюще посмотрела на своего многолетнего защитника. Джек поерзал на стуле, надеясь на помощь родителей. Его вины в этом действительно не было. Напротив, Джек недвусмысленно высказался против того, чтобы отсылать Глорию с Киворд-Стейшн.

— Подожди пока, — советовал он матери. — Письмо может потеряться. А если они напишут еще раз, скажи им коротко и ясно, что Глори слишком юна для такого путешествия. Если же Кура будет настаивать, пусть приезжает и забирает ее.

— Но ведь это не так-то просто, — заметила Гвинейра. — У нее обязательства.

— Вот именно, — заявил Джек. — Вряд ли она оставит свою деятельность хотя бы на несколько месяцев, чтобы лишить себя внимания и восторгов обожающей ее публики. А если все же будет настаивать на том, чтобы засунуть Глорию в эту школу, то ей потребуется время. По меньшей мере год. Сначала переписка, потом путешествие… У Глории будет еще два года. Когда придет время ехать в Англию, ей исполнится почти пятнадцать.

Гвинейра всерьез размышляла над предложением сына. Но это решение давалось ей не так легко, как ему. Джек совершенно не испытывал страха в отношении Куры-маро-тини. Но Гвин знала, что существуют средства давления, которые можно задействовать, даже находясь по ту сторону океана. Хоть Глория и была наследницей, но пока что Киворд-Стейшн принадлежала Куре Мартин. Если Гвинейра попытается воспротивиться ее желаниям, достаточно будет одной подписи на договоре купли-продажи, и тогда не только Глории, но и всей семье МакКензи придется покинуть ферму.

— Нет, Кура не умеет просчитывать ходы настолько далеко! — заявил Джек, однако Джеймс МакКензи вполне понимал тревогу жены. Возможно, Кура уже совершенно забыла о том, что ей принадлежит ферма, но от Уильяма Мартина можно было ожидать каких угодно действий. Вот только Джеймса нельзя так просто шантажировать, равно как и его сына. Для него Киворд-Стейшн никогда много не значила. Для Гвинейры же в ней заключалась вся ее жизнь.

— Ты же вернешься сюда, — объясняла она расстроенной правнучке. — Время пролетит очень быстро, и скоро ты снова будешь здесь…

— На каникулах? — с надеждой спросила Глория.

Гвинейра покачала головой. Ей не хватало духу лгать девочке.

— Нет. Каникулы слишком короткие — даже если путешествие длится всего шесть недель, за три месяца каникул ты сможешь приехать сюда, только чтобы успеть поздороваться. А на следующее утро нужно будет ехать обратно.

Глория всхлипнула.

— А можно взять хотя бы Нимуэ? И Принцессу?

Гвинейре показалось, что время обратилось вспять. Она тоже хотела знать, можно ли ей взять с собой собаку и лошадь, когда отец сказал, что выдает ее замуж в Новую Зеландию. Впрочем, юная Гвин не плакала. И ее будущий свекор, Джеральд Уорден, быстро умел ее успокаивать.

Конечно же, Клео, ее собака, и Игрень, кобылка, могли поехать с ней в другую страну. Но Глория отправлялась не на овечью ферму, а в школу для девочек.

Сердце у Гвинейры разрывалось, но она снова покачала головой.

— Нет, милая. Собак там держать не разрешают. А лошади… не знаю, но во многих тамошних школах есть лошади. Не так ли, Джеймс? — Она посмотрела на мужа в поисках поддержки, словно погонщик скота мог быть экспертом по вопросам обучения девочки в английском интернате.

Джеймс покачал головой.

— Мисс Бличем? — переадресовал он вопрос.

Сара Бличем, домашняя учительница Глории, до сих пор сдержанно молчала. Эта девушка неброской внешности всегда закалывала свои густые темные волосы наверх, как матрона, и вечно опускала красивые светло-зеленые глаза. Мисс Бличем оживлялась лишь тогда, когда перед ней появлялись дети. Она была одаренной учительницей, и не только Глория, но и дети маори в Киворд-Стейшн будут тосковать по ней.

— Думаю, да, мистер Джеймс, — коротко произнесла она. Семья Сары Бличем уехала в Новую Зеландию, когда девочка была еще совсем маленькой. Так что она не могла поделиться знаниями, основанными на собственном опыте. — Но везде по-разному. И «Оукс Гарден» ориентирован скорее на творчество. Мой кузен пишет, что тамошние девочки мало занимаются спортом… — На последней фразе мисс Бличем запнулась и залилась краской.

— Ваш кузен? — сразу же оживился Джеймс. — Мы что-то пропустили?

Румянец на лице мисс Бличем сменился бледностью, похоже, она совсем растерялась.

— Я… э… мой кузен Кристофер недавно вступил в должность приходского священника под Кембриджем. «Оукс Гарден» относится к его епархии.

— А он милый? — спросила Глория. Она готова была схватиться за любую соломинку. Если там хотя бы будет родственник мисс Бличем…

— Он очень милый! — заверила ее мисс Бличем.

Джеймс и Джек зачарованно наблюдали за тем, как учительница снова заливается краской.

— Но ты все равно не будешь совсем одна, — решила разыграть свой козырь Гвинейра. Вчера Тим и Илейн Ламберт сообщили ей, что Лилиан готова ехать в Англию. — С тобой поедет твоя кузина Лили. Она ведь тебе нравится, правда, Глори? Вы наверняка славно повеселитесь вместе!

Несколько утешившись, Глория кивнула, хотя ей слабо верилось в веселье.

— Кстати, а как вы себе представляете путешествие? — вдруг поинтересовался Джек. Он знал, что не стоит столь критично высказываться при Глории, но ему все это казалось неправильным, и он не мог удержаться. — Две маленькие девочки одни на корабле? С табличкой на шее: «Передать в “Оукс Гарден”, Кембридж»?

Гвинейра сердито сверкнула глазами, бросив недовольный взгляд на

сына, хотя прекрасно понимала, что он прав. Она действительно еще совершенно не думала о путешествии.

— Конечно нет. Кура и Уильям наверняка их встретят…

— Ах, вот как? — переспросил Джек. — Согласно расписанию их турне, в марте они будут в Санкт-Петербурге. — Он помахал проспектом, лежавшим на каминной полке. Кура и Уильям всегда извещали семью о расписании своих гастролей, и Гвинейра старательно вешала карту с турне Куры на стену в комнате Глории.

— Они… — Гвинейра осеклась. Она готова была ругать себя последними словами. Нельзя обсуждать все это при Глории. — Нам придется найти кого-то, кто будет сопровождать девочек.

Казалось, мисс Бличем изо всех сил подавляла внутреннюю борьбу.

— Если я… э… я… не хочу показаться навязчивой, но если… я хочу сказать, что могла бы… — Лицо учительницы пошло пятнами.

— Времена меняются, — заметил Джеймс. — Пятьдесят лет назад, выходя замуж, ехали в другую сторону.

Мисс Бличем едва не упала в обморок.

— Как… откуда…

Джеймс ободряюще улыбнулся.

— Мисс Бличем, я старик, но не слепой. Если хотите удержать что-то в тайне, вам следует отучиться краснеть при упоминании преподобного из Кембриджа.

На сей раз мисс Бличем побледнела.

— Пожалуйста, не думайте, что…

Гвинейра удивленно подняла голову.

— Я все правильно понимаю? Вы хотели бы сопровождать девочек в Англию, мисс Бличем? Вы знаете, что проведете в пути как минимум три месяца?

Мисс Бличем не знала, куда девать глаза, и Джеку вдруг стало жаль ее.

— Мама, мисс Бличем весьма деликатным способом пытается сообщить нам, что подумывает занять вакантное место жены приходского священника под Кембриджем, — усмехнувшись, произнес он. — Если подтвердится взаимная симпатия, которую, как ей кажется после длительной переписки со своим живущим в окрестностях Кембриджа кузеном Кристофером, испытывают обе стороны. Я верно выразился, мисс Бличем?

Девушка, облегченно вздохнув, кивнула.

— Вы собираетесь замуж, мисс Бличем? — спросила Глория.

— Вы что же, влюблены? — поинтересовалась Лилиан.

За неделю до отъезда в Англию Илейн с дочерью приехали в Киворд-Стейшн, и снова прошло два дня, прежде чем Глория преодолела собственную робость по отношению к родственникам. Тем временем Илейн утешала Гвинейру. Именно с учетом робости Глории в общении с одногодками она считала не самой плохой идеей отдать девочку на обучение на пару лет в интернат.

— Куре это тоже не повредило бы! — заметила она. Отношения Илейн с кузиной перестали быть напряженными как раз незадолго до ее отъезда в Европу. — Нет, не так, Куре это было бы в большей степени необходимо. Но, в принципе, проблема та же: воспитание принцесс, с домашними учителями и частными уроками, не идет на пользу детям. Куре заморочили голову, а Глория совсем одичала. Вполне может быть, что ей нравится среди этих погонщиков скота, лошадей и овец. Но она девочка, бабушка Гвин. И хотя бы в интересах продолжения рода наследников Киворд-Стейшн настало время, чтобы Глория осознала это.

Впрочем, до сих пор никакого особого вреда для Глории от общения с окружающими ее людьми не было. Проведя два дня с оживленной Лилиан, Глория оттаяла, и девочки отлично поладили. Они целыми днями бродили по ферме, бегали наперегонки, а вечером лежали в кровати Глории, обмениваясь тайнами, которые Лилиан выбалтывала на следующий же день.

Мисс Бличем снова не знала, куда девать глаза и насколько быстро ей следует покраснеть или побледнеть, когда девочки заговаривали о ее влюбленности.

Зато Лилиан совершенно не испытывала неловкости.

— Это так волнующе — поехать за океан, потому что любишь мужчину, которого никогда в жизни не видела, — болтала она. — Как в «Джоне Райли»! Вы знаете эту песню, мисс Бличем? Джон Райли уезжает за море на семь лет, а его любимая ждет его. Она так любит его, что готова погибнуть, если погибнет он… А когда он возвращается, она не узнает его. У вас есть фотография вашего любим… э… вашего кузена, мисс Бличем?

— Дочь барной пианистки! — решила поддразнить свою шокированную внучку Гвинейра, и теперь пришло время покраснеть Илейн. — Ведь эти песни она у тебя переняла!

До своего замужества с Тимом Илейн несколько лет играла на фортепьяно в «Лаки Хорс», заведении, сочетавшем в себе отель и паб. Она была гораздо более музыкальна, чем ее дочь, но Лилиан питала слабость к историям, рассказанным в балладах и народных песнях, которыми тогда

развлекала горняков Илейн. Она любила приукрашивать их и рассказывать другим.

Илейн, решив, что пора остановить дочь, воскликнула:

— Лили, подобные вопросы недопустимы! Это слишком личные вопросы, отвечать на которые мисс Бличем не обязана. Извините, мисс Бличем.

Молодая гувернантка улыбнулась, хоть и несколько вымученно.

— Но ведь Лилиан права, на самом деле никакой тайны нет. Мы с кузеном Кристофером переписываемся с самого детства. За последние годы мы… э-э-э… несколько сблизились. У меня есть его фотография, Лилиан. Я покажу ее тебе на корабле.

— И тогда мы втроем узнаем его! — утешилась Глория.

Во время уроков мисс Бличем надевала очки с толстыми стеклами, которые, однако, стыдливо снимала при других. Так что с учетом этого Глория вполне осознавала вероятность того, что учительница пройдет мимо мужчины своей мечты, потому что не увидит его.

Про себя Гвинейра возблагодарила небо за педагогический талант мисс Бличем. Если Глория что-то просила в последнее время, гувернантка утешала ее перспективами путешествия в Англию. Она обещала, что расскажет на корабле ту или иную историю, прочтет ту или иную книгу, и вот теперь дело дошло даже до фотографии ее возлюбленного. Все это привело к тому, что теперь Глория с нетерпением ждала путешествия. Что же касается Лилиан, то на протяжении последних недель девочка мечтала о море, об играющих на волнах дельфинах, которых, конечно же, можно будет увидеть во время их вояжа. Впрочем, она говорила также о пиратах и кораблекрушениях — судя по всему, в некоторой доле опасности во время путешествия для Лилиан была своя прелесть.

Гвинейра же со своей стороны не желала ничего более, кроме как счастливого воссоединения Сары Бличем и Кристофера. Если молодая женщина действительно выйдет замуж за священника прихода, к которому относится школа Глории, рядом с девочкой всегда будет близкий человек. Возможно, все сложится не настолько плохо, как ей думалось поначалу.

Гвинейра заставила себя улыбнуться, когда девочки наконец сели в карету, в которой Джек должен был отвезти их на корабль. Илейн тоже поехала с ними, чтобы потом сесть в Крайстчерче на поезд, который отвезет ее в Греймут.

— Мы поедем через Брайдл-Пас! — восхищенно воскликнула Лилиан и тут же принялась вспоминать страшные истории про знаменитый перевал

между Крайстчерчем и гаванью в Литтелтоне. Толпы переселенцев, неимоверно уставшие после бесконечного путешествия, брели через этот перевал, потому что не могли позволить себе проехать там на мулах, ибо были слишком бедны. Сама Гвинейра рассказывала о восхитительном виде, который открывался в конце подъема: залитая солнечным светом Кентерберийская равнина, а за ней — головокружительная панорама Альп. Глаза пожилой женщины по-прежнему сияли, когда она говорила об этом. Она призналась, что именно в этот миг влюбилась в страну, которая должна была стать ее новой родиной.

Однако путь вел девочек в другую сторону. И Гвинейра, как и ее подруга Хелен, сравнила негостеприимный унылый горный пейзаж, который открылся их взглядам поначалу, с «адскими холмами».

3

Джеку МакКензи ничего еще в жизни не давалось так трудно, как поездка с Глорией и Лилиан в Крайстчерч, а потом через Брайдл-Пас. При этом дороги давно уже были хорошими, а его упряжка сильных кобыл-кобов быстро продвигалась вперед. Джеку казалось, что даже слишком быстро. Он многое готов был отдать за то, чтобы уметь останавливать время.

Он по-прежнему считал огромной ошибкой приносить Глорию в жертву родительским прихотям. При этом можно было сколько угодно повторять себе, что это не конец света. Глория походит в школу в Англии, а потом вернется. Со многими детьми из богатых новозеландских семей происходило то же самое, и у большинства не было плохих воспоминаний о времени, проведенном в школе.

Но Глория была другой; Джек инстинктивно чувствовал это. Все в нем восставало против того, чтобы отдавать девочку на попечение Куре-маро-тини. Он слишком хорошо помнил беспокойные ночи, когда забирал кричащую малышку из колыбельки, в то время как ее мать безмятежно спала рядом. Что до отца Глории, то он уделил дочери внимание лишь однажды — когда выбирал ей имя. «Глория» должна была символизировать его «триумф в новой стране», что бы он под этим ни подразумевал. Еще тогда имя показалось Джеку слишком большим для крохотной девочки. Но ребенка он полюбил с первого мгновения. И теперь ему казалось предательством отправлять Глорию одну в Англию. На остров, который ей придется делить с Курой-маро-тини. Джек вздохнул с облегчением, когда между его сводной племянницей и семьей МакКензи пролег океан.

Тем не менее настроение у Глории заметно улучшилось. Она даже сумела сдержать слезы, когда в последний раз обняла бабушку Гвин. Однако, прощаясь с любимыми животными, девочка все-таки расплакалась.

— Кто знает, смогу ли я ездить верхом на Принцессе, когда вернусь, — всхлипнула она. И никто из взрослых не знал, как ее утешить. К моменту окончания школы в Англии Глории будет не меньше восемнадцати; все зависело от того, в какой класс ее определят. И пони наверняка будет для нее уже слишком мал.

— Мы устроим так, что ее покроет жеребец-коб, — наконец произнес Джек. — И когда ты вернешься, тебя будет ждать ее жеребенок. Ему будет примерно четыре года, так что ты сможешь ездить на нем.

При мысли об этом лицо Глории озарилось улыбкой.

— Это не так уж долго, правда? — спросила она.

Джек с готовностью кивнул.

— Конечно, это совсем не долго.

По пути в Крайстчерч Глория снова хихикала с Лилиан, пока Илейн, уже испытывающая боль расставания, и мисс Бличем, которая пугалась собственного мужества, вели напряженную беседу. А Джек на протяжении всего пути мысленно проклинал Куру-маро-тини.

Путешественники остановились на ночь в отеле в Крайстчерче, а затем до рассвета переправились через Брайдл-Пас. Корабль должен был отчалить рано утром, и Глория с Лилиан еще дремали, когда Джек провел упряжку через горы. Илейн крепко обнимала дочь. Глория забралась на козлы и прижалась к Джеку.

— Если будет… если будет совсем плохо, ты за мной приедешь? — сонно прошептала она, когда Джек наконец поднял ее и поставил на землю между чемоданами и ящиками.

— Совсем плохо не будет, Глори! — утешил он ее. — Думай о Принцессе. Она тоже из Англии. Там есть овцы и пони, как и здесь…

Джек поймал на себе взгляд мисс Бличем, которая, судя по всему, с трудом сдерживала себя, чтобы не поправить его. Благодаря своему усердию и чувству ответственности, она успела навести точные справки, поэтому наверняка знала, что в «Оукс Гарден» не было ни овец, ни лошадей. Но Сара Бличем тоже любила Глорию и поэтому, не желая расстраивать девочку, благоразумно промолчала.

Наконец Джек и Илейн остались на набережной одни. Когда огромный пароход выходил из бухты, они махали ему вслед.

— Надеюсь, мы поступили правильно, — вздохнула Илейн, глаза которой были наполнены грустью. — Признаться, мы с Тимом совсем не уверены в этом, но Лили так хотела поехать…

Джек не ответил. Он и без того с трудом сдерживал слезы. К счастью, пришлось поторапливаться. Поезд Илейн, на котором та должна была ехать в Греймут, отправлялся около полудня, и Джеку пришлось погонять лошадей, чтобы успеть вовремя.

В результате полного драматизма прощания не получилось. Илейн лишь поцеловала Джека в щеку.

— Не печалься, — посоветовала она ему. — Когда я приеду в следующий раз, обязательно привезу мальчишек. Покажешь им, как нужно тренировать собак!

С тех пор как проложили железную дорогу между Восточным и

Западным побережьем, расстояния сократились. Илейн могла приехать через пару месяцев, даже бабушка Гвин и Джеймс уже ездили на Западное побережье по железной дороге.

Наконец Джек ушел с вокзала и направил свою повозку в сторону Эйвона. У Джорджа Гринвуда и его жены Элизабет неподалеку от реки был дом — если быть точным, Элизабет унаследовала небольшой городской дом от своей приемной матери. Джордж часто шутил, что только поэтому он на ней и женился. Когда он решил поселиться в Крайстчерче, в разрастающемся городе жилья почти не было. Но с тех пор строительство шло полным ходом, и дом Гринвудов оказался почти в самом центре. Теперь Джек решил навестить Джорджа, чтобы обсудить с ним кое-какие вопросы по поводу торговли шерстью. Кроме того, Элизабет приглашала его переночевать у них. Молодой человек с неохотой согласился. Вообще-то, у него не было настроения вести беседы. Он предпочел бы вернуться в Киворд-Стейшн, чтобы предаться мрачным размышлениям.

Элизабет Гринвуд, слегка полноватая женщина с правильными чертами и приветливыми голубыми глазами, сразу же, как только открыла дверь, заметила несчастное выражение, застывшее на лице Джека. Другая дама ее сословия предоставила бы встретить гостя служанке, но Элизабет была родом из простой семьи и осталась скромной женщиной.

— Мы немного развеселим тебя! — пообещала она, обнимая и пытаясь утешить Джека. Элизабет Гринвуд и Гвинейра МакКензи прибыли из Англии в Новую Зеландию на одном корабле. Элизабет прекрасно знала историю Киворд-Стейшн, и Джек был для нее как родной.

— Боже мой, мальчик, у тебя такой вид, словно ты отправил маленькую Глорию на эшафот! — Элизабет заботливо помогла Джеку снять плащ. На улице моросил дождь — погода была под стать его настроению. — А ведь девочки будут счастливы в Англии. Наша Шарлотта и возвращаться не хотела! Она предпочла бы остаться там еще на пару лет. — Элизабет улыбнулась и открыла перед Джеком дверь в крохотную гостиную.

— Ну, мама, это же неправда!

Должно быть, девушка, которая сидела в комнате и читала книгу, услышала ее последние слова. И теперь, подняв голову, с упреком глядела на Элизабет.

— Я всегда тосковала по Кентербери… Иногда мне снилась панорама равнины, до самых Альп. Нигде нет такого чистого воздуха, как здесь… — сказала Шарлотта.

Какой мягкий, какой певучий голос! Наверное, так звучал бы голос

Элизабет, если бы она не держала себя в ежовых рукавицах. В детстве Элизабет Гринвуд немного шепелявила, да к тому же еще происходила из беднейшего квартала Лондона. Она всю жизнь работала над тем, чтобы перестать разговаривать на диалекте.

Джек уже слышал, что Шарлотта, младшая дочь Гринвудов, возвращается в Крайстчерч после учебы в Англии. Она прибыла на том самом судне, которое только что увезло Глорию.

Когда девушка поднялась, чтобы поприветствовать молодого человека, он неожиданно для себя забыл о жгучей боли разлуки.

— Хотя в Англии мне очень нравилось…

Мягкий голос, похожий на дуновение ветерка, которое заставляет звенеть колокольчики…

Шарлотта по-прежнему обращалась к матери, и Джек был этому почти рад. Ведь ему пришлось взять себя в руки, чтобы не таращиться на девушку самым бесстыдным образом. Если бы сейчас она вдруг заговорила с ним, то он, вероятнее всего, не сумел бы толком ответить ей.

Шарлотта Гринвуд была самой красивой девушкой из всех, кого ему доводилось встречать. Она была не низенькой, как большинство родственниц Джека, но хрупкой, а кожа — молочно-белой и прозрачной, как благородный фарфор. Светло-русые волосы, такие же, как у ее матери и сестры Дженни, имели все-таки несколько иной оттенок, напомнивший Джеку о темном меде. Шарлотта собрала волосы в конский хвост, но они все равно были длинными и спадали на плечи тяжелыми локонами. Но самыми волнительными были большие темно-карие глаза. Девушка показалась Джеку похожей на фею — или на то очаровательное существо из песни «Аннабель Ли», которую так тщательно и фальшиво пела маленькая Лили.

— Разрешите представить: моя дочь Шарлотта. — Голос Элизабет Гринвуд вывел Джека, который молчал, затаив дыхание, из состояния задумчивости.

Шарлотта протянула ему руку. Джек невольно отреагировал жестом, которому он хоть и учился на уроках этикета, но никогда не пользовался при встрече с женщинами Кентерберийской равнины: он поцеловал девушке руку.

Шарлотта улыбнулась.

— Я вас помню, Джек, — приветливо произнесла она. — Вы были на концерте, который давала здесь ваша… кузина?.. Прежде чем я уехала в Англию. Знаете, я ехала с ней на одном судне.

Джек кивнул. Он весьма смутно помнил прощальный концерт Куры-

маро-тини в Крайстчерче. Он тогда вообще не слушал программу, стараясь не спускать глаз с Глории.

— Вы заботились о маленькой девочке, и я немного ревновала.

Джек недоверчиво уставился на Шарлотту. Ему тогда не было и восемнадцати, а ей…

— Я тоже предпочла бы играть с деревянной лошадкой, а потом строила бы с детьми маори игрушечную деревню, вместо того чтобы смирно сидеть и слушать пение, хотя я уже была достаточно взрослой, — призналась девушка. У нее был приятный мелодичный голос.

Джек улыбнулся.

— Значит, вы не принадлежите к числу поклонников моей… Строго говоря, она моя сводная внучатая племянница…

Шарлотта потупила взгляд. У нее были длинные ресницы цвета меда. Джек был потрясен.

— Возможно, я все же была недостаточно взрослой, — извинилась она. — Впрочем…

Девушка снова подняла глаза и, похоже, решила перейти от вежливой беседы к серьезной дискуссии на тему сценического представления, при этом говорила она откровенно.

— Впрочем, обращение миссис Мартин с творчеством ее народа — не совсем то, что я понимаю под сохранением культурного наследия. В принципе, в «Шепоте духов» есть лишь отдельные элементы этой культуры, которые интерпретатор воспринимает только как побочные, чтобы… чтобы приумножить собственную славу. В то время как музыка маори, насколько я ее понимаю, имеет скорее коммуникативный аспект…

Хотя Джек не понял ничего из того, о чем говорила Шарлотта, он готов был слушать ее часами. Элизабет Гринвуд подняла глаза к потолку.

— Прекрати, Шарлотта, ты опять начинаешь читать лекции, в то время как твои слушатели умирают с голоду. Признаться, дорогой Джек, мы уже привыкли. Шарлотта пробыла в Англии дольше, чтобы учиться в колледже. Ее увлекли история и литература…

— Колониальная история и сравнительная литература, мам, — мягко поправила ее Шарлотта. — Мне жаль, если вы заскучали, мистер МакКензи…

— Прошу вас, называйте меня Джеком, — с трудом произнес он. Ему по-прежнему хотелось молча восхищаться этой девушкой. — Раз уж мы оба принадлежим к той паре-тройке людей на планете, которые не поклоняются Куре-маро-тини. Это очень закрытый клуб, мисс Гринвуд…

— Шарлотта, — с улыбкой ответила девушка. — Однако я вовсе не

хотела приуменьшить заслуги вашей… сводной племянницы. В Англии я еще раз имела удовольствие послушать ее, и сомнений нет, она очень одаренная певица. Насколько имею право судить, ибо я не очень музыкальна. Впрочем, мне не нравится, что она вырывает мифы из контекста и опускает историю собственного народа до уровня… что ж, скажем прямо, банальной любовной лирики.

— Шарлотта, предложи нашему гостю выпить перед ужином. Джордж тоже скоро должен приехать, Джек. Он ведь знает, что ты у нас в гостях. И, возможно, наша Шарлотта наконец-то начнет вести более понятную беседу. Милая, если ты будешь говорить так путано, то никогда не найдешь себе мужа!

Шарлотта наморщила гладкий белый лоб, словно собираясь ответить что-то грубое, но промолчала и охотно повела Джека в примыкавший к гостиной салон. Однако он отказался от предложенного виски.

— Только после захода солнца, — заявил он.

Шарлотта улыбнулась.

— Но, судя по вашему виду, вам необходимо подкрепиться. Может быть, хотите чаю?

Когда спустя полчаса прибыл Джордж Гринвуд, он обнаружил свою дочь и Джека МакКензи за оживленной беседой. По крайней мере так казалось на первый взгляд. В действительности же Джек лишь помешивал чай и слушал Шарлотту, которая с увлечением рассказывала о детстве, проведенном в интернате. В ее устах все звучало безобидно, а певучий голос постепенно успокоил Джека, избавив его от тревоги за Глорию. Что ж, если английские интернаты действительно выпускают таких ангелоподобных существ, как Шарлотта, то с малышками ничего плохого не случится. Впрочем, Шарлотта ходила в такую школу, где уделяли внимание не только духовному, но и физическому развитию учениц. Шарлотта рассказывала о верховой езде и игре в хоккей, о крокете и беге наперегонки.

— А как же развитие «художественно-творческой стороны»? — поинтересовался Джек.

Шарлотта снова наморщила лоб, что выглядело очень мило. Джек готов был часами наблюдать за тем, как собирается кожа у нее над бровями.

— Мы немного рисовали, — произнесла она после паузы. — А у тех, кто хотел заниматься музыкой, была возможность играть на фортепьяно и скрипке. Кроме того, у нас был хор. Но мне не разрешали петь. Я совершенно не музыкальна.

В последнее Джек не поверил; для него каждое слово Шарлотты

звучало как песня. Но, в конце концов, музыкальность не самая сильная его сторона.

— Тогда будем надеяться, что с малышкой Глорией не поступят так же, — вставил Джордж Гринвуд. Высокий, все еще стройный, однако уже полностью седой мужчина подставил еще одно кресло к чайному столику у камина и уселся в него. Шарлотта грациозным движением налила ему чаю. — И я не думаю, что девочкам в «Оукс Гарден» удастся увильнуть от уроков музыки, — добавил он. — У Мартинов совершенно иные приоритеты в образовании, нежели у нас.

Джек озадаченно смотрел на Джорджа. Шарлотта говорила о факультативных предметах, но, судя по словам Гринвуда, английских школьниц насильно тащили к фортепьяно.

— Но ведь эти интернаты разные, Джек, — продолжал Джордж, поблагодарив дочь. — Родители могут выбирать между различными концепциями обучения. Некоторые школы, к примеру, очень ценят традиционное женское воспитание. Там девочки изучают только домоводство, литературу и искусство, причем в таком объеме, чтобы этого хватило на то, чтобы потом ходить с мужем по вернисажам и вести оживленную беседу за чашкой чая, обсуждая новинки книжного рынка, и при этом не бросаться в глаза. Другие, к примеру, тот интернат, где училась Шарлотта, а до того — Дженни, дают лучшее общее образование. Отчасти они считаются реформаторскими школами, а потому вокруг них ведутся оживленные дискуссии на тему, нужно ли девочкам учить латынь или же стоит заниматься физикой и химией. В любом случае выпускницам необязательно выходить замуж сразу же после выпуска, они могут пойти в колледж или университет, если туда допускают девушек. Вот как наша Шарлотта.

Он подмигнул дочери.

— Что ж, некоторые посвящают себя изящным искусствам, что бы это ни означало…

Сначала Джек слушал очень внимательно, но когда было произнесено слово «замужество», он забыл о Глории и с тревогой поглядел на Шарлотту. Спрашивать нельзя; во всяком случае в данный момент этот вопрос прозвучит совершенно неподобающе. Но Джек ничего не мог с собой поделать:

— А теперь, когда вы вернулись, мисс… Шарлотта… у вас… уже есть определенные намерения, я хочу сказать, что касается… э…

Джордж Гринвуд нахмурился. В принципе, он привык, что Джек МакКензи выражается полноценными фразами.

Шарлотта мягко улыбнулась. Похоже, она поняла.

— Вы имеете в виду, помолвлена ли я? — переспросила девушка и заморгала.

Джек покраснел. Внезапно он понял чувства Сары Бличем.

— Я никогда не осмелился бы задать такой вопрос…

Шарлотта рассмеялась. Не стыдливо, а весело и непринужденно.

— Но в этом нет ничего такого! Ведь в газетах уже давно написали бы, если бы отец за волосы притащил меня из Англии, чтобы выдать за какого-нибудь провинциального джентльмена…

— Шарлотта! — с упреком в голосе произнес Джордж. — Как будто я хотя бы раз…

Шарлотта встала и дерзко поцеловала его в щеку.

— Не волнуйся, пап. Конечно, ты никогда не стал бы меня принуждать. Но признайся, ты был бы совсем не против! А уж мама и подавно!

Джордж Гринвуд вздохнул.

— Конечно, мы с твоей мамой были бы только рады, если бы ты нашла себе подходящего мужа, Шарлотта, вместо того чтобы превращаться в синий чулок. Изучение культуры маори! Кому от этого прок?

Джек насторожился.

— Вы интересуетесь маори, Шарлотта? — восхищенно переспросил он. — Неужели вы знаете их язык?

Джордж драматически возвел очи к небу. Без сомнения, именно он передал Шарлотте свои карие глаза, хотя у нее они были чисто-карие, в то время как в его сверкали зеленые вкрапления.

— Конечно нет. Потому я и говорю, что этот план ничего не стоит. С латынью и французским ты далеко не уедешь, Шарлотта…

Пока Джордж возмущался, Элизабет позвала к столу.

Шарлотта поднялась сразу же. Судя по всему, она не в первый раз слышала упреки отца и ей не хватало аргументов, чтобы справиться с ним.

За столом разговором руководила Элизабет Гринвуд. Еда, как всегда, была вкусной, и Джек с удовольствием ел все, что ему предлагали. Они касались различных тем, но по большей части говорили об обществе в Крайстчерче и его окрестностях. Джек слушал вполуха, а сам тем временем строил собственные планы. Он стал внимательнее только тогда, когда примерно к концу ужина речь снова зашла о намерениях Шарлотты. Девушка собиралась попросить Рети, управляющего Джорджа, который отвечал за торговлю шерстью, учить ее языку своего народа. Джордж решительно возразил.

— У Рети другие дела найдутся! — заявил он. — Кроме того, язык сложный. Вам потребуются годы, чтобы вы выучили его настолько, чтобы понимать истории людей и записывать их на бумагу…

— Ах, не такой уж он и сложный, — вставил слово Джек. — Я, к примеру, бегло говорю по-маорийски.

Джордж закатил глаза.

— Да ты, можно считать, вырос в их деревне, Джек.

— А наши маори в Киворд-Стейшн так же бегло говорят по-английски! — ликуя, продолжал Джек. — Если вы на время приедете к нам, Шарлотта, мы могли бы кое-что устроить. Моя так называемая сводная невестка Марама — *тохунга*. На самом деле она певица, но наиболее важные предания маори, разумеется, должна знать. А Ронго Ронго, повитуха и колдунья племени, тоже говорит по-английски.

Лицо Шарлотты просветлело.

— Вот видишь, папочка? Все получится! А ведь Киворд-Стейшн — крупная ферма, правда? Разве она не принадлежит этой… этой местной живой легенде, мисс… э…

— Мисс Гвин, — недовольно произнес Джордж. — Однако, наверное, за свою жизнь она достаточно намучилась в собственных четырех стенах с избалованными девочками, интересующимися культурой.

— Нет, нет, — заверил его Джек. — Моя мать… — Он умолк.

Назвать Гвинейру покровительницей изящных искусств было бы преувеличением. Но, конечно же, Киворд-Стейшн, как и большинство ферм на равнине, была гостеприимным домом. И Джек даже подумать не мог, чтобы Гвинейра не пришла в восхищение от этой девушки…

Но тут вмешалась Элизабет:

— Джордж! Что ты несешь? Конечно же, мисс Гвин поддержит Шарлотту в исследованиях! Она всегда интересовалась культурой маори!

Честно говоря, Джек слышал об этом впервые. Гвинейра, разумеется, умела находить общий язык с маори. Многие их обычаи и взгляды нравились ее практичной натуре. К тому же она никогда не была склонна к предрассудкам. Однако в первую очередь мать Джека интересовалась животноводством и тренировкой собак.

Элизабет улыбнулась Джеку.

— Не стоит считать МакКензи мещанами в области искусства, — снова обратилась она к мужу. — Как бы там ни было, мисс Гвин приезжает в Крайстчерч на все театральные представления и всегда участвует в культурных мероприятиях, которые проводятся в городе… Я бы сказала, что мисс Гвин — столп нашего общества, Шарлотта!

— А разве Дженни не работала год на ферме? — спросила у матери Шарлотта.

Джек старательно закивал. Об этом он и не подумал. Ведь старшая дочь Гринвудов, Дженнифер, провела целый год в Киворд-Стейшн, когда обучала детей в деревне маори. По крайней мере повод был именно таков…

— Вряд ли здесь можно говорить о «работе»! — проворчал Джордж Гринвуд.

Он мог посылать дочерей в реформаторские школы, позволять им поучиться пару лет в колледже. Но серьезная работа находилась за гранью его представлений о жизни.

— Да, конечно! — пела тем временем Элизабет. — Твоя сестра познакомилась там со своим мужем, Шарлотта!

Элизабет бросала на Джорджа многозначительные взгляды. Когда тот пожал плечами, она показала глазами сначала на Джека, потом на Шарлотту.

На самом деле Дженнифер Гринвуд познакомилась со своим мужем Стивеном на свадьбе Куры-маро-тини. Стив, старший брат Илейн, после окончания обучения на юриста одно лето помогал в Киворд-Стейшн, что послужило хорошим поводом для Дженни тоже пробраться туда. Сейчас Стивен работал адвокатом на предприятии Гринвуда.

Похоже, до Джорджа наконец-то дошло.

— Конечно же, ничто не препятствует Шарлотте погостить в Киворд-Стейшн, — заметил он. — Я возьму тебя с собой, Шарлотта, когда в следующий раз поеду на равнину.

Шарлотта просияла и перевела взгляд на Джека.

— Я так рада, Джек!

Джеку показалось, что он тонет в ее глазах.

— Я… я буду считать дни…

4

А Лилиан Ламберт считала дни путешествия. После первых волнительных дней на море она довольно скоро заскучала. Конечно, когда дельфины плыли за судном, это было волнующе, иногда можно было увидеть огромных барракуд или даже китов. Но на самом деле Лилиан гораздо больше интересовали люди, и в этом отношении выбор на «Норфолке» был не особенно богат. Пассажиров на судне оказалось всего

двадцать, в основном это были пожилые люди, решившие съездить на родину, и еще парочка коммивояжеров. Последние детьми не интересовались; первые же хоть и считали Лилиан миленькой, но поговорить с ними было практически не о чем.

Рассказы бабушки Хелен и бабушки Гвин об их путешествии в Новую Зеландию обещали волнительную атмосферу — с одной стороны, она складывалась из неумолимых приступов тоски по дому, с другой — из опасливого предвкушения того, что может ожидать пассажиров на другом конце мира. Ничего подобного на «Норфолке» не ощущалось. И конечно же, здесь не было нижней палубы, заполненной бедными переселенцами. Вместо этого на «Норфолке» имелась система охлаждения, благодаря которой судно перевозило в Англию замороженные половины туш крупного рогатого скота. Все немногочисленные пассажиры ехали первым классом. Еда была вкусной, каюты уютными, но непоседливая Лилиан чувствовала себя так, словно оказалась взаперти. Ей хотелось, чтобы путешествие поскорее завершилось и они наконец-то прибыли в Лондон. Мисс Бличем со своими воспитанницами намеревалась провести несколько дней в столице, где, кроме всего прочего, с них должны были снять мерки для пошива школьной формы и остального гардероба.

— Если я одену девочек здесь, в Крайстчерче, то к моменту прибытия в Лондон все вещи успеют выйти из моды, — практично заметила Гвинейра. Сама она не придавала особого значения одежде и моде, но помнила, что в высших кругах английского общества к подобным вещам относятся серьезно. Глория и Лилиан не должны произвести впечатления провинциалок. Особенно Глория — чувствительная девочка могла очень плохо перенести насмешки своих одноклассниц.

В отличие от Лилиан, Глория наслаждалась путешествием — насколько ей вообще был интересен мир за пределами Киворд-Стейшн. Ей нравилось море, она могла часами сидеть на палубе и с удовольствием наблюдать за играющими дельфинами. И ей было только на руку, что другие пассажиры оставляли ее при этом в покое. Мисс Бличем и Лилиан в качестве круга общения ей было вполне достаточно. Она взволнованно вслушивалась в то, что читала ей учительница из взятых с собой книг о китах и морских рыбах, пыталась понять, как работает двигатель парохода. Неиссякаемый интерес Глории к морю и путешествию позволил ей сблизиться с членами команды. Матросы заговаривали с тихой девочкой, пытались растормошить ее, учили вязать морские узлы и разрешали выполнять несложную работу на палубе. В такие моменты Глория

чувствовала себя практически как дома, среди погонщиков скота на равнине Киворд-Стейшн. Под конец капитан даже взял ее с собой на мостик, где ей было позволено пару секунд подержать штурвал огромного судна. Навигация интересовала Глорию так же, как и жизнь морских животных. Зато художественные представления, ради которых пассажиры собирались вечером, или музыка, доносившаяся из граммофонов для их развлечения, оставляли ее совершенно равнодушной.

Сара Бличем с тревогой наблюдала за всем этим. Ее кузен, который, кстати, выразил свое восхищение по поводу того, что Сара сопровождает девочек в Кембридж, прислал ей проспект «Оукс Гарден». Расписание занятий подтвердило ее худшие предположения. Предметы, касавшиеся естественных наук, практически не были представлены. Вместо этого девочкам предлагалось музицировать, играть в театре, рисовать и изучать художественную литературу. Сара никогда не отправила бы Глорию в подобное заведение.

Когда судно прибыло в Лондон, Глория впервые лишилась дара речи. Она никогда прежде не видела таких больших домов и в таком количестве. В Крайстчерче и Данидине сейчас тоже возводили монументальные постройки. Например, собор в Крайстчерче ничем не уступал европейским святыням. Но здесь собор, университет, колледж Христа и другие впечатляющие строения стояли довольно обособленно. У Глории была возможность насладиться каждым зданием отдельно. Зато скопление домов в английской столице подействовало на нее угнетающе. К тому же здесь было очень шумно: портовые рабочие, рыночные зазывалы, люди на улицах разговаривали в полный голос. В Лондоне все было намного шумнее, чем дома, все происходило быстрее, люди постоянно куда-то спешили.

Лилиан же в этой атмосфере просто расцвела. Вскоре она уже говорила так же быстро, как англичане, смеялась вместе с цветочницами, дурачилась с посыльными в гостинице. Глория, в отличие от нее, не произнесла ни слова с тех пор, как они вошли в доки Лондона. И только смотрела по сторонам расширившимися глазами, стараясь не терять из виду мисс Бличем. Гувернантка, которая, как бы там ни было, училась в Веллингтоне и довольно уверенно чувствовала себя в сутолоке большого города, прекрасно понимала состояние своей подопечной. Она осторожно попыталась разговорить Глорию, увлечь ее чем-нибудь, но небольшой интерес вызвало лишь посещение зоопарка.

— Львам это не нравится, — заметила Глория, разглядывая животных в клетках. — Здесь слишком мало места. Они не хотят, чтобы на них

таращились с таким любопытством.

И девочка отвернулась, вместо того чтобы смотреть на животных. А Лилиан тем временем смеялась над баловством мартышек.

Музыкальное представление в театре, на которое они отправились по билетам, оставленным Курой и Уильямом (это был единственный знак внимания со стороны родителей, уехавших в Россию), тоже не произвело на Глорию впечатления. Певцы показались ей слишком манерными, музыка — слишком громкой, публика — слишком восторженной. Да и в платьях, которые ей приходилось носить в Лондоне, она чувствовала себя неуютно.

Сару Бличем все это не удивляло. Лилиан выглядела восхитительно в своем матросском костюмчике, но на Глории платье смотрелось по меньшей мере неуместно. Увидев школьную форму, девочка вообще разразилась слезами. Юбка в складочку и длинный пиджак совершенно не шли ей; она выглядела в них приземистой, а из-за белой блузки кожа ее, казалось, приобрела тестообразный оттенок. К тому же все это не выдерживало требований Глории к повседневной жизни. Девочке все хотелось потрогать, прижать к себе, а если она что-то разбирала или даже просто прикасалась, тут же, не глядя, вытирала руки об одежду. С бриджами в Киворд-Стейшн это не вызывало проблем, ведь погонщики скота поступали точно так же, — но белые блузки и голубой блейзер не годились для подобного обращения.

Когда они наконец сели в поезд, который повез их в Кембридж, Сара Бличем перевела дух. Жизнь за городом наверняка больше понравится ученицам; по крайней мере там не будет настолько шумно и суетливо. По рассказам Кристофера, Состон — местечко, рядом с которым располагалась школа «Оукс Гарден», — представлял собой идиллическую деревушку. Сама Сара с гулко бьющимся сердцем ожидала предстоящую встречу со своим кузеном. Она сняла комнату у вдовы, которая, судя по всему, считалась столпом общины, но если быть до конца честной, молодая учительница надеялась получить место в «Оукс Гарден». О том, что она подала заявку, Сара предпочла не говорить семье МакКензи, чтобы не давать ложных надежд Глории. Однако же перед Кристофером ей хотелось предстать не какой-то бедной родственницей, лишенной средств к существованию, а девушкой, у которой есть работа. Конечно, она кое-что скопила, да и МакКензи были более чем щедры. Но времени на личное знакомство с предполагаемым будущим супругом у нее не было. При этом Сара привыкла принимать решения взвешенно и не спеша. Для подобной цели подошел бы как минимум один учебный год — вот тогда она могла бы вполне определиться. Да и особых трат в Состоне у нее практически не

будет. Можно откладывать зарплату и в худшем случае вернуться в Новую Зеландию, не признаваясь МакКензи в том, что она потерпела неудачу. Ей было бы очень неприятно принять чистосердечное предложение, которое сделала ей Гвинейра накануне отъезда.

— Если ваши ожидания не оправдаются, мисс Бличем, достаточно просто послать телеграмму, и мы вышлем вам деньги на обратный билет. Мы очень рады, что вы берете на себя заботу о девочках, расплатиться за это невозможно. С другой стороны, я по собственному опыту прекрасно знаю, к чему приводят подобные, практически вынужденные браки. — И мисс Гвин рассказала ей о своей подруге Хелен, которой, к несчастью, не осталось ничего другого, кроме как выйти замуж за мужчину, чьи письма заманили ее на другой край света. Счастливым их союз назвать было нельзя.

И вот теперь Сара с гулко бьющимся сердцем наблюдала за тем, как скопления домов сменяются предместьями Лондона, а затем и вовсе милыми пейзажами Средней Англии. При виде первых лошадей на зеленых лугах Глория сразу же оживилась, а Лилиан и без того невозможно было удержать от восхищения. При этом в центре внимания снова оказалась личная жизнь мисс Бличем. Сара постепенно приходила к выводу, что подтрунивания Джеймса МакКензи над Илейн Ламберт были не совсем беспочвенны. Без сомнения, Лилиан выросла в очень открытой атмосфере. Вполне можно допустить, что девушки из бара и владелица отеля были в числе ближайших подруг Илейн.

— Нас ведь ждет там только новая школа, мисс Бличем, — болтала теперь Лилиан. — Но для вас это, должно быть, так волнительно — увидеть своего возлюбленного! Вы знаете «Trees they grow high»? В этой песне девушка выходит за сына лорда. Но он намного младше ее, и… Кстати, сколько лет преподобному?

Сара вздохнула и с тревогой посмотрела на Глорию. По мере приближения к Кембриджу та снова притихла. При этом пейзаж, мимо которого нес их поезд, все больше и больше напоминал Кентерберийскую равнину. Конечно, здесь все казалось меньше, не было безбрежных пастбищ, а загоны для овец выглядели просто крохотными. И даже Саре, которая совершенно не разбиралась в животноводстве, стало ясно, насколько масштабнее развита эта отрасль в Новой Зеландии. Да и местность в Англии была заселена гораздо гуще; в полях и лужайках то и дело встречались фермы и скромные коттеджи. Большие дома попадались гораздо реже, но, возможно, они просто расположены дальше от железнодорожной линии. Глория грызла ногти — привычка, которую она

приобрела во время путешествия, но Сара не стала ругать ее. Девочке и без того было не по себе — перемены давались слишком тяжело.

— А я смогу писать письма, мисс Бличем? — негромко спросила Глория, когда проводник объявил, что следующая станция — Кембридж.

Сара провела ладонью по ее волосам.

— Ну конечно, Глория. Ты ведь знаешь, что мы с преподобным переписываемся уже не первый год. Просто проходит несколько недель, прежде чем письма доставят адресату.

Глория кивнула и снова принялась грызть ноготь.

— Это так далеко… — негромко произнесла она. Сара дала ей платок. Из пальца шла кровь.

Преподобный Кристофер Бличем ждал на вокзале. Священник взял напрокат небольшую одноколку, потому что своей кареты у него не было, он ездил в гости верхом. Если он женится, придется приобретать повозку. Кристофер вздохнул. Да, в случае женитьбы в его жизни произойдут ощутимые перемены. До сих пор он об этом не думал. Но происшествие с миссис Уокер несколько месяцев назад… А до того — с девушкой на семинаре по теологии. При этом Кристофер ничего не мог поделать с тем, что женщины просто вешались на него. А все из-за того, что он слишком хорошо выглядит. Темные волнистые волосы, слегка смугловатая кожа, которой он был, судя по всему, обязан каким-то южанам из предков матери, и душевный взгляд почти черных глаз не могли оставить равнодушной ни одну молодую особу, с которой Кристофер общался. К тому же у преподобного были тонкие черты лица и мягкий низкий голос, звучавший доверительно и проникновенно. Кристофер умел прекрасно слушать, и казалось, что он заглядывает людям прямо в душу, как поговаривали восхищенные прихожане. Кристофер не жалел потраченного на них времени, ибо относился ко всему с пониманием. Но ведь он был мужчиной. Если молодая женщина просила совета и при этом ей нужна была помощь иного рода, нежели утешительные слова, преподобный сдерживался с трудом.

До сих пор у него было лишь два происшествия, скорее неприятных, — и Кристофер вынужден был признаться себе, что в этих случаях ему еще повезло. Он всегда пытался сохранить тайну, да и женщины тоже были заинтересованы в этом. Однако о миссис Уокер, довольно неустойчивой молодой женщине, муж которой чаще бывал в пабе, чем в ее постели, говорили настолько громко и открыто, что об этом узнал даже епископ. Это случилось после того, как Кристофер был вынужден

драться с ее супругом по окончании воскресного богослужения. Конечно, парень начал первый, но Кристофер не мог спустить подобного. Все свидетели были на его стороне, однако епископ нисколько не сомневался относительно своего видения ситуации.

— Вам нужно жениться, преподобный Бличем. Вернее, извините, вы должны жениться! Это угодно Богу, который убережет вас от дальнейших искушений… Да, да, я вижу, вы не осознаете своей вины. Ни сейчас, ни два года назад с той девушкой из семинарии. Но посмотрите на это дело с такой точки зрения: ваш брак удержит женщин от того, чтобы считать вас дичью. Ева перестанет искушать вас…

Но из-за этого, возможно, на шее у него будет змея. Впрочем, что бы он ни думал насчет женитьбы, подходящие женщины из его прихода были в этом смысле скорее проклятием, чем искушением. И вряд ли епископ даст ему пару месяцев, чтобы, к примеру, он мог поискать себе кого-нибудь в Лондоне. После того как один коллега представил ему свою исключительно своеобразную дочь, Кристофер впал в панику. И последнее письмо кузины Сары пришлось очень кстати. Кристофер переписывался с Сарой с самого детства, и его всегда развлекало, как невинно и стеснительно она реагировала на его легкие заигрывания. На присланной ему фотографии она казалась несколько скучной, но довольно привлекательной, и на роль супруги пастора, по его мнению, вполне подходила. Поэтому в своем следующем письме Кристофер выразился яснее. А потом волей случая воспитанницу Сары отправили в его епархию, что обеспечило девушке бесплатное путешествие. Кристофер решил, что Сара Бличем послана ему самим Господом. При этом он мог лишь надеяться на то, что Отец Небесный, создавая ее, постарался лучше, нежели в случае других незамужних женщин в его приходе.

И вот теперь Кристофер бродил по перрону, привлекая к себе любопытные взгляды.

— Добрый день, преподобный!

— Как поживаете, преподобный?

— Чудесная проповедь была в воскресенье, преподобный, в женском кружке нам нужно будет подробнее обсудить притчу…

Большинство дам были уже слишком стары, чтобы искушать Кристофера. Но маленькая мисс Димер, которая улыбалась ему сейчас и рассуждала о его проповеди, вполне могла понравиться. Однако она была замужем, и на Рождество Кристофер крестил ее первого ребенка.

В этот миг наконец прибыл поезд. Кристофер с трудом устоял на месте.

— Вы должны надеть очки, мисс Бличем, — заботливо посоветовала Глория. На платформе было много людей, и без очков ее учительница была почти слепой.

— Ни в коем случае! — пискнула Лилиан. — Мисс Бличем, кажется, я вижу преподобного! Боже мой, какой он хорошенький! Не надевайте очки, а то вы ему, чего доброго, не понравитесь!

Сара Бличем, раздираемая сомнениями, совершенно растерянная от перспективы встречи с кузеном, собрала их чемоданы и ящики и стала пробираться к выходу. Она и в самом деле споткнулась о шляпную коробку и оступилась на крутой лестнице, ведущей на платформу. Глория попыталась забрать у нее часть вещей. Вообще-то, вещами пассажиров первого класса должен был заниматься проводник, но Глория, пытаясь приглушить волнение, была рада заняться хоть чем-нибудь. Зато Лилиан легко соскочила на платформу и тут же замахала руками.

— Преподобный? Вы нас ищете, преподобный?

Кристофер Бличем огляделся по сторонам. Действительно, вот они. Конечно же, их нужно было сразу искать среди пассажиров первого класса, ведь у девочек состоятельные родители. И, по крайней мере, одна из них очень хорошенькая. Оживленный рыжеволосый кобольд, без сомнения, станет восхитительной девушкой. Вторая же малышка казалась немного неуклюжей; по крайней мере пройдет время, прежде чем гадкий утенок превратится в лебедя. Именно она цеплялась за подол гувернантки. Сара… Кристоферу при виде девушки пришлось едва ли не заставить себя вспомнить имя, которое он так часто писал. Сара Бличем, как ему показалось, была совершенно лишена обаяния. Судя по всему, она была одной из тех несчастных безликих ворон, которые водят на прогулку в парк детей других людей, потому что самих их Господь не одарил отпрысками. На Саре было темно-серое платье и еще более темный плащ, под которым совершенно невозможно было разглядеть фигуру. Свои строго зачесанные наверх темные волосы она спрятала под отвратительной, похожей на монашеский клобук шляпой, а выражение ее лица представляло смесь озадаченности и беспомощности. Однако черты ее были ровными, и Кристофер перевел дух. Просто у Сары невыразительная внешность, но уродкой она не была.

— Да наденьте же наконец очки! — теребила ее Глория.

Конечно, без очков ее учительница была гораздо красивее, но она вряд ли произведет хорошее впечатление, если будет так же бесцельно плестись

за Лилиан. Что ж, хотя бы Лилиан указывает направление и беспрепятственно идет к преподобному отцу.

Кристофер решил взять инициативу в свои руки. Целеустремленно, хоть и без нарочитой спешки, он направился к небольшой группе.

— Сара? Сара Бличем?

Девушка улыбнулась, глядя в его сторону.

Красивые у нее глаза. Какие-то затуманенные, задумчивые, светло-зеленые. Возможно, первое впечатление все же обманчиво.

Но тут Сара извлекла из сумки очки. Ее привлекательные черты скрылись за ужасающим прибором. Из-за толстых стекол глаза ее стали похожи на шарики.

— Кристофер! — Она просияла и улыбнулась. А потом растерялась. Как вести себя в такой момент? Кристофер улыбнулся ей в ответ. Но, судя по всему, он смотрит на нее оценивающим взглядом. Сара потупилась.

— Сара, очень хорошо, что вы приехали. Как прошло путешествие? Было не слишком утомительно? И кто из этих красавиц Глория?

Произнося эти слова, преподобный отец слегка поглаживал Лилиан по голове. Глория прижималась к мисс Бличем. Она уже решила, что преподобный ей не нравится, каким бы милым он ни притворялся. Она, конечно, заметила выражение, мелькнувшее на его лице, когда мисс Бличем надела очки, а теперь он изображает наигранную веселость. Почему он назвал ее красавицей? Глория была некрасива и знала это.

— Глория Мартин, — представила ее Сара, поскольку это давало возможность вести ни к чему не обязывающую беседу. — А эта рыжеволосая егоза — Лилиан Ламберт.

Казалось, преподобный несколько растерялся. Он некоторое время учился в Лондоне и при этом имел возможность видеть на сцене Куру-маро-тини. Большого внешнего сходства не было ни с одной из девочек, но если уж на то пошло, он скорее предположил бы, что дочерью певицы была красивая и общительная Лилиан, а не робкая Глория. Однако он быстро взял себя в руки.

— И теперь они обе отправляются в «Оукс Гарден»? Тогда у меня для вас хорошие новости, девочки. На сегодня мне удалось позаимствовать одноколку. Если хотите, я отвезу вас прямо туда.

Он ожидал восхищения со стороны детей, но Лилиан, похоже, не слушала его, а Глорию, как ему показалось, такая перспектива скорее напугала.

— Э… школа ведь тоже пришлет повозку… — произнесла Сара. Для нее все происходило слишком быстро. Если Кристофер отвезет девочек в

«Оукс Гарден», то на обратном пути они останутся одни. Пристойно ли это вообще?

— Ах, я все уладил. Нас ожидает мисс Эрроустон. Она знает, что я привезу девочек. — Кристофер ободряюще улыбнулся Глории, у которой был такой несчастный вид, как будто она собиралась расплакаться.

— Но… мисс Бличем, разве мы не должны были приехать только завтра? Ведь говорили, что учениц будут ждать только завтра. Что же мы будем делать в школе совсем одни?

Сара прижала ее к себе.

— Совсем одни вы не останетесь, милая. Несколько девочек всегда приезжают раньше. А некоторые остаются даже на время каникул…

Сара закусила губу. Не нужно было говорить этого. Ведь именно такая судьба ждет и Глорию с Лилиан.

— Мисс Эрроустон уже предвкушает встречу с вами! — объявил преподобный. — Особенно с тобой, Глория!

Это должно было прозвучать ободряюще, но Глория не поверила ему. Почему это директор английской школы будет радоваться встрече именно с Глорией Мартин с Киворд-Стейшн?

Девочка, совершенно расстроенная, молча наблюдала, как Кристофер погрузил в карету их багаж и пожитки мисс Бличем. Затем он усадил всю троицу и галантно помог Саре забраться в карету. Девушка покраснела, увидев, что на нее направлены взгляды по меньшей мере двух жительниц Состона. Сегодня вечером ее приезд будет обсуждаться деревенскими сплетницами.

Зато Лилиан болтала всю дорогу без умолку. Она восхищалась пейзажами вокруг Состона, радовалась, видя на лугах вдоль дороги пасущихся лошадей и крупный рогатый скот. Ей нравились каменные коттеджи, которых здесь было достаточно много. В Новой Зеландии из песчаника строили только в крупных городах. В таких деревнях, как Холдон, или в маленьких городках вроде Греймута люди по большей части жили в раскрашенных яркими красками деревянных домах.

— А «Оукс Гарден» — это тоже такой дом? — поинтересовалась она.

Преподобный покачал головой.

— «Оукс Гарден» больше, гораздо больше. Бывший особняк, почти целый замок. Он принадлежал дворянской семье, но его последняя владелица умерла, не оставив наследников, и завещала, чтобы ее дом и состояние послужили основанию школы. А еще леди Эрмингарда любила изящные искусства. Этим и объясняется, почему «Оукс Гарден» занимается в первую очередь развитием творческой стороны своих воспитанниц.

— А лошади есть? — тихо спросила Глория.

Преподобный покачал головой.

— Для учениц — нет. Полагаю, у кастеляна есть повозка, ведь ему нужно делать покупки, часто приходится встречать учениц на вокзале. Но верховая езда в расписание не входит. И теннис тоже…

О последнем преподобный, похоже, жалел.

Глория снова замолчала и молчала до тех пор, пока повозка не въехала через роскошные ворота в окруженный кованой решеткой парк. Школа «Оукс Гарден» носила свое имя не просто так. Внешний парк был, без сомнения, заложен садоводом, прекрасно разбиравшемся в своем деле. И, должно быть, прошли десятки, если не сотни лет с тех пор, как кто-то посадил тут дубы, занимавшие большую часть парка. Они были огромными и обрамляли широкий подъезд, ведущий к зданию. Однако здесь архитектор не так ярко проявил свою гениальность. Дом представлял собой скорее неуклюжую постройку из обожженного кирпича, без эркеров и башенок, которые обычно украшают английские особняки.

Глории показалось, что дом давит на нее. Она огляделась в поисках конюшен. Должны же они быть! Может быть, за домом…

Но преподобный остановился перед массивными двустворчатыми воротами. Похоже, он чувствовал себя здесь почти как дома и даже не стал звонить. Впрочем, в этом не было необходимости, поскольку большой холл производил впечатление общественного места. Сара Бличем не ошиблась в своем предположении: Лилиан и Глория были не первыми прибывшими сегодня девочками. Несколько других школьниц уже сновали туда-сюда с чемоданами и сумками, хихикали, общаясь друг с другом, и взволнованно переговаривались по поводу распределения комнат. Девочки постарше внимательно рассматривали вновь прибывших. Лилиан улыбнулась им, в то время как Глория, казалось, пыталась забраться Саре под юбку.

Молодая гувернантка мягко отстранила ее от себя.

— Не будь такой робкой, Глория. Что подумают о тебе другие девочки?

Но, похоже, Глории было совершенно все равно. Тем не менее она послушно отстранилась от учительницы и огляделась по сторонам. Холл производил довольно уютное впечатление. За неким подобием стойки администратора стояла пожилая женщина, по-матерински тепло и терпеливо отвечавшая на вопросы девочек. Кроме того, здесь были кресла и чайный столик — видимо, для ожидающих родителей или учениц. В холле находились также родители, они давали дочерям последние наставления на новый учебный год.

— Я хочу, чтобы ты больше внимания уделяла урокам игры на

скрипке, Габриэлла! — услышала Глория и испугалась. Девочка была ее ровесницей. Неужели здесь предполагается, что она будет играть на скрипке?

Преподобный отец с улыбкой подошел к стойке и поздоровался со стоявшей за ней дамой.

— Добрый день, мисс Барнум. Вот, я привез наших киви! Разве не так говорят в Новой Зеландии, Сара? Переселенцы сами дали себе прозвище, по названию птицы, не так ли, Сара?

Казалось, Саре Бличем это было неприятно. Сама она никогда не назвала бы себя «киви».

— Эта птица почти слепая… — негромко заметила Глория. — И летает не очень хорошо. Но зато умеет чувствовать запахи. Увидеть ее можно редко, но крик слышно частенько — иногда она кричит целую ночь, только в полнолуние молчит. И она довольно… хм… пушистая.

Несколько девочек засмеялись.

— Две слепые птички! — рассмеялась шатенка, которую родители звали Габриэллой. — Как же они нашли сюда дорогу?

Глория покраснела. Лилиан сверкнула глазами.

— Судя по всему, мы пришли на запах, — ответила она. — Нет, мы просто летели туда, где хуже всего играют на скрипке!

Габриэлла ответила ей сердитым взглядом, другие девочки злорадно захихикали. Судя по всему, музыка не была сильной стороной Габриэллы.

Сара улыбнулась, но тут же пожурила Лилиан за дерзость. Мисс Барнум сделала подобное замечание Габриэлле. А затем обернулась к вновь прибывшим.

— Добро пожаловать в «Оукс Гарден», — приветствовала она девочек. — Рада познакомиться с вами. Особенно с тобой, Лилиан, ты будешь жить в западном крыле, а я там экономка. Ты будешь жить в комнате имени Моцарта. Сюзанна Каррутерс, одна из твоих соседок, тоже уже приехала. Позже я представлю вас друг другу.

Глаза Глории расширились. Лилиан произнесла то, о чем подумали обе.

— А разве мы не можем жить вместе, мисс Барнум? Мы ведь кузины! — Лилиан посмотрела на нее своим коронным взглядом, невинным и умоляющим.

Но мисс Барнум покачала головой.

— Глория старше тебя. Ей наверняка будет предпочтительнее жить с одногодками. Тебе тоже понравится, когда познакомишься с другими девочками. Классы средней ступени живут в восточном крыле, младшей —

в западном.

— А вы не могли бы сделать исключение? — поинтересовалась мисс Бличем. Она почти кожей чувствовала, что Глория снова закрывается. — Девочки еще никогда не уезжали так далеко от дома…

— Здесь все ученицы такие же, — строго произнесла экономка. — Мне жаль, девочки, но вы привыкнете. А сейчас познакомьтесь с мисс Эрроустон. Она ждет вас в своем кабинете, преподобный. Вы знаете, где это.

Кабинет ректора находился на втором этаже главного здания. Там располагались также учительские комнаты и некоторые классы. Поднимаясь по богато украшенной лестнице, Лилиан с любопытством рассматривала роскошные картины, висевшие на стене. В основном на них были изображены сцены из греческой и римской мифологии.

— Почему девочка едет верхом на корове? — поинтересовалась она, едва не рассмешив Сару.

— Это Европа с быком, — пояснила молодая учительница.

Судя по выражению лица Глории, только законченная дура могла предпочесть быка лошади в качестве ездового животного. Кроме того, ей показалось, что у Европы плохо закреплено седло. И зачем вообще кому бы то ни было заниматься подобными глупостями?

— Я уверена, что вы услышите эту историю на занятиях, — коротко сказала Сара своим воспитанницам. Ей сейчас совершенно не хотелось вдаваться в подробности соблазнения финикийской принцессы греческими богами. Особенно в присутствии кузена.

А тот уже стучал в двери ректора.

— Входите! — раздался низкий, привыкший командовать голос.

Сара невольно напряглась. Глория предприняла попытку спрятаться за ее спиной. И только Лилиан, похоже, ничего не боялась. Ее не испугал даже массивный дубовый стол, за которым восседала ректор. Она зачарованно смотрела на строгую прическу мисс Эрроустон, которая показалась девочке необыкновенной.

— Королева! — прошептал преподобный с легкой улыбкой.

И действительно, девочкам она тоже напомнила умершую несколько лет тому назад королеву Викторию. На лице мисс Эрроустон почти не было складок, но оно было строгим, глаза — водянисто-голубыми, губы — узкими. Предстать перед ней за какую бы то ни было провинность наверняка было бы неприятно. Но сейчас она улыбалась.

— Я верно услышала? Ученицы из Новой Зеландии? С… — Она перевела вопросительный взгляд с Сары на преподобного отца и обратно.

Сара хотела уже представиться, когда Кристофер пояснил:

— Мисс Сара Бличем, мисс Эрроустон. Моя кузина. И моя… э… — Он пристыженно улыбнулся, после чего улыбка мисс Эрроустон стала еще более ослепительной.

Однако Саре с трудом удавалось сохранять приветливое выражение лица. Похоже, Кристофер считал их будущую женитьбу делом решенным. Хуже того, судя по всему, он уже объявил ее своей невестой всем знакомым.

— Я учительница, мисс Эрроустон, — поправила она кузена. — Глория Мартин до сегодняшнего дня была моей ученицей, и, поскольку у меня в Европе родственники… — Сара бросила быстрый взгляд на Кристофера, — я воспользовалась возможностью сопроводить девочек в Англию, чтобы возобновить родственные связи.

Мисс Эрроустон издала что-то вроде смешка.

— Родственные связи, разумеется… — лукаво улыбнулась она. — Что ж, мы очень рады за преподобного, да и приходу не помешает женская рука. — Снова раздался смешок. — Вы ведь наверняка поможете ему во время своего… визита… в епархии?

Сара хотела ответить, что скорее предполагала получить место учительницы, однако мисс Эрроустон уже переключилась на девочек. Любопытная матрона превратилась в строгого ректора. Она поглядела на Глорию и Лилиан через очки, стекла которых были такими же толстыми, как у Сары. При этом на лице у нее промелькнуло удивление.

Глория поежилась под этим взглядом.

Как бы там ни было, мисс Эрроустон не перепутала ее с Лилиан. Ректор собрала информацию относительно своих учениц. Она знала, что Глория старше.

— Значит, ты и есть Глория Мартин, — сказала она. — Что ж, на мать ты совершенно не похожа.

Глория кивнула. К подобным замечаниям она уже привыкла.

— По крайней мере на первый взгляд, — уточнила мисс Эрроустон. — Но твои родители намекнули, что ты обладаешь пока что нераскрытым музыкальным или же артистическим талантом.

Глория удивилась. Может быть, стоит признаться сразу?

— Я… я не умею играть на фортепьяно, — негромко произнесла она.

Мисс Эрроустон рассмеялась.

— Да, об этом я уже слышала, дитя. Твоя мать очень огорчена этим. Но ведь тебе сейчас всего около тринадцати, и научиться играть еще не поздно. Ты хотела бы играть на фортепьяно? Или лучше на скрипке? На

виолончели?

Глория покраснела. Она даже не знала толком, что такое виолончель. А играть она не хотела, причем ни на каком инструменте.

К счастью, ее выручила Лилиан.

— Я играю на фортепьяно! — самоуверенно заявила она.

Мисс Эрроустон строго посмотрела на нее.

— Мы хотели бы, чтобы наши ученицы заговаривали только тогда, когда их спрашивают, — осадила она девочку. — В остальном же, конечно, отрадно слышать, что ты испытываешь тягу к этому инструменту. Ты Лилиан Ламберт, верно? Племянница миссис Мартин?

По всей вероятности, Кура-маро-тини произвела здесь впечатление, и мисс Эрроустон посчитала нужным прояснить ситуацию.

— Мисс Кура-маро-тини Мартин лично побывала в нашей школе, чтобы записать свою дочь, — сказала она, обращаясь к Саре и Кристоферу. — И очень порадовала нас небольшим частным концертом. Девочки были глубоко впечатлены и очень рады будущему знакомству с тобой, Глория.

Глория закусила губу.

— С тобой, конечно, тоже, Лилиан. Я уверена, что наша преподаватель музыки, мисс Тайлер-Беннингтон, сумеет оценить твою игру на фортепьяно. Не хотите ли чаю, мисс Бличем… преподобный? А девочки могут пока пойти вниз. Мисс Барнум покажет им их комнаты.

Судя по всему, мисс Эрроустон пила чай с родителями и родственниками своих воспитанниц, однако никогда не опустилась бы до уровня учениц и не предложила бы чай девочкам.

— О да, я живу в западном крыле! — важно заявила Лилиан. О запрете на болтовню без спроса она уже успела забыть. — Я буду Западной Лили!

— Лилиан! — в ужасе одернула ее Сара, а преподобный громко прыснул.

Мисс Эрроустон нахмурилась. К счастью, она не знала историю «Западной Лили», неверной буфетчицы в баре. Такие песни играют в пабах, а не в салонах.

Глория бросила отчаянный взгляд на учительницу.

— Иди с ней, Глори, — мягко произнесла Сара. — Мисс Барнум представит тебя твоей экономке. Тебе наверняка будет хорошо.

— И попрощайся со своей учительницей, — добавила мисс Эрроустон. — До следующего воскресного богослужения ты ее точно не увидишь.

Глория попыталась взять себя в руки, но лицо ее было залито слезами,

когда она присела в книксене перед мисс Бличем. Сара не удержалась, притянула девочку к себе и поцеловала на прощание.

Мисс Эрроустон наблюдала за сценой с явным неудовольствием.

— Малышка слишком зациклена на вас, — заметила она, когда девочки вышли из комнаты. — Ей необходимо оторваться от вашего подола и сблизиться с ровесниками. Это пойдет ей на пользу. А у вас, — она вновь заговорщически улыбнулась, — в обозримом будущем наверняка будут собственные дети.

Сара густо покраснела.

— Пока что я не хотела бы отказываться от своей профессии, — она предприняла еще одну попытку направить разговор в нужное ей русло. — Напротив, я предпочла бы еще пару лет поработать в школе и в связи с этим хотела спросить…

— А как вы себе это представляете, милая моя? — елейным голосом поинтересовалась мисс Эрроустон, наливая Саре чай. — Вы ведь будете нужны преподобному. Не знаю, как в другой половине земного шара, но в наших школах учительницы обычно незамужние.

Сара почувствовала, что ловушка захлопывается. Нет, мисс Эрроустон не станет нанимать ее на работу. Значит, остается одно: поискать работу гувернантки. Вот только никто в поселке не произвел на нее впечатления зажиточных людей. И, возможно, деревенские матроны не захотят становиться на пути «счастья преподобного отца». Нужно будет серьезно поговорить с Кристофером. В принципе, то, что он так твердо намерен жениться на Саре, испытывая родство душ, основанное лишь на переписке, говорит скорее в его пользу, однако должен же он дать Саре возможность подумать хотя бы пару недель? Она бросила робкий взгляд на сидевшего рядом мужчину. Хватит ли этого времени на то, чтобы познакомиться с ним по-настоящему?

Глорию представили мисс Коулридж, экономке восточного крыла. Мисс Коулридж была старше, чем мисс Барнум, а в остальном оказалась ее полной противоположностью. Эта худощавая, без каких бы то ни было округлостей дама была строгой и неприветливой.

— Ты Глория Мартин? О, ты совершенно не похожа на мать! — Из уст мисс Коулридж это заявление прозвучало совершенно неодобрительно.

На этот раз Глория не стала кивать. Мисс Коулридж бросила на нее еще один, скорее недовольный взгляд, а затем сосредоточилась на своих записях. В отличие от мисс Барнум, она не знала на память, в какой комнате живет каждая из ее девочек.

— Мартин… Мартин… ах да, вот она где. Тициановская комната.

Если в западном крыле комнаты назывались по именам знаменитых композиторов, то в восточном — по именам художников. Впрочем, Глория никогда еще не слышала имени Тициан. Зато насторожилась, когда мисс Коулридж стала читать список.

— Вместе с Мелиссой Холланд, Фионой Хиллс-Галант и Габриэллой Уэнтворт-Хейланд. Габриэлла и Фиона уже приехали…

Глория пошла за экономкой по мрачным коридорам восточного крыла. Она пыталась убедить себя, что в этой школе наверняка есть двадцать Габриэлл, но это было маловероятно. И действительно, когда мисс Коулбридж открыла дверь, ее встретила красивая шатенка с несколько заостренным книзу лицом, с которой они уже виделись в холле. Габриэлла как раз убирала свою униформу в один из четырех узких шкафчиков. Другая девочка — Глория узнала нежную блондинку, стоявшую тогда рядом с Габриэллой, — похоже, уже закончила с этим. Она поставила на свой ночной столик несколько семейных фотографий. Бросив взгляд на несколько мрачноватую репродукцию дорогого полотна, украшавшую стену, Глория невольно поджала губы. Портреты и историческая мазня показались ей совершенно омерзительными. Позже она узнает, что здесь поклоняются человеку, в честь которого названа ее комната. Все картины, репродукции которых висели на стенах, принадлежали кисти Тициана.

— Фиона, Габриэлла, это ваша новая соседка, — коротко представила ее мисс Коулбридж. — Она приехала…

— Из Новой Зеландии, мы уже знаем, мисс! — послушно подхватила Габриэлла, делая книксен. — Мы познакомились с ней сразу же по прибытии.

— Ну что ж, тогда у вас найдутся общие темы для разговора, — заявила мисс Коулбридж, очевидно довольная тем, что не придется помогать девочкам знакомиться. — Приведете Глорию на ужин.

С этими словами она вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Глория неловко осталась стоять на пороге. Какая же из постелей ее? Фиона и Габриэлла уже заняли кровати у окна. Но Глории было все равно. Единственное, чего ей хотелось, так это иметь одеяло, которым можно будет укрыться с головой.

Глория неуверенно уселась на постель в ближайшем углу. Она показалась ей самой удобной, чтобы не быть на виду. Но другие девочки не собирались предоставлять Глорию самой себе.

— А вот и наша слепая птичка! — с издевкой произнесла Габриэлла. — Впрочем, я слышала, что она будто бы довольно красиво

поет. Разве твоя мать не та самая певица-маори?

— Правда? Ее мать темноко-о-ожая? — Фиона протянула последнее слово. — Но она совсем не черная… — И девочка пристально оглядела Глорию.

— Может быть, кукушонок? — захихикала Габриэлла.

Глория судорожно сглотнула.

— Я… мы… у нас дома нет кукушек…

Она не понимала, почему девочки смеются. Как не понимала и того, что она им сделала. Ей было невдомек, что объектом насмешек можно стать совершенно без повода. Однако Глория внезапно осознала, что ловушка захлопнулась.

И шанса уйти отсюда у нее нет.

5

Шарлотта Гринвуд приехала в Киворд-Стейшн вместе с родителями. Спустя четыре недели после знакомства с Джеком в Крайстчерче, после официального приглашения от Гвинейры МакКензи. Официальным поводом послужил небольшой праздник по случаю успешного перегона овец из предгорий. Сейчас, в марте, в горах наступила зима, и пора было уводить животных на ферму. Это происходило каждую осень, и праздновать было необязательно. Однако Джек настаивал, чтобы мать пригласила Гринвудов, ведь в этом деле любой повод был хорош.

И вот теперь Джек сиял, наблюдая за выходившей из кареты Шарлоттой. На девушке было простое темно-коричневое платье, благодаря которому цвет ее волос казался еще теплее. Огромные карие глаза излучали свет, и Джеку чудилось, что он видит в них золотистые искорки.

— Приятно ли прошло путешествие, Шарлотта? — спросил он и сам себе показался ужасно неуклюжим. Он должен был помочь ей выбраться из кареты, но при виде девушки забыл обо всем на свете.

Шарлотта улыбнулась. На щеках появились ямочки. Джек пришел в восторг.

— Дороги стали гораздо лучше, чем мне запомнилось, — певучим голосом произнесла она.

Джек кивнул. Ему очень хотелось сказать что-нибудь умное, но в присутствии Шарлотты он был не в состоянии мыслить здраво и полностью терялся от переизбытка чувств. Все в нем хотело прикоснуться к этой девушке, защитить ее, привязать к себе… Но если ему не удастся

произвести на нее впечатление, она будет вечно считать его деревенским дурачком.

Как бы там ни было, Джек довольно внятно представил девушку своим родителям, причем Джеймс МакКензи тут же проявил галантность, которой так не хватало Джеку в общении с Шарлоттой.

— Признаться, интернатское воспитание в Англии начало казаться мне отличной штукой, — заметил он, — если оно производит таких потрясающих существ, как вы, мисс Шарлотта. И вы, я слышал, интересуетесь культурой маори?

Шарлотта кивнула.

— Мне хотелось бы выучить язык, — пояснила она. — Ведь Джек, наверное, свободно говорит на маори… — Она бросила на Джека взгляд, который заставил Джеймса МакКензи насторожиться. Блеск в глазах сына он заметил еще раньше. Похоже, Шарлотта тоже интересуется им.

— Я не сомневаюсь, что следующие три месяца он будет обучать вас словам вроде «Тауматавататангихангакоауаюо Таматеятурипукакапикимаунгахороукупокаи подмигнул ей Джеймс.

Шарлотта закусила губу.

— У них такие… длинные слова?

Похоже, она усомнилась в собственной затее. И тут же сосредоточенно нахмурила лоб — привычка, восхитившая Джека еще во время их первой встречи.

Потребность утешить девушку снова вернула Джеку умение нормально говорить. Он покачал головой.

— Это такая гора на Северном острове, — просветил он ее. — И это слово считается скороговоркой у маори. Лучше всего начать с самых простых слов. *Киа ора*, например…

— Означает «Здравствуйте!» — улыбнулась Шарлотта.

— А *хаере маи*…

— Добро пожаловать! — перевела Шарлотта, уже, очевидно, кое-что изучившая. — *Вахене* значит женщина.

Джек улыбнулся.

— *Хаере маи, вахене* Шарлотта!

Шарлотта хотела что-то ответить, но запнулась.

— Как будет «мужчина»? — спросила она.

— *Тане*, — помог Джеймс.

Шарлотта снова обернулась к Джеку:

— *Киа ора, тане* Джек!

Джеймс МакКензи перехватил взгляд своей жены Гвинейры. Она тоже наблюдала за приветствием молодых людей.

— Похоже, им не нужны обходные пути вроде того, что ведет через ирландское рагу, — улыбнулась Гвинейра, намекая на зарождение своей любви к Джеймсу. Она не знала, как сказать по-маорийски «тимьян», и Джеймс нашел для нее эту приправу.

— Но библейские высказывания скоро могут понадобиться, — поддразнил он ее, бросив многозначительный взгляд на молодых людей. Когда Гвинейра приехала в Новую Зеландию, существовала лишь одна книга, переведенная на язык маори: Библия. Когда ей нужно было определенное слово, она часто думала о том, в какой связи оно упоминалось в Библии. — Куда ты пойдешь, туда и я пойду…

Пока Гвинейра и Джеймс болтали с Джорджем и Элизабет Гринвуд, Джек показывал Шарлотте ферму, где сейчас, после перегона овец, жизнь била ключом. Все отсеки были забиты здоровыми толстобрюхими, хорошо откормленными животными; их тела были покрыты равномерной шерстью, чистой и густой. Она не даст животным замерзнуть зимой, а потом, после стрижки перед новым перегоном в горы, станет вкладом в достояние Киворд-Стейшн. Разговаривать об овцах Джеку было проще, чем вести светскую беседу, и постепенно он снова обрел уверенность в себе. Наконец они с Шарлоттой дошли до деревни маори, и приятельские отношения Джека с туземцами окончательно поспособствовали тому, что он произвел впечатление на Шарлотту. Она радовалась, что увидела идиллическую деревню у озерца, восхищалась резьбой на общинных домах.

— Если хотите, завтра утром мы можем съездить на О’Киф-Стейшн, — предложил Джек. — В этом поселении живут только те, кто каждый день приходит работать на ферму. А само племя перебралось на старую ферму Говарда О’Киф. Маори получили эту землю в качестве компенсации за недоразумения при покупке Киворд-Стейшн. Там живет Марама, певица. И Ронго, травница. Обе хорошо говорят по-английски и знают кучу *мотеатеас*…

— Это песни, в которых рассказываются истории, верно? — мягко спросила Шарлотта.

Джек кивнул.

— Бывают жалобы, колыбельные, истории о мести, о ссорах между племенами… Именно то, что вы ищете.

Шарлотта с легкой улыбкой посмотрела на него снизу вверх.

— И ни одной истории о любви?

— Конечно, истории о любви тоже! — поспешил он заверить ее. А потом, догадавшись, спросил: — Вы хотели бы… записать любовную историю?

— Если получится, — смутилась Шарлотта. — Но я хочу сказать… возможно, записывать что бы то ни было еще слишком рано. Наверное, сначала нужно… пережить. Вы понимаете? Я хотела бы познакомиться поближе…

Джек почувствовал, как кровь прилила к лицу.

— С маори? Или все-таки со мной?

Шарлотта тоже покраснела.

— А разве одно не ведет к другому? — с улыбкой спросила она.

МакКензи и Гринвуды сошлись на том, что Шарлотта останется в Киворд-Стейшн на три месяца, чтобы провести первые исследования, касающиеся культуры маори, которая интересует ее. Элизабет и Гвинейра при этом заговорщически переглядывались. Обе давно уже поняли, что зарождается между Джеком и Шарлоттой, и обе одобряли происходящее. Гвинейра нашла Шарлотту восхитительной — хотя и не всегда понимала, о чем она говорит. Правда, Гринвуды, судя по всему, чувствовали то же самое. Когда Шарлотта садилась на своего литературоведческого конька, остановить ее было невозможно. Но Элизабет уже перестала опасаться, что дочь станет одной из первых женщин-профессоров в университете Данидина или Веллингтона. А Шарлотта, в свою очередь, давно нашла то, что восхищало ее гораздо больше, чем мир науки.

Она каталась с Джеком верхом, слушала рассказы Гвинейры о различных сортах шерсти и, смеясь, училась воспроизводить свист, с помощью которого пастухи командовали колли. Погонщики скота и маори поначалу вели себя с ней скованно — юная дама из Англии, в скроенных по последней моде платьях, с изысканными манерами, пугала их. Однако Шарлотта умела располагать к себе. Она упражнялась в *хонги*, традиционном приветствии маори, когда следовало не тереться носами, а лишь слегка соприкоснуться носами и лбами. Ее поначалу элегантное платье вскоре истрепалось, и она быстро сменила дамское седло на одно из более удобных пастушьих седел.

За изысканным фасадом скрывалось дитя природы — и борец за права женщин. Гвинейра не переставала удивляться, когда Шарлотта рассказывала о трудах Эммелин Панкхёрст[3]. Девушка, казалось, была разочарована, что в Новой Зеландии уже существует избирательное право для женщин. В Англии ради этого она выходила на улицы вместе с другими

студентками и, очевидно, развлекалась по-королевски. Джеймс МакКензи поддразнивал ее, предлагая сигары, — считалось, что суфражистки, радикальные борцы за права женщин, курят в знак протеста, — и смеялся вместе с Гвинейрой, когда она действительно храбро пускала дым. В принципе, все они были едины во мнении, считая, что присутствие девушки в Киворд-Стейшн сделало их жизнь более интересной и благотворно повлияло на сына. Джек со временем научился уверенно вести себя в обществе Шарлотты, хотя сердце молодого человека все равно начинало биться быстрее, когда он видел ее. Если же они встречались взглядами, в глазах его появлялся особый блеск. И все-таки Джека по-прежнему одолевали приступы робости, и в конце концов именно Шарлотта выманила его из дома, когда все вокруг утонуло в вечерних сумерках. Ей непременно хотелось увидеть еще парочку лошадей. Девушка осторожно вложила свою руку в его ладонь.

— А правда, что маори не целуются? — тихо спросила она.

Джек не знал этого. Девушки-маори никогда не привлекали его; их черные волосы и экзотические черты лица слишком сильно напоминали о Куре-маро-тини. А в отношении Куры по-прежнему верным было давнее высказывание Джеймса: «Даже если бы она была последней женщиной на земле, Джек ушел бы в монастырь!»

— Но ведь маори уже могли бы выучиться целоваться у нас, у *пакеха*… — продолжала шептать Шарлотта. — Тебе не кажется, что этому можно научиться?

Джек судорожно сглотнул.

— Конечно, — произнес он. — Если найдется хороший учитель…

— Я еще никогда этого не делала, — призналась Шарлотта.

Джек улыбнулся. А потом осторожно обнял ее.

— Начнем с трения носами? — поддразнил он ее, чтобы скрыть собственную нервозность.

Но девушка уже приоткрыла губы. Им не надо было учиться: Джек и Шарлотта были предназначены друг для друга.

Однако зарождающаяся любовь не заставила Шарлотту забросить свои занятия. Ей нравилось флиртовать с Джеком на языке маори, а в лице Джеймса МакКензи она обрела терпеливого учителя. Проведя три месяца в Киворд-Стейшн, она уже не только без проблем произносила ту знаменитую скороговорку, но и записала первые маорийские мифы как на английском, так и на языке оригинала. Последнее, конечно же, произошло с помощью Марамы, которая по мере сил помогала девушке. Шарлотте

казалось, что время несется вскачь. И, несмотря ни на что, существовали веские причины для того, чтобы закончить свое пребывание на ферме.

— Я бы, конечно, осталась еще, — сказала она родителям, которые приехали забрать дочь. — Но боюсь, это будет неприлично.

При этом она покраснела и улыбнулась Джеку. Тот едва не выронил вилку. Он как раз собирался положить себе жаркого из баранины, но тут у него совсем пропал аппетит.

Молодой человек откашлялся.

— Да… э… маори считают иначе, но ведь мы хотим сохранить обычаи *пакеха*. И поскольку… раз уж девушка помолвлена, то неприлично находиться под одной крышей с будущим мужем…

Шарлотта нежно провела ладонью по руке Джека, нервно теребившей салфетку.

— Джек, ты ведь хотел сделать все по правилам! — мягко пожурила она его. — Сначала нужно было попросить моего отца переговорить с ним с глазу на глаз, официально попросить моей руки…

— Короче говоря, кажется, молодые люди уже помолвлены, — заметил старший МакКензи, встал из-за стола и откупорил бутылку особенно хорошего вина. — Мне восемьдесят лет, Джек. Я не могу ждать, пока ты наконец соберешься задать один простой вопрос. Тем более если дело уже решено. А в моем возрасте жаркое следует есть побыстрее, пока оно не стало твердым, иначе будет тяжело жевать. Так что давайте выпьем за Джека и Шарлотту, а затем примемся за ужин! Будут возражения?

Джордж и Элизабет Гринвуд не возражали. Напротив, оба очень обрадовались такому союзу. Конечно, в высших кругах судачили о Крайстчерче и Кентерберийской равнине. Джек, разумеется, пользовался всеобщим уважением, но «овечьи бароны» не забыли, что молодой человек — плод связи Гвинейры со скотокрадом. Кроме того, самые заядлые сплетники не преминули вспомнить, что между свадьбой МакКензи и рождением Джека не прошло девяти месяцев. К тому же ни для кого не было секретом, что Джек не наследует Киворд-Стейшн и может быть — в лучшем случае — только управляющим фермой. Дочь богатого как Крез Джорджа Гринвуда могла, без сомнения, выйти замуж гораздо удачнее. Впрочем, Джорджу было все равно. Он знал Джека как старательного работника, на которого можно положиться и который, кроме всего прочего, на протяжении нескольких семестров изучал сельское хозяйство в университете. Гринвуд был готов дать Шарлотте хорошее приданое, и даже если Кура-маро-тини Мартин однажды поссорится с семейством МакКензи

и решит продать ферму или Глория Мартин решит взять руководство фермой в свои руки, для Джека всегда найдется должность управляющего. Поэтому Джордж не раздумывал о том, сможет ли зять обеспечить его дочь. В первую очередь он хотел видеть ее счастливой — и замужней! По поводу суфражистки в семье Гринвудов наверняка судачили бы гораздо больше, чем о давно забытых грехах клана Уорденов-МакКензи.

В конце концов семьи договорились относительно полугодичной помолвки, включив в счет и те три месяца, которые Шарлотта провела в Киворд-Стейшн. Поэтому свадьба Джека и Шарлотты состоялась весной, сразу после перегона овец на высокогорные пастбища. Элизабет планировала романтический вечер на берегу Эйвона, но, к сожалению, пошел дождь, и гости спрятались от него в расставленные на всякий случай шатры и гостиные дома. Джек и Шарлотта рано сбежали от всех и на следующий же день отправились в Киворд-Стейшн. С всеобщего одобрения они поселились в комнатах, где в начале своего брака жили Уильям и Кура Мартин. Уильям обставил их со вкусом, очень дорого, и Шарлотта ничего не имела против того, чтобы жить в роскошной обстановке. Джек лишь настоял на более скромной мебели в спальне и попросил столяра из Холдона сделать простую кровать и шкафы из местной древесины.

— Но только не каури! — смеясь, потребовала Шарлотта. — Ты же знаешь, тане Махута, бог леса, развел Папу и Ранги!

Согласно мифологии маори, Папатуануку, земля, и Рангинуи, небо, сначала были любовной парой, которая парила в космосе, тесно прижавшись друг к другу. Но их дети в конце концов решили развести их и создали свет, воздух и жизнь на земле. Однако Ранги, небо, по-прежнему почти каждый день плачет после расставания.

Джек рассмеялся и обнял жену.

— Нас ничто не разлучит, — твердо произнес он.

Небольшие изменения внесла Шарлотта и в бывшую музыкальную комнату Куры.

— Я немного умею играть на фортепьяно, но больше одного инструмента мне действительно не нужно, — пояснила она. В салоне МакКензи по-прежнему стоял роскошный рояль Куры. — Особенно рядом с нашей спальней. Там же будет… — Она покраснела. Воспитанницы английских интернатов не умели свободно говорить о зачатии детей.

Но Джек понял ее без слов. Для него было само собой разумеющимся не отводить малышам самые дальние комнаты. И с самого дня свадьбы он изо всех сил старался позаботиться о потомстве.

Несмотря на то что Джек и Шарлотта были счастливы в Киворд-Стейшн, Джордж Гринвуд позаботился о подобающем свадебном путешествии.

— Настало время посмотреть мир, Джек! — решил он, когда зять попытался найти тысячу причин, чтобы не уезжать с фермы. — Овцы счастливы на высокогорьях, а с парой коров твои родители и работники справятся и без тебя.

— С парой *тысяч* коров, — заметил Джек.

Джордж закатил глаза.

— Ты не обязан лично каждый день укладывать их спать, — произнес он. — Бери пример с жены! Ей не терпится посмотреть на Блинные скалы!

Шарлотта предложила съездить на Западное побережье. Впрочем, ее манили не только чудеса природы. На самом деле ей было очень интересно обменяться своими идеями с самым знаменитым исследователем маори — Калевом Биллером. После того как она узнала, что племянница Джека и ее муж не только живут в том же городе, что и Биллер, но даже знакомы с ним, ее было уже не удержать.

— Насколько мне известно, нельзя сказать, что Ламберты и Биллеры дружат, — заметил Джордж, но это не испугало Шарлотту.

— Ну, они же не смертельные враги, — заявила она. — А если и так, мы установим мир. Кроме того, им необязательно все время сидеть рядом, когда я буду общаться с мистером Биллером. С их стороны будет достаточно представить нас друг другу. А ты тем временем сможешь поискать золото, Джек! Ты же всегда хотел попробовать!

Джек рассказывал ей о своих юношеских фантазиях и мечтах сделать карьеру золотоискателя. Как и все недоросли, он представлял, как когда-нибудь разбогатеет, разработав собственный участок. Раз уж Джеймсу МакКензи повезло с этим в Австралии, то почему и ему не попытать счастья? Однако в целом Джек пошел в мать: его интересовали в основном овцы. Может быть, поиски золота и увлекательное занятие, но Джек был человеком оседлым.

— Тогда нам лучше навестить О’Киф в Квинстауне, — проворчал он. — В Греймуте добывают уголь. А это меня не особенно привлекает.

— В Квинстаун поедем в следующем году! — решила Шарлотта. — Я ведь хочу познакомиться с твоей сестрой. Но для начала в Греймут, это гораздо проще. Здесь ведь есть железнодорожное сообщение!

Джеку было нечего возразить своей настойчивой женушке. Всего несколько часов на поезде будут отделять его от любимых коровок, и,

кроме того, Джордж Гринвуд готов был предоставить в их распоряжение свой личный вагон-салон. Роскошный вагон цеплялся к обычному поезду, и молодожены могли наслаждаться путешествием в обитых плюшем креслах или даже в постели, попивая шампанское. Особого воодушевления у Джека это не вызывало; он по-прежнему предпочитал верховую езду, а сон с любимой под открытым небом, усеянным звездами, казался ему романтичнее, чем кровать на колесиках. Однако Шарлотта была в восторге, и он согласился.

Еще меньше воодушевления проявили Тим и Илейн Ламберт.

— Ты действительно хочешь пригласить Флоренс Биллер? — в ужасе переспросил Тим. — Я, конечно, очень уважаю твою родственницу, но это уже слишком!

— Шарлотта хочет познакомиться с Калевом Биллером, — успокоила его Илейн. — Не могу же я пригласить на ужин только его. Как это будет выглядеть? Нам придется быть любезными всего один вечер и говорить о… о чем еще говорить с Флоренс, как не о горном деле?

Тим пожал плечами.

— Может быть, ты попробуешь перевести разговор на то, о чем обычно болтают женщины? Семья, дети…

Илейн захихикала.

— Не знаю, стоит ли слишком развивать эту тему. Разве она не беременна в очередной раз, разве не отослала в Уэстпорт хорошенького секретаря?

Тим ухмыльнулся.

— Очень интересная тема. Может быть, тебе удастся заставить ее покраснеть. Кому-нибудь когда-нибудь это удавалось? — Он сложил салфетку.

Ламберты как раз закончили совместный ужин, и у детей уже слипались глаза. Было так непривычно, что за столом сидят только малыши и уже не нужно тщательно следить за собственными словами. Будь за столом смышленая Лилиан, Илейн высказалась бы насчет детей Биллеров гораздо осторожнее.

— Возможно, это удалось Калеву, когда он рассказал ей всю правду. Интересно, он действительно воспользовался словосочетанием «теплый брат»?

— Лейни! — Тим расхохотался.

Калев и в самом деле употребил это выражение, когда много лет назад признался Куре в своей склонности. Он совершенно не хотел жениться, но

тогда ему недостало мужества выбрать жизнь свободного художника и когда-нибудь сделать свои мечты реальностью. В конце концов он согласился на брак с Флоренс, в котором, судя по всему, обе стороны были более-менее довольны.

— Нужно пригласить их с детьми, — поразмыслив, решила Илейн. — По крайней мере пусть возьмут с собой двух старших. Тогда они пробудут недолго, и в случае чего говорить будем о каких-нибудь интернатах. Ведь Бенджамин примерно одного возраста с Лили, верно?

Тим кивнул.

— В этом году он должен ехать в Кембридж. Хорошая идея. И если ничего не получится, заведем беседу о разведении овец. Джек может говорить об этом часами, и готова спорить, что в этом случае последнее слово останется не за Флоренс.

Поначалу Тим Ламберт был настроен против молодой жены Джека, которая, по сути, вынудила его лишний раз увидеться с Флоренс Биллер. Но Шарлотта завоевала его сердце с налету, равно как и сердце Илейн и мальчишек. Молодой женщине удалось не то чтобы «не обращать внимания» на ограниченные возможности Тима, но вести себя с ним настолько непринужденно, что и он, и все вокруг забывали о его инвалидности. Она смеялась с Илейн и нашла в ее лице еще одного благодарного слушателя своих рассказов о жизни суфражистки. С мальчиками Шарлотта не только с удовольствием играла в железную дорогу, но и привезла им целый набор простых маорийских инструментов, рассказывала о *хака*, которые они тут же принялись громко исполнять.

— Кажется, Куре-маро-тини не стоит опасаться конкуренции со стороны этой орды! — Илейн рассмеялась и зажала руками уши. — Даже в том случае, если Лилиан будет играть на фортепьяно. Мое потомство, похоже, не унаследовало музыкальность Ламбертов.

— Кстати, как дела у Лилиан? Она пишет?

Джек воспользовался возможностью задать уже давно терзавший его вопрос. Несмотря на то что женитьба и работа на ферме более чем достаточно заполняли его время, он тревожился за Глорию. Регулярно приходившие от нее письма скорее озадачивали его, чем успокаивали, вселяя неуверенность в том, что у нее все хорошо. Гвинейра и Джеймс могли быть удовлетворены тем, что Глория спокойно пишет о музыкальных занятиях, чтении в саду и летних пикниках на берегу Кама, но Джеку все это не говорило ровным счетом ничего. Он не находил в письмах ни следа личности Глории. Казалось даже, будто написал их кто-то другой.

Илейн с улыбкой кивнула.

— Конечно же, она пишет. Девочек заставляют делать это. Они должны писать домой каждую субботу после обеда… что для Лили не составляет труда, ей всегда есть что рассказать. Хотя я задаюсь вопросом, каким образом она протаскивает свои письма через цензуру. Ведь учителя всегда делают выборочный контроль, верно?

Она обернулась к Шарлотте. Та пожала плечами.

— В принципе, они уважают тайну переписки. По крайней мере для старших и в той школе, в которую ходила я, — сказала Шарлотта. — А у малышей всегда проверяют орфографию.

— Неужели Лилиан пишет что-то такое, что подрывает устои? — с тревогой спросил Джек. — Она несчастна?

Илейн рассмеялась.

— Отнюдь. Но боюсь, что представление Лили о счастье не совсем совпадает с представлениями ее учительниц. Вот, прочти сам!

Она достала из кармана платья последнее письмо Лилиан. Илейн носила с собой письма Лилиан и постоянно перечитывала их до прибытия следующих, что свидетельствовало о ее тоске по дочери.

— «Дорогая мамочка, дорогой папочка, дорогие братья, — прочел Джек. — Я получила плохую отметку за работу по английскому языку, в которой нужно было написать пересказ одной истории мистера По. Но она была такая грустная, что я придумала другой конец. Наверное, это было неправильно. Иногда мистер По писал довольно грустные истории, а еще очень страшные. А ведь привидений совсем не существует. Я знаю это, потому что на прошлых выходных была вместе с Амандой Волверидж в замке Блумбридж. У ее семьи есть огромный замок, и там должны водиться привидения, но мы с Амандой не спали всю ночь и никаких привидений не видели. Только ее глупого брата под простыней. Кроме того, мы катались верхом на пони Аманды, и это было очень весело. Мой пони был быстрее всех. Руб, может быть, ты пришлешь мне вету? На прошлой неделе мы засунули паука в карту, которую должна была развернуть мисс Комингден-Пруст. Она ужасно испугалась и вскочила на стул. Мы увидели ее панталоны. С ветой было бы еще лучше, потому что веты иногда подпрыгивают…»

Шарлотта захихикала, словно сама была маленькой девочкой, подшучивающей над своими учительницами. Огромные новозеландские насекомые наверняка произвели бы в английских классах большое впечатление.

Джек тоже смеялся, хоть и несколько подавленно. Это письмо было

потрясающим; складывалось впечатление, что слышишь, как болтает маленькая Лилиан. По сравнению с этим веселым посланием письма Глории казались почти жуткими. Сухие отчеты о занятиях, на которые дома девочка ни за что не стала бы тратить время. Нужно попытаться прекратить это. Вот только он понятия не имел, что и как следует сделать.

6

Глория ненавидела каждую секунду, проведенную в «Оукс Гарден». Девочке казалось, что все сговорились против нее.

Все началось с противных соседок по комнате, не упускавших ни малейшей возможности для критики. Может, они завидовали тому, что у нее знаменитая мать, а может, им просто нужен был козел отпущения, чтобы отыграться на нем, выплеснув свое раздражение. Глория не собиралась предаваться глубокомысленным размышлениям на эту тему. Но ей было обидно, оттого что она не могла отплатить насмешничающим девочкам той же монетой — равно как и игнорировать их нападки. В конце концов, она ведь и сама знала, что некрасива и что в школьной униформе выглядит неуклюже. А о глупости и отсутствии таланта ей каждый день безжалостно напоминали в «Оукс Гарден».

Впрочем, школа, несмотря на то что педагогические усилия были нацелены на поощрение художественных навыков, не была кладезем творчества и талантов. Большинство других учениц так же неловко, как и Глория, обращались с кистью, сажая кляксы краски на полотна, и лишь с помощью учительниц им удавалось нарисовать дом или сад с учетом правильной перспективы. Габриэлла Уэнтворт ужасно играла на скрипке, да и игра Мелиссы на виолончели была не лучше. Лишь немногие девочки были одарены творческими способностями, а остальные, в лучшем случае, просто восхищались музыкой или живописью. Лилиан Ламберт, к примеру, нисколько не стесняясь, сыграла на фортепьяно своей учительнице музыки «Аннабель Ли» и удивилась, что мисс Тэйлер-Беннингтон не пришла в восторг. Лили была лишь немногим более одаренной, чем Глория, но уроки музыки ей нравились, как и большинству других девочек. Ладно, на индивидуальных занятиях, призванных помочь овладеть музыкальным инструментом, все мучились, но, к примеру, петь в хоре любили все, кроме Глории. Впрочем, ни одной другой ученице не довелось пережить такие пытки, какие выпали на долю дочери Куры-маро-тини Мартин.

Глория предчувствовала недоброе еще тогда, когда мисс Уэджвуд, руководительница хора, вызвала ее петь одной из первых.

— Дочь знаменитой миссис Мартин! — объявила мисс Уэджвуд, и ее глаза засияли. — Я так рада, что ты приехала к нам. У нас слабоватые альты, и, если у тебя голос хотя бы вполовину такой же, как у матери, ты сможешь существенно их усилить! Спой, пожалуйста, ля.

Она ударила по клавише, и Глория попыталась повторить звук. До нее это проделывали уже три другие девочки, и мисс Уэджвуд, негромко вздохнув, определяла их в различные голоса. Но ни один голос не звучал настолько сдавленно, как голос Глории, которой был неприятен уже сам факт, что ей приходится стоять у фортепьяно перед всем классом. Упоминание о матери добило девочку. Глория не могла произнести ни звука, не говоря о правильных нотах. При этом у нее был сильный и звучный голос. Но девочка не верила в собственную способность спеть правильно даже самую простую песню, а перед публикой она вообще готова была провалиться сквозь землю.

— Что ж, действительно, от матери ты не унаследовала ничего! — наконец разочарованно произнесла мисс Уэджвуд и переставила Глорию в последний ряд.

Туда же определили и Габриэллу, которая с этого момента не упускала ни единого шанса списать все ошибки на Глорию. Когда бы альты ни сфальшивили, она заявляла, что это Глория всех сбивает. При этом та пела настолько тихо, что одноклассницы почти не слышали ее. Единственный, кто мог защитить ее, была Лилиан. И она пела — громко и фальшиво — с первыми голосами.

Глории нисколько не помогало то, что они с Лилиан учились в одной школе. Девочек отправили в совершенно разные классы, записали на разные курсы, они встречались только в хоре и на перерывах в саду. Но там Лилиан уже с первых дней была окружена другими девочками. У нее сразу появились подруги, с которыми она нашла общий язык. Несмотря на это, она не открещивалась от Глории, а наоборот, приветствовала ее в своем кругу, но последняя все равно чувствовала себя лишней. Ученицы младших классов смотрели на нее как на представительницу средней ступени, со смесью восхищения, зависти и недоверия. Между отдельными классами в «Оукс Гарден» царило соперничество; никто не ходил друг к другу в гости, а если ходили, то только ради того, чтобы подшутить. Конечно же, Глория была далека от этого, но она невольно послужила источником недовольства в западном крыле, когда Лилиан пригласила ее на полуночную вечеринку. Как ей и сказали, Глория незаметно прокралась к ним, и ей даже понравилось есть пирог и пить лимонад в кругу девочек помладше. При этом Лилиан развлекала всех такими же безумными историями, которые восхищали Глорию еще в Киворд-Стейшн, и наконец стала смеяться и болтать с подружками Лилиан, как это было раньше. Но по возвращении ее поймали соседки по комнате во главе с Габриэллой, заставили выдать тайну и тут же сдали Лилиан экономке. Мисс Барнум застала младших девочек за

уборкой после вечеринки, последовали наказания. И конечно же, виновницей печального исхода сделали Глорию.

— Да ведь я тебе верю! — с сочувствием говорила Лилиан. Девочки встретились во время «штрафных экзерсисов» в саду. Наказания в «Оукс Гарден» заключались в многочасовых прогулках, обычно под дождем. Вообще-то, разговаривать при этом запрещалось, но заставить Лилиан держать рот на замке было невозможно. — Эта Габриэлла — настоящая змея! Но, сама понимаешь, теперь мои подруги вряд ли захотят, чтобы ты приходила. Мне так жаль!

И Глория снова осталась одна, целиком и полностью ограниченная событиями из жизни интерната. Что касается Лилиан, то ей, в силу общительного характера, жилось лучше. Почти каждые выходные ее приглашала в гости какая-нибудь из девочек, и она проводила субботу и воскресенье с родителями подружки. Хотя ученицы «Оукс Гардена» приезжали со всей Англии, примерно половина из них жила совсем неподалеку, и они любили приглашать в гости нездешних. Поэтому на выходные в интернате оставалась лишь горстка отверженных. Развлечений для них особых не было, и девочки, пребывая в плохом настроении, обычно вымещали свое недовольство на Глории. Именно так вели себя Габриэлла и Фиона, которые тоже приехали издалека и которых нечасто звали в гости.

Как бы там ни было, по воскресеньям девочек посылали на богослужение, и Глория встречалась с мисс Бличем — это был единственный лучик света за всю неделю. Впрочем, молодая гувернантка не производила впечатления особенно счастливого человека. Глория удивилась, увидев ее в первое воскресенье за органом в Состоне.

— А я и не знала, что вы умеете играть, — робко произнесла она, когда они наконец встретились после богослужения. — Разве вы не говорили бабушке Гвин, что не даете уроков музыки?

Сара Бличем кивнула.

— Глори, сокровище мое, если бы у тебя был хотя бы слабенький слух, ты поняла бы, почему я так поступила! — пошутила она, но умолкла, заметив, что лицо Глории скривилось в болезненной гримасе.

Все обитатели Киворд-Стейшн принимали отсутствие музыкальных способностей у Глории как данность — и отчасти даже приветствовали! Никто и никогда даже не думал о том, чтобы шутить по этому поводу, и Глория смеялась вместе со всеми, когда у нее что-то не получалось. Но сейчас, похоже, веселая самокритика Сары задела девочку — раньше она так не реагировала даже на упрек за небрежно проделанную работу.

— Я не хотела тебя обидеть, Глори, — тут же извинилась Сара. — Что это с тобой? Неприятности в школе из-за того, что ты такая же бесталанная, как и я?

Глория боролась со слезами.

— Разве вы бесталанны? Вы даже в церкви играете!

Сара вздохнула. По поводу ее выступления в церкви у нее возник спор с Кристофером. До сих пор на органе по воскресеньям играла мисс Тэйлер-Беннингтон, учительница музыки из «Оукс Гарден», делавшая это, конечно же, намного лучше, чем Сара, у которой к этому душа не лежала. Однако Кристофер настоял на том, чтобы Сара «влилась» в общину. Он представлял ее всем как свою кузину, но в деревне, конечно же, сплетничали о предстоящем заключении брака. Почти каждая женщина, с которой встречалась Сара, старалась затронуть эту тему и высказывала пожелания насчет того, каким образом будущая жена пастора может послужить общине. Сара послушно взяла на себя библейский кружок и воскресную школу, но, несмотря на бесспорный педагогический талант, ее усердие не нашло отклика у женщин.

— Сара, милая моя, женщины жалуются, — заявил Кристофер по прошествии второй недели. — Ты превращаешь урок слова Божьего в науку. Все эти истории из Ветхого Завета — разве это так необходимо?

— Я думала, что стоит почитать с ними библейские тексты, в которых встречаются женщины, — оправдывалась Сара. — А в Ветхом Завете они самые красивые.

— Самые красивые? Как тот, что о Деворе, которая отправляется на битву вместе с полководцем? Или об Иаили, которая убивает своего врага колом? — Кристофер покачал головой.

— Что ж, женщины, описанные в Ветхом Завете, были более… хм… деятельны, чем в Новом, — признала Сара. — Но ведь они тоже достигли многого. Эсфирь, к примеру…

Кристофер нахмурился.

— Скажи-ка, Сара, ты симпатизируешь суфражисткам? Все это звучит довольно крамольно.

— Это Библия, — заметила Сара.

— Но ведь там есть места гораздо красивее! — Кристофер бережно прикоснулся к Новому Завету.

И во время следующей же воскресной проповеди доказал Саре, как он представляет себе обсуждение темы «Женщина и Библия».

— Ценнее жемчугов добродетельная, добрая жена! — начал он свою речь, лишь кратко затронув грехи Евы, чтобы восхвалить потом мужа,

который может назвать добрую жену своей. — Любезность и благоразумие жены усладят ее мужа!

Принадлежавшие к общине женщины как по команде краснели, но похвала была им приятна. Они пришли в восторг от покорности Марии воле Божьей и ее материнских качеств. Под конец Кристофер наслаждался всеобщим одобрением.

— На следующем библейском кружке ты прочтешь с ними восхваление Богородицы и поговоришь о том, как была благословлена девственница, — весело заявил он Саре. — Кроме того, она не такая длинная, как все библейские истории. Женщины хотят поговорить о чем-нибудь еще.

И действительно, на библейском кружке больше сплетничали, причем излюбленной темой был преподобный пастор. Все женщины были без ума от него и яркими красками расписывали перед Сарой его благодеяния для общины.

— Но вы наверняка станете ему доброй женой! — покровительственным тоном произнесла миссис Бастер, квартирная хозяйка Сары.

Кристофер разместил ее у пожилой вдовы, и комната действительно оказалась чистой и удобной. Впрочем, миссис Бастер оставляла мало личного пространства своей постоялице. Если ей хотелось поговорить, Сара вынуждена была слушать ее рассуждения о жизни. В конце концов девушка стала сбегать от назойливой хозяйки, предпочитая продолжительные прогулки — часто под дождем.

Однако серьезные различия между Сарой и остальными членами общины проявились, когда Кристофер сделал ее учительницей воскресной школы. Так уж вышло, что Сара любила естественные науки и в числе ее глубочайших педагогических убеждений была необходимость правдиво отвечать на вопросы учеников.

— О чем ты только думала? — раздраженно поинтересовался Кристофер, когда после первого урока посыпались озлобленные протесты со стороны родителей. — Ты рассказываешь детям, что мы произошли от обезьян?

Сара пожала плечами.

— Билли Грант спросил, действительно ли Господь создал землю за шесть дней. А ведь Чарлз Дарвин опроверг эту теорию. Поэтому я объяснила ему, что в Библии повествуется очень красивая история, помогающая нам лучше понять чудо сотворения. А затем рассказала детям, как все было на самом деле.

Кристофер схватился за голову.

— Это совершенно неуместно! — огорчился он. — И даже будь ты тысячу раз уверена в этом, нельзя говорить о подобных вещах в христианской воскресной школе. На будущее будь осторожнее относительно того, что рассказываешь детям! Мы не на краю света, где, возможно, терпимо воспринимают эти пораженческие идеи…

Сара не хотела признаваться в этом, но, представляя себя в роли будущей жены пастора, она все чаще тосковала по тому самому краю света. До сих пор девушка считала себя доброй христианкой, однако постепенно в ней стало крепнуть ощущение, что этого уже недостаточно. Судя по всему, ей не хватало твердости в вере — и уж точно ее любви к ближнему не хватало на то, чтобы каждый день заниматься отчасти мелочными, отчасти надуманными тревогами членов общины. Общение с детьми радовало ее гораздо больше. А маленькая Глория, похоже, страдала от серьезных проблем.

Несмотря на отчетливо проявляемое Кристофером нетерпение — после воскресного богослужения их с Сарой чаще всего приглашали на обед, а он не любил быть непунктуальным, — она хотя бы ненадолго уединялась с девочкой и выслушивала ее. В едином душевном порыве они обе уходили на кладбище за церковью. Не очень располагающее место, но тем не менее вполне подходящее для того, чтобы им никто не мешал. Сара пока еще не признавалась себе в том, что давно уже знала Глория: обе они постоянно и отчаянно искали подобные места, где можно было бы уединиться.

— Я получаю только плохие оценки, мисс Бличем, — пожаловалась Глория, вероятно считая, что учительницу это должно интересовать больше, чем ежедневные мучительства со стороны злобной Габриэллы. — Я не умею петь и читать ноты. Для меня все они звучат одинаково. И рисовать получается не очень хорошо, хотя… пару дней назад я видела лягушку, травянисто-зеленую, мисс Бличем, с крохотными присосками на лапках, и нарисовала ее. Как мой прадед, Лукас. Сначала большое изображение лягушки, а затем — маленькое. Вот, посмотрите, мисс Бличем!

Глория с гордостью продемонстрировала слегка испачканный углем рисунок, и он произвел на Сару впечатление. Казалось, уроки рисования в перспективе упали на благодатную почву: девочка нарисовала животное поразительно правдиво.

— Но мисс Блейк-Сазерленд сказала, что это отвратительно. Я не должна рисовать отвратительные вещи, искусство должно служить

прекрасному. Габриэлла получила четверку, потому что нарисовала цветок. Но он и близко не был похож на настоящий…

Сара Бличем вздохнула. Похоже, у Глории есть творческие способности, но художественное творчество навсегда останется для нее тайной за семью печатями.

— Наверное, мисс Блейк-Сазерленд этого даже не знает, — продолжала Глория. — Здесь, в Англии, совсем не преподают ботанику, да и зоологию тоже, разве что совсем капельку. География скучная, то, что мы делаем на уроках, — это для малышей. И латыни нет, зато есть французский…

— Но ведь мы с тобой учили французский, — испытывая угрызения совести, произнесла Сара.

Обучать Глорию этому языку она начала только около года назад. А в «Оукс Гарден» французский, наверное, с первого класса.

Глория подтвердила ее опасения. Она безнадежно отстала. Однако эта проблема натолкнула Сару Бличем на идею.

— Может быть, я могла бы заниматься с тобой дополнительно, — предложила она. — В субботу или в воскресенье после обеда. Ты хотела бы этого или для тебя это слишком?

Глория просияла.

— Это было бы чудесно, мисс Бличем! — обрадовалась девочка. Время в воскресенье после обеда, когда она сможет сбежать от Габриэллы и Фионы, казалось ей раем на земле. — Вы можете написать бабушке Гвин по поводу оплаты.

Сара покачала головой.

— Мне же будет приятно, Глори. Мы должны поговорить с мисс Эрроустон. Если она не разрешит…

Несмотря на то что Кристофер отговаривал ее, Сара уже на следующий день отправилась в интернат и как в омут головой ринулась в бой с мисс Эрроустон. Поначалу ректорша была совершенно не в восторге от ее предложения.

— Мисс Бличем, мы ведь договаривались, что девочку нужно отучать от вас. Глория ведет себя здесь очень своенравно, у нее не получается сдружиться с одноклассницами, она не воспринимает учебный материал. Временами содержание занятий совершенно чуждо ей, но иногда она просто упрямится! Учительница по библейской истории недавно приводила ее ко мне, потому что в своем сочинении девочка выступила с дарвинистскими идеями! Вместо первородного греха она написала что-то о

происхождении видов! Я строго отругала ее и наложила наказание.

Сара покраснела.

— Девочка — совершенная дикарка! — заявила мисс Эрроустон, проявляя все признаки возмущения. — И в этом, без сомнения, есть и ваша вина. Ладно, на этой своей овечьей ферме малышка дичала. Вряд ли тут можно было сделать что-то серьезное с помощью некоторого количества частных уроков. Поскольку семья в Новой Зеландии… правда ли то, что рассказывает Лилиан? Ее дед действительно был скотокрадом?

Сара Бличем невольно улыбнулась.

— Прадед Лилиан, — поправила она. — Глория не состоит в родстве с Джеймсом МакКензи.

— Но ведь она росла в семье этого так называемого народного героя? Все это очень темное дело… И кто такой этот Джек? — С этими словами мисс Эрроустон вынула из ящика стола лист бумаги.

Сара узнала крупный почерк Глории и вышла из себя.

— Неужели вы читаете письма девочек? — возмутилась она.

Мисс Эрроустон осуждающе поглядела на нее.

— Обычно нет, мисс Бличем. Только вот это…

Учениц «Оукс Гарден» заставляли регулярно писать домой. Для этого был выделен последний урок в пятницу. Им раздавали почтовую бумагу, и за процессом всегда кто-нибудь наблюдал — не только для поддержания порядка, но и для того, чтобы подсказать, как правильно написать то или иное слово. Конечно же, это было необходимо для учениц начальной ступени: такие девочки, как Лилиан Ламберт, писали взволнованно и очень быстро. Зато в классе Глории уроки письма проходили обычно спокойно. Девочки не торопясь писали отчеты домой. Лишь немногим было что рассказать, но, конечно же, они научились раздувать мелкие события — например, хорошую отметку за рисунок или новую пьесу на уроках музыки — до невероятных масштабов.

Зато Глория сидела над листком бумаги, не зная, что писать. Как она ни старалась, в голове не складывались слова, чтобы рассказать о ее беде. Впрочем, в памяти всплывали события, определившие прошедшую неделю: утро понедельника, когда она нашла с таким трудом выглаженную блузку смятой, под всеми вещами, которые сняла вечером Габриэлла. К девочке приезжали родители, и она поздно вернулась в общую комнату после вылазки — усталая, но все же не слишком утомленная, чтобы придумать очередную злую шутку. Глория тут же получила выговор от экономки; она всегда выделялась во время утренних проверок. Казалось,

белые блузки сами по себе мнутся на ней, даже если перед одеванием они были выглажены. Возможно, все дело было в блейзере, который категорически не хотел на ней сидеть. Или просто Глория двигалась больше других? А может быть, экономка придиралась к ней? Несколько учениц помладше, среди которых была и Лилиан, тоже не всегда выглядели опрятно, но все равно казались хорошенькими или хотя бы веселыми. А во взгляде мисс Коулридж Глория всякий раз читала, насколько ужасно и неуклюже она выглядит.

— Позор школы! — заявила мисс Коулридж и добавила Глории несколько штрафных баллов. Габриэлла язвительно усмехнулась.

Или вторник, когда по расписанию было хоровое пение. На занятие неожиданно явилась ректор и настояла на том, чтобы некоторые новички спели при ней. Среди них, конечно же, была Глория — возможно, все это было организовано исключительно из-за нее. Мисс Эрроустон хотела знать, действительно ли дочь знаменитой миссис Мартин настолько безнадежна, как утверждает мисс Уэджвуд. Естественно, Глория, как и ожидалось, опозорилась — и на сей раз ей еще досталось за плохую осанку на сцене.

— Глория, девочка должна ходить, как дама! Выпрямись, подними голову, смотри на своих слушателей! Благодаря этому и голос будет звучать лучше…

Глория втянула голову в плечи. Она не хотела, чтобы ее видели. И она совсем не дама.

В конце концов она оборвала песню на середине, расплакалась, убежала со сцены и спряталась в саду. А позже, когда появилась только к ужину, получила дополнительные штрафные баллы.

Потом была среда с ее непередаваемой историей о первородном грехе. Она слышала об этом в воскресной школе в Холдоне, но особенно не вникала. Для Глории наследственность выражалась в качестве шерсти овец, сторожевом инстинкте у собак и способности нести седока у лошадей. Все это можно было улучшить с помощью правильного подбора пары, но у Адама и Евы такой возможности не было. А поскольку при слове «рай» ей всегда представлялись обширные просторы Киворд-Стейшн и все то, что рассказывали ей мисс Бличем и Джеймс МакКензи про местные растения и животных, она лишь слегка коснулась сотворения, а затем перешла к описанию развития разных видов животных в разных ареалах. «Человек, — закончила она свое сочинение, — развивался не в Новой Зеландии. Маори пришли с Гавайки, *пакеха* — из Англии. Но обезьян там тоже нет, поэтому, возможно, первые люди появились все же в Африке или Индии. Но рай был, наверное, не там, потому что там нет яблок».

Глория совершенно не поняла, почему из-за этих фраз ее вызвали к ректору и отругали. В качестве наказания ей пришлось трижды переписать историю о сотворении мира, при этом она узнала, что рай находился между Евфратом и Тигром и что яблок в Библии вообще не было. Все это показалось Глории очень странным.

Затем наступил четверг с кошмарным уроком игры на фортепьяно, на котором Габриэлла успела подменить ноты Глории. В результате мисс Тэйлер-Беннингтон заставила ее играть по памяти. И все тяжелые занятия на протяжении недели пропали втуне. Без нот у Глории совершенно ничего не получалось. После обеда нужно было отрабатывать штрафные пункты посредством продолжительной молчаливой прогулки. Конечно же, снова шел дождь и Глория мерзла в своей школьной форме.

Обо всем этом совершенно невозможно было написать домой. Она вообще ничего не могла написать из того, что происходило здесь с ней, и при этом не расплакаться. Глория провела час, молча глядя перед собой, не видя кафедры, доски и надзирательницы — мисс Коулридж.

Когда же она наконец взяла в руки перо, то обмакнула ручку в чернила настолько глубоко, что на бумагу упали похожие на слезы капли. А потом она написала всего несколько слов, ни на минуту не уходившие из ее головы: «Джек, пожалуйста, забери меня домой!»

— Ну вот, видите, мисс Бличем! — безжалостно заявила мисс Эрроустон. — Разве мы могли отправить это письмо?

Сара, закусив губу, недоуменно смотрела на листок бумаги, на котором запечатлелся крик о помощи, вырвавшийся у Глории.

— Я понимаю, что вы должны действовать строго, — сказала она. — Но я предлагаю лишь пару дополнительных занятий по французскому языку. Глории станет легче влиться в коллектив, если она будет лучше заниматься. К тому же на выходных она ничего не пропустит.

Сара была исполнена решимости встречаться с Глорией тайно, если мисс Эрроустон не согласится. Но ректор, выдержав паузу, смягчилась.

— Ну хорошо, мисс Бличем. Если преподобный ничего не имеет против…

Сара снова едва не вспылила. При чем здесь Кристофер? Какое отношение он может иметь к тому, что она будет давать уроки Глории? С каких пор ей нужно разрешение на то, чтобы взять ученицу? Но Сара сдержалась. Если она будет продолжать настраивать мисс Эрроустон против себя, у нее ничего не получится.

— Кстати, чудесная была проповедь на тему места женщины в

Библии! — заметила ректор, провожая посетительницу. — Передайте ему, пожалуйста, что мы все были очень тронуты…

На первое занятие в субботу Глория пришла испуганная и с опозданием.

— Мне очень жаль, мисс Бличем, но сначала я должна была написать письмо, — извинилась она. — Сегодня вечером мне нужно отдать его мисс Коулридж. Но я…

Сара вздохнула.

— Тогда займемся этим в первую очередь, — объявила она. — Почтовая бумага у тебя с собой?

Дорогая бабушка Гвин, дорогой дедушка Джеймс, дорогой Джек!

Большой привет вам из Англии. Я написала бы и раньше, но нужно много учиться. У меня уроки игры на фортепьяно, я пою в хоре. На уроке английского мы читаем стихотворения мистера Эдгара Аллана По. Некоторые учим на память. У меня хорошо получается рисовать. По выходным я вижусь с мисс Бличем. В воскресенье мы ходим на богослужение.

Я вас всех очень люблю.

Ваша Глория.

7

Так называемые «дополнительные занятия» в субботний день вскоре стали для Глории самым интересным событием недели. Она начинала предвкушать их уже в понедельник, и если будни выдавались особенно кошмарными, она видела учительницу во сне и мысленно жаловалась ей на неприятности. Конечно же, мисс Бличем не ограничивалась уроками французского, которым они усердно занимались первый час, — ведь мисс Эрроустон и мадам Лаверн, учительница французского языка, должны были видеть прогресс. А потом Глория рассказывала о своем ежедневном мученическом соседстве с Габриэллой и другими девочками, и Сара давала ей полезные советы относительно того, как с этим быть.

— Нельзя все сносить настолько безропотно, Глория! — с легким упреком говорила она. — Нет ничего оскорбительного в том, чтобы иногда

попросить о помощи экономку. Особенно если с тобой проделывают такие злые шутки, как та, что с чернилами!

Габриэлла испортила школьную блузку Глории, посадив на нее чернильное пятно.

— А если ты не хочешь жаловаться напрямую, то просто попроси экономку взять твои вещи на хранение. Или встань ночью, посмотри, не устроила ли эта девочка что-нибудь еще, подмени одежду. Габриэлла будет выглядеть очень глупо, если найдет пятна на собственной блузке, в то время как ты, уже одетая, выйдешь из комнаты. У вас ведь примерно одинаковый размер. Не стесняйся подсунуть грязные или помятые вещи другой соседке. Тогда взбучку получит Габриэлла. Ты тоже можешь иногда подшучивать над девочками…

Глория вяло кивала. В отношении того, как разозлить других людей, ей не хватало фантазии. Она просто-напросто не могла придумать ничего, что могло бы задеть Габриэллу. Лилиан и ее подруги постоянно подшучивали над учителями и одноклассниками; история с пауком в карте была у всех на устах.

Маленький рыжеволосый кобольд терпеливо внимал тревогам Глории и мягко улыбался.

— Это та коза, которая наябедничала после вечеринки, да? — переспросила она. — Конечно же, я что-нибудь придумаю!

На следующем уроке скрипки Габриэлла увидела, что ее инструмент совершенно расстроен. В этом не было проблемы для по-настоящему музыкальной ученицы, но слух у Габриэллы был не лучше, чем у Глории, и она обычно подкупала очень одаренную девочку из класса Лилиан, чтобы та настраивала ее скрипку перед занятием. А теперь пришлось это делать в присутствии мисс Тэйлер-Беннингтон. Позор был ужасный, Лилиан хихикала.

Удачная шутка наполнила Глорию ощущением, похожим на триумф, но настоящей радости не было. Вид страданий других людей не принес удовлетворения, она не любила ссориться. Гвинейра считала, что потребность в гармонии у нее от маори; бабушка Марама была такой же по характеру. Однако в «Оукс Гарден» миролюбие Глории считали слабостью. Учителя называли ее «инертной», ученицы продолжали мучить, придумывая новые злые шутки.

И только в дни занятий с мисс Бличем в Глории снова просыпалась личность — живая и интересующаяся всем на свете. Чтобы их не подслушали ни Кристофер, ни мисс Бастер, после уроков французского они устраивали долгие прогулки. Однажды Глория выловила из лужи

лягушачью икру, а Сара нашла укромное местечко в саду миссис Бастер, чтобы дать ей вызреть в траве. Глория с восхищением наблюдала за развитием головастиков, и миссис Бастер до смерти испугалась, когда наконец по ее цветочным грядкам запрыгали двадцать веселых лягушат. Саре потребовался не один час, чтобы собрать их и вернуть в ту самую лужу, после чего снова довелось столкнуться с мягким упреком со стороны преподобного.

— Это было не очень женственно, милая моя! Тебе следует больше думать о том, как стать примером для подражания всей общины.

— Вы скоро выйдете замуж за преподобного? — однажды летом спросила Глория.

В школе наступили каникулы, но, конечно же, она не могла вернуться в Новую Зеландию, да и ее родители снова путешествовали по всему миру и, похоже, не стремились повидаться с дочерью. На этот раз они объезжали Норвегию, Швецию и Финляндию. За оставшимися в школе девочками следили не очень строго, поэтому Глория почти каждый день убегала в деревню, чтобы навестить мисс Бличем. Она помогала с подготовкой к общинному базару и летнему празднику, облегчая тем самым Саре выполнять некоторые обязанности, которые та не любила.

К удивлению Сары, Глория отлично поладила с женщинами из общины. Жители деревни были людьми простыми, вели почти такой же образ жизни, как и жители Холдона или семьи погонщиков скота, с которыми девочка общалась прежде. О Куре-маро-тини и ее сенсационном голосе здесь никто никогда не слышал. Глория была всего лишь девочкой из интерната, как и все остальные. Когда люди увидели, что она не такая высокомерная и заносчивая, как многие другие воспитанницы из «Оукс Гарден», они стали обращаться с Глорией как с деревенскими детьми. К тому же оказалось, что Глория гораздо больше любит плести гирлянды, развешивать лампионы и накрывать столы, чем играть на фортепьяно или читать наизусть стихотворения. Она старалась помогать, ее хвалили, и девочка наконец-то вновь почувствовала себя в своей тарелке. В принципе, в общине ей было легче, чем Саре, которая по-прежнему ощущала дискомфорт в окружении деревенских жителей. И вот теперь она растерялась, не зная, как ответить на вопрос Глории.

— Не могу сказать… — после довольно продолжительной паузы произнесла она. — Все полагают, что так и будет, но…

— Вы же любите его, мисс Бличем?

Этот нескромный вопрос задала, конечно же, Лилиан. Она тоже

проводила часть каникул в интернате и смертельно скучала. Впрочем, на следующей неделе она собиралась поехать в Сомерсет. Подруга пригласила ее в поместье своих родителей, и Лилиан уже предвкушала катание на пони и праздники в саду.

Сара снова покраснела, впрочем, не так сильно, как несколько месяцев назад. Она уже привыкла к тому, что с ней постоянно заговаривают о предстоящей свадьбе.

— Думаю, да… — прошептала она. И тут же снова почувствовала неуверенность.

Честно было бы ответить, что Сара не знает, что ей делать, поскольку она по-прежнему не могла дать точное определение понятию «любовь». Раньше она считала, что у них с Кристофером родство душ, но с тех пор как она приехала в Англию, у нее возникало все больше и больше сомнений. В принципе, молодая учительница понимала, что у них с Кристофером мало общего. Сара стремилась к истине и точным выводам. Давая уроки, она старалась объяснять своим ученикам, как устроен мир. В религиозной области это соответствовало бы миссионерскому рвению, но ничего подобного учительница не ощущала. К собственному стыду, она постепенно пришла к выводу, что ей совершенно все равно, во что верят люди. Возможно, именно поэтому у нее никогда не было проблем с учениками-маори. Ладно, она читала с ними Библию, но не загоралась праведным гневом, когда дети сопоставляли ее со сказаниями маори. При этом она просто исправляла грамматические ошибки в английском языке, если такие попадались.

Сару гораздо больше злило невежество — а в Состоне ей слишком часто приходилось с ним сталкиваться. Даже Кристофер поначалу казался ей в этом отношении весьма склонным к тому, чтобы отстаивать косные взгляды, однако затем она обнаружила, что ее кузен не всегда разделяет идеи, которые громогласно провозглашает. Преподобный отец был умен и образован, но истина была для него не настолько важна, как собственное положение в общине. Он хотел, чтобы его любили, восхищались им и уважали, — и для этой цели готов был поступиться собственными взглядами. Кристофер трактовал Библию просто, практически не оставляя места для сомнений. Он льстил женщинам своей общины и воздерживался от критики грехов мужской ее половины. Иногда это наполняло Сару гневом. Когда какая-нибудь женщина в очередной раз жаловалась на мужа, который просаживал деньги в пабе и бил ее, Сара считала более уместным дать ей толковый совет, а не пытаться успокоить и призвать к смирению. Но Кристофер в таких случаях просто сочувствовал прихожанкам. Сара не

думала, что будет справляться с этим лучше, если станет женой священника. Напротив, женщины станут приходить к ней, и о спорах, которые неизбежно возникнут, она предпочитала даже не думать.

Тем не менее Кристофер Бличем привлекал девушку как никогда прежде. После того как Сара практически смирилась с тем, чтобы быть его официальной невестой, она стала позволять ему возить ее на пикники и вылазки. Хотя бы ради того, чтобы избежать деревенской скуки. И стоило им остаться наедине, как она сразу почувствовала шарм, благодаря которому он очаровывал женщин общины. Кристофер старался вызвать в ней ощущение, что он живет только для нее и что во всем свете его не интересует ничего, кроме Сары Бличем. Он смотрел ей в глаза, серьезно кивал в ответ на ее высказывания и иногда… иногда прикасался к ней. Все началось с нежного, почти случайного поглаживания по руке, когда во время пикника оба одновременно схватили куриное бедрышко. Затем это превратилось в сознательное прикосновение пальцев к тыльной стороне ее ладони, словно бы для того, чтобы усилить впечатление от нечаянного жеста.

От таких сближений Сара вздрагивала, наливалась жаром, чувствуя тепло его пальцев. А потом в какой-то момент он взял ее за руку, чтобы помочь перебраться через лужу во время прогулки, и она почувствовала его уверенность и силу. Поначалу это нервировало ее, но он сразу же отпускал руку, как только трудный участок был преодолен. Очень скоро Сара обнаружила, что новые ощущения ей нравятся. А Кристофер, в свою очередь, это заметил. Когда Сара наконец расслабилась, он оставил ее руку в своей, потом начал нежно играть с ее пальцами, говоря при этом, как она красива. Сару смущали его слова, но ей очень хотелось верить в это, и она лишь задавалась вопросом: разве может лгать тот, кто вот так держит за руку? Она внутренне вздрагивала, но спустя немного времени стала радоваться его попыткам сблизиться и не пыталась сдерживать нервное возбуждение, предвкушая момент, когда Кристофер обнимет ее и нежно заговорит.

Вскоре после этого он поцеловал ее — в тростнике у небольшого пруда, где они с Глорией собирали лягушачью икру. И от прикосновения его губ у нее сначала перехватило дыхание, а потом помутился рассудок. Она уже не могла владеть собой, когда Кристофер обнимал ее; она просто наслаждалась. Должно быть, это и есть любовь — мление и таяние в объятиях другого человека. Родство душ — это дружба, но то, что ей довелось испытать с Кристофером… это любовь… точно.

Конечно же, Сара Бличем знала и слово «желание». Но в связи с

Кристофером или даже с самой собой оно было для нее немыслимо. То, что она чувствовала, должно было быть чем-то хорошим, святым — любовью, благословенной после помолвки пары.

Что касается Кристофера Бличема, то для него осторожное сближение с Сарой было скорее мукой, чем наслаждением. Конечно, он знал, что она чопорна и сдержанна в своих желаниях. Учительские семинарии ничем не лучше женского монастыря, где от воспитанниц требовалось воздержание, а за молодыми женщинами строго следили. Но в целом он надеялся, что сумеет быстрее пробудить ее, поскольку не любил продолжительных ухаживаний. Кристоферу нравилось, когда соблазняли его. Он привык, что женщины вздыхают по нему, и умел распознавать даже самые слабые сигналы. Взмах ресниц, улыбка, легкий кивок… И если женщина была красива и обладала соблазнительными формами, требовалось совсем немного, чтобы воспламенить Кристофера. Тогда он начинал запрещенную игру, которой владел в совершенстве. Преподобный рассыпался в намеках и мелкой лести, улыбался, когда женщины краснели, но при этом протягивали ему руку. Ему нравилось наблюдать, как они вздрагивают от блаженства, когда он ласкал их — сначала легкими прикосновениями пальцев, затем губами. В конце концов, именно женщины обычно хотели большего и выбирали для этого укромные местечки. Связанная со всем этим таинственность еще больше возбуждала Кристофера, а женщинам позволяла быстрее перейти к делу. Вот почему Кристофер предпочитал опытных женщин. Постепенное посвящение девственницы в любовные утехи не доставляло ему удовольствия.

Однако, похоже, именно этого требовала Сара. Судя по всему, она понимала в физической любви ровно столько, чтобы опасаться ее, но в то же время осознавала, что с этим связано наслаждение. Скорее всего, она будет лежать под ним неподвижно, ни на что не жалуясь. Тем не менее она до сих пор не сказала ему четкого «да»! Страшно даже представить, что будет, если она передумает, — после того, как он отрекомендовал ее всей епархии как свою будущую супругу! Кристофер по-прежнему был уверен в том, что Сара вполне подходит на роль жены священника, — хотя поначалу возникали некоторые разногласия.

Сара была умной и образованной девушкой; если немного поработать с ней, она сможет выполнять многие задачи в общине. Но, к сожалению, она часто упрямится. А еще Кристоферу совершенно не нравилось, что она возится с девочкой Мартинов, вместо того чтобы заниматься общиной. Что ж, зато она готова идти на компромиссы. После спора по поводу

дарвинизма она почти перестала комментировать библейскую историю и сняла с себя полномочия по религиозному воспитанию учеников воскресной школы. Вместо этого она уходила с ними на природу, чтобы показать прекрасный божественный мир, и дети в итоге больше узнавали о растениях и животных, чем о любви к ближнему и покаянии. Впрочем, до сих пор никто не жаловался, а зимой это должно было закончиться само собой.

Кристофер был преисполнен оптимизма относительно того, чтобы слепить из своей кузины — синего чулка — хорошую жену священника. Впрочем, что касалось мнения епископа, рассматривавшего ее скорее в качестве бастиона на страже добродетели его слишком привлекательного пастора, преподобный не питал на этот счет особых надежд. Конечно, он постарается быть верным, но уже сейчас Сара наводила на него скуку, равно как и ее требование положенных ухаживаний. К слову, воздержание давалось ему не тяжело. Сара не была уродлива, но ей не хватало грациозности движений, которые возбуждали его при одном только взгляде на женщин, подобных миссис Уокер. Кроме того, ему казалось, что под чопорными нарядами она плоская, как доска. Решение сочетаться браком с Сарой Бличем он принял рассудком. Любви или даже привязанности Кристофер не испытывал.

— Я не думаю, что пастор влюблен в мисс Бличем, — сказала Лилиан, когда они с Глорией возвращались в школу.

Глория радовалась тому, что Лили рядом, потому что за подготовками к общинному празднику время пролетело быстро и ворота школы были уже закрыты. Глории пришлось бы звонить, и ей наверняка влетело бы, но Лилиан сказала, что знает по меньшей мере два способа тайного преодоления забора.

— Как это? — удивилась Глория. — Конечно же, он ее любит! — Глория не могла себе представить, чтобы кто бы то в мире мог не любить Сару Бличем.

— Он смотрит на нее не так, — заявила Лилиан. — Не так… ну, не так… я не знаю… Но так он смотрит на миссис Уокер. И на Бриджит Пирс-Бэрристер.

— Бриджит? — переспросила Глория. — Да ты с ума сошла!

Бриджит Пирс-Бэрристер была ученицей из «Оукс Гарден». Она ходила в выпускной класс и была старше большинства остальных девочек. Как и Глорию, ее отправили в интернат довольно поздно, потому что она долгое время училась дома. Сейчас этой хорошо развитой девушке было

уже семнадцать, и воспитанницы интерната хихикали над «пышной грудью» Бриджит под вынужденно облегающей формой.

— Не может же преподобный быть влюблен в Бриджит!

Лилиан усмехнулась.

— Почему бы и нет? Вот Бриджит в него точно влюблена. И Мэри Стеллингтон тоже, я случайно подслушала, когда она говорила. Они обе без ума от него, Мэри сделала для него закладку из засушенных цветов и подарила на день летнего солнцестояния. И теперь она постоянно таращится на его Библию и надеется, что он пользуется закладкой и думает о ней. А Бриджит сказала, что ей разрешат петь на следующем богослужении. И она боится, что не сможет издать ни звука, когда преподобный будет рядом…

В последнее Глория охотно верила.

— Даже девочки из моего класса без ума от него, — продолжала Лилиан. — И Габриэлла. Слушай, ты же должна была это заметить!

Глория вздохнула. Она давно уже перестала слушать перешептывания между Габриэллой и ее подружками. Кроме того, она не понимала, как кто-то может быть без ума от преподобного Бличема. Конечно же, он слишком стар для всех этих девочек. И потом… Глория ничего не могла с этим поделать, но преподобный ей не нравился. Было в нем что-то неискреннее. Он льстил ей при каждой встрече, но при этом старался не смотреть в глаза. Кроме того, ей не нравилось, когда он прикасался к ней. У преподобного Бличема была привычка подходить слишком близко к собеседнику, накрывать ладонью его пальцы или класть руку на плечо — чтобы утешить или успокоить. Глория такого терпеть не могла.

— Лично я бы за него не пошла замуж, — продолжала болтать Лилиан. — Ты только посмотри, как он всех хватает. Когда я выйду замуж, мой муж должен будет прикасаться только ко мне, только мне говорить приятные вещи, а не всем встречным женщинам. И танцевать ему можно будет только со мной. Спорим, что преподобный Бличем будет танцевать с Бриджит на празднике летнего солнцестояния? Вон, смотри, там дерево. Ты сможешь подпрыгнуть и ухватиться за нижнюю ветку? Если получится, отсюда очень просто залезть на дерево и перебраться через забор.

Глория обиженно поглядела на нее.

— Разумеется, смогу. Но есть ли ветка с другой стороны?

Лилиан кивнула.

— Конечно, есть. Это совсем просто. Лезь за мной!

Спустя пару минут девочки оказались в школьном саду. Действительно, очень простой способ, до которого Глория и сама могла бы

додуматься. И, как это часто бывало, она отругала себя за неловкость. Когда же она научится думать? А теперь еще и Лилиан ее напугала. Если преподобный не любит мисс Бличем, возможно, он не женится на ней. Она вернется обратно в Новую Зеландию и подыщет себе новое место. И что тогда, ради всего святого, будет с Глорией?

Сара Бличем была далека от того, чтобы наслаждаться праздником летнего солнцестояния в общине. Она сидела не с молодыми девушками, нет, по жребию ей выпало сидеть за столом с матронами. Здесь велись скучные разговоры, а до этого она обязана была следить за ярмаркой для бедных и продажей пирогов. Конечно, она тоже должна была что-нибудь приобрести. Без особого удовольствия Сара купила связанную миссис Бастер грелку для пасхальных яиц. Та считала само собой разумеющимся, что вещи ручной работы, купленные Сарой, скоро будут украшать стол преподобного отца, и, похоже, это ее радовало. Сара неуверенно кивнула. В принципе, ей не нравилось ничего из того, что здесь продавали, но сказала себе, что одна грелка ничем не хуже другой.

Кристофера в этот день она видела только издалека. Сначала он болтал с двумя мужчинами, сейчас общался с мисс Эрроустон, и, судя по всему, весьма оживленно. Ректор пришла на праздник со своими оставшимися в интернате девятью ученицами и двумя учительницами, которые, наверное, не придумали ничего лучше, чем провести каникулы в Состоне. Девочки развлекались плетением венков, Лилиан в своем беленьком праздничном платье была похожа на крохотную лесную фею. Глория опять выглядела недовольной. Должно быть, кто-то разозлил или раздразнил ее: девочка сняла с себя венок и отшвырнула в сторону. Впрочем, он почти не держался на ее буйных кудрях, которые в этот день она в отчаянии не стала укладывать. Обычно она пыталась заплести косы, но это было сложно, а когда наконец удавалось, они торчали, словно в них вплели проволоку. Сара утешала девочку тем, что нужно просто дать волосам отрасти. Когда-нибудь сила тяжести победит и косы будут лежать на спине, как у всех остальных девочек. Но Глория в это по-настоящему не верила.

Бриджит Пирс-Бэрристер как раз вилась вокруг преподобного. Она была похожа на полноватую нимфу. Платье казалось слишком детским для ее уже хорошо развитой фигуры. Сара задумалась, почему мисс Эрроустон не заставит девочку хотя бы подобрать волосы.

Бриджит что-то сказала Кристоферу, и он, улыбнувшись, что-то ответил ей. Сара почувствовала укол ревности. Чушь, конечно же. Малышка может сколько угодно вздыхать по нему, но преподобный никогда

не станет поощрять семнадцатилетнюю девочку.

Сара размышляла, стоит ли ей встать и подойти к столу «Оукс Гарден». Наверняка общаться с учительницами будет интереснее, чем слушать сплетни, которыми обменивается с подругами миссис Бастер. Но Саре не хотелось вызывать недовольство у Кристофера — с некоторых пор она терпеть не могла этого. Признаться, она сама себе удивлялась, поскольку сначала совершенно ничего не имела против того, чтобы немного повздорить с ним. Однако с тех пор, как они признались друг другу в любви, Кристофер хоть и журил ее реже, но «наказывал» существеннее. Если Сара вызывала его возмущение какими-то словами или поступками, он целыми днями не обращал на нее внимания, не держал за руку — так мягко и нежно, что сердце замирало в груди, — и, конечно же, не обнимал и не целовал.

Раньше Сара никогда не задумывалась о нежностях, не мечтала о мужчинах, и редко бывало, чтобы она украдкой гладила себя под одеялом. Ее удивляли девушки, с которыми она училась, когда, умоляя не говорить никому, они признавались в том, что с вожделением мечтают о возлюбленном. Но сейчас она испытывала острую тоску и страдала, если Кристофер отдалялся от нее. В такие дни Сара не находила себе места, а ночью не могла уснуть и думала о том, что могло его рассердить и что ей нужно сделать, чтобы помириться с ним. В фантазиях она снова и снова переживала его поцелуи, мягкие прикосновения, вспоминала его низкий голос, нежные слова.

Иногда в голове проносилось слово «одержима», но она даже мысленно опасалась связывать его со своей любовью к Кристоферу. Лучше «очарована» или «восхищена». Сара мечтала о том, чтобы найти в объятиях Кристофера полное удовлетворение, ей хотелось нравиться ему. Но если поначалу она застывала, когда Кристофер прикасался к ней, то сейчас просто растекалась. Ей не удавалось ласкать его, ибо в его объятиях она становилась совершенно безвольной. В такие моменты девушка с нетерпением ждала, когда будет назначена дата свадьбы. Похоже, Кристофер не сомневался, что она скажет «да», а романтическое предложение считал излишним. Временами Сара злилась из-за этого. Но когда он прикасался к ней или по-особенному смотрел ей в глаза, она забывала обо всем на свете. Может быть, думалось ей, нужно просто поговорить об этом, но уже в следующее мгновение отбрасывала эту мысль: гордость и слабость побеждали.

Вот и теперь вышло то же самое. Когда собралась капелла и всех пригласили танцевать, Сара ждала, что Кристофер подойдет к ней, но он

пригласил мисс Уэджвуд. К всеобщему восхищению, он станцевал с учительницей музыки вальс. Следующей на очереди стала миссис Бастер.

— Вот видишь, он не танцует с мисс Бличем! — ликуя от своей правоты, прошептала Глории Лилиан. — Она ему не нужна.

Последнее, чего хотелось Глории в этот день, так это плохих новостей. Прежде она получила письмо от родителей, сообщавших, что они приедут на осенних каникулах. Вообще-то, они должны были приехать еще летом, но Кура и Уильям хотели подольше побыть в Париже, где остановились сейчас.

— Ты ведь можешь поехать к ним! — удивленно произнесла Лилиан, высказав тем самым то, о чем думала Глория.

Мартины совершенно не тревожились, вызывая ее одну из Новой Зеландии. Так почему бы ей не съездить в Париж? Не может быть, чтоб родители сомневались, что она доберется к ним из Лондона.

— Да уж, если они захотят, чтобы к ним приехала милая Глория, — усмехнулась Фиона Хиллс-Галант. Девочка услышала слова Лилиан и воспользовалась возможностью поддразнить Глорию. — Впрочем, судя по тому, как ты играешь на фортепьяно, Глори, проку от тебя на сцене не будет. Если бы тебе хоть венок был к лицу! Тогда ты могла бы скакать по сцене в юбочке из тростника вместе с неграми!

После этого Глория в ярости отшвырнула цветы в сторону. Сколько бы она ни старалась украсить себя, до нее все равно никому нет дела! Даже подумать страшно, что мисс Бличем, возможно, чувствует себя точно так же. Преподобный просто обязан любить ее!

— Ну, в миссис Бастер он точно не влюблен! — заметила Глория. Она облегченно вздохнула, когда преподобный закружил в ритме польки матрону, а не хорошенькую миссис Уинтер.

— Конечно нет. Он ведь не может танцевать только с теми, в кого влюблен. Это будет бросаться в глаза, — мудро заявила Лилиан. — Смотри, он сейчас потанцует еще с несколькими пожилыми дамами, а потом — с Бриджит.

И действительно, Кристофер покружил еще нескольких «столпов общины», прежде чем вернуться к столу «Оукс Гарден». Рядом стоял кувшин с горячим чаем, чайный напиток и фруктовый сок, чтобы танцующие могли освежиться. Бриджит Пирс-Бэрристер услужливо наполнила ему стакан.

— Вы так хорошо танцуете, преподобный! — елейным голосом произнесла она и игриво улыбнулась. — Пристало ли это человеку

Божьему?

Кристофер рассмеялся.

— Король Давид тоже танцевал, Бриджит, — заметил он. — Бог дал своим детям музыку и танцы, чтобы они радовались. Почему же служители Его не должны участвовать в этом?

— А не потанцуете ли вы в таком случае и со мной? — поинтересовалась Бриджит.

Кристофер кивнул, и теперь даже Глория увидела блеск в его глазах.

— Почему бы и нет? Но разве ты умеешь? Я не знал, что в «Оукс Гарден» дают уроки танцев.

Бриджит рассмеялась и подмигнула ему.

— Меня учил кузен… дома, в Норфолке. — И она легко положила руку на локоть преподобного, когда тот повел ее на танцевальную площадку.

Глория бросила взгляд на Сару. Молодая учительница тоже наблюдала за своим без пяти минут женихом. Казалось, она была спокойна, но Глория знала ее достаточно хорошо, чтобы понимать, что Сара возмущена.

Бриджит прижималась к Кристоферу, словно это было в порядке вещей, ловко следовала за ним. Конечно, в его прикосновениях не было ничего непристойного, но все же было заметно, что он делает это не по долгу службы.

— Красивая пара! — заметила и миссис Бастер. — Хотя, конечно, девочка слишком молода для него. А вы не танцуете, мисс Бличем?

Сара хотела ответить, что потанцевала бы с удовольствием, если бы ее пригласили, но удержалась от резкости. Во-первых, это было бы неуместно, а во-вторых, она сказала неправду. Сара не очень хорошо танцевала. Ей было неприятно выходить на всеобщее обозрение в очках, а без них она становилась почти слепой. Кроме того, до сих пор у нее не было возможности принять участие в танцевальных развлечениях. В принципе, она готова была от этого совершенно отказаться — если бы не испытывала острой потребности почувствовать на себе руки Кристофера, которые сейчас обнимали в танце маленькую бесстыжую Бриджит.

— У вас еще сохранилась закладка Мэри Стеллингтон? — поинтересовалась вдруг Бриджит. — Милая малышка Мэри! Она еще такой ребенок, эти цветы она носила на груди. А теперь каждый день пытается выяснить, носите ли вы закладку с собой…

Кристофер улыбнулся, крепче прижав к себе Бриджит. Полька перешла в вальс, что было оправдано.

— Можешь сказать ей, что свято храню ее закладку, — ответил он. —

И ты права, Мэри очаровательный ребенок… — Его пальцы слегка поигрывали ее ладонью.

— Но вам милее женщины, не так ли, преподобный? — заговорщическим тоном поинтересовалась Бриджит. — И я все думаю, нравлюсь ли я вам…

Кристофер, делая вид, что ему неприятен разговор, закусил губу. Вот сейчас начиналась игра, которую он так любил: вопрос, кто кому предлагает свою невинность — девушка священнику или священник девушке. Сначала все будет ограничиваться безобидными словами и прикосновениями. И с такой юной девушкой, как Бриджит, все вряд ли зайдет дальше поцелуя. Хотя… кажется, она опытнее, чем он думал…

Танцевать больше двух танцев с одной партнершей, да еще к тому же с такой юной, было неприлично для преподобного отца. Поэтому после вальса Кристофер расстался с Бриджит. Разумеется, не слишком неохотно, но это было частью игры. Он отвесил ей идеальный поклон и повел обратно к столу. Поправляя ее стул, он услышал, как за соседним столом перешептываются две девочки.

— Вот видишь, он в нее влюблен! — ликующим тоном провозгласила Лилиан. — Я же тебе говорила. Он танцует с ней, но предпочел бы целовать. А на мисс Бличем даже не смотрит…

Кристофер застыл. Этот рыжеволосый кобольд! Проклятье! Неужели его приязнь к Бриджит Пирс-Бэрристер действительно настолько очевидна или же у этой девочки просто чутье на осложнения? В любом случае она слишком болтлива. Если он не хочет навлечь на себя дурную славу, нужно что-нибудь придумать. Кристофер вспомнил последний нагоняй от епископа и почувствовал себя просто ужасно. Если до слуха его патрона снова что-нибудь дойдет, это может стоить ему места. А Кристоферу так нравилось в Состоне… Сделав глубокий вдох, он взял себя в руки, еще раз улыбнулся ученицам и учительницам из «Оукс Гарден» и побрел к Саре.

— Ты не хочешь потанцевать, милая моя? — вежливо поинтересовался он.

Сара, просияв, кивнула. Только что она выглядела скучной и недовольной. Неужели и она что-то подозревает? Кристофер взял ее за руку. Нужно проделать это сейчас. В конце концов, разве он не решил давным-давно, что Сара станет предназначенной ему Господом супругой? Настало время ускорить это дело.

Сара сняла очки и, практически ослепнув, последовала за своим кузеном на танцплощадку. Как же приятно, когда он обнимает ее! Саре

казалось, что она полностью позволила ему вести себя, а Кристоферу казалось, что он держит в объятиях мешок с мукой. Ему приходилось либо тащить ее, либо она наступала ему на ноги. Несмотря на это, он заставил себя нежно улыбнуться.

— Чудесный праздник, милая моя, — заметил он. — И ты со своей стороны очень постаралась для этого. Что бы мы делали без твоей помощи?

Сара подняла голову и поглядела на него, однако видела лишь размытые контуры его лица.

— Но мне так мало тебя, — мягко пожаловалась она. — Неужели нужно танцевать со всеми этими женщинами? Миссис Бастер уже сделала замечание…

Кристофера бросило в жар, затем в холод. Значит, старая ведьма тоже что-то заметила. Ничего не поможет, нужно делать все как следует.

— Сара, милая моя, миссис Бастер готова воспользоваться любой возможностью, чтобы распустить злые сплетни. Но если ты не возражаешь, мы дадим ей хороший повод. Я хочу жениться на тебе, Сара! Ты ничего не имеешь против, если сегодня мы сообщим об этом всему миру?

Сара тут же покраснела и поняла, что танцевать больше не может. Наконец-то! Наконец-то он решился! Внутри возникло крохотное недовольство — Саре хотелось бы, чтобы предложение было сделано в более интимной обстановке. И, вообще-то, она предполагала, что Кристофер захочет услышать от нее, согласна ли она, прежде чем сообщать «всему миру». Но все эти претензии принадлежали прежней Саре, той девушке, которой она была, прежде чем полюбила по-настоящему. Сара попыталась улыбнуться.

— Конечно… я хотела бы… что ж, я… ничего не имею против…

— Мисс Бличем выглядит какой-то пришибленной, — без всякого уважения заявила Лилиан.

Преподобный только что попросил у капеллы тишины и со сцены, перед всей общиной, заявил о том, что теперь он официально помолвлен с Сарой Бличем. При этом Сара, казалось, вот-вот провалится сквозь землю; она была бледна, но на щеках горели яркие пятна.

Глория сочувствовала ей. Должно быть, это ужасно — стоять там, наверху, и чувствовать на себе любопытные взгляды людей, которые теперь будут таращиться на тебя до конца праздника. Например, Бриджит и миссис Уинтер смотрят на нее не слишком приветливо. Мисс Уэджвуд только что тоже выглядела более счастливой. Наверняка она надеялась на

руку преподобного. Вообще-то, если честно, они больше подходили друг другу. Мисс Уэджвуд играла на органе гораздо лучше, чем мисс Бличем. Но, конечно же, Глория была рада, что все решилось в пользу ее бывшей учительницы. Получается, мисс Бличем все равно останется — чтобы утешать ее и диктовать ей письма, которые она будет отправлять домой. И никто не узнает, насколько ей здесь плохо.

— Лично мне кажется, что она не выглядит счастливой.

Глория отмахнулась, решив не слушать кузину.

8

Шарлотта считала, что Джек чересчур сильно тревожится за Глорию.

— Боже мой, конечно же, она пишет несколько натянуто, — заявила она. — Особенно по сравнению с Лилиан, ведь, судя по всему, эта девчушка — настоящий ураган. Но Глории тринадцать, у нее в голове совсем другие вещи, ей недосуг переносить на бумагу глубокие рассуждения. Возможно, она хочет закончить поскорее и совершенно не думает о содержании.

Джек наморщил лоб. Они оба сидели в поезде, ехавшем из Греймута в Крайстчерч, и как раз вспоминали лучшие моменты своего свадебного путешествия. Все прошло чудесно. Калев Биллер оказался совершенно потрясающим собеседником для Шарлотты, кроме того, он дал им различные советы насчет вылазок по окрестностям. Илейн и Тимоти редко выходили в свет — хотя Тим отказывался признаться в этом, но даже повседневная работа доводила его до истощения. После несчастного случая бедро срослось неправильно, что вызывало адскую боль, если он делал больше двух шагов или же слишком долго сидел на жестких стульях. Он был рад возможности побыть на выходных и в праздники дома, в кресле и посвятить себя семье. Ни о каких пеших прогулках к чудесам света вроде Блинных скал не могло быть и речи.

Илейн, которая, в принципе, с детства была связана с природой, регулярно выезжала верхом, но ограничивалась ближайшими окрестностями. Впрочем, они с готовностью одолжили Джеку и Шарлотте одноколку и одну из своих лошадей, и молодожены жадно принялись исследовать Западное побережье. Калев Биллер оказался отличным советчиком. Раз или два он даже сопровождал молодую пару к известным племенам маори, где их приняли очень гостеприимно. Шарлотта радовалась свадебной *хака*, которую поставили специально для них,

блистала недавно приобретенными языковыми знаниями.

— Вы сумеете многого добиться как исследователь, — сказал Калев, прощаясь. — Преданиями и мифами никто до сих пор не занимался. Мы с Курой больше интересовались музыкой. Кроме того, меня восхищает резьба. Но вы заслужите признание, если сохраните истории прежде, чем они обрастут новыми событиями. Я сознательно не говорю «разбавятся» — суть сохраняемой устно культуры заключается в том, чтобы приспосабливаться к переменам. И маори — истинные мастера приспособления. Мне даже жаль, что они так быстро отказываются от своего уклада жизни, поскольку жизнь *пакеха* кажется им более комфортной. Когда-нибудь они пожалеют об этом. Надеюсь, что старые маорийские предания все же сохранятся.

Шарлотта гордилась его похвалой и с еще большим усердием погрузилась в свои исследования. Джек добродушно дал ей на это время и возобновил свою давнюю дружбу с Илейн, выезжая с ней на верховые прогулки и помогая тренировать собак. При этом речь невольно снова и снова заходила об английском интернате. Тревога Джека относительно Глории нарастала по мере того, как Илейн рассказывала о Лилиан и ее веселых письмах.

— Глория, кстати, совершенно не поверхностна, — говорил он теперь, обращаясь к жене. — Напротив, она слишком много думает, если что-то увлекает ее. И она всегда была в восхищении от жизни в Киворд-Стейшн. Но теперь… ни единого вопроса об овцах и собаках. Она любила своего пони, но сейчас совсем не вспоминает о нем! Я не верю, что все это заменили игра на фортепьяно и рисование!

Шарлотта мягко улыбнулась.

— Дети меняются, Джек. Ты поймешь это, когда у нас будут свои. Мне кажется, нужно сделать это поскорее. Или ты так не считаешь? Я хочу сначала девочку, а потом мальчика. Ты тоже? Или лучше сначала сына?

Она играла своими волосами, собираясь распустить косу. При этом она бросала многозначительные взгляды на широкую постель, занимавшую большую часть салона-вагона Джорджа Гринвуда. Джек находил это странным — любить друг друга под ритм едущего поезда, но для Шарлотты, по-видимому, это было одним из важных моментов свадебного путешествия.

Джек поцеловал жену.

— Я приму все, что ты мне подаришь! — нежно произнес он, взял ее на руки и отнес на постель.

Шарлотта была легкой как перышко. Совсем не такая, как Глория,

которая с самого детства была кряжистой… Он не мог представить себе, чтобы она вдруг совершенно безболезненно вписалась в жизнь такого интерната, как «Оукс Гарден».

— Если тебя это так тревожит, почему ты ей просто не напишешь? — спросила Шарлотта, заметив, что Джек сейчас не совсем с ней. А ему казалось, что она читает его мысли. Шарлотта пожалела, что толком не знала девочку. Словно от нее ускользнул важный элемент личности Джека. — Напиши ей обычное письмо, без тех длинных описаний поголовья скота, которые каждые пару дней сочиняет мисс Гвин. Она тоже пишет почти так же натянуто и скучно, как Глория, будто составляет отчеты: «Согласно последним данным, на настоящий момент в Киворд-Стейшн насчитывается одиннадцать тысяч триста шестьдесят одна овца». Кого это интересует?

«Глорию», — подумал Джек, но все-таки почувствовал себя лучше. Он обязательно напишет девочке. Но сейчас нужно заняться другим…

Казалось, вся деревушка Состон погрузилась в приготовления к свадьбе преподобного отца. Торжество назначили на 5 сентября, епископ непременно хотел лично обвенчать пастора и мисс Бличем. Узнав о помолвке, он пригласил пару на ужин в свой дом, и Саре удалось произвести самое лучшее впечатление. Супруга епископа, говоря с ней об обязанностях доброй жены пастора, сказала, что вполне понимает, когда девушка временами чувствует, что от нее ждут слишком многого.

— К этому привыкаешь, мисс Бличем. К тому же карьера вашего будущего супруга только начинается. И если я правильно поняла своего мужа, она продвигается просто отлично. Его наверняка будут ждать более великие дела, а когда в качестве помощника у него появится викарий, вы сможете уделять внимание задачам, которые вам больше нравятся…

Сара задумалась, какие это могут быть задачи. До сих пор она не обнаружила у себя интереса к церковной работе. Однако терзающие ее сомнения тут же отбрасывались в сторону, едва на нее устремлялся взгляд восхитительных карих глаз Кристофера. А мимолетного прикосновения его руки было достаточно, чтобы Сара уверилась в собственном призвании быть супругой священника.

Поэтому она не стала возражать, когда миссис Бастер настояла на том, чтобы снять мерку для свадебного платья — в стиле моды 1890 года. Она терпеливо выслушала советы родительниц учеников воскресной школы, которые наперебой предлагали своих отпрысков, чтобы нести шлейф или разбрасывать цветы, и попыталась как можно дипломатичнее намекнуть на

то, что Глория Мартин и Лилиан Ламберт имеют гораздо больше прав на это. При этом Глория вполне могла отказаться от столь почетной обязанности.

— Я ведь такая некрасивая, мисс Бличем, — заявила девочка. — Люди начнут смеяться, когда увидят меня в вашей свите.

Сара покачала головой.

— Они будут смеяться и в том случае, если я надену свои очки с толстыми линзами, — усмехнулась она. — Хотя насчет очков я еще не решила. Может быть, я все же не буду надевать их.

— Но тогда вы заблудитесь по дороге к алтарю, — заметила Глория. — И вообще… преподобный отец должен любить вас и в очках, правда?

Глория совершенно естественно сделала ударение на слове «правда». Она давно отказалась от надежды на то, что ее будут любить такой, какая она есть. Конечно же, она читала письма, которые писала ей бабушка Гвин, и верила семейству МакКензи, что они любят правнучку. Но любят ли они саму Глорию? Или просто наследницу Киворд-Стейшн?

Ночами Глория размышляла над тем, почему бабушка Гвин так охотно подчинилась воле ее родителей. Девочке казалось, что Джек, насколько она помнила, был против того, чтобы ее отправили в Англию. Но Джек не ответил на ее письмо. Он не приедет, чтобы забрать ее. Возможно, он даже забыл о ней.

— Преподобный любит меня и без очков, Глори. Точно так же, как я люблю тебя, вне зависимости от того, идут тебе эти кошмарные венки или нет. И твоя бабушка любит тебя, и родители… — Мисс Бличем старалась вовсю, но Глория знала, что она лжет.

Зато Лилиан, будучи в восторге от своих предсвадебных поручений, только об этом и говорила. Больше всего ей хотелось сразу сесть за орган, но это взяла на себя мисс Уэджвуд, несмотря на то что во время репетиций она выглядела несколько огорченной.

Кристофер Бличем был доволен развитием событий, хотя ему всегда становилось немного тоскливо, когда он видел Бриджит Пирс-Бэрристер во время богослужений. Нельзя возобновлять хрупкую, только что зародившуюся связь с девушкой. Теперь, когда он был официально помолвлен, ему хотелось сохранять верность. Как бы тяжело ему ни приходилось, он был исполнен решимости стать для Сары хорошим мужем, верным и заботливым, — хотя ему казалось, что миссис Уинтер снова стала поглядывать на него с интересом и некоторым сочувствием. Она должна понимать, что Сара не та женщина, о которой он мечтал; с другой стороны,

ни Эмили Уинтер, ни Бриджит Пирс-Бэрристер ни в коей мере не годились для роли жены пастора. То, что Кристофер перестал смотреть на обеих женщин, а все больше ухаживал за Сарой, он считал высшей степенью проявления христианской добродетели и почти героизмом. Сара давно превратилась в воск в его руках; все удавалось слишком легко, чтобы хоть в малейшей степени возбудить его.

Постепенно приближался великий день, и община бурлила от волнения. Сара примеряла платье и проливала слезы, поскольку оно сидело ужасно. Кроме того, из-за обилия рюшек оно казалось детским. Ее весьма неброские формы терялись в море сатина и тюля, все топорщилось и натягивалось не там, где нужно.

— Я не тщеславна, но не могу же я предстать перед епископом в таком виде! — пожаловалась она на свое горе Кристоферу. — При всем уважении к доброй воле миссис Бастер и миссис Холлир я вынуждена сказать, что они на самом деле не умеют шить. Теперь они хотят исправить, но вряд ли получится…

До сих пор Кристофер не задавался подобными вопросами, однако понимал, что Сара должна идти к алтарю в достойном подвенечном платье. Конечно, матронам общины было приятно, что они одевают невесту пастора, и до нынешнего дня Кристофер всегда старался успокоить нервную Сару. Но если платье совсем не подходит…

— Миссис Уинтер — хорошая швея, — заметил он. — Она наверняка сумеет все исправить. Завтра поговорю с ней.

— В этом кроется некоторая ирония, — заметила Эмили Уинтер, когда Кристофер обратился к ней с неожиданной просьбой. — Именно я шью платье для невесты-девственницы… Она ведь еще девственница, верно?

Эмили стояла в дверях своего дома и при этом постаралась встать так, чтобы обратить внимание Кристофера на ее формы. Эмили была невысокой, но хорошо сложенной женщиной с мягкими округлостями и кукольным личиком. Нежная молочно-белая кожа, зелено-карие глаза, каштановые волосы, пышными локонами спадающие на плечи, если она не связывала их в низкий пучок, — все это делало ее весьма привлекательной.

— Конечно же, я к ней не прикасался! — заявил Кристофер. — И пожалуйста, Эмили, не нужно на меня так смотреть. Я теперь почти женатый мужчина, а наши отношения уже принесли достаточно неприятностей…

Эмили хрипло рассмеялась.

— Несмотря на это, ты отдал бы лучшие годы своей жизни за то,

чтобы я в день твоей свадьбы стояла рядом и стыдливо прошептала «да». Или ты меня больше не желаешь?

— Речь идет не о желании, Эмили, речь идет о моем добром имени. И о твоем, кстати, тоже, не следует забывать об этом. Итак, ты поможешь Саре? — Кристофер отчаянно пытался скрыть свое волнение.

Эмили кивнула.

— Я подам эту мышку как можно лучше. Нужно завесить Сару густой фатой, верно? — Она снова рассмеялась. — Пришли ее ко мне как можно скорее, я знаю миссис Бастер. Платье придется полностью перешивать.

Сара явилась в тот же день. И снова разразилась слезами, когда миссис Уинтер попросила ее примерить платье перед зеркалом. Эмили возвела очи к небу. Еще и плакса! Но она сдержит свое обещание. И Эмили решительно освободила платье от тюля и рюшек, а затем посоветовала Саре, которая обычно носила костюмы, а летом — скучные платья свободного покроя, узкий корсет.

— Но я же не смогу в нем дышать! — застонала Сара, на что Эмили, покачав головой, заявила:

— Немного скованности на пользу юной невесте! К тому же корсет поднимет вашу грудь и подчеркнет бедра. Вам это необходимо! Поверьте мне, у вас будет совершенно другая фигура!

И она действительно оказалась права. Сара завороженно смотрела в зеркало, наблюдая, как миссис Уинтер подшивает ставшее совсем простым платье, сужает юбку и увеличивает декольте.

— Это слишком откровенно! — запротестовала Сара, но Эмили сделала кружевную вставку, благодаря которой платье казалось закрытым, но тем не менее именно она привлекала внимание к вдруг ставшей заметной Сариной груди. Уходя от Эмили, девушка немного успокоилась. Впрочем, она настояла на очень простой вуали, хотя миссис Уинтер предлагала более сложное сооружение.

— Ну, тогда я должна сделать вам хотя бы прическу! — заявила Эмили. — Если бы вы не зачесывали волосы так строго, могло бы быть очень красиво…

Стоя перед зеркалом в день своей свадьбы, Сара сама себя не узнавала. Эмили Уинтер справилась с платьем в последнюю минуту, но оно сидело как влитое. Конечно, в корсете Сара чувствовала себя непривычно, однако вид в зеркале был невероятный.

Лилиан и Глория с трудом держали себя в руках от восхищения.

— Может быть, если бы вы стали шить и для меня… — неуверенно

начала Глория.

Обе девочки выглядели не лучшим образом в платьях подружек невесты. Миссис Бастер настояла на розовых платьях, и похожий на конфету наряд оказался не к лицу даже Лилиан. Цвет не гармонировал с ее рыжими локонами. А Глория в своем платье снова стала толстушкой.

— Тебе нужно немного подрасти, — заметила миссис Уинтер. — Ты еще вытянешься. А вообще я бы посоветовала тебе просторные платья. Таких широких лент на талии быть не должно. Но давай подумаем об этом позже! Платья подружек невесты не должны быть красивыми. Нехорошо, если девочки будут затмевать невесту.

«Что в этом случае совсем нетрудно», — подумала Эмили. В принципе, она была вполне довольна своей работой, но чтобы сделать Сару Бличем красавицей, требовались усилия совсем иного рода. Начать хотя бы с того, что белый цвет был не к лицу невесте. Из-за него кожа ее казалась бледной, а черты лица — невыразительными. Искусно подобранная вуаль могла бы исправить это, но ведь Сара настояла на этой простой штучке…

Эмили как можно более затейливо уложила ткань на волосах Сары, которые та упрямо не хотела распускать. Эмили заколола их изысканно, с яркими летними цветами — их собрала Лилиан и сплела венок: получилось очень красиво.

В любом случае Эмили Уинтер сделала все возможное. И за это собиралась потребовать плату от преподобного.

Кристофер Бличем ждал невесту в ризнице. Он был счастлив, получив возможность побыть в одиночестве и собраться с мыслями. Епископ беседовал на улице со своими «овечками», а Сара пока еще не была готова. Все это может затянуться. Кристофер нервно ходил из угла в угол.

Внезапно он услышал скрип двери, которая вела с кладбища в комнату рядом с ризницей. Там в дождливые дни преподобный снимал плащ и сапоги. Но сейчас стоял сухой осенний денек, и посетительница, которая только что вошла, была одета в яблочно-зеленое праздничное платье и темно-зеленую шаль, наброшенную на плечи. Свои пышные волосы она собрала широкой заколкой на затылке, и теперь тяжелые крупные локоны мягко спадали на плечи. Их насыщенный каштановый цвет прекрасно гармонировал с кокетливой зеленой шляпкой.

— Эмили! Что ты здесь делаешь? — Преподобный был удивлен и слегка расстроен ее внезапным появлением.

Эмили Уинтер оглядела стройную, но сильную фигуру в элегантном черном фраке, который Кристофер позаимствовал у кого-то для свадьбы.

— А ты как думаешь? Представляю тебе плоды своего труда. Вот…

Женщина повернулась к маленькому окну ризницы и предложила ему посмотреть на улицу. Отсюда вполне хорошо просматривалась одна сторона церковной лестницы, где Эмили оставила Сару. Сейчас невеста болтала с Глорией и Лилиан, которые в своих кукольных платьях походили на гномов из сахарной глазури. Зато Сара совершенно преобразилась. Кристофер удивленно смотрел на ее нежную, но не лишенную приятных изгибов фигуру в простом сатиновом платье. Казалось, Сара даже держится ровнее. Из-за сложной прически лицо выглядело немного полнее.

— Она тебе нравится? — Эмили придвинулась поближе к Кристоферу.

Тот глубоко вздохнул.

— Эмили… Миссис Уинтер… Конечно, она мне нравится. Ты… Вы совершили чудо…

Эмили рассмеялась.

— Всего пара уловок. Сегодня вечером принцесса снова превратится в Золушку. Но тогда возврата уже не будет.

— Его уже нет!

Кристофер попытался отодвинуться от Эмили, хотя ему и не хотелось этого. Он вдруг почувствовал нарастающее возбуждение, усиленное очарованием опасности. Что, если взять Эмили прямо сейчас? Здесь, рядом со своей церковью, в паре шагов от епископа… и от Сары.

— Еще не поздно предаться сладким воспоминаниям, — манила Эмили. — Давай, преподобный… — Она произносила слова медленно, небрежно. — Мой муж уже пьет за здоровье новобрачных. Епископ благословляет всех деревенских озорниц, а твоя Сара утешает свою маленькую уродливую Глорию, потому что та похожа на толстого фламинго. Нам никто не помешает… — Эмили сбросила шаль. Кристоферу хотелось одного: утонуть в ее плоти.

— Давай, Кристофер, еще один, последний раз…

Сара никак не могла решиться. Она так красива — впервые в жизни! Ей казалось, что она уже видит восхищенный взгляд Кристофера, когда войдет к нему в церковь. Он не поверит своим глазам. Он *должен* любить ее, сейчас еще больше, чем прежде…

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя!» «Песнь песней» приобретет для него совершенно новое значение, да и для Сары тоже. Потому что она прекрасна, любовь помогла ей расцвести.

Если бы только не эти очки! Сара знала, что из-за них глаза ее кажутся огромными и круглыми, как у совы, и что они портят всю нежность ее черт.

Как же ей хотелось отказаться от этой вещи! Но, конечно же, без них она лишит себя желанного зрелища: сверкания глаз своего возлюбленного у алтаря. И кольцо придется искать на ощупь… Глория права, она вполне может налететь на епископа. А этого не должно случиться. Сара не могла и не хотела вслепую воспринимать все, что ожидает ее на свадебной церемонии. Пару минут, когда ее подведут к любимому, можно пережить без очков. Но не всю церемонию.

Да, она что-нибудь придумает. Кристофер должен хоть раз увидеть ее во всем великолепии, пусть даже это приносит несчастье. Ничего страшного не произойдет, если он увидит ее прежде, чем они войдут в церковь. Нужно просто на минутку забежать к нему в ризницу, рассказать, как чудесно справилась Эмили, — и, возможно, он поцелует ее. Точно, он поцелует ее, иначе и быть не может! Сара подобрала платье и фату.

— Я сейчас вернусь, девочки. Скажите епископу, если он спросит. Через пять минут можем начинать. Но сейчас мне нужно…

Она поправила очки и торопливо пошла в обход церкви, к маленькому входу в ризницу. Там было не заперто. Конечно нет, ведь Кристофер вошел именно через этот вход.

Задыхаясь в жестком корсете, волнуясь в предвкушении своего триумфа, Сара сняла очки и на ощупь вошла в примыкающую к ризнице комнату. Дверь была открыта. И там… двигалось странное, причудливое тело, наполовину лежавшее в кресле… что-то черное и зеленое… И что-то розовое. Обнаженная кожа?

— Кристофер? — Сара стала нашаривать очки в складках своего подобранного платья.

— Сара, нет! — Кристофер Бличем хотел предотвратить худшее, но Сара уже надела очки.

Впрочем, Эмили все равно не успела бы так быстро поправить платье… и брюки Кристофера…

Вид был совершенно унизительный. Отталкивающий.

Все это вновь превратило Сару Бличем, одержимую своим чувством, соблазненную, любящую, в ту умную девушку, которая не боялась ставить под сомнение свой мир.

Всего лишь мгновение она недоуменно смотрела на полуголые тела в комнате рядом с домом Божьим. А потом глаза ее сверкнули гневом и разочарованием.

Кристофер невольно вспомнил ее любимых героинь из Библии. Он вполне мог представить, что сделали бы с ним Эсфирь и Иаиль…

Но Сара даже не заговорила. Бледная, с плотно сжатыми губами, она

сорвала фату с волос.

Эмили испугалась, что она сорвет с себя и корсет, поскольку та уже потянулась к застежке на платье. Однако девушка сумела взять себя в руки. Не удостоив застигнутых врасплох любовников ни единым словом, она выбежала на улицу.

— Оденься… Епископ… — Эмили первая вернулась к реальности. Но было уже поздно.

Кристофер не думал, что в своем состоянии Сара сообщит епископу о том, что произошло, но несколько минут тому назад он был в церкви и, должно быть, видел, как невеста сломя голову выбежала из ризницы.

Преподобный инстинктивно втянул голову в плечи и приготовился обороняться. Гнев Господень не заставит себя ждать…

— Мне очень жаль, Глори, мне действительно очень жаль.

Сара Бличем обнимала плачущую девочку.

— Но ты должна понимать, что при сложившихся обстоятельствах я не могу остаться. Как на меня будут смотреть?

— Мне все равно! — всхлипывала Глория. — Но если вы сейчас уедете в Новую Зеландию… Бабушка Гвин правда разрешила? Она действительно вышлет вам деньги?

В день свадьбы Сара Бличем бежала из церкви, не помня себя от гнева и разочарования, но, уже проносясь мимо удивленных гостей, она начала собираться с мыслями. Нужно уехать из этого места как можно скорее. Сначала из Состона, потом из Англии, иначе она сойдет с ума.

До своей комнаты в доме миссис Бастер она домчалась беспрепятственно и, сорвав с себя платье и невероятно затянутый корсет, надела первый попавшийся костюм. Затем собрала вещи и отправилась в Кембридж.

Семь миль — не слишком дальний путь. Поначалу она почти бежала, потом шла шагом, а в конце уже едва плелась. Постепенно жгучий гнев отпустил ее, а чувство стыда, смешанное с разочарованием, сменилось усталостью. В Кембридже есть отели. Сара могла лишь надеяться, что не придется платить слишком много вперед. Наконец она нашла скромный, но выглядевший как-то по-домашнему пансион и постучала. И впервые за этот ужасный день ей повезло. Хозяйка, вдова по имени Маргарет Симпсон, не стала задавать вопросов.

— Позже расскажете мне, что произошло… если захотите, — мягко произнесла она, ставя на стол перед девушкой чашку чая. — А сначала отдохните.

— Мне нужна почта, — прошептала Сара, дрожа всем телом. Теперь, когда она успокоилась, ее бил озноб. — Мне нужно послать телеграмму… в Новую Зеландию. Как думаете, отсюда это возможно?

Миссис Симпсон снова наполнила чашку и набросила на плечи странной гостье шерстяную кофту.

— Конечно. Но это подождет до завтра…

Сара никогда бы не подумала, что после такого дня сможет уснуть, но, к своему собственному удивлению, провалилась в крепкий и глубокий сон, а на следующее утро проснулась с ощущением свободы. Конечно, она испытывала и стыд, и страх перед будущим. Но главное — у нее появилось ощущение, что ее перестали принуждать. В принципе, она рада была возможности вернуться домой. Если бы только не Глория.

— Твоя бабушка не может мне «разрешить» вернуться в Новую Зеландию, овечка моя, — заявила она девочке приветливо, но решительно. — Я одна решаю, где мне хотелось бы жить. Но она пообещала оплатить путешествие, если мои… э… надежды не оправдаются. И она сдержит обещание, она уже подтвердила это.

И действительно, Гвинейра МакКензи получила телеграмму Сары в тот же день — Энди Макэран отвез ее из Киворд-Стейшн в Холдон — и сразу же перевела деньги через «Гринвуд Энтерпрайзис». В ближайшее время Сара отправится в Лондон, а там сядет на первый же корабль, уходящий в Литтелтон или Данидин. Но сначала нужно сказать Глории. С тяжелым сердцем она заказала извозчика в «Оукс Гарден» и с гордо поднятой головой вошла в здание. Несмотря на кислые взгляды учителей и экономок, Сара сохраняла спокойствие.

Как и ожидалось, Глория была безутешна.

— А вы не могли хотя бы остаться в Англии? — в отчаянии спрашивала девочка. — Может быть, мисс Эрроустон даст вам работу…

Сара покачала головой.

— После того, что произошло, Глори? Нет, это невозможно. Ты только представь, ведь тогда мне придется встречаться с Кристофером во время каждого воскресного богослужения…

— Но разве преподобного не сместят? — спросила Глория. — Лили говорит, что его должны вышвырнуть.

Сара задумалась. Наверное, девочки многое слышали… и даже видели. Они были рядом с ризницей и первыми увидели, как она выбежала из церкви. По крайней мере любопытная Лилиан должна была сразу же пойти и посмотреть, что случилось. Возможно, именно девочки позвали епископа… Но что бы ни говорила Лилиан Ламберт и какого мнения ни

придерживалась бы Глория Мартин, Кристофер, судя по всему, не потеряет место. Даже если епископ и стал свидетелем его недостойного поведения, он вряд ли станет разоблачать Кристофера перед всей общиной. Конечно же, он строго отругает его, но позор расстроенной свадьбы останется на Саре. Скорее всего, ее бегство расценят как панику или приступ истерики, и все будут по мере сил сочувствовать «бедному преподобному отцу».

— Не знаю, что будет с преподобным, но лично я уезжаю, — твердо произнесла Сара. — Мне жаль, что я не могу забрать тебя с собой, но все обстоит именно так. Кроме того, скоро приедут твои родители, Глори. Ты будешь чувствовать себя лучше…

Глория сомневалась в этом. С одной стороны, ей не терпелось увидеть отца и мать, но с другой — она боялась этой встречи, потому что не ждала от них ни любви, ни понимания.

— Однако я могу рассказать бабушке Гвин, насколько ты здесь несчастна, — неловко предложила Сара. — Может быть, она что-нибудь сделает…

Глория сжала губы и выпрямилась.

— Не трудитесь, — негромко произнесла она.

Глория больше не верила в чудеса. Похоже, никто в Киворд-Стейшн не скучает по ней по-настоящему. И Джек не приедет, чтобы забрать ее.

В кармане она мяла письмо, пришедшее утром. Гвинейра МакКензи в своей скупой манере рассказывала о свадьбе. Теперь Джек женат на Шарлотте Гринвуд. Наверняка у них скоро будут дети. И он совсем забудет о Глории.

— Очень рада, что вы приехали именно сейчас!

Мисс Эрроустон в эйфории приветствовала Уильяма Мартина — и, конечно же, это не имело никакого отношения к моменту его прибытия. Здесь сыграл свою роль его шарм. За редким исключением Уильяму всегда удавалось обаять женщин. Кругленькая ректорша мурлыкала, как кошка, и смотрела на высокого мужчину почти влюбленными глазами. Уильям Мартин уже перешел в средний возраст, но по-прежнему был стройным и красивым. Волнистые светло-русые волосы, в которых все еще не было седины, ясные синие глаза и улыбка на слегка загорелом лице делали его неотразимым. Вместе с темноволосой экзотичной Курой они были броской парой. Мисс Эрроустон мысленно вопрошала себя, как у двух таких красивых, харизматичных людей мог появиться столь посредственный ребенок, как Глория.

— Мы получили письмо для Глории, которое нас, мягко говоря,

настораживает… — Мисс Эрроустон выловила конверт из ящика стола.

— А как вообще обстоят дела у Глории? — спросил Уильям своим располагающим тоном. — Надеюсь, она хорошо вписалась в коллектив и радует учителей.

Мисс Эрроустон заставила себя улыбнуться.

— Что ж… Ваша дочь все еще перестраивается. Судя по всему, она слишком одичала там, на другом конце света…

Уильям кивнул и всплеснул руками.

— Лошади, крупный рогатый скот и овцы, мисс Эрроустон, — драматично произнес он. — Вот и все, о чем они там думают. Кентерберийская равнина… Крайстчерч, который с недавних пор именуется большим городом… Соборы… Театры… Все это звучит весьма многообещающе, но, пожив там, понимаешь, что, как уже было сказано, остаются все те же лошади, крупный рогатый скот и овцы! Нужно было привезти Глорию в более вдохновляющую атмосферу раньше. Но так уж получилось, мисс Эрроустон. Большой успех предполагает большие усилия.

Мисс Эрроустон понимающе кивнула.

— Поэтому супруга не приехала с вами за Глорией, — заметила она. — А ведь мы все так надеялись на встречу.

«И на еще один бесплатный концерт», — подумал Уильям, но ответил очень приветливо:

— По окончании последнего турне Кура была не совсем здорова. А ведь вы прекрасно понимаете, что певицы должны серьезно относиться даже к малейшей простуде. Поэтому мы сочли, что для нее будет лучше остаться в Лондоне. У нас номер люкс в отеле «Риц»…

— Неужели у вас нет дома в городе, мистер Мартин? — удивилась мисс Эрроустон. При упоминании знаменитого отеля, торжественное открытие которого состоялось несколько лет назад и который находился под патронатом принца Уэльского, ее глаза заблестели.

Уильям покачал головой, словно выражая легкое сожаление.

— И загородного дома тоже, миссис Эрроустон. Я, конечно, уже неоднократно затрагивал тему по поводу стильной резиденции, но моя жена не хочет оседать где бы то ни было. Думаю, сказывается маорийская кровь. — Он обворожительно улыбнулся. — Так что там насчет письма, мисс Эрроустон? Кто-то докучает нашей дочери? Возможно, это еще одна вещь, к которой Глории придется привыкать. У успешных музыкантов всегда были и будут завистники…

Мисс Эрроустон вынула письмо из конверта и развернула его.

— Я не назвала бы это «докучает». И мне несколько неприятно, что мы открыли письмо. Но вы должны понять… как отец… Вы наверняка приветствуете тот факт, что мы строго следим за нравственностью наших воспитанниц. Письма от мужчин, о родственной связи которых с девочкой нам ничего не известно, мы на всякий случай открываем. Если оно оказывается безобидным, мы тут же заклеиваем его снова, что, конечно же, чаще всего и бывает. В противном случае девочку приходится призывать к ответу. Да, а на этот раз… Впрочем, прочтите сами.

Милая моя, чудесная Глория!

Я не знаю, как начать это письмо, но я слишком тревожусь, чтобы ждать дольше. На это меня подвигла моя возлюбленная супруга Шарлотта. Она посоветовала написать тебе и высказать свою тревогу.

Как у тебя дела, Глория? Возможно, этот вопрос покажется тебе неуместным. Ведь в твоих письмах мы читаем, что ты всегда очень занята. Ты рассказываешь об игре на фортепьяно, о рисовании и множестве занятий с другими девочками, твоими новыми подругами. Но твои письма кажутся мне поразительно короткими и натянутыми. Возможно ли, что ты совсем забыла о нас, оставшихся в Киворд-Стейшн? Не хочешь знать, как дела у твоей собаки и твоей лошади? Возможно, это глупо, но между строчек я никогда не вижу улыбки, не вижу ни единого личного слова. Напротив, временами мне кажется, что я чувствую в твоих коротких строках грусть. Думая о тебе, я всякий раз вспоминаю твои последние слова, которые ты сказала мне перед отъездом: «Если все будет совсем плохо, ты заберешь меня, Джек?» Тогда я утешал тебя, я не знал, что сказать. Но правильный ответ, конечно же, будет «да». Если ты действительно в отчаянии, Глория, если ты одинока и не видишь ни капли надежды на то, что что-то изменится, напиши мне и я приеду. Не знаю, как я это устрою, но ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Твой любящий тебя больше всего на свете сводный двоюродный дед

Джек

Уильям, наморщив лоб, пробежал глазами строчки.

— Вы были правы, перехватив это, мисс Эрроустон, — заметил он, закончив читать. — В отношениях между моей дочерью и этим молодым человеком всегда было что-то нездоровое. Просто выбросьте это письмо.

Так Глория осталась одна. Совсем одна.

Затерянные райские места

Кентерберийская равнина, Кембридж, Окленд, мыс Реинга, Америка, Австралия, Греймут

1914–1915

1

— Даже с учетом того, что я сам напоминаю себе старого Джеральда Уордена, я все же скажу: что-то там не так.

Джеймс МакКензи брел по бывшему розарию Киворд-Стейшн, опираясь на палку и слегка — на руку своей жены Гвинейры. В последнее время ему было тяжело двигаться, его суставы костенели, ревматизм напоминал о бессчетном множестве ночей, проведенных под открытым небом. Чтобы Джеймс вышел из дома, должно было случиться что-то особенное, вроде прибытия овец и их погонщиков с гор. Однако, несмотря на то что его сын давно уже де-факто был руководителем фермы, старый мастер по-прежнему не отказывал себе в удовольствии бросить взгляд на откормленных овцематок и молодняк. Животные стояли на лужайках и в загонах Киворд-Стейшн, напоминая толстые комки ваты, гневно блея, если погонщик разгонял в стороны их сородичей. Гвинейра и Джеймс могли быть довольны. Овцы находились в наилучшей форме, процент потерь был ничтожный.

Джек, возглавлявший перегон скота, шутил с погонщиками-маори и обнимал свою жену Шарлотту.

За время его отсутствия Шарлотта наверняка не скучала. Возможно, она даже воспользовалась временем, проведенным в оставленных мужским населением деревнях маори, чтобы обменяться историями с женщинами. Она уже давно выяснила, что мужчины и женщины зачастую по-разному рассказывают и приукрашают одни и те же легенды. Шарлотта научилась очень точно различать эти нюансы. Спустя более чем пять лет, проведенных в Киворд-Стейшн, постоянно занятая изучением пересказов маори, она теперь бегло говорила на их языке и, как иногда шутливо замечал Джек, почти что лучше своего мужа.

Вот и сейчас она шутила с мужчинами и передавала приветы их женам на их родном языке, при этом нежно прижимаясь к Джеку. Маори не испытывали неловкости при виде такой интимности, только обычай целоваться вместо трения носами казался им странным.

Но по-прежнему острые карие глаза Джеймса МакКензи увидели и оценили не только состояние своих овец. Скользнув взглядом по стройной фигуре Шарлотты, он в очередной раз почувствовал обеспокоенность, толкнувшую его на разговор с женой. Старые МакКензи хоть и выделили провизию и выпивку для праздника по случаю окончания перегона скота, который должен был вскоре состояться, но сами в нем принимать участия не собирались. Они спокойно шли по саду, направляясь к черному ходу дома. Даже спустя столько лет они оба предпочитали господской передней вход со стороны кухни, неподалеку от конюшен.

— Вот уже пять лет, а девочка стройна, как былинка. Что-то там не в порядке.

Гвинейра согласно кивнула. Супруги то и дело обсуждали эту проблему, но ни один из них не хотел напрямую поговорить об этом с Джеком и Шарлоттой. Слишком хорошо помнились мучения Гвинейры, когда Джеральд Уорден, ее тогдашний свекор, каждый день отпускал реплики по поводу ее стройной талии и упрекал в бесплодии.

— Думаю, дело не в отсутствии попыток, — шутливо произнесла она. — Эти двое до сих пор практически не отходят друг от друга. Маловероятно, что они не продолжают все это в спальне…

Джеймс усмехнулся.

— И в отличие от некоей мисс Гвин, которая полвека тому назад страдала по этому поводу, наша Шарлотта производит впечатление счастливой женщины, — поддразнил он жену.

Тогда, отчаявшись, Гвинейра обратилась к Джеймсу. Ее супруг Лукас был, судя по всему, не в состоянии зачать ребенка, поэтому в дело должен был вступить старший мастер. Молодая женщина несколько месяцев убеждала себя в том, что ее «попытка зачатия» не имеет ничего общего с любовью.

Гвинейра наморщила лоб.

— Если речь идет о Джеке, то да, — заявила она. — И она любит работать с маори. Но в остальном… Тебе не кажется, что она слишком худа, Джеймс? Конечно, она красива, как картинка, но что-то несколько худощава… Или же я ошибаюсь? И эта постоянная головная боль…

По словам самой Шарлотты, она была склонна к мигреням, сколько себя помнила. Уже в первые годы брака она могла просидеть в своих

комнатах целую неделю, зашторив окна, а потом выходила — бледная и удрученная. Не помогали ни порошки врача из Холдона, ни травки повитухи-маори Ронго Ронго. Впрочем, раньше это происходило довольно редко, а сейчас Гвинейра насчитала уже четыре приступа за три месяца этого года.

— Возможно, она слишком переживает. Она ведь всегда хотела детей, — заметил Джеймс. — А что говорит Ронго? Ты не посылала девочку к ней?

Гвинейра пожала плечами.

— Могу сказать тебе только, что говорит доктор Барслоу, — заметила она. — Это мне Шарлотта рассказала. Возможно, потому что была очень рада слышать, что с его точки зрения все нормально. А спрашивать Ронго о состоянии здоровья Шарлотты я не могу. Из-за этих давних историй они постоянно вместе. Это слегка успокаивает меня. Если бы с ней было что-то серьезное, Ронго бы заметила.

Джеймс кивнул.

— Если я не ошибаюсь, — произнес он, — мне тоже пора навестить Ронго Ронго. Ревматизм меня доконает. Но я не могу поехать на О’Киф-Стейшн. Как думаешь, Ронго снизойдет до визита на дом? — Он улыбнулся.

— А потом ты очень осторожно и незаметно выспросишь у нее интимные тайны Шарлотты? — поддразнила его Гвин. — Давай, мне тоже любопытно! Но смотри мне, если она ничего не расскажет! Я прослежу за тем, чтобы ты потом выпил ту горькую настойку, которую она тебе пропишет!

Конечно же, Ронго Ронго пришла в дом и застала Джеймса в постели. Последние ливни настолько усилили ревматические боли, что он не мог подняться и даже дотащиться до своего кресла с высокой спинкой, стоявшего у окна в эркере.

— Это все годы, мистер Джеймс, они заставляют гнить кости, — вздохнула Ронго, невысокая, уже почти совсем седая, но по-прежнему очень подвижная. По традиции женщин своей семьи она практиковала и обучала искусству исцеления. Она родила троих сыновей и, к сожалению, ни одной дочери, которую могла бы выучить и сделать повитухой. Ронго привела с собой племянницу, но девочка не производила впечатления особенно умного ребенка. Без особого усердия она по настоянию Ронго искала травы и амулеты. — Можно слегка облегчить боль, но вылечить ревматизм уже нельзя. Главное — держитесь в тепле, не противьтесь

слабости. Вам не поможет, если вы встанете и попытаетесь заставить кости двигаться. Только хуже будет. Вот… — Она взяла у своей маленькой помощницы кое-какие травы. — Это вам приготовят сегодня на кухне. Завтра Кири процедит это и вы выпьете все залпом. Знайте, что будет горчить. Спросите Кири, она принимает то же самое и при этом гораздо подвижнее вас!

На протяжении многих десятилетий Кири работала поваром в Киворд-Стейшн и постоянно отказывалась уступить свое место кому-нибудь помоложе.

— Да по сравнению со мной Кири ребенок! — возразил Джеймс. — В ее возрасте о больных суставах вообще не говорят!

Ронго улыбнулась.

— Одних боги касаются раньше, других позже, — спокойно, но грустно произнесла она. — Радуйтесь, что вам была дарована долгая жизнь… и многочисленное потомство.

— Раз уж мы об этом заговорили… — Джеймс с трудом перенес свое тело в более удобное положение и начал расспрашивать. У него это действительно получалось лучше, чем у Гвинейры, и не только потому, что он был более дипломатичен. В отличие от своей жены, Джеймс бегло говорил на языке маори. Ронго Ронго хоть и понимала английский — когда-то она была в числе первых учениц Хелен О’Киф, — но говорить на своем родном языке ей было не в пример легче.

— Что насчет моей невестки Шарлотты? У нее будут дети?

Джеймс улыбнулся почти заговорщически, но Ронго Ронго сохранила невозмутимость.

— Мистер Джеймс, проклятие *вахене* Шарлотты вовсе не бездетность, — негромко произнесла она. — В подобных случаях бабка моя советовала проводить ритуал изгнания духов, и я это сделала…

— С разрешения Шарлотты? — озадаченно переспросил Джеймс.

Ронго кивнула.

— Да, хотя она отнеслась к нему несерьезно. Наверное, просто хотела знать, как происходят подобные вещи…

— И что, не помогло? — весело поинтересовался Джеймс. Ему уже доводилось слышать о множестве успешных ритуалов призвания духов, но они помогали только в тех случаях, если те, над кем их проводили, верили в их силу.

Ронго серьезно покачала головой.

— Мистер Джеймс, совершенно неважно, верит ли мисс Шарлотта в духов. Это духи должны бояться силы *тохунга*…

— И что? — спросил Джеймс. — Нам попались достаточно пугливые духи?

Ронго нахмурилась.

— Я не очень сильна, — с печалью в голосе призналась она. — А это сильные духи. Я посоветовала мисс Шарлотте попросить помощи у *пакеха-тохунга* в Крайстчерче. Доктор Барслоу из Холдона обладает не большей силой, чем я…

Джеймс встревожился. Никогда прежде Ронго Ронго не посылала пациентов к английским врачам. С доктором Барслоу, деревенским врачом из Холдона, у них установилось дружеское соперничество — иногда одному удавалось быстро облегчить несложные страдания, иногда другому. В случае Шарлотты оба потерпели неудачу. И диагнозы «бездетность — не ее проклятие» и «нужно просто продолжать пытаться, с медицинской точки зрения, причин не забеременеть у вас нет» пугающим образом сходились.

— Я считала дни! — сказала Шарлотта мужу.

Она только что расчесала волосы, и Джек наклонился к ней, вдыхая медовый аромат. Он снова и снова удивлялся и радовался тому, что ему досталась такая красота.

— Если мы попытаемся сегодня, я могу забеременеть.

Джек поцеловал ее волосы и шею.

— Я всегда готов пытаться, — улыбнулся он. — Но ты же знаешь, я не рассержусь, если ребенка не будет. Мне не нужен наследник, я хочу только тебя, только ты одна нужна мне.

Шарлотта смотрела на его отражение в зеркале, которое стояло в спальне, и наслаждалась нежностью. Она знала, что он говорит серьезно. Джек ни разу не заставил ее усомниться в том, насколько счастливым она его делает.

— Откуда ты вообще узнала, как считать дни? — поинтересовался он.

— От Илейн, — пояснила она. — А ей когда-то… — она захихикала и покраснела, — ей когда-то объяснила публичная женщина. Тогда, конечно же, речь больше шла о том, как предотвратить беременность. Но принцип тот же, только наоборот.

— Ты говоришь с Илейн о наших трудностях? — удивился Джек. — Я думал, это касается только нас.

Шарлотта пожала плечами.

— Ты же знаешь Лейни, она довольно прямодушна. Когда она приезжала сюда в последний раз, то спросила меня прямо. Поэтому мы об этом и поговорили. Ах, Джек, я так хочу иметь ребенка! Мальчишки Илейн

такие милые! И письма от маленькой Лилиан…

— Она не такая уже и маленькая, — проворчал Джек. — Глории восемнадцать, а Лилиан немного меньше.

— В любом случае она очаровательна. Я жду не дождусь возможности познакомиться с ней. Через два года она окончит школу, верно? А Глория уже через год! Как быстро растут дети!

Джек мрачно кивнул. Даже спустя столько лет он не переставал удивляться поведению Глории. Ее короткие, ничего не значащие письма, ее молчание в ответ на три отчаянных запроса, которые он сумел заставить себя написать… Что-то было не так, но Джек не мог пробить эту стену отчуждения. Следующим летом она наконец закончит обучение в интернате. Но домой пока возвращаться не собирается.

«После окончания школы я поеду путешествовать с родителями по Северной Европе», — коротко сообщила Глория в своем последнем письме. И ни слова о том, рада ли она этому или, возможно, предпочла бы вернуться прямо домой. Ни слова о том, будет ли скучать по школьным денькам, собирается ли учиться дальше… Ее письма были похожи на отчеты. А когда Глория проводила каникулы не в интернате, а с родителями, что за последние годы происходило трижды, то она не писала вообще.

— Ты будешь рад, когда она вернется, верно? — заметила Шарлотта.

Она закончила причесывать волосы, встала и сбросила с плеч шелковый халат. Под ним оказалась вышитая тонким узором ночная рубашка. Джек отметил про себя, что жена похудела.

— Если ты хочешь иметь детей, для начала нужно больше есть, — решил он сменить тему и нежно обнял ее.

Она негромко рассмеялась, когда он поднял ее и положил на кровать.

— Ты слишком хрупкая, чтобы в´ыносить ребенка.

Шарлотта слегка вздрагивала под его поцелуями, но все равно вернулась к Глории. Ей не хотелось обсуждать свою фигуру; женщины-маори достаточно часто заговаривали с ней о том, что скоро она разонравится мужу. Мужчины маори любили полных женщин.

— Но ты будешь разочарован, — предупредила она Джека. — Глория, которая вернется из Англии, возможно, уже не имеет ничего общего с той маленькой девочкой. Она больше не будет интересоваться собаками и лошадьми. Она будет любить книги и музыку. Тебе стоит начинать тренироваться вести умные беседы.

Рассудок Джека твердил ему то же самое, когда он читал письма Глории. Но сердце его не верило в это.

— Пусть она сама скажет это Нимуэ! — ответил он, бросив взгляд на собаку Глории, которая так же, как его собственная собака, спала в коридоре перед спальней. — К тому же Глория — наследница Киворд-Стейшн. Ей придется интересоваться фермой, что бы там ни говорили в интернате.

Шарлотта покачала головой.

— Неужели собака узнает ее?

Джек кивнул.

— Собака узнает. А Глория… она не могла стать другим человеком. Этого просто не может быть.

Глория собрала волосы на затылке. Как и прежде, они торчали во все стороны: слишком густые, чтобы можно было сделать прическу. Зато они уже отросли, спадали далеко на спину, и девочки перестали дразнить ее хотя бы из-за мальчишеской стрижки. В остальном ей давно уже стало все равно, что говорят о ней Габриэлла, Фиона и остальные. Глория хоть и не стала толстокожей, но некоторая непробиваемая зона вокруг нее все же образовалась. Она больше не позволяла себе воспринимать придирки, которые могли ранить ее, пыталась не обращать внимания на значение слов, когда Габриэлла или другие мучители заговаривали с ней. То же самое касалось и замечаний большинства учителей, особенно новой учительницы музыки, мисс Бивер. Мисс Уэджвуд три года назад вышла замуж за преподобного Бличема и оставила школу. А в лице мисс Бивер в школе появилась жгучая поклонница Куры-маро-тини Мартин. Ей очень хотелось познакомиться с Глорией, потому что она надеялась на музыкальные чудеса, но когда Глория не выдала их, потребовала, чтобы та рассказала во всех подробностях обо всех концертных турах, в которых принимала участие за последний год.

При этом Глории было почти нечего рассказывать: она ненавидела каникулы с родителями. Чего стоили одни только взгляды членов ансамбля, когда они увидели девочку в первый раз. Ее родители постоянно собирали вокруг себя новых танцоров и певцов. Большинство маори были привязаны к родине и оставались в труппе не дольше сезона. Кроме того, слишком часто бывали разногласия с музыкантами, когда Мартины нанимали настоящих *тохунга*, то есть музыкантов, имевших наилучшую репутацию у себя на родине.

Сделанные Курой интерпретации *хака* все больше отдалялись от традиционных представлений; она приспосабливалась к западным стандартам и требовала того же от музыкантов-маори. И самые лучшие из

них оказались не готовы к этому, они громко спорили и иногда совершенно внезапно оставляли труппу. Поэтому Кура и Уильям решили ангажировать не настоящих маори, а метисов-*пакеха*, которые, кроме всего прочего, больше соответствовали западным представлениям о красоте, и это все чаще становилось главным критерием при отборе. Уже появились учителя танцев и импресарио, которые набирали и обучали новичков для шоу. Кура и Уильям путешествовали с огромной свитой, заполнявшей пять спальных вагонов и один салон-вагон. Частные вагоны прикрепляли к регулярным поездам, и труппа могла ехать в любой город Европы.

Когда Глория путешествовала вместе с шоу, ей приходилось делить вагон с пятью другими девушками, то есть ее личное пространство было меньше, чем в интернате. Иногда ей везло: молодые танцовщицы интересовались только собой. Но временами встречались и склочные особы, которые, завидуя Глории из-за богатых и знаменитых родителей, давали девочке прочувствовать свою неприязнь. Тогда Глория даже во время турне отгораживалась от всех невидимой стеной и часами сидела, глядя прямо перед собой. Если в интернате ее называли «мечтательной», то в турне ей не раз довелось услышать, что ее считают просто тупой.

— Эй, Глори, просыпайся! Ты что, все еще не готова? — В комнату вбежала Лилиан Ламберт — как обычно, не постучавшись, и оторвала Глорию от мрачных размышлений.

— И как ты опять оделась? — нетерпеливо спросила она. — Тебе не нужно надевать школьную форму, это же пикник! Мы будем смотреть, как команда тренируется перед лодочными гонками, а потом поздравим ребят, которые выиграли в кембриджской восьмерке! Это же весело, Глория! И мы познакомимся с мальчиками! Раз в год мы выбираемся из этого монастыря, а ты…

— На меня все равно никто не посмотрит, — мрачно заявила Глория. — Поэтому я предпочла бы остаться здесь или, в крайнем случае, повести эту лодку. Вот будет весело!

Лилиан закатила глаза.

— Давай, надень то синее платье, которое мать купила тебе в Антверпене. Оно очень красивое и идет тебе, потому что оно просторное.

Глория вздохнула и бросила взгляд на осиную талию Лилиан. Та, без сомнений, носила модный корсет, хотя ей это было совершенно не нужно. Уже сейчас было видно, что пятнадцатилетняя девушка пошла фигурой в свою мать и бабушку: маленькая, стройная, со всеми причитающимися женской фигуре округлостями. Зато Глории приходилось втискиваться в

корсет и серьезно мучиться, пытаясь подогнать свои размеры под модные платья. Широкое платье «реформ»[4] из Антверпена действительно шло ей гораздо больше, но оно было не последним писком моды, а скорее считалось атрибутом для тех, кого принято называть «синим чулком», и борцов за права женщин. То же самое было верно для брючных костюмов, которые с недавних пор стали появляться в крупных городах. Глории они очень нравились, но Кура лишь качала головой. А что бы ей пришлось выслушать в интернате, и думать было страшно.

Наконец, к вящему удовольствию Лилиан, Глория оделась. Младшая девочка еще выщипала ей брови и слегка продлила их с помощью горелой спички, начерненной каминной сажей.

— Вот, так гораздо лучше! — довольно заявила она. — И еще нужно провести тоненькую линию вокруг глаз. Тебе бы больше пошла линия потолще, но тогда мисс Эрроустон заметит и у нее будет припадок!

И действительно, импровизированный макияж зрительно увеличил глаза Глории. Темный цвет оттенял ее чистую кожу, а благодаря менее кустистым бровям глаза стали более выразительными. Девочка была еще далека от того, чтобы считать себя привлекательной, но хотя бы перестала говорить, что она отвратительна. Возможно, ею не заинтересуется ни один мальчик, но Глории было все равно. В первую очередь она не хотела выделяться — ни в хорошем, ни в плохом смысле.

2

— Пойдем уже, экипаж вот-вот будет отправляться! — торопила Лилиан.

Рыжеволосая девочка по-прежнему оставалась доброй подругой Глории, которая, в свою очередь, часто задавалась вопросом, что заставляло этот ураган хранить ей верность. После того как обе девочки оказались в старших классах, разница в возрасте перестала иметь значение. Однако для Глории перевод на ступень, где училась Лилиан, означал очередные унижения. На втором году обучения в «Оукс Гарден» ее перевели на класс младше. Без дополнительных занятий с мисс Бличем она просто не успевала по художественным предметам. У Лилиан с этим проблем не было, поэтому она часто ругала Глорию за неуверенность.

— Какая разница, Глори, понимаешь ли ты, что хотел сказать мистер По или какой-нибудь другой писатель. Думаю, они сами этого не знали. Так что просто придумай что-нибудь. Чем страннее, тем лучше. Тут

совершенно невозможно сделать что-то не так…

Лилиан не обладала выдающимися творческими способностями, но она была предприимчивой и обаятельной. Мисс Бивер даже прощала ей паршивую игру на фортепьяно, если при этом Лилиан мило улыбалась и у нее был готов оригинальный ответ на вопрос, почему она не пришла на занятие. В подобных случаях Глория просто молчала — а мрачного молчания никто не прощает.

У «Оукс Гарден» существовала договоренность с колледжем в Кембридже, время от времени предусматривавшая встречи старших учениц интерната и студентов младших курсов колледжа. Конечно же, это происходило под наблюдением педагогов, но если все же случалось, что двое влюблялись, связь почти всегда оказывалась подходящей. Как бы там ни было, девушкам предстояло занять свое место в обществе, а значит, они должны были уметь более-менее непринужденно общаться с противоположным полом. И вот школьная повозка везла пятнадцать возбужденных девушек старшей ступени в Кембридж, где на Каме проходили последние отборочные соревнования для легендарной лодочной гонки. Эта ежегодная гонка восьмерок Оксфорда и Кембриджа, кульминация лодочного сезона, должна была состояться неделю спустя в Лондоне. Глория думала о том, что команды для гонки давно уже отобраны и маловероятно, что тренеры будут менять состав после одного-единственного отборочного соревнования, проходящего незадолго до собственно гонки. Но, в принципе, какая разница. В такой солнечный воскресный день всем будет весело. Любой повод выйти из интерната был хорош.

Садовник, служивший в «Оукс Гарден» также и кучером, направил двух бегущих легкой рысью лошадей на дорогу, которая вела в Кембридж. Глория радовалась свежей зелени на лугах и дышала полной грудью. Кое-где на лужайках уже паслись лошади, овцы и крупный рогатый скот, и она по-прежнему сравнивала качество животных с теми, что жили в Киворд-Стейшн. Какой же приятной была эта поездка! Можно было любоваться окрестным пейзажем, не ограниченным стенами и заборами. Парк «Оукс Гарден» был прекрасен, но Глории хотелось простора. Зелень холмов вокруг Кембриджа успокаивала и радовала ее, однако ей все еще казалось, что за холмами вот-вот должны показаться Альпы. Да и воздух в Англии по-прежнему казался ей не таким чистым, как на родине, а солнечный свет — слабее, чем на Кентерберийской равнине.

Поварихи «Оукс Гарден» подготовили для пикника еду, и обе учительницы, которым выпало следить за воспитанницами, по очереди

сторожили корзины, словно в них находилась по меньшей мере государственная казна. Выбор подходящего места для пикника на берегу реки тоже стал едва ли разрешимой задачей. Лилиан и ее подруги обсуждали проблему на повышенных тонах, и Глории снова захотелось оказаться подальше от всего этого. Гораздо больше, чем перспектива наблюдать за лодочной гонкой, ее манила прогулка в одиночестве вдоль Кама, ей хотелось наблюдать за птицами, пугать лягушек, которые потешно прыгали в воду вниз головами. Ее, как и всегда, интересовало естествознание, она все еще рисовала животных, встречавшихся ей в интернатском саду. Впрочем, Глория давно уже перестала показывать свои рисунки учительницам, в лучшем случае она отправляла их мисс Бличем в Данидин. Молодая учительница нашла там место в школе для девочек и регулярно писала Глории. Вместе с ней они иногда осторожно строили планы относительно того, что будет после школы. В Данидине был университет, куда в ограниченном количестве принимали девочек. Может быть, судьба распорядится так, что она наконец-то посвятит себя тому, к чему склонна, и будет изучать естествознание и сопутствующие предметы. Конечно, Глории придется кое-что наверстать, но мисс Бличем была уверена, что она легко с этим справится. О возвращении в Киворд-Стейшн Глория давно перестала мечтать. Слишком больно было вспоминать этот утраченный мир, да и вряд ли она будет чувствовать себя там в безопасности. Один раз родители уже вытащили ее оттуда. Не было никакой гарантии, что они не сделают этого снова.

Лилиан и остальные после долгих споров выбрали место на берегу, которое было ближе к финишу, чем к старту лодочной гонки. Таким образом, победила фракция девушек, настаивающих на том, чтобы пообщаться с мальчиками после регаты. Конечно, по окончании гонки спортсмены немного устанут, но у них в любом случае будет время, которое они посвятят юным дамам. Кое-кто из девушек придерживался иного мнения, считая, что на старте гребцы наверняка будут искать фею, которая принесет им удачу. Их удалось успокоить перспективой того, что перед началом соревнований и пикником можно спокойно пройтись к исходной точке гонки.

Лилиан и несколько других девушек тут же тронулись в путь, а Глория осталась помогать учителям разгружать корзины для пикника и раскладывать на траве одеяла и салфетки. Потом она хотела незаметно отойти. В такой день от Кама, наверное, все птицы разлетелись, но поблизости был лесок. Возможно, там ей встретится белка или куница. Ни того, ни другого вида в Новой Зеландии не было, и Глория приходила в

восторг, если ей удавалось понаблюдать за тем или иным экзотичным созданием.

А Лилиан Ламберт по-прежнему считала свой собственный вид гораздо интереснее всех остальных существ, на каком бы континенте они ни обитали. Она тоже любила животных, и естествознание понравилось бы ей больше, чем программа «Оукс Гарден». Но если стоял вопрос: мальчики или белочки, — у Лилиан никогда не возникало сомнений, ибо для нее приоритеты были давно расставлены. А на лодочном причале Кембриджа было полно подходящих мальчиков. Одетые в типичные свитера или рубашки с эмблемами колледжа, все они были физически крепкими и мускулистыми от ежедневных тренировок. Точно так же, как и остальные девочки, Лилиан жеманно выглядывала из-под своего зонтика, временами отваживалась робко улыбнуться, если ее взгляд на долю секунды пересекался со взглядом мальчика, а в остальном так же непринужденно болтала со своими подружками, словно другой пол абсолютно не представлял для нее интереса. При этом своей внешности в этот день она посвятила не один час. На Лилиан было матово-зеленое платье, украшенное в вырезе и по подолу коричневым кружевом. Свои рыжие волосы она распустила, и они золотой волной ниспадали на плечи. Завершала наряд летняя широкополая шляпа, тоже зеленая, благодаря которой она вполне могла обойтись без зонтика. Март был в самом разгаре, и, несмотря на то что погода была благосклонна к молодым людям, жакет был бы гораздо уместнее, чем защита от солнца. Но зонтик просто напрашивался, ибо с его помощью можно было позаигрывать. Что же до жакета, то Лилиан предпочитала слегка померзнуть, чем прятать свое красивое декольте.

Юноши, в свою очередь, разглядывали девушек, поскольку им было известно, что по окончании гонки юные дамы устраивают пикник, который готовы разделить с ними. И свой выбор можно было сделать заранее. Для большинства молодых людей это была не первая регата, и они прекрасно знали, что посмотреть на старт приходят только самые смелые девушки. Более робких можно встретить потом у реки. А здесь уже возможен короткий разговор или даже флирт — если подойти к этому делу умеючи. Те немногие юноши, у которых среди учениц интерната были сестры или кузины, чаще оказывались в выигрыше. Одна из подруг Лилиан увидела своего брата — и ее тут же представили нескольким студентам колледжа. Она же, в свою очередь, вовлекла в круг Лилиан и других девушек, и вот уже знакомство состоялось. Однако до оживленной болтовни, в которую

остроумная Лилиан всегда могла внести вклад, дело не дошло. Ведь стеснялись не только девушки, но и парни, поэтому первые в основном говорили о погоде — «прекрасная, как же нам повезло!», а вторые — о составе команды. Одно или два места были еще спорными, и гребцы громко обсуждали ситуацию.

— Я тебя умоляю, этот Бен — желторотый! Конечно, он убедителен, но у него будет еще три года, чтобы стяжать славу. В этом году в команде еще раз должен быть Руперт. Для него это последний шанс, да и для меня так тоже будет лучше…

— Бен больше тренируется…

— Бен — выскочка!

Лилиан слушала со скучающим видом и представляла себе тех ребят, из-за которых сейчас разгорелся такой ожесточенный спор. Бен… Кажется, это интересно. Скорее всего, он один из младших, а значит, прекрасно подойдет Лилиан. Всем остальным ребятам в этой компании было не меньше шестнадцати, большинству — семнадцать или восемнадцать. Разница в возрасте немного пугала ее.

Наконец один из парней указал на Руперта, крупного неуклюжего парня с каштановыми волосами, который уже флиртовал с другой девушкой. Лилиан сразу же решила, что он ей не подходит. Ей не нравилась его хвастливость, заметная даже на расстоянии; кроме того, он действительно уже слишком взрослый. А потом ее взгляд упал на светловолосого парня, который делал упражнения на растяжку в стороне от остальных, в поросшей тростником бухте. Лилиан сочла, что он производит впечатление достойного доверия юноши. Она словно невзначай отделилась от группы и направилась к нему. При этом сердце ее забилось немного быстрее. Наверняка проявлять здесь инициативу нежелательно. Но в бухте так красиво, да и спокойнее, чем на причале. Она слышала тяжелое дыхание парня, видела угадывающуюся под рубашкой крепкую мускулатуру. При этом он был скорее худощавый, но мускулы на руках и ногах свидетельствовали о постоянных суровых тренировках на лавке гребцов.

— Вы действительно считаете, что сейчас от этого будет какой-то толк? — спросила Лилиан.

Юноша испуганно обернулся. Казалось, он совершенно забыл об окружающем мире. Лилиан увидела чистое, слегка вытянутое лицо, на котором выделялись живые светло-зеленые глаза. Все остальное в молодом человеке было скорее бесцветным, но черты лица были тонкими, губы — пухлыми, хотя и в этот момент плотно стиснутыми из-за полной

сосредоточенности.

— Что? — выдавил он из себя.

— Тренировка, — пояснила Лилиан. — Мне кажется, что если вы сейчас чего-то не умеете, то вряд ли выучитесь до гонки.

Юноша рассмеялся.

— Это не тренировка, а разминка. После нее быстрее набираешь скорость, когда лодка уже на воде. Настоящие спортсмены поступают именно так.

Лилиан пожала плечами.

— Я мало понимаю в спорте, — призналась она. — Но если это необходимо, почему же другие не разминаются?

— Потому что предпочитают болтать с девушками, — с презрением ответил юноша. — Они не относятся к этому серьезно.

Лилиан вспомнилось замечание одного из ребят насчет того, что Бен — выскочка.

— Вы Бен? — спросила она.

Юноша снова рассмеялся. Он показался ей гораздо симпатичнее, когда серьезность на его лице сменилась улыбкой.

— Что они вам про меня понарассказывали? — спросил он Лилиан. — Давайте я угадаю: Бен — выскочка.

Теперь рассмеялась и Лилиан. Немного заговорщически. Она все еще была склонна к этому кобольдскому смеху. Юноша окинул ее взглядом, лишенным интереса.

— Но это неправда, — заметила она. — Бен как раз болтает с девушкой. Ваша лодка еще проиграет гонку! — Улыбнувшись, она подмигнула ему.

Однако Бен, похоже, совершенно не заметил этого; напоминание о гонке снова вернуло его в собственный мир.

— Какая разница, они все равно отправят в Лондон этого Руперта, — произнес он. — Потому что он имеет заслуги, которые накопил за все эти годы в колледже. А ведь мы проигрывали всякий раз, когда он был загребным. Этот парень очковтиратель. Продается хорошо. И теперь у него должен быть еще один шанс, ведь он последний год в колледже.

— А вы оба не можете принимать участие? — спросила Лилиан. — Я хочу сказать, что мест ведь восемь.

— Но загребной только один. Так что или Руперт, или я. — Бен снова занялся растяжкой.

— Загребной задает темп, верно? — поинтересовалась Лилиан.

Бен кивнул.

— Проще говоря, он следит, чтобы весла опускались равномерно. Для этого ему нужно хорошее чувство ритма. А чувство ритма у Руперта примерно на нуле. — Парень потянулся.

Лилиан пожала плечами.

— Не повезло Кембриджу, — произнесла она. — Но ведь вы только на первом курсе? Вы можете выиграть в следующем году.

Она присела на траву и стала наблюдать за тем, как разминается Бен. Движения его были плавными, немного похожими на движения танцора. Увиденное понравилось Лилиан.

Бен скривился.

— Если этот следующий раз будет. Однако мистер Холлоус, наш учитель истории, считает, что будет война.

Лилиан удивленно поглядела на него. Ни о какой военной опасности она не слышала. История, которую преподавали в «Оукс Гарден», заканчивалась смертью королевы Виктории. Война была связана с Флоренс Найтингейл, об этом что-то писал Киплинг; но в остальном для нее это было скорее героическое мероприятие с лошадьми и рыцарскими доспехами.

— С кем? — удивленно спросила она.

Бен пожал плечами.

— Я тоже не очень-то понял. Конечно, мистер Холлоус не совсем уверен. Но все может быть. А когда война, гребли нет.

— Это было бы действительно очень жаль, — заметила Лилиан. — Может, тогда вам стоит постараться выиграть хотя бы сегодня?

Бен кивнул, глаза его сверкнули.

— Сегодня моя восьмерка против его.

Лилиан улыбнулась.

— Что ж, желаю вам удачи. Кстати, меня зовут Лили. Я из «Оукс Гарден». И у финиша мы устраиваем пикник. Если будет желание, приходите. Даже если не выиграете.

— Я выиграю, — заявил Бен. И снова принялся ожесточенно разминаться.

Лили постояла еще пару минут, но потом ей показалось, что она мешает.

— Тогда до скорого! — сказала она.

Бен ее не услышал.

Лилиан наблюдала за гонкой, сидя на одном одеяле с Глорией. У последней не получилось сбежать от надзора учителей. Мисс Бивер в

очередной раз попыталась вовлечь ее в разговор о культуре маори и, в первую очередь, о музыке, о которой Глория не имела ни малейшего понятия, а мисс Барнум понадобилась помощь, чтобы открыть корзину для пикника, у которой перекосилась застежка. Глория ловко открыла ее. Она быстро разбиралась в технических проблемах, и за это ее изредка хвалили. Впрочем, о самостоятельной прогулке можно было забыть. Лилиан и другие девочки уже вернулись и теперь без умолку болтали о мальчиках и ссорились из-за мест — каждой хотелось лучше видеть гонку.

Лилиан тоже было что рассказать. Ее новый друг Бен, судя по всему, командовал одной из восьмерок, и Лилиан уже говорила об управлении лодками так, словно последние три года провела в море.

Наконец гонка началась и девочки, включившись в процесс, стали криками подбадривать фаворитов. Глорию не волновал исход гонки, но она сразу заметила, что в восьмерке Бена дисциплина была гораздо жестче, чем у его конкурента. Весла равномернее и быстрее уходили в воду, лодка летела по волнам, словно дельфин. Кроме того, загребной, похоже, обладал стратегическим мышлением. Сначала Бен вел свою восьмерку на одном уровне с конкурентом и вырвался вперед только на последней трети дистанции — но так резко, что его лодка победила с хорошим отрывом.

Лилиан запрыгала от восторга.

— Он победил! Теперь они должны дать ему выступить загребным в Лондоне! Они должны! Иначе это будет нечестно!

Глория спрашивала себя, как после пяти лет, проведенных в «Оукс Гарден», Лилиан еще может верить в справедливость. Даже для таких способных девочек, как Лили, оценки и письменные вердикты, которые там ставили, оставались загадкой. С годами «художественно-творческая ориентация» школы усилилась еще больше; многие учительницы были своенравны и оценивали работу своих подопечных по совершенно непонятным критериям.

Впрочем, гениальному загребному Бену в этот день не повезло. Когда парень подошел к девушкам, он выглядел совсем подавленным.

Лилиан лучезарно улыбнулась ему. Вообще-то, она думала, что за ним придется идти. Казалось, она не произвела на него такого уж головокружительного впечатления; он гораздо больше был сосредоточен на своей гонке, чем на разговоре с ней. Но, похоже, его все-таки что-то заинтересовало в рыжеволосом кобольде — или ему просто нужна была жилетка, чтобы выплакаться.

— Я же вам говорил, что они номинируют Руперта, — сказал он, и Лилиан показалось, что в его лишенных какого бы то ни было выражения

глазах блеснули слезы. — Для них не имело значения, выиграю я или нет. Так и получилось.

Лилиан сочувственно поглядела на него.

— Но гонка была великолепная. И если Кембридж теперь проиграет в Лондоне, мы все будем знать, в чем тут причина! — утешила она его. — Ну же, съешьте что-нибудь. Вот очень вкусные куриные бедрышки, их можно брать руками! А вот вино из крыжовника, он растет в нашем саду. Ну, не совсем вино, скорее сок. Но очень вкусно!

Лилиан крутилась вокруг юноши, словно это было совершенно естественно, и при этом смеялась. Глория спросила себя, как подруга может беседовать с ним настолько непринужденно. Хотя Бен практически не смущал Глорию — он ведь все же младше ее, — она вряд ли сообразила бы, о чем с ним можно разговаривать.

— И как там у вас в колледже? — тут же поинтересовалась Лилиан, да еще с полным ртом. — Действительно ли так трудно? Все говорят, что нужно быть ужасно умным, чтобы попасть в Кембридж…

Бен закатил глаза.

— Иногда достаточно того, чтобы быть родом из нужной семьи, — заявил он. — Если твой отец и дед учились в Кембридже, все гораздо проще.

— И что? — спросила Лилиан. — Были? Ваш папа и дедушка? И что вы изучаете?

— Вы вообще не похожи на студента! — вмешалась подруга Лилиан, Хезел. До сих пор ей не удалось пригласить на свое покрывало ни одного юношу, и ей захотелось присоединиться к разговору. Получилось у нее не очень ловко.

Бен тут же покраснел.

— Я перескочил через несколько классов в школе, — признался он и криво улыбнулся. — Выскочка, как уже было сказано… А потом Кембридж предложил мне стипендию. Литература, языки и история Англии. Мои родители не в восторге.

— Очень глупо со стороны ваших родителей! — безапелляционно заявила Лилиан, и, судя по всему, Бен придерживался того же мнения, однако мисс Бивер поспешила одернуть ее.

Бен, внезапно оказавшийся в центре внимания, откашлялся.

— Я… э… мне кажется… Я хочу сказать, что мне, наверное, пора к друзьям. Но, может быть… мисс Лилиан, не хотите ли пройтись со мной пару шагов? Только до доков, конечно же…

Лилиан просияла.

— С удовольствием! — воскликнула она и собралась встать, но в последний момент передумала.

Мягко улыбнувшись, она протянула Бену руку, чтобы он помог ей подняться с покрывала.

— Я скоро вернусь, — сообщила она, грациозно повернувшись к мисс Бивер, Хезел и совершенно апатичной Глории, водрузила на плечо свой украшенный кружевами зонтик и, пританцовывая, пошла за Беном.

Бен перевел дух. Но что теперь делать с девушкой? Вести ее к шумным, настырным ребятам, восьмерку которых он только что привел к победе, нельзя — могут переманить.

К счастью, как только они скрылись из поля зрения ее учительниц, Лилиан тут же направилась в сторону леска.

— Идемте сюда, здесь есть тень. Сегодня такой теплый денек, верно?

Последнее было справедливо лишь отчасти — для марта погода была прекрасной, но в целом предпочтительнее было бы погреться под слабым весенним солнцем, нежели идти по прохладной тени, — но Бен торопливо кивнул.

И вот они уже идут по лесной тропинке и оба чувствуют себя свободно и раскованно, как никогда прежде. Никакой натянутости и ощущения, что нужно поддерживать беседу. Парню приятно, оттого что рядом с ним эта красивая улыбающаяся девушка. Впрочем, остановить болтовню Лилиан было невозможно. Своим звонким певучим голосом она рассказывала об «Оукс Гарден» и о том, что, приехав туда, она оказалась одной из самых младших учениц.

— Меня отправили в интернат вместе с моей кузиной Глорией. Ее родители непременно хотели этого, но она робка, и мы живем очень далеко. Поэтому меня послали с ней, чтобы она не чувствовала себя такой одинокой. Но ей все равно нелегко. Некоторые люди постоянно чувствуют себя одиноко…

Бен кивнул, прекрасно понимая, о чем она говорит. Похоже, Лилиан инстинктивно облекала в слова его собственные чувства. Одиночество. Даже с одноклассниками он не находил общего языка, не говоря уже о ребятах из колледжа, которые были старше. Бену повезло в том отношении, что учеба давалась ему легко и доставляла радость. И это при том, что его не привлекали ни геология, как отца, ни экономика, которую так любила мать. Бен считал себя скорее поэтом. И поймал себя на мысли, что впервые рассказывает об этом кому бы то ни было. Лилиан зачарованно слушала.

— Вы можете прочитать на память какое-нибудь стихотворение? —

полюбопытствовала она. — Пожалуйста, прочтите мне!

Бен покраснел.

— Не знаю, я еще никогда… нет, у меня не получится. Я забуду слова…

Лилиан, нахмурившись, с нарочитой суровостью произнесла:

— Да ладно! Если вы действительно хотите стать поэтом, то потом вам придется устраивать чтения. И тут нельзя терять дар речи! Давайте!

Кровь еще сильнее прилила к щекам Бена, когда он, не глядя на Лилиан, стал читать стихотворение.

Если бы ты была розой,
Я стал бы твоей росой.
Стала б листком ты, подхваченным бурей,
Пел бы ветром тебе и грозой.
Узнавал бы в любом обличье,
Пел бы песни тебе я птичьи.
И однажды во сне
Ты поцелуй даровала бы мне.

— О, как красиво! — вздохнув, воскликнула Лилиан. — Такая глубина чувств!

Юноша бросил на нее испуганный взгляд, но не увидел ни тени насмешки на ее мечтательном лице.

— И рифма правильная!

Бен кивнул. Глаза его сияли.

И тут Лилиан словно очнулась.

— Но вы только что обратились ко мне на «ты»! — лукаво произнесла она. — Кстати, сколько вам лет?

Бен снова покраснел.

— Почти пятнадцать, — произнес он.

Лилиан улыбнулась.

— Мне тоже! Это знак!

Бен, похоже, думал так же.

— Вы не хотите… ты не хочешь… встретиться со мной еще раз?

Лилиан стыдливо потупила взгляд.

— Это возможно лишь тайно, — нерешительно произнесла она. — Вам, наверное, можно уходить из колледжа, но мне…

— Неужели ты не знаешь способа? — робко переспросил Бен. — Я

имею в виду, если это совсем невозможно… я мог бы прийти в субботу и сказать, что я твой кузен или еще кто-нибудь.

Лилиан рассмеялась.

— В это никто не поверит. — Она задумалась, стоит ли рассказать Бену о том, что она из Новой Зеландии, но пока решила промолчать. Ей не хотелось говорить с юношей об угольных и золотых копях, китовом промысле и овцеводстве. Но больше всего ей не хотелось говорить о своем родстве с Курой-маро-тини Мартин. Как и Глория, Лилиан давно уяснила для себя, что упоминание об этой знаменитости тут же гасит любой интерес по отношению к ее собственной личности. Она привыкла ловко обходить эту тему, что, к ее огромному удивлению, никогда не удавалось Глории.

— Нет, я знаю способ, не переживай. Если пройти от ворот школы четверть мили к югу вдоль забора, то увидишь огромный дуб. Его ветки висят над забором, по ним можно легко взобраться. Там меня и жди. Можешь помочь мне забраться на дерево, — кокетливо добавила она. — Но под юбку смотреть нельзя!

Бен снова покраснел, однако теперь он был совершенно очарован.

— Я приду, — с трудом переводя дух, произнес он. — Но не сразу. Теперь я должен ехать в Лондон, в качестве запасного гребца меня точно берут…

Лилиан кивнула.

— Я могу подождать, — серьезно произнесла она, и про себя подумала, что это особенно романтично. — А сейчас, мне кажется, нам нужно вернуться к остальным. Иначе Хезел заскучает и от зависти пожалуется мисс Бивер, что я опаздываю. — Она решительно развернулась, но Бен удержал ее.

— Подожди еще минуточку. Я знаю, это не совсем прилично, но… я должен еще раз посмотреть тебе в глаза. Я весь день пытался сделать это, но не хотел таращиться, поэтому так и не смог толком разглядеть. Они зеленые или карие?

Бен неловко положил Лилиан руки на плечи и притянул ближе к себе. Он не говорил ей, что обычно носит очки.

Лилиан улыбнулась и сдвинула свою широкополую шляпу на затылок.

— Они то зеленые, то карие, с вкраплениями, как голубиное яйцо. Когда мне весело, они зеленые, если грустно — карие…

— А если ты влюблена? — спросил Бен.

В тот день он так и не узнал этого. Когда он поцеловал Лилиан, она закрыла глаза.

3

— Нет, Шарлотта, так больше не может продолжаться! Даже Ронго Ронго считает, что тебе нужно съездить к врачу в Крайстчерч.

Джек долго откладывал разговор с Шарлоттой по поводу ее постоянных головных болей, но когда после долгого рабочего дня он пришел домой и в очередной раз обнаружил, что она, страдая от боли, закрылась в темной комнате, решил наконец поговорить серьезно. Жена лежала, обвязав голову шерстяным шарфом, ее болезненно скривившееся лицо казалось изнуренным и невероятно бледным.

— Это мигрень, любимый, — отмахнулась она. — Ты же знаешь, она у меня частенько бывает…

— Она у тебя уже в третий раз за этот месяц, — произнес Джек. — Это слишком часто!

— Погода, любимый… Но я могу встать. Я спущусь к ужину, обещаю. Просто… у меня все время легкое головокружение. — Шарлотта попыталась сесть.

— Не вставай, ради бога! — Джек поцеловал ее и мягко, но настойчиво уложил обратно на подушки. — Я принесу тебе ужин в постель. Но сделай одолжение, не списывай все на погоду, на время года или что бы то ни было. Погода на Кентерберийской равнине не менялась на протяжении вот уже сотни лет. Как всегда, зимой почти каждый день идет дождь и летом, в принципе, тоже. Если бы от этого начинались мигрени, то болели бы все жители. Ты сейчас отдохнешь, а потом мы поедем в Крайстчерч. Навестим твоих родителей, проведем с ними несколько чудесных дней, сходим к врачу, который понимает в головных болях больше, чем наш деревенский доктор. Договорились?

Шарлотта кивнула. В принципе, ей хотелось, чтобы ее просто оставили в покое. Она любила Джека, и его близость действовала на нее успокаивающе, облегчала боль, однако любой разговор утомлял молодую женщину. При мысли о еде ей делалось дурно, но она возьмет себя в руки и проглотит несколько кусочков. Пусть Джек не тревожится. Довольно того, что тревожится она.

Прошло много времени, прежде чем Лилиан и Бен встретились снова. Девушка с нетерпением предвкушала первое свидание. Впрочем, на следующий день после лодочных гонок ее бросило в жар, когда она вспомнила, что они не договорились на конкретный день. Теперь она не знала, когда Бен будет ждать ее у забора, — если он вообще о ней не забыл.

Когда началось лето, а они так и не увиделись, Лилиан заподозрила последнее. Но потом ее подруга Мередит Родхерст поехала на выходные домой и встретила там своего брата Джулиуса, студента Кембриджа, с которым Лили познакомилась в тот же день, когда были лодочные гонки. Вернувшись в «Оукс Гарден», она едва не лопалась от волнения.

— Лили, ты еще помнишь юношу, которого приглашала на пикник? Бена?

Сердце Лилиан забилось быстрее, но прежде чем она успела что-либо сказать, Мередит оттащила ее в самый дальний от классной комнаты угол коридора. Об этом разговоре не стоит знать никому.

— Конечно, я помню Бена! С тех пор как нас разлучила судьба, я не провела ни минуты, не мечтая о нем.

Мередит прыснула.

— С тех пор, как вас разлучила судьба! — повторила девушка и захихикала. — Ты сошла с ума…

— Я влюблена! — с достоинством заявила Лилиан.

Мередит кивнула.

— И он тоже! — сказала она. — Мой брат говорит, что Бен постоянно приходит к нашему интернату и лазит вокруг сада, как влюбленный кот. Но у него, конечно, ничего не получается, ведь чтобы случайно наткнуться на тебя, ему должно невероятно повезти.

Лилиан, разволновавшись, лихорадочно размышляла.

— А мы не могли бы переписываться? Ведь твой брат знает его фамилию и…

Мередит лучезарно улыбнулась.

— Тебе не нужно писать ему. У тебя назначено свидание! Я сказала Джулиусу, что ты встретишься с Беном у «дуба беглецов» в пятницу, в пять.

Лилиан радостно бросилась подруге на шею.

— О, Мередит! Я тебе этого никогда не забуду! Хотя пятница, замечу, не идеальный вариант, у меня урок хорового пения. Ну да ладно, я что-нибудь придумаю. Что же мне надеть? Нужно… так много нужно подготовить…

И Лилиан упорхнула прочь. Остаток недели девушка собиралась провести за обдумыванием планов. Она будет считать часы. Сейчас понедельник, половина девятого…

Вопрос о том, с кем из подруг ей стоит поделиться своей великой тайной, мучил Лилиан первые два дня. Она могла бы часами болтать о Бене и их свидании, но риск возрастал с каждой новой собеседницей. Наконец

она решила посвятить в свою тайну только Хезел и Глорию, причем последняя, похоже, не проявила особого интереса к тому, что ее кузина собирается на свидание. Зато Хезел дрожала вместе с ней, помогала тщательно подбирать платье и аксессуары. До четырех часов в пятницу они отмели пять различных вариантов туалета, а на шестом платье, которое показалось Лилиан подходящим, обнаружились пятна. Лилиан готова была разреветься.

— Но ты же можешь его вычистить, — произнесла Хезел. — Давай я! Ты уже придумала, что скажешь мисс Бивер? Она взорвется, если ты пропустишь хор!

— Скажу, что у меня голова болит, — отмахнулась Лилиан. — Или ты передашь ей сама, это будет лучше всего. С недавних пор у меня склонность к мигреням. Это очень удобная болезнь, приходит неожиданно, как раз тогда, когда нужно. У нас это семейное.

— Правда? — спросила Хезел.

Лилиан пожала плечами.

— Точно не знаю. Хотя, похоже, у жены дяди Джека она есть. Так что я не вру. В любом случае урок хорового пения — это идеальное время для того, чтобы потихоньку сбежать. Все заняты. И Мэри Джейн тоже.

Мэри Джейн была заклятым врагом Лилиан и Хезел. Девушка была уверена, что та тут же выдала бы учителям тайные планы Лилиан. Поэтому Лилиан сразу же заподозрила худшее, когда именно Элисон, лучшая подруга Мэри Джейн, постучала в дверь в десять минут пятого. Лилиан как раз надела наскоро вычищенное платье, легкое, летнее, с цветочным узором.

— Ты сможешь залезть в нем на дерево? — спросила Хезел, помогая стонущей Лилиан втиснуться в корсет. В такой жаркий июльский день она в нем взопреет до смерти.

— Меня поднимут крылья любви! — пошутила Лили.

В этот миг раздался стук в дверь.

— Тебя вызывает мисс Эрроустон, Лили, — объявила Элисон. — Сейчас.

Лилиан обернулась.

— Вы опять наябедничали? Как вы только узнали! Ты ведь ничего не говорила, Хезел? И Глория… — Представить себе предательство Глории Лилиан не могла. Но, должно быть, мисс Эрроустон что-то узнала. Даже если Элисон делает вид, будто ей ничего не известно.

— Мне никто ничего не говорил, — преисполнившись честного негодования, произнесла Элисон. — Я случайно шла по коридору, и мисс

Эрроустон, увидев меня, поручила позвать тебя. Наверное, к тебе гости…

Лилиан тут же покраснела. Гости? Бен? Неужели не выдержал и решил попытаться притвориться кузеном? Или же его кто-то увидел у забора и придумал что-то? От Мэри Джейн всего можно ожидать…

— И если ты не пойдешь сейчас же, у тебя будут неприятности, — заметила Элисон. — Чего это ты, кстати, так нарядилась? На хор? Мы ведь должны носить форму до последней учебной недели…

Лилиан колебалась. Переодеваться или нет? Если мисс Эрроустон действительно не нужно от нее ничего особенного, то она еще успеет после взбучки на свидание. С другой стороны, мисс Эрроустон наверняка что-нибудь заподозрит, если она появится перед ней в воскресном наряде.

— Иди уже! — торопила Элисон.

Лилиан приняла решение. Если у нее есть хоть малейший шанс увидеть Бена, то она переживет выговор от мисс Эрроустон. Нервная Хезел, глядя вслед выходившей из комнаты Лилиан, сделала победный жест и вздохнула.

И действительно, мисс Эрроустон была в кабинете не одна. Впрочем, пребывала она не в лучшем расположении духа. С кислой миной на лице ректорша беседовала с пожилым господином, говорившим с ней, как показалось Лилиан, умоляющим тоном.

Когда Лилиан вошла в кабинет, он обернулся.

— Лили! Боже мой, какая ты стала хорошенькая! Такая же хорошенькая, как твоя мама в этом возрасте. Ты выглядишь гораздо старше, чем на фотографиях!

— Возможно, все дело в том, что наши ученицы фотографируются в форме, — сухо заметила мисс Эрроустон. — Чем мы обязаны сомнительному удовольствию лицезреть тебя такой разряженной именно сегодня?

Лилиан не обратила на нее внимания.

— Дядя Джордж!

И девочка, позабыв о том, что ей должно вести себя как леди, бросилась на шею Джорджу Гринвуду. В Греймуте он был главным инвестором рудника Ламбертов, часто гостил у ее родителей, и Илейн, ее мать, еще в детстве называла его «дядей». Для Лилиан и ее братьев он тоже был почти родственником, ему всегда были рады — особенно потому, что пожилой господин любил покупать игрушки. Всякий раз из поездки в Европу он привозил маленькие чудеса вроде миниатюрных пароходов или кукол с настоящими волосами.

— Как здорово, что ты приехал ко мне в гости! — Лилиан лучезарно

улыбнулась своему названому дядюшке и оставила капельку шарма даже для мисс Эрроустон. — Элисон сказала, что меня ждет не простой гость, и я быстренько переоделась, — добавила она, повернувшись к ректорше.

Мисс Эрроустон недоверчиво фыркнула.

— В любом случае ты выглядишь очаровательно, дитя! — заявил Джордж. — Но сейчас присядь, прежде чем мы перейдем к сути моего визита, в целом не очень радостного…

Лилиан побледнела. Она не знала, можно ли присесть на стул в святая святых мисс Эрроустон. Но если да, то, значит, ее ожидает какое-то ужасное известие.

— Мамочка… папа… Что-то…

Джордж покачал головой.

— С ними все в порядке. Прости, Лили, если я напугал тебя. С твоими братьями тоже все хорошо. Просто я очень волнуюсь… Кажется, сейчас я не самый приятный собеседник.

Он улыбнулся, словно извиняясь.

— Но что же тогда… — Лилиан все еще стояла, переминаясь с ноги на ногу.

— Можешь присесть, дитя, — милостиво разрешила мисс Эрроустон.

Лилиан опустилась на краешек стула для посетителей.

Джордж Гринвуд кивнул ей.

— Впрочем, возможно, ты даже обрадуешься моим словам, — заметил он. — Хотя твои родители рассказывали мне, что ты очень счастлива здесь. Это говорит в пользу твоего усердия и этой школы… — Последовал еще один кивок, на этот раз признательный, в сторону мисс Эрроустон. Ректор едва не замурлыкала от удовольствия. — Но, несмотря на это, мне поручено отвезти тебя домой первым же пароходом…

— Что? — Лилиан вскочила. — Домой? В Греймут? Именно сейчас? Но почему? Я… я хочу сказать, что учебный год еще не закончился… — В первую очередь она подумала о Бене, и ей показалось, что комната завертелась вокруг нее.

— Ты слышала о покушении в Сараево, Лилиан? — поинтересовался Джордж Гринвуд. Когда Лилиан покачала головой, он бросил на мисс Эрроустон полный укоризны взгляд.

— 28 июня был убит наследник Австро-Венгерской империи.

Лилиан пожала плечами.

— Мне очень жаль Австро-Венгрию, — вежливо произнесла она, но интереса не проявила. — И конечно же, семью Его Императорского Величества.

— Его жену тоже застрелили. Но это не главное. Все это может показаться тебе очень странным, но хорошо информированные круги в Европе опасаются, что эти события приведут к началу войны. Уже сейчас правительство Австро-Венгрии предъявило Сербии ультиматум с требованием заставить убийц предстать перед судом. Если этого не произойдет, Сербии будет объявлена война.

— И что? — спросила Лилиан. Она имела весьма смутное представление о географическом положении Сербии и Австрии на карте мира, но насколько ей было известно, обе эти страны находились достаточно далеко от Кембриджа.

— Из-за этого возникнут различные союзы, Лилиан, — продолжал Джордж. — Не могу рассказать тебе о подробностях, но мир бурлит. Если фитиль загорится, Европа будет гореть… Даже, возможно, будет гореть весь мир. Конечно, весьма маловероятно, что война докатится до Австралии и Новой Зеландии. Однако твои родители считают, что в Англии уже небезопасно, а на море и подавно. Если начнется война, будут и морские сражения. Я допускаю, что это, возможно, излишние меры предосторожности, как считает твоя учительница… — Джордж кивнул в сторону мисс Эрроустон, — но мы не хотим потом корить себя.

— Но я хочу остаться здесь! — возмутилась Лилиан. — Здесь мои подруги, здесь… — Она покраснела.

Джордж Гринвуд заговорщически улыбнулся.

— Может, уже и дружок есть, а? Тогда, вероятно, появилась еще одна причина поскорее вернуть тебя домой.

Лилиан не ответила.

— Что ж, твое отношение к этому не имеет значения, — почти не размыкая губ, произнесла мисс Эрроустон. — Так же, как безразлично этому господину и твоим родителям мое мнение относительно необходимости закончить учебный год. Если я верно поняла мистера Гринвуда, 28 июля из Лондона в Крайстчерч отправляется пароход. Билет для тебя уже забронирован. Ты отправишься с мистером Гринвудом сегодня же вечером. На хор можешь не идти. Твои подруги помогут тебе собраться.

Лилиан хотела взмолиться, но поняла, что смысла в этом нет. И тут ее окатило волной жара.

— А как же… Глория?

— Что значит… началась война? — Элизабет Гринвуд держала чайную чашку двумя пальцами. В этом отношении она была леди до кончиков ногтей, несмотря на то что уроки хороших манер, которые давала ей Хелен

О’Киф, она брала шестьдесят лет назад.

Шарлотта, ее дочь, так не старалась. Молодая женщина казалась бледной и нервной. Словно пытаясь согреться, она сомкнула пальцы вокруг фарфоровой чашки. Война в далекой Европе ее не интересовала. Гораздо важнее для ее собственной судьбы был прием у врача Элистера Баррингтона, еще молодого, но известного далеко за пределами Крайстчерча терапевта. Элизабет договорилась с ним по ее просьбе, и вчера они с Джеком приехали в город. Оба ночевали в доме ее родителей, тесно прижавшись друг к другу в общей тревоге, о которой, однако, не хотели говорить. Один из них выглядел менее обеспокоенным, чем другой. Но теперь Джек явно волновался. Известие о начале войны в Европе ненадолго отвлекло его. Его чай остыл. Завтрак стал казаться безвкусным.

— Австро-Венгрия объявила Сербии войну, — ответил он на вопрос Элизабет. — Это значит, что будет втянут и Германский рейх. Говорят, они уже объявили мобилизацию. А Россия, как известно, в союзе с Сербией, Франция — с Россией.

Элизабет пожала плечами.

— Что ж, по крайней мере Англия не имеет к этому отношения, — облегченно вздохнула она. — Довольно того, что другие поубивают друг друга.

Джек покачал головой.

— Джордж считает иначе, — произнес он. — Мы недавно говорили об этом. У Великобритании есть договоры с Францией и Россией. Возможно, первое время она будет держаться в стороне. Но в перспективе…

— Неужели нас ждет большая война? — Шарлотта не испытывала настоящего интереса к происходящим событиям, но ей казалось, что она должна что-то сказать. Все лучше, чем молча ждать, когда пора будет выезжать.

Джек пожал плечами и ласково погладил ее по руке, пытаясь успокоить.

— Понятия не имею. Я не разбираюсь в войне, любимая. Но вряд ли она докатится сюда. Не беспокойся.

Шарлотта повернула к нему измученное лицо. Положение в Европе было сейчас последней вещью, которая ее волновала.

— А когда вам нужно быть у доктора Баррингтона? — поинтересовалась Элизабет. — Он тебе понравится, Шарлотта, такой обаятельный молодой человек! Кстати, мы приехали в Новую Зеландию на одном судне с его отцом. Ты ведь тоже знаком с Баррингтонами, не так ли, Джек? Помнится, мы еще называли их лордом и леди. Но виконт первым

отказался от титула. Он тогда был очень резким молодым человеком. И немного помешанным на Гвинейре Силкхэм. А наша Дафни глаз с него не сводила…

Шарлотта и Джек терпеливо слушали, пока Элизабет рассказывала истории времен своего переезда. Для нее практически насильственное путешествие в новую страну оказалось чудом. Потерянного, бесперспективного ребенка из лондонского приюта отправили в Новую Зеландию горничной. Она была слишком юна, чтобы идти работать, и, в первую очередь, слишком неопытна, чтобы ее взяли в один из лондонских домов. Но потом ею занялась Хелен О'Киф, а хозяйка Элизабет оказалась приветливой пожилой дамой, которая искала скорее компаньонку, нежели горничную. В конце концов девушку удочерили и перед ней открылся путь в высший свет. Замужество с Джорджем Гринвудом окончательно превратило Элизабет в одну из самых уважаемых дам крайстчерчского общества.

Джек бросил взгляд на карманные часы.

— Пора, любимая. Ты готова?

Шарлотта кивнула. Джек казался напуганным и жалким. Точно так же чувствовала себя и она.

— Конечно, — с вымученной улыбкой произнесла Шарлотта. — Просто надеюсь, что врач не станет нас слишком долго задерживать. Ты ведь не против, чтобы мы потом сходили к той портнихе? — Голос ее звучал сдавленно.

Джек покачал головой и попытался ободряюще улыбнуться.

— Я обещал отцу поискать шотландский виски. На склоне лет он вспомнил о своих корнях. Ему кажется, что от боли в суставах ничего не помогает лучше, чем натереть их хорошим скотчем. Не говоря уже о применении внутрь.

Все рассмеялись, но только Элизабет производила впечатление по-настоящему спокойного человека. Она ничего особенного не предполагала в связи с желанием дочери проконсультироваться с доктором Баррингтоном. У Шарлотты всю жизнь были мигрени. Вот и эта головная боль окажется пустяком.

— Глория! — Джордж Гринвуд был удивлен.

Когда хозяйка паба, где он обедал перед своим визитом в «Оукс Гарден», а теперь в ожидании читал газету, сообщила ему, что к нему молодая леди, Джордж, конечно же, подумал о Лилиан. Хоть и рановато, но, может быть, она все же обрадуется путешествию.

Вместо хрупкой рыжеволосой девушки в дорожном костюме перед ним стояла разгоряченная, несколько крупноватая Глория Мартин, которой совершенно не шла бледно-голубая школьная форма. Она заметно повзрослела с тех пор, как он видел ее в последний раз, но вытянулась очень слабо. Как и прежде, Глория была сбитой; впрочем, Джорджу Гринвуду она никогда не казалась уродливой. Он знал ее, когда Глория была счастливым ребенком, как знал и то, что ее готовят к тому, что она будет наследницей Киворд-Стейшн. Тогда она умела постоять за себя и всегда очень гордилась собой. Джордж видел девочку верхом на лошади и мог сказать, что она была умелой наездницей. Он с восхищением наблюдал за тем, как она помогала своему сводному двоюродному деду Джеку стричь овец. Ей даже поручали записывать результаты, в то время как Джек участвовал в состязаниях с лучшими стригалями. И при этом Глория Мартин никогда не ошибалась, никогда не позволяла себе жульничать в пользу Джека. Оживленная и энергичная, она ловко справлялась со всеми задачами. И Джордж охотно прощал ей робость по отношению к незнакомым людям и некоторую неуклюжесть во время торжественных приемов.

Но у стоявшей сейчас перед ним девушки не было ничего общего с той уверенной в себе маленькой наездницей и дрессировщицей собак. Глория казалась бледной и затравленной. Мало того, что форма сидела плохо, она была еще и помята и вся в пятнах. А в глазах девушки застыло выражение загнанного в угол раненого зверька.

Глория старалась не плакать, сдержать гнев, подвигший ее на этот безумный шаг. Рассказ Лилиан о появлении Гринвуда, ее возмущение по поводу решения родителей, злость на «эту глупую войну», которая испортила ей свидание с Беном, — все это переполнило чашу терпения Глории. Впервые с тех пор, как она перестала заниматься с мисс Бличем, девушка покинула интернат без разрешения. Не обращая внимания на одежду, она побежала через парк, взобралась на дерево, которое Лилиан и другие предприимчивые ученицы называли «помощником беглецов», и увидела светловолосого юношу, ожидавшего с другой стороны. То был Бен, по которому Лилиан сходила с ума. Должно быть, он чувствовал то же самое: пять часов давно миновало.

— Ты принесла известие от Лили? — нетерпеливо спросил он, когда Глория соскользнула на землю. — Почему она не пришла?

У Глории не было желания болтать с ним.

— Лилиан едет домой, — коротко бросила она. — Война началась.

Бен обрушил на нее тысячу других вопросов, но она, не слушая его,

побежала в деревню. Она не спросила Лилиан, где искать Джорджа, понимая, что затеряться здесь он никак не мог. Если дядя Джордж не остановился в единственном имеющемся в Состоне пансионе, то его можно найти в одном из двух пабов. Глория нашла его в первом же.

— Это несправедливо! — вырвалось у нее. — Ты должен забрать и меня тоже, дядя Джордж! Может быть, теперь, когда Джек женился, он меня больше не любит, но у меня есть право быть в Киворд-Стейшн! Ты не можешь забрать Лилиан, а меня оставить. Это просто не…

Глаза Глории наполнились слезами.

Джордж почувствовал, что его застали врасплох. Он умел жестко вести переговоры с торговыми домами по всему миру. Но никто не готовил его к разговорам с плачущими девушками.

— Присядь, Глория. Я попрошу, чтобы тебе принесли чай. Или лучше лимонад? Тебе, должно быть, жарко.

Глория покачала головой. Непокорные локоны высвободились из небрежно завязанного на затылке хвоста, в который она собрала волосы.

— Я не хочу чай, не хочу лимонад. Я хочу Киворд-Стейшн!

Джордж мягко кивнул.

— Когда-нибудь ты ее получишь, Глория, — попытался он успокоить девушку. — Но для начала… Что за чушь ты несешь про Джека, Глория? Конечно, он тебя любит, и мисс Гвин очень просила меня поговорить с твоими родителями, когда услышала, что Ламберты хотят забрать Лилиан домой. Я могу показать тебе телеграмму…

И без того напряженное лицо Глории скривилось в болезненной гримасе. Она закусила губу.

— Мои родители не хотят? Им все равно, что со мной будет, если сюда придет война?

До сих пор Глория не тратила времени на размышления о возможном начале войны в мирном Кембридже. Но теперь начала понимать, что родители Лилиан, скорее всего, действуют не по прихоти, а исходя из серьезных опасений.

Гринвуд покачал головой.

— Конечно нет, Глория. Напротив, твой отец наверняка понимает политическую ситуацию лучше, чем я. Ведь он уже долго живет в Европе и хорошо изучил ее во время путешествий. Уильям и Кура, я уверен, сделают правильные выводы, наблюдая за началом этой проклятой войны. Впрочем, иные, нежели родители Лилиан. Насколько я знаю, ты тоже должна будешь оставить школу. По крайней мере на какое-то время. Уильям надеется, что война не будет продолжительной и ты сможешь нормально закончить

образование. Но этим летом родители намерены взять тебя с собой в Америку. Турне давно спланировано, и пока нет оснований опасаться, что США тоже вступят в войну. Путешествие продлится полгода. Расстояния между концертными залами, где будут проводиться мероприятия, огромны. Поэтому выступления намечены не на каждый день. У Куры будет для тебя больше времени, чем обычно, и она уже предвкушает возможность наконец-то сблизиться с тобой.

Джордж улыбнулся Глории, словно принес ей хорошие новости. Но, казалось, Глория все еще борется со слезами.

— В Америку? Еще дальше?

Девушка не испытывала большого желания путешествовать. И что от нее может быть нужно матери? За последние годы Глория трижды путешествовала с ее свитой, но ни разу не перекинулась со знаменитой певицей больше чем парой слов. Причем зачастую они ее просто раздражали.

— Не стой на дороге, Глория! Оденься получше, Глория! Почему ты так мало играешь на фортепьяно?

Глория не представляла себе, что сможет сблизиться с матерью, если будет проводить с ней больше времени. Она была вполне готова восхищаться Курой Мартин, но общего у них ничего не было.

— А после этого я должна буду вернуться в школу? — Глории уже исполнилось восемнадцать, и она, будучи старше большинства остальных учениц в «Оукс Гарден», считала, что интерната с нее довольно.

— Потом видно будет, — уклончиво ответил Джордж Гринвуд. — Просто не торопись судить, Глория. Могу тебе сказать только, что дело не в твоих родственниках из Новой Зеландии. Будь на то воля мисс Гвин, ты могла бы вернуться в Киворд-Стейшн хоть завтра!

Джордж хотел предложить Глории отвезти ее обратно в интернат на повозке, но, поглядев на ее усталый и подавленный вид, не осмелился снова заговорить с ней. Еще, чего доброго, разревется и бросится на шею — такая сцена ему точно не нужна.

Он решил еще раз встретиться с мисс Гвин, Джеймсом и Джеком, как только вернется домой. Должна быть хоть какая-то возможность повлиять на Уильяма и Куру. Эта девочка смертельно несчастна. И путешествие по Америке — последнее, что ей нужно для того, чтобы почувствовать себя лучше.

— Я действительно не могу поставить диагноз, миссис МакКензи, — признался доктор Элистер Баррингтон. Он только что всесторонне

обследовал Шарлотту, стучал по черепу, измерял его — в результате у нее снова разболелась голова. — Но я очень встревожен. Конечно, всегда существует вероятность того, что у вас обычные мигрени. Вполне возможно, что они учащаются. Но в сочетании с головокружением, потерей веса, вашим… хм… меняющимся циклом… — Шарлотта, краснея, призналась врачу, что, несмотря на постоянные попытки забеременеть, у нее ничего не получается.

— Может быть, что-то серьезное? — поинтересовался Джек, встревоженный словами Баррингтона.

Молодой врач только что позвал его в кабинет; последний час Джек, внутренне содрогаясь и молясь, провел на жестком стуле в комнате ожидания. Причем ему было не страшно оставлять Шарлотту и доктора Баррингтона наедине. Врач оказался очень симпатичным, спокойным и приветливым. Его узкое лицо ученого с аккуратно подстриженной бородкой и пышными светло-русыми волосами, спокойные карие глаза внушали пациентам и их родственникам доверие.

Доктор Баррингтон пожал плечами.

— К сожалению, это возможно, — произнес он.

Нервы Джека были напряжены до предела.

— Прошу вас, перестаньте нас мучить и скажите, что это может быть.

Шарлотта, бледная и нежная в своем простом темно-синем платье, казалось, ничего знать не хотела. Но Джек привык смотреть опасностям в лицо и потому не собирался отступать.

— Как уже было сказано, я не могу утверждать наверняка, — ответил Баррингтон. — Но некоторые симптомы… лишь некоторые, миссис МакКензи, я совершенно не уверен… могут указывать на опухоль мозга… — Врач выглядел так же несчастно, как чувствовал себя Джек.

— И это значит… — не отставал Джек.

— Этого я вам тоже не могу сказать, мистер МакКензи. Все зависит от того, где именно находится опухоль… Возможно ли вообще определить… И от того, насколько быстро она растет. Все это нужно выяснять. А я не могу этого сделать.

Что ж, по крайней мере этот человек честен. Шарлотта вложила ладони в руки мужа.

— Это значит… что я умру? — охрипшим голосом спросила она.

Доктор Баррингтон покачал головой.

— Пока что это ничего не значит. Если хотите совета, поезжайте как можно скорее к доктору Фридману в Окленд. Доктор Фридман — специалист в области мозга, он учился у профессора Бергмана в Берлине.

Если в этой части света есть врач-хирург, способный что-либо сделать, то это он.

— И он сможет удалить опухоль? — спросила Шарлотта.

— Если это возможно, — произнес Баррингтон. — Но об этом вам пока и думать не следует. Поезжайте в Окленд, проконсультируйтесь с доктором Фридманом. Но не спешите и не нервничайте. Устройте себе в некотором роде отпуск. Посмотрите Северный остров… там очень красиво. И попытайтесь на время забыть о моих опасениях. Может быть, через месяц вы вернетесь, а ваша жена беременна! Я всегда советую сменить климат — как при бесплодии, так и при мигренях…

Когда они снова вышли на улицу, Шарлотта крепко держала Джека за руку.

— Ты еще собираешься к портнихе? — тихо спросил он.

Шарлотта хотела храбро кивнуть, но потом увидела выражение его лица и покачала головой.

— А ты? Собираешься покупать виски?

Джек привлек ее к себе.

— Я куплю билеты в Бленем. А потом на паром, идущий на Северный остров. Для нашего… отпуска. — У него тоже вдруг охрип голос.

Шарлотта прижалась к мужу.

— Я всегда хотела побывать на Вайтанги, — тихо произнесла она.

— И посмотреть на тропические леса… — добавил Джек.

— Тане Махуту, — улыбнулась Шарлотта. Массивное дерево каури в лесу Вайпуха маори почитали как лесное божество.

— Нет, только не его, — прошептал Джек. — Я не хочу иметь ничего общего с богами, которые разлучают влюбленных.

4

В «Оукс Гарден» война пока что не ощущалась, несмотря на то что в Великобритании в первых числах августа началась мобилизация. 5 августа Англия объявила войну Германскому рейху, и уполномоченный министр, Гораций Китченер, заявил, что боевые действия вполне могут затянуться на несколько лет. Но большинство придерживалось мнения, что война будет короткой, и добровольцы стремились встать под знамена. Такая необходимость имела место, поскольку Англия располагала относительно маленьким войском, которое использовалось в основном в колониях. Воинской повинности не было, но в порыве всеобщего воодушевления, видя пример Германии и Франции, англичане решили не отставать. В стране очень быстро набрали шесть новых дивизионов, и флот тут же перевез сто тысяч солдат во Францию.

В «Оукс Гарден» читали военную лирику и раскрашивали флаги. Естествознание стало более приближенным к действительности, поскольку требовались медсестры и учениц надо было обучить основам первой помощи.

Все это фактически пролетело мимо Глории. Уже была назначена дата ее отъезда: 20 августа отправлялось судно, которое должно было увезти ее из Лондона в Нью-Йорк. Семейство Мартинов путешествовало с небольшой труппой. В Америке они собирались нанять еще танцоров; они уже не так строго придерживались наличия маорийских корней. Те немногие певцы и танцоры, которые ехали с ними, по большей части работали в труппе годами и умели обучать новеньких. Одна из них, Таматея, пожилая женщина-маори, 19 августа явилась в «Оукс Гарден», чтобы забрать Глорию.

Вызвав девушку в кабинет, мисс Эрроустон бросала суровые взгляды на маленькую темнокожую женщину и даже чаю ей не предложила. Зато снова прочла лекцию, которую уже довелось выслушать Джорджу Гринвуду: образование женщин, особенно творческого характера, в военное время важнее, чем безопасность воспитанниц. Поскольку Англии ничто не угрожает, а уж Кембриджу и подавно, она, мисс Эрроустон, считает трусостью желание сбежать «в колонии». Таматея, с трудом говорившая по-английски, выслушала все это совершенно спокойно. Когда вошла Глория, она раскрыла объятия.

— Глория! *Хаере маи!* Я радоваться тебя видеть.

Таматея сияла, и Глория с чувством обняла ее.

— Я тоже счастлива, *maya*! — поздоровалась она.

Она подзабыла язык маори, но гордилась тем, что помнит, как нужно здороваться. Было видно, что Таматея такому обращению рада. Она была из того же поколения и племени, что и мать Куры, Марама. Значит, для детей маори она была из «бабушек», и корни в данном случае не имели значения. Таматея была *maya*, ее бабушкой. На протяжении последних лет Таматея стала для Глории почти родственницей. Старая танцовщица-маори всегда утешала ее во время турне, заботилась о девочке, когда на нее накатывал очередной приступ тоски, защищала от злых шуток других танцовщиц.

— Видимо, у твоих родителей не нашлось времени, чтобы приехать за тобой, — язвительно заметила мисс Эрроустон.

Таматея с улыбкой кивнула.

— Да. Нужно много готовиться. Поэтому послать меня. Поездом, потом каретой. Ты готова, Глория? Мы уходить!

Глория наслаждалась, глядя на мисс Эрроустон, лицо которой приняло желчное выражение. Она знала, что пожилую маорийку не так-то просто вывести из равновесия. В принципе, она была добродушной, но могла быть и довольно-таки строгой, если ее танцовщицы и танцоры нарушали правила. Иногда она даже осмеливалась критиковать западные трактовки маорийских пений и танцев в исполнении Куры-маро-тини. Конечно, Глория не всегда понимала смысл этих дискуссий, потому что Кура и Таматея спорили по-маорийски и говорили очень быстро. Но она видела, что Таматее довольно часто удавалось настоять на своем. Она была единственной *тохунга*-маори, которая задержалась в труппе. Почему она согласилась расстаться с племенем на долгие годы, оставалось загадкой. Однако в спорах с Курой очень часто слышалось имя «Марама». Может быть, Таматея представляла мать Куры, известную во всей Аотеароа музыкантшу? Может быть, была последней хранительницей традиции? Глория не знала, но радовалась отсрочке.

Путешествие с Таматеей прошло гораздо спокойнее, чем прошла бы поездка с Уильямом или Курой. Обычно Глорию забирал отец и разговор сводился к опросу по материалам последнего года обучения в «Оукс Гарден», а также подробных описаниях успехов Куры. Последние перемежались жалобами на оплату танцоров и трудности переездов.

— Ты рада, что едешь в Америку, *maya*? — поинтересовалась Глория, когда сидела с Таматеей в карете, которая везла их в Кембридж. Вскоре парк «Оукс Гарден» исчез из поля зрения, но девушка даже не оглянулась.

Таматея пожала плечами.

— Для меня все страны одинаковы, — ответила она. — Нет ни одной, которая сравнилась бы с землей нгаи таху.

Глория печально кивнула.

— Ты когда-нибудь вернешься туда? — спросила она.

Пожилая женщина опять кивнула.

— Конечно. Возможно, уже скоро. Я становлюсь слишком старой для сцены. По крайней мере так считают твои родители. Дома-то нет ничего необычного в том, что бабушки танцуют и поют. Но здесь выступают только молодые. Я уже почти не выступаю. По большей части обучаю девочек, крашу их. Самое главное — раскраска. Я рисую на их лицах старые татуировки. И тогда не видно, что танцоры на самом деле не маори.

Глория улыбнулась.

— А меня разрисуешь как-нибудь, *maya*?

Таматея пристально посмотрела на нее.

— На тебе это будет выглядеть по-настоящему, — произнесла она после паузы. — В тебе есть кровь нгаи таху.

Глория не знала, почему эти слова наполнили ее такой безудержной гордостью. Но после разговора с Таматеей на душе стало так хорошо, как не бывало уже давно. Это придало ей мужества и помогло предстать перед матерью с гордо поднятой головой.

Уильям Мартин как раз наблюдал за разгрузкой нескольких ящиков с реквизитом, когда Таматея и Глория подъехали к отелю «Риц». Чета Мартинов снова устроилась в самом экстравагантном отеле Лондона, и Таматея рассказала Глории, что здесь еще запланирован прощальный концерт, прежде чем Кура и ее труппа отправятся в Штаты.

— Но деньги за билеты они не оставят себе, — говорила Таматея без особого энтузиазма. — Они соберут их для английских солдат и военных вдов или что-то в этом роде… А ведь еще и боев толком не было. Никто даже не знает, будут ли вообще убитые.

Глория едва не расхохоталась. Пожилая маори объездила уже полмира, но по-прежнему мыслила, как ее соплеменники, которые привыкли к тому, что далеко не всякая вражда, даже объявленная, выливалась в серьезные бои. Зачастую они только следили друг за другом, пели как можно более воинственные *хака*, размахивали копьями, а потом находили какой-нибудь компромисс.

С этой войной рассчитывать на подобный исход было нельзя. Может, англичане еще и не ввязались в бои, но о зверствах немцев в Бельгии уже

писали газеты половины Европы.

— Поосторожнее с ящиками! В них содержатся ценные инструменты!

Звучный голос Уильяма Мартина заставил Глорию нервно вздрогнуть, хотя на этот раз ругали не ее, а мужчин-грузчиков. Реквизит для сценического шоу Куры-маро-тини давно уже не ограничивался парой флейт и фортепьяно. Немногие постоянные члены ансамбля, вроде Таматеи, играли на маорийских инструментах и покрупнее, а задник для танцев представлял собой стилизованную маорийскую деревню с аутентичной резьбой по дереву.

— Вот и ты, Таматея. И Глория! Рад видеть тебя, девочка, похоже, ты еще больше подросла. Это хорошо. Пора тебе вытягиваться… — Уильям мимоходом поцеловал Глорию в щеку. — Скорее отведи ее наверх, к матери, Таматея. Кура будет рада видеть тебя, Глори, ты сможешь помочь ей… — И он снова занялся своим делом.

Сердце Глории бешено заколотилось. В чем она должна помочь матери?

Уильям коротко махнул рукой и велел одному из гостиничных слуг позаботиться о багаже Глории. Мужчина понес чемодан в отель, а Глория следом за Таматеей вошла в элегантный холл. В принципе, ей следовало привыкнуть к этому, но роскошные отели, где предпочитали останавливаться ее родители, каждый раз пугали девушку. Тем более удивительно было видеть, насколько естественно держится Таматея в этом мире богатых и знаменитых. Старая маори шла так же спокойно по паркету и восточным коврам «Рица», как и по пастбищам Кентерберийской равнины.

— Пожалуйста, ключи для Глории Мартин, дочери Куры-маро-тини.

Таматея не видела ничего плохого в том, чтобы покомандовать портье. Судя по всему, этот человек работал здесь недавно; Глория его никогда прежде не встречала. Невольно перехватив озадаченный взгляд «Это дочь!..», Глория покраснела.

— Миссис Мартин уже ждет вас, — заявил портье. — Но, к сожалению, у меня нет отдельного ключа для вас, мисс Мартин. Ваша семья сняла номер люкс, где уже готова комната для вас.

Глория кивнула. Лично она предпочитала отдельные комнаты. После проведенного в интернате времени она наслаждалась каждой возможностью побыть одной. Но, конечно же, у нее будет своя комната в номере — а родители редко приходят домой рано. Либо концерт, либо прием или вечеринка, на которую они приглашены.

Номер люкс располагался на верхнем этаже отеля. Глория как обычно

вошла в лифт с некоторым содроганием. Похоже, Таматея чувствовала себя примерно так же.

— Если бы боги хотели, чтобы люди отдавали себя в руки Ранги, они подарили бы им крылья, — прошептала она, обращаясь к Глории, пока мальчик-лифтер привычным жестом предложил им полюбоваться на панораму, открывающуюся взгляду с этого этажа. Однако старая маори не удостоила Лондон взглядом, она сразу же постучала в дверь номера.

— Входите!

Казалось, Кура-маро-тини поет даже самые простые слова. Ее голос звучал сильно и мелодично. В принципе, у нее было меццо-сопрано, но ей удавалось петь даже самые высокие партии для оперного сопрано. С другой стороны, ее голосовой диапазон уходил далеко в альт. У нее был просто потрясающий голос, и она пользовалась этим при интерпретации маорийской музыки. При этом песни племен по большей части не были настолько сложными, и аранжировщик Куры скорее рассматривал их как источник вдохновения для собственных композиций, нежели как образец для собственных аранжировок.

— Глория! Входи! Я жду тебя уже не первый час!

Кура Мартин сидела у рояля, просматривая ноты. Теперь она взволнованно поднялась и пошла навстречу Глории. Она казалась молодой и гибкой; никогда не скажешь, что ее дочери восемнадцать лет. Впрочем, когда Глория родилась, Кура была очень юна. И сейчас ей еще не исполнилось сорока.

Глория робко поздоровалась, ожидая привычных общих фраз насчет того, как она выросла, как взросло выглядит. Похоже, Кура-маро-тини по-прежнему удивлялась тому, что ее дочь растет. Между редкими визитами она не принимала никакого участия в жизни Глории и, судя по всему, не боялась ничего пропустить. Но сама она, казалось, не старела. За последние годы Кура Мартин стала еще красивее. Как и прежде, ее черные как смоль волосы доставали ей до бедер — впрочем, сейчас они были искусно уложены; скорее всего, ей предстояло идти на какой-нибудь прием. Кожа была чистой, цвета кофе со сливками, глаза сверкали лазурной синевой. Веки казались тяжелыми, что придавало лицу мечтательное выражение; губы полные, нежно-красные. Кура-маро-тини не шнуровалась, но ее вечернее платье никто не назвал бы платьем «реформ». С тех пор как к ней пришла определенная известность, она заказывала себе платья по собственным эскизам, не обращая внимания на моду. Покрой всегда подчеркивал фигуру, но ровно настолько, чтобы ткань играла вокруг нее и словно бы ласкала. Ее женственные формы так же обозначались под ней,

как и тонкая талия, стройное тело и красивые ноги. На сцене Кура никогда не носила «лубочных юбок», как насмешливо называла их поначалу, когда Уильям намекал, что ей стоит выступать в более традиционном наряде. Однако она совершенно не боялась показывать свое тело, как женщина-маори, танцующая с открытой грудью.

В этот день на Куре было довольно простое домашнее платье из лазурно-изумрудного шелка.

По поводу скучного темно-синего дорожного костюма Глории она на этот раз не сказала ничего, равно как и не стала говорить ни о каких внешних изменениях.

— Ты должна мне немного помочь, милая. Ты ведь не откажешься, верно? Представь себе, Мариса заболела. Именно теперь, перед заключительным концертом в Англии. Очень серьезный грипп, она практически не может стоять на ногах…

Мариса Клерк, эфемерно-хрупкая, нежная блондинка, была пианисткой Куры-маро-тини. Она обладала невероятным талантом и, кроме того, на сцене составляла очаровательный контраст как по отношению к экзотической певице, так и к зачастую притворяющимся варварами танцорам, мнимых маори. Глория заподозрила неладное.

— Нет, не бойся, на сцену выходить со мной не нужно. Мы же знаем, что у тебя с этим проблемы… — Глории показалось, что она читает мысли Куры. — Не считая уже того, что выглядишь ты не очень… декоративно, — продолжала Кура. — Но я только что получила новую аранжировку. Калев превзошел сам себя, а я уже и не надеялась, что ноты придут вовремя.

Как и прежде, Калев Биллер из Греймута, с которым Кура выступала в начале своей творческой карьеры, делал аранжировку музыкальных произведений для ее шоу. Наследник рудника был одаренным музыкантом, однако слишком боялся людей, чтобы осмелиться выйти на сцену. Вместо того чтобы отправиться путешествовать по миру вместе с Курой, он выбрал жизнь ученого и теперь занимался частными изысканиями в скучном Греймуте — это решение Кура понять не могла. Как бы там ни было, он продолжал принимать участие в ее карьере и почти инстинктивно угадывал, к чему все идет и чего требует ее публика. Он давно уже присылал скорее собственные композиции, а не аранжировки.

— И она совершенно чудесна, что-то вроде баллады. На заднем плане разыгрывается действие *хака*, простой танец. Таматея научила танцоров за пять минут. А на переднем плане духи повествуют историю, которая легла в основу баллады. Сначала музыкальное произведение для фортепьяно и *путорино* — только голос духов, совершенно эфемерный, — а потом пение.

Я с удовольствием ввела бы это в наше выступление завтра же. Это было бы, с одной стороны, достойным завершением, а с другой — пробудило бы желание увидеть что-нибудь новое. Ведь люди должны вновь прийти на мое шоу, когда мы вернемся из Штатов. И именно сейчас обойтись без Марисы невозможно. А мне нужно хотя бы пару раз порепетировать партию флейты, приходится часто приспосабливаться, ты ведь понимаешь, что я имею в виду, Глори?

Глория практически ничего не понимала, кроме того, что, судя по всему, ее мать рассчитывает на то, что она сумеет заменить Марису по меньшей мере во время репетиции.

— Ты ведь сыграешь для меня партию фортепьяно, да, Глори? Вот ноты, садись. Там совсем просто.

Кура жестом пригласила Глорию сесть за инструмент, а сама взяла в руки маленькую флейту, которая лежала на рояле. Глория беспомощно раскрыла рукописные ноты.

Она занималась игрой на фортепьяно уже пять лет, и ловкости пальцев ей было не занимать. Если упражняться достаточно долго, она могла бы сыграть и довольно сложное произведение, но это всегда был адский труд. С листа Глория не играла никогда. До сих пор ее учительница музыки разучивала с ней этюды, показывала подводные камни, а потом такт за тактом прорабатывала произведение вместе с Глорией. Прежде чем оно начинало звучать так же, как у мисс Бивер, проходили недели.

Однако Глория не рискнула сразу же взять и отказаться. Испытывая отчаянное желание понравиться матери, она буквально продиралась сквозь пьесу. Кура слушала в недоумении, но не прерывала, пока девушка не споткнулась в третий раз на одном и том же такте.

— Фа-диез, Глория! Неужели ты не видишь знак перед фа? Это очень популярный аккорд, ты ведь уже играла его не раз! Боже мой, ты притворяешься глупой или действительно такая бесталанная? По сравнению с тобой даже твоя тетка Илейн кажется божественно одаренной!

Илейн аккомпанировала Куре на ее самом первом концерте, состоявшемся в Бленеме, и ей тоже пришлось много репетировать, чтобы хоть немного соответствовать требованиям чистокровной музыкантши. Причем Илейн была довольно музыкальной — в отличие от безнадежной Глории.

— Попробуй еще раз!

Глория, уже совершенно растерявшись, начала заново, на этот раз довольно уверенно взяла первые такты, а затем снова застряла.

— Может быть, ты мне покажешь разок?.. — беспомощно спросила

она.

— Зачем показывать? Ты не можешь играть с листа? — Кура ткнула пальцем в партитуру. Вот теперь она действительно рассердилась. — Боже мой, девочка, что нам с тобой делать? Я думала, что во время турне мы сможем использовать тебя в качестве концертмейстера, Мариса не может делать все сама. Например, введение новых танцоров, для этого она слишком хороша. Но раз так… Иди к себе в комнату. Я позвоню администратору. Это, в конце концов, Лондон, здесь есть опера и множество музыкальных театров… Найдется и пианист, который сможет выручить меня в последний момент. А ты будешь слушать, Глория! Судя по всему, учителя в Состоне занимались твоим образованием спустя рукава. Да и ты не особенно стремилась к этому…

Кура забыла, что не показала Глории ее комнату. Пока Кура звонила и что-то взволнованно говорила в трубку, девушка бродила по номеру люкс. Когда она нашла комнату с одноместной кроватью, то бросилась на нее и заплакала. Она уродлива, бесполезна и глупа. Глория не представляла себе, как пережить следующие полгода.

Шарлотте МакКензи потребовалось два дня, чтобы оправиться от поездки из Бленема в Веллингтон. Джек делал все возможное для того, чтобы путешествие было приятным и запоминающимся, а Шарлотта пыталась наслаждаться их пребыванием в тех местах, куда он ее привозил. Она ела омаров в Каикоура и делала вид, что ее действительно интересуют киты, тюлени и дельфины, за которыми можно было наблюдать из маленьких лодок. Свою головную боль в Бленеме она объяснила непривычным алкоголем во время винной дегустации, на которую их пригласила знакомая семья. Гвинейра МакКензи много лет назад продала Бертонам стадо овец, и Джеку, который тогда был еще совсем мальчишкой, разрешили помочь перегнать животных сюда. Тот перегон принадлежал к числу его лучших воспоминаний, и он не уставал рассказывать о нем. Шарлотта, приняв настойку опиума, которую прописал ей доктор Баррингтон, слушала мужа с улыбкой. Чувствовала она себя при этом не очень хорошо. Спустя какое-то время опиум переставал действовать, и приходилось увеличивать дозу. Кроме того, Шарлотте не нравилось, что наркотик утомляет ее и делает вялой. Ей хотелось воспринимать мир всеми органами чувств и не упустить ни единой секунды, проведенной с Джеком.

Однако переправа на Северный остров оказалась для нее слишком тяжелой. В проливе Кука снова бесчинствовали «ревущие сороковые»[5], море волновалось, а Шарлотта всегда была подвержена морской болезни.

Она пыталась весело рассказывать о том, как плохо ей было во время путешествия в Англию и обратно, но в какой-то момент устала и вынуждена была покориться судьбе, по прихоти которой ее снова и снова тошнило. Под конец у нее так кружилась голова, что она практически не могла ходить. Джек перенес ее на руках от причала до повозки, а потом отнес в номер отеля.

— Как только тебе станет лучше, мы должны сразу же ехать в Окленд, — твердо произнес он, когда жена снова зашторила окна и достала шерстяную шаль. При этом тепло и темнота давно уже не приносили такого облегчения, к которому привыкла Шарлотта, борясь со своими прежними приступами мигрени. Сейчас вообще помогал только опиум, но он приглушал не только головную боль, но и все ощущения.

— Но ведь ты столько всего хотел посмотреть, — возразила Шарлотта. — Тропический лес. И *потопуа*, горячие источники. Гейзеры…

Джек сердито покачал головой.

— К дьяволу гейзеры и деревья всего Северного острова! Мы приехали сюда, чтобы встретиться с доктором Фридманом. Все остальное чепуха, я сказал так только для того, чтобы…

— Чтобы это все-таки был отпуск, — мягко произнесла Шарлотта. — Потому что ты не хотел, чтобы я боялась.

— Но Вайтанги… Ты же очень хотела, и мы будем проезжать мимо него… — Джек пытался успокоиться.

Шарлотта покачала головой.

— Я тоже просто так сказала, — прошептала она.

Джек беспомощно посмотрел на нее. Но потом придумал.

— Мы можем сделать это на обратном пути! Сначала съездим к этому врачу. И если он… если он скажет, что все в порядке, объедем остров. Согласна?

Шарлотта улыбнулась.

— Так и сделаем, — негромко произнесла она.

— Кстати, он называется «Те Ика а Мауи» — рыба Мауи. В смысле, Северный остров. — Джек знал, что несет чушь, но молчать сейчас не мог. — Полубог Мауи вытянул рыбу из моря…

— И его братья посекли ее, чтобы разделить, и получились горы, утесы и долины, — добавила Шарлотта.

Джек обругал себя за глупость. Наверняка Шарлотта знает легенды маори лучше, чем он.

— Все равно он был хитрый малый, этот Мауи… — примирительно продолжала она. — Он сумел остановить солнце. Когда ему показалось, что

дни бегут слишком быстро, он поймал его и заставил двигаться медленнее. Я бы тоже так поступила…

Джек обнял ее.

— Завтра мы поедем в Окленд.

За один день проделать путешествие в Окленд было невозможно, хотя туда уже несколько лет назад проложили железнодорожную ветку. Магистральная железная дорога Северного острова шла по горам и долинам, по головокружительно прекрасным местам. Сначала вдоль побережья, потом по вулканическим ландшафтам и, наконец, среди сельскохозяйственных угодий. Для Шарлотты путешествие по узкоколейке с его отчасти крутыми виражами было не легче морского путешествия. Даже здесь ее тошнило, у нее кружилась голова.

— Обратно поедем медленнее, — пообещал Джек в последний день трехдневного путешествия.

Шарлотта вяло кивнула. Ей хотелось одного — как можно скорее выбраться из этого поезда и лечь в кровать, которая не будет раскачиваться под ней. Даже не верилось, что она так наслаждалась своим свадебным путешествием в частном вагоне Джорджа Гринвуда. Тогда они пили шампанское и смеялись над качающейся постелью. Сегодня же она с трудом удерживала в себе глоток чая.

Оба обрадовались, когда наконец приехали в Окленд, но им уже было не до красот построенного на фоне вулканических пейзажей города.

— Нужно сходить на гору Хобсон или гору Иден… там должен быть фантастический вид, — без особого удовольствия заметил Джек.

Покрытые террасами горы сверкали над городом сочными зелеными красками. Лазурное море с вкраплениями дюжин островов вулканического происхождения манило своей красотой. Очаровывал и законченный всего несколько лет назад Графтон-бридж, самый длинный мост в мире, который восхитительной дугой перекинулся через овраг Графтон.

— Позже, — сказала Шарлотта.

Она вытянулась на кровати в отеле и ничего больше не хотела ни видеть, ни слышать. Только чувствовать объятия Джека, представлять себе, что все это не более чем дурной сон. Завтра утром они проснутся в спальне в Киворд-Стейшн и даже не вспомнят имени этого доктора. И Окленд… когда-нибудь они приедут на Северный остров… когда ей станет лучше… когда у них будут дети… Шарлотта уснула.

На следующее утро Джек отправился на поиски кабинета доктора

Фридмана. Специалист по болезням мозга обосновался на феодальной Квин-стрит, улице, которая закладывалась как променад еще до того, как Окленду пришлось отдать звание столицы Новой Зеландии Веллингтону. В то время город привлекал поселенцев из метрополий Старого Света, и на Квин-стрит один за другим строились красивые викторианские особняки.

Джек проехал по улице на трамвае, средстве передвижения, которое радовало его в детстве, когда они приезжали в Крайстчерч. Однако в этот летний день его переполняли лишь страх и недобрые предчувствия. Впрочем, роскошный каменный особняк профессора вызывал доверие. По крайней мере зарабатывает он, судя по всему, хорошо — если может позволить себе такой роскошный дом в центре Окленда. С другой стороны, это вызвало волнение. Согласится ли знаменитый хирург вообще принять его?

Однако опасение Джека оказалось беспочвенным. К счастью, доктор Баррингтон уже написал своему знаменитому коллеге и профессор Фридман был готов к встрече. Секретарь доложил о приходе Джека и попросил его немного подождать, пока врач не закончит текущую консультацию. После этого его пригласили в комнату, больше напоминавшую домашний кабинет, нежели кабинет врача.

Сам профессор Фридман, невысокий, довольно хрупкий мужчина с пышной бородкой, был уже немолод. Джек решил, что профессору где-то за шестьдесят, но взгляд его ярко-голубых глаз был живым и любопытным, как у двадцатилетнего. Хирург внимательно выслушал Джека, пока тот описывал симптомы Шарлотты.

— Значит, с тех пор как вы были на консультации у доктора Баррингтона, ситуация ухудшилась? — спокойно переспросил он.

Джек кивнул.

— Моя жена списывает это на путешествие. У нее всегда очень быстро начиналась морская болезнь, а тут еще этот совершенно невозможный маршрут поезда. Больше всего ей досаждают усиливающееся головокружение и тошнота.

Профессор Фридман отечески улыбнулся.

— Может быть, она беременна, — произнес он.

Джек не смог улыбнуться в ответ.

— Если бы Господь оказал нам такую милость… — прошептал он.

Профессор Фридман вздохнул.

— Что ж, Господь сейчас не щедр на милости, — пробормотал он. — Чего стоит одна только эта бессмысленная война, которая охватила почти всю Европу… Сколько жизней рушится, сколько денег, необходимых на

исследования, уходит впустую. В последнее время медицина движется вперед семимильными шагами, молодой человек. Но в ближайшие годы все остановится и единственное, в чем будут совершенствоваться врачи, это в ампутации конечностей и лечении огнестрельных ранений. Ну да ладно, в вашей ситуации вам до этого нет дела. Поэтому давайте не будем тратить время на болтовню. Приводите ко мне жену, как только она почувствует, что достаточно окрепла. На дом я предпочитаю не ходить, все инструменты для постановки диагноза у меня здесь. И я от всего сердца вместе с вами надеюсь на то, что ситуация окажется вполне безобидной.

Шарлотте потребовался еще один день, чтобы подготовиться к консультации, и на следующее утро она и Джек сидели в приемной профессора Фридмана. Джек обнимал ее, а она прижималась к нему, словно испуганный ребенок. «Сейчас она кажется еще меньше», — вдруг подумалось ему. У нее всегда было узкое лицо, но теперь оно, казалось, состояло из одних только огромных карих глаз. Волосы все еще были пышными, однако потеряли свой блеск. Джеку не хотелось расставаться с ней, когда доктор Фридман наконец позвал ее в свой кабинет.

Прошел наполненный страхом час, настолько напряженный, что он не мог ни молиться, ни даже думать. В приемной царила приятная атмосфера, но Джек испытывал внутренний холод, который не сумел бы растопить даже яркий солнечный свет.

Наконец секретарь доктора Фридмана пригласил его войти в кабинет. Профессор снова сидел за письменным столом, Шарлотта сидела напротив, сжимая чашку с чаем. По знаку доктора секретарь налил чаю и Джеку, а затем тактично вышел из комнаты.

Профессор не стал тратить время на долгие вступления.

— Мистер и миссис МакКензи… Шарлотта… мне очень жаль, но у меня плохие новости. Вы ведь уже беседовали с моим весьма компетентным молодым коллегой в Крайстчерче, который не стал утаивать от вас свои опасения. Проведенное мной обследование, к сожалению, подтвердило его предварительный диагноз. По моему мнению, Шарлотта, у вас опухоль мозга. Она вызывает головную боль, головокружение, тошноту и все те остальные симптомы, которые заставляют вас страдать. И, судя по всему, миссис МакКензи, она растет… Уже сегодня симптомы более ярко выражены, чем когда вас совсем недавно осматривал доктор Баррингтон.

Подавленная Шарлотта отпила немного чая. Джек дрожал от нетерпения.

— И что нам теперь делать, профессор? Вы можете… вы можете

вырезать эту штуку?

Профессор Фридман взял лежавшую на столе дорогую ручку и повертел ее в руках.

— Нет, — негромко ответил он. — Она расположена слишком глубоко. Я оперировал несколько опухолей. Здесь, в Новой Зеландии, и еще на моей старой родине, с профессором Бергманном. Но это всегда большой риск. Мозг — очень нежный орган, мистер МакКензи. Он отвечает за все наши чувства, мысли и ощущения. Никогда не знаешь, что разрушится, если разрезать его. То, что еще со времен античности практиковались вскрытие черепа и манипуляции с мозгом, правда. Конечно, это были единичные случаи, и я не знаю, сколько людей выживало раньше. Сейчас, когда нам известно о существовании опасности инфекции и мы работаем в чистоте, некоторых удается спасти. Но пока что очень высокой ценой. Некоторые люди слепнут или остаются парализованными. Или изменяются…

— Мне все равно, если Шарлотта будет парализована. Да и у меня останется два глаза, если она ослепнет. Я просто хочу, чтобы она осталась со мной. — Джек потянулся к руке Шарлотты, но та не далась.

— Мне не все равно, любимый, — негромко произнесла она. — Я не знаю, захочу ли жить дальше, если не смогу двигаться и ничего не буду видеть… и, возможно, буду продолжать страдать от боли. Но еще хуже — если я разлюблю тебя… — Она сухо всхлипнула.

— Как так? Почему ты перестанешь любить меня? Только из-за того… — обиделся Джек.

— Существует вероятность изменения личности, — хриплым голосом произнес профессор. — Иногда наш скальпель, увы, стирает все наши чувства. Иногда это используют при душевных расстройствах. После хирургического вмешательства люди перестают представлять опасность, их нет необходимости держать в закрытых клиниках. Но они уже не совсем люди…

— И насколько велика опасность того, что подобное может случиться? — в отчаянии спросил Джек. — Должна же существовать возможность сделать хоть что-то!

Профессор Фридман покачал головой.

— В данном случае я не советовал бы оперироваться. Опухоль находится очень глубоко, даже если бы я смог удалить ее, я разрушил бы слишком большую часть мозгового вещества. Возможно, при этом я убил бы вашу жену. Или у нее помутился бы рассудок. Мы не должны поступать так с ней, мистер МакКензи… Джек… Мы не должны красть у нее время, которое ей отпущено.

Шарлотта сидела, низко опустив голову. Профессор уже говорил с ней наедине.

— Это значит, что она… она обязательно должна умереть? Даже если вы не будете оперировать? — Джек цеплялся за любую надежду.

— Не сразу… — неопределенно заметил врач.

— То есть… вы не знаете наверняка? — спросил Джек. — Возможно, она проживет еще долго? Она могла бы…

Профессор бросил на Шарлотту полный отчаяния взгляд. Она почти незаметно покачала головой.

— Одному Господу известно, сколько проживет ваша жена, — сказал врач.

— Значит, может быть улучшение? — прошептал Джек. — Это… эта опухоль может перестать расти?

Профессор Фридман возвел очи горе.

— Все в руках всемогущего…

Джек глубоко вздохнул.

— Что насчет другого лечения, профессор Фридман? — спросил он затем. — Существуют ли медикаменты, способные помочь?

Врач покачал головой.

— Я могу дать вам кое-что от боли. Лекарство, которое довольно надежно, по крайней мере на какое-то время. Но что касается другого лечения… некоторые экспериментируют со странными эссенциями, я слышал, что в Штатах пытаются принимать разные дозы ртути. Но я в это не верю. Может быть, поначалу это немного и помогает, потому что дает пациентам надежду. Но в долгосрочной перспективе они лишь больше мучаются.

Шарлотта медленно поднялась.

— Большое вам спасибо, профессор, — мягко произнесла она, пожимая руку пожилому врачу. — Лучше знать наверняка.

Профессор Фридман кивнул.

— Подумайте спокойно, если решите продолжать, — приветливо произнес он. — Как уже было сказано, я не советую вам проводить оперативное лечение, но если вы все же хотите рискнуть, я мог бы попытаться. В остальном же…

— Я не хочу делать операцию, — заявила Шарлотта.

Она вышла из дома врача, тесно прижавшись к Джеку. На этот раз они не стали садиться в трамвай, Джек остановил карету. Шарлотта откинулась на сиденье, словно хотела утонуть в нем. Джек держал ее за руку. До самой

комнаты в отеле они не произнесли ни слова. Но потом Шарлотта не стала сразу ложиться, она подошла к окну. Из отеля открывался головокружительный вид на гавань Окленда. Вайтемата — подходящее название для этой естественной бухты, дававшей кораблям защиту от частых и очень сильных бурь Тихого океана.

Шарлотта глядела на сверкающую зеленоватой синью воду.

— Если я не смогу этого больше видеть… — тихо произнесла она, — если не смогу понимать значение слов… Джек, я не хочу превратиться в неподвижное нечто и стать тебе обузой. Оно того не стоит. И вся эта операция… Они отрежут мне волосы, я стану уродливой…

— Ты никогда не станешь уродливой, Шарлотта, — сказал Джек, подошел к ней сзади, поцеловал волосы и тоже стал смотреть на море.

В принципе, он считал, что она права. Ему бы тоже расхотелось жить, если бы он не смог воспринимать красоту окружающего мира. И если бы он утратил возможность видеть Шарлотту. Ее улыбку, ямочки на щеках, умные карие глаза.

— Но что же нам тогда делать? — в отчаянном упрямстве воскликнул он. — Мы не можем просто сидеть и ждать… или молиться… — Он грустно посмотрел на нее.

Шарлотта улыбнулась.

— Мы и не будем. В этом нет смысла. Боги не смилостивятся так быстро. Мы должны перехитрить их, как Мауи — солнце… и богиню мертвых…

— Не очень-то у него получилось, — с печалью произнес Джек. Он вспомнил легенду. Маорийский полубог пытался победить богиню мертвых, пока та спала. Но смех спутников выдал его, и он погиб.

— Что ж, по крайней мере он попытался, — произнесла Шарлотта. — И мы попытаемся тоже. Смотри, Джек, сейчас у меня есть лекарство от доктора Фридмана. Я больше не буду мучиться от боли. Так что мы сделаем все то, что собирались. Завтра поедем в Вайтанги. Посетим местные племена маори, наверняка уже появились легенды по поводу договора… ведь у *пакеха* они есть.

По условиям Вайтангского договора вожди различных маорийских племен подчинялись верховенству Британской короны. Конечно, вожди толком не понимали, что подписывали. В 1840 году никто из туземцев не умел читать и писать. Сейчас вожди маори, такие как Тонга, сосед Гвинейры по Киворд-Стейшн, то и дело начинали оспаривать обязательства туземцев по договору. Особенно это относилось к таким племенам, как нгаи таху, представителей которых вообще не было в Вайтанги.

— А потом я хочу поехать на мыс Реинга, раз уж мы все равно на Северном острове. И в Роторуа, там еще должны быть маорийские племена, которые почти не общаются с *пакеха*. Было бы интересно поговорить с ними, послушать, может быть, они расскажут другие истории… — Шарлотта обернулась к Джеку. Ее глаза сияли.

Джек снова почувствовал надежду.

— Так мы и поступим! — заявил он. — Это именно то, что сделал бы Мауи: мы просто будем игнорировать эту опухоль у тебя в голове. Мы забудем о ней, и она возьмет и исчезнет!

Шарлотта слабо улыбнулась.

— Если мы только будем верить в это… — прошептала она.

5

Любовная тоска Лилиан Ламберт лишь на несколько дней пережила отъезд из «Оукс Гарден». В Лондоне она все еще была молчалива и очень нравилась себе в роли несчастной влюбленной. В своих фантазиях она видела Бена, представляла, как он отчаянно пытается узнать о ее местонахождении, в поисках проходят годы, а потом наконец находит. Она взволнованно размышляла обо всех тех влюбленных из песен и историй, которые лишали себя жизни из-за неверности или потери возлюбленного и которых хоронили с белой голубкой на груди. На самом деле Лилиан считала маловероятным, что для нее будут искать птицу, не считая уже того, что она приходила в ужас ото всех видов смерти. Поэтому она довольно быстро смирилась с судьбой и вскоре вернулась в свое привычное жизнерадостное состояние.

Джордж Гринвуд был обязан ей — несмотря на все связанные с войной тревоги, которыми делились друг с другом пассажиры «Принца Эдварда», это путешествие по морю было самым приятным в его жизни. Весело болтая, Лилиан прогуливалась с Джорджем и другими пассажирами по палубе. Путешествия в Новую Зеландию давно перестали быть опасными приключениями и, во всяком случае для пассажиров первого класса, стали больше похожи на приятные круизы. Лилиан устраивала настольные игры, которые во время войны из-за депрессивного настроения большинства затевались довольно редко. Уже к завтраку она выходила в прекрасном настроении. В таких случаях Джордж с удовольствием откладывал в сторону депеши, которые даже на судне информировали его о состоянии боевых действий, и принимался расспрашивать Лилиан о ее снах прошлой

ночью и планах на будущее. В этих планах, конечно же, не было войны. Лилиан до сих пор не представляла себе, что люди действительно стреляют друг в друга. В песнях и историях это, конечно, случалось — пока что ее любимой фантазией было то, что Бен теряется во время какого-то сражения, а она, Лилиан, одевается в мужское платье, чтобы разыскать его, — но не в Европе еще юного XX века!

— Не знаю, буду ли я выходить замуж… — с драматизмом в голосе произнесла Лилиан. Разумеется, потеря Бена не нанесла ей смертельную рану, но она предпочитала считать, что сердце ее разбито. — Настоящая любовь — это слишком для человеческого сердца.

Джордж Гринвуд изо всех сил пытался сохранить серьезность.

— Кому же это в голову пришло? — с улыбкой поинтересовался он.

Лилиан слегка покраснела. Не могла же она признаться, что это утверждение относилось к числу историй, рассказанных ей Беном после их первого поцелуя в лесочке на берегу Кама.

Джордж дождался, когда ему дольют кофе, поблагодарил коротким кивком. Лилиан одарила стюарда такой улыбкой, в свете которой ее нежелание выходить замуж выглядело довольно неправдоподобно.

— А чем ты будешь заниматься теперь? — поинтересовался Джордж. — Станешь синим чулком или, может быть, продолжишь учиться, как собиралась моя Шарлотта, прежде чем…

— …Прежде чем последовать сладкому зову сердца?

Джордж закатил глаза. Он не очень много знал о школах для девочек с художественно-артистической направленностью, но если такая ужасная лирика действительно входит в учебный план «Оукс Гарден», то качество уроков там не самое лучшее.

— Прежде чем познакомилась со своим будущим мужем, — поправил Джордж. — И она по-прежнему интересуется культурой маори. У тебя есть какой-нибудь предмет, который тебе особенно нравится? Который вызывает у тебя особый научный интерес?

Лилиан задумалась.

— Вообще-то, нет, — произнесла она, надкусывая медовую булочку. Пока еще корабль шел по Атлантике, и волны были довольно сильными, но это не могло испортить ей аппетит. — Я могла бы преподавать игру на фортепьяно. Или рисование. Но, в принципе, я ни то, ни другое не умею делать хорошо.

Джордж улыбнулся. Что ж, по крайней мере девушка честна.

Лилиан слизнула мед со своих розовых губ.

— Может быть, я смогла бы помогать отцу на руднике, — продолжала

размышлять она. — Наверняка он был бы рад…

Джордж кивнул. Отец всегда баловал старшую дочь, и перспектива снова увидеть Тима больше всего остального помогла ей преодолеть горечь расставания с Англией.

— Под землей? — поддразнил ее Джордж.

Лилиан ослепительно улыбнулась, но ее зелено-карие глаза хитро сверкнули.

— Присутствие девушки там нежелательно, — просветила она его. — Горняки говорят, что женщина на руднике приносит несчастье, хотя, возможно, это глупости. Но они действительно верят, что так оно и есть. Даже миссис Биллер туда не спускается!

Джордж усмехнулся. Для доброй Флоренс это наверняка непросто. А еще он подумал о том, что Тим и Илейн держали дочь в курсе происходящих на рудниках событий и она знала о давней вражде между Ламбертом и Биллером. Но намерение Флоренс временами проверять, все ли в порядке под землей, развлекало весь Греймут. Рабочие Биллеров после этого пригрозили увольнением. Женщина под землей, заявили они, приводит к непредвиденным прорывам воды, камнепадам и выходам газа. Сначала Флоренс Биллер громко возмущалась, но горняки были непреклонны. Наконец предприимчивая руководительница сдалась, что, по словам Тима Ламберта, стало поистине «историческим моментом». Однако Флоренс не собиралась отказываться от подземной инспекции и загнала в рудник своего супруга Калева. Он ведь, что бы там ни говорили, был геологом. Калев сразу нашел очень любопытные темы для разговора со штейгером, который тоже интересовался геологией. В результате оба расширили свои знания о необычных прохождениях угольных пластов на восточноазиатском пространстве, но на все остальное Калев положительного влияния не оказал. Флоренс бушевала.

— Я прекрасно умею считать, — продолжала Лилиан. — И я ничего не потерплю — то есть от других девушек! Иногда нужно проявить характер, если имеешь дело с такими тварями, как Мэри Джейн Лоусон. И эта миссис Биллер тоже такая…

Джордж снова едва сдержал приступ веселья. Маленькая Лилиан Ламберт против Флоренс Биллер! Судя по всему, Греймут ожидают интересные времена.

— Твоему отцу и миссис Биллер в будущем придется уживаться, — примирительно произнес он. — Для соперничества во время войны места нет. Все рудники будут загружены до предела возможностей. Европе понадобится много угля и стали. Возможно, сейчас начнется многолетний

разгон. — Он вздохнул. Джордж Гринвуд был бизнесменом, но свои дела вел честно. Ему претила мысль о том, чтобы зарабатывать на войне. И его нельзя было упрекать в злых намерениях. Он не думал о военной прибыли, покупая акции рудника Ламберта.

— В любом случае, с учетом всего этого, ты становишься хорошей партией, Лили, — решил он подбодрить свою маленькую подружку. — Несколько акций рудника, принадлежащие Тиму, сделают вас богатыми.

Лилиан пожала плечами.

— Если я когда-нибудь выйду замуж, мой супруг должен будет любить меня ради меня самой. Будь он хоть нищий, хоть принц — все дело в том, как относятся друг к другу наши сердца.

Вот тут Джордж не удержался.

— Что ж, нищий точно оценит твое приданое! — воскликнул он, отсмеявшись. — Но мне уже любопытно. Мне очень интересно узнать, кто же в конце концов завоюет твое сердце.

Джек радостно наблюдал за тем, с каким усердием Шарлотта карабкается по крутой дороге, ведущей к маяку на мысе Реинга. Лекарство профессора Фридмана творило чудеса — вот уже три недели Шарлотта не испытывала боли и, судя по всему, переживала прилив мужества. Поэтому их путешествие по Вайтанги было очень успешным. МакКензи восхищались площадью для собраний, где в 1840 году губернатор Хобсон принимал вождей маори в своем импровизированном шатре, потом навестили живущие неподалеку племена. Джек пришел в восторг от их украшенных пышной резьбой общинных домов. Конечно, ему был знаком стиль нгаи таху, но племена на Южном острове, похоже, не уделяли такого внимания оформлению своих *марае*. Возможно, все дело было в том, что они чаще кочевали. Жители Северного острова, судя по всему, были более привержены оседлости. Шарлотту архитектура интересовала меньше. Она часами разговаривала со старшими членами племен, которые еще помнили рассказы отцов и матерей, выясняя точку зрения маори на «Договор Вайтанги», интерпретации второго поколения тех, кого это коснулось, и, в первую очередь, различные мнения на этот счет мужчин и женщин.

— У *пакеха* была королева! — волнуясь, рассказывала пожилая женщина, прекрасно помнившая минувшие события. — Моей матери это очень нравилось. Она была одной из старейшин племени и сама с удовольствием пошла бы на встречу. Но мужчины хотели решить все сами. Они танцевали военные *хака*, чтобы набраться мужества. А потом посланник племен рассказал о своей госпоже Виктории, что означает

«победа»! Это произвело на нас впечатление. Наверное, она была для него кем-то вроде богини. В любом случае она пообещала нам защиту. А как это может быть, если она далеко и если она действительно не богиня? Потом был спор… Верно ли, что там, откуда вы родом, сейчас поют военные песни?

Шарлотта подтвердила, что в Европе началась война.

— Но мы не оттуда, — поправила она. — Мы приехали сюда с Южного острова, с Те вака а Мауи.

Женщина улыбнулась.

— Важно не то, где вы родились, а то, откуда ваши предки. Именно туда возвращаются, освобождаясь, ваши духи.

— Я не совсем согласен с тем, что мой дух в конце концов отправится в Англию, — пошутил Джек, когда они ушли из поселения. — Или в Шотландию, или в Уэльс. Твои родители хотя бы оба родом из Лондона.

На губах Шарлотты появилась слабая улыбка.

— Но Лондон — плохое место для духов, — мягко произнесла она. — Слишком шумный, слишком суматошный. Гавайки кажется мне более очаровательным… Остров в синем море, никаких тревог…

— Кокосы, вырастающие прямо во рту, если, конечно, сначала не упадут тебе на голову, — поддразнил ее Джек, но почувствовал некоторую неловкость. Слишком рано так безмятежно говорить о смерти, хотя речь идет всего лишь о мифологии маори.

Коренные жители Новой Зеландии происходили с полинезийского острова, который называли Гавайки. Оттуда они приплыли на каноэ в Новую Зеландию, в Аотеароа, и до сих пор каждая семья хранит название каноэ, которое привезло их предков. По легенде, дух каждого умершего возвращался на Гавайки.

Шарлотта схватила Джека за руку.

— Мне не нравятся кокосы, — непринужденно сказала она. — Но здесь, в Вайтанги, я закончила. Поедем завтра на север?

С девяностомильного пляжа и мыса Реинга, одного из самых северных мест Новой Зеландии, открывались фантастические виды на омываемые штормами скалы. Здесь встречались Тихий океан и Тасманово море: для *пакеха* — красивое место и непременный атрибут путешествия по Северному острову, для маори — в некотором роде святыня.

Джек пожал плечами.

— Не будет ли это слишком утомительно, любимая? Подъем крутой, последние мили нужно идти пешком. Ты уверена, что осилишь? Я знаю, что у тебя уже три недели не было… мигрени, но…

Он не стал говорить, что, несмотря на столь очевидный всплеск энергии у Шарлотты, его не оставляет тревога: жена по-прежнему была худенькой и, казалось, еще больше потеряла в весе, что было неудивительно, поскольку она практически не ела. Ее ладони в его руках напоминали руки феи, а когда он прижимал Шарлотту к себе ночью, тело женщины как будто горело лихорадочным огнем. Тур по горам — это действительно было последнее, что ему хотелось бы сделать для нее, но она несколько раз неоднократно выражала желание непременно посетить мыс Реинга.

Шарлотта улыбнулась.

— Значит, тебе придется нести меня. Может быть, удастся взять напрокат лошадей или мулов. Там ведь должны быть дикие кони, тогда и ездовые животные сумеют взобраться туда. У смотрителя маяка наверняка есть вьючное животное, ему же нужна провизия…

Джек притянул жену к себе.

— Хорошо, тогда я понесу тебя. Мне все равно, что скажут люди. Кстати, я переносил тебя через порог в нашу первую брачную ночь? Я уже и не помню… таких незначительных деталей.

Последнее селение *пакеха* перед мысом Реинга называлось Каитаиа; это было крохотное местечко, куда чужаки забредали лишь в том случае, если хотели исследовать самую северную часть острова. Здесь еще было очень зелено, что удивило Джека. Он предполагал увидеть серый горный пейзаж. Тропы вокруг деревни тоже не вызывали опасения. Джек снял комнату в пансионе и отправился к хозяину, чтобы договориться с ним по поводу верховых лошадей, а еще лучше — упряжки.

— До скал пара дюжин миль, — скептически произнес мужчина. — Я не совсем уверен, что ваша леди продержится столько верхом на лошади. Лучше возьмите повозку. Но в ней вы не подниметесь последние мили. Это очень тяжело, сэр, подумайте хорошенько, стоит ли таких усилий какой-то красивый вид.

— Это не просто какой-то красивый вид, — примирительно произнесла Шарлотта, когда Джек поделился с ней точкой зрения хозяина пансиона. — Джек, мы никогда больше не заберемся так далеко на север! Не переживай за меня, я справлюсь!

И вот они здесь, после долгой поездки по унылому скалистому пейзажу, впрочем, сменявшемуся временами головокружительными видами песчаных бухт или длинных пляжей.

— Девяностомильный пляж, — произнес Джек. — Чудесно, правда? Песок… я слышал, используют для изготовления стекла. Это неудивительно, он даже сейчас блестит, как хрусталь.

Шарлотта улыбнулась. Во время этой поездки она мало говорила, просто наслаждалась грандиозным пейзажем, морем и горами.

— Здесь должно быть дерево, *похутукава*. Оно играет большую роль в историях…

Джек нахмурился.

— Ты уверена? В этой местности не очень-то много деревьев.

Похутукава, именуемое *пакеха* железным деревом, представляло собой вечнозеленое, цветущее красными цветами дерево, типичное для Северного острова. Джек и Шарлотта восхищались этими растениями еще в Окленде.

— На мысу… — неуверенно произнесла Шарлотта и снова погрузилась в молчание.

Молчала она и во время подъема к скалам. Хозяин пансиона был прав: в повозке до маяка было не доехать; им предстоял тяжелый пеший переход. Но, казалось, Шарлотту это не пугало. Джек видел капли пота у нее на лице, однако она улыбалась.

Лишь несколько часов спустя показался маяк, символ мыса. Джек надеялся, что смотритель будет рад их компании, и действительно — он пригласил их на чай. Однако Шарлотта сначала отказалась.

— Я хочу увидеть дерево, — тихо, но решительно произнесла она.

Смотритель маяка покачал головой, но махнул рукой в сторону скал.

— Вон там. Впрочем, это довольно уродливое деревце, и я не знаю, почему коренные жители поднимают вокруг него столько шума. Однако речь идет о каких-то духах, а еще там будто бы находится вход в подземный мир…

— И как? Видели уже что-нибудь? — пошутил Джек.

Смотритель, бородатый, внешне грубый мужчина, пожал плечами.

— Я добрый христианин, сэр. Мои предки родом из Ирландии. На *самайн* я закрываю все двери. Но весной погода и без того настолько ужасна, что духа на улицу не выгонишь, если вы понимаете, о чем я, сэр.

Джек рассмеялся. *Самайном*, днем всех святых, мать часто пугала его в детстве. Будто бы в этот день двери между миром духов и миром людей закрываются не полностью и иногда можно увидеть призраков. Его друг из маори, Маака, услышавший эту историю, но не поверивший в нее, однажды решил напугать его, разбудив звуками флейты *путорино*, но, конечно же, мальчишке не удалось вызвать голос духов. Поэтому Джек не

испугался, а просто разозлился: немелодичные звуки, которые вырвали его из сна, действовали раздражающе. Все кончилось тем, что Гвинейра вылила на незадачливого музыканта ведро воды.

Шарлотта примирительно смотрела на море, а Джек болтал со смотрителем.

— А здесь, наверху, есть поселения маори? — наконец поинтересовалась она.

— Моя жена изучает мифологию коренного населения, — пояснил Джек.

Смотритель покачал головой.

— Постоянных в окрестностях нет. Здесь же ничего не растет. Чем жить этим людям? Но на пляже всегда стоит какое-нибудь племя, они ловят рыбу, музицируют… Сейчас тоже кто-то есть. Маори приходят сюда не по дороге, они обычно поднимаются по тропе с пляжа. Там, в принципе, гораздо красивее, но нужно кое-где карабкаться. Так что это не для вас, леди! — И он улыбнулся, словно извиняясь.

— Но ведь в лагерь, наверное, можно попасть как-то иначе, верно? — спросил Джек.

Смотритель подтвердил его догадку.

— Входите, выпейте чаю, и я расскажу вам, как пройти, — пригласил он.

Шарлотта неохотно пошла за ним. Казалось, она не могла оторваться от вида бушующего моря. Встреча морей привела в восхищение и Джека, но уже поднялся сильный ветер, становилось холодно.

— К сожалению, я не могу предложить вам остаться на ночь, — извиняющимся тоном произнес мужчина. — У вас есть палатка или что-то подобное в повозке? Сегодня вы не успеете вернуться в Каитаию…

— Маори примут нас, — объявила Шарлотта.

Джек согласился с ней. Однако смотритель маяка смотрел недоверчиво.

— Мы часто ночевали у них, — пояснил Джек. — Они очень гостеприимны. Особенно если говорить на их языке. Как нам туда попасть?

Когда они вышли к лагерю племени, уже темнело. Лагерь состоял из нескольких довольно примитивных палаток. В центре горел костер, на котором жарились крупные рыбины.

— Должно быть, это нга пухи, — произнесла Шарлотта, которая, судя по всему, заранее выяснила названия местных племен. — Или аупоури, или рарава. Эти племена вечно спорят о праве владения этой землей. Было

много сражений.

Однако это племя производило впечатление мирного. Когда Джек поздоровался с детьми, приблизившимися к повозке, на языке маори, все тут же оттаяли. Детям разрешили позаботиться о лошадях, что им, судя по всему, нравилось, а взрослые пригласили Джека и Шарлотту к костру.

— Вы здесь из-за духов? — неуверенно поинтересовался Джек, когда им обоим положили печеного сладкого картофеля и очень вкусной свежей рыбы. — Я хочу сказать… у *пакеха* это так. Если где-то есть духовное место, люди совершают туда паломничество.

Типене, вождь, наморщил лоб.

— Мы здесь из-за рыбы, — пояснил он, что было вполне обычно для прагматичных маори. — В это время года она хорошо клюет, и нам нравится ловить рыбу. Если хочешь, можешь завтра половить с нами.

Джек усердно закивал. Маори ловили рыбу в прибое, и ему это было интересно. До сих пор он ловил рыбу только в реках.

— Женщинам все равно будет о чем поговорить, — произнес он.

Типене рассмеялся.

— Они заклинают духов, — заявил он. — Ириапети у нас *тохунга*, никто не рассказывает о Гавайки лучше ее.

Он указал рукой на пожилую женщину, давно уже увлеченную разговором с Шарлоттой. Джек опасался, что все это может оказаться слишком для нее, но женщины уже завернулись в одеяла, чтобы защититься от вечерней прохлады, а Ириапети заворачивала Шарлотту еще в одно. Шарлотта что-то пила из дымящегося стакана. Очевидно, она была довольна. Однако на лице ее читалось напряжение, которое не понравилось Джеку.

— Ты приняла лекарство, милая? — спросил он.

Шарлотта кивнула, но, судя по ее виду, она испытывала по меньшей мере легкую головную боль. Джек с ужасом вспомнил слова профессора Фридмана: «Оно убирает боль, по крайней мере на время…» Впрочем, то, что после такого трудного дня Шарлотта чувствует себя уставшей, совсем не удивительно.

— Расскажи о духах, Ириапети, — наконец попросила она старуху. — Те реренга ваируа ведь означает «место рождения духов», верно?

Те реренга ваируа — так называли маори мыс Реинга.

Ириапети кивнула и уселась ближе к костру, когда вокруг нее собралась группа детей, чтобы послушать историю.

— Если где-то умирает один из наших, — тихо, чарующим тоном произнесла *тохунга*, — его голос уходит на север. Его тянет к морю, к

этому пляжу… Если закроете глаза, возможно, вы почувствуете легкое дуновение ветерка, когда кто-то проходит мимо нашего лагеря… Нет, не нужно бояться этого, Паи, просто поприветствуй душу. — Она прижала к себе маленькую девочку, которой, судя по всему, стало страшно из-за истории о духах. Над морем взошла луна, окутав пляж нездешним светом. — Отсюда духи поднимаются на скалы… прямо по той тропе, Хоне, по которой мы шли сегодня утром.

Маленький мальчик важно кивнул.

— А потом они плетут веревки из морских водорослей и спускаются по ним к дереву *покутукава*, на крайней северо-восточной точке побережья… Ты видела его, Шарлотта? Ему много сотен лет. Духи прыгают с дерева, спускаются к корням и скользят глубоко вниз, к Реинга…

— Это что-то вроде подземного мира, да? — спросила Шарлотта. Джек заметил, что она не записывает.

Старуха кивнула.

— И тогда путь приводит их в Охауа, где духи еще раз выходят на свет, чтобы попрощаться с Аотеароа. А потом…

Охауа был самой высокой точкой на трех маленьких островках напротив побережья.

— И больше никогда не возвращаются, — тихо произнесла Шарлотта.

— Потом они уходят на Гавайки, на родину… — Старуха улыбнулась. — Ты очень устала, дитя, верно?

Шарлотта кивнула.

— Почему бы тебе просто не лечь спать, милая? — спросил Джек. — Ты, должно быть, сильно утомилась. А про духов можешь послушать и завтра.

Шарлотта снова кивнула. На лице появилось почти отсутствующее выражение.

— Я помогу тебе с палаткой!

В повозке у Джека была простая палатка и одеяла. Пока Шарлотта глядела на огонь, он поднялся и пошел за вещами. Ириапети показала ему, где можно поставить палатку. Близко к морю: волны споют гостям колыбельную.

Предполагая найти племя маори, МакКензи взяли с собой кое-какие подарки. Зерна для женщин и бутылку виски, чтобы внести свой вклад в посиделки у костра. Джек принес ее с собой и пустил по кругу. Шарлотта действительно скоро удалилась.

— Я сейчас приду! — нежно произнес Джек и поцеловал ее, когда она попрощалась.

Ириапети мягко провела рукой по ее щеке.

— *Хаере маи*, — негромко произнесла она, — добро пожаловать.

Джек удивился. Должно быть, он чего-то не понял. В груди шевельнулась тревога, и он сделал большой глоток виски, а затем передал бутылку пожилой женщине. Она улыбнулась ему. Наверное, он просто немного пьян.

Пока мужчины пили, Ириапети и несколько других женщин взяли флейты, что снова удивило Джека. Маори редко сопровождали разговоры музыкой и уж совсем не начинали делать это среди ночи. Но женщины играли тихо и задумчиво, и Джек не однажды услышал знаменитый «голос духов» флейты *путорино*. Может, на Севером острове иные обычаи, а может, это просто ритуал, который устраивают специально для уходящих духов.

Когда Джек наконец забрался в палатку, он чувствовал сильную усталость от виски, монотонных звуков флейты и долгих рассказов мужчин — он вырос с маори, но все еще с трудом понимал глубокий смысл их рассказов. Жутковато, когда в колыбельную вплетается голос духов… но, похоже, Шарлотте это не мешало, она спала рядом, глубоко и крепко. Сердце Джека наполнилось нежностью, когда он увидел ее лежащей на примитивном ложе. Распущенные волосы раскинулись по одеялу, служившему ей подушкой, однако лицо казалось несколько напряженным. Когда же он в последний раз видел, чтобы она мирно спала, без боли и страха? Он отбросил эти мысли в сторону. Шарлотте лучше, она поправится… Он осторожно поцеловал ее в лоб, лег рядом и уснул.

Шарлотта услышала голоса духов. Судя по всему, они звали всю ночь, но до сих пор лишь мягко манили. Теперь они стали более требовательными, звали настойчивее. Пора.

Шарлотта тихо встала, пробралась к выходу из импровизированной палатки. Джек спал, и это было хорошо. Она бросила на него последний, исполненный любви взгляд. Однажды… в солнечном свете, в затерянном где-то посреди моря острове они встретятся вновь…

Шарлотта отбросила волосы, поискала плащ. Впрочем, он ей не понадобится. Несмотря на то что сейчас достаточно прохладно, во время подъема ей станет теплее. Она шла по дороге, которую ей показала Ириапети. Она сразу же пошла круто в гору. К счастью, луна светила достаточно ярко, чтобы увидеть выбитые в скале ступеньки. Шарлотта шла быстро, но без спешки. Она не чувствовала себя одиноко, здесь были другие души, поднимавшиеся вместе с ней. Шарлотте чудилось, что от

волнения и предвкушения они перешептываются и смеются. Сама же она испытывала сожаление, хотя страха не было. Подъем длился долго, но Шарлотте казалось, что время летит незаметно. Порой она останавливалась и смотрела вниз, на сверкающее в лунном свете море. Где-то там Джек… Она испытала искушение прикоснуться к нему во сне. Но нет, лучше пусть спит. Лагерь маори давно скрылся из виду. Шарлотта шла по переплетающимся, становившимся все круче тропинкам, но не заблудилась. Наконец перед ней возник маяк. Здесь нужно быть внимательной, еще раз вернуться в реальный мир и идти только по тени. Маловероятно, что смотритель маяка еще не спит, но Шарлотта не хотела, чтобы ее заметили и, возможно, заставили отказаться от задуманного. Но и спешить ей не хотелось. Ее поступок был взвешен, почти священен. Его не должно совершать второпях.

Истрепанное бурями дерево *похутукава* от маяка видно не было. Шарлотта расслабилась. Нужно просто сплести веревку из морских водорослей, чтобы спуститься по ней, но здесь не было морских водорослей. Это ей и прежде показалось странным, когда она слушала историю, рассказанную Ириапети. Нужно кого-нибудь спросить про это.

Шарлотта улыбнулась. Нет, больше она не будет записывать легенды. Она сама станет частью легенд…

Чуть выше дерева утес резко обрывался. Шарлотта подошла к краю. Под ней волны разбивались о маленький пляжик. Перед ней простирался океан, залитый лунным светом.

«Гавайки, — подумала Шарлотта. — Рай».

И полетела.

Когда Джек проснулся, в лагере стояла мертвая тишина. Это было очень необычно, поскольку они засыпали посреди целой деревни маори и сейчас на пляже должны были звучать детские голоса, смех, болтовня. А еще — потрескивание костра, на котором женщины пекут хлебные лепешки.

Джек провел рукой рядом с собой и понял, что Шарлотта ушла. Странно, почему же она не разбудила его? Потер лоб и вылез из палатки.

Песок и море. Следы на песке, но ни одной палатки. Только старуха, кажется Ириапети, сидела на пляже и наблюдала за тем, как разбиваются о берег волны.

— Куда все подевались? — В душе Джека зародился страх. Как будто он проснулся и оказался в каком-то кошмарном сне.

— Они недалеко. Но для тебя лучше сегодня побыть одному. Типене

сказал, что, возможно, ты будешь злиться на нас. А этого делать не стоит. Ты должен обрести мир… — Ириапети говорила медленно, не глядя на него.

— Почему я должен злиться на вас? — спросил Джек. — И где Шарлотта? Она с остальными? Что здесь происходит, *вахене*?

— Она хотела указать путь своему духу. — Ириапети наконец повернулась к нему. Ее лицо, изборожденное морщинами, было серьезным. — Она сказала мне, что боится расставаться со своим телом, потому что для него не существует Гавайки. Но здесь ему нужно было просто идти за остальными. Ты не сумел бы помочь ей.

Старуха снова устремила свой взгляд на море.

Мысль Джека лихорадочно заработала. Духи… скалы… неуверенные слова врача… Он не хотел осознавать этого, но Шарлотта знала, что умрет.

Только не так! Не одна!

— Она не одна, — сказала Ириапети.

Джек не знал, читает ли она его мысли или же последние слова он произнес вслух.

— Я должен найти ее!

Джек испытывал невообразимое чувство вины, когда бежал к тропе, видневшейся среди скал. Как он мог спать? Почему он ничего не заметил, ничего не почувствовал?

— Ты можешь подождать ее здесь, — произнесла Ириапети.

Джек не слушал. Он бежал вверх по крутой тропе, словно за ним гнались фурии, останавливался лишь изредка, чтобы перевести дух. Он не обращал внимания на красоту скал и моря. При этом небо было затянуто тучами и все, казалось, погрузилось в странные голубоватые сумерки. Призрачный свет? Джек заставил себя идти еще быстрее. Может, он еще сумеет догнать ее. Нужно было спросить старуху, когда она ушла. Но, наверное, она тоже не знает. Для *тохунга* маори время течет иначе.

Когда Джек наконец добежал до маяка, был уже полдень, но солнце все еще не взошло. Смотритель радостно поздоровался с ним, пока не заметил, в каком состоянии находится Джек. Шарлотты не было. И следов ее тоже…

— Есть дюжины возможных мест, — сочувственно произнес смотритель маяка, когда Джек коротко, путаясь в словах, описал ему свои опасения. — У самого дерева я бы прыгать не стал. Там не совсем крутой склон. Но вот над ним… и чуть левее… как я уже говорил, вы можете найти только следы. Но, возможно, вы совершенно напрасно волнуетесь. Эти бабушки маори много рассказывают, если день слишком долог.

Вероятно, ваша маленькая леди в полном порядке, у своих друзей. Она казалась такой хрупкой и слабой, вряд ли она сумела преодолеть столь трудный подъем.

Джек пошел к скалам над деревом *похутукава*. Должно быть, это было здесь… Ему казалось, что он чувствует присутствие Шарлотты. Но нет, этого не может быть. Ее душа давно должна была достичь Охауа…

Джек послал островам молчаливый привет. Он не знал, почему не испытывает отчаяния, но внутри была лишь пустота, ужасная ледяная пустота.

Словно в трансе, он снова спустился по тропе. Если он сейчас споткнется… Но Джек не споткнулся. Он не готов идти в Гавайки, еще не готов. Неужели он бросает ее? Джек даже думать об этом не мог. Однако он видел, как из-за облаков выходит солнце, и чувствовал, как его ноги уверенно нащупывают тропу.

Когда пляж снова показался в поле зрения Джека, его взгляд остановился на Ириапети. Пожилая женщина по-прежнему сидела на том же месте, но когда он ступил на песок, она, похоже, что-то увидела.

— Пойдем, *тане*! — спокойно произнесла старуха и вошла в воду.

Ей было тяжело бороться с приливом, но Джек был сильнее и быстро догнал ее. И тоже наконец увидел: синее платье, раздутое волнами, длинные светлые волосы, с которыми играл прибой.

— Шарлотта! — крикнул Джек, хотя понимал, что она не услышит его. Он потерял дно, поплыл.

— Ты можешь просто подождать, — сказала Ириапети, остановившаяся чуть поодаль.

Джек обхватил тело жены, борясь с морем и пытаясь вплавь доставить его к берегу. Он запыхался и обессилел, когда добрался до Ириапети. Она молча помогла ему вынести Шарлотту на берег. Они уложили ее на одеяло, расстеленное старухой.

Джек откинул волосы с лица жены — и впервые за долгое время увидел на нем выражение полного покоя. Тело Шарлотты освободилось от боли. И ее душа ушла путем духов…

Джек задрожал.

— Мне холодно, — вдруг тихо произнес он, хотя день был теплый и уже взошедшее солнце подсушило его одежду.

Ириапети кивнула.

— Пройдет много времени, прежде чем холод уйдет.

6

— Разве это *хака*?

Глория стояла рядом с Таматеей за импровизированной сценой в «Рице» и слушала прощальный концерт Куры-маро-тини в Европе. До этого Уильям громко представил музыкантшу и несколько раз повторил, что вырученные деньги пойдут осиротевшим из-за войны детям. Наверное, они уже появились и в Англии. Америка пока что хранила нейтралитет.

Мариса, уже более-менее вставшая на ноги, только что виртуозно аккомпанировала Куре, исполнявшей балладу, которую Глория так безуспешно пыталась разобрать вчера. Девушка не узнала пьесу — Мариса заставляла фортепьяно шептать вместе с голосом духов *путорино*, была посредницей между рваным ритмом военного танца на заднем плане и чарующим голосом Куры. Это филигранное произведение искусства было встречено громкими аплодисментами. В деревнях маори вокруг Киворд-Стейшн Глория никогда не слышала ничего подобного, и исполняемая *хака* казалась ей ненастоящей. Правда, она никогда не стала бы утверждать, что разбирается в музыке, но *хака* маори всегда казались ей вполне понятными. В детстве она смеялась и танцевала с ними, когда бабушка Марама увлекала ее в круг, или же задорно колотила по барабанам. Вряд ли там можно было ошибиться, ритмы открывались даже людям со слабым музыкальным талантом. Однако здесь она видела отточенные танцевальные движения, слышала разветвляющиеся мелодии и инструменты, несомненно созданные маори, но используемые совсем иначе, чем задумывалось изначально. В какой-то момент она отважилась спросить, надеясь, что Таматея не станет над ней смеяться.

Старуха маори лишь пожала плечами.

— Это… искусство, — сказала она после довольно продолжительной паузы, при этом употребив английское слово.

— Наверное, слова «искусство» и «искусственно» однокоренные.

Таматея осторожно подбирала слова, но легко было понять, что она не всегда согласна с интерпретациями Куры.

Уильям Мартин, который тоже услышал вопрос Глории и даже понял его, бросил на пожилую женщину укоризненный взгляд. Он очень плохо говорил на языке маори, но с помощью двух английских слов понял ее ответ.

— Мы не такие пуристы, Глория, — заметил он в свою очередь. — Кого волнует, оригинальная это музыка маори или нет? Главное, что люди

понимают. Мы уже подумываем о том, чтобы перевести на английский язык тексты песен Куры. Нам это очень советовали сделать для Америки. Тамошние люди не очень-то ценят фольклор…

— Но ведь в программе написано, что она аутентичная.

Глория толком не понимала, что ей не нравится, но у нее складывалось стойкое впечатление, что ее обманывают в чем-то очень важном. Может быть, она просто слишком тонкокожая. Недавно она поймала себя на том, что нежно ласкает струны тумутуму и гладит дерево толстых флейт. Эти вещи, казалось, утешали. Иногда Глории хотелось удостовериться, что ее страна, которая находится в другой половине земного шара, действительно существует.

Уильям закатил глаза.

— В программах много чего написано, — произнес он после паузы. — В Париже мы видели первое выступление этой Мата Хари. Очень красиво, очень артистично, — но ведь эта женщина в жизни не бывала ни в одном индийском храме, не говоря уже о том, чтобы учиться там танцевать. Я исследовал этот вопрос. Она даже не индианка, и уж тем более не аристократка, что бы там ни говорили. Но людей это не интересует. Главное, чтобы было побольше экзотики и обнаженного тела. Над этим нужно еще работать, наше шоу должно стать привлекательнее…

— Еще больше обнаженного тела? — переспросила Глория.

Костюмы танцовщиц уже сейчас были довольно откровенными. Их *пиу-пиу* — светло-коричневые юбочки из накрахмаленных полосок льна — заканчивались намного выше колена, открывая голые ноги девушек. И плетеные топы, не имевшие ничего общего с реальностью, тоже были весьма скудными. Женщины-маори часто танцевали с голым торсом. Наблюдая этот обычай, Глория ни о чем плохом не думала; в Киворд-Стейшн это казалось ей совершенно естественным. Здесь же… люди даже сейчас таращились на танцовщиц во все глаза.

— Не будь такой жеманной, малышка! — рассмеялся Уильям. — В любом случае мы думаем, что юбочки нужно сделать покороче, а вот насчет раскраски лица… — Он бросил на Таматею почти упрямый взгляд. — Это мы уберем. Хотя бы для девушек. Пусть мужчины выглядят устрашающе. Эффект ужаса должен присутствовать, как и экзотика. Именно в Америке… — Уильям разразился еще одной лекцией на тему того, что нужно принять во внимание в Новом Свете, когда они повезут туда свое шоу.

Тем временем на сцену вышла группа воинственных мужчин-танцоров. Военные *хака* сейчас были действительно единственной

аутентичной вещью, предлагавшейся в шоу Куры. Ярко разукрашенные мужчины выкрикивали угрозы в адрес врага и размахивали копьями. Казалось, танцорам это доставляет особое удовольствие, и, судя по всему, военные игры были в крови не только у полинезийцев. На данный момент ни один из танцоров не мог похвастаться истинно полинезийским происхождением.

Уильям продолжал рассуждать насчет того, что необходимо сделать в ближайшее время, но Глория уже толком не слушала. В принципе, работа матери по-прежнему оставляла ее равнодушной. Она испытывала только странное сожаление. Крохотный кусочек Новой Зеландии, который еще недавно был в шоу, совсем исчез. Через какое-то время Таматея вернется домой; здесь теперь нечего хранить. Но Глории придется остаться… Хотя она уже сейчас ненавидела Америку.

Без особого энтузиазма Глория поднялась на борт парохода. Прошло бесконечно много времени, прежде чем весь сценический реквизит Куры был уложен в ящики и поднят на борт, но певица настояла на том, чтобы лично проследить за погрузкой. При этом лондонская погода в очередной раз проявила себя с худшей стороны. Постоянно моросил дождь, и, когда Глория наконец вошла в свою каюту первого класса, она была похожа на мокрую кошку. Каюту она делила с Таматеей, что принесло некоторое облегчение. Молодые танцовщицы с труппой не ехали. Уильям распустил ансамбль после финального концерта, поскольку в Нью-Йорке планировалось набрать новый.

— Ты не выйдешь на мостик, Глория?

Девушка надеялась, что в каюте ее оставят в покое, но, видимо, капитан не хотел лишать себя удовольствия немедленно поприветствовать на борту Куру-маро-тини и ее семью. Поскольку незадолго до отправления это было не совсем удобно, он принял их на мостике и засыпал женщин кучей информации о морском судне. Глория невольно вспомнила о том, что еще пару лет назад все это вызывало у нее жгучий интерес, но сейчас она видела лишь то, что капитан не удостаивает ее ни единым взглядом. Он говорил исключительно с Курой-маро-тини, которой было, вне всякого сомнения, скучно, но слушала она с королевским достоинством. Дождь и ветер не разрушали ее красоту. Напротив, когда ветер трепал ее волосы, она казалась трогательной и одновременно волнующей.

— А это ваша дочь?

Обычное замечание, обычное удивление на лице спрашивающего о ней человека. Глория опустила взгляд, мысленно желая себе оказаться

далеко-далеко…

Переезд из Лондона в Нью-Йорк прошел спокойно, несмотря на то что некоторые пассажиры испытывали страх из-за войны, а порт был по большей части занят мужчинами в униформе морских пехотинцев. Однако в море, когда Ла-Манш остался позади, они не встретили ни одного боевого корабля. И подавленное настроение, царившее в Лондоне после объявления войны, вскоре сменилось оживленной и веселой корабельной жизнью. По крайней мере первый класс не скучал. Как обстояло дело на средней палубе, где бедные переселенцы и беженцы с испугом ждали конца путешествия, Глория не знала. Пассажиры первого класса и твиндека были строго разделены, что противоречило рассказам бабушки Гвин и Элизабет Гринвуд по поводу их собственного переселения в Новую Зеландию. Ведь во время долгих путешествий, длившихся не один месяц на тогда еще довольно ненадежных парусных судах, контакты все равно возникали. Бабушка Гвин рассказывала о совместных богослужениях и даже развлечениях.

Глория наслаждалась морским путешествием, насколько она вообще хотела и могла чем бы то ни было наслаждаться. Вечерние банкеты, настольные игры и другие увеселения в кругу пассажиров вызывали у нее скуку, но, как уже было во время переезда из Литтелтона в Англию, ее успокаивал вид бесконечной морской глади. Она часами сидела на палубе в одиночестве и смотрела на волны, радуясь, когда судно сопровождали дельфины или киты.

Родители не настаивали на постоянном общении с ней, и это нравилось Глории. Кура купалась в лучах своей славы среди пассажиров, Уильям пил с лордами и танцевал с леди, словно это было само собой разумеющимся. Капитан упрашивал Куру спеть для своих пассажиров и офицеров, и в конце концов она уступила его просьбам. Конечно же, концерт был успешен — и Глория подверглась обычным мучениям.

— А доченька тоже музицирует? Нет? Как жаль! Но вы должны гордиться своей матерью, мисс Мартин!

Еще одна фраза, которую Глория начала ненавидеть в эти дни: «Глория еще совсем ребенок». Кура и Уильям таким образом извинялись за то, что Глория не поддерживала разговоры за столом и не хотела танцевать, когда вечером начинал играть бортовой оркестр.

Как-то за ужином с капитаном она уступила настойчивым просьбам молодого старшины, но только оттоптала ему ноги. С недавних пор в «Оукс Гарден» ввели занятия по бальным танцам, но лишь на последнем году

обучения. Слишком поздно для Глории.

— Как люди могут жить здесь? — спрашивала Таматея, когда судно прошло остров Эллис и на горизонте наконец показался Нью-Йорк. — Дома слишком высокие, чтобы видеть небо. Земля запечатана, свет искусственный. А шум… город заполнен шумом, я слышу его даже здесь. Это прогоняет духов. Люди совершенно обеспокоены, лишены корней…

Такое же впечатление произвел на Глорию в свое время Лондон, и она не могла не согласиться со старой маори. Нью-Йорк был еще более шумным и необозримым, и если бы Глория была духом, она предпочла бы сбежать отсюда как можно скорее.

— В центре города огромный парк, там даже есть высокие деревья, — сообщила Кура.

Ей не терпелось поскорее сойти с корабля и завоевать этот новый, какой-то особенный город. При этом она нисколько не сомневалась, что у нее все получится. Ее концертмейстер присылал на борт судна телеграммы. Интерес к ее выступлениям был огромным. Билеты на первые вечера уже были полностью раскуплены. Впрочем, нужно было еще кое-что сделать, и Куру распирало от жажды деятельности. Конечно же, в отель «Вальдорф Астория» Мартины поехали на одном из этих новых автомобилей.

Глории не понравилось ни грохочущее транспортное средство, в котором Таматея, судя по всему, испытывала самый настоящий ужас, ни пугающая элегантность холла в отеле. Впрочем, их появление ажиотажа не вызвало. Служащие отеля, конечно, обратили внимание на броскую красоту Куры, однако не узнали европейскую знаменитость и даже не поинтересовались, кем ей приходится Глория. Девушка поселилась в номере люкс, снятом родителями, и, к ее облегчению, выяснила, что новые члены ансамбля не будут исполнять песни и танцы прямо здесь. Для этого Уильям арендовал помещение в расположенном неподалеку театральном квартале.

Таматея должна была присутствовать при отборе новых танцоров, поэтому на протяжении первых дней в Нью-Йорке Глория по большей части была предоставлена самой себе. Уильям и Кура предложили ей сходить в музеи или галереи. Это было бы прилично для молодой девушки, поскольку отель обеспечивал транспортом, который должен был отвезти Глорию туда и обратно. Глория послушно посетила Метрополитен-музей. Без особого интереса она рассматривала картины, которыми так безуспешно пытались ее вдохновить в течение шести лет учебы в Англии. Гораздо больше ей понравились музыкальные инструменты различных

народов мира и богато представленная коллекция оружия. Артефакты с островов Тихого океана напомнили Глории работы маори, и ей стало почти уютно.

Однако посещение музея вызвало и тревожные мысли. Что она делает в этом городе? Здесь нет ничего из того, что ей нужно. Наконец она убежала, нашла вход в Центральный парк и потерялась в огромных садах. Там были видны земля и небо, хотя горизонт ограничивали высотные дома Манхэттена. Над Нью-Йорком висел купол дымки; стояла осень, и ветер носил по парку рубиново-красные листья. В Киворд-Стейшн сейчас весна. Закрывая глаза, Глория видела на ярко-зеленых от дождя пастбищах недавно остриженных овец, готовых к перегону на высокогорья в Альпы, видела заснеженные вершины, смотревшие на фермы сквозь хрустально-чистый воздух. Джек, наверное, ездит верхом, а с ним, возможно, его жена Шарлотта. Бабушка Гвин писала, что у них счастливый брак. Но разве можно быть несчастным в Киворд-Стейшн?

Когда Глория снова вернулась к музею, машина уже ждала ее. Водитель очень волновался, поскольку она опоздала. Когда они прибыли в отель, Уильям не преминул упрекнуть ее, хотя Мартины наверняка не переживали из-за потерявшейся дочери. Для этого они слишком были заняты дневными репетициями. Они спорили из-за двух или трех танцовщиц, которые, на взгляд Уильяма, соглашались обнажить слишком мало тела, а на взгляд Куры, слишком плохо чувствовали ритм. Таматея считала, что девушки очень худы, чтобы представлять женщин-маори, что казалось Глории странным: ведь большинство девушек-маори были стройными.

Впрочем, когда на следующий день Глория присутствовала на репетициях, она поняла, что имела в виду старая танцовщица. У всех претенденток, высоких и длинноногих, были жилистые тела балерин. Женщины-маори были мельче, бедра у них были шире, грудь — тяжелее. Однако эти девушки двигались без труда, как, наверное, делала на выступлениях и Мата Хари, на которую, вероятно, и собиралась ориентироваться чета Мартинов. Они сразу же привели на помощь Таматее нью-йоркского балетмейстера — по крайней мере Уильям выразился именно так. Таматея рассердилась, поэтому атмосфера в труппе стала напряженной.

Последующие дни Глория проводила по большей части в своей комнате. У нее не было ни малейшего желания участвовать в вечных ссорах, во время которых каждый пытался перетянуть ее на свою сторону. При этом мнения у Глории никакого не было. Давно прошли те времена,

когда бабушка Гвин, смеясь, называла ее «маленькой *тохунга*», намекая на знания Глории об овцах и лошадях. Без особого энтузиазма она написала письмо в Киворд-Стейшн.

> *Нью-Йорк огромен. Наш отель современный и очень красивый. В нашем распоряжении есть автомобиль, который готов отвезти меня куда угодно. Мои родители очень много работают. Большую часть времени я провожу одна.*

Перечитав письмо, Глория вычеркнула последнее предложение.

Джордж Гринвуд не мог сопровождать Лилиан в Греймут. Его ждали срочные дела в Крайстчерче — и известие о смерти дочери, Шарлотты. Гвинейра МакКензи, встретившая правнучку в Литтелтоне, с серьезным выражением лица сообщила ему, что Элизабет ждет его в отеле. Литтелтон, который к моменту прибытия Гвин в Новую Зеландию более шестидесяти лет назад был крохотной деревушкой, вырос и превратился в настоящий город со всеми удобствами.

Джордж коротко попрощался со своей юной спутницей и отправился к жене. Гвинейра с сожалением глядела ему вслед. Она тоже была в трауре, но не хотела портить для Лилиан момент возвращения. Поэтому она была не в черном, а в платье приглушенных тонов.

Лилиан не заметила ее подавленного настроения. Девочка была взволнована и счастлива, оттого что вернулась домой, и просияла, когда Гвин сообщила ей, что она сегодня же увидит мать. Илейн не смогла больше ждать. Она приехала из Греймута ночным поездом; Лилиан и Гвин вот-вот встретят ее. После этого мать и дочь должны были провести несколько дней в Киворд-Стейшн.

— А папа? — спросила Лилиан. — Он не приедет?

— Очевидно, без него там не обойтись, — заметила Гвин. — Война. Но пойдем, нужно отправить твой багаж в Крайстчерч на пароме.

— Я не буду говорить, как ты подросла! — поддразнила Илейн дочь, наконец выпустив девушку из объятий. Лилиан и Гвин приехали на вокзал вовремя и с нетерпением ждали прибытия поезда. — Этого вполне можно было ожидать.

— Я совсем не большая! — запротестовала Лилиан. — Даже не твоего

роста.

Лилиан действительно по-прежнему была маленькой и хрупкой, но в остальном очень похожа на мать. Увидев ее, Гвин показалось, что она смотрит в волшебное зеркало. Не считая цвета глаз, чуть менее волнистых волос, имеющих иной рыжий оттенок, Лилиан была совершенной копией пятнадцатилетней Гвинейры.

— Я жду духовного роста! — пошутила Илейн. — Столько лет в английском интернате! Ты должна была превратиться в ходячую энциклопедию!

Лилиан скривилась. Судя по всему, здесь имеют превратное представление о том, как обучают девочек в «Оукс Гарден», но, в конце концов, какая разница. Никто не станет экзаменовать ее.

— Что ж, верхом она ездить не разучилась, — с наигранной веселостью произнесла бабушка Гвин.

Пожилая леди выглядела напряженной и со времени последнего приезда Илейн, казалось, сильно постарела. Илейн молча сжала ее ладонь. О трагедии Джека и Шарлотты она узнала незадолго до отъезда.

— Джек еще на севере? — негромко спросила она.

Гвин кивнула.

— Элизабет хотела, чтобы Шарлотту привезли сюда, но как это устроить, они не знают. Они ждали Джорджа — каким же тяжелым станет для него это возвращение!

— Никто не послал ему телеграмму на борт?

— Разве это что-то изменило бы? Элизабет хотела сказать ему сама… — Гвинейра умолкла, покосившись на Лилиан.

— Что-то случилось? — спросила девушка.

Илейн вздохнула.

— Твой дядя в трауре, Лили, и дядю Джорджа тоже ждут плохие новости. Его дочь Шарлотта, жена Джека, умерла…

Гвинейра молилась, чтобы Лилиан не стала расспрашивать о подробностях, но, похоже, девочку не тронула новость о смерти Шарлотты. Лили почти не знала Джека, а с его женой и вовсе не была знакома. Поэтому она лишь коротко выразила свое сожаление по поводу утраты, а затем снова принялась весело щебетать. Она рассказывала Гвин о лошадях ее английских подруг, Илейн — о морском путешествии и, конечно же, о своих планах немедленно начать помогать Тиму Ламберту руководить рудником.

Илейн улыбнулась.

— Что ж, твоя помощь ему нужна, рудники работают на пределе

возможного. Война. Тим предсказывал это, как только начались бои, но чтобы это произошло так быстро… Англия требует сталь, а значит, и уголь. Конечно, сейчас говорят, что война скоро закончится, поэтому промышленность должна поторопиться и как можно быстрее получить прибыль. Флоренс Биллер, похоже, разделяет эту уверенность и активно развивает рудник. Другим приходится не отставать… Неужели у нас получится уложить весь багаж в эту маленькую одноколку, бабушка?

Женщины вышли из здания вокзала и теперь направлялись к одноколке Гвин, перед которой терпеливо ждала элегантная кобылка-коб.

Гвинейра покачала головой.

— Нет, у нас есть еще грузовая повозка, она заберет вещи. Но я подумала, вам захочется прокатиться с ветерком. Да и я не хочу надолго оставлять Джеймса. Смерть Шарлотты стала для него серьезным ударом. Мы все очень любили ее. А Джеймс… я всерьез тревожусь.

Джеймс МакКензи беспокоился. Он должен был бы грустить, но то, что происходило в его душе, больше походило на гнев. Шарлотта была так молода, так жизнерадостна! И Джек любил ее бесконечно. Джеймс знал, каково это — так любить… Его Гвин… пора бы ей вернуться. Куда там она поехала? В последнее время воспоминания Джеймса путались. Иногда он ждал юную девушку, вихрем носившуюся на своей кобылке по Кентерберийской равнине. Ему казалось, что он видит, как за ней бежит ее собачка, Клео, или его Фрайди, легендарная овчарка скотокрада МакКензи. И он вдруг удивлялся тому, что лицо Гвин изборождено морщинами, а волосы почти совсем побелели. А за ней бежит не виляющая хвостом, довольная собачка, а всегда немного раздраженная Нимуэ, которая, как и прежде, спала не в корзинке, а в маленькой пристройке, задуманной когда-то как приемная. Она ждала Глорию. Если нужно будет, она будет ждать всю жизнь.

Но сейчас он спустится вниз и встретит Гвин перед конюшнями. Сердце сильно колотилось, суставы в этот день не болели. Ему казалось, что он сможет даже прокатиться верхом. Да, было бы здорово…

Джеймс лишь слегка опирался на палку, спускаясь по лестнице. Действительно, хороший день. Кони заржали, когда он вошел в конюшню. Дождь прекратился; нужно будет сказать Покеру, что можно выпустить их. Или Энди… но Покер… Покер… нет, не может быть, чтобы его старый друг и собутыльник умер уже почти год тому назад.

В стойле работал Маака, работник из числа маори, лучший друг Джека. Во время его отсутствия он замещал старшего мастера. И теперь он

улыбнулся Джеймсу.

— Добрый день, мистер Джеймс! Что, никак не дождетесь мисс Лили? Но мисс Гвин еще не могла вернуться. Даже если они рано выехали…

— Думаю, я поеду им навстречу, — произнес Джеймс. — Ты оседлаешь мне коня?

— Коня, мистер Джеймс? Но вы несколько месяцев не садились в седло.

Маака колебался.

— Значит, тем более пора. — Джеймс подошел к своему каурому мерину и похлопал его по шее. — Скучал по мне? — приветливо спросил он. — Когда мисс Гвин приехала сюда, я скакал на сивом жеребце… — Вспомнив об этом, он улыбнулся.

Маака пожал плечами.

— Если он непременно должен быть сивым… у одного из новых пастухов есть такой. Он наверняка не будет против, если вы возьмете его. Красавец…

Джеймс колебался. Потом рассмеялся.

— Почему бы и нет. Будет еще раз сивый.

Он дождался, пока Маака оседлает сивого, с легкой рыжинкой мерина. Потом сам взнуздал его.

— Спасибо, Маака. Мисс Гвин удивится.

Джеймсу казалось, что его переполняет юношеский задор, когда он вывел мерина из конюшни. Поразительно, кости не болят, решили не подвести… Если бы только сердце так странно не плясало. Что-то не так, даже болит немного… Вот и сейчас легкая боль пронзила руку. «Может быть, — подумал Джеймс, — все же не ехать верхом? Нет, к дьяволу! Как там говорила Гвин? Если не можешь ездить верхом, значит, ты умер».

Джеймс тронул коня с места, и он резво побежал по дороге на Крайстчерч.

— Правда? Мне можно подержать поводья?

Лилиан действительно не разучилась ездить верхом. Как бы там ни было, она почти каждые выходные гостила у одной из множества своих подруг, которые по большей части происходили из местных знатных семейств. Прошлой осенью Лилиан даже участвовала в двух охотах на лис, что произвело на прабабушку огромное впечатление. Однако каретой она не управляла никогда, а кобылка, запряженная в повозку Гвин, была отнюдь не медлительной и вялой. «Поездка с ветерком» была не красным словцом.

— Ну конечно, это очень похоже на то, как ехать верхом. Только не

тяни слишком сильно, тогда поводья провисают, а лошади все равно, — пояснила Гвин, радуясь интересу Лилиан.

— Сейчас ведь многие люди покупают автомобили, — сказала она, обернувшись к Илейн, пока Лили сосредоточенно правила повозкой. — Но мне такая мысль не нравится. Конечно, я пробовала. Водить не тяжело…

— Ты водила автомобиль? — рассмеялась Илейн. — Ты сама?

Гвин поглядела на нее с упреком.

— А почему бы и нет? Я ведь всегда сама правила повозками! И поверь мне, по сравнению с жеребцом-кобом автомобиль — хромая утка!

Илейн снова рассмеялась.

— У нас тоже недавно один появился, — сообщила она.

После того как Флоренс Биллер гордо приехала на автомобиле, Тим не смог устоять. Совершенная чушь. Сам он не может водить из-за шин, садиться ему тяжело, а о рессорах и речи быть не может, это немыслимо для его бедра. Но он никогда не признается. Роли, конечно, без ума от этого вида транспорта — лошадей он всегда побаивался, — да и мальчишки тоже. Игрушка для мужчин. Но если это приживется, нужно будет строить хорошие дороги.

Тем временем Лилиан уже уверенно правила лошадью. Она позволила ей перейти на рысцу. Мили так и летели под копытами каурой кобылки.

Джеймс увидел несущуюся кобылку. Это в духе Гвин… Всегда на полном скаку, Игрень это любит. Минуточку, разве это Игрень?.. Смутно припомнилось, что у этой лошади должно быть другое имя. Кобылка Игрень тогда приехала вместе с Гвин из Уэльса. Ее уже не может быть в живых…

Но ведь вот же она… эта выдающаяся голова, высокие подскоки во время рыси, длинная, развевающаяся на ветру грива. И Гвин на козлах… такая красивая девушка… как она была молода… и эти рыжие волосы, смышленое выражение лица, улыбка, чистая радость от быстрой езды и послушной лошадки.

Сейчас она увидит его. Сейчас ее глаза засияют, как бывало всегда. Даже тогда, когда она не хотела признаться, что любит его. Множество лет, на протяжении которых Гвин не признавалась, что Флёретта его дочь… не хотела обманывать мужа. Но глаза всегда выдавали ее…

Джеймс поднял руку, чтобы помахать. По крайней мере он хотел сделать это. Но рука не подчинилась… и это головокружение…

Гвин увидела несущегося рысью сивого коня и сначала подумала, что

у нее галлюцинации. Джеймс на своем старом коне. Как тогда, когда он ехал навстречу им с Флёреттой, потому что они задержались. Он всегда беспокоился за них. Но сейчас… ему же нельзя ехать верхом, он…

Гвинейра увидела, что Джеймс покачнулся. Она велела Лилиан остановить повозку, но он уже упал, прежде чем девочке удалось остановить кобылу. Сивый мерин послушно стоял рядом.

Илейн хотела помочь бабушке, но Гвинейра отстранила ее. Она почти выпрыгнула из полукаретки и бросилась к мужу.

— Джеймс! Что случилось, Джеймс? — в отчаянии крикнула Гвинейра, чувствуя, как ее охватывает леденящий душу страх.

— Гвин, моя прекрасная Гвин…

Джеймс умер на руках своей почти восьмидесятилетней Гвинейры, но перед глазами у него стоял образ валлийской принцессы, завоевавшей его сердце много лет назад.

Гвинейра лишь прошептала его имя.

7

Только много недель спустя Глория узнала о смертях в семье. Почта из Новой Зеландии шла в Штаты очень сложным путем, кроме того, письма поступали в концертное агентство Куры в Нью-Йорке. После этого нужно было разыскать труппу музыкантов и переадресовать письма. На этот раз почта настигла их в Новом Орлеане, оживленном городе, практически наэлектризовывавшем Куру-маро-тини. На улицах темнокожие люди играли поразительно непохожую музыку, и, если Кура не выступала сама, она тянула Уильяма в ночные клубы во французском квартале, слушала эту странную музыку, которую называли джазом, и танцевала.

Зато грустные новости с былой родины практически не тронули ее. Ни Уильям, ни Кура не знали Шарлотту, а Джеймс МакКензи не вызывал ни у кого из них особенно дружеских чувств, и это было взаимно. Поэтому они лишь приняли к сведению содержание письма. После смерти мужа у Гвинейры не было сил сообщать об этом кому бы то ни было, поэтому родственникам написала Илейн. Она адресовала письмо «семье Мартин». Писать отдельно Глории ей показалось излишним. В результате девушка даже не узнала подробностей. Кура чуть ли не мимоходом сообщила ей о том, что умер ее прадед, и удивилась горю дочери.

— Ты что, плачешь, Глори? Он даже не был тебе родным дедом. И он был очень стар, ему было больше восьмидесяти лет. Таков ход вещей… Но

сегодня я могла бы спеть траурную *хака*. Да, это будет кстати в Новом Орлеане… немного печали…

Глория отвернулась. Даже смерть деда будет использована для того, чтобы вызвать симпатию у зрителей. Хотя *хака* действительно очень красивая. Она была из самой первой программы Куры и звучала довольно аутентично… Можно было представить себе, что маори и *пакеха* вместе горюют о любимом человеке. Таматея выразила Глории соболезнования.

— Он был хорошим человеком. В племени всегда ценили его.

Глория поблагодарила ее, сохранив при этом отсутствующий вид. И предалась горю лишь после того, когда осталась одна, что случалось достаточно редко. В путешествиях жизнь становилась теснее, и, хотя в отелях Глория жила в люксе с родителями, во время путешествий на поезде ее селили с молодыми танцовщицами. Все эти девушки, одна лучше другой, были «современными» и гордились тем, что сами зарабатывают на жизнь, ни с кем не связаны и свободны. Робкая и тяжеловесная Глория казалась им древним ископаемым, и они дразнили ее, отпуская шуточки по поводу ее воспитания в английском интернате и чопорности.

Что касается последнего, то Глория даже не понимала, в чем ее упрекают. Она действительно избегала мужчин и стыдливо опускала глаза, как, смеясь, утверждали девушки. Глория стеснялась смотреть в лицо представителям обоего пола и ни с кем не заговаривала. Если кто-то обращался к ней, она вздрагивала — тоже независимо от того, был ли это мужчина или женщина. Уверенно она чувствовала себя только с Таматеей, но та тоже заметно действовала ей на нервы.

— Ты только посмотри, какая земля, *мокопуна*! Река… как она называется? Миссисипи? Странное слово. Ты только посмотри, как лениво она течет, послушай ее голос…

Маори не уставала восхищаться чужими растениями, растущими в этом теплом и влажном климате, все время прикасалась к ним. Она удивлялась бесконечным хлопковым и тростниковым плантациям, пыталась вызвать интерес к ним у Глории. В Новом Орлеане Таматея даже нашла себе подругу, толстую чернокожую женщину, вместе с которой они заклинали духов вуду и пели песни, ритмы которых были ближе к первоначальным *хака*, чем филигранные аранжировки Куры. Но Глория давно решила, что не полюбит ничего в этой чужой стране. Она предпочитала смотреть в книгу, нежели в окна поездов, которые оставили позади Луизиану, а затем и другие южные штаты и устремились в бесконечные западные прерии. Таматея с тревогой наблюдала за тем, как девушка все глубже и глубже погружается в водоворот ненависти и

сочувствия к себе. Хотя, несмотря ни на что, эта страна могла бы ей понравиться. Ладно, здесь не так зелено, как на Кентерберийской равнине, трава выжжена солнцем. Но на горизонте сверкают красные и голубые горы. Здесь есть лошади и крупный рогатый скот, а построенные из дерева простые маленькие городки были гораздо больше похожи на Холдон, чем на Нью-Йорк или Новый Орлеан.

И люди здесь были совсем иными, нежели в крупных городах. У мужчин в джинсовых брюках, в рубашках в клетку и широкополых шляпах и у женщин в хлопковых платьях, приходивших на представления Куры в таких городах, как Даллас или Санта-Фе, было гораздо больше от пионерского духа Гвинейры МакКензи, нежели от космополитичности Куры и Уильяма. Зачастую они не понимали эту музыку, а откровенная одежда танцовщиц вызывала отторжение. Им гораздо больше понравилась бы скупая на слова, но прямолинейная и прагматичная Глория.

Однако Глория уже почти не осмеливалась выходить на пыльные улицы, смотреть на лошадей, которых еще не настолько заменили автомобили, как в Нью-Йорке и Лондоне. В ней сразу же узнавали члена ансамбля и уже только поэтому начинали таращиться, как на экзотическое животное. Глория с нетерпением ожидала окончания турне, но до него было еще далеко. Путь вел их через весь континент, от Нью-Йорка до Сан-Франциско, причем окольными путями. Они объезжали все крупные города, зигзагами носились по огромной стране. Но на западном побережье гастроли должны были наконец завершиться. Уильям и Кура хотели вернуться в Нью-Йорк кратчайшим маршрутом; поездом пришлось бы ехать неделю.

Глория надеялась получить прямой билет до Новой Зеландии. Должны же родители в конце концов понять, что им с ней нечего делать. Она, конечно, храбро выполняла свою работу по разучиванию номеров и вела партию фортепьяно во время репетиций танцовщиц, но даже в этом была несовершенна. Девочки постоянно жаловались, что игра Глории сбивает их с ритма, упрекали ее за «абсолютно ужасный» слух. Среди них было по меньшей мере две, немного игравшие на фортепьяно, и они могли бы выполнять работу Глории с тем же успехом, а может быть, даже лучше. Кроме того, она помогала Таматее одевать и красить участников шоу, причем последнее нравилось ей больше всего. Таматея восхищалась тем, насколько быстро она разобралась с формами и значением традиционных *моко*. Глория рисовала на коже танцоров филигранные значки, напоминающие стилизованные листья папоротника, которые раньше татуировали. Один раз от скуки девушка разрисовала себя — и удивила

этим не только Таматею, но даже собственную мать.

— Ты выглядишь как чистокровная маори, Глория! — удивилась Кура. — Надень-ка один из этих костюмов! Нет, не новый, а из тех, которые разрабатывала Таматея…

Старые *пиу-пиу* напоминали традиционную одежду женщин маори, и, поскольку тогда в концертах участвовали еще настоящие девушки-маори, они были скроены на более крупные фигуры.

Глория удивленно смотрела в зеркало. Чистоту образа нарушали только ее кудрявые светло-русые волосы, в остальном же на нее смотрела представительница племени маори.

— Волосы нужно просто завязать на затылке и надеть широкую вышитую повязку, — посоветовала Таматея. Впечатление получилось ошеломляющим.

— В таком виде можно выступать с нами! — рассмеялась Кура, и Глория тут же стерла краску. Роль в шоу была последним, чем она хотела бы заниматься в своей жизни.

Но даже в качестве гримера Глория не так уж была нужна им. Традиционную раскраску танцовщицам почти не наносили. Те немногие арабески, которые украшали их глаза и щеки, не имели никакого отношения к культуре маори, и девочки красились сами. Нескольких мужчин гримировала Таматея. Помощь Глории она принимала охотно, но особой необходимости в ней не испытывала.

Девушка отчаянно надеялась, что родители наконец поймут это. Шести лет для того, чтобы «посмотреть мир», было более чем достаточно. Место Глории в Киворд-Стейшн!

Сан-Франциско представлял собой расцветающий город, раскинувшийся на холмах у моря. Глория зачарованно и с надеждой смотрела на Тихий океан — океан, по которому она отправится домой! Но в остальном город понравился ей немногим больше, чем Нью-Йорк и Новый Орлеан. Множество зданий в викторианском стиле и канатный трамвай, который был здесь такой же сенсацией, как исторический трамвай у нее на родине, напоминали ей Крайстчерч.

Кура и ее ансамбль имели блестящий успех в «Грейт Американ Мьюзик Холле», танцоры мечтали побывать на рыбацкой пристани, а Таматея потащила Глорию смотреть морских львов, которые лениво лежали на причалах.

— У нас они тоже есть! — радостно воскликнула Глория, хотя прежде не видела ни одного. Она никогда не ездила на Западное побережье, но,

конечно же, знала о существовании морских львов и китов.

Таматея обрадовалась, впервые за несколько месяцев услышав смех девушки, и стала рассказывать маорийские легенды, в которых речь шла о тюленях и огромных рыбах.

Пока никто не говорил об отъезде, но танцовщицы заметно нервничали. Работать у Куры им нравилось, девушки любили путешествовать, а в Нью-Йорке им снова придется искать работу. По окончании предпоследнего концерта Уильям собрал труппу.

— Я хочу сделать заявление, — важно произнес он. — Как вы знаете, изначально планировалось закончить наше сотрудничество послезавтра. Мы с женой хотели вернуться в Европу, у нас там есть обязательства. Но, как вам известно, в Европе все еще идет война. Наши первоначальные планы объехать с новой программой Францию, Бельгию, Германию, Польшу и Россию утратили силу. Там сейчас не до музыки…

Среди танцоров, которые только что перешептывались, воцарилось гробовое молчание.

— Поэтому нам как раз на руку, что концертное агентство предложило нашей труппе продлить пребывание в Штатах. Что именно будет дальше, зависит от вас. Если вы хотите продлить ангажемент, то мы поедем отсюда в Сакраменто, Портленд, Сиэтл, потом — в Чикаго и Питтсбург. Точный план разработает агентство. Если хотите закончить контракт, нам нужно вернуться в Нью-Йорк, нанять других танцоров и снова начать оттуда. Итак, что скажете? Хотите продолжать?

Танцоры возликовали. Лишь двоим или троим по семейным или еще каким-то обстоятельствам нужно было возвращаться на восточное побережье. Остальные перевели дух и уже начали предвкушать следующие месяцы турне.

— А я?

Обращение Уильяма к танцорам ввело Глорию в состояние ступора. Она ни за то не встала бы перед людьми, чтобы оказаться в центре внимания. Но сейчас, в родительском номере люкс, где те отдыхали — Уильям с бокалом виски, Кура с белым вином, — ей удалось воплотить в слова свой жгучий страх.

Уильям удивленно посмотрел на нее.

— А что ты? — переспросил он. — Конечно, ты поедешь с нами, как же иначе?

— Но от меня здесь никакого толку! Я никому здесь не нужна… и… — Глория хотела сказать так много, но выдавила из себя лишь несколько

сбивчивых фраз.

Кура рассмеялась.

— Глупышка, разумеется, от тебя есть толк. А даже если бы и не было, какая разница? Ты не можешь вернуться в Европу, если ты решила учиться. Там война, все стреляют друг в друга. А здесь ты в безопасности.

— В Киворд-Стейшн нет войны! — Глория хотела закричать, но у нее получился лишь сбивчивый шепот.

— Ах, вот к чему ты клонишь. Ты хочешь вернуться на эту овечью ферму… — Уильям покачал головой. — Глория, солнышко, ехать отсюда в Новую Зеландию — это все равно что совершать кругосветное путешествие! Мы не можем отправить тебя одну. Девочка, ты познаешь мир! Овец постричь ты всегда успеешь, если действительно захочешь этого. Ты не можешь говорить серьезно! Ты только подумай: когда мы вернемся в Европу после войны, ты увидишь Францию, Испанию, Португалию, Польшу, Россию… Нет ни одной страны в Европе, где бы мы еще не побывали и где не хотят посмотреть нашу программу. Может быть, мы наконец-то купим дом в Лондоне… — Он повернулся к жене: — Да, я знаю, Кура, ты не хочешь жить оседло. Но подумай о малышке, она должна выйти в свет, как это положено. Когда-нибудь найдется хороший человек, Глория выйдет замуж… — Уильям вновь посмотрел на дочь и почти строго произнес: — Тебя для того и воспитывали, чтобы ты стала леди, Глория! А не провинциалкой!

Глория не ответила. Лицо ее стало белее мела, ей показалось, что она никогда больше не сможет говорить. Турне по Европе, дом в Лондоне, первые балы… Значит, когда Кура и Уильям отправили ее на учебу в Англию, они не собирались возвращать ее обратно. Она должна остаться навсегда и… что ж, когда-нибудь она унаследует Киворд-Стейшн, если Кура не продаст ее раньше. А она сделает это самое позднее после смерти бабушки Гвин.

Глория поймала себя на мысли о том, что желает родителям смерти. Может быть, несчастный случай или покушение сумасшедшего. Впрочем, все это иллюзии. Кура молода, она проживет еще лет сорок, если не больше.

Провести несколько десятков лет вдали от Киворд-Стейшн? Глория представила себе бесконечную череду унижений: «Это служанка миссис Мартин?» — «Нет, вы не поверите, это ее дочь!» — «Эта неуклюжая? Но от матери в ней нет ничего…»

Глория слышала этот короткий разговор сегодня в фойе отеля. Ей было уже не так больно. Она привыкла. Но еще лет сорок?..

Глория подумала об острове-тюрьме Алькатрас в бухте напротив Сан-Франциско, на который она еще вчера смотрела с некоторым ужасом. Однако по сравнению с ее ежедневными пытками пребывание там должно быть настоящим развлечением. Глория глубоко вздохнула. Нужно что-то сказать. Но девушка промолчала. Все равно ей не удастся заставить родителей передумать. От разговоров никакого толку. Нужно действовать, причем самостоятельно.

На следующий день погруженная в себя Глория отправилась к морю. Девушка не обращала внимания на великолепие города, хотя в Калифорнии стояла весна, солнце висело в небе золотым шаром, в садах и вдоль бульваров цвели цветы. Здесь, на западном побережье, было по-летнему тепло; Глорию это смущало, поскольку при словах «западное побережье» ей представлялся неприятный и дождливый климат. На улицах Сан-Франциско царило оживление. Тут встречались люди всех цветов кожи и национальностей. В глаза Глории прежде всего бросались желтолицые китайцы и японцы, которых тут было множество. По большей части они казались такими же робкими и испуганными, как и она сама; у девушки даже складывалось впечатление, что она чувствует их необычность. С другой стороны, у них был здесь свой квартал — Чайна-таун. Некоторые танцовщицы ходили туда обедать, а потом хвастались, что не испугались даже жареной собачатины. От одной мысли об этом Глории стало дурно.

Наконец она дошла до портового квартала, который, к счастью, оказался не таким мрачным и запутанным, как в Лондоне или Нью-Йорке. Порт Сан-Франциско был большим и современным. Залив Сан-Франциско и Золотые ворота подарили городу естественный портовый бассейн, и доки, портовые здания и причалы были отремонтированы после землетрясения и большого пожара 1906 года, а кое-где полностью перестроены. Здесь были колеи для поездов, большой торговый порт, где выгружали и продавали товары со всего мира. Более общительные гости наверняка нашли бы это волнующим, но девушку столь оживленная обстановка скорее пугала. Как здесь не потеряться? Кого спрашивать, если эти чернокожие и желтокожие люди, по всей вероятности, не говорят по-английски?

А потом она увидела пассажирский пароход. Должно быть, это доки, куда причаливают суда с переселенцами; по крайней мере именно здесь находились офисы соответствующих инстанций. Глория слышала, что в Сан-Франциско в основном приезжают новые граждане из Франции и Италии, хотя раньше, во времена золотой лихорадки, к Золотым воротам устремлялось также много ирландцев и других граждан Великобритании.

Ладно, неважно, кто сюда приезжает, Глории нужно уехать. И межконтинентальный пароход был ее первой целью. Здесь всегда есть каюты класса люкс, которые обслуживаются дюжинами персонала. Хотя большинство из них обычно были мужчинами, Глория не представляла себе, чтобы стюарды заправляли постели и чистили картошку. Должны же быть горничные и кухарки!

Глория надеялась наняться на такой пароход и отработать билет. Если бы она только знала, какое из судов идет в Новую Зеландию… Она неуверенно бродила по докам. Здесь она видела достаточно много деловых на вид людей, однако не могла пересилить себя и заговорить хоть с кем-то. Внезапно перед ней остановился худощавый парень в матросской форме и с любопытством стал рассматривать ее.

— Что, красавица, потерялась? Здесь ничего не заработаешь, а если полиция поймает, будут неприятности. Лучше попытай счастья на рыбацкой пристани.

— Я… какой… э… судно… может идти в Новую Зеландию? — Глория заставила себя посмотреть на мужчину. Приветливая, хоть и несколько покровительственная манера разговора придала ей мужества.

И вот она уже смотрит в ухмыляющееся, несколько угловатое лицо. На ум невольно пришло сравнение с мелким грызуном.

— Тебя тянет к киви? Сокровище, это сложно.

Глория закусила губу. То же самое сказал ей отец. Может быть, из Америки в Полинезию вообще не ходят суда?

— Смотри, малышка, вот мы где… — Матрос присел на корточки и нарисовал в дорожной пыли что-то вроде карты. — А вон там, на другой стороне мира, — Австралия…

— Но мне нужно в Новую Зеландию, — повторила Глория.

Мужчина кивнул.

— Новая Зеландия совсем рядом, — заявил он.

— Две тысячи четыреста миль, — сказала Глория. — Вот такое расстояние от Австралии до Новой Зеландии. — Лично ей казалось, что это очень далеко.

Матрос только рукой махнул.

— Рукой подать по сравнению с расстоянием отсюда до Австралии. Кроме того, для начала нужно будет ехать в Китай. Это не так сложно, туда суда ходят почти каждую неделю. А потом в Индонезию, Австралию и, наконец, в страну киви. Оно того не стоит, красавица! Поверь мне, я там бывал. На так называемом Южном острове. Несколько городков, похожих на старую добрую Англию, пара лужаек и овцы. Это с одной стороны. С

другой — рудники и пабы. Там ты, конечно, можешь кое-что заработать. Но… не хочу тебя обидеть… там таких пруд пруди…

Глория серьезно кивнула, вовсе не собираясь обижаться.

— Я тоже оттуда.

Матрос громко расхохотался.

— Ну, далеко же тебя занесло, по дороге, наверное, кое-чему научилась! — Он оценивающе посмотрел на нее. — Может, стоит попробовать. Ты чистенькая и хорошенькая. Немного полинезийской крови, верно? Тамошние девушки мне всегда нравились, они лучше, чем эти худые курицы, которые продают себя здесь. Ну, так как насчет нас? Сколько ты берешь за час днем?

Глория недоуменно уставилась на мужчину. Ей не нужно было смотреть на своего собеседника снизу вверх — он был примерно ее роста, что располагало к общению. А еще это делало его не таким угрожающим, как отца или, к примеру, преподобного Бличема. И он сказал, что она «хорошенькая»… Глории показалось, что на сердце стало теплее. Но в остальном странный малый. Почему она должна быть грязной? Сегодня утром она надела красивое платье просторного покроя с большими яркими цветами, скорее в стиле маори, чем по новой моде. Что же до волос, то она последовала совету Таматеи и убрала их с лица с помощью очень широкой ленты. Все это должно было произвести хорошее впечатление на любого человека, который нанимает горничных. И от этой идеи Глория отказываться не собиралась, что бы ни предлагал ей этот мужчина.

— Я… сначала мне нужно найти судно. И работу, потому что… у меня денег немного. И вы говорите, что мне действительно нужно сначала ехать в Китай? Может быть, вы мне поможете? Я бы хотела оказаться на пассажирском пароходе. Там наверняка нужен персонал… — Глория серьезно поглядела на своего нового друга.

Матрос закатил глаза.

— Милая, ни один человек в здравом уме не поедет в круиз в Китай. Туда ходят только грузовые пароходы. К примеру, я на таком работаю, он принадлежит «Пасифик Мейл Стимшип Компани». Морские ушки — в Кантон, чай и шелк — назад. Но мой капитан не нанимает девочек.

— Я сильная, — с надеждой произнесла Глория. — Я могла бы работать на палубе, продавать груз и все такое.

Матрос покачал головой.

— Сокровище, начнем с того, что половина команды считает, что женщина на борту приносит несчастье. И где ты собираешься спать? Конечно, мальчики порвут друг друга на части за право делить с тобой

кающу, но…

Мужчина замолчал. Затем окинул ее пристальным взглядом.

— Хм, мне пришла тут идея в голову… У тебя действительно нет денег, милая?

Глория пожала плечами.

— Пара долларов, — ответила она.

Матрос пожевал нижнюю губу, что еще больше усилило его сходство с грызуном. «Хорек, — подумала Глория и тут же обругала себя за столь гадкую мысль. — Может быть, белка…»

Похоже, мужчина принял решение и заговорил почти по-деловому:

— Жаль. Потому что тебе пришлось бы оплатить мне риск. Если мы действительно провернем то, что мне только что пришло в голову, и все выплывет… Я останусь без работы в Кантоне. А может, капитан вообще вышвырнет меня сразу за борт!

Взгляд Глории затуманился от тревоги.

— Разве так можно? Я хочу сказать… Вы же утонете!

Матрос скривился, словно сдерживая смех, но остался серьезен.

— Конечно, можно, малышка! — заявил он. — На корабле у нас полный капитанский произвол, чтоб ты знала. Если он тебя обнаружит, протянет под килем — и меня заодно! А тебе что, на самом деле очень срочно нужно в Китай?

— Я хочу домой, — жалобно произнесла Глория. — Больше всего на свете. Но как это сделать? Я должна буду спрятаться? Как заяц?

Мужчина покачал головой.

— Не-е-ет, малышка, столько тайников на той лохани нет, чтоб тебя никто не нашел. И с учетом небольшого количества провианта любой лишний едок будет заметен. Я думал о маскировке. Наш Смутье, кок, ищет юнгу…

Глория просияла.

— Вы хотите сказать, что я должна переодеться? Мальчиком? Я могу, это не проблема. Раньше я всегда носила брюки. Когда была маленькой, я хочу сказать. И работать я тоже умею. Никто ничего не заметит!

Матрос закатил глаза.

— Команду придется посвятить. В том числе и по поводу вознаграждения. Ты должна будешь… Ну, если я все для тебя устрою и все будут помалкивать, по пути ты должна будешь быть с нами милой.

Глория серьезно кивнула.

— Конечно, я буду милой, — пообещала она. — Я не такая капризная, как большинство девушек, это точно.

— А деньги будешь отдавать мне, поняла? За это я буду за тобой присматривать. Чтобы никто не взял больше, чем ему полагается…

Глория нахмурилась.

— Деньги можете оставлять себе, — великодушно заявила она. — Неужели юнга так много получает?

Она не понимала, почему матрос снова громко расхохотался.

— Ну, ты и чудная! Пойдем, нужно найти для тебя подходящую одежку. Там, на рыбацкой пристани, один еврей торгует старьем. А Сэмюэль умеет держать рот на замке, у его клиентов рыльце в пушку побольше, чем у нас с тобой, вместе взятых. Как тебя вообще зовут?

— Глория. Глория Мар… — Она умолкла, не успев назвать фамилию. Все это неважно. Кроме того, ей нужно новое имя. Внезапно в голове пронеслось название одной из дурацких любовных песенок Лилиан, «*Jackaroe*». В ней шла речь о девушке, которая выдавала себя за мужчину, чтобы найти своего возлюбленного на другом берегу моря.

— Меня зовут Джек, — сказала Глория. Это имя связывало ее еще кое с кем… Джек должен принести ей счастье.

Час спустя Глория стояла перед Смутье, толстым и неопрятным мужчиной в бывшем когда-то белым переднике поверх матросской формы. Сама Глория была одета похожим образом. Гарри, ее новый друг и защитник, купил ей белую блузку рубашечного покроя и свободные холщовые брюки синего цвета, уже довольно потрепанные. Он также подобрал к ним поношенный черный шерстяной свитер, который Глория надела, хотя было тепло. Длинные волосы девушка спрятала под воротником — под фуражку, тоже подобранную Гарри, ее копна не влезала.

— Только волосы придется убрать! — строго заявил Смутье, оценивающе оглядев девушку. — Хоть и очень жаль. Наверное, когда они распущены, малышка похожа на ангелочка из сусального золота. Но в целом ты прав, Гарри, она сойдет за парня.

Сначала мужчина расхохотался, когда Гарри посвятил его в свой план, что, впрочем, Глория считала излишним. Она бы предпочла попытаться обмануть Смутье; довольно того, что они с Гарри знают правду. Но, похоже, Гарри считал иначе. Как бы там ни было, толстый кок милостиво согласился с его предложением. Затем он почему-то ущипнул Глорию за попу и грудь. Ей было неприятно, но ей доводилось видеть, как подобные вещи проделывают с кухарками и служанками. Если ему это доставляет удовольствие, что ж, она выдержит.

— А теперь хочу прояснить следующее: три раза в неделю мне —

бесплатно. И вообще, мне пойдет половина выручки. Поскольку я рискую больше всех, — заявил кок и строго посмотрел на Гарри.

— Больше всех рискуют те, с кем она будет делить каюту, — возразил Гарри. — Может быть, тебя она обманула. Ты ведь не лезешь под одежду своим поварятам, верно?

Кок замахнулся.

Пока мужчины продолжали вести переговоры, Глория решила осмотреться на камбузе. Она предпочла бы снять свитер, потому что в нем ей было ужасно жарко. Рабочие поверхности, кастрюли и сковородки выглядели не очень чисто. Смутье действительно нужна помощь. Рядом с засаленной кухней находилась столь же малопривлекательная столовая для команды. Глория предположила, что все сразу туда не поместятся. С другой стороны, современные пароходы обходятся гораздо меньшим количеством людей. И «Мэри Лу» — не самое большое судно. Под палубой повсюду было тесно и темно; жизнь в каютах для команды, наверное, не сахар. Но лучше работать в душной тесноте по пути в Новую Зеландию, чем жить пленницей в роскошных номерах Куры-маро-тини в «Гранд отелях» или в доме Уильяма…

— Я могу отрезать волосы, — спокойно произнесла она.

Оба мужчины тем временем, похоже, пришли к соглашению.

— Что ж, ладно, я скажу казначею, что парень придет завтра — или даже лучше, если послезавтра утром, перед самым отплытием. Сможешь быть здесь в пять, Джек? — двусмысленно ухмыляясь, спросил Смутье.

Девушка кивнула с серьезным видом.

— Я приду вовремя.

— А где мне сейчас можно будет переодеться? — робко поинтересовалась Глория, когда она, следуя за Гарри, сошла с трапа грузового судна «Мэри Лу».

Только что на нее снизошло жгучее озарение: наверняка задняя комната старьевщика Сэмюэля не раз использовалась для подобных переодеваний.

Гарри удивленно поглядел на нее.

— Ты не можешь пойти в таком виде домой? Нет своей комнаты?

Глория покраснела.

— Да… нет… нет, в таком виде я не могу показаться в отеле, я…

— В отеле! — усмехнулся Гарри. — Как ты изысканно выражаешься. Благородное, наверное, заведеньице. Но ты и классом повыше, чем другие девочки. Убегаешь от чего-то, малышка? Чертовски на то похоже. Но мне-

то все равно. Просто не попадись!

Глория почувствовала облегчение. Однако лучше будет, если Гарри не узнает, кто она на самом деле.

А невысокий матрос тем временем серьезно задумался о проблеме переодевания.

— Это дело требует помощи от коллег, — наконец заявил он. — Давай-ка заглянем к Дженни.

Удивленная Глория пошла за ним по извилистым переулкам, расположенным вокруг доков. Внезапно шевельнулось смутное подозрение, что они приближаются к кварталу красных фонарей, но магазин Сэмюэля тоже был близко. Однако Глория судорожно сглотнула, когда увидела на улице сразу нескольких девушек. Пока что их было немного, стоял ясный день. Но измученная блондинка с таким же похожим на мордочку грызуна лицом, как у Гарри, стояла с наполовину расстегнутым корсажем напротив рыбного ресторана, откуда несло прогорклым маслом.

— Гарри, старик! Опять в наших краях? Надоели узкоглазые в Кантоне? — Девушка рассмеялась и обняла Гарри почти по-родственному. Потом бросила взгляд на Глорию, переодетую матросом. — А это кто? Новенького привел? Какой хорошенький! Где вы взяли такое детское личико? Деревенский?

Гарри закатил глаза.

— Дженни, сладкая моя, если я положу его тебе в постель, ты переживешь самое большое потрясение в своей жизни! Что ж, значит, маскарад удался на славу, если даже ты ничего не заметила. А ведь ты, наверное, за неделю мужчин видишь больше, чем наш казначей в год…

— Я вижу их в чем мать родила, старик! — захихикала Дженни. — А что такого в пареньке?.. Эй, минуточку!

Приглядевшись к Глории внимательнее, она посерьезнела.

— Это девушка! Ты мне что, конкурентку на работу притащил?

Гарри поднял руки, пытаясь успокоить ее.

— Дженни, с тобой никто не сравнится. Но эта… она скорее из кочевого цеха. В общем, будет радовать нас на судне, ей непременно нужно на другой край мира…

— Достаточно будет оказаться на другом конце города, — проворчала Дженни. — А зачем ты переодел ее мальчиком? Тебя это теперь заводит?

— Дженни, сокровище, я тебе потом все объясню. Но пока что малышке нужно место, где она снова превратится в девочку. Ну же, сжалься, пусти нас ненадолго в свою комнатку! — Гарри нежно провел

рукой по волосам Дженни. Та замурлыкала, как кошка.

— Чтобы ты там развлекался с ней? — недовольно протянула она.

— Дженни, сердце мое, даже если я ненадолго уложу ее… чтоб просто проверить, понимаешь? Эта ночь полностью твоя! Выведу тебя как королеву, мисс Дженни! Омары… креветки… Можешь выбирать. Всего четверть часа, Дженни. Пожалуйста!

Глория, понимавшая лишь половину разговора, с благодарностью улыбнулась девушке, когда Дженни наконец кивнула и вложила в ладонь Гарри ключ.

— Дженни — твоя подруга? — спросила Глория, идя за ним в довольно обшарпанное здание, где пахло мочой и горелой капустой. — Она выглядит как…

— Деточка, ты точно с другой планеты, да? Для девушки твоего ремесла ты более чем наивна. Конечно, Дженни работает на панели. Но сердце у нее золотое. А теперь давай быстро. Если она подцепит фраера, ей понадобится комната.

«Комната» оказалась отгороженной частью квартиры, где было несколько подобных уголков. Там находилась примитивная плита, стол, стул и, конечно, кровать. Простыни были давно не стиранными. Глория поморщилась.

— Ты не хочешь выйти? — спросила она, когда Гарри спокойно уселся на кровать и выжидающе уставился на нее.

Матрос наморщил лоб, и на его лице впервые появилось недовольство, даже раздражение.

— Сладкая моя, жеманность — это, конечно, мило, но нам, если ты не забыла, нужно торопиться. Так что оставь этот театр, раздевайся и будь со мной понежнее. Так сказать, в качестве аванса. Благодаря мне ты почти что в Китае.

Глория озадаченно уставилась на него. А потом до нее наконец-то дошло.

— Ты хочешь сказать, что я… я должна… отдаться тебе? — это было единственное, что она смогла вымолвить. Эту фразу использовала Лилиан, когда герои ее безумных историй падали вместе на постель или, что бывало чаще, в стог сена или в высокую зеленую траву.

Гарри закатил глаза.

— Ты поняла, сокровище. Переезд на судне оплачивается. Или ты уже не хочешь в Китай?

— В Новую Зеландию, — бесцветным голосом произнесла Глория. Помедлила. А потом представила себе альтернативу. Либо она сейчас

переспит с Гарри, либо когда-нибудь с мужчиной, которого выберут ее родители, — какая разница? Кроме того, ей было почти лестно, что Гарри хочет ее. Во всех историях, которые она слышала и читала до сих пор, люди отдавались друг другу по любви. И Гарри готов был нести определенный риск за это. Глория разделась — и обрадовалась тому, что сидевший на постели мужчина снова заулыбался.

— Красивая! — удивленно заявил он, когда Глория осталась перед ним в бюстгальтере и штанишках. — Еще цветок в волосы и тростниковую юбочку — и будешь совсем как гавайка…

Несмотря на стыд, Глория сумела слабо улыбнуться.

— Гавайки — это рай… — негромко ответила она.

— Так отведи меня туда, сладкая моя!

Глория невольно вскрикнула, когда Гарри вдруг схватил ее и повалил на постель. Но потом испуганно притихла. Она молчала, пока он срывал с нее остатки одежды. Мужчина не стал тратить время и даже не разделся… Все произошло достаточно быстро. Спустя несколько мгновений Гарри поднялся, озадаченный и смущенный.

— Ты была девственницей? Скажи, что это неправда! Боже мой, девочка, я ведь думал… Слушай, если бы я знал, то все было бы совсем по-другому. Тут нужно сначала обменяться парой поцелуев и все такое… — Голос Гарри звучал подавленно. — Мне очень жаль, малышка, но нужно было сказать мне. А еще мне хотелось бы знать, от чего ты бежишь. Я думал, у тебя сутенер злой или еще что. Но ты… — Он провел по ее волосам рукой, почти с той же нежностью, которой прежде одарил Дженни.

Глория сверкнула глазами.

— Я ведь заплатила, верно? — резко спросила она. — Ты хотел этого здесь… Я должна была быть милой. А теперь хватит задавать вопросы!

Гарри отмахнулся от нее.

— Да ладно, ладно, сладкая, ничего я не хочу знать! Послезавтра ты придешь на «Мэри Лу», остальное останется между нами. Я никому не скажу, и в первое время… что ж, я позабочусь о том, чтобы ты начала не спеша. Все к лучшему, хорошая моя, да?

Глория кивнула, стиснув зубы.

— Может быть, теперь ты действительно выйдешь? — спросила она. — Я хочу одеться.

Гарри удрученно кивнул.

— Конечно, принцесса. Увидимся… — Выходя из комнаты, он послал ей воздушный поцелуй.

Пока Глория приводила себя в порядок, Гарри терпеливо ждал ее у

двери дома.

— Я должен вернуть Дженни ключ, — словно извиняясь, произнес он.

Глория, бросив на него взгляд, коротко сказала:

— Увидимся.

8

Девушка тайком пробралась в отель, отчаянно надеясь, что родители еще не вернулись. Внутри у нее все переворачивалось от ужаса, тело болело. Она ни в коем случае не хотела отчитываться перед Курой или Уильямом и даже не собиралась рассказывать Таматее о том, где была полдня. К счастью, номер люкс оказался в ее распоряжении; наверное, сейчас шли репетиции и родители были заняты. Переведя дух, Глория спрятала мужскую одежду в самый дальний угол своего шкафа и наполнила ванну. Подумала, под каким предлогом быстро постирать свое платье, но потом решила просто выбросить его. Все равно она его больше не наденет — брать с собой на борт «Мэри Лу» женскую одежду слишком опасно. Хотя она надеялась на то, что будет делить каюту с Гарри, который все знает, рисковать ей не хотелось. Лучше будет, если она завтра еще раз сходит к Сэмюэлю и купит сменную мужскую одежду.

Глория скользнула в горячую воду и смыла с себя омерзительное происшествие, пережитое в грязной постели. Ей больше не хотелось думать об этом, даже о возможных повторениях на борту судна. Если понадобится, она будет послушной с Гарри и впредь. Это довольно невысокая цена за проезд домой. Конечно, это отвратительно и больно, но закончилось быстро. Глория решила, что выдержит. Кроме того, ей запомнились приветливые слова Гарри.

«Красивая…» — до сих пор ей никто такого не говорил.

На следующий день Глория едва сдерживалась от нетерпения. Она вновь отправилась в портовой квартал и купила у Сэмюэля, любопытного мужчины с остроконечной бородкой, еще одни брюки, две рубашки и теплую куртку. На обратном пути она заблудилась и, как и в прошлый раз, оказалась у того рыбного ресторана, где занималась своим ремеслом Дженни. Светловолосая проститутка недовольно поглядела на нее.

— Опять ты? Я думала, ты за море сваливаешь.

Глория серьезно кивнула. А потом решила, что стоит поблагодарить девушку.

— Я действительно не собираюсь составлять вам конкуренцию, — пояснила она. — Совершенно точно… я буду работать юнгой на «Мэри Лу»…

Дженни рассмеялась.

— Юнгой? А Гарри мне кое-что другое рассказывал. Девочка, неужто

ты настолько наивная? Не важно, какую чушь нес тебе Гарри. Он ведь по пьяной лавочке, взяв с меня клятву молчать, поведал мне, что до вчерашнего дня ты была еще девственницей! — Она захихикала. — Ты должна поделиться со мной этим фокусом!

Глория покраснела, ей стало стыдно. Нельзя было Гарри говорить о ней с этой девушкой.

— Все правда, — негромко произнесла она. — Я… я не знала…

— Что ты не знала? Что мужчины ничего просто так не делают? Думаешь, Гарри подобрал тебя на улице, потому что он такой рыцарь? Впрочем, девочка, мне, наверное, лучше не спрашивать, откуда ты свалилась…

Глория не ответила. Ей хотелось уйти. Но, похоже, именно в этот момент Дженни вспомнила о том, что у нее золотое сердце.

— Ты имеешь хоть малейшее представление о том, откуда берутся дети? — поинтересовалась она.

Глория снова покраснела.

— Да… нет… ну, я знаю, что делают овцы и лошади…

Дженни звонко расхохоталась.

— Н-да, а вчера Гарри показал тебе, как это бывает у людей. Нет, не бледней, малышка, тут не каждый выстрел заканчивается попаданием. Можно сделать кое-что, чтобы предотвратить это. Перед и после. Но после дорого и рискованно, а на море тебе никто такой услуги не окажет… Вот что я тебе скажу, малышка: сегодня я себе на ужин уже не заработаю, по крайней мере до наступления темноты… Как насчет того, чтобы ты пригласила меня на… скажем, суп из крабов и хлеб на закваске, а я за это расскажу тебе, что должна знать каждая девушка…

Глория колебалась. Ей не хотелось делить отвратительные тайны Дженни. С другой стороны, у нее еще оставалась пара центов, а девушка, судя по всему, голодна. Видимо, ее ремесло приносит немного. Глория почувствовала приступ жалости. И, немного поразмыслив, кивнула. Дженни открыто улыбнулась ей, обнажив уже неполный набор зубов.

— Ладно, тогда пойдем… нет, не в эту забегаловку, есть места получше.

И действительно, вскоре девушки сидели в темном и тесном, но довольно чистом заведении, лакомясь блюдом местной кухни Сан-Франциско: крабы с хлебом на закваске. Еда была поразительно вкусной. К собственному удивлению, Глории даже начало нравиться общество Дженни. Светловолосая проститутка не насмехалась над ней, просто спокойно рассказывала об особенностях своей профессии.

— Не позволяй целовать себя в губы, это отвратительно… А если они захотят чего-то необычного, то пусть платят дополнительно. Ты знаешь, что значит по-французски?

Когда Дженни рассказала ей об этом, Глория густо покраснела, но девушка не стала смеяться даже над этим.

— Я тоже поначалу так вела себя, малышка. Я ведь выросла не в борделе. Я из деревни… хотела по-честному выйти замуж. Но мой папочка слишком любил меня, если ты понимаешь, что я хочу сказать… И мой возлюбленный в конце концов узнал об этом… — Она не договорила, и Глория подумала, что сейчас в глазах Дженни появятся слезы, но, видимо, та давно уже забыла, что значит плакать.

Девушка слопала три порции супа с крабами, мимоходом просветив Глорию по поводу женского цикла и рассказав о том, как предотвратить зачатие.

— Купи резинки, это лучше всего. Но парням не нравится их надевать, ты должна настаивать… А в остальном… проститутка, которая меня учила, молилась на уксус, который добавляла в воду. Но это не очень надежно…

В какой-то момент Глория перестала краснеть и под конец даже осмелилась задать вопрос:

— А что делать, чтобы не было так больно?

Дженни улыбнулась.

— Масло для салатов, малышка. Это как с машинами, деточка…

Вечером Глория стащила уксус и масло со стола в отеле «Св. Фрэнсис»; кроме того, она подготовила ножницы и с бьющимся сердцем достала из ящика комода, где отец хранил документы, свой паспорт. Конечно же, она долго не могла уснуть, поскольку родители вернулись с приема только поздно ночью. Глория снова начала тревожиться. А что, если они придут только на рассвете? С ее вечной неловкостью она может попасться. Однако Уильям и Кура появились около трех, оба довольные и пьяные.

Когда Глория в четыре часа выскользнула из номера, оба глубоко и крепко спали. Ночной портье тоже клевал носом. Глория вышла через холл, когда он пошел за чаем. На ней уже был мужской наряд, под мышкой — узелок со сменной одеждой. Если бы мужчина заметил ее, она убежала бы, как вор, пришедший с улицы. В девчоночьей одежде Глория боялась ходить ночью по городу, но, став мальчишкой, заметила, что никто не обращает на нее внимания, не косится. Наконец она вышла на тихую улицу, где в это время все спали. В стенной нише обрезала волосы — без малейшего

сожаления. Вспомнила, что однажды уже делала это. Пряди выбросила в мусорный бак. Прощай, Глория! Привет, Джек!

В порту уже царило оживление, но никто не обратил внимания на матроса с узелком, направлявшегося в сторону китайского дока. Гарри ждал Глорию на палубе и, похоже, испытал облегчение, когда она действительно появилась.

— А вот и ты! Я уже начал сомневаться, что после того, что было позавчера… Но оставим это. Помоги-ка нам с канатами, Смутье ты понадобишься, когда мы будем уже в море. Вчера я делал твою работу и загрузил для тебя провиант. Ты ведь не могла зайти сама. Ты…

— Я буду с тобой мила, — с каменным лицом произнесла Глория. — Что мне сейчас делать?

Двигатели работали, кочегары уже не первый час бросали в печи уголь, чтобы нагреть воду и произвести пар, приводивший судно в движение. Оно было меньше тех пассажирских пароходов, на которых Глория путешествовала раньше. Движение турбин ощущалось постоянной вибрацией. В какой-то момент Глории начало казаться, что поршни стучат прямо внутри нее, как будто она стала частью «Мэри Лу». Однако в это утро звук просыпающегося корабля наполнил ее волнительным предвкушением. Казалось, огромное, похожее на кита существо просыпается, чтобы совершить длительное путешествие. Когда взошло солнце, нагруженный доверху пароход неторопливо тронулся с места. Глория перевела дух, бросила последний взгляд на Сан-Франциско. Что бы ей ни предстояло, сюда она никогда не вернется! С этого момента она будет смотреть только на море — в сторону родины.

Однако после отплытия у Глории было уже не так много возможностей поглазеть на волны, как раньше. Если выдавалась свободная минутка, а обычно это бывало ночью, она приходила на палубу, но чаще день был наполнен суетой, и ей не удавалось сделать ни единого глотка свежего воздуха. Работа на камбузе оказалась тяжелой; Смутье заставлял ее таскать воду, помешивать в огромных кастрюлях ежедневный густой суп из солонины и капусты. Она драила печи, мыла посуду и прислуживала команде за столом. Изредка относила еду чуть получше капитану и его команде в офицерскую кают-компанию, всякий раз опасаясь, что ее маскарад откроется. При этом мужчины относились к робкому юнге весьма приветливо. Капитан запомнил его имя, а казначей задал несколько дружелюбных вопросов о родине и семье. Впрочем, когда Глория стушевалась, расспрашивать не стал. Один раз первый офицер похвалил ее

за хорошо накрытый стол в кают-компании, и Глория покраснела, а мужчины расхохотались. Впрочем, они не были похожи на людей, которые, недолго думая, отправляют за борт «зайцев», но Глория предпочитала верить Гарри. Она пыталась по возможности верить Гарри во всем, особенно в нежностях, которые он ей временами нашептывал. Ей нужно было что-то, за что можно было держаться, чтобы не сойти с ума.

Она была готова стерпеть все, если бы только не то, чем ей приходилось заниматься ночами. Ведь в конце дня, когда ужин заканчивался и посуда была вымыта, настоящая работа Глории только начиналась.

Глория понимала, что в долгу перед Гарри и что Смутье тоже хочет, чтобы ему платили за молчание. Однако почему она должна оказывать услуги всем остальным членам команды, у нее в голове не укладывалось. Даже те шестеро мужчин, с которыми она и Гарри делили каюту, не заметили бы, что юнга Джек на самом деле девушка. Перед сном никто не раздевался; Глория забиралась под одеяло в своей бесформенной одежде. Но Гарри настоял на том, чтобы она была в их распоряжении каждый вечер.

Посещения Смутье Глория ненавидела особенно сильно. Каждый раз, когда на нее падало вонючее, немытое тело кока, она задерживала дыхание. Чтобы закончить с ней, ему требовалось значительно больше времени, чем Гарри.

После этого Глория тратила половину своей драгоценной питьевой воды, чтобы хотя бы протереть тело. Воды для мытья не было, купание на пароходе не предусматривалось. Однако Глория не оставляла привычки по утрам обтираться влажной тряпкой. Ей было противно от мысли, что она пахнет всеми этими мужчинами. При всем желании девушка не понимала, что они находят в том, чтобы владеть ее грязным телом, но Гарри и остальным было, похоже, все равно. Конечно, она помнила, о чем ее предостерегала Дженни, и поэтому полагалась на уксус, которого в кухне было достаточно.

В остальном же Глория старалась думать как можно меньше. Сказать, что она ненавидит мужчин, которые приходили к ней каждую ночь, Глория не могла, поскольку она не испытывала по отношению к ним никаких чувств. Поначалу ей было больно, но Гарри это учел. Он пустил к ней первых членов команды только через два дня после того, как она поднялась на борт. В целом же Глория занималась тем, что считала часы и дни. Морское путешествие до Кантона длилось примерно две недели. Что ж, она

выдержит.

Если бы только знать, что будет потом! Нужно найти судно, идущее в Австралию, но они ходят не так регулярно, как торговые суда между Китаем и Сан-Франциско. Дай бог, чтобы там кто-то стоял на якоре, тогда можно считать, что ей повезло.

— Если нет, мы отвезем тебя на какой-нибудь посудине в Индонезию, — спокойно говорил Гарри. — Просто придется пересесть лишний раз…

Жаль, что здесь все не так просто, как на поезде! В принципе, Глория боялась Китая, поэтому, когда на горизонте показалась земля, с одной стороны, она испытала облегчение, а с другой — более чем растерялась.

— Просто сиди на судне! — велел ей Гарри, когда пароход причалил и его стали разгружать. — Пока с этим не закончат, команде нельзя сходить на берег. Кроме того, пара ребят должна оставаться на борту. А я осмотрюсь, узнаю насчет тебя, слово чести! Мы что-нибудь придумаем…

Глория вполне представляла себе, чем они захотят утешиться за несение дополнительной вахты.

Как бы там ни было, в ту ночь Глория смогла выйти на палубу. Она набрала морской воды и как следует вымылась после того, как обслужила мужчин. Она надеялась, что с этим отныне будет покончено! На новом судне никто не должен узнать, что она девушка.

Вернувшись на борт среди ночи, Гарри и Смутье пребывали в наилучшем расположении духа. Большинство членов команды остались на берегу, чтобы провести ночь с узкоглазой проституткой, но эти двое потребовали от Глории еще.

— Это… самый последний раз! — лепетал Смутье. — Завтра выгрузимся… хорошо… продали груз! — Он рассмеялся.

— Какой груз? — переспросила Глория. Товары, которыми была загружена «Мэри Лу», давно уже были на земле.

— Груз — это ты… сладкая моя! А ты что думала? Твой парень хорошо продал тебя, малышка… и я тоже с этого неплохо поимел…

— Продал? Меня? — Глория озадаченно обернулась к Гарри. Похоже, откровения кока совершенно не понравились матросу.

— Он хочет сказать, что я нашел для тебя место на судне, — неохотно пояснил он. — Тебе повезло, пароход заходит в Австралию. Судно с переселенцами идет под английским флагом, но там полно китайцев. Стюард, который присматривает на средней палубе, прикроет тебя…

— Ему нужен юнга? — испуганно переспросила Глория. — Он наймет меня?

Смутье закатил глаза. Гарри бросил на него злобный взгляд, приказав молчать.

— Сладкая моя, тебе не нужно наниматься. Как уже было сказано, на средней палубе полно людей. Одним едоком больше, одним меньше — никто не заметит…

— И клиентов достаточно… — захихикал Смутье.

Глория в страхе уставилась на Гарри.

— Я должна быть милой со стюардом, верно? — с горечью поинтересовалась она.

Гарри кивнул.

— Но, вообще-то, на средней палубе много женщин, верно? Переселенцы часто уезжают целыми семьями, ведь так? — По крайней мере Глория слышала о подобном. Бабушка Гвин и Элизабет Гринвуд рассказывали об ирландских семьях с дюжинами детей.

Смутье рассмеялся, а Гарри наморщил лоб.

— Именно так, сладкая, самые разные китайцы. А теперь будь со мной особенно нежна. Завтра мы пойдем в город, ты познакомишься со стюардом.

Глория кивнула. Вероятно, он тоже захочет «испытать» ее, как тогда Гарри в Сан-Франциско. Она приготовилась идти в гостиницу сомнительной репутации, вроде той, где жила Дженни.

Кантон представлял собой головокружительную смесь узких улочек, в которых постоянно толкались кричащие и ссорящиеся люди в странной, по большей части серой одежде, невысоких широкополых шляпах и с длинными косами как у мужчин, так и у женщин. Женщины как-то странно семенили, у них были очень маленькие ступни. Китаянки ходили с опущенной головой, часто несли на плечах тяжелый груз. Мужчины и женщины казались Глории крохотными; даже самые высокие мужчины были такого же роста, как Глория. Создавалось впечатление, что все они говорят без умолку.

Гарри провел ее через рынок, где продавали незнакомые пряности, странно уложенные овощи и корни, а также тушки животных. Были здесь и живые животные. Глория вздрогнула, увидев отчаянно визжащую собаку, которую, скорее всего, ожидала печальная судьба.

— А кок на корабле англичанин, да? — нервно поинтересовалась она.

Гарри рассмеялся.

— Думаю, да. Не бойся, тебя не будут кормить собаками. Пойдем, мы уже почти на месте.

Стюард «Ниобы» ждал их в комнате, похожей на чайную. Здесь не было нормальной мебели, все сидели на коленях вокруг маленьких лакированных столиков. Мужчина вежливо поднялся, чтобы поприветствовать их, но, судя по его взгляду, не предполагал увидеть умное совершеннолетнее существо. Поэтому он говорил только с Гарри; Глория с равным успехом могла сказаться немой. Да и слова он выбирал не очень осторожно.

— Не красавица она, — заметил он, пристально оглядев Глорию.

Гарри закатил глаза.

— Эй, а что ты хотел? Английскую розу? Эта скорее полинезийского типа. Без одежды гораздо лучше. Да и не похоже, чтобы у тебя был богатый выбор.

Стюард заворчал. Он тоже не был красавцем. Высокий, но неуклюжий. Глории даже представлять не хотелось, каково будет, когда он навалится сверху. Она заставила себя думать об Австралии. После своей работы на «Мэри Лу» она смотрела на это дело почти как Гарри. Австралия — это уже почти дома…

— А она более-менее чистая? У них с этим строго. Можно говорить что угодно, но узкоглазые, по крайней мере, моются чаще, чем мы.

Глория бросила взгляд на Гарри в поисках поддержки.

— Глория очень чистая, — заявил он. — И она в деле совсем недолго, хорошая девочка, которой почему-то нужно быть на другом краю света. Так что или бери, или вали. Я могу отдать ее и русскому, который плывет в Индонезию…

— Пятьдесят долларов! — заявил стюард.

Гарри закатил глаза.

— Опять все сначала? И на этот раз при девушке? Разве мы вчера не договорились?

— Пусть знает, чего стоит. — Стюард снова попытался разглядеть фигуру Глории, скрытую под мужской одеждой. У него были маленькие светло-голубые глаза с почти бесцветными ресницами и ярко-рыжие волосы. — Тогда не будет безобразничать. До чего мы там договорились? Шестьдесят?

— Семьдесят пять! И ни центом меньше! — гневно сверкнув глазами, воскликнул Гарри, а затем бросил на Глорию извиняющийся взгляд. — Я дам тебе десять! — прошептал он ей.

Глория даже не захотела кивнуть в ответ.

Мужчина неохотно вытащил кошелек. Медленно отсчитал семьдесят пять долларов.

Глория с горечью посмотрела на Гарри.

— Это… это правда? Ты меня продаешь? — Она все еще не верила.

Гарри заюлил под ее полным упрека взглядом.

— Смотри, сладкая, все не совсем так…

— Боже мой, это еще что такое? — Новый владелец Глории возвел очи к небу. — Конечно, он тебя продает, девочка, для тебя это должно быть не внове. Если этот парень не солгал, ты работала на него четырнадцать дней. А теперь будешь делать то же самое для меня, все очень просто. Так что не притворяйся деревенской простушкой, соберись. Нам нужно еще купить кое-какие шмотки для тебя, мои клиенты не любят мужскую одежду…

Глория, все еще в недоумении, стерпела, когда Гарри обнял ее на прощание. При этом он незаметно положил ей в карман десять долларовых купюр.

— Все к лучшему, сладкая! — подмигнул он ей. — Работай как следует, тогда к тебе будут хорошо относиться. А через пару недель будешь снова считать овечек в стране киви…

Гарри отвернулся. Глории показалось, что, выходя из чайной, он насвистывал.

— Вот только не реви за ним, — заявил стюард. — Он на тебе озолотился. А теперь поторопись. Сегодня ночью мы отправляемся на край света!

9

На протяжении следующих недель Глория жила в настоящем аду. «Работа» на «Ниобе» не шла ни в какое сравнение с тем, что она делала на «Мэри Лу». Коллеги Гарри хоть и были грязными, а часто и грубыми, но в целом относились к Глории вполне дружелюбно и в некотором роде были вроде как сообщниками. Мужчины прятали «свою девушку» от офицеров, и все радовались, что днем у них есть юнга Джек, над которым можно подтрунивать. Никто и никогда не пытался нарочно сделать ей больно.

На «Ниобе» все было совершенно иначе, хотя поначалу казалось, что ей не о чем особенно тревожиться. Когда стюард привел Глорию на «австралийскую палубу», как он это называл, уже смеркалось. Тем не менее Глория задавалась вопросом, каким образом он собирается протащить на судно незнакомого мальчика или даже белую девушку, но все оказалось очень просто. На берегу и на палубе кишмя кишели желающие уехать китайцы. У них почти не было багажа: нехитрый скарб большинства

помещался в маленьком узелке. Похоже, команда судна спекулировала на этом, продавая больше билетов, чем было принято на судах для переселенцев. Поскольку не приходилось размещать чемоданы и ящики, невысоких желтокожих людей, ютившихся в крохотной каюте, было не шесть человек, а десять, а иногда и дюжина. И, к огромному удивлению, а потом и ужасу Глории, почти все они были исключительно мужчинами. Лишь за двумя или тремя семенили маленькие нежные ножки.

— Почему?.. — Глория не смогла преодолеть собственную робость, чтобы задать вопрос полностью, но стюард все равно ответил.

— Запрещено, — коротко сказал он. — По крайней мере в Штатах. Только коммерсанты могут брать с собой жен, рабочие — нет. И австралийцы уже не дают гражданство азиатам, поэтому леди — это ненужный балласт. Ребята бросают свои семьи здесь и предпочитают посылать им деньги. Получается намного дешевле. В Австралии доллар уходит быстро, а здесь это целое состояние…

Рассказывая, он вел Глорию через толпу на палубе. Ни один человек не удивился юнге без документа. Толпа маленьких желтокожих людей словно сама собой расступалась перед высоким белым в униформе, а затем смыкалась снова. Глории стало казаться, что она очутилась на живом острове: от не прекращающихся ни на секунду разговоров, смеха и плача китайцев гудело в ушах. Это было хуже, чем вибрация двигателей на «Мэри Лу». Даже много недель спустя при воспоминании об этом у Глории начинала болеть голова.

— Вот здесь твое царство! — объявил тем временем стюард, спустившийся с Глорией в чрево судна.

Они пересекли темные узкие коридорчики между каютами, где отчасти хранились припасы. Что ж, по крайней мере мужчины взяли для себя провиант. При мысли о том, что может быть в пакетах, Глория содрогнулась.

И снова стюард, казалось, прочел ее мысли.

— Только рис, никаких собак, — успокоил он ее. — Эти ребята уже не могут позволить себе мясо. Но рис для них священен, и, наверное, они слышали, что кормежка здесь… что ж, ориентирована больше на западный желудок, если, говоря об этой жратве, можно употреблять слово «кормежка»…

С этими словами он втолкнул Глорию в одну из кают. Здесь было шесть узких коек, расположенных вдоль стенок друг над другом. Впрочем, пока они все были свободны. Стюард махнул рукой, указывая на несколько свернутых одеял.

— Будет лучше, если ты устроишь себе постель на полу. Чтобы ребята не бились головой, когда ты будешь их обслуживать…

Глория с сомнением посмотрела на своего нового хозяина.

— Неужели я буду жить здесь одна? Больше никто не придет?

Она не осмеливалась надеяться на это, поскольку предполагала, что «после работы» ей придется делить койку со стюардом.

— А кто еще должен прийти? — переспросил мужчина. А потом усмехнулся: — Не переживай, одиночества мы не допустим. Слушай, сейчас мне нужно позаботиться о том хаосе, что наверху. Ребятам следует сразу дать понять, что здесь у нас дисциплина. А ты пока затаись, вполне может статься, что сюда забредет кто-нибудь из команды. Когда судно отчалит и у ребят начнется первое похмелье, мы посмотрим, что делать дальше. А пока подготовь себя для меня…

На прощание он ущипнул Глорию за щеку и скрылся в коридоре. Глория не верила своему счастью. Собственная каюта! Больше никаких вонючих мужских тел ночью, никакого храпа… Может, ей удастся спокойно раздеться и помыться как следует.

Она разложила одеяла на полу, свернулась под одним из них калачиком и уснула, счастливая и довольная. Когда она проснется, судно будет уже на пути в Австралию, почти совсем дома…

Однако когда она проснулась, начался ад.

Стюарду не нравилось овладевать женщиной обычным образом. В первую же ночь на борту он дал Глории прочувствовать на собственном опыте то, что Дженни называла «другими видами любви».

— Мы все это не любим, — говорила светловолосая проститутка. — Но почти никто не может позволить себе сказать «нет». Только настаивай на дополнительной плате, даже если они будут говорить тебе, что соседская Сьюзи делает это за бесплатно. Мы в этом отношении солидарны — в обычную цену это не входит.

Глорию никто не спрашивал. И она мысленно поблагодарила про себя Дженни за то, что та просветила ее. А потом, зная, что ее ждет, стоически вынесла все. Она пыталась не обращать внимания на боль и думать о чем-нибудь другом, пока мужчина трудился на ней. В какой-то момент ей удалось перенестись в загон для стрижки овец в Киворд-Стейшн. Блеяние овец заглушило доносившееся снаружи бормотание китайцев. Пронзительный ланолиновый запах шерсти перекрыл вонь от пота стюарда, пока Глория считала овец, с которыми стригали уже закончили. Она думала о стрижке со смешанными чувствами. Раньше она не тратила

времени на размышления о страхе, который испытывают животные: их грубо бросали на спину и быстро, но без всякой нежности лишали шерсти. Теперь, когда этот незнакомец прижимал ее, беспомощную, к полу, Глория почувствовала себя ближе к овцам, чем к стригалям.

— Послушная девочка, — похвалил стюард, когда наконец слез с нее. — Тот парень в Кантоне говорил правду. Знаешь немного, но не сопротивляешься. А теперь выспись, сегодня ночью все будут заняты собой. Завтра приступишь к работе…

— Что же я должна делать? — озадаченно поинтересовалась Глория. Говорили ведь, что ей больше не придется выполнять работу на кухне или делать что-то подобное.

Стюард двусмысленно усмехнулся.

— То, что у тебя получается лучше всего, малышка! В восемь заканчивается ночная смена. И кочегары предпочитают еще немного попыхтеть, прежде чем отправиться в койку. Здесь работают в три смены, сладкая, так что тебе будет чем заняться… круглые сутки…

В первые дни это оказалось преувеличением, поскольку команда еще была «сыта» кантонскими проститутками, а пассажиры не настолько изголодались, чтобы расходовать свой скудный бюджет на корабельную шлюху. Но по прошествии первой недели Глории редко удавалось отдохнуть, а после второй жизнь ее окончательно превратилась в кошмарный сон. Стюард — его звали Ричард Ситон, но Глория не могла думать о нем как о человеке с именем, как все прочие, — без зазрения совести продавал ее всякому, кто предлагал хоть пару центов, предоставлял ее мужчинам без каких бы то ни было обязательств. Конечно, у большинства не было особых пожеланий, но никто не возражал, если двое или трое мужчин делили «билет» между собой. Глория пыталась быть столь же безучастной, как и во время развлечений мужчин на «Мэри Лу», но там получалось лишь два-три раза за вечер, здесь же все начиналось с самого утра, когда кочегары возвращались с ночной смены, и заканчивалось поздно вечером, когда кухонная команда после работы искала развлечений. Когда клиентов было пятнадцать и больше за день, целительное действие масла уже не помогало. Тело Глории превратилось в одну сплошную рану, и не только в интимных местах. Грубые одеяла, к которым ее постоянно прижимали, натирали обнаженную кожу, раны воспалились, поскольку возможности помыться у нее не было. Спустя несколько дней импровизированное ложе заскорузло от грязи, а свежих простыней не было. Кроме того, кто-то принес паразитов, и Глории пришлось сражаться с клопами и блохами. Поначалу она еще пыталась

сбежать от них хотя бы ненадолго, забираясь на одну из коек, если оставалась одна и могла поспать. Но чем дольше длилось путешествие, тем реже и реже это случалось, а под конец она целыми днями не могла найти в себе сил, чтобы подняться с убогого ложа на полу. Тело было в плену, но Глория пыталась сохранить душевное здоровье. Она отчаянно мечтала о побеге из темного узилища, представляла себе залитую солнцем Киворд-Стейшн, где она сгоняет овец, терялась на просторах Кентерберийской равнины… чтобы потом оказаться в классе для хора в «Оукс Гарден», где она стояла рядом с фортепьяно и самым жалким образом не могла спеть ни одной ноты. Все чаще и чаще дневные грезы превращались в кошмары. Глория заметила, что у нее поднялась температура, и старалась цепляться хоть за какую-то мысль, чтобы ее не унесло окончательно. Но собраться с мыслями становилось все труднее и труднее, не говоря уже о том, чтобы представить себе что-то приятное. Чувства означали отвращение и ненависть к себе — причем ненависть была наименее болезненным из них.

Поэтому Глория все больше и больше сосредоточивалась на ненависти. Сначала она направила ее на стюарда. В те бесконечные часы, когда на нее один за другим валились грязные типы, она представляла себе, что убивает его. Снова и снова. То одним, то другим способом, и чем более жестоким он оказывался, тем лучше она себя чувствовала. Наконец она перенесла ненависть на других мужчин. Она представляла себе, как корабль тонет и все идут ко дну. Еще лучшим вариантом казался ей пожар, поглощающий их вонючие тела. Глории казалось, что она слышит их крики… Когда мужчина стонал на ней, она мечтала, что это не похоть, а боль. Ей хотелось, чтобы все эти люди оказались в аду. Только это и придавало ей сил пережить унижение.

В узкой и темной каюте она совершенно утратила чувство времени. Ей казалось, что она находится на судне уже целую вечность и что до конца своих дней ей придется купаться в ненависти. Но однажды ей улыбнулся один из мужчин, лица которых она еще различала.

— Сегодня последний раз! — заявил молодой кочегар. Он был австралийцем и, в отличие от своих приятелей, перед приходом к ней хотя бы слегка ополаскивался. — Завтра будем в Дарвине.

— В… Австралии? — спросила Глория. Еще мгновение назад она лежала под ним в наполненном ненавистью кошмарном полусне, но сейчас его голос задел давно умолкнувшую струну внутри нее. Все еще не веря, она почувствовала зародыш надежды.

— Если мы, конечно, не заблудились! — усмехнулся мужчина. — Только не знаю, как ты сойдешь на берег. Миграционный контроль очень

строгий, регистрируют каждого.

— Стюард… вытащит меня как-нибудь, — заметила Глория, все еще не веря, что этот ужас для нее скоро закончится.

Кочегар рассмеялся.

— Я бы на него не рассчитывал! Слушай, девонька, ему ведь невыгодно отпускать тебя! Как он тебя здесь держит… как скотину! Мы с командой даже думали, не дать ли взятку начальнику порта. Пусть они лучше тебя эвакуируют, чем ты тут загнешься!

— Ты… ты хочешь сказать… — Глория с трудом села.

— Я хочу сказать, что в тот момент, когда мы причалим в Дарвине, в этой двери повернется ключ, — пояснил мужчина, указывая на дверь каюты. — И не для того, чтобы открыть ее перед тобой, если ты понимаешь, что я имею в виду! Мы пробудем здесь недолго, всего пару дней, потом судно пойдет обратно в Кантон. Этому негодяю даже не нужно тебя сторожить. Поставит тебе ведро воды, немного еды — ты выживешь. И оп! — снова прибыль на обратном пути…

— Но я… мы договаривались… — Мир закружился вокруг Глории.

Молодой кочегар закатил глаза.

— Ты ведь не станешь утверждать, что происходящее здесь было частью сделки? Ситон купил тебя, и он выжмет из этого вложения по максимуму. А мертвую проститутку легко вышвырнуть за борт. Если же тебя поймают в Дарвине и ты расскажешь им, как сюда попала… Короче, я советую тебе попытаться как можно скорее выбраться отсюда. Пусть и с риском попасться в лапы начальнику порта…

Глория не успела даже поблагодарить мужчину за предупреждение. Мысли путались, когда он вышел, уступив место двум китайцам из числа переселенцев, у которых, к счастью, не оказалось никаких дополнительных пожеланий и которые практически не говорили по-английски. Глория терпела их похоть, пытаясь придумать план. Кочегар был прав: маловероятно, чтобы стюард отпустил ее по доброй воле. Но она терпела все это не для того, чтобы ее поймали власти и с позором вернули родителям. Ладно, возможно, ее отправят к родственникам в Новую Зеландию. Это ближе и, наверное, проще для австралийцев. А может быть, и нет. И даже если ей повезет, бабушка Гвин узнает, что она делала на судне. А этого не должно быть. Никто не должен узнать! Лучше ей умереть.

В каютах царило оживление. Глория обругала себя за то, что не заметила этого раньше. В своей апатичной агонии она едва не дождалась, что за ней захлопнется ловушка. Но в этот вечер клиентов почти не было, что, впрочем, объяснялось просто: все занимались причальным маневром,

так что пользоваться ее услугами причин не имелось. Зачем идти к грязной корабельной проститутке, если на следующий день их ждет квартал красных фонарей Дарвина? Если Глории не повезет, стюард запрет свой частный бордель еще до полуночи.

Нужно немедленно выбираться!

Когда азиаты ушли, она заставила себя подняться и собрать свои жалкие пожитки в узелок. Грязное платье, изорванное и завшивленное, Глория вновь сменила на костюм Джека. На минуту задумалась, сможет ли она плыть в брюках и рубашке, но выбора не было, да и другой возможности покинуть проклятое судно не предвиделось. Либо она доплывет до берега, либо утонет.

Глория протащилась по коридорам, заполненным переселенцами, которые паковали свой скромный скарб. Ее пропустили без лишних вопросов. «Хоть бы никому из мужчин не пришло на ум известить стюарда!» — пронеслось у нее в голове. Но потом Глория успокоилась. Низкорослые желтокожие мужчины не осмеливались даже взглянуть в лицо мнимому юнге. Вполне возможно, что они даже не узнали Глорию. А еще ей показалось, что среди них практически не было ее клиентов. Азиаты, которых приводил к ней стюард, ехали, судя по всему, вторым классом. Пассажиры средней палубы, самые бедные из бедных, вряд ли смогли бы позволить себе оплатить визит к ней.

На палубе ей в лицо ударил прохладный воздух. Конечно же, в этой половине земного шара была зима. С другой стороны, она находилась на севере Австралии; здесь климат тропический. Так что слишком холодно быть не может! Глория глубоко вдохнула. Прошло несколько минут, прежде чем она привыкла к температуре воздуха, — по ощущениям было градусов двадцать. После удушающей жары и застоявшегося воздуха внутри парохода хоть и было прохладно, но для плавания — в самый раз…

Глория взяла себя в руки. Стараясь держаться в тени надстроек и спасательных шлюпок, она осторожно кралась по палубе. «Спасательная шлюпка — тоже неплохой шанс», — подумала Глория… Но нет, она никогда не сможет сама перенести через борт такую посудину. Не считая уже того, какой поднимется шум. Глория бросила взгляд за поручни. Море было далеко внизу, но хотя бы выглядело спокойным. Кроме того, уже хорошо были видны огни города — значит, ее отделяет от него не такое уж большое расстояние. Да и судно, казалось, почти не двигалось. Может быть, они ждут лоцмана, который проведет «Ниобу» в порт? В таком случае хотя бы нет опасности случайно попасть под винт судна и оказаться разорванной на части. С другой стороны, лоцман может наброситься на

пловца. Но сначала придется прыгнуть. Высота пугала Глорию. Она не плавала уже много лет. А в воду вообще никогда не прыгала.

Внезапно до нее донеслись голоса. Кто-то шел по палубе, скорее всего члены команды, нежели пассажиры. Но какая разница, если они найдут Глорию, ей конец. Либо вернут к Ситону, либо отведут к капитану.

Глория набрала в легкие побольше воздуха, бросила узелок за борт, а затем прыгнула вслед за ним.

Может быть, с борта судна ей и казалось, что до пляжей Дарвина рукой подать, но теперь складывалось впечатление, что она плывет уже много часов, причем совершенно не приближаясь к берегу. С другой стороны, она хотя бы освободилась от страха. Привыкла к прохладной воде. Одежда, конечно, мешала, но плыть было можно. Вещи Глория привязала за спиной — держать в руках было неудобно. К тому же после столь долгого времени, проведенного в грязной каюте, появилось приятное ощущение, что ее омывает вода. Глории казалось, что океан не только смывает грязь, но и весь позор. Время от времени она окунала лицо в воду, а потом, осмелев, стала нырять с головой. Она пыталась провести под водой как можно больше времени, чтобы утонули вши. Блохи наверняка уже подохли. Она едва не смеялась. И плыла дальше.

Глории потребовались ночь и полдня, чтобы наконец выбраться на берег на пустынном пляже под Дарвином. Позже она узнала, что он называется Казуарина и что там водятся морские крокодилы. Но хищники не показывались, а Глория так устала, что не удержалась и, рухнув на песок, провалилась в сон.

Под конец она так замерзла и обессилела, что не могла плыть. Лишь удавалось держаться на плаву, а поднявшийся около полудня свежий ветер и начавшийся прилив помогли ей выбраться на сушу. Уже прогревшийся песок высушил одежду Глории, пока она спала.

Проснувшись, девушка поняла, что наступил вечер. Несколько оглушенная, Глория села. Получилось! Она сбежала от стюарда и портовой полиции. Очевидно, никто не предполагает, что у кого-то может возникнуть желание добраться до Австралии из Китая вплавь. Глория едва сдержала истерический смех. Она у цели… Теперь лишь две тысячи шестьсот миль отделяют ее от Новой Зеландии. Если не считать расстояния вполовину земного шара от Дарвина до Сиднея. Глория не знала, ходят ли суда между Северной территорией и Южным островом Новой Зеландии. Подумала о дедушке Джеймсе, которого, как скотокрада, послали с Кентерберийской

равнины в Ботанический залив. Позже он пробился к золотоносным приискам и вернулся домой с немалой прибылью. Глория задумалась, добывают ли в Австралии еще золото, а если да, то где. Однако для нее это все равно не выход. Несмотря на твердую решимость оставаться «Джеком» до самого возвращения домой, пребывание в облике мальчика в лагере, полном мужчин, пугало ее.

Внезапно Глория почувствовала нестерпимый голод. Эту проблему нужно решить в первую очередь, подумала девушка, даже если съестное придется украсть. Но для этого нужно идти в город… а одежда еще не совсем высохла; если она будет ходить по улицам, как мокрая кошка, то обратит на себя внимание.

Глория сняла шерстяной свитер и расстелила его на песке. Снять рубашку и штаны она не осмелилась, несмотря на кажущуюся безлюдность пляжа. Нужно только вывернуть карманы, чтобы они быстрее просохли. Сунув руку в мокрую ткань, она нащупала влажную бумагу.

Вытащив ее, девушка в недоумении уставилась на десятидолларовую банкноту, «прощальный подарок» от Гарри. Ее доля от продажи ее же стюарду.

Глория улыбнулась. Она богата!

10

Вообще-то, никто не рассчитывал на это, но Лилиан Ламберт решила помочь. После смерти Джеймса МакКензи она осталась с матерью в Киворд-Стейшн и дождалась прибытия Джека и Джорджа Гринвуда с телом Шарлотты. Встреча с отцом и братьями откладывалась, поскольку без Тима Ламберта на руднике не могли обойтись, а ей нужно было задержаться, пока тела покойников предадут земле.

— Но теперь я буду помогать тебе! — решительно заявила Лилиан, когда наконец приехала в Греймут и как следует отпраздновала возвращение домой.

— Что же ты собираешься делать на руднике, воробышек? — с улыбкой спросил Тим. Он был бы рад целый день видеть рядом с собой свою красивую дочь, но придумать ей занятие не мог.

Лилиан пожала плечами.

— То, что делают в конторе. Выписывать счета, звонить людям… — По крайней мере Лили не проявляла страха перед новыми телефонными аппаратами, которые с недавних пор стояли во всех конторах и значительно

облегчали общение с клиентами и деловыми партнерами. — Я могу делать все, что делают твои секретари…

Тим рассмеялся.

— А как, в таком случае, мы поступим с моим секретарем? — поддразнил он ее.

Лилиан закатила глаза.

— Может быть, нам нужен не один секретарь, — с загадочной улыбкой произнесла она. — И вообще… — девушка захихикала, — под землей наверняка хватает работы…

Тим Ламберт никого из конторских служащих, конечно, не отправил под землю, но занятие для Лилиан нашлось. Девушка взяла на себя всю работу с телефоном, и вскоре деловые партнеры отца один за другим попали под ее обаяние. Отрицательного ответа от поставщиков и экспедиций она не признавала, да и в Греймуте люди уже привыкли, что ими командует женщина. Однако то, чего Флоренс Биллер добивалась строгостью, Лили брала шармом. Самые молодые партнеры торопились отправить поставки уже хотя бы для того, чтобы познакомиться с девушкой, которая так звонко разговаривает по телефону. И Лилиан не разочаровывала их, смешила и развлекала, когда им приходилось дожидаться ее отца или штейгера. Общение с горняками тоже давалось Лилиан легко, хотя, конечно, ей довелось выслушать множество суеверных историй насчет женщин на руднике. Один старый шахтер указал ей на это сразу же, как только она вошла в помещение, где располагались паровые машины, поднимавшие и опускавшие кабинку.

— А как насчет святой Барбары? — нахмурив лобик, поинтересовалась Лилиан. — Ее портрет висит в каждой кабинке! Кроме того, у меня нет намерения спускаться в шахту. Я пришла просто сообщить мистеру Гавейну о заболеваемости… Кто-нибудь может позвать его?

Лилиан вихрем носилась по конторе. Постоянно обжигалась, делая чай, но быстро разобралась в бухгалтерии. В отличие от большинства старших конторских служащих, неповоротливых и вечно озабоченных, она восхищалась такими новинками, как пишущая машинка, и научилась печатать на ней в рекордно короткие сроки.

— Это гораздо быстрее, чем вручную! — радовалась она. — На ней еще можно записывать истории! Здорово!

Лилиан всегда пребывала в хорошем расположении духа и подбадривала отца, которому зимой было тяжело, как и каждый год. Бедро и ноги болели из-за холода, но избежать сквозняка, находясь в помещении,

ему не удавалось. Как бы там ни было, туда постоянно входили и выходили люди, кроме того, комнаты были вровень с землей. Тим пытался взять себя в руки, но когда приходилось перерабатывать — а в первый год войны это бывало почти всегда, — свое недовольство он вымещал на секретарях. Присутствие Лилиан сглаживало острые углы. И не только потому, что он любил дочь, но и потому, что она реже допускала ошибки. Девушка была умна и проявляла интерес к управлению предприятием. По дороге на работу она расспрашивала отца о предстоящих делах, а потом готовила нужные документы для совещания или принятия решения прежде, чем Тим успевал объяснить сотрудникам конторы, о чем идет речь.

— Надо было отправить ее изучать инженерное дело, — улыбаясь, говорил Тим жене, когда Лилиан с серьезным лицом объясняла младшему брату устройство башни копера. — Или экономику и организацию производства. Я уже начинаю верить, что она может заткнуть за пояс Флоренс Биллер.

Однако у Лилиан не было настоящих амбиций в отношении руководства рудником. Работа с отцом была для нее не более чем игрой. Разумеется, девушка старалась делать все как можно лучше, и у нее это получалось, но в своих грезах она жонглировала не счетами, как это было с Флоренс Биллер в ее годы. Лилиан по-прежнему мечтала о великой любви, но, к сожалению, сливки греймутского общества произвели слишком мало мальчиков ее возраста. Конечно, среди шахтеров были шестнадцати-и семнадцатилетние, но сыновья высшего общества учились в Англии или хотя бы в Крайстчерче и Данидине.

— Ты все равно еще слишком юна, — заявила Илейн, когда девочка пожаловалась матери. — Подрасти сначала, а там и человек хороший найдется.

Илейн и Тима отсутствие женихов скорее успокаивало. Илейн впервые вышла замуж слишком рано, и результат был катастрофическим. Поэтому она была исполнена твердой решимости оградить Лилиан от подобного опыта.

Первый год войны прошел для Ламбертов без особых происшествий. Когда по окончании весны на любовном фронте так ничего и не произошло, Лилиан заскучала. Работу на руднике она стала выполнять почти механически. Девушка по-прежнему старалась, но теперь ей хотелось чего-то более возвышенного, чем рутинная работа в конторе. Лилиан принялась рыться в родительских книжных шкафах. К счастью, как и ее мать Илейн, она любила развлекательную литературу. Илейн не ругалась, когда дочь заказывала новейшие романы из Англии, напротив —

мать и дочь вместе переживали за героинь и их возлюбленных.

— Конечно, ничего общего с реальностью в них нет, — говорила Илейн, сочтя своим долгом предупредить дочь, но Лилиан продолжала грезить.

— В воскресенье сможешь потанцевать по-настоящему, — однажды добродушно заявил Тим, когда Лилиан снова начала болтать о первых балах и драматических перипетиях в своих романах. — Правда, всего лишь на церковном пикнике. Нужно показаться, Лейни, и на благотворительном балу тоже. Может быть, ты сможешь внести свой вклад. Мы сделаем пожертвование побольше, ведь нужно строить общинный дом. Биллеры уже внесли себя в список и скупиться не будут. Такой щедрости я себе позволить не могу, поскольку наши акционеры хотят получить прибыль, но частным образом мы, конечно же, поучаствуем…

Илейн кивнула.

— Я спрошу преподобного, чем мы можем помочь. Интересно, Флоренс снова будет стоять с черпаком?

Тим рассмеялся. Было принято, чтобы жены владельцев рудников занимались общественной деятельностью, в том числе в практическом смысле: чистое меценатство в таких маленьких городках, как Греймут, считалось высокомерием. Илейн Ламберт и Шарлен Гавейн, жены руководителей рудника Ламбертов, не боялись заниматься подобными вещами. Обе жили и работали среди шахтеров, и никто уже давно не вспоминал о том, что многоуважаемая миссис Гавейн когда-то работала проституткой. Однако Флоренс Биллер была далека от того, чтобы стоять в кухне для бедных, — в прошлом году весь город смеялся, когда она настолько неловко разливала бовле во время летнего праздника, что пострадало не только ее платье, но и праздничные наряды гостей.

— В любом случае Биллеры там будут. Ее старший, кстати, вернулся из Кембриджа. — Тим отстегнул свои шины и устроился у камина. Каждую весну в Греймуте шли дожди, и кости ныли из-за такой погоды. Он чувствовал себя не лучше, чем зимой.

— Серьезно? Он же еще очень юн. Неужели уже закончил обучение? — удивилась Илейн. Она налила Тиму горячего чаю гораздо ловчее, чем разливала напитки Флоренс Биллер. Лилиан выбрала себе печенье.

— Кажется, он вундеркинд, как и его отец, — пожав плечами, ответил Тим.

— Как его… Ах, Лили, пойди-ка ты в столовую. Здесь печенья уже не осталось, но Мэри что-то пекла, баночка стоит во втором серванте слева.

Лилиан надулась. Она поняла, что ее просто хотят выставить из комнаты.

— Не поверишь, но парень очень похож на Калева, — заметил Тим. Он знал, что Лейни любит слушать сплетни. — Такое же узкое лицо, худощавое телосложение…

— Но разве мы все не думали, что это был ее секретарь? Тот, с которым она сначала так хорошо обходилась, а потом вдруг внезапно уволила, когда забеременела? — Илейн не верила в отцовство Калева.

— Я тебе говорю, как оно есть, я сам его видел. В скобяной лавке. Мэтт сказал, что мне самому стоит посмотреть самые новые распорки. Да, а Флоренс, наверное, нужно было переговорить с Хэнкинсом…

Джей Хэнкинс владел кузницей.

Илейн рассмеялась.

— Она лично отругала его?

— Наверное, время от времени ей это просто необходимо. В любом случае мальчик стоял рядом и от стыда готов был провалиться сквозь землю. Это тоже очень в духе Калева. От матери у него только глаза, да еще, кажется, он занимается спортом. Но при этом, говорят, настоящий книжный червь. Хэнкинс сказал, что парень изучал литературу или что-то подобное…

— Откуда он это знает? — поинтересовалась Илейн, протягивая руку за печеньем. — Большое спасибо, Лили. — Лилиан как раз поставила на стол баночку.

— Судя по всему, она прилюдно отчитала сына, который, как выяснилось, не может отличить шурупы от гвоздей. Тем не менее она, похоже, намерена пристроить его к делу. Юноше придется работать на руднике.

— В любом случае он не мог закончить учебу, — подсчитала Лейни. — Он одного возраста с Лили, даже немного младше…

— Вероятно, они отозвали его из-за войны. Его брат вообще не поедет в Англию, парня отправляют в Данидин, как я слышал. В Европе небезопасно.

Илейн кивнула.

— Эта ужасная война… Тебе это тоже кажется нереальным? — Она помешала чай.

— Когда я смотрю на итоговые цифры, то понимаю, что весь уголь уходит на сталь. Сталь идет на оружие, а оружие приводит к смерти. Пушки, автоматы… Совершенно дьявольское изобретение! Эти несчастные ребята мрут там, как мухи. Почему — я так до сих пор толком и не

понял. — Тим встревоженно нахмурился. — Однако же я рад, что мы далеко, хотя это можно истолковать как трусость с моей стороны…

Илейн рассмеялась.

— В этом отношении ты можешь себе кое-что позволить, — произнесла она, мысленно возвращаясь к ужасному несчастью, случившемуся на руднике восемнадцать лет назад, во время которого Тим проявил себя отнюдь не как трус.

— И не скрою, что спокоен за наших мальчиков, ибо они слишком малы, чтобы совершить какую-нибудь глупость, — добавил Тим.

Армия уже набрала рекрутов в Новой Зеландии и в Австралии. Первый призыв АНЗАКа, Австралийского и Новозеландского армейского корпуса, должен отправиться в Европу довольно скоро.

Илейн кивнула и впервые в жизни едва не возблагодарила небо за увечье Тима. Ей хотя бы не нужно опасаться, что кто-нибудь отправит ее мужа на войну, — или что Тиму самому придет в голову такая глупая идея.

В воскресенье надоевший уже дождь наконец прекратился и Греймут засиял. Хотя рудники несколько уродовали красивый пейзаж, природа брала свое. Папоротниковые леса подступали к самому городу, а вдоль речки Грей было множество романтичных уголков. Церковь расположилась немного за городом, и дорога, по которой Роли вел автомобиль Ламбертов, шла вдоль сочных зеленых лужаек.

— Немножко похоже на Англию, — заявила Лилиан, вспомнив памятный для нее день лодочной регаты в Кембридже.

Бен действительно оказался прав. Знаменитую регату «Кембридж — Оксфорд» отменили из-за войны. Даже после ухода Руперта из колледжа у Бена не было шанса стать загребным.

Перед церковью все было точно так же, как Лили помнила с детства: мужчины расставляли столы, женщины, весело болтая, носили корзинки для пикников, искали тенистые местечки, чтобы разложить вкусности на время богослужения. Поскольку погода благоприятствовала, преподобный отец решил провести богослужение на свежем воздухе. Взволнованные дети расстилали одеяла вокруг импровизированного алтаря, пока их матери и бабушки украшали столы для базара, который должен был начаться позже. Конечно же, здесь будут продавать пироги и награждать призами за выпечку. Миссис Тэннер, считавшая себя важнейшим столпом общины, шушукалась с подругами по поводу энергичной владелицы паба, мадам Клариссы, которая, однако, не обращала на это никакого внимания. Как и каждое воскресенье, ее стайка девушек легкого поведения приехала на

богослужение и, судя по всему, намеревалась не пропустить и пикник.

Илейн и ее кухарка Мэри Флаэрти выгрузили корзины, пока Роли и Тим обсуждали свои транспортные средства с другими владельцами автомобилей.

— Лучше помоги мне с корзинами. — Мэри свистом подозвала своего друга, который как раз хвастался тем, что кадиллак Ламбертов однозначно имеет самое большое количество лошадиных сил. Вздохнув, Роли подчинился.

С натянутой улыбкой Илейн поприветствовала свою свекровь Нелли Ламберт и заставила своих отпрысков послушно присесть перед ней в реверансе и поклониться. Потом маленькие мальчики скрылись в толпе, чтобы тут же затеять шумную игру в прятки с друзьями. Лилиан присоединилась к нескольким девочкам, которые рвали цветы для алтаря.

Наконец, незадолго до начала богослужения, подкатил автомобиль Биллеров. Еще больше и современнее, нежели любимая игрушка Тима и Роли. Внимание мужчин тут же переключилось на огромную машину, в то время как Илейн и ее подруга Шарлен сосредоточились скорее на пассажирах. Мэтт Гавейн тоже говорил своей жене о поразительном сходстве между Калевом Биллером и старшим сыном Флоренс, поэтому обе затаили дыхание, когда Калев и мальчик вышли из автомобиля. И не разочаровались. Уже одно только мрачное выражение лица подростка сильно напоминало молодого Калева. Илейн еще хорошо помнила первую встречу во время скачек. Отец Калева заставил его участвовать, и все в молодом человеке выдавало страх и упрямство.

Молодой Биллер, судя по всему, приехал на пикник не по доброй воле. Возможно, он даже поссорился с матерью, ибо та бросала на него недовольные взгляды. Впрочем, глядя на его поникшие от огорчения плечи, многие увидели еще одно сходство с Калевом. Бенджамин был более спортивного и мускулистого телосложения, но таким же высоким и худым, как отец. С младшими братьями, более приземистыми и коренастыми, которые пошли в мать — как мягко выразилась Нелли Ламберт, «темную ветвь» семьи Уэбер, — у него не было практически ничего общего.

Флоренс собрала семейство вокруг себя. Она была некрупной женщиной, хотя в юности испытывала склонность к некоторой полноте. Впрочем, с годами это ушло. Напряженная работа Флоренс не оставляла ей времени на то, чтобы есть много и часто. Однако это не сделало ее красавицей. Ее лицо по-прежнему казалось несколько рыхлым и было усеяно веснушками, несмотря на то что она большую часть времени проводила в конторе. Густые каштановые волосы были собраны в строгий

пучок, маленький рот недовольно скривился. Подталкивая своих троих мальчишек к преподобному отцу, она пыталась улыбнуться. Младшие тут же быстро и в точности по учебнику поклонились духовному лицу, в то время как старший проявил упрямство и лишь слегка склонил голову. А потом увидел девушек, украшавших цветами алтарь, и в его глазах вспыхнул интерес.

Маленькая рыжая девчонка…

Лилиан уложила последнюю гирлянду и, нахмурившись, оглядела алтарь. Да, можно оставить так. В поисках одобрения преподобного она обернулась и увидела ясные светло-зеленые глаза. Вытянутое лицо, светлые волосы, тренированное тело гребца, вздрогнувшее, когда юноша узнал ее.

— Бен, — бесцветным голосом произнесла она.

На лице Бенджамина сначала появилось недоумение. А потом оно озарилось светом почти неземной улыбки.

— Лили! Откуда ты здесь взялась?

Война

Кентерберийская равнина, Греймут, Галлиполи, Веллингтон

1914–1915-1916

1

Когда одежда наконец полностью высохла, Глория потащилась в город. Она практически умирала от голода. Становилось прохладно, а ей нужно было поесть и найти место, где она могла бы переночевать. По поводу еды Глория не очень беспокоилась: в портовом городе наверняка полно ресторанов, чайных и трактиров. Ей только надо постараться не подходить близко ни к порту, ни к расположенному обычно неподалеку кварталу красных фонарей и избегать заведений, где сидели главным образом мужчины, какие бы аппетитные ароматы ни доносились из кухонь.

В конце концов она выбрала небольшую чайную, где обслуживала женщина. Наверное, здесь можно было заказать только сэндвичи, но все-таки лучше, чем подставляться под взгляды официанта и посетителей-мужчин. В чайной было почти пусто, за столами сидели какие-то пожилые люди, которые беседовали или читали газету. От этих стариков опасности ждать не приходилось. Глория расслабилась. К тому же, как оказалось, здесь подавали не только холодные блюда: девушка заметила, что некоторые гости уплетают густое рагу. Может быть, это постоянные клиенты, которые едят здесь каждый день? Глория робко попросила еды, указав на блюда других посетителей. Вообще-то, она должна была бы уже привыкнуть обедать в ресторанах. Мартины проводили время в самых изысканных заведениях Европы и Америки. Но Глории всегда претило назойливое внимание официантов, не говоря уже об интересе других посетителей к ее знаменитой матери.

Однако в этом месте не предполагалось особого этикета. Официантка, обслуживающая Глорию, была приветлива, но не болтлива. Она поставила перед ней большую миску рагу и принялась добродушно наблюдать за тем, как «молодой человек» поглощает еду.

А потом с почти заговорщической улыбкой принесла добавки.

— Малыш, ты же совсем оголодал! Что с тобой приключилось? Добирался вплавь из Индонезии?

Глория густо покраснела.

— Откуда вы знаете, что…

— Что ты с одного из кораблей? Это угадать нетрудно. Во-первых, этот город — настоящая деревня. Такого хорошенького мальчика, как ты, я бы уже заметила. Кроме того, ты похож на моряка, который совсем недавно сошел с корабля. Твоим волосам срочно нужен цирюльник, малыш! С бородой-то пока что не очень… — Женщина рассмеялась. Она была пышной, краснолицей и, судя по всему, безобидной. — Но ванну ты уже принял. Это говорит в твою пользу. И к виски еще не пристрастился. Все очень похвально. Первый наем?

Глория кивнула.

— Но это было ужасно, — вырвалось у нее. — Я… я теперь хочу остаться на суше.

— Морская болезнь? — с пониманием произнесла женщина. — В твоем возрасте я приехала сюда, на край света, из Англии. Честное слово, половину путешествия я провисела на поручнях! Наверное, моряком нужно родиться. И что теперь будешь делать?

Глория пожала плечами. А потом собрала в кулак все свое мужество и спросила:

— Может быть, вы знаете, где мне… где можно найти место для ночлега? Денег у меня немного, я…

— Могу себе представить, тебя-то они наняли за пару центов, мошенники эдакие! А потом и кормили не досыта, от тебя ж остались одна кожа да кости. Если хочешь, приходи завтра, накормлю тебя хорошим завтраком. Мой сын был таким же, как ты, но он уже вырос и работает на строительстве железной дороги. Много там не заработаешь, но у него есть возможность немного поездить, и ему это нравится. А насчет ночлега… У преподобного отца методистской церкви есть несколько комнат для мужчин. Кто может, делает пожертвование, но если у тебя нет денег, никто ничего не скажет. Только нужно молиться, конечно. Утром и вечером…

Глория не молилась уже много месяцев, даже перед началом своего злосчастного путешествия. Уильям и Кура Мартин не настаивали на том, чтобы дочь ходила на богослужения. Сами они церковь не посещали. Да и Глория ходила на богослужения в Состоне с большой неохотой. Каждый раз, увидев преподобного Бличема, она вспоминала картинку, представшую перед ее глазами в ризнице, — духовное лицо со спущенными штанами над женщиной из собственной общины. За десять минут до того, как он должен

был поклясться в верности другой женщине! Глория толком не знала, верит ли в Бога, но за безупречность и чистоту его земных слуг она не дала бы и ломаного гроша.

Поэтому она довольно сильно нервничала, когда брела в сторону церкви на Наки-стрит, довольно-таки примитивной постройке. Преподобный отец, высокий светловолосый мужчина, как раз проводил богослужение, на котором почти никого не было. Глория тревожно оглядела трех оборванных мужчин, сидевших во втором ряду. Может быть, это постояльцы мужского пансиона?

Глория послушно молилась, но петь во время заключительного хорала не стала. «Джек Эрроу» был еще юн, но голос уже должен был измениться. Когда месса закончилась, она подошла к преподобному и, запинаясь, рассказала ту же историю, что и женщине из чайной. Джек, юный житель Нью-Йорка, будто бы нанялся на корабль, идущий в Дарвин. Капитан ободрал его, как липку, остальные члены команды вели себя недружелюбно…

— Судя по твоему виду, они с равным успехом могли быть и чересчур приветливыми, — мрачно заметил преподобный. — Благодари Господа, что выбрался оттуда целым и невредимым!

Глория не поняла, что он имеет в виду, но покраснела.

Преподобный отец понимающе кивнул.

— Судя по всему, ты хороший мальчик, — заключил он, глядя на смутившегося «Джека». — Но для начала постригись. Сегодня ночью поспишь здесь, а там посмотрим.

После столь теплого приема Глория уже понадеялась было на отдельную комнату, но, конечно же, мужской пансион оказался просто общей спальней. В маленькую неуютную комнату, единственным украшением которой было распятие на стене, втиснули пять двухъярусных кроватей. Глория выбрала кровать в самом дальнем углу, чтобы ей мешали как можно меньше, но по мере того, как наступал вечер, комната заполнялась разновозрастными гостями. Глория, казалось, снова очутилась в кошмарном сне, в котором ее воротило от вони немытых тел и мужского пота. Что ж, здесь хотя бы виски не пахло; похоже, преподобный отец следил за этим. Несколько мужчин играли в карты, другие болтали. Пожилой мужчина, облюбовавший место напротив Глории, попытался вовлечь в разговор и ее. Сказав, что его зовут Генри, он спросил ее имя. Глория отвечала односложно, насторожившись еще больше, чем во время разговора с преподобным отцом. И не зря. Генри, который, судя по всему, был матросом, проглотил историю не так послушно, как преподобный.

— Судно из Нью-Йорка в Дарвин? Такого не бывает, парень! Это ж плыть через полмира…

Глория покраснела.

— Я… они… они еще зашли сначала в Индонезию, — промямлила Глория. — Взять какой-то груз…

Генри наморщил лоб, а затем принялся рассказывать истории о своих поездках, и во всех них речь шла об одиночестве на борту. Глория практически не слушала. Она уже жалела о том, что пришла сюда, хотя «Джеку», конечно же, никакая опасность не угрожала.

Или все же угрожала? Когда масляные лампы, дававшие слабый свет, наконец потушили и Глория свернулась калачиком, стараясь уснуть, она почувствовала осторожное прикосновение к своей щеке. Пришлось взять себя в руки, чтобы не заорать.

— Я тебя разбудил, Джеки? — Голос Генри, довольно высокий для мужчины, прозвучал совсем близко от ее лица. — Я подумал, такой хорошенький мальчик… может быть, этой ночью ты хоть немного согреешь меня…

Глория в ужасе подскочила.

— Оставьте меня в покое! — прошипела она, не осмеливаясь закричать. Воспаленная фантазия нашептала ей, что, возможно, тогда на нее набросятся все. — Убирайтесь! Я хочу спать один!

— А я не расскажу преподобному про судно в Дарвин… он очень не любит, когда ему лгут…

Глория задрожала. В принципе, ей было все равно, что расскажет этот тип преподобному; в любом случае ей нужно убираться отсюда. Но если он заставит ее «быть с ним милой», весь маскарад откроется. Если эти мужчины поймут, что она девушка… Отчаявшись, она подтянула колени к подбородку и изо всех сил толкнула мужчину ногами.

— Убирайся! — зарычала она на него.

Слишком громко. Вот теперь и остальные мужчины завозились. Но, к ее удивлению, они приняли сторону «Джека».

— Генри, свинья ты такая, оставь мальчишку в покое! Ты же слышишь, он тебя не хочет!

Генри застонал, и Глории удалось столкнуть его со своей кровати. Судя по всему, после этого он очутился близко к кому-то другому.

— Тебе мало, урод? Здесь тебе светит только взбучка…

Глория всего этого не понимала, но перевела дух. Однако больше рисковать нельзя. Взяв постель, она отправилась в чисто вычищенный туалет и закрылась на задвижку. А потом, устроившись как можно дальше

от писсуаров, завернулась в одеяло. Утром она ушла с подворья церкви еще до того, как все проснулись. Пожертвований она не оставила. Вместо этого зашла в ближайший магазин и вложила три своих драгоценных доллара в нож и ножны, которые можно было закрепить на поясе. В будущем она будет спать только с оружием, чтобы дать отпор таким, как этот Генри.

Следующими на очереди были вши. Еще вчера Глория заметила, что ныряние в воду не дало никаких результатов. Поколебавшись, она зашла в аптеку и неуверенно спросила самое дешевое средство.

Аптекарь рассмеялся.

— Дешевле всего будет обрить тебе голову, парень. Тебе все равно нужно постричься, а то на девчонку похож! Чик-чик — и никаких волос, никаких вшей. А потом посыпать голову вот этим. — И он протянул ей какое-то средство.

Глория купила порошок за пару центов и отправилась на поиски цирюльника. Локоны снова посыпались на пол, только на этот раз полностью. Взглянув в зеркало, она сама себя не узнала.

— Отрастет, парень! — рассмеялся цирюльник. — Пятьдесят центов.

Направляясь в сторону чайной, Глория чувствовала себя на удивление свободной. Ей срочно нужно было хорошенько позавтракать, и она готова была заплатить за это. Однако ее новая подружка сдержала слово и, не спросив денег, от души положила ей бобов, яиц и ветчины. Впрочем, красивых волос «Джека» ей было жаль.

— Нужно было просто остричь чуть покороче, а ты сразу наголо! Девушкам не понравится, малыш!

Глория пожала плечами. Если это не будет мешать ее потенциальным работодателям…

Однако поиски работы оказались трудным делом, поскольку идти в портовый квартал Глория не решилась. В доках работы было навалом. Там постоянно требовались люди, чтобы помогать загружать и разгружать суда. Но Глория искала работу только в городе, а там с этим было плохо. Большинство молодых ребят возраста «Джека» были где-нибудь в обучении. Такие оборванцы, как Джек, чужаки, за которых никто не мог поручиться, вызывали недоверие. Проведя полдня в бесплодных поисках, Глория уже почти жалела, что так необдуманно ушла из методистской церкви. Преподобный наверняка помог бы. Но страх перед Генри и другими мужчинами был сильнее. Наконец она вложила еще несколько центов из своей драгоценной наличности в комнатку в небольшом пансионе. Впервые за несколько месяцев она спала спокойно, совершенно одна и в безопасности. А ощущение свежести, которое дарили чистые

простыни, казалось ей восхитительным.

На следующий день ей повезло: она смогла подменить посыльного, который почему-то не вышел на работу. Глория отнесла несколько писем и посылок из одной конторы в другую и заработала достаточно, чтобы заплатить еще за одну ночь в пансионе. На протяжении следующих дней она тоже кое-как подрабатывала, но спустя неделю, подсчитав свою наличность, поняла, что дело плохо. От десяти долларов осталось лишь четыре, а из заработанных денег она не смогла отложить ни цента. Поэтому о путешествии в Сидней нечего было и думать, если, конечно, не идти туда пешком.

Так она в конце концов и поступила. В Дарвине «Джеку» делать было нечего. Поэтому Глория пошла вдоль побережья, рассчитывая найти работу в небольших поселениях. Она надеялась, что там наверняка будут фермы, где пригодится конюх. Или рыбаки, которым можно будет помочь с рыбалкой.

К сожалению, все ее надежды оказались обманчивыми. Спустя две недели она прошла сотню миль, но так ничего и не заработала. От денег, которые у нее были, почти ничего не осталось. Она уныло брела по переулкам крохотного портового городка, снова не зная, где будет ночевать, и снова страдая от голода. На оставшиеся пять центов даже в самом захудалом кабаке, мимо одного из которых она как раз проходила, не дадут поесть.

— Что, малыш, хочешь заработать пару центов?

Глория вздрогнула. Перед ней стоял мужчина, направлявшийся, судя по всему, в этот сомнительный паб. В темноте лица было не разглядеть, но рука его потянулась к штанам.

— Я… я парень, — прошептала Глория, нащупывая висевший на поясе нож. — Я…

Мужчина рассмеялся.

— На то и надежда! Девочек я не люблю. Мне нужен хорошенький мальчик, который составит мне компанию сегодня ночью. Пойдем, я хорошо заплачу…

Глория в панике огляделась по сторонам. Мужчина закрывал вход в следующий переулок, но не похоже, чтобы он собирался сразу наброситься на нее. Если убежать туда, откуда она пришла…

Глория повернулась на каблуках и побежала так, словно за ней гнались фурии. Она неслась, пока были силы, а потом едва не рухнула на мосту. Он вел через реку, впадавшую в море. А может, это была лагуна… Глория не могла сказать. Впрочем, сейчас ей было все равно. Судя по всему, она

попала из огня да в полымя. Между мостом и стеной порта прогуливались несколько легкомысленно одетых девушек.

— Что, красавчик? Ищешь компанию на сегодняшнюю ночь?

Глория снова побежала. И наконец, всхлипывая, оказалась на пляже. Возможно, здесь есть крокодилы. Но по сравнению с двуногими животными, от которых она только что сбежала, они казались ей безобидными.

Некоторое время Глория, дрожа, лежала на пляже, а потом задумалась. Нужно убираться отсюда, уезжать из Австралии. Только вот заработать деньги на путешествие честно не получится. Конечно, «Джек» может перебиваться подсобными работами. Но о билете в Новую Зеландию нечего даже и думать.

«Просто будешь делать то, что умеешь лучше всего…» — вспомнились циничные слова стюарда.

Глория всхлипнула. Но отрицать было бесполезно: ей никогда не платили за что-то еще, кроме как за то, чтобы «быть милой» с мужчинами. Без десяти долларов, данных Гарри, она бы не выжила. И если она будет работать на себя, деньги отложить, судя по всему, ей удастся. «Парень озолотился за твой счет», — говорил стюард о Гарри, а молодой кочегар — о Ричарде Ситоне. Впрочем, Дженни из Сан-Франциско не показалась ей особенно богатой…

Глория села. Делать нечего, нужно попробовать. Хотя это, конечно же, опасно — остальные девушки не обрадуются конкурентке. С другой стороны, если верить Дженни, есть множество вещей, которые обычные проститутки не делают или делают неохотно. Проделывая подобное, Глория тоже испытывала стыд, но в мире не осталось уже ничего, чего не требовали бы от нее мужчины на «Ниобе». Тем не менее она выжила, значит, справится и теперь.

Дрожа всем телом, Глория перерыла вещи «Джека» в поисках единственного платья, которое у нее было. А затем, все еще кривясь от отвращения, натянула его и побрела к мосту.

2

— Не сейчас, позже! — шепнула Лилиан.

Встреча с Беном, на которую она уже не надеялась, на миг сбила сердце с привычного ритма, но мозг сработал — и девушка мгновенно поняла, что сейчас заверения в дружбе будут неуместны. Бен стоял рядом с

Флоренс и Калевом; должно быть, он и есть их сын, недавно вернувшийся из Кембриджа! И, без сомнения, ни Биллеры, ни собственный отец Лилиан не будут в восторге от того, что их дети выцарапали на дереве в Англии свои имена, а над ними сердечко, обозначающее любовь.

Бен сообразил не так быстро. Неудивительно, он ведь пока не знал фамилии Лилиан. Но тут, к счастью, решил помочь преподобный. Возможно, осознанно: он тоже славился сообразительностью и к тому же наверняка заметил вспышку в глазах Бена и Лили.

— Бен! Как хорошо, что ты вернулся! — приветствовал он юношу, как только обменялся приличествующими случаю приветствиями с Флоренс и Калевом. — А как ты вырос! Юные дамы Греймута будут драться за то, чтобы ты пригласил их на танец. Вот, позволь представить тебе первых… — Он указал на Лилиан и двух других девушек, только что занимавшихся украшением алтаря. — Эрика Бенсворт, Маргарет О’Брайен и Лилиан Ламберт.

Эрика и Маргарет захихикали и сделали книксен. Лилиан сумела лишь выдавить из себя улыбку, а затем встретилась с холодным взглядом Флоренс Биллер. По работе с отцом Лилиан несколько раз доводилось иметь с ней дело, и, вероятно, она оставила о себе не самое лучшее впечатление. В отличие от остальных служащих, девушка не боялась ее; например, она соединяла Флоренс по телефону с отцом лишь тогда, когда у того действительно было время и возможность заняться ее вопросом. Она не стеснялась переманивать ее клиентов или охмурять поставщиков, чтобы они быстрее обслуживали рудник Ламберта, а не Биллера, — в то время это было неоценимым искусством, поскольку экономика переживала бум, а торговцы лесом и скобяными изделиями не могли поставлять лесоматериал для опалубки, крепежные стойки и инструменты с такой же скоростью, с которой разрастались рудники. Конечно, на людях Флоренс была вежлива, но в кругу семьи она называла «маленькую Ламберт» «бесстыжей девчонкой». Это выражение упоминалось уже и в присутствии Бена. И вот теперь он встретился с этим «маленьким чудовищем» во плоти — и оно оказалось его Лили, девушкой, о которой он не мог забыть с тех самых пор, как повстречал ее на регате в Англии. И которой он посвящал стихи, исписывая целые страницы…

Лилиан быстро подмигнула ему. Бен понял.

Во время богослужения обе семьи сидели в разных концах лужайки, но Лилиан и Бен не могли сосредоточиться на словах преподобного. Оба перевели дух, когда отзвучала последняя песня и все встали, чтобы подкрепиться. Заняв очередь за фруктовым бовле, Лилиан сумела оказаться

рядом с Беном.

— Как только все поедят и устанут… увидимся… за церковью… — прошептала она ему.

— На кладбище? — переспросил Бен.

Лилиан вздохнула. Она не хотела выражаться настолько прозаично и, конечно же, думала о том, подходит ли погост в качестве места первой тайной встречи двух любящих людей после разлуки. В конце концов девушка пришла к выводу, что в этом есть некий романтический компонент. Может быть, немного нездоровый, но определенно горько-сладкий. Как стихотворение Эдгара Аллана По…

Кроме того, в округе не было другого места, где гарантированно не будет родителей. Поэтому она кивнула.

— Просто поглядывай на меня, и ты увидишь, когда я встану.

Бен старательно закивал, а затем получил свой стакан с лимонадом. На миг задумался, не предложить ли напиток Лилиан, чтобы ей не пришлось ждать, но потом решил, что это будет слишком заметно. Поэтому он заговорщически подмигнул ей и отправился в путь. Лилиан упоенно смотрела ему вслед. Наконец-то что-то произошло! И это что-то было почти как в романах, которые она читала, — давно потерянный возлюбленный возвращается. Лили вздохнула. Однако он враг ее семьи. Как у Шекспира! Во время рождественской постановки в «Оукс Гарден» Лили никогда не разрешали играть Джульетту. Что ж, тогда она досадовала и переживала, а теперь оказалась в самом центре необыкновенной истории!

Наконец Бен первым отделился от семьи и, стараясь действовать незаметно, пошел в сторону церкви. Лили, в свою очередь, с неохотой отвлеклась от застольных разговоров между ее родителями и Мэттом с Шарлен. Речь снова шла о Биллерах и их старшем сыне. Мать Лилиан и Шарлен не могли успокоиться по поводу того, насколько сильно парень похож на отца. Лилиан это казалось странным. Ее братья тоже были похожи на Тима, а старший сын Шарлен был точной копией Мэтта Гавейна. Но никто не тратил на это больше пары слов. Впрочем, обе семьи вели такую оживленную беседу, что никто не обратил внимания на Лилиан, которая встала из-за стола и тихонько удалилась.

Придя на церковный двор, она увидела, как Бен вырезает их инициалы на старом буке, который рос в восточном конце ограды. Лилиан это показалось романтичным, хотя сама по себе идея была не очень удачной. В Греймуте не могло быть много Л. Л. и Б. Б. Ну да какая разница! Она не могла не чувствовать себя польщенной, потому что Бен рисковал ради нее.

Юноша улыбнулся ей, когда увидел, что она идет к нему меж могил.

— Лили, я и не думал даже, что увижу тебя снова! — приветствовал он ее. — Эта забавная девушка из «Оукс Гарден» сказала мне, что ты уезжаешь домой. Я думал, что, возможно, это в Лондоне, Корнуолле или еще где-то в Англии. Ты же не говорила мне, что ты из Греймута!

Лилиан пожала плечами.

— Я тоже думала, что ты из Кембриджа или его окрестностей. И я думала, что ты бедный, ну, из-за стипендии…

Бен рассмеялся.

— Нет, просто молодой. Поэтому такое особое отношение. Я перепрыгнул через несколько классов, и университеты буквально дрались за меня. Получив стипендию, я мог изучать все, что захочу, — а не то, что хотели мои родители. По крайней мере до сих пор. Но с этой дурацкой войной они, конечно же, нашли отличный предлог, чтобы вернуть меня домой. И теперь я сижу в этой кошмарной конторе, чтобы вникать в то, как добывают уголь из земли. Мне все равно, пусть бы он там и оставался.

Лилиан наморщила лобик. Идея оставить уголь в земле никогда не приходила ей в голову и казалась не очень умной. Ведь эту штуку можно дорого продать. Но Бен, конечно же, поэт, а значит, видит мир иначе. Поэтому она мягко улыбнулась.

— У тебя ведь есть еще трое братьев. Они не хотят унаследовать рудник? — спросила она. — Тогда ты смог бы продолжить обучение.

Бен кивнул, хотя лицо его оставалось мрачным.

— Они буквально готовы рвать друг друга на части из-за этого, — заявил он. — Сэму всего двенадцать, но он знает об этом деле больше, чем я. К сожалению, старший — я… Но давай поговорим о тебе, Лили. Ты не забыла меня?

— Никогда! — решительно заявила Лили. — Я никогда не забыла бы тебя. В Кембридже было так хорошо. И я действительно хотела прийти, я готова была на все… Но именно в тот день за мной приехал дядя. И я не могла сбежать, вокруг меня постоянно кто-то крутился. Но теперь мы здесь…

Бен улыбнулся.

— Теперь мы здесь. И мы могли бы… ну, я хочу сказать…

— Ты мог бы еще раз посмотреть, какого цвета у меня глаза! — лукаво улыбнувшись, произнесла Лилиан. Она подошла ближе и взглянула на юношу снизу вверх.

Бен робко коснулся ее щеки, а затем обнял. И когда он поцеловал ее, Лилиан готова была обнять весь мир.

— Что это был за мальчик на кладбище?

Тим Ламберт редко бывал строг со своей дочерью, но сейчас, возвышаясь над ней, насколько позволяли костыли и шины, он выглядел угрожающе. Лилиан сидела за своим письменным столом и только что положила трубку телефона на рычаг. Она казалась еще более довольной и сияющей, чем обычно, — внимательный наблюдатель, возможно, разглядел бы ее влюбленность. Однако Тим больше следил за счетами и заключением сделок. И вот одну такую сделку он только что отметил в конторе лесозаготовки хорошим виски. Бад Уинстон, торговец древесиной, поставлял опоры для запланированного недавно расширения рудника, и Тим Ламберт увел из-под носа у Флоренс Биллер целый вагон лесоматериала для опалубки. Если быть до конца справедливым, Тим был обязан этой сделкой в основном Лилиан, поскольку именно его дочь вела переговоры. Но в этот день ему было не до справедливости, его больше занимали слухи, ходившие по Греймуту. Должно быть, они разошлись достаточно широко, если об этом уже знали ребята, работающие с Бадом Уинстоном. А ведь контору, которая занималась лесозаготовкой, никак не назовешь цитаделью болтунов. Сейчас было всего одиннадцать часов утра, понедельник, так что к полудню весь город будет знать о том, что Лилиан Ламберт тайком встречается с парнем.

— Не отрицай, старая Тэннер все видела. Впрочем, она близорука — парня она не узнала.

Миссис Тэннер была самой известной в городе сплетницей. Лилиан слегка встревожилась.

— И что же она видела? — спросила девушка, напуская на себя беззаботный вид. Если миссис Тэннер видела поцелуй, ее придется тяжело.

Тим пожал плечами.

— Ты беседовала с парнем. Тайком, на кладбище. Об этом говорит весь город.

— Значит, это было не так уж и тайно, — словно мимоходом заметила Лили, перелистывая бумаги. А про себя перевела дух.

Тим рухнул на свой стул у письменного стола. Это лишило его стратегически лучшей позиции, но после поездки в город он устал, болело бедро.

— Лилиан, это был Бен Биллер? — спросил он затем. — Кто-то говорил о нем. И мне не приходит в голову больше никто, кто подходил бы тебе по возрасту.

Лилиан одарила отца неземной улыбкой. Обычно она легко оценивала

своего собеседника, но сейчас девушка была влюблена.

— Ты тоже считаешь, что он мне подходит? О, папочка! — Она вскочила, собираясь обнять Тима. — Бен такой чудесный! Такой нежный, такой милый…

Тим нахмурился и отодвинул ее от себя.

— Он… какой? Лилиан, ты не можешь говорить серьезно! Поговорив с ним три минуты среди надгробий, ты выяснила, что это мужчина всей твоей жизни? — Он не знал, что делать, ужаснуться или засмеяться.

— Вот именно! — просияла Лилиан. — Но мы были знакомы еще в Кембридже…

И она с восторгом поведала отцу историю о лодочной гонке, опустив лишь самые незначительные подробности, вроде поцелуя и сердечка на дереве.

— Он пишет стихи, папочка! Для меня!

Тим закатил глаза.

— Лилиан, — произнес он, перенося тело в более удобное положение. — Тебе все это может казаться очень романтичным. Но я бы предпочел, чтобы этот молодой человек писал стихи кому-нибудь другому. Ты слишком юна, чтобы встречаться с парнем, а он слишком юн, чтобы назначать свидания девушке. В вашем возрасте я еще змея запускал!

Он говорил правду, хотя все было не настолько невинно, как пытался показать Тим. В возрасте Лили он еще учился в английском интернате, а змей служил для передачи записок дочери фермера по имени Мэри, отец которой привозил в школу молоко. Впрочем, дальше нескольких любовных писем дело не пошло. Мэри предпочитала заводить парней среди ребят постарше.

— Бен очень зрелый для своего возраста! — заявила Лили. — Он перескочил через несколько классов.

Тим отмахнулся.

— Все это меня не интересует, Лилиан. Я не сомневаюсь, что мальчик он умный, поскольку родители его тоже люди неглупые. Но ему следует воспользоваться своим умом и не флиртовать с девушкой, из-за которой у него изначально могут быть неприятности. Ты не можешь влюбиться в сына Флоренс Биллер, Лили!

Тим взмахнул костылем, чтобы подчеркнуть значимость своих слов, и… сам себе показался глупым.

Лилиан отбросила огненно-рыжие волосы назад и гордо подняла голову.

— А вот и могу!

— Тим, это же просто баловство. Как ты можешь относиться к этому серьезно?

Илейн Ламберт сидела в саду их дома и наблюдала за сопящим от гнева мужем со смешанным чувством тревоги и веселья. Как и всегда, если Тима что-то волновало, он не мог сидеть на месте. До несчастного случая он был очень подвижным человеком, который лишь изредка появлялся в конторе. Он предпочитал общаться с шахтерами над и под землей, лично разговаривал с поставщиками, а в свободное время, будучи ловким наездником, любил проехаться верхом. Ограниченность в своих возможностях, даже спустя много лет после трагедии, воспринималась им тяжело, и теперь он хромал перед Илейн между грядками и клумбами, причитая по поводу «ужасающей катастрофы», которую только что устроили Лилиан и Бен.

При этом он, по крайней мере с точки зрения Илейн, сам отчасти был виноват в последних драматических событиях. Утром в понедельник Тим не придумал ничего лучше, как отчитать свою упрямую дочь и отправить ее домой. Лилиан послушно села верхом на свою маленькую кобылку, которую прислала ей бабушка Гвин с Киворд-Стейшн. На этой лошади она ездила на ферме, и Гвин подарила ей животное, испытывая некоторые угрызения совести, поскольку это была та самая кобылка, которую Джек, как и обещал, вырастил для Глории, сведя ее пони и одного из жеребцов-кобов. Но, похоже, Глория домой пока не собирается возвращаться…

И вот теперь у Лилиан была веселая Вики. Девушка, видимо, решила, что сегодня ей срочно нужно развеяться, а в этом случае лучше скачки ничего не придумаешь. Поскольку предки Вики были чистокровными, ей полезны были длинные отрезки, чтобы она могла скакать галопом, так что дорога к руднику Биллеров, к слову, очень хорошая, была как раз кстати. На полпути Лилиан наткнулась на автомобиль Биллеров, и Вики неожиданно шарахнулась в сторону и понесла. После этого единственный пассажир в салоне автомобиля велел шоферу остановиться. Бен.

Как развивались дальнейшие события, можно было узнать, разве что подвергнув обоих главных героев весьма унизительному допросу. Впрочем, шофер сообщил, что молодой господин пожелал выйти из машины, объяснив это тем, что юной леди, судя по всему, может понадобиться помощь в обуздании лошади, а его отослал домой. Фыркающая от гнева Флоренс велела шоферу вернуться и привезти строптивого сына прямиком к ней. Однако Бен, по всей вероятности, в поисках Лили исчез в папоротниковом лесу, куда шофер, конечно же, не пошел.

— А почему Флоренс так бурно отреагировала на поступок Бена? — поинтересовалась Илейн.

Лилиан еще не вернулась домой, но она не волновалась. Девушка часто уезжала на прогулки, когда отец возвращался домой в автомобиле или одноколке. Кроме того, Илейн ничего не знала об утренней размолвке, случившейся между отцом и дочерью.

И вот теперь Тим появился в обычное время — очевидно, готовый пытать дочь. Он расстроится еще больше, если узнает, что она где-то болтается, вместо того чтобы, как и положено, отправиться под домашний арест. Поэтому Илейн выманила его в сад, чтобы прояснить для себя некоторые подробности случившегося.

— Да, интересно почему? — переспросил Тим. — Наверное, милой Флоренс тоже кто-то наябедничал! Такие слухи разносятся со скоростью лесного пожара! Для меня остается загадкой, почему ты ничего не знаешь.

Илейн пожала плечами. Она предпочитала не говорить мужу, что сегодня после обеда они с Шарлен ходили на чай к мадам Кларисс, владелице борделя. Три женщины поддерживали прежнюю дружбу, но Мэтту и Тиму лучше не знать о слишком личных отношениях между их женами и проститутками. Вечером у мадам Кларисс, конечно же, можно было узнать все сплетни, но днем, когда болтали честные женщины, ночные красавицы еще спали.

— И не сомневаюсь, что Флоренс взволнована по этому поводу еще больше, чем я! — продолжал Тим.

— Еще больше? — усмехнулась Лейни.

— Видишь ли, она только что звонила мне. И если бы огонь и меч можно было передать по телефону, моя контора уже была бы разрушена и обуглилась. По словам ее шофера, наша дочь схватила Бена за волосы и утащила в лес, а там… — Он умолк.

Илейн захихикала.

— Бедный мальчик!

— Лейни, прошу, отнесись к этому серьезно! То, что между нами и Биллерами напряженные отношения, отнюдь не смешно, и Лилиан не стоит усложнять их еще больше. — Тим наконец уселся на один из садовых стульев.

— Но, Тим, что она такого сделала? Если я тебя правильно поняла, Лили познакомилась с мальчиком еще в Кембридже. Оба немного пофлиртовали, и теперь Лили распирает от чувств — случай снова свел их вместе, а такое бывает только в книгах. Ты ведь знаешь ее, она помешана на романтике. Делать из этого трагедию — полнейшая глупость. Напротив,

это лишь заставит ее уделять их общению еще больше внимания.

— Они тайно встречались! — не отступал Тим.

— Среди бела дня за церковью, — усмехнулась Илейн. — Так тайно, что не заметили даже присутствия миссис Тэннер.

— Именно это и настораживает, — проворчал Тим. — Должно быть, они были очень заняты друг другом…

Илейн рассмеялась.

— Это совершенно нормально для юных влюбленных. Поверь мне, лучше всего не обращать на это внимания. А может, вообще признать их дружбу. Если они будут встречаться тайно, то вообразят себя Ромео и Джульеттой. Но если бы Капулетти пригласили маленького Монтекки на ужин, Джульетта быстро выяснила бы, что мальчик думает только о турнирах и что он слишком мечтателен, чтобы, сделав поспешный вывод, сразу заколоть себя.

Тим невольно рассмеялся.

— Капулетти наверняка закончили бы ужин кровавой бойней, — заметил он. — По крайней мере если они такие же, как Флоренс Биллер. Поэтому ей совершенно безразлично, как относимся к этому мы, она ни в коем случае не потерпит этой дружбы. Что же до меня, то я пообещал запретить Лилиан общаться с ее сыном. Строжайшим образом. — Тим с трудом поднялся, наверное, чтобы продемонстрировать свой авторитет.

Илейн закатила глаза и помогла ему. Но все-таки не преминула оставить последнее слово за собой:

— Ну, посмотрим, что из этого получится.

— Я тебя умоляю, Флоренс, что он такого страшного делает?

Калев Биллер всегда старался избегать ссор с женой, но в этом случае собственное поведение показалось ему трусостью. Поэтому сейчас он уже пил второй бокал виски. Первый был, чтобы подбодриться, второй — чтобы продержаться подольше. Впрочем, когда Флоренс ворвалась в салон и начала обвинять их сына Бена, он едва не выронил дорогой хрустальный бокал с не менее дорогим односолодовым. Флоренс Биллер слыла женщиной вспыльчивой, но эта черта проявлялась довольно редко, потому что она умела себя сдерживать. Если же она, несмотря ни на что, безостановочно отчитывала работников, то лишь потому, что считала это необходимым.

В начале своей карьеры управляющей рудником Биллеров ее зачастую не воспринимали всерьез. Деловито-сосредоточенный стиль управления для женщины считался слабостью, хотя, будь шеф мужчиной, это

наверняка сочли бы достоинством. Поэтому Флоренс удалось утвердиться лишь за счет того, что при ней головы стали лететь с плеч при малейшем неповиновении начальству. В какой-то момент это ей начало нравиться. К настоящему времени работники, поставщики и деловые партнеры уже боялись Флоренс. Но, даже выплескивая недовольство и гнев, она внутри сохраняла ледяное спокойствие. «Конторская униформа» Флоренс Биллер — белая блузка и темно-синяя юбка строгого покроя — всегда была свежевыглаженной, и даже в знойные дни на ней не было пятен от пота. Густые каштановые волосы она собирала в тугой пучок, из которого никогда не выпадала даже самая крохотная прядь.

Однако в этот день все было иначе. Бен, старший сын Флоренс, заставил ее раскрыться. Лицо женщины раскраснелось, пучок, собранный на затылке, растрепался, и пряди, которые сейчас обрамляли ее лицо, самым парадоксальным образом делали его мягче. Строгая голубая шляпка перекосилась. Очевидно, она не стала утруждать себя и поправлять ее в конторе перед зеркалом.

— Он встречался с девушкой! — возмущенно говорила она, шагая взад-вперед по комнате. — Вопреки моему недвусмысленному запрету!

Калев улыбнулся.

— Тебя возмутила девушка как таковая или же какая-то определенная девушка? А может, ты недовольна тем, что Бен нарушил твой запрет? — поинтересовался он.

Флоренс сверкнула глазами.

— Все вместе! Он должен выполнять мои указания! А что касается девушки… из всех девушек этого мира его угораздило выбрать именно эту Лилиан Ламберт! Эту наглую маленькую тварь с ее крайне спорным происхождением!

Калев нахмурил лоб.

— Маленькая Лилиан действительно несколько своеобразна, — неопределенно заметил он. На самом деле Калев лишь несколько раз видел девушку и знал ее по рассказам Флоренс, которой приходилось вести с ней переговоры по телефону, причем не очень приятные. — Но разве ты сомневаешься, что она от Тимоти Ламберта?

— Илейн О’Киф — или лучше сказать Лейни Кифер? — была одной из девушек мадам Кларисс. И Лилиан родилась спустя несколько месяцев после свадьбы. Мне нужно добавить что-то еще? — поинтересовалась Флоренс.

Калев вздохнул.

— В этом смысле можно было бы говорить что-то о

происхождении… — пробормотал он. — Но Лейни никогда не была проституткой. Она играла в пабе на фортепьяно, и только. Отцовство Тима в данном случае абсолютно бесспорно.

— Илейн О’Киф застрелила своего первого мужа! — возмутилась Флоренс.

— Это была самооборона, если я ничего не путаю. — Калев терпеть не мог ворошить давние истории. — В любом случае Тим вполне цел. Судя по всему, это не вошло у нее в привычку, и вряд ли это передается по наследству. Кроме того, Бен лишь раз встречался с маленькой Ламберт. Речь ведь не идет о том, чтобы жениться на ней! — Калев налил себе третий бокал виски.

Флоренс нахмурилась.

— Одно ведет к другому, — упрямо заявила она. — Как бы то ни было, он уже вбил ее себе в голову. Вот что я нашла на его столе в конторе. — Она вытащила из кармана листок бумаги. — Он пишет стихи!

Калев взял бумагу, пробежал ее глазами. «Кембриджская роза, моя лодка — твоя, и ждать буду я, тебя вечно любя».

— Что ж, это заставляет задуматься, — заметил Калев, опрокидывая бокал залпом. — Возможно, из него получится хороший лингвист, но литературного дарования я в нем не вижу.

— Калев, не насмехайся! — угрожающим тоном произнесла Флоренс, срывая шляпу с головы. — Мальчик упрям, и я это из него вытрясу! Вместе со стихами. Он научится мыслить, как должно деловому человеку.

Калев потянулся за бутылкой виски.

— Никогда, — храбро произнес он. — Он рожден не для этого, Флоренс. Равно как и я. Он ведь и мой сын тоже…

Флоренс обернулась к мужу. Улыбнулась уродливо оттопыренными губами, и Калев вздрогнул, увидев в ее взгляде то же презрение, которое часто замечал в глазах отца.

— Судя по всему, в этом и заключается корень всех зол! — ядовито заявила она. — Слышишь, дверь хлопнула? Думаю, он пришел домой…

Флоренс прислушалась. Калев ничего не слышал, но жена встала в позу.

— Это он! А теперь я пойду и выбью из него эту маленькую Ламберт! И стихи заодно!

Она бросилась прочь из комнаты.

Калев выпил еще один бокал виски.

— Посмотрим, что из этого получится… — пробормотал он, вспоминая ту давнюю ночь, когда он в первый и последний раз «не ударил

в грязь лицом» с Флоренс…

Самомнение Калева Биллера было на нуле, когда он попросил руки Флоренс Биллер. При этом еще совсем незадолго до этого он отчаянно сопротивлялся самой перспективе заключения брака. Калев не любил женщин. Думая о любви, он представлял себе мужские тела, а возбуждение изведал лишь однажды, когда жил в интернате в Англии. Его другом был сосед по комнате, больше чем другом.

Будучи сыном греймутского предпринимателя, Калев, однако, не питал надежд на то, что сможет идти на поводу у своих предпочтений. Он смирился с жизнью холостяка, хотя знал, что это разозлит родителей. Ведь они надеялись получить наследника рудника Биллера. Однако потом он познакомился с певицей Курой-маро-тини, которая оценила его способности пианиста, композитора и аранжировщика. Вместе они разработали первую программу — «Шепот духов», посетили местные племена маори, изучая их искусство и музыку. Тем временем родители Калева устроили его брак с Флоренс Уэбер, что наполнило молодого человека ужасом и отвращением. Кура и Калев сблизились настолько, что он признался девушке в своих пристрастиях. Калев до сих пор помнил чувство громадного облегчения, когда Кура спокойно восприняла его признание. Прежде чем приехать в Греймут, она путешествовала с ансамблем оперных певцов и танцоров балета по Австралии и Новой Зеландии. И среди людей искусства любовь между мужчинами была, судя по всему, делом обычным. После этого признания Кура разработала план, который должен был позволить Калеву жить свободно. Ведь он тоже музыкант. Если бы он сделал карьеру в качестве пианиста и аранжировщика для выступлений Куры, он смог бы уехать из Греймута и устроить жизнь по своему усмотрению.

Все это звучало заманчиво, но план потерпел поражение из-за робости Калева. Он так волновался перед выступлениями, что совершенно не мог спать даже перед самыми маленькими концертами; когда же впереди маячили крупные проекты, он заболевал. Наконец он сложил оружие перед первым настоящим прорывом. Он бросил Куру и заключил сделку с Флоренс: она удовлетворится фиктивным браком, но при этом будет руководить рудником Биллеров.

Поначалу никто не говорил о том, что Флоренс собиралась передать рудник собственной плоти и крови. Калев приходил в ужас, замечая пристальные взгляды, которые она бросала на сотрудников его конторы и даже шахтеров. Очевидным фаворитом стал ее секретарь, и в самые

мрачные часы Калев, без сомнения, промолчал бы и сделал вид, что ничего не происходит. Но в те первые месяцы после свадьбы он почувствовал себя сильнее. Впервые в жизни на него перестали давить и требовать выполнять работу, которая ему не нравилась. Вместо того чтобы ругаться с руководством рудника, он писал статьи для отраслевых журналов и, к собственному удивлению, снискал славу. Искусство маори было еще совершенно неисследованной областью. Статьи Калева были буквально нарасхват, и после их опубликования в газетах у него началась оживленная переписка с различными университетами Старого и Нового Света. К тому же Кура-маро-тини снискала огромный успех в Европе и по договору переводила ему финансовый эквивалент его доли в этом мероприятии. Впервые в жизни он разозлился. Он держался прямо — и не собирался позволять, чтобы какой-то секретарь рудника наставлял ему рога!

Флоренс Уэбер-Биллер не отличалась чуткостью, чтобы заметить это. Кроме того, с этим, своим первым мужчиной, она позволила себе что-то вроде легкой влюбленности. Это привело к действиям, о которых она впоследствии более чем пожалела. Встречаясь с Терренсом Блумом, Флоренс провожала его стройное, атлетически сложенное тело жадными взглядами, ее глаза горели. И конечно же, Терренс этим пользовался.

Деловые партнеры и поставщики удивились, когда он вдруг стал позволять себе высказывать мнение и делать предложения — и Флоренс не одергивала молодого человека, а принимала его слова как манну небесную. Греймутские сплетники начали поговаривать о них, а Калев неожиданно для себя решил присмотреться к Терренсу. Молодой человек отвечал на его взгляды нагло — будь Флоренс более чуткой, она почувствовала бы нарастающее напряжение, которое, казалось, витало в кабинете, который она тогда еще, для проформы, делила с Калевом.

Однако окончательно страсти накалились в те выходные, которые Калев хотел провести с дружественным племенем маори. Обычно это племя жило в окрестностях Бленема, но в то время маори кочевали. Калев рассчитывал встретить их неподалеку от Пунакаки, однако оказалось, что друзья ждали его уже под Рунангой, то есть гораздо южнее и ближе к Греймуту. Поэтому у Калева не было причин ночевать в палатке после того, как он обменялся подарками с маори, поделился воспоминаниями о прошлых визитах и помузицировал. К этому времени Калев уже играл на нескольких маорийских инструментах и пользовался любой возможностью для того, чтобы получить новую порцию инструкций от *тохунга* племен. Пока они рассказывали, пели и танцевали, по кругу, конечно же, ходила бутылка виски, и Калев был уже не совсем трезв, когда вернулся домой в

довольно позднем часу. Впрочем, слух его все еще работал великолепно, и звуки, доносившиеся из комнаты Флоренс, сложно было понять превратно.

Недолго думая, Калев толкнул дверь. Редко бывало, чтобы его по-настоящему охватывала ярость, но при виде Флоренс в объятиях ее наглого секретаря — здесь, в его собственном доме! — его подогретая алкоголем кровь вскипела. Разумеется, при этом он не стал распускать руки. Калев был джентльменом до кончиков ногтей. Какое-то время он стоял в дверном проеме, словно застыв, а Флоренс, покраснев от стыда, сидела молча. Терренс предпринял попытку заслонить ее собой.

— Мистер Блум, вы немедленно покинете мой дом и мою фирму, — спокойно произнес Калев, хотя внутри все кипело от ярости. — Я не хочу видеть вас в Греймуте. Если же кому-то другому придет в голову нанять вас, я воспользуюсь своим влиянием. Я скомпрометирую вас, поскольку мне, конечно же, придется сказать, что вы решили обогатиться за счет моей семьи. Впрочем, если вы исчезнете немедленно, я не сомневаюсь, что моя жена, конечно же, напишет вам хорошее рекомендательное письмо.

После такой речи Терренс Блум выглядел так же растерянно, как и Флоренс, а потом поспешно вылез из кровати. Калев не удостоил его ни единым взглядом, когда тот прошмыгнул мимо него, прижимая к себе одежду.

— Теперь насчет тебя, Флоренс… — Калев глубоко вздохнул. Это было труднее, и он не знал, сумеет ли действительно довести дело до конца, не выставив себя на посмешище. — Ты любишь этого типа или же речь идет о… воспроизводстве? — Последнее слово он словно плюнул ей в лицо.

Флоренс не позволила себя запугать и посмотрела на мужа с такой же яростью в глазах.

— Ты ведь не станешь отказывать мне в наследнике? — спросила она. — Твой отец, к примеру, был бы очень разочарован, если бы выяснил, что ты… — Она бросила многозначительный взгляд на нижнюю половину тела Калева.

Калев резко втянул воздух через зубы. Вечер с маори удовлетворил его лишь с точки зрения искусства, а другое желание, похоже, только обострилось. Обычно, наблюдая за танцующими военную *хака* мужчинами, он испытывал возбуждение и позже представлял себе одного из бойцов, чтобы удовлетворить себя. И теперь он попытался вообразить разрисованное мускулистое тело танцора, наложив его поверх приземистого тела Флоренс.

— Я не разочарую ни его, ни тебя, — произнес Калев и расстегнул

штаны.

Только бы Флоренс не устроила дискуссию. Если он услышит ее голос… если она будет продолжать оскорблять его…

— Заткнись! — Калев закрыл ладонью рот Флоренс, когда та попыталась что-то сказать, и бросился на нее, заставив лежать тихо с помощью рук и коленей.

Калев пытался сосредоточиться на равномерном ритме *хака*, игре мускулов на теле танцоров… думал о сильных руках мужчин, метавших копья, об их блестящей, покрытой ароматным потом коже… К счастью, Флоренс не душилась, и он смог полностью отдаться своей фантазии. Сначала Калев испытал смутное чувство вины из-за того, что сделал ей больно, но потом отрешился и забыл об этом… Нельзя думать о Флоренс, нельзя… В голове продолжала звучать воинственная *хака*. Он был копьем в руке своего любимого танцора. А потом копье отпустили, чтобы найти цель…

— Мне жаль, — негромко произнес он спустя несколько мгновений.

Флоренс отодвинула его с себя, с трудом поднялась и, покачиваясь, пошла в ванную.

— Я должна извиниться, — произнесла она. — То, что я сделала, было непростительно. То, что сделал ты… Что ж, будем считать, что это был наш долг…

Больше Калев свой долг не исполнял, но теперь Флоренс тщательно следила за своими словами и поступками, не допуская по отношению к мужу бесцеремонности. Спустя несколько недель после той ночи она сказала ему, что беременна, и густо покраснела.

— Конечно же, я не знаю…

Калев кивнул — он давно уже протрезвел и ему было очень стыдно.

— Ты хотела наследника. Будет ли это *мой* наследник, мне все равно.

На протяжении первых месяцев и даже лет Калев и Флоренс, конечно же, не могли прояснить для себя вопрос родословной маленького Бена. Впрочем, мать Калева утверждала уже тогда, что ребенок — копия ее сына. Позднее это стало очевидно. Мальчик не только походил на Калева внешне. Вскоре проявился его мечтательный характер и дух исследователя. Уже в возрасте четырех лет Бен научился читать, и после этого его невозможно было оттащить от отцовских книг. Впрочем, музыка и художественное творчество интересовали его меньше, чем языки. Он с удовольствием зарывался в словари Калева и, словно губка, впитывал фразы на маори.

— Как же разговаривают на Гавайки? — поинтересовался он, когда

ему было шесть лет, у молодого человека с островов Кука, которого случай занес на службу к деловому партнеру Биллеров, и тот кое-что рассказал мальчику о родном языке.

В семь лет Бен до смерти скучал в начальной греймутской школе, и Флоренс поддержала желание мужа послать сына в Англию. При этом Калев рассчитывал на усиленное интеллектуальное развитие мальчика, а Флоренс — на нормализацию. Тихий, весьма впечатлительный мальчик, уже овладевший сложными способами исчисления, отступал перед младшими братьями, когда речь заходила о покупке в магазине сладостей, и ей от этого было не по себе. Сэм, второй сын Флоренс, который, к счастью, гораздо больше походил на нее, чем на молодого штейгера, от которого был зачат, вел себя совершенно иначе. Он дрался и ссорился, как и подобает мальчишке, и, вместо того чтобы проводить параллели между языком маори и другими полинезийскими языками, пытался оторвать лапки вете. Да и третий, Джейк, скорее пошел в мать, хотя сама она видела отчетливое сходство с его отцом, которым на этот раз снова оказался конторский служащий. Впрочем, больше она не отваживалась рисковать. И штейгера, и бухгалтера отправили служить в другие города, как только стало ясно, что Флоренс беременна. Только после этого она призналась Калеву, что снова в положении. И он без лишних слов принимал всех детей.

При мысли о своем родном сыне Калев улыбался. Он не мог винить его за симпатию к Лилиан Ламберт. Напротив, он никогда не испытывал такого облегчения. Ладно, допустим, девушка не та, но все равно именно девушка завоевала сердце Бена. Калев не передал ему по наследству свою злосчастную склонность. Бену никогда не придется бороться с желанием, за которое его будет презирать весь мир.

Пока их родители ссорились и размышляли над ситуацией, Лилиан и Бен рука об руку прогуливались по папоротниковому лесу вдоль реки. Это было не так уж просто, поскольку немногие имевшиеся в лесу тропки вели к идиллическому месту. Но Бену и Лили хотелось, чтобы эта прогулка напоминала им прогулку в Англии, и поэтому романтически настроенные молодые люди упрямо продирались сквозь кусты и довольно густой подлесок. Глаза Лилиан вспыхивали, когда Бен рыцарски помогал ей перебраться через небольшие ямки, которые в обычной ситуации она легко преодолела бы самостоятельно. Маленькая, похожая на кобольда Лилиан увереннее держалась на ногах, чем долговязый Бен. Если не нужно было преодолевать препятствия, оба воодушевленно болтали и строили планы на будущее. Бен заявил, что не очень-то и расстроен из-за своего возвращения

в Новую Зеландию. Университеты в Данидине, Веллингтоне или Окленде представляли гораздо более широкие возможности в плане лингвистических исследований, которые его, собственно, и интересуют.

— Полинезийские языки. В принципе, на каждом острове свой собственный язык, хотя, конечно, есть и родственные связи. Но именно в этом и заключается шанс — если сравнить маори с другими языками, можно, вероятно, определить область, откуда происходили первые поселенцы Новой Зеландии…

Лилиан ловила каждое его слово, хотя почти не говорила на маори. До недавних пор ей было ровным счетом все равно, где находилась легендарная земля «Гавайки». Ее романтичной натуре импонировала история о возвращении на родину через мыс Реинга. Но когда об этом говорил Бен, то, конечно же, имелось в виду нечто другое.

В свою очередь Лилиан рассказала о пребывании в Киворд-Стейшн, где она, несмотря на траур, была счастлива. Ей хотелось бы жить на этой ферме, иметь множество животных и «толпу» ребятишек.

Бен слушал ее, затаив дыхание, хотя особенно не любил ни кошек, ни собак и всякий раз внутренне боролся с собой, когда приходилось садиться в седло. Автомобили нравились юноше гораздо больше, хотя до сих пор ему еще не доводилось сидеть за рулем. А маленькие дети? Они с их плачем и возней казались ему скорее обузой. Но если Лилиан мечтает о жизни на ферме, это, конечно, нечто совершенно другое.

Она написала подруге в Англию длинное письмо, в котором рассказала, как много общего у них с Беном, а Бен в новом стихотворении запечатлел встречу родственных душ.

3

К ужину Гвинейра МакКензи переоделась. С недавних пор она стала охотно принимать помощь своих служанок из маори. События последних недель сказались на ее здоровье не лучшим образом, и если еще недавно Гвинейра почти не чувствовала возраста, то сейчас ей казалось, что она слишком устает, чтобы надевать корсет и сменять повседневную одежду на элегантный костюм. Однако в этот день она все же сделала это, хотя, вообще-то, не понимала, почему придерживается этой традиции, которую в молодости считала обременительной и непрактичной. В конце концов, ей придется разделить трапезу со своим несчастным сыном, который погружен в себя, ни на кого не обращает внимания и на вопросы отвечает односложно. Глядя на отчаявшегося Джека, Гвинейра чувствовала, как у нее снова и снова разрывается сердце. Она тоже горевала, скучая по Джеймсу; он был ее вторым «я», ее зеркалом, ее тенью. Она смеялась и ссорилась с ним, а с тех пор как они наконец-то стали жить вместе, они не расставались ни на день. Но потерю Джеймса она пережила. Он был на несколько лет старше Гвинейры и за последние годы сильно сдал. Шарлотта же… Джек надеялся прожить с ней долгую жизнь. Они хотели иметь детей, строили планы… Гвинейра прекрасно осознавала, почему Джек так безутешен.

Она закусила губу, когда служанка застегнула последние пуговицы на платье. Иногда она даже почти злилась на свою невестку. Конечно, Шарлотта была не виновата в своей болезни. Но решение, принятое ею в одиночку на мысе Реинг, было неожиданным. Она слишком резко оторвалась от Джека. У него не было времени попрощаться, привыкнуть к мысли, что он потеряет Шарлотту. С другой стороны, Гвинейра понимала предпринятый Шарлоттой шаг. Она тоже предпочла бы быструю смерть долгому мучительному умиранию, которое предстояло молодой женщине.

Вздохнув, она позволила Ваи набросить ей на плечи черную шаль. Со дня смерти Джеймса Гвинейра носила траур — вот еще один обычай, которого она придерживается, хотя это, в принципе, не имеет смысла. Ей необязательно было демонстрировать свои страдания. Джеку было все равно; сам он сразу же, как только закончились похороны, снова стал одеваться, как и обычно. А маори значения траурных одеяний и вовсе не понимали.

— Можно я пойду, мисс Гвин? Кири ждет меня на кухне… — Ваи

могла не спрашивать, но она была новенькой и немного робела. Длительный траур и мрачная атмосфера в доме еще больше лишали ее уверенности в себе.

Гвинейра кивнула девушке и заставила себя приветливо улыбнуться.

— Конечно, Ваи. Большое спасибо. И если пойдешь сегодня вечером домой, возьми с собой пару семенных картофелин для Ронго. Ее чай-снотворное очень помог мне.

Девушка кивнула и выскользнула из комнаты.

Маори… Гвинейра с теплотой думала о живущем в Киворд-Стейшн племени нгаи таху. Даже Тонга, вожак и ее вечный противник, с недавних пор вызывал у нее симпатию. После смерти Джеймса он помог ей решить безнадежную дилемму — вопрос о месте погребения.

Как и на любой крупной ферме, расположенной в стороне от городов, в Киворд-Стейшн тоже было семейное кладбище. Там были похоронена жена Джеральда Уордена, Барбара, рядом с ней — сам Джеральд, основатель Киворд-Стейшн, и, наконец, Пол, его сын. Для Лукаса Уордена, первого мужа Гвинейры, была заказана мемориальная доска. Однако Джеймс МакКензи не был Уорденом, равно как и Шарлотта, и внутри у Гвинейры все восстало против того, чтобы хоронить их обоих рядом с основателем фермы. Гринвуды просили похоронить их дочь в Крайстчерче, и Джек безвольно согласился.

А Джеймс… Джеральд Уорден преследовал своего бывшего старшего мастера как скотокрада. Он был бы вне себя, если бы узнал, что именно Джеймс — отец его первой внучки, Флёретты. Гвин показалось неправильным, что они в смерти будут лежать рядом, а энергии на то, чтобы определить второе место для погребения на ферме, у нее не было.

Слишком подавленная, чтобы даже думать об этом, она неохотно приняла Тонгу, пришедшего выразить соболезнования от имени всех нгаи таху. Как обычно, явившись с визитом к Гвинейре, глава племени был одет в традиционную одежду вождя. Западные наряды он всегда презирал. Впрочем, в качестве исключения он решил отказаться от эскорта и томагавка, который принято было носить с собой в подобных случаях. Вместо этого он поклонился ей и вежливо, на безукоризненном английском языке выразил свои соболезнования. А потом Тонга заявил, что им нужно обсудить еще кое-что важное.

Теперь Гвинейра со стыдом вспоминала свое тогдашнее неудовольствие. «Возможно, — подумала она, — опять какие-нибудь территориальные претензии или неприятности с овцами в том месте, которое вот уже на протяжении трех сотен лет считалось *many*,

неприкосновенным и освященным, и Тонга выяснил это только сейчас…»

Но вождь удивил ее.

— Вы знаете, мисс Гвин, — заметил он, — что для моего народа очень важно держать духов семьи вместе, а также настраивать их на миролюбивый лад. Подходящее место для могилы очень важно для нас, и мистер Джеймс знал это. Поэтому он получил нашу поддержку, когда некоторое время назад обратился к старшинам наших племен с особой просьбой. Она касалась *урупа*, места для его захоронения… а позднее для вас и вашего сына…

Гвинейра нервно сглотнула.

— Если вы не возражаете, мисс Гвин, то местом для могил станет «круг каменных воинов», как вы его называете. Мистер Джеймс сказал, что это священное место имеет для вас особое значение…

После этих слов Гвинейра густо покраснела и едва не расплакалась в присутствии вождя. Скопление камней посреди пастбища, которое действительно образовывало круг, много лет было их местом встречи и любовным гнездышком. Гвинейра не сомневалась в том, что ее дочь Флёретта была зачата именно там.

Взяв себя в руки, она все же сумела с достоинством поблагодарить Тонгу, и спустя несколько дней Джеймса похоронили между камней. На похоронах присутствовали члены семьи и все племя маори. Гвинейра была только «за». Траурная *хака* маори гораздо больше понравилась бы Джеймсу, чем оркестр камерной музыки, игравший на похоронах Шарлотты в Крайстчерче. Вероятно, Шарлотта выбрала бы то же самое, но Джек был не в состоянии организовать ничего подобного. Он предоставил организацию похорон Гринвудам и во время траурного торжества был практически невменяем. Сразу после этого он вернулся в Киворд-Стейшн, где полностью предался горю.

Гвинейра и друзья Джека из погонщиков скота пытались подбодрить его или хотя бы чем-нибудь занять, но все их усилия были тщетны. Даже если молодой человек делал то, о чем его просили, казалось, что он действует в полусне. Если нужно было принимать решения, Гвинейра принимала их вместе с заместителем мастера, Маакой. Джек говорил только тогда, когда ему приходилось это делать; он почти не ел и большую часть времени проводил за размышлениями в комнатах, которые делил вместе с Шарлоттой. Он отказался пересмотреть ее вещи и раздать их. Однажды Гвинейра застала его в постели в обнимку с платьем Шарлотты.

— Ее запах еще остался… — смущенно произнес он.

Гвинейра молча удалилась.

Тем больше удивилась она этим вечером, когда увидела, что он вышел к ужину одетый не как обычно — в рабочие штаны и промокшую от пота рубашку, — а тщательно выбритый и в чистой домашней одежде. Впрочем, не далее как вчера она мягко пожурила его за то, что он совсем не следит за собой.

— От этого лучше не будет, Джек! Неужели Шарлотте понравилось бы смотреть, что ты страдаешь, словно пес?

Санди, старая собака Джеймса, и Нимуэ Глории лежали у камина. Когда Гвинейра вошла в комнату, они вскочили и бросились к ней. Гвин с тоской подумала о том, что она давным-давно перестала воспитывать собственных колли. Да и Джек тоже… И она решила навязать ему щенка из следующего помета.

— Мама… — Джеймс поправил ее стул. Он выглядел хорошо в легком летнем костюме. — Мне нужно кое-что обсудить с тобой.

Гвинейра улыбнулась.

— Это нельзя отложить после ужина? Насколько я вижу, сегодня ты оделся празднично, и я предпочла бы насладиться временем с тобой. Вы отправили ребят с последними овцами?

Стоял ноябрь, и перегон скота в горы уже прошел. Но нескольких овцематок, которые поздно ягнились, а также отставших и ослабевших за зиму животных Гвинейра решила подержать под присмотром еще некоторое время. И теперь пастухи ушли с ними в предгорья Альп — и заодно сменили двух маори, которые погнали основную часть стада и которые для присмотра за скотом жили в горной хижине.

Джек кивнул. Тем временем Ваи уже накрыла на стол, но он ничего не ел, лишь гонял еду по тарелке.

— Да, — наконец произнес Джек. — Честно говоря, мама, я серьезно раздумывал над тем, чтобы самому пойти с овцами. Я больше не выдержу. Я пробовал, но у меня не получается. Все здесь, каждый уголок, каждый предмет мебели, каждое лицо напоминает мне о Шарлотте. И я этого не вынесу. У меня нет сил. Ты сама говорила, что я себя запустил… — Джек нервно провел рукой по своим темно-рыжим волосам. Было видно, что говорить ему тяжело.

Гвинейра кивнула.

— Я прекрасно понимаю, — мягко сказала она. — Но что ты собираешься делать? Мне кажется не лучшей идеей становиться отшельником и жить в горах. Может, тебе навестить Флёретту и Рубена и провести у них несколько недель…

— И помочь им с универмагом? — криво усмехнулся Джек. — Не

думаю, что у меня к этому талант. И даже не заикайся про Греймут! Я люблю Лейни и Тима, но в шахтеры я не гожусь. И не хочу быть никому обузой, я хочу приносить пользу… — Джек закусил губу, затем вытянулся. — Короче говоря, мама… нет смысла ходить вокруг да около. Я вступил в АНЗАК.

Джек глубоко вздохнул, ожидая реакции.

— Куда? — переспросила Гвинейра

Джек потер лоб. Все получалось сложнее, чем он ожидал.

— В АНЗАК. Австралийский и Новозеландский армейский корпус…

— В армию? — Гвинейра испуганно ловила его взгляд. — Ты шутишь, Джек. Сейчас идет война!

— Именно, мама. Нас пошлют в Европу. Это заставит меня отвлечься.

Гвинейра яростно сверкнула глазами.

— Это уж точно. Когда у тебя будут свистеть пули над головой, тебе трудно будет думать о Шарлотте! Ты в своем уме, Джек? Решил убить себя? Ты ведь даже не знаешь, за что они там сражаются!

— Колонии пообещали матери-Англии безграничную поддержку… — сказал Джек, теребя салфетку.

— Политики только и делают, что несут чушь!

По крайней мере ему удалось вывести Гвинейру из траурной летаргии. Она сидела выпрямившись, глаза ее метали молнии. Пряди ее седых, а когда-то огненно-рыжих волос выбились из строгой прически.

— Ты понятия не имеешь, что происходит на этой войне, но собираешься идти туда, чтобы убивать совершенно незнакомых людей, которые ничего тебе не сделали! Почему бы тебе не броситься сразу со скалы, как Шарлотта?

— Речь идет не о самоубийстве, — выдавил Джек и запнулся. — Речь идет о… о…

— Речь идет о том, чтобы искушать Господа, да? — Гвинейра встала и подошла к шкафу, где уже на протяжении многих десятилетий стояли запасы виски. У нее совершенно пропал аппетит, и ей нужно было что-то покрепче столового вина. — В этом-то и дело, верно, Джек? Ты хочешь посмотреть, сколько продержишься, прежде чем дьявол заберет тебя. Но это же глупость, и ты это знаешь!

Джек пожал плечами.

— Мне жаль, но ты не переубедишь меня, — спокойно произнес он. — Да это и невозможно. Я уже подписал обязательства…

Гвинейра наполнила бокал и снова повернулась к сыну, теперь в глазах ее читалось отчаяние.

— А как же я? Ты бросаешь меня совсем одну, Джек!

Джек вздохнул. Он думал о матери, снова и снова оттягивая принятие решения, чтобы не причинить ей боли. Он по-прежнему надеялся на возвращение Глории. Сейчас девочка путешествовала с родителями по Америке, но должна же Кура наконец понять, что девушка совершенно не годится в качестве аккомпаниатора. Последние письма Глории, впрочем, как и всегда, были совершенно ничего не значащими, но Джеку казалось, что он читает между строк, чувствуя ее отчаяние и разочарование:

Нью-Йорк огромен. В нем можно заблудиться. Я ходила в несколько музеев, там были выставки полинезийского искусства. У них есть томагавки маори. Мне хотелось бы, чтобы война в Европе поскорее закончилась…

Новый Орлеан — Мекка для всех тех, кто любит музыку. Мои родители наслаждаются городом. Мне не нравится жара, кажется, что все постоянно влажное. У вас сейчас зима…

Я много работаю, я должна аккомпанировать танцовщицам на фортепьяно. Но мне больше нравится помогать Таматее гримировать труппу. Один раз она разрисовала меня. Я была похожа на девушку-маори из нашего племени в Киворд-Стейшн…

Это нельзя было назвать восхищением. Ей не нравилось путешествовать, и Уильям с Курой должны будут однажды понять это. Джек надеялся, что вскоре они отошлют Глорию домой, тогда у Гвинейры появится новый смысл жизни. Сам он чувствовал, что не в состоянии поставить мать на ноги. Джек хотел уехать, и ему было все равно куда.

— Мне жаль, мама. — У Джека появилось желание обнять Гвинейру, но он так и остался сидеть на своем месте. — Это продлится недолго. Говорят, война закончится через несколько недель, и тогда я смогу… тогда я, возможно, немного посмотрю Европу. А пока что я должен ехать в Австралию. Флот стоит в Сиднее. Тридцать шесть кораблей, мама. Самый большой конвой, который когда-либо пересекал Индийский океан…

Гвинейра опрокинула в себя бокал виски. Великий конвой был ей безразличен, равно как и война в Европе. Она просто чувствовала, как

рушится ее мир.

Роли О’Брайен помогал своему господину переодеться к ужину. Обычно в доме Ламбертов это было не принято; ужин в семейном кругу не предполагал каких-то особых требований к одежде. Но в этот вечер в «Гранд отеле» должно было состояться совещание владельцев местных рудников с представителями Новозеландской железнодорожной корпорации. Его решили провести после торжественного ужина, на который были приглашены также и дамы. После трапезы мужчины должны были удалиться, чтобы поговорить о необходимых переменах, вызванных военными действиями, особенно об увеличении количества шахтеров на местах и возможных совместных транспортных регламентациях. К этому времени рудники заметно разрослись, и теперь требовались дополнительные железнодорожные вагоны и специальные поезда, чтобы перевозить уголь в морские порты на восточном побережье. Тим уже с улыбкой думал о том, как удивятся представители железнодорожной компании, когда Флоренс Биллер не только присоединится к мужчинам, но еще и попытается диктовать свои правила. Оставалось надеяться, что она будет действовать осмотрительно.

После истории с Лилиан и Беном отношения между Ламбертами и Биллерами значительно ухудшились. Флоренс, похоже, считала Тима лично ответственным за то, что Бен по-прежнему писал стихи, вместо того чтобы всерьез заниматься делами рудника. Тиму было интересно, приведет ли Флоренс сына с собой. Может быть, вместо своего мужа, который не любил общественных ужинов. Как бы то ни было, Ламберты решили на всякий случай оставить Лилиан дома. Девушка дулась уже целый день.

Роли О’Брайен был молчалив. Долговязый молодой человек обычно не оставлял без своего внимания ничего, что попадалось ему на глаза, и, когда он брал выходной, как сейчас, ему было что рассказать Тиму, который весь день был занят в конторе.

Наконец Тим заметил его молчаливость.

— Что случилось, Роли? Ты так расстроен после выходного. Поссорился с Мэри? Или что-то случилось с твоей матерью?

— С моей мамой все в порядке… — нерешительно произнес Роли. — С Мэри тоже. Просто… Мистер Тим, как вы думаете, вы сможете обойтись без меня пару недель?

Роли смотрел на Тима с надеждой. Он только что помог ему надеть жилет и теперь держал наготове пиджак. Тим не спешил с ответом.

— Ты решил поехать в отпуск, Роли? — с улыбкой поинтересовался

он. — Неплохая идея, у тебя обычно не больше одного выходного дня с тех самых пор, как ты работаешь на меня. Но почему так внезапно? И куда собираешься отправиться? Может быть, ты планируешь свадебное путешествие?

Роли густо покраснел.

— Нет, нет, я даже еще не спрашивал Мэри… я хотел сказать, что… ну, прежде чем жениться, ребята говорят, нужно кое-что повидать в жизни…

Тим нахмурился.

— Какие ребята? Бобби и Грег с рудника? Что такого великого они собираются пережить, прежде чем пойти к алтарю со своими Брайди или Кэрри?

Он встал, оглядел себя в зеркале гардеробной. Как обычно, шины мешали. А ведь ему нужно встретиться с незнакомыми людьми, представителями железнодорожной компании. Они будут смотреть на него… и на Флоренс Биллер. Калека и женщина… В принципе, стоит быть благодарным ей за то, что она отвлечет на себя хотя бы часть всеобщего внимания.

— Бобби и Грег идут в армию, — заявил Роли, смахивая пылинки с пиджака Тима. — Может быть, побрить вас, мистер Тим? С утра у вас прорезалось несколько щетинок…

Тим испуганно поглядел на слугу.

— Мальчишки записались в АНЗАК? Только не говори, что ты тоже собираешься сделать что-то подобное, Роли!

Роли виновато кивнул.

— Собираюсь, мистер Тим. Я… я… мама говорит, что я поторопился, но ребята не отставали. В любом случае… я подписал…

Он потупился. Тим рухнул на стул.

— Роли, боже мой! Но ведь мы можем все отменить! Если я пойду в рекрутерскую контору и четко объясню им, что без твоей помощи не способен управлять рудником…

— Вы сделаете это ради меня? — Казалось, Роли был по-настоящему тронут.

Тим вздохнул. Ему была противна сама мысль о том, чтобы спорить с какими бы то ни было военными и признаваться в своей слабости.

— Конечно. И ради твоей матери. Рудник Ламбертов лишил ее мужа. Поэтому я, наверное, обязан как следует позаботиться о ее сыне.

Отец Роли О’Брайена погиб во время обвала в руднике Ламбертов.

Роли переступил с одной ноги на другую.

— Если я… а если я ничего не хочу менять? Ну… то есть забирать

назад заявление?

Тим снова вздохнул.

— Присядь-ка, Роли, нам нужно обсудить это…

— Но, мистер Тим, ваш ужин. Мисс Лейни будет ждать…

Тим энергично покачал головой и кивнул на второй стул, стоявший в комнате.

— Моя жена не умрет от голода, а ужин может начаться и без нас. Но вот отправить тебя на войну… Как тебе вообще в голову пришла столь глупая мысль? Лично тебе хоть один немец, австриец или венгр, или в кого тебе там придется стрелять, хоть что-нибудь сделал плохого?

Роли закусил губу.

— Конечно нет, мистер Тим, — ответил он. — Но отчизна зовет… Грег и Бобби…

— Тут скорее зовут Грег и Бобби, чем отчизна! — заметил Тим. — Боже мой, Роли, я же знаю, что ты вырос с этими ничтожествами. Ты называешь их друзьями, а ведь Мэтт Гавейн от них не в восторге, они пьют больше, чем работают. Мы держим их только потому, что нам не хватает рабочих, но расстанемся с ними без сожаления. Неудивительно, что их тянет на приключения, — армия гораздо почетнее, чем увольнение! Тебе необязательно участвовать в этом, Роли! У тебя надежная работа, тебя все ценят, а такая хорошая девушка, как Мэри Флаэрти, ждет, когда ты попросишь ее руки…

— Они говорят, что я не мужчина! — с горечью вырвалось у Роли. — Медбратья или «теплые братья» — для них нет особой разницы…

Роли всегда с честью носил прозвище «медбрат», которым наградили его шахтеры, когда после несчастного случая он на протяжении многих месяцев ухаживал за Тимом. Но, наверное, насмешки сделали свое дело. Работа медбрата или слуги при хозяине среди крепких ребят Западного побережья считалась, конечно же, делом унизительным.

— Неужели из-за этой чуши ты собираешься рисковать жизнью? — разозлился Тим. — Роли, это не просто безобидное приключение, это война! Там стреляют… ты хоть раз держал в руках оружие? И как реагирует на это твоя мать?

Роли пожал плечами.

— Она возмущается. Говорит, что вообще не понимает, почему мы там сражаемся, на нас же никто не нападал. Поэтому мне следует оставаться на своем месте. Но она не понимает! — заявил он. — Она всего лишь женщина…

Тим потер ладонью лоб. Он с большим уважением относился к

решительной миссис О’Брайен, которая сама растила детей. Женщина работала в швейной мастерской и при этом ловко обращалась с новомодными швейными машинками, достойно конкурируя со всеми швеями и портными округи. В принципе, он вполне разделял ее точку зрения: если правительство не способно объяснить своим гражданам в лице таких, как миссис О’Брайен, необходимость участвовать в этой войне, то лучше вообще отказаться от мобилизации. Тим благодарил судьбу за то, что его собственные сыновья еще слишком маленькие, чтобы ввязаться в эту авантюру.

— Каково будет твоей матери, Роли, если ты погибнешь? Ведь ей придется хоронить тебя! — резко произнес Тим. — При условии, что Англия удосужится отправить погибших новозеландцев домой. Вероятно, хоронить будут прямо во Франции…

— Я никогда еще не был во Франции! — упрямо заявил Роли. — Вам легко говорить о приключениях… Вы уже везде побывали в Европе. А мы? Мы отсюда никуда не уезжали. А в армии хоть чужие страны посмотрим…

Тим схватился за голову.

— Это они вам сказали? В рекрутерской конторе? Да они там спятили! Война — это не развлекательное путешествие, Роли!

— Война продлится недолго! — запальчиво воскликнул Роли. — Они говорят, что всего пару недель. И сначала мы будем в тренировочном лагере, скорее всего в Австралии. Вполне возможно, что к тому времени, когда мы подготовимся, война уже закончится.

Тим покачал головой.

— Ах, Роли… — вздохнул он. — Жаль, что ты не поговорил со мной раньше. Конечно, я точно ничего не знаю, но мы, горнодобывающая промышленность… мы готовимся к многолетней войне, Роли. Поэтому, пожалуйста, будь разумнее! Послушайся миссис О’Брайен и свою Мэри. Она задаст тебе перцу, когда ты ей об этом скажешь! Завтра я воспользуюсь своими связями, и тебя освободят от договорного обязательства. Поверь мне, у нас получится!

Роли покачал головой. Казалось, он слегка протрезвел, но по-прежнему был преисполнен решимости.

— Я не могу так поступить, мистер Тим. Если я подожму хвост, мне здесь житья не дадут. Не делайте этого, мистер Тим!

Тим понурился.

— Ну ладно, Роли, я как-нибудь буду справляться без тебя. Но не вечно, ты понял? Ты обязательно выживешь, вернешься и женишься на своей Мэри. Это понятно?

Роли усмехнулся.

— Обещаю!

4

Люди стояли вдоль дорог, махали руками и радостно приветствовали солдат, которые шли к гавани довольно нестройными рядами по шесть человек. Данидин приветствовал Четвертую новозеландскую пехотную дивизию; сегодня же днем транспортник должен был отправиться в Олбани, западную Австралию. Роли О’Брайен, Грег Макнамара и Бобби О’Мэлли, довольные собой, маршировали в третьем ряду. Юноши были горды, как никогда в жизни. Смеясь, они ловили цветы, которые бросали им девушки Данидина, и прикрепляли к своей новой униформе.

— Ну, я же говорил тебе, что это будет здорово! — возбужденно повторял Грег, толкая Роли.

Все трое были уже немного навеселе.

Бобби принес на пункт сбора бутылку виски, и новобранцы тут же пустили подбадривающее средство по кругу. Лейтенант, командовавший отрядом, запретил алкоголь, но свежеиспеченных солдат это не волновало. Большинство из них привыкли к выпивке. Почти никто из призывников не учился ремеслу и не имел постоянного места работы. По большей части все пытались разбогатеть на приисках.

— Что ж, по крайней мере у вас будет возможность научиться рыть окопы, — вздохнул лейтенант, успевший расспросить новичков об их особых умениях.

Роли, конечно, мог бы рассказать о своем опыте ухода за больным, но воздержался. Только не выделяться! До сих пор он чувствовал себя в отряде прекрасно. Шедшие впереди ребята как раз попытались затянуть песню, но в голову ничего не приходило. Четыре разные группы начали разные песни, прежде чем все подхватили «It’s a long way to Tipperary».

— А мы сразу на борт или еще зайдем в ближайший паб? — поинтересовался Бобби.

Он был самым младшим из троих, и его восхищала возможность получить новый опыт и увидеть новые страны. Для Грега и Бобби даже поездка в Отаго была чем-то необыкновенным. Роли относился к этому спокойнее. Он много путешествовал с Ламбертами, знал весь Южный остров и даже был с Тимом в Веллингтоне, на Северном острове. Поэтому теперь проявил свои познания.

— Корабль ждать не будет, Боб! И в армии в пабы не ходят. Ты ведь слышал, что сказал лейтенант: сейчас мы отправляемся в Австралию, а потом во Францию, а там нас будут муштровать.

— Муштра — это звучит не очень! — захихикал парень, шедший за ними. — Вот, хотите глоточек? Сам гнал! — И он передал бутылку вперед.

В порту тоже было полно людей, которые хотели попрощаться с героями. Лишь очень маленькая часть их состояла из родственников — немногие пришедшие сюда матери и жены больше плакали, чем ликовали. В основном же в порт пришли те, кто хотел посмотреть, как отчалит корабль с новозеландскими мужчинами, отправляющимися на поиски приключений. Они восхищались сверкающими значками Новозеландских экспедиционных сил, армии Новой Зеландии, красовавшимися на широкополых шляпах рекрутов, и время от времени кричали «Ура!» — в адрес Великобритании и оскорбления — в адрес Германии, а рекруты весело отвечали им.

Посадка на корабль казалась настоящим праздником. Несмотря на то что корабль был переполнен пассажирами, а в каютах было слишком тесно, Роли и его друзьям это нисколько не мешало. Из-за того, что не все поместились на палубе, чтобы помахать на прощание провожающим, некоторые сели и принялись болтать ногами над водой. В какой-то момент Роли успел удержать Бобби, пьяного от волнения и дешевого виски, от падения в воду.

Джек МакКензи не принимал участия в толчее. Он молча шел в одном из последних рядов, но на ликующих людей не смотрел. Оказавшись втянутым в эту круговерть, он уже почти жалел о том, что решил присоединиться к войску. Он собрался идти на войну, а все, что сейчас происходило вокруг него, больше напоминало ярмарочную площадь. Пока остальные слушали приветственные крики во время отправления корабля, он складывал свои немногочисленные пожитки в предусмотренном для этих целей узком шкафу. Возможно, вступать в пехотную дивизию было ошибкой. Гвинейра была вне себя.

— У тебя же есть лошадь, Джек! И отличное воспитание. В кавалерии ты мог бы быстро дослужиться до офицера. Моя семья… — Гвинейра умолкла. Нет смысла рассказывать Джеку о военном опыте своих валлийских предков. Силкхэмы принадлежали к числу поместной знати, их сыновья никогда не были простыми солдатами.

— Мама, я не потащу Анвила на войну! — возмущенно ответил Джек. — Тысячи миль на судне! Чтобы его там, не дай бог, пристрелили?

— Думаешь, ты не имеешь права тащить Анвила на войну? —

растерялась Гвинейра. — Ты боишься за лошадь, Джек? А сам…

— Моя лошадь — не доброволец, — заметил Джек. — Она никогда не выказывала желания присоединиться к армии. Поэтому мне кажется нечестным забирать ее с выгона и отправлять во Францию. Кроме того, мы живем не в Средние века. Эту войну решают пулеметы, а не кавалерия.

Наконец Гвинейра умолкла. Но теперь Джек вынужден был согласиться, что мать была права. Было бы здорово иметь рядом черного мерина-коба. У Анвила был спокойный и достаточно приветливый характер; даже на протяжении последних кошмарных недель Джеку становилось легче рядом с ним. Равно как и с Нимуэ — но теперь собака будет составлять компанию матери. Да и Глория наверняка скоро вернется.

Джек рухнул на койку. Он застолбил себе нижний ярус. В примитивных отсеках, в которые загнали по девять человек, поставили три сколоченные на скорую руку трехъярусные кровати. Они не вызывали у Джека особого доверия, и он надеялся, что над ним не уляжется какой-нибудь тяжеловес.

Но уснуть он не смог. Вскоре после того, как судно отчалило и Джек закрыл глаза в надежде уснуть под шум работающих двигателей, кто-то или что-то покатилось по лестнице. Два парня, один — приземистый молодой человек со светло-русыми волосами, а другой — долговязый с темно-рыжими кудрями, поддерживали третьего, который с трудом ворочал языком.

— Не могла же у него так быстро начаться морская болезнь, Роли? — спрашивал светловолосый.

Кучерявый закатил глаза.

— Да он просто пьян в стельку! Помоги-ка мне поднять его на второй этаж. Надеюсь, он не будет блевать…

Джек тоже на это надеялся. Ребята уложили своего друга не прямо над ним, но рядом.

— Он уже… да и выглядит как-то не очень… — Светловолосый заметно нервничал.

Кучерявый деловито нащупал у своего друга пульс.

— Ах, да все с ним в порядке, ему просто нужно проспаться, — спокойно произнес он. — У нас есть вода? Когда проснется, у него будет страшный сушняк.

— Бочонки с водой в коридоре, — заметил Джек.

Кучерявый вежливо поблагодарил и внимательно посмотрел на Джека.

— Мы не знакомы?

Джек вгляделся в него, смутно припоминая эти юные черты и

несколько простодушный взгляд серых глаз. Где-то он уже видел этого молодого человека, но не на ферме. Он…

— Ты из Греймута, верно? — спросил он.

Роли О’Брайен кивнул и, в свою очередь, принялся рыться в воспоминаниях.

— Вы мистер Джек! Кузен мисс Илейн. Вы были у нас в гостях пару лет назад. С женой! — просиял Роли.

А Джек снова испытал боль при воспоминании об этом. Свадебное путешествие в Греймут, их пребывание у Ламбертов…

Мальчик был у них слугой, теперь он вспомнил. Кажется, он был приставлен к Тиму Ламберту, ухаживал за ним.

— Неужели ты так просто бросил своего господина? — спросил он, чтобы отвлечься от мыслей о Шарлотте.

Роли кивнул.

— Пару недель он без меня продержится! — беспечно отмахнулся он. — Вероятно, лучше, чем ваша жена без вас! — Он усмехнулся. Юноша и раньше не выказывал особого уважения, но бестактным не был. Улыбка исчезла сразу же, едва он увидел, как исказилось лицо Джека.

— Я что-то… я что-то не то сказал, сэр?

Джек сглотнул и покачал головой.

— Моя жена недавно умерла, — тихо произнес он. — Но ты не мог знать… Как тебя зовут, кстати?

— Роли, мистер Джек. Роланд О’Брайен, но все называют меня Роли. И мне очень жаль, мистер Джек… правда. Простите…

Джек отмахнулся.

— Просто Джек, прошу тебя. Забудь слово «мистер» и тем более «сэр». Я рядовой МакКензи…

— А я рядовой О’Брайен. Волнующе, правда, сэр? Рядовой О’Брайен! Все это вообще очень волнующе. — Роли сиял.

Его светловолосый друг тем временем вернулся с ведром, которое поставил рядом с кроватью.

— А это рядовой Грег Макнамара, — представил Роли. — А второй — Бобби О’Мэлли. Он обычно не такой молчаливый, мистер Джек. Просто слишком напраздновался. — Он повернулся к товарищу: — Ты только представь себе, Грег, это Джек МакКензи с равнины. Кузен мисс Илейн. — Весело болтая, Роли выудил из своих вещей котелок и кружку, наполнил кружку для Бобби и поднес ее к губам парня. Кроме того, намочил платок и положил ему на лоб.

Джек, наблюдая за ним, задумался, почему этот парень не

завербовался санитаром. Роли очень профессионально обходился со своим опьяневшим дружком и даже бровью не повел, когда Бобби еще раз стошнило, к счастью, в ведро.

Однако вскоре вся эта возня надоела Джеку. И запах рвоты, и незамутненная веселость молодых людей вызывали раздражение. Он пробормотал что-то насчет того, чтобы «подышать свежим воздухом», и отправился на палубу, где все еще продолжался праздник. Молодой лейтенант, командовавший отрядом, тщетно пытался призвать людей к порядку.

Джек пошел на корму и бросил последний взгляд на удаляющееся побережье Новой Зеландии. «Земля белых облаков»… Сегодня она была не в тумане. Но первые каноэ маори все равно пришли с другой стороны. Гавайки… Джек пытался не думать о Шарлотте, но ничего не получалось. Он знал, что когда-нибудь перестанет тосковать по ней каждую секунду дня, каждый удар своего сердца. Но пока что выхода не было. Джек мерз.

Первая ночь на борту импровизированного военного транспорта — обычно «Великобритания» перевозила путешественников в Европу, но сейчас даже каюты первого класса были переоборудованы под самые простые квартиры — показалась Джеку адской. Все его товарищи по каюте были нетрезвы, и некоторые из них каждые пару минут вставали и брели на палубу, чтобы помочиться. Другие спали глубоким сном, храпели и свистели на все лады. Джек не мог сомкнуть глаз и спозаранку сбежал на палубу, попав прямо в объятия раздосадованного лейтенанта.

— Да здесь же просто свинарник! — возмущался тот, и Джек не мог не согласиться с ним.

Состояние, в котором находилась палуба, являло собой яркое свидетельство вчерашних прощальных оргий: воняло мочой и рвотой, рядом с лужами различных телесных жидкостей лежали пустые бутылки и остатки еды.

— И это называется рекруты! Никогда не видел более недисциплинированной толпы…

Лейтенант говорил с английским акцентом. Судя по всему, его прислали с родины, чтобы он занимался обучением «киви». Джеку было почти жаль его. Молодой офицер наверняка умел муштровать солдат, но, похоже, он только что окончил военную академию. Большинство его подчиненных было старше и опытнее его.

— Нельзя сказать, что эти мальчишки представляют цвет новозеландской молодежи, — криво усмехнулся Джек. — Но на фронте

они обязательно проявят себя. Они привыкли пробиваться…

— Вот как? — язвительно переспросил офицер. — Чудесно, что вы поделились со мной своими всеобъемлющими знаниями о своих соотечественниках. Сами вы, конечно же, гораздо лучше, рядовой…

— МакКензи, сэр. — Джек вздохнул. Про «сэра» он совсем забыл. И вот теперь все неудовольствие молодого человека выплеснется на него. — Нет, сэр, я ни в коем случае не считаю себя лучше других. — Джек хотел сказать что-то еще про свой опыт общения с молодыми людьми, ищущими приключений, которые подрабатывали в Киворд-Стейшн погонщиками скота, но отказался от этой мысли и закусил губу. Только не делать вид, что он — всезнайка!

Несмотря на попытку задобрить его, лейтенант воинственно упер руки в бока.

— Тогда докажите это, рядовой МакКензи. Вычистите корабль! Чтоб через час палуба блестела!

Когда офицер отправился прочь, Джек, пытаясь подавить зарождающийся гнев, пошел на поиски ведра и палубной щетки. В конце концов, он сам искал себе занятие, а воды здесь было достаточно. Когда он зачерпнул из моря третье ведро, к нему присоединился Роли О’Брайен.

— Я помогу вам, мистер Джек. Все равно не могу уснуть. Бобби и этот парень из Отаго… как там его звали?.. этот Джоуи… храпят так, что стены ходуном ходят.

Джек улыбнулся ему.

— Просто Джек, Роли. Судя по всему, нам пора привыкать к этим звукам. Вряд ли ребята прекратят храпеть в последующие ночи.

Роли закатил глаза и смыл лужу рвоты за борт.

— Что ж, по крайней мере у них больше нет виски. Или вы думаете, что-то еще осталось?

Джек рассмеялся.

— В Австралии они найдут еще. А во Франции… Что там пьют? Кальвадос?

Роли наморщил лоб. Судя по всему, о кальвадосе он никогда прежде не слышал, но все же рассмеялся.

— Вино! Мистер Тим и мисс Лейни пьют французское вино. Им присылает мистер Рубен, то есть отец мисс Лейни, у него универмаг в Квинстауне. Но мне эта штука не очень нравится. Я предпочитаю хороший виски. А вы нет, мистер Джек?

Тем временем Джек наткнулся еще на двух ранних пташек и без церемоний завербовал их драить палубу. Вскоре после этого появились еще

трое, и когда лейтенант явился ровно час спустя после того, как был отдан приказ, палуба действительно блестела. Была еще мокрой, но чистой.

— Очень хорошо, рядовой МакКензи! — К счастью, офицер оказался незлопамятным. — Значит, можете завтракать — со своими людьми. На камбузе уже все готово. — Последние слова прозвучали почти с гордостью. Наверное, лейтенанту пришлось вытаскивать кока из постели, и, судя по всему, ему это удалось.

Джек кивнул, а Роли попытался отсалютовать офицеру. Получилось не очень, но вызвало улыбку у лейтенанта.

— Это еще успеется… — пробормотал лейтенант и побрел по уже чистой палубе.

После первого безумного вечера в море дисциплина все же улучшилась — уже хотя бы по той причине, что алкогольные запасы были почти израсходованы. Впрочем, дел у солдат оказалось немного. Теснота делала невозможной муштру, которую, по всей вероятности, планировал лейтенант. Офицер проводил групповые учения на палубе, но без особого успеха. Никто из мужчин не понимал, почему он должен идти в ногу с остальными, да еще и на покачивающемся корабле. И, к ужасу лейтенанта, муштра обычно заканчивалась хохотом. Было видно, что молодой офицер испытал настоящее облегчение, когда «Великобритания» наконец вошла в Кинг-Джордж-саунд. Побережье Олбани, залитые солнцем пляжи и поросшая лесом земля манили.

— Крепость хорошо укомплектована! — восхищенно заявил лейтенант, окинув взглядом территорию королевской крепости Принцесса. — И хорошо вооружена, — добавил он. — Она служит для защиты флота. Если кто-нибудь нападет на нас здесь…

— Кто же на нас здесь нападет? — негромко, сделав ударение на слове «здесь», поинтересовался Грег Макнамара. — Как будто кто-нибудь в Германии знает, где находится Олбани.

В принципе, Джек был согласен с ним. Он тоже раньше никогда не слышал о маленьком прибрежном городке в Западной Австралии, да и крепость эта была построена скорее для обучения дисциплине провинившихся в Ботаническом заливе, нежели для защиты страны. Однако служившие в Олбани мужчины серьезно относились к своей работе, в чем убедились прибывшие сюда рекруты, едва они сошли на землю. Любого, кто приближался к крепости, останавливали, спрашивали сегодняшний пароль и вообще смотрели подозрительно.

Когда «Великобритания» вошла в порт, в бухте на якоре стояла уже дюжина кораблей, и в течение следующих дней подошли другие суда. В

итоге транспортников стало тридцать шесть, а по флангам стояли различные боевые корабли.

Роли восхищался блестящими пушками «Сиднея» и «Мельбурна», огромных боевых кораблей, которые должны были защищать великий конвой.

— Если кто-нибудь вообще осмелится напасть на нас! — восторженно говорил он.

Как и другие солдаты, он испытывал необычайную гордость, глядя на впечатляющий флот, который строился рядами, готовясь к отплытию. Во главе по трое в ряд стояли двадцать шесть австралийских кораблей; за ними в ряд по двое выстроились десять новозеландцев. Вид судов, флагов и многих тысяч людей в униформе, собравшихся на палубах перед отправлением, тронул и Джека. И даже погода, казалось, хотела привнести свой вклад в эту демонстрацию боевой мощи и воли «осси»[6] и «киви». Солнце сияло, море было ослепительно-синим и спокойным, как зеркало, а великолепные берега Олбани приветствовали готовых к военному противостоянию мужчин. Все это напоминало картину баталиста. Засевшие в крепости мужчины тоже выразили свой восторг и дали салют.

Роли, Грег и Бобби в упоении махали руками. Но в глазах других мужчин, особенно австралийцев, которые бросали последний взгляд на родину, стояли слезы умиления.

Джек же испытывал странное ощущение облегчения. Он хотел оставить позади все, и это наконец-то произошло. Он отвернулся от берега и устремил свой взгляд в неизвестность.

Для солдат путешествие пока что проходило без происшествий. Погода не менялась, море было спокойным. 1915-й год, который мужчины встретили в Олбани, начинался хорошо. Рекруты встревожились, когда на широте Кокосовых островов «Сидней» отделился от конвоя. Лишь несколько дней спустя он вернулся, и Роли со сверкающими глазами доложил Джеку о первой стычке АНЗАКа с врагом. На самом деле «Сидней» вынудил германский боевой корабль «Эмден» пристать к берегу и уничтожил его на месте. Событие было встречено криками «Ура!» и парой-тройкой дополнительных алкогольных эксцессов. Мужчины пополнили свои запасы в Австралии, и молодой лейтенант Килер был далек от того, чтобы действительно держать свой отряд в подчинении. Роли и его друзья, впрочем, на этот раз остались трезвы — у них просто-напросто не хватило денег и парни не смогли купить водку в Олбани, где она была очень дорогой.

На этот раз Джек и Роли не стали слишком рано выходить из каюты, хотя воздух внутри помещений снова был ужасным. Стояла жгучая жара, над морем не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка — парусный корабль был бы обречен на бездействие на протяжении многих недель. Зато пароходы по штилю ходили еще лучше, но мужчины страдали в набитых под завязку каютах, а еще больше — лошади, находившиеся в грузовых отсеках. Джек радовался своему решению не подвергать Анвила таким мучениям; с другой стороны, он завидовал мужчинам на транспортных судах, перевозивших животных, потому что они могли общаться со своими любимцами. Джек тосковал по запаху конского пота и сена, предпочитая его вони немытых мужских тел. Сам он и некоторые другие мылись соленой водой, после чего чувствовали себя немного лучше, но позже расплачивались за это раздражением кожи.

А потом, спустя несколько дней на море, лейтенант Килер собрал своих ребят на палубе, предварительно сообщив, что сделает важное заявление. Однако собраться оказалось, конечно же, тяжело, как и предполагал Джек. Все восемьсот человек не помещались на палубе, кроме того, мужчины ссорились друг с другом за место. Да еще и голос лейтенанта Килера был почти не слышен тем, кто стоял в задних рядах. Прошел не один час в ссорах и протестах, пока до последнего рекрута наконец не дошла информация о новостях: Турция объявила Англии войну и британское руководство решило направить военные силы АНЗАКа не во Францию. Вместо этого их предполагалось использовать в Дарданеллах.

— Где-где? — удивился Роли.

Джек пожал плечами. География Юго-Восточной Европы была ему тоже незнакома.

— Обучение перед участием в боевых действиях, — заявил лейтенант, — будет проходить в Египте. После промежуточной остановки в Коломбо мы причалим в Александрии.

По крайней мере об Александрии Джек хотя бы слышал, а вот о Коломбо ему пришлось расспросить людей, чтобы выяснить, что этот город находится на Цейлоне, зеленом тропическом острове в Индийском океане.

— Цейлон известен тем, что там выращивают чай, — вещал лейтенант Килер, который был настроен по отношению к Джеку гораздо более благосклонно. Он давно уже заметил, что рыжеволосый скотовод с равнин не только немного старше, но и образованнее большинства остальных ребят. — Но не надейтесь на высадку, МакКензи. Мы только возьмем провиант.

И действительно, флот АНЗАКа наконец ненадолго остановился в

гавани, и Роли взволнованно пересчитал стоящие там суда под флагами разных стран. Что касается Цейлона, то они увидели только зеленое побережье и очертания маленького, судя по всему, процветающего благодаря войне портового городка. Многие рекруты ворчали. Они, как и раньше, скучали, делать было практически нечего, кроме как загорать на палубе. Погода по-прежнему стояла сухая и жаркая — это было особенно поразительно для людей с Южного острова Новой Зеландии, где без дождя редко проходило хотя бы несколько дней.

Мужчины провели еще пятнадцать дней в море, прежде чем флот достиг Суэцкого канала. Здесь рекруты впервые услышали о боевых действиях на суше, в которых предстояло принять участие и австралийцам. Будто бы уже были нападения турок на Суэцкий канал. Лейтенант Килер приказал своим людям усилить бдительность при переправе и расставил часовых. Роли провел напряженную ночь, вглядываясь в темноту на краю канала и нервно посматривая на костры и поселения, свет которых был виден с кораблей. На самом деле ничего особенного не произошло. Флот спокойно пересек Суэцкий канал и наконец причалил в Александрии.

— Абукирский залив! — почти благоговейно прокомментировал место причала Джек. — Здесь почти сто лет назад сражался Нельсон!

Роли, Грег и Бобби с таким восхищением глазели на спокойную голубую воду, словно победа адмирала все еще отражалась на ее поверхности.

— Нельсон был… англичанин? — на всякий случай уточнил Бобби.

Джек рассмеялся.

В Александрии корабли наконец разгрузились, но АНЗАКовцы почти не увидели знаменитого торгового города со славным военным прошлым. Британские офицеры направили более-менее дисциплинированные отряды к погрузочной станции железной дороги.

— В Каир! — почти с благоговением произнес Грег.

Непривычные названия городов, узкие, залитые солнцем улицы, маленькие люди в своих арабских кафтанах, чужой язык, необычные запахи и шорохи приводили парней в восхищение и одновременно смущали. Несмотря на близость друзей, Роли чувствовал себя потерянным в этом чужом мире; в какой-то момент ему даже захотелось домой.

Джек впитывал в себя чужеродность, спасался, погружаясь в новые впечатления, и временами ему даже удавалось не думать о Шарлотте и не сочинять ей мысленно письма. Когда-то же это должно закончиться!

Джек подумал, кому можно написать, и, немного поразмыслив, решил написать Глории. Конечно, в последние годы он почти ничего не слышал о

девушке, но все равно чувствовал связь с ней. Может быть, она оттает и станет немного больше рассказывать о своей жизни в Америке, если узнает, что она не единственная с Киворд-Стейшн, кто оказался так далеко от родины.

Поэтому он стал описывать Глории путешествие с большим флотом, а потом — поездку в Каир в битком набитом поезде. Окружающих пейзажей было не видно, поскольку войска перемещались ночью, а в город приехали с первыми рассветными часами. Было все еще темно и, к удивлению мужчин, довольно холодно, когда отряды построились для марша в тренировочный лагерь. Большинство австралийцев отправлялось в лагерь к югу от Каира, новозеландцев ожидал лагерь на севере. Но сначала им предстоял длинный ночной марш — неожиданно трудный после вынужденного многонедельного бездействия на борту судов.

Джек промерз и устал, когда они наконец достигли палаточного городка «Цейтоун». В каждой палатке располагалось по шестнадцать человек; Роли и его друзья остались с Джеком. Переводя дух, они обживали трехъярусную кровать.

— Уф, я почти умер! — простонал Грег.

Несколько других мужчин, судя по всему горожане, перенесли марш еще хуже, чем мальчишки из Греймута. Новая униформа и обувь натирала кожу, и двое соседей по палатке практически не могли двигаться. Снимая сапоги, они стонали.

Джек взял себя в руки. Кто-то же должен позаботиться о порядке. Первым делом он заставил подняться Бобби, который устало рухнул на койку и, разумеется, вставать не хотел.

— Не притворяйтесь усталым, рядовой О’Мэлли! — свистнув, обратился он к молодому человеку. — Кто-то что-то говорил о раздаче еды. Придется провести разведку на этот счет. Принеси хотя бы горячего чаю, чтобы ребята могли встать на ноги. А ты, Грег, рядовой Макнамара, посмотришь, где взять одеяла. Вообще-то они должны быть в палатках, но, похоже, про нас забыли…

— Мы могли бы поспать в одежде, — недовольно пробурчал Грег.

Джек покачал головой.

— Тогда завтра нам влетит за то, что униформа помята. Парень, это тренировочный лагерь. Путешествие закончилось, теперь ты солдат!

Роли уже копался в наборе для оказания первой помощи, который входил в обмундирование рекрутов, и выудил оттуда перевязочный материал.

— Мази от ран нет, — заявил он, критически оглядывая набор. — А

это что?

Он вопросительно поднял бутылочку.

— *Манука*, масло чайного дерева, — заметил один из ребят, широкие черты лица которого и густые черные волосы позволяли предположить наличие предков-маори. — Древнее домашнее средство у всех племен. Можешь смазать парням ноги. Заживет быстрее.

Джек кивнул. В Киворд-Стейшн *манука* тоже использовалась для оказания первой помощи. Впрочем, по большей части для овец и лошадей…

— Но сначала помыть ноги! — велел Джек. В палатке уже стоял неприятный запах. — Кто добровольно пойдет за водой?

На следующее утро во время смотра, устроенного уставшим лейтенантом Килером, команда из их палатки значительно отличалась от остальных. В результате Джек вместе с несколькими другими новобранцами получил первое в жизни повышение, о чем ему сообщили во время построения Новозеландской пехотной дивизии.

— МакКензи, после согласования с лагерным командованием я назначаю вас младшим капралом! — провозгласил лейтенант Килер. На его лице была такая ослепительная улыбка, словно он вручал по меньшей мере крест Виктории.

Затем он принялся объяснять людям, в чем состоят их новые задачи. В принципе, это было именно то, что Джек уже делал во время путешествия. Младший капрал должен был следить за тем, чтобы шестеро солдат, оказавшихся под его началом, поддерживали чистоту в палатке, чистили униформу и, в первую очередь, оружие.

— Жалованье будет немного выше, — неохотно произнес молодой офицер, когда несколько киви без особого удовольствия приняли повышение, а двое даже попытались отказаться. Для лейтенанта Килера это было совершенно непонятно. В конце концов, втолковывал он людям, это же вопрос чести.

Джек принял честь сдержанно, Роли не уставал восхищаться его новым рангом.

— Интересно, у меня тоже когда-нибудь получится, мистер Джек? Должно быть, получить повышение — это потрясающе! Или орден. Мистер Джек, ведь дают же орден за храбрость перед лицом врага!

— Но сначала нужно повстречать врага! — проворчал Грег.

Первые занятия по строевой подготовке, состоявшиеся утром, ему совершенно не понравились. Он не понимал, каким образом маршировка в ногу и подчинение командам должно служить тому, чтобы разбить турок.

Джек вздохнул. Похоже, Грег представлял себе войну как гигантскую попойку.

Однако на следующее утро парню не оставалось ничего другого, кроме как прилежно учиться — бегать в укрытие, ползти по земле, рыть окопы и правильно обращаться с винтовками и штыками. Последнее порадовало солдат — в качестве стрелков новозеландцы оказались не хуже других. Многие из них с детства привыкли охотиться на мелкую дичь; из-за кроличьей чумы каждый мальчишка на равнине учился стрелять из винтовки. Владельцы крупных овечьих ферм даже платили небольшие премии за убитых кроликов. Искатели удачи, работавшие на золотоносных приисках, чаще стреляли кроликов для того, чтобы в котле было мясо. Поэтому новозеландцы достаточно ловко поражали движущиеся мишени.

Меньше таланта новозеландское подразделение проявило там, где нужно было быстро подчиняться приказам. Маршировка им не нравилась, и, к ужасу британских муштровщиков, некоторые задавали вопросы относительно смысла упражнения, прежде чем броситься на песок, как было приказано. Обучение профессиональному рытью окопов тоже не вызвало у солдат особого воодушевления.

— Слушай, я занимаюсь этим с тринадцати лет! — заявил шахтер Грег. — И чуть поглубже, чем здесь. Мне действительно не стоит показывать, как обращаться с лопатой!

Зато Джек прилежно изучал данную технику, хотя все в нем восставало против мысли о том, что, возможно, придется провести не одну неделю своей жизни в такой вот лисьей норе. Однако же устройство окопов требовало немалой стратегической, нежели архитектурной логики — например, их нельзя было копать ровно, нужно было закладывать зигзагом. Ни один солдат не должен был видеть более пяти ярдов сооружения. На первый взгляд, это казалось обременительным, но мешало врагу ориентироваться, когда он прорывал ров. К тому же нужно было закладывать изгибы и поперечные рвы, а расширение сети окопов без опасности попасть под обстрел практически требовало владения техникой заложения пещер. Опытные шахтеры привычно копали штольни в земле, которые в пустыне, конечно же, постоянно рушились. Бобби и Грег над этим только смеялись, но один раз Роли удивил Джека тем, что он, бледный от ужаса, бросился прочь, когда на мужчин снова свалилась гора песка.

— Я не могу, мистер Джек… — прошептал он, потянувшись к рюкзаку. В наборе первой помощи были уже не только перевязочные бинты и масло чайного дерева, но и фляга. — Вот… хотите?

Роли протянул Джеку флягу. Руки у него дрожали.

Джек принюхался. Крепкая водка.

— Роли, вообще-то, я обязан доложить об этом! — строго сказал он. — Пить на службе! А ведь ты совсем не такой…

В отличие от своих приятелей, насколько мог судить Джек, Роли лишь изредка посещал импровизированные бары и бордели, которые мгновенно появились вокруг лагеря. Он предпочитал ходить на просмотры фильмов, которые устраивала ИМКА[7], христианская организация. Кино приводило его в восторг. А по выходным он чаще присоединялся к Джеку и другим более образованным солдатам, которые устраивали вылазки к пирамидам, сфинксу и другим египетским достопримечательностям. Пьяным молодого человека Джек видел редко. Даже после своего быстрого повышения до младшего капрала Роли не хватил лишку.

— Это… это лекарство, мистер Джек. Если время от времени я делаю глоточек, то могу переживать это в окопах… — Роли снова закупорил флягу, но был по-прежнему бледен.

— Ведь нашего Роли когда-то засыпало! — расхохотался Грег, словно это была самая веселая шутка в истории Греймута. — И наш малыш так испугался, что больше ни разу не спустился в шахту! Но видишь, Роли, судьба настигла тебя! — Парни захохотали и принялись хлопать умолкшего Роли по плечам.

А Джек скорее встревожился. После рытья окопов Роли О’Брайен всегда выглядел подавленным; и это при том, что пока они просто тренировались. В пустыне попытка симулировать окопную войну была довольно бессмысленной. Серьезно закладывались только бункеры; поговаривали, что немцы строят даже многоэтажные подвальные конструкции. Если Роли действительно не переносит тесного пространства и темноты…

Встревоженный Джек, которому уже было присвоено звание капрала и который теперь отвечал за три дюжины человек, обратился к офицеру, командовавшему обучением.

— Младший капрал О’Брайен был в завале три дня, капитан, сэр. Он еще не оправился от этого. Я бы посоветовал использовать его в снабжении или перевести в другой отряд, который будет действовать не из окопов.

— А с чего вы взяли, что мы будем действовать из окопов, капрал? — поинтересовался майор Холлендер и усмехнулся.

Джек вытянулся по струнке, хотя мысленно схватился за голову. Этот человек слыл очень суровым, но прежде Джек не считал его глупым. Теперь он изменил свое мнение.

— Я так подумал, капитан, — спокойно пояснил он. — Похоже, это

самая эффективная возможность закрепить свою позицию на этой войне.

— Значит, вы еще и одаренный стратег, капрал! Но лучше поберегите время до того момента, как станете генералом. Пока что вы должны не думать, а выполнять приказы. А за маменькиным сынком О’Брайеном я присмотрю! Он справится, МакКензи, это я вам гарантирую! Ах да, и скажите своим людям, что мы сворачиваем лагерь. В полночь 11 апреля мы отправляемся поездом в Каир, грузимся на корабли и отчаливаем в сторону Дарданелл.

Джек ушел расстроенный, но сердце билось гулко. Вот и все, АНЗАК покидает Египет. Тренировки закончились, они отправляются на войну.

5

Распределение по кораблям на этот раз происходило не так, как во время отплытия из Новой Зеландии. Изначально сформированное как попало войско теперь было разделено на дивизии и батальоны; появились различные ранги и команды специалистов. Джеку подчинялись главным образом бывшие шахтеры и золотоискатели, которые копали окопы с головокружительной скоростью. Джек понимал, что этих людей не станут подвергать первой опасности. В ожидании атаки прежде всего нужно укрепить позиции. И ему казалось логичным, что его группу посадили на тот же транспортник, что и санитаров и врачей полевого лазарета. Спасательные отряды, медбратья и штабные врачи тащили на борт свое оборудование — но, как ни странно, первым, кому пришлось стать спасателем в этом походе, был Джек МакКензи.

Военные транспортные суда стояли на якоре за пределами порта, и людей вместе с материалами перевозили на борт на лодках. На весельной лодке Джек и несколько его ребят использовали платформу, на которой поднимали наверх палатки и носилки. Море в этот день волновалось довольно сильно, дул порывистый ветер, и все, что не было закреплено на палубе, легко сметалось за борт. Мужчины крепко затянули завязки на шляпах; несмотря на это, время от времени по воздуху пролетали широкополые шляпы, а иногда — брошенный где-то в неудачном месте рюкзак. Внезапно что-то плюхнулось в волны рядом с Джеком, затем послышался жалобный визг. Джек озадаченно осмотрелся: над водой показалась голова маленькой коричневой собаки-метиса. Животное отчаянно пыталось грести, что, учитывая высокие волны и большое расстояние до суши, было практически безнадежно. Беднягу мгновенно

отнесло волнами в сторону.

Джек не стал раздумывать.

— Подержи за меня! — крикнул он Роли и вложил ему в руку веревку, которую сжимал в руках. Потом стянул через голову рубашку, выскочил из сапог и прыгнул в воду.

Джек был сильным и хорошо натренированным парнем. Несколько гребков — и вот он уже рядом с собакой, притянул к себе маленькое, изо всех сил барахтающееся животное. Плыть против течения обратно к лодке было гораздо тяжелее, но вскоре рядом показалась весельная лодка. Роли и другие ребята не колебались ни секунды. Пусть платформа провиснет — сначала нужно спасти своего капрала.

Джек протянул Роли собаку, затем влез в лодку сам. Тяжело дыша, он лег на дно лодки.

Роли тем временем, смеясь, оглядывал нового пассажира.

— Ты кто? — спрашивал он собачку, которая для начала решила отряхнуться, обдав всех остальных брызгами. Она была маленькая, с кривыми ножками и темными глазками-бусинками, которые, казалось, были подведены косметическим карандашом.

— Такса, я бы сказал, — констатировал Джек. — По крайней мере из всех его предков такса проявилась больше всего. Вообще-то, тут постаралось немало представителей собачьих рас. Кроме морских…

Собачка снова отряхнулась. У нее были вислые уши и хвост колечком.

— Тайное оружие осси! — расхохотался Грег, намереваясь грести обратно к судну.

Собака завиляла хвостом.

— Пэдди, Пэдди, сюда! Проклятье, куда подевалась эта псина? — Из офицерской кают-компании выбежал взволнованный адъютант. — Помогите мне, ребята, я должен найти эту тварь, пока Бистон не свернул мне шею.

Джек и остальные с усмешкой переглянулись.

— По крайней мере он член команды, если даже не офицерского корпуса…

Роли икнул.

— Генерал Кодли? — хихикнув, спросил он и отсалютовал псу.

Генерал Александр Кодли был верховным главнокомандующим подразделений АНЗАКа.

— Давайте, ребята, гребите к судну! Вы же слышите, малыша ищут, — пресек дурачества Джек. Он крепко держал собаку, пока они не добрались до платформы.

На палубе как раз появился приземистый мужчина средних лет, одетый в униформу штабного врача. Джозеф Бистон, командующий Четвертым полевым госпиталем.

— Пэдди! Боже мой, надеюсь, он не свалился опять в воду, с такой-то качкой… — Казалось, мужчина был встревожен не на шутку.

Тем временем лодка причалила и Джек взобрался на платформу. Он крепко держал в руках вырывающегося Пэдди, пока поднимался по качающимся доскам.

— Вы не его ищете, сэр? — смеясь, спросил он.

Командующий Бистон испытал огромное облегчение, когда взял собачку у Джека из рук.

— За бортом? — спросил он.

Джек кивнул.

— Однако был быстро спасен при героическом участии Четвертой новозеландской пехотной дивизии, командующий, сэр! — Он отдал честь.

— Крест Виктории, крест Виктории! — принялись скандировать Роли и остальные в лодке. Крест Виктории был величайшей наградой, даруемой Британской империей фронтовым бойцам.

Командующий Бистон улыбнулся.

— Этого я вам предложить не могу, капрал. Только полотенце и виски, чтобы согреться. Прошу вас, следуйте за мной в мою каюту.

И в сопровождении своей собаки штабной врач пошел вперед. Джек, подгоняемый любопытством, последовал за ним. До сих пор ему не доводилось видеть ни одной офицерской каюты. Адъютант командующего Бистона протянул ему пушистое полотенце, сам штабной врач открыл бутылку виски. Односолодовый. Джек с наслаждением отпил.

— Ах, и еще принесите нам горячего чаю, Уолтерс, молодому человеку нужно согреться…

Адъютант отправился выполнять поручение, а Джек заверил хозяина, что на море сейчас не так уж и холодно.

Бистон покачал головой.

— Не возражайте! Нельзя, чтобы вы подхватили воспаление легких и чтобы первая смерть в Галлиполи оказалась на совести этого сорванца. Правда, Пэдди?

Пэдди снова завилял хвостом, услышав свое имя. Штабной врач сам насухо вытер своего метиса.

— Галлиполи, сэр? — спросил Джек.

Бистон улыбнулся.

— О, надеюсь, что не выболтал вам военную тайну. Но, как нам

сообщили, это будет местом высадки. Глухое горное селение у входа в Дарданеллы. На самом деле особого значения не имеет, но таким образом обеспечивается проход в Константинополь. Если мы выгоним оттуда турок, они будут практически побеждены.

— И мы отправляемся сейчас прямо туда? — поинтересовался Джек.

— Почти. Сначала в опорный пункт всей операции, Лемнос. Это остров в…

— Греции, сэр.

Бистон согласно кивнул.

— Мы проведем там несколько маневров. По крайней мере мой батальон до сих пор готовили к высадке во Франции. Но через пару дней мы выступим. Это будет ваша первая стычка с врагом?

Джек кивнул.

— Новая Зеландия — мирная страна, — заметил он. — У нас даже коренное население мирное…

Бистон рассмеялся.

— А самое опасное местное животное — это комар, я знаю. Австралия будет пожестче…

— В бою мы не отстанем от осси, — гордо и несколько уязвленно заявил Джек.

Бистон улыбнулся и кивнул.

— В этом я уверен. Но сейчас я должен отправить вас к своим людям, капрал…

— Джек МакКензи, сэр.

— Капрал МакКензи. Я запомню вашу фамилию. Вы у меня на хорошем счету! А ты мог бы дать лапку, Пэдди! — Штабной врач наклонился к своей собаке и попытался заставить его хотя бы сесть, но Пэдди явно не был склонен к дрессировке.

Джек улыбнулся, слегка покачал головой и нагнулся к собаке. Слегка подергал за ошейник, слегка приподнял его — и Пэдди плюхнулся на зад. На требовательное движение руки Джека он дал лапу.

Командующий Бистон сидел как громом пораженный.

— Как вы это сделали? — озадаченно поинтересовался он.

Джек пожал плечами.

— Самые обыкновенные техники воспитания собак, — произнес он. — Я выучил их еще в детстве. А ваш малыш наглый, но умный. Дайте мне две недели, и я научу его сгонять овец.

Бистон улыбнулся.

— Ну, вы не только спасли собаку, но и произвели впечатление на ее

хозяина…

Джек усмехнулся.

— Это Новая Зеландия, сэр. В Австралии стреляют хищников, а мы учим их давать лапу.

— Значит, мне будет очень интересно посмотреть на реакцию турок, — произнес Бистон. Джек МакКензи — это имя он наверняка не забудет.

Лемнос оказался маленьким островком с изрезанным бухтами побережьем, узкими пляжами и высокими утесами. С моря он казался живописным — кусок скалы с небольшим количеством зелени, одиноко затерявшийся среди синих морских просторов. Для его жителей он представлял собой один сплошной вызов. На Лемносе жили примитивно. Солдаты АНЗАКа зачарованно оглядывались по сторонам, глазели на нищету, часто чувствуя себя неловко из-за убогих домов, увлекаемых быками деревянных плугов, какими пользовались еще в каменном веке, и людей, которые кутались в овечьи шкуры и ходили по своей каменистой земле либо босиком, либо в грубых кожаных сандалиях. Впрочем, островной порт был полон современной военной техники. Одних только боевых кораблей здесь стояло штук двадцать, среди них — огромный «Агамемнон» и массивная «Королева Елизавета». Однако у солдат почти не было времени на то, чтобы наслаждаться пейзажами. Их транспортники причаливали у различных пляжей и тренировались высаживать войска в полном боевом обмундировании. Солдат спускали по веревочным лестницам и отвозили на землю, чаще ночью и по возможности бесшумно. Судя по всему, этот маневр был важен для верховного командования; солдаты тренировались проделывать его целую неделю.

— Само по себе это нетрудно, — произнес Роли на четвертый день, когда их группа гребла к очень узкому пляжику, над которым возвышались скалы. — Но что, если в нас будут стрелять с берега?

— Да они не осмелятся! — заявил Грег. — За нашей спиной боевые корабли. Они же нас прикрывают.

— Если они сами в нас не попадут, — пессимистично заметил Джек.

Он разделял опасения Роли. Вряд ли турки сдадут свой пляж без боя, не говоря уже о городе. И разве Бистон не говорил о «глухом горном селении»? Вполне возможно, что защитники сидят в укрытиях и будут стрелять в них с каких-нибудь скал.

— Да если турки такие же пещерные люди, как те дурачки с Лемноса, то вряд ли они что-то могут! — беспечно усмехнулся Бобби. — Наверное,

стоило притащить с собой пару боевых томагавков маори. Тогда было бы честнее.

Джек поднял брови. Судя по тому, что он видел, греки с Лемноса тоже умели пользоваться винтовками. Пусть они и одевались в шкуры, но глаз у них был острый, а для того, чтобы нажать на курок, много ума не надо.

«Он даже может помешать», — подумал Джек. Лично он приходил в ужас от того, что придется стрелять в людей.

Двадцать четвертого апреля 1915 года все и началось. Флот причалил под предводительством «Королевы Елизаветы», которую мужчины любовно называли «Лиззи». Солдат еще раз собрали на палубе. Гордясь своим конвоем, они оставили Лемнос позади.

— Разве это не чудесно, мистер Джек? — У Роли разбегались глаза, он не знал, куда сначала смотреть — на величественные корабли вокруг или на залитое солнцем побережье Лемноса.

— Просто Джек, — механически поправил его Джек.

Он почти не разделял воодушевления своих товарищей. Конечно, флот представлял собой нечто грандиозное, но он не мог отделаться от мысли, что их человеческий груз едет прямиком на смерть. Вчера вечером — после героического обращения генерала Бердвуда ко всему войску — лейтенант Килер созвал командиров отделения для обсуждения положения дел. Теперь Джек знал план высадки, и у него были карты побережья Галлиполи. Высадка на это побережье будет кошмарной — и Джек был не единственным, кто придерживался такого же мнения. Даже на лицах закаленных в боях английских офицеров читался страх.

Корабль с командой Джека был одним из последних, причаливших к берегу Галлиполи. Они шли ночью, и, когда забрезжил рассвет, корабли собрались в бухте Габа-Тепе. Лодки быстро заполнялись высаживающимися командами. Солдаты ждали на палубе транспортника, чтобы пересесть на эсминцы. Эти маленькие быстрые боевые корабли с не очень большой осадкой могли подвезти войска ближе к берегу. На эсминце было двенадцать спасательных шлюпок в два ряда, в каждой по шесть солдат и пять моряков. Последние должны были отвезти лодки обратно на корабль после выгрузки людей на берег.

Первые десантные партии состояли исключительно из осси — Джек отметил про себя, что в бой послали самых юных солдат.

«В этом возрасте они еще верят в собственное бессмертие!» — Джек, содрогнувшись, вспомнил нагоняй от своей матери, Гвинейры, которая и обронила эту фразу. Ему было около тринадцати лет, когда молния попала в

стойла для крупного рогатого скота в Киворд-Стейшн. Джек и его друг Маака бесстрашно ринулись в огонь, чтобы спасти племенного быка, взбесившегося от страха. Мальчики казались сами себе героями, но Гвинейра ругалась страшно.

Солдатам в десантных лодках по прикидкам Джека было не более восемнадцати лет. В принципе, добровольцев в армию принимали только с двадцати одного года, но никто толком не проверял их возраст. Юные десантники смеялись и махали винтовками. На плечах у них висели тяжелые рюкзаки, весла бесшумно опускались в воду.

Джек отвернулся и стал смотреть на темный берег и скалы. В четыре тридцать должно начаться наступление. Внезапно на одном из холмов загорелся желтый огонек, который погас спустя несколько секунд. На какой-то миг над бухтой повисла мертвая тишина, а затем на плато, возвышающемся над ними, появился силуэт человека. Кто-то что-то крикнул, просвистела пуля и ударилась о воду.

В следующее мгновение начался ад.

Боевые корабли британцев вдруг выстрелили из всех орудий, турки ринулись на берег. Некоторые стреляли прямо с берега, другие — со скал высотой футов триста и выше. Джек увидел, как падают люди на берегу, посеченные выстрелами с «Королевы Елизаветы», «Принца Уэльского» и «Лондона». Но пулеметные точки на скалах было не так-то просто уничтожить. И конечно же, именно они принялись обстреливать высаживающие десант лодки.

— Боже мой, они… они стреляют… — прошептал Роли.

— А ты что думал? — накинулся на него Грег.

Роли не ответил. Его и без того огромные детские глаза, казалось, стали еще больше. С суши солдат в лодках косили, словно косой, но все больше и больше их доплывало до берега; они выпрыгивали на песок и как можно скорее пытались укрыться за скалами. Турки стреляли в гребущих обратно к кораблям морякам. Другие брали на буксир лодки, шкиперы которых погибли.

— Я не могу идти туда, проклятье! — Бобби О’Мэлли дрожал.

— Мы тоже должны?..

— Нет, — спокойно произнес Джек. — Наша очередь наступит гораздо позже. Вместе с санитарами, а может, еще позже. Благодари Бога за то, что мы копаем лучше, чем стреляем.

Но, к огромному удивлению Джека, большинство его людей все еще горело жаждой деятельности, парни рвались в бой на берегу. Они с нетерпением дожидались, когда атакующие пробьются вглубь острова, к

плато, расположенному примерно в миле от берега. Оттуда они обеспечивали прикрытие высаживающимся войскам или, по крайней мере, пытались это делать. Как и прежде, берег обстреливался, и новозеландцы тоже получили крещение огнем. Джек и его люди обеспечивали выгрузку полевого лазарета. Последнее нужно было сделать срочно, поскольку весь берег уже был усеян ранеными. Командующий Бистон отдал приказ сразу же расставить там палатки.

— И смотрите мне, чтобы обстрел прекратился! — проревел он, обращаясь к новозеландцам. — Я не могу работать, когда у меня в ушах свистят пули.

Лейтенант Килер построил своих людей для продвижения вглубь острова. На плечах Джека и остальных были лопаты. Батальон осси готовился прикрывать их передвижение.

— Начинайте копать окопы чуть дальше передней линии, — приказал Килер. — Потом будем продвигаться вперед. Трехтраншейная система, вы знаете: один ров — для резерва, второй — для перемещения, третий — впереди. Расстояние между рвами — шестьдесят пять ярдов.

Джек кивнул. Это была типичная британская защитная система. При этом первая траншея была обычно укомплектована не полностью, потому что в утренние и вечерние часы велись самые ожесточенные бои. В средней траншее, предназначенной для перемещения и поддержки, большей частью проходила жизнь защитников, а в третьей собирались резервные отряды, обычно накануне предстоящей атаки.

Джек и его люди сначала выкопали последнюю, что было еще относительно безопасно, поскольку фронт находился достаточно далеко и у них было прикрытие. Однако постепенно копатели продвигались к главной линии фронта, и здесь для рытья траншей нужно было применять хитроумную технику. Некоторые приемы были похожи на те, что использовались при расширении шахт на руднике, только укреплять нужно было пол и стены. Потолки обрушивали, когда рвы уходили на пару метров вглубь. В такие моменты земля часто падала на плечи рабочих — для Роли достаточно было одного звука, чтобы впасть в панику. Для начала Джек поставил его сзади, чтобы он видел небо над головой, и там парень старался изо всех сил, выбрасывая из окопа грунт.

Роли был сильным, как медведь, да и другие золотоискатели и шахтеры, привычные к тяжелому труду, были крепкими ребятами. Но чтобы вырыть целую траншейную систему, требовались усилия сотни мужчин, трудившихся не покладая рук по нескольку часов кряду. Джек и его люди копали всю первую ночь в Галлиполи, что, впрочем, не дало им

замерзнуть. Солдатам на первых позициях приходилось хуже. После начала боев погода изменилась, шел дождь и было очень холодно. Солдаты лежали в грязи, сжимая оружие, мокрые, испуганные, под постоянным огнем со стороны турок, которые стреляли без устали. К тому же обеспечение водой и медикаментами еще не работало.

— Обязательно сделайте пару бункеров, — произнес майор Холлендер, у которого уже был опыт рытья окопов во Франции. — Ребятам нужно будет передохнуть в сухом месте, как только придет смена…

Джек кивнул и дал указание своим людям оборудовать на первое время часть системы траншей перегородками. В одном таком отсеке его ребята, рывшие окопы до самого утра, буквально провалились в глубокий сон. Даже Роли пошел за друзьями под землю, чтобы отдохнуть, но не смог там оставаться и в конце концов выбрался наружу и спрятался под вощеным плащом. Несмотря на то что все еще продолжался обстрел, теперь он чувствовал себя увереннее, чем в траншее. Нужно будет устроить тент…

Уже утром стало ясно, что турки не позволят так быстро загнать себя обратно вглубь острова. Поэтому все настроились на продолжительную осаду и разделили солдат на две дивизии. Австралия удерживала правую сторону фронта, Новая Зеландия — левую. Тем временем у мужчин появилось время немного сориентироваться.

— Очень красивое место, если ты создан для отшельнической жизни, — с сарказмом произнес Грег. И действительно, побережье Галлиполи было пустынным.

Окидывая его взглядом, Джек изо всех сил пытался не думать о скалах на мысе Реинга.

— А что за ними? — спросил Роли, показывая на горы.

— Другие горы, — ответил Джек. — С довольно глубокими долинами между ними. Ровной поверхности тут нет. И ко всему прочему все заросло кустарником — идеальное укрытие для турок.

— Командиры сообщили вам об этом заранее? — поинтересовался Бобби. — Я хочу сказать… они это знали? Так зачем же послали нас сюда?

Грег закатил глаза.

— Ты что, Боб, собрался поиграть или добыть себе чести и славы? Ты же слышал, что говорил генерал: это одно из самых трудных мероприятий, в которых придется участвовать солдатам. Но мы, АНЗАК, справимся! — Он гордо ударил себя кулаком по груди.

— В любом случае будет непросто, — подытожил Джек. — И если вы хотите получить шанс погеройствовать, то продолжайте копать. Иначе они

перестреляют вас, как кроликов.

Тем временем с другой стороны тоже начались окопные работы. Турки закладывали систему защитных рвов, возможно, не менее сложную, чем британцы. Что, впрочем, не мешало им продолжать стрелять в АНЗАКовцев и бросать гранаты. Хотя британская армия все эффективнее отражала атаки и уничтожила несколько пулеметных точек, Джек и остальные были очень рады, когда первые траншеи были закончены и они смогли укрыться. Только Роли, похоже, боялся земляных работ больше, чем обстрела. Как и раньше, он спал под открытым небом, вместо того чтобы прятаться в бункере вместе с остальными. Единственное укрытие давали ему две скалы между рвами и побережьем.

Джека это по-прежнему тревожило; однако по-настоящему опасной ситуация стала после того, как копатели максимально приблизились к туркам, что заставило тех вести сильный ответный огонь.

Отряд Джека как раз копал штольню в земле. Роли, подгоняемый насмешками парней, копал, стиснув зубы. Его лицо было белым как мел. Однако успевал он больше, чем Грег и Бобби, которых Джек МакКензи и лейтенант Килер поочередно ругали.

— Да я же не крот, — недовольно ворчал Бобби, и Джек воздевал очи горе.

Одни и те же оправдания для лени. Грег тоже часто ныл, говоря, что предпочел бы с оружием идти врукопашную, чем возиться в земле. При этом над головами у них постоянно свистели пули, летевшие как с одной, так и с другой стороны, поскольку на Галлиполи было тесно и враги окопались всего в ста метрах друг от друга. Отряд в течение всего дня вел огонь по туркам, и поэтому Джек копал с быстротой молнии. Он хотел закончить побыстрее и дать возможность действовать артиллерии. В конце концов, то, что турки полностью экипируют свои окопы и вооружатся чем-нибудь потяжелее, было всего лишь вопросом времени.

И тут его самые худшие опасения разом сбылись. В отличие от британцев у турок были ручные гранаты, и кто-то с той стороны начал упражняться в прицельном метании.

Когда это произошло, Джек и его люди работали «под землей». Позже выжившие из соседнего окопа рассказали, что один из врагов бесстрашно поднялся на миг из окопа, снял гранату с предохранителя, прицельно метнул — а может быть, ему просто повезло — и попал. Граната взорвалась в траншее за спиной у людей Джека. Взметнулась земля, и люди, выкладывавшие там пол балками и укреплявшие стены, погибли. Джек и остальные услышали шум и крики; деталей они не видели из-за

земляного перекрытия, что, впрочем, защитило их от шрапнели и взлетевших осколков.

Но то, что находиться здесь стало смертельно опасно, Джек понял.

— Выбираемся отсюда! Быстро! В траншеи!

Соединяющие траншеи, по которым они бросились назад, давали защиту и возможность отступления. Впрочем, Джек предполагал, что сейчас там полно солдат, которые пробираются вперед.

— Чушь! — прогремел голос лейтенанта Килера. — На защитные позиции! Всем в готовые траншеи, стрелять в ответ! Штыки примкнуть, если кто-то прорвется! Уничтожить этих ребят!

Но прежде чем мужчины сумели переварить противоречивые приказы, начали взрываться другие гранаты. Одна из них — прямо у них над головами. Земля задрожала, штольня провалилась… Мужчины инстинктивно стали поднимать доски над головами. Вряд ли бы их засыпало, ведь штольня проходила под землей на глубине не более метра. Но падающая земля помогала укрыться.

Однако Роли О’Брайен думать не мог. Вместо того чтобы лежать на земле, он, словно обезумев, стал стряхивать с себя землю, пополз по штольне, приподнялся и собрался отступать. Увидев, что траншеи заполнены людьми, он решил вылезти на поверхность. Кто-то потащил его за штанину обратно. Роли попытался отбиться… и внезапно оказался лицом к лицу с майором Холлендером.

— Это еще что такое, солдат?

Роли глядел на него безумными глазами.

— Я хочу выбраться отсюда! — крикнул он и предпринял еще одну попытку. — Я должен выбраться! Рудник рушится!

— Вы собираетесь дезертировать, солдат?

Роли не понимал, что ему говорят.

— Прочь! Нужно выбираться отсюда!..

— Парень не в себе, — сказал лейтенант Килер, уже выбравшийся из-под осыпавшейся земли и принявшийся расставлять людей на позиции. — Первое столкновение с врагом. Это паника, сэр.

— Сейчас мы из него это вытрясем! — Майор размахнулся и отвесил Роли две крепкие оплеухи. Роли опрокинулся навзничь, потеряв равновесие, но пришел в себя. Потянулся за оружием.

— Правильно! — похвалил лейтенант Килер. — Поднять оружие, найти бойницу, отвечать на огонь. Тем быстрее мы выберемся отсюда!

Недоумевающий Роли позволил двум товарищам затащить его в нишу в траншее, а затем они заставили его поднять винтовку. Небо над ним было

затянуто свинцовыми облаками, но он хотя бы видел его. И Роли перевел дух.

— Это не останется безнаказанным, я обещаю! Для вас тоже, лейтенант! Вы едва не позволили этому парню дезертировать. Когда все это закончится, я хочу видеть вас обоих в своей палатке! — Майор Холлендер еще раз обернулся к Килеру и Роли; затем ринулся в бой.

Теперь АНЗАК, при поддержке артиллерии, вел полный ответный огонь. В турецких окопах стало поспокойнее. Однако солдатам казалось, что прошла целая вечность, прежде чем наконец наступила ночь и огонь стих. Самыми опасными были утренние и вечерние часы. В сумерках было проще укрыться, чем при дневном свете. Днем по большей части было тихо, а ночью обе стороны ограничивались беспокоящим огнем.

Джеку и его людям велели отступить. В главных боевых траншеях осталась лишь незначительная часть войска. Однако сейчас большая часть работы доставалась спасательным отрядам. Они собирали раненых и убитых. Бобби О’Мэлли стошнило, когда он увидел разорванные части людей, работавших всего в нескольких метрах от него. Лейтенант Килер был легко ранен. Роли обработал царапину на руке маслом чайного дерева и наложил повязку.

— А у вас хорошо получается, младший капрал, — проворчал лейтенант. — Но вот днем…

— Но ведь майор не отправит его под трибунал? — Джек не на шутку встревожился.

Килер покачал головой.

— Нет, не думаю. Такой приступ паники во время первого соприкосновения с противником… может случиться. К тому же потом он сражался храбро. Не повезло, что попался майору. Тот обязательно придумает что-нибудь эдакое. Не вешать нос, младший капрал О’Брайен. Майор — голова горячая, но остывает быстро. А теперь идемте, покончим с этим.

Палатки офицеров стояли на побережье, причем некоторые предпочитали ночевать на кораблях. Однако майор Холлендер был опытным фронтовиком. Он не бросал своих людей одних. И наверняка у него тоже случались приступы паники.

Джек пытался отдохнуть и не думать о Роли и Килере, но успокоился только после того, как Роли вернулся, целый и невредимый. Как бывало почти всегда, парень остался за пределами бункера, в котором устраивались на ночлег его друзья.

— Конечно, майор отчитал нас, — рассказывал Роли. — Но, в

принципе, было не страшно. Нужно только будет вызваться добровольцем для участия в вылазке… Завтра пойдем, они посылают несколько полков на мыс Геллес, где причалили англичане.

— На корабле? — спросил Джек.

Роли покачал головой.

— По суше. Мы должны напасть на турок с тыла и захватить какую-то гору…

Грег усмехнулся.

— Похоже на приключение! Бобби, давай тоже вызовемся!

Роли с надеждой улыбнулся.

— А вы, мистер Джек? — спросил он.

— Просто Джек. Не знаю, Роли…

— Не стесняйся, капрал! — рассмеялся Бобби. — Возможно, по возвращении будешь сержантом.

— А меня разжаловали… В общем, теперь я опять просто рядовой, — с сожалением произнес Роли.

— Если захватишь ту гору, будешь генералом! — подбодрил его Грег. — А мы получим крест Виктории. Пойдем к Килеру! — Он встал с койки, надел курточку, чтобы выглядеть прилично, принялся искать шляпу. — Давай, Бобби! И ты ведь не станешь трусить, Джек?

Джек не знал, как поступить. Ему казалось, что он слышит голос своей матери: «Ты идешь на войну, чтобы искушать Господа!» Возможно, Гвинейра была права. Но уже сегодня, когда он оказался под огнем турок и стрелял вслепую, в дым, и вел ответный огонь, Джек понял, что смерти не ищет. До сих пор он не видел в этой войне ничего героического, не мог ненавидеть турок. В конце концов, турки защищают свою землю, связанные договором с народом, который они не знают, и воюют против войск, сражающихся за страну, которую они, в общем-то, тоже не знают. Джеку это казалось глупым, почти невероятным. Но, конечно же, он выполнит свой долг и проявит мужество, куда бы его ни послали. Однако на мыс Геллес его не тянуло.

— Пойдемте же с нами, мистер Джек, — произнес Роли. — Я тоже буду храбрым-храбрым. Потому что гора… гора — это не так страшно…

Наконец Джек недовольно поплелся за ребятами. По отношению к Роли он испытывал смутное чувство долга. По какой-то непонятной причине у него то и дело пробуждалось желание защитить этого парня. Поэтому он брел за троицей по траншее к берегу. Лейтенант Килер жил в бункере за окопами. Он как раз складывал вещи.

— Он тоже? — спросил Джек у Роли.

Роли кивнул.

— Он должен командовать взводом. Судя по всему, лейтенант третьей дивизии сегодня погиб.

Грег бойко отсалютовал. Килер перевел на него усталый взгляд.

— Что-то случилось? — недовольно поинтересовался он.

Бобби О’Мэлли гордо изложил суть дела.

— Мы хотим наконец сражаться, сэр! — заявил он. — Встретиться с врагом лицом к лицу!

Насколько Джек понял, они скорее должны были напасть на турок с тыла. Но ничего не сказал, да и сам лейтенант Килер тоже казался несколько удивленным. Посмотрев сначала на одного, а затем на другого, он на миг задумался.

— Вы оба… — он указал на Грега и Бобби, — как хотите. Вы, МакКензи, — нет!

Джек подскочил.

— Почему нет, сэр? Вы не верите, что я…

Килер отмахнулся.

— Это не имеет ничего общего с верой. Но вы, МакКензи, капрал, и вы хорошо командуете своим взводом. Без вас здесь не обойтись.

Что-то в выражении его лица заставило Джека проглотить возражения.

— Но ведь это всего на два-три дня! — произнес Роли.

Сначала лейтенант хотел, похоже, ответить, но потом передумал. У Джека появилось ощущение, что он читает его мысли. А еще он смутно помнил карты, которые им показывали перед высадкой. Захват высоты, названной для красоты «Крошка 700», должна была осуществить команда смертников.

— Умереть можно везде, — негромко произнес Джек.

Килер глубоко вздохнул.

— А еще можно выжить, именно этим мы и займемся! С рассветом отправляемся, парни! А вы, МакКензи, будете приводить в порядок окопы, которые сегодня оказались под обстрелом. Сейчас жизненно необходимо, чтобы главная боевая линия была укреплена, поэтому заставьте своих людей поднажать! Свободны!

6

Роли и его друзья выступили в рассветных сумерках. Джек слышал шум, смех и более-менее приязненные слова прощания. Казалось, остающиеся в окопах ребята почти завидовали откомандированному боевому отряду. Многие из них продолжали жаловаться на «кротовье занятие», в то время как остальные могут рассчитывать на приключения.

Прошло четыре дня, прежде чем Джек снова услышал о боях на мысе Геллес, но у него не было времени, чтобы тревожиться на этот счет. Майор Холлендер и остальные из английского командования сильно давили на команды копателей.

— Турки стягивают войска, к ним идет подкрепление. В любой момент может начаться контрнаступление. Мы должны устоять!

На четвертый день смертельно уставший Джек брел к своему жилью. Они целый день укрепляли уже готовые стрелковые окопы колючей проволокой, и в своем секторе Джек выполнял основную работу. В отличие от горняков, Джек был знаком с колючей проволокой по работе на ферме — он ненавидел ее, но это был самый эффективный способ огородить крупный рогатый скот. Впрочем, при этом его еще никогда не обстреливали… Он решил, что сегодня вечером он позволит себе употребить накопившийся за последние дни запас алкоголя. Каждый день давали маленький стакан самогона, и Джек, который редко пил один, в отсутствие Роли не притрагивался к спиртному.

— Капрал МакКензи?

Джек с трудом поднялся с койки, услышав голоса снаружи. Ребята завесили свой блиндаж брезентом, чтобы иметь хотя бы видимость уединения и спать при любой возможности. В системе траншей постоянно что-то происходило, и именно в этот вечер о покое можно было только мечтать. Несмотря на сгустившиеся сумерки, на некоторых участках огонь был настолько сильным, что спасательные отряды не могли пробиться к раненым. Теперь, когда окончательно стемнело, медбратья бегали по проходам с вьючными животными и носилками. Молодой человек, стоявший перед убежищем Джека, тоже был одет в форму полевого санитара.

— Мы должны были доставить вам вот этого, — заявил он и втащил в укрытие совершенно грязного, одетого в лохмотья Роли О’Брайена.

Роли отбрыкивался, но довольно слабо. Джек сделал шаг и вышел

наружу.

— Кто сказал? — бесцветным голосом поинтересовался он.

— Его лейтенант. Килер. Он лежит у нас в лазарете, и парень тоже там ошивался. Наверное, он спас ему жизнь, в одиночку лейтенант вряд ли перебрался бы через скалы. Но потом… парень, кажется, совершенно спятил, даже имени своего не помнит…

— Бобби… — негромко произнес Роли.

— Слышите, капрал? На самом деле его зовут Роланд. Бистон проверял. Потому что имена очень похожи. О’Брайен и О’Мэлли. Но О’Мэлли погиб. Это О’Брайен…

Роли всхлипнул. Джек обнял его одной рукой.

— Большое спасибо, сержант. Я позабочусь о нем. Что… что с лейтенантом?

Санитар пожал плечами.

— Я точно не знаю, я только вытаскиваю их, а ухаживают остальные. Но я думаю… думаю, сегодня ночью Бистон ампутирует ему руку…

Джек судорожно сглотнул. Затем втащил Роли внутрь, зажег газовую лампу, что, в принципе, было разрешено только в крайнем случае. Турки не должны были определить, где расположены английские окопы. Впрочем, некоторые части системы траншей были освещены. Джек решил, что этот случай вполне крайний.

— Бобби мертв, — прошептал Роли. — И Грег… Они отстрелили ему ноги. Одно… одно из этих орудий, которые так невероятно быстро стреляют. Тра-та-та… и одна пуля за другой, понимаете, мистер Джек? Все в дребезги… только кровь, кровь… Но я… я утащил его в один из окопов, и его забрали. Может быть, он поправится.

Роли дрожал всем телом. Джек налил ему весь свой алкогольный запас. Молодой человек пил мелкими глотками.

— Что там вообще было? Вы взяли этот холм? — спросил Джек.

— Да… нет… — Роли вытер рот. — Мне так холодно…

Джек помог ему освободиться от лохмотьев, в которые превратилась его форма, и надел на парня свое пальто. Вообще-то, майская ночь была теплой, но ему знаком был парализовавший Роли холод.

— Они защищали холм… как… как ненормальные, как будто… в нем было что-то особенное… в этом дурацком холме… — Роли плотнее закутался в пальто.

Джек задумался, стоит ли развести огонь. Роли нуждался в тепле, и он, поразмыслив, собрал остатки дров.

— А еще мы ползли… По сути мы были мишенями, они убивали нас

сотнями, сотнями… Там повсюду… повсюду убитые. Но мы смогли. Грег, Бобби и я… и еще некоторые. В основном осси. Мы захватили этот чертов холм и окопались на вершине. Но… но подкрепление не пришло. У нас не было еды, не было воды. Ночью было холодно, форма промокла, порвалась, была вся в крови… — Он указал на рванье, оставшееся от его штанов.

— А турки стреляли… и стреляли… и стреляли.

Роли вздрогнул, когда до их слуха донеслись звуки выстрелов.

— И шрапнельный огонь… если попадает в кого-нибудь, то… От Бобби вообще ничего не осталось, мистер Джек. Это произошло так быстро… только что он был, а потом… лишь кровь… и рука… Грег плакал. Он все плакал и плакал, никак не мог остановиться. После нам сказали, что нужно отступать. Но там повсюду были турки… и мы опять ползли, на этот раз вниз. Но теперь были кусты, и мы думали, что сможем укрыться… А еще были окопы осси… Мы побежали… Боже мой, мистер Джек, я думал, у меня легкие разорвутся, я настолько устал… А затем пришла очередь Грега… — Роли всхлипнул. — Я хочу домой, мистер Джек! Я хочу домой!

Джек обнял его и принялся укачивать. Удивительно, но думал он при этом о Глории. Когда она была маленькой и ночами ей иногда снились кошмары, он вот так же обнимал девочку. Кто делал это для нее в Англии? Или она плакала и засыпала в одиночестве?

Когда вода на огне закипела, Джек выпустил Роли, заставил его помыться и выпить чаю и, терзаясь угрызениями совести, распотрошил пожитки Грега Макнамары. Он знал, что молодой шахтер, который никогда не хмелел, складировал там запасы виски. Сейчас они ему не помогут, а Роли нужно было подкрепиться.

— Завтра все будет выглядеть по-другому, — утешил он паренька, хотя сам в это не верил. Возможно, на следующий день начнется ответное наступление турок.

Несмотря на трудности, у АНЗАКА появилось несколько дней отсрочки. Их система укреплений удержалась, да и вообще войскам повезло. Британский самолет-разведчик, подбитый и сбившийся с курса, совершенно случайно пролетел над Галлиполи и заметил наступление турок. Генерал Бриджес не колебался и отдал приказ занять все командные пункты.

Джек и Роли неожиданно снова оказались на передовой. Оба сидели в только что вырытых траншеях. Джек пытался утащить своего друга хотя бы туда, где есть крыша, но Роли не мог решиться. Он колебался между страхом перед турками и паникой перед тем, что его засыплет.

— Занять позиции и примкнуть штыки! — прошептал приказ майор Холлендер. Это прозвучало зловеще, как голос призрака, и Роли задрожал. Сейчас, перед восходом солнца, было все еще довольно холодно, а мужчины сидели на позициях уже не первый час.

Военное командование ожидало нападения турок на рассвете, но атака врага в траншеях началась уже давно. Джек потирал руки, чтобы согреться. Высматривал солнце. Роли игрался со своей винтовкой. Его истощенное лицо было серым, как пепел, — в отличие от остальных парней из взвода Джека Роли знал, что им предстоит. Вчера вечером он молча выпил остатки Грегова виски, пока его товарищи громко радовались предстоящему сражению. Особенно новички не могли дождаться нападения турок; им ужасно не терпелось наконец-то пострелять.

Джек бросил взгляд на двух новеньких в своем взводе. Пока Роли сражался на мысе Геллес, Новая Зеландия прислала подкрепление, Бобби и Грега заменили двумя молодыми солдатами с Северного острова. Оба они были с овечьих ферм, как и Джек. Вообще-то, поначалу парни числились в отряде легкой кавалерии, но оставили своих лошадей на Лемносе, чтобы записаться добровольцами и отправиться на Галлиполи. «Ведь это дело чести, — говорили они, — поддержать земляков в героическом сражении».

В целом же вторая волна добровольцев-осси и киви состояла по большей части уже не из искателей приключений, негодяев и бедолаг, а скорее из патриотов. Многие из них пошли на обман, когда указывали свой возраст. Одному из ребят Джека было всего девятнадцать. То, что его и таких же ребят, как он, отправляют в первые ряды, подтвердило подозрения Джека еще во время атаки бухты: самые молодые служили в качестве пушечного мяса. Только благодаря их бесстрашию и можно было проводить самоубийственные действия, не вызывая общего недовольства.

Что касается Джека и его шахтеров, то они были обязаны своей относительно безопасной позицией скорее знаниям траншейной системы — не только собственной, но и турецкой стороны. В конце концов, у них было много времени на то, чтобы понаблюдать за турками во время работы — или определить положение оборонительной системы хотя бы по направлению выстрелов.

— Здесь самое опасное место! — объявил своим людям Джек, тоже шепотом. — Они попытаются прорваться именно в этом месте. Расстояние между траншеями маленькое, а их система делает там поворот. Справа и слева они могут давать отличное прикрытие огнем, пока будут нападать из ниши. Поэтому лучшие стрелки — ко мне! Да, сюда, под крышу…

Это самое слабое звено в системе Джек приказал укрепить чем-то

вроде деревянной решетки. Здесь были бойницы, и с помощью перископа можно было наблюдать за врагом. Но ворваться в траншею беспрепятственно вряд ли получилось бы: солдаты постаралась от души, разложив повсюду колючую проволоку.

— И не стреляйте вслепую. Подождите, пока они подойдут поближе и вы будете уверены, что попадете. Майор полагает, что будет огромное численное превосходство, поэтому экономьте боеприпасы!

— Я предпочел бы быть снаружи, мистер Джек, — тихо произнес Роли.

Джек кивнул.

— Иди в резервную траншею, — приказал он молодому человеку, прекрасно зная, что тем самым нарушает приказ майора. Его отряд должен держать этот участок фронта, а он только что отправил Роли назад.

— Но ведь мне нельзя…

— Иди! — настойчиво произнес Джек.

И в этот момент, казалось, начался ад. С английской стороны никто не слышал приказа атаковать, но турки — все одновременно, плотным строем — высыпали из окопов. С холмов стреляли пулеметы, первые атакующие забрасывали вражеские позиции ручными гранатами.

У Джека уже не было времени следить за Роли или размышлять о том, насколько он боится вражеских отрядов. Он просто прицеливался в солдат, с громким криком бежавших на них, и стрелял — прямо в задыхающиеся легкие, гулко стучащие сердца, раскрытые рты. Перезарядка — выстрел, перезарядка — выстрел…

Раньше Джек часто пользовался словом «преисподняя», но после этого дня он решил никогда больше этого не делать. Нападающие поскальзывались на крови своих товарищей, спотыкались об их тела. А многих из тех, кто добегал до окопов, английские солдаты протыкали штыками. Повсюду лежали тела поверженных турок, в бойницы летели фонтаны крови. Джек слышал предсмертные крики и вопли ужаса. Роли? Только не оглядываться, любая, даже мельчайшая ошибка может стоить жизни.

Один из молодых солдат в приливе кровожадности наполовину высунулся из окопа, чтобы атаковать штыком нападающих. За это он поплатился жизнью. Изрешеченный пулями, он упал в траншею перед Джеком. Его сменил другой. Джек увидел снятую с предохранителя гранату в руках несущегося на него турка. Он выстрелил, попал не очень удачно, солдат успел метнуть гранату, но недалеко. Обрушился край Джековой бойницы, на сидевших во рву мужчин посыпались земля и части тел.

— Рудник рушится! — услышал Джек голос Роли. — Нужно выбираться, всем нужно выбираться…

Роли выронил винтовку. Попытался вылезти из траншеи, но другой солдат утащил его вниз. Краем глаза Джек увидел, как после этого парень предпринял попытку протиснуться сквозь ряды мужчин, чтобы как-то выбраться за линию обстрела. Чуть дальше в траншее разорвалась граната — разлетелись брызги крови, смешанной с землей…

Роли закричал. Джек увидел, что он приник к земле. Несколько турецких солдат воспользовались шансом и бросились на прорыв. В этот момент Джек развернулся и атаковал. Отчаянно, словно попавший в капкан зверь, он орудовал штыком и прикладом, потому что стрелять в ближнем бою было бесполезно. Джек протыкал тела оказывающихся перед ним солдат, не задумываясь, а затем, когда штык застрял в чьем-то животе, взял в руки лопату. После бесконечного рытья каменистой земли лопата была острой и наносила огромные раны — одному из атакующих Джек едва не отрубил голову, ударив его в горло.

— Уноси убитых! — крикнул он Роли, но тот, судя по всему, не слышал его.

Джек и остальные ребята едва справлялись с нападавшими турками. Они спотыкались об их тела, вели ответную стрельбу, но атака турок все продолжалась и продолжалась. Наконец туркам удалось прорваться; они бежали, ослепленные яростью, и натыкались на колючую проволоку. Джек с ужасом видел, как, истекая кровью из тысячи ран, люди падали в траншеи вместе с проволокой. Его солдаты сами запутывались в проволоке, пытаясь зарубить врага, и тоже падали. А вокруг взрывались ручные гранаты. Взметающаяся земля и пороховой дым заслоняли обзор. Джек слышал всхлипывания Роли, когда на них сыпались камни и части тел. Должно быть, парень забился куда-то в угол. Джек даже порадовался тому, что Роли не путается под ногами.

Однако майор Холлендер считал иначе. Когда на несколько секунд вокруг стало чуть спокойнее, Джек услышал его рев.

— Солдат, в чем дело? — орал майор на Роли. — Возьмите винтовку и стреляйте! Проклятье, рядовой, я с вами разговариваю! Это трусость перед лицом врага!

Джек заподозрил худшее.

— Ты здесь сам справишься? — спросил он у парня, который до сих пор защищал траншею рядом с ним. Один из новичков — поначалу совершенно бесстрашный, сейчас — презирающий смерть.

— Ясное дело, капрал, — ответил молодой человек и снова выстрелил.

Джек окинул взглядом траншею. В их части окопа все еще царил хаос из остатков опалубки, мертвых тел и колючей проволоки, весь пол представлял собой сплошное кровавое месиво.

Джеку не сразу удалось разыскать майора и Роли в одном из уголков траншеи. Роли сидел в нише — как можно дальше от бойниц, наполовину засыпанный грязью и землей, дрожащий и плачущий, словно ребенок.

— Рудник, рудник, мистер Тим…

— Солдат, вставайте и берите винтовку! — Майор Холлендер зло пнул молодого человека, но даже это не вывело Роли из состояния ступора.

Джек пробрался сквозь завалы и кровь и кинулся между своим другом и майором.

— Сэр, он не может, сэр… Я ведь вам уже говорил. Пусть его заберут, когда придет спасательный отряд, он в совершенной панике…

— Я считаю это трусостью перед лицом врага, МакКензи, — заявил майор и попытался схватить Роли за ноги, чтобы вытащить из ниши.

Прежде чем ему это удалось, а Джек успел что-либо ответить, у них за спиной разорвалась граната. В траншею снова попрыгали турки. Они кричали от боли, когда колючая проволока рвала их кожу и форму. Джек огляделся в поисках молодого парня с Северного острова, собираясь ринуться в ближний бой. Парень лежал на полу и кричал. Гранатой ему оторвало правую руку, кровь смешалась с кровью врагов. Майор Холлендер хладнокровно дрался штыком.

— Санитары!

Все тут же забыли о плачущем парне в углу, у спасательных отрядов были дела поважнее, нежели заниматься им. Они выполняли работу под жесточайшим обстрелом и тоже несли потери.

В какой-то момент Джек совершенно перестал думать. Он просто наносил удары и беспрерывно стрелял, утратив какое бы то ни было чувство времени. Разве он когда-либо занимался чем-то другим, кроме убийства людей? Будет ли он и впредь проливать кровь противника, вместо того чтобы делать что-то другое? Скольких он убил? Сколько вообще умерло во время этого самоубийственного нападения на траншеи?

Перевалило за полдень, когда волна атакующих схлынула. Должно быть, турки поняли, что так битву не выиграть. Около пяти часов огонь наконец прекратился, не считая нескольких одиночных залпов.

Майор Холлендер, окровавленный и грязный, как и его солдаты, вынул из кармана часы.

— Пора пить чай, — хладнокровно произнес он.

Джек опустил винтовку. Он чувствовал свинцовую усталость и

пустоту. Вот и все. Вокруг него лежали горы трупов врагов и друзей, но он был жив. Похоже, Бог не хочет забирать Джека МакКензи.

— Уберите это свинство, а потом отходите. — Майор указал на мертвых врагов, тела которых, отчасти ужасно изуродованные и разорванные, лежали во рвах.

Спасательные отряды, понятное дело, до последнего времени не занимались уборкой рвов, поскольку сначала должны были позаботиться о своих раненых.

— Эту траншею займет резервный отряд…

Майор пнул ногой одно из тел, словно для того, чтобы подтвердить приказ. Внезапно человек пошевелился.

— Так темно… рудник, так темно… газ… если загорится…

— Роли! — крикнул Джек, садясь на корточки рядом с ним. — Роли, ты не в шахте… Успокойся, Роли…

— Эта трусливая свинья все еще здесь? — Майор бросился к хнычущему Роли, отшвырнул в сторону доску опалубки, которая давала парню укрытие, и жестоко ударил его кулаком в подбородок.

— Закопался и обделался от страха!

Последнее отрицать было сложно. От Роли воняло мочой и экскрементами.

— Где ваша винтовка, рядовой?

Казалось, Роли вообще не понимает, что ему говорят. Найти его винтовку было уже невозможно. Наверное, она осталась лежать где-то на полу, под слоем земли и крови.

— Подъем! И следуйте за мной, вы арестованы. Потом решим, что с вами делать. Если бы решал я, вы бы предстали перед трибуналом. За трусость в бою.

Майор наставил оружие на Роли, который машинально поднял руки, поднялся и побрел за офицером.

Джеку очень хотелось помочь парню, но пока что возможности для этого он не видел. Он просто слишком устал, чтобы думать, а уж делать что-либо и вовсе был не в состоянии. «Да и майор, — подумал Джек, — тоже должен быть на пределе. Он не прикажет расстрелять Роли немедленно».

Спотыкаясь, Джек брел по траншее, а с ним остальные, такие же выгоревшие изнутри солдаты.

— Сорок две тысячи… — произнес один. — Говорят, их было сорок две тысячи. И десять тысяч убиты…

Джек уже не испытывал ужаса, не говоря о ликовании. Он рухнул на

койку и погрузился в глубокий сон. В ту ночь кошмары не мучили его. У него не осталось сил даже на то, чтобы мерзнуть.

— Альберт Джека получает крест Виктории! — сказал один из сидевших у огня. — Первый австралиец! Но он заслужил это. Практически в одиночку перебил парней у поста Кортни. А ведь они уже заняли траншею. Просто невероятно!

Над Галлиполи снова взошло солнце. Победоносные воины сотнями собирались у костров, хлебали свой завтрак и обменивались героическими историями. Некоторые купались в бухте на пляже, хотя было еще свежо. Ребятам хотелось избавиться от запаха крови и пороха, а море было единственной ванной, доступной им. Турки обстреливали пловцов без привычного рвения. Они лениво постреливали в купающихся, которые, в свою очередь, развлекались тем, что старались вовремя нырнуть, прежде чем пули могли найти свою цель. В это утро враги хоронили убитых. Официального, провозглашенного генералами перемирия не было, скорее это был акт человечности. Австралийцы и новозеландцы вытаскивали тела из окопов и не стреляли в спасательные отряды турок. Те тоже, увидев белые повязки на рукавах, прекращали обстрел.

Джек убедился, что выжившие из его отряда ребята в порядке, что у них есть еда и вода, чтобы помыться. За последним приходилось следить. Некоторые золотоискатели не отличались чистоплотностью и одевались неподобающим образом, за что их командиры частенько получали взбучку от английских офицеров. Джека это даже смешило: с одной стороны — порядок и чистота, с другой — купание в крови. Траншеи были уже вычищены, но Джек понимал, что не сможет находиться там, потому что перед глазами до сих пор стояли ужасные картины: окровавленные мужчины, напоровшиеся на колючую проволоку, и лицо молодого парня, которому он едва не отрубил голову лопатой.

Джек решил пойти на пляж, чтобы поискать Роли. Куда, ради всего святого, майор мог поместить его под арест?

Первый же санитар указал ему путь к «тюрьме». Среди тех, кого Австралия и Новая Зеландия послали на войну, вновь и вновь обнаруживались люди, которые даже на поле боя переходили все границы. Только накануне битвы арестовали двух мужчин, пьяных в стельку, и только одного из них к полудню отправили против турок. Он быстро схватил пулю и теперь лежал в лазарете. Второй же до сих пор едва ворочал языком, и было неясно, обвинят ли его в нарушении покоя, трусости перед лицом врага или в дезертирстве. Наконец Джек нашел

импровизированное место заключения — палатку на берегу, охраняемую сержантом и двумя молодыми солдатами.

— Кого вы ищете? Труса? Он только сегодня стал похож на человека, а вчера даже двух слов связать не мог. Совершенно спятил… Я хотел уже позвать врача, но у врачей, как вы понимаете, есть дела поважнее. Теперь этот ненормальный вроде пришел в себя, говорит, что ему ужасно стыдно, и все время пытается рассказать мне о какой-то шахте. — Сержант помешал ложечкой чай. — Наверное, здорово его по голове приложили…

С одной стороны, Джек испытывал облегчение, с другой, то, что Роли все еще под арестом, не предвещало ничего хорошего.

— И что теперь с ним будет? — поинтересовался он. — Майор Холлендер…

— Он предпочел бы расстрелять его сразу же. Трусость перед лицом врага… — произнес сержант. — Хотите чаю?

Джек отказался.

— Расстрел? Разве можно?.. — встревожился он. — То есть…

Сержант пожал плечами.

— Скорее всего, его отвезут на Лемнос, где он предстанет перед трибуналом. Остальных тоже. Расстреляют их сразу же или после разбирательства, не знаю. Вообще-то, это расточительство, вы не находите? Я думаю, все закончится штрафбатом. Что, в общем-то, приведет к тому же результату, но сначала они немного покопают траншеи во Франции…

— Во Франции? — с ужасом переспросил Джек.

Мужчина кивнул.

— Пожалуй, на осси-штрафбат людей не наберется. Эти ребята дикари, но далеко не трусы! Хотите увидеть своего парня?

Джек покачал головой. Разговор с Роли ничего не даст, ведь утешить его нечем. Нужно что-то предпринять. До того, как его отвезут на Лемнос! Если делу дадут ход, остановить его уже будет нельзя.

Поэтому Джек поблагодарил приветливого коменданта тюрьмы и побежал к лазаретам.

— Полевой госпиталь… Мне нужен командующий Джозеф Бистон, где мне его найти? — спросил Джек у первого попавшегося санитара.

— Наверное, штаб-врач сейчас оперирует. Они все заняты со вчерашнего дня, — сказал мужчина, который нес в одну из палаток дезориентированного раненого с повязкой на голове.

— Все врачи вон в тех палатках, просто спросите его. Но может статься, что вам придется подождать. Там просто ад!

Джеку пришлось взять себя в руки, чтобы войти в одну из палаток, где

расположились импровизированные операционные залы. Какой-то санитар как раз выносил окровавленные мешки. Джек разглядел марлевые бинты, а также отрезанные конечности, простреленные и раздробленные. Он с трудом подавил подкатившую к горлу тошноту, когда ему в лицо ударил сладковатый запах крови, смешанный с парами лизола и эфира.

В палатке весь пол тоже был в крови, санитары едва успевали вытирать. За несколькими столами работали врачи, слышались стоны и крики.

— Командующий Бистон? — Джек наудачу обратился к одному из врачей, которых за марлевыми повязками и передниками было не разглядеть. Передники мясников…

— Там, за последним столом справа… рядом с псом… — Врач окровавленным скальпелем указал в противоположную сторону.

Джек посмотрел туда и узнал Пэдди. Маленький песик лежал в дальнем углу палатки и казался совершенно подавленным. Его тяжелое дыхание и дрожь напомнили Джеку Роли, который так же прерывисто дышал, оказавшись под землей.

— Командующий Бистон? Можно… можно поговорить с вами?

Врач слегка обернулся к нему, и на Джека взглянули полумертвые от усталости глаза за толстыми стеклами очков. Передник Бистона был перемазан кровью, руки в крови по локоть. Похоже, он отчаянно пытался заштопать что-то внутри своего пациента.

— Я вас знаю?.. Ах да, рядовой МакКензи! Уже капрал! Поздравляю! — Командующий Бистон слабо улыбнулся.

— Мне нужно поговорить с вами, — повторил Джек, на этот раз настойчивее. Госпитальные суда наверняка часто ходят в Лемнос. Кому-нибудь может прийти в голову послать с ними пленников.

— Конечно, — произнес полевой врач. — Но не сейчас. Вы должны подождать. Когда я… когда я закончу с ним, сделаю перерыв. Должно прийти подкрепление с Лемноса, мы уже не справляемся. В любом случае… подождите в «казино», или как там называют эту хибарку. Это вам всякий покажет. И если можете, заберите Пэдди. Он вот-вот загнется… — И Бистон снова склонился над своим пациентом.

Джек попытался выманить ошалевшего от запахов пса из темного угла палатки. Тот завизжал. Но Джеку удалось взять животное на поводок и спокойно уговорить пойти с ним, прочь из палатки. Пэдди потянул его к кораблям.

— Умный песик, — заметил Джек. — Пожалуй, этого хотелось бы многим здесь. А где же это «казино»?

Выражение командующего Бистона как нельзя лучше подходило к сколоченному из палатки и досок для опалубки сарайчика, в котором врачи устраивали себе короткие передышки между операциями. Когда Джек вошел туда, один молодой офицер крепко спал на койке, другой темноволосый врач сделал большой глоток из бутылки виски, брызнул себе в лицо водой из умывальника и снова убежал.

Джек решил подождать у палатки и провел время за упражнениями с Пэдди. Маленький пес забыл о своих волнениях и вскоре старательно выполнял указания Джека. Последнему общение с Пэдди тоже пошло на пользу. На какое-то время он забыл о ближнем бое в окопах.

— Умный песик! — наконец с удовольствием похвалил Джек маленького метиса.

Внезапно его охватила жгучая тоска по дому. Что заставило его бросить Киворд-Стейшн, колли и овец, чтобы окопаться на другом краю мира и стрелять в людей, с которыми у него нет никаких дел?

— Да у вас талант к дрессуре собак! — удовлетворенно заявил командующий Бистон, когда спустя более чем два часа появился у «казино». Теперь он выглядел еще более уставшим, чем прежде. Наверное, у него были другие операции, кроме той, которую он должен был закончить. — Нужно было оставить Пэдди на судне. По большей части мы спим там… Но вчера…

— Вчера мы все были на пределе, — произнес Джек. — Некоторые больше, чем другие…

— Входите же! — Командующий Бистон приоткрыл ему полог палатки и тут же отправился на поиски виски. В любом случае он был вполне вменяем, чтобы наполнить два бокала. — Вы ведь будете?

Джек кивнул.

— И что я могу для вас сделать? — спросил штабной врач.

Джек вкратце рассказал о Роли.

— Не знаю… Да, я, конечно, в долгу перед вами, но мне здесь тру́сы не нужны. А трусость перед лицом врага…

Командующий Бистон отпил виски.

Джек покачал головой.

— Рядовой О’Брайен не трус. Напротив, после битвы за мыс Геллес он получил награду, поскольку вынес из-под вражеского огня двух раненых. И во время штурма той проклятой горы он тоже сражался в первых рядах. Но у этого парня боязнь закрытого пространства. В траншеях он сходит с ума.

— Нашим спасательным отрядам тоже приходится работать в траншеях, — заметил Бистон.

— Но и под открытым небом они тоже работают. Именно поэтому к вам не так-то рвутся, верно? — спросил Джек. — Не считая уже того, что вряд ли вам придется использовать этого парня в спасательном отряде. Роли — опытный санитар…

Бистон нахмурился.

— У этого парня действительно есть опыт работы санитаром?

Полчаса спустя командующий Бистон официально попросил майора Холлендера перевести рядового Роланда О’Брайена на санитарную службу.

— Слишком жаль отдавать его в штрафбат, майор! По словам его друга, этот человек — обученный санитар, учившийся у медсестры, прошедшей Крымскую войну. Флоренс Найтингейл[8] в мужском обличье. Нельзя его губить во Франции!

Еще через час Джек МакКензи вздохнул с облегчением. Роли был спасен. Тем не менее Джек написал Тиму Ламберту в Греймут. Лучше иметь два шанса на успех.

После этого он написал Глории. Он не хотел надоедать ей и не был уверен, стоит ли отправлять письмо, но в то же время понимал, что если не расскажет кому-то о сражении, то сойдет с ума.

7

Когда несколько месяцев спустя Глория наконец добралась до Сиднея, она была готова возненавидеть весь мир. В душе она злилась на клиентов, которые использовали ее без зазрений совести, а потом не хотели платить дополнительно за «особые услуги», о которых договаривались с девушкой. Не раз бывало так, что Глории приходилось обнажать нож, чтобы заставить мужчин заплатить, — причем чаще всего она удивлялась, что это работает. По большей части безобидные жители маленьких городков, которые просто хотели использовать еще более слабое существо, тушевались при виде блеска стали. Такой негодяй, как стюард, легко вырвал бы его у девушки и, возможно, даже отомстил бы кровью. Но, скорее всего, мужчин пугала ненависть и кровожадность во взгляде Глории, когда она хваталась за нож. Пока Глория подчинялась им, она казалась тихой и слабой и молча прятала деньги за свои услуги. Если же они отказывались платить, она превращалась в фурию.

Ненавидела Глория и других проституток, которые были настроены против новенькой, решившей подзаработать в чужих охотничьих угодьях.

Поэтому ее нож шел в дело довольно часто. Впрочем, девушки слишком очерствели, чтобы реагировать на обычные угрозы, и многие из них дрались лучше, чем Глория. Дважды она, сильно избитая, оказывалась в придорожной грязи, а один раз соперница украла у нее весь дневной заработок. При этом Глория не составляла серьезной конкуренции другим проституткам. Мужчины, которые шли с ней, чаще нуждались в особых, нежели обычных услугах.

Поначалу девушка не понимала, что именно привлекает к ней некоторых мужчин, пока до нее не дошло, что их возбуждает ее бритая голова. А ведь поначалу она опасалась, что столь радикальная стрижка повредит делу. Но оказалось, что голая кожа на ее голове возбуждает как раз склонных к извращениям мужчин. Поэтому, как только волосы отросли, Глория тут же снова побрилась. Кроме всего прочего, это было очень практично для борьбы с паразитами. Несмотря на то что она занималась своим ремеслом не в таких ужасных условиях, как на «Ниобе», в сараях и портовых складах, куда ей приходилось водить клиентов, все равно было полно блох. Впрочем, она предпочитала ходить на какой-нибудь пляж. Там было чисто, а шум моря убаюкивал ее, пока клиенты развлекались на ней.

Глория ненавидела и честных женщин, и владельцев магазинов, у которых покупала какие-то продукты. Девушку раздражала их самоуверенность, когда они встречались с проституткой Глорией, их нежелание помочь ей. Она завела себе привычку путешествовать в образе мальчика и превращаться в женщину только по ночам. В мужской одежде она чувствовала себя увереннее и ей было легче прятаться от других проституток, которые днем обычно занимались охотой на «бродячих» конкуренток. Переодевшись мальчиком, Глория — в надежде сэкономить деньги на продукты и тем самым больше отложить для путешествия в Новую Зеландию — постоянно искала работу. Мальчику было бы нетрудно отремонтировать пару заборов, разгрузить автомобиль или постричь траву для мелкого лавочника или жены фермера с попавшейся по дороге фермы, чтобы заработать себе на пропитание. Но лишь немногие уступали просьбам, по большей части ее прогоняли и кричали вслед:

— Иди с богом, иди себе!

Бродяг в мелких австралийских городках не любили. «Джеку» то и дело советовали присоединиться к армии, вместо того чтобы бесцельно бродить по округе.

Но больше всего Глория ненавидела страну, в которую ее занесло. В Новой Зеландии, не говоря уже об Америке, она привыкла к большим расстояниям, но те расстояния, которые приходилось преодолевать в

Австралии, давали фору всем остальным. Это доводило ее до отчаяния, особенно в начале путешествия. Чтобы попасть из Дарвина в Сидней, ей пришлось преодолеть путь по малозаселенной территории в несколько сотен миль. Глории было не до красот пустынных пейзажей, которыми она могла любоваться, когда ехала на поезде или же на повозке проникшегося сочувствием фермера, а зачастую шла пешком. Девушка не замечала ни поблескивающих красным скальных нагромождений, ни красочных восходов и закатов, несмотря на то что временами задумывалась о том, что, наверное, раньше она все это зарисовала бы. Но то было в другой жизни, а что касается дня сегодняшнего… У Глории не было жизни. Девушка рассматривала свое существование как переходный период — чем меньше думать о том, где она и что делает, тем проще будет потом забыть об этом. Закрывая глаза, она видела перед собой Кентерберийскую равнину, обильную яркую зелень, овец, а на заднем фоне — Альпы. И она жила в страхе, что когда-нибудь поблекнет и эта мечта, последняя, если она будет продвигаться вперед недостаточно быстро.

Глория обходила поселения аборигенов, коренных жителей этой страны, но специально искала лагеря золотоискателей. «Джек» чуть-чуть попробовал намыть золото, но без собственного участка и знаний темы потребовались бы годы, чтобы скопить достаточно денег для путешествия. Проституткой Глория зарабатывала больше, несмотря на то что в лагерях следовало быть осторожной. Золотоискатели были ребятами суровыми и платили охотно только в том случае, если им удавалось что-то найти. Тогда они могли быть очень щедрыми. Но бывало, когда они набрасывались на Глорию группами, а потом не хотели платить. Обнажать нож при виде такого численного превосходства девушка не осмеливалась.

В любом случае Глория перевела дух, когда после многих недель пути наконец-то снова увидела море и без особых проблем смогла передвигаться от одного прибрежного городка до другого. Она не запоминала названий деревень, городов и портов. Для нее все было одинаковым, пейзаж сливался в пустыню и побережье, лица мужчин — в одну-единственную рожу. Глория думала только о том, чтобы неуклонно продвигаться вперед. Несмотря на это, потребовались еще целые месяцы боли, страха и унижений, прежде чем она наконец достигла Сиднея. Здесь «Джек» должен был окончательно превратиться в Глорию, потому что именно на это имя были выписаны ее документы. Во время путешествия девушка то и дело вытаскивала свой паспорт, иногда с дрожью в руках, когда ей казалось, что она не может найти бумаги во внутреннем кармане своей мужской одежды. Документы уже покрылись пятнами, промокли от соленой воды и

помялись, но они были действительными.

Глория Мартин… Имя из прошлого… Она давным-давно забыла его. Если она вообще задумывалась о существе, в которое превратилась, то называла себя «Джеком». Мелькнула мысль, не станет ли использование документов причиной того, что ее обнаружат и отправят назад к родителям. Однако сочла это маловероятным. Такое возможно, если бы она была опасной преступницей. Но большинство людей скорее поверят в любовную историю, узнав о пропавшей в Сан-Франциско девушке. Как Лилиан, например… Глории не верилось, что вскоре она, может быть, встретится со своей веселой маленькой кузиной.

За последние недели Глория снова отрастила волосы, и по прибытии в Сидней ее худощавое лицо обрамляли густые локоны. В универмаге она приобрела два дорожных костюма. Недорогих, но и не самого худшего качества. Несмотря на то что ради этой покупки пришлось «работать» дополнительно, Глория была исполнена твердой решимости купить билет во второй класс. Путешествие на промежуточной палубе она не вынесет, даже в качестве пассажира.

Первое судно в сторону Новой Зеландии шло в Данидин. В этом отношении Глории повезло. Она с трудом решила для себя вопрос, стоит ли ждать судна на Южный остров или же следует как можно скорее выйти в море, даже если речь пойдет о путешествии на Северный остров. Хуже было то, что «Королева Анна» должна была отчалить через неделю. Глория боролась с собой. Провести это время в мужском пансионе под видом «Джека» и тем самым сэкономить деньги или же снять комнату? На комнату придется потратить последние деньги. Мысль о самом выгодном решении — «поработать» еще немного — она быстро и решительно отбросила. Нельзя больше рисковать! После всего того, что ей довелось пережить, девушке не хотелось стать жертвой нападения других проституток или же позволить украсть у себя билет на судно.

Внезапно Глорию стали сотрясать приступы страха. Что, если ее узнают во время паспортного контроля? Что, если «Королева Анна» потонет? Что, если корабельная команда прежде работала на «Мэри Лу» или «Ниобе» и узнает ее? И как обставить возвращение домой? Дедушка Джеймс мертв, но жива ли еще бабушка Гвин? Может быть, Кура и Уильям уже успели продать Киворд-Стейшн, разозлившись на сбежавшую от них дочь? Может быть, она виновата в том, что Джек и бабушка Гвин остались без дома? О Джеке Глория думать не могла. Будет ли она ненавидеть его, как всех мужчин?

Время до отплытия Глория, дрожа, провела в одиночестве в дешевом

пансионе. Она почти не посмотрела Сидней, красивый маленький город, за исключением портового квартала. Джексон представлял собой естественный порт; эта уходящая глубоко внутрь континента бухта защищала стоявшие на причале суда. Но Глория по-прежнему не обращала внимания на красоты природы. Порт был для нее всего лишь местом повышенного риска, полным подонков общества.

Последние деньги она вложила в экипаж, чтобы не идти пешком через портовый квартал, и почти вбежала на борт «Королевы Анны». Глории казалось, что она вот-вот расплачется от облегчения, когда ей приветливо показали каюту. Крохотную комнатку она делила с взволнованной молодой девушкой, которая ехала в Новую Зеландию вместе со своими родителями. Ее мать, тут же поведала она, родилась под Квинстауном, но вышла замуж и уехала в Австралию. И теперь отцу нужно по делам на Южный остров, и он взял с собой семью. Генриетта и двое ее братьев наконец-то собрались познакомиться с бабушкой и дедушкой.

— А ты? — поинтересовалась соседка.

Глория была немногословна. Веселая попутчица действовала ей на нервы, как когда-то одноклассницы в «Оукс Гарден». Она тут же замкнулась в себе и почти все время молчала и хмурилась. Вскоре Генриетта начала избегать ее.

Во время путешествия пароходная компания предлагала пассажирам первого и второго классов некоторые развлечения. Глория предпочла бы не участвовать в них — она разрывалась между желанием закрыться в каюте и желанием стоять на палубе и всматриваться вдаль в надежде побыстрее увидеть родные берега, хотя прекрасно понимала, что до этого еще далеко. Впрочем, танцы и музыкальная программа всегда были связаны с приемами пищи, и Глория всякий раз старалась наесться впрок. В Австралии она постоянно страдала от голода и теперь не собиралась упускать возможности насладиться оплаченной вместе с билетом едой. При этом поначалу девушку совершенно не заботили принятые в обществе нормы приличий, поскольку она просто забыла о них. Во время бродяжничества ей слишком часто приходилось торопливо запихивать в себя хлеб и сыр, пока какой-нибудь бродяга не оказывался сильнее и не вырывал кусок у паренька по имени Джек.

Впрочем, прием пищи по часам и чистая столовая на судне оживили воспоминания об «Оукс Гарден». Глория стала вести себя, как это было раньше: проходила на свое место с опущенной головой, желала своим соседям по столу приятного аппетита и, стараясь не смотреть на них, по возможности быстро ела. Поскольку было бы невежливо сразу же встать и

уйти, она присутствовала на следовавших за этим музыкальных или танцевальных мероприятиях, пила вино или ела орехи, которые подавали в качестве закуски. Если кто-либо заговаривал с ней, девушка отвечала односложно. В итоге ей удалось сыграть роль робкой, очень благовоспитанной девушки. Лишь однажды, когда ее пригласил на танец ничего не подозревающий молодой человек, в ней проснулись былые чувства. Она так сверкнула на него полными ненависти глазами, что тот едва не упал от изумления, а Глория сама себя испугалась. Если бы он прикоснулся к ней, она обнажила бы нож. Она по-прежнему носила его с собой. Маленькая Генриетта, похоже, начала побаиваться ее. Глория же считала дни до конца путешествия.

А потом на горизонте показалась Новая Зеландия — Аотеароа. Глория мечтала о большом белом облаке, но они прибыли в Данидин не рано утром, а во второй половине дня, и осенний туман, который можно было ожидать, давно уже рассеялся. Но с судна все равно были видны силуэты гор, выделявшиеся на фоне аккуратного городка. Капитан показал пассажирам первого и второго класса колонию альбатросов на полуострове Отаго, и люди отреагировали на кружащихся над островом птиц ожидаемыми «охами» и «ахами».

Глория теребила в руках свой узелок с одеждой, пальцы едва не порвали потрепанную ткань. Дома… она наконец-то дома. Она слышала, что переселенцы времен бабушки Гвин падали на колени и целовали землю, когда добирались до новой страны живыми, и вполне понимала их чувства. Когда «Королева Анна» вошла в Порт Шальмер, Глория испытала громадное облегчение.

— И что вы теперь собираетесь делать, мисс Мартин? — Стоявший рядом с ней отец Генриетты спрашивал без интереса, просто для того, чтобы поддержать разговор со странной девушкой.

Глория подняла глаза — и вдруг поняла, что не знает ответа. В планах у нее была одна цель: Новая Зеландия. Но что именно она собирается делать по возвращении туда, девушка не знала…

— Я навещу семью, — как можно тверже произнесла она.

— В таком случае желаю вам удачи. — Мистер Маршал увидел на палубе знакомых и отошел от Глории. Девушка перевела дух. И ведь она не солгала. Конечно же, она собиралась в Киворд-Стейшн. Однако…

— Путешествующим в Данидин лучше сесть на поезд, — посоветовал стюард. — Поезда ходят регулярно, вы без проблем доберетесь до города.

— Мы прибываем не в Данидин? — негромко переспросила Глория.

Молодой человек покачал головой.

— Нет, мисс. Порт Шальмер — отдельный городок. Но, как я уже говорил, нетрудно…

Если в кармане больше денег, нежели пара австралийских центов. Глория была уверена, что не сможет оплатить путешествие по железной дороге, но почему-то это показалось ей неважным.

Сойдя по сходням и снова оказавшись на земле Новой Зеландии, она как будто пребывала в трансе. Девушка бесцельно бродила вдоль берега моря, потом уселась на скамью и стала смотреть на спокойные воды бухты. Она очень часто представляла себе, как будет ликовать и радоваться, когда наконец-то достигнет Новой Зеландии, но сейчас почему-то не испытывала ничего, кроме пустоты. Никакого отчаяния, никакого страха, никакого ощущения несчастья. Но и радости тоже не было. Казалось, будто в ней все умерло, вся энергия израсходовалась. Глория понятия не имела, что будет делать, но это ее не тревожило. Она просто посидит, пока…

— Добрый вечер, юная леди. Я могу вам чем-нибудь помочь?

Глория вздрогнула, услышав за спиной мужской голос. Повинуясь инстинкту, хотела потянуться к ножу, но потом обернулась. Мужчина, но в форме констебля.

— Нет, я… просто отдыхаю здесь… — пролепетала Глория.

Констебль кивнул, но тут же нахмурился.

— Вы отдыхаете здесь уже два часа, — заявил он, бросив взгляд на карманные часы. — А тем временем темнеет. Так что если вы куда-то направляетесь, то вам следует поторопиться. А если никуда не направляетесь, то лучше все-таки определиться. В противном случае это придется сделать мне. Вы не похожи на проститутку, но я, выполняя свои задачи, должен следить за тем, чтобы юные леди не задумывались о таких глупостях. Мы друг друга поняли?

Глория внимательнее пригляделась к мужчине. Он был средних лет, нетороплив и не особенно страшен. Но он был прав. Оставаться на лавочке в порту она не могла.

— Куда вам нужно, девушка? — приветливо поинтересовался полицейский, заметив озадаченность на ее лице.

— В Киворд-Стейшн, — ответила Глория. — Кентерберийская равнина, Холдон.

— Ах ты, боже мой! — удивился констебль. — Туда вы уж не попадете, дитя. А поближе ничего не нужно?

Глория пожала плечами.

— Квинстаун, Отаго? — машинально поинтересовалась она. Там жили бабушка и дедушка Лилиан. Впрочем, Глория помнила их лишь по одному-

единственному визиту.

Констебль улыбнулся.

— Это будет поближе, девушка, но тоже не так чтобы рукой подать. Я тут подумал о месте, где, возможно, вам сегодня найдется постель. Если уж не получится в Порт Шальмере, то как насчет Данидина?

Данидин. Глория сотни раз писала это название на конвертах. Конечно же, в Данидине у нее была знакомая. Если она не переехала, не ушла на другую работу или не вышла замуж. В последний раз она писала Саре Бличем очень давно.

— Школа для девочек «Принцесса Элис»? — негромко спросила она.

Констебль кивнул.

— Есть такая! — похвалил он. — Даже расположена между городом и Порт Шальмером, так что не так уж и далеко…

— Какое расстояние? — поинтересовалась Глория.

Полицейский пожал плечами.

— Пять миль, — прикинув, ответил он.

Глория деловито кивнула.

— Хорошо, это я могу пройти пешком. В какую сторону? Есть хорошая дорога?

И она снова заставила констебля нахмуриться.

— Скажите, малышка, вы откуда взялись? Прямиком из глуши? Конечно же, вокруг Данидина есть хорошие дороги — и железнодорожная линия, остановка рядом со школой обязательно. Впрочем, последний поезд, наверное, уже ушел. Так что нам нужна повозка. Согласны?

Глория покачала головой.

— У меня нет денег.

Полицейский вздохнул.

— Признаться, так я и подумал… Глядя на вас, можно предположить наличие проблем… Что ж, давайте думать вместе. Как вы собираетесь попасть в школу для девочек? Вы там кого-нибудь знаете?

— Сару Бличем, учительницу, — ответила Глория. Она по-прежнему ничего не чувствовала — ни страха перед представителем закона, ни желания куда-нибудь устроиться на ночлег. Сара Бличем… это совсем другой мир.

— А вас как зовут? — спросил констебль.

Глория назвалась. Даже если ее разыскивают, опасность невелика — теперь ее уже не отвезут ближайшим рейсом в Америку. Слишком близко живут ее родственники.

— Хорошо, мисс Мартин. Тогда у меня к вам следующее предложение.

Здесь, за углом, полицейский участок… И не пугайтесь вы так, мы не кусаемся! Если вы ничего не имеете против того, чтобы пройти со мной туда, мы могли бы быстренько позвонить в школу «Принцесса Элис». Если там действительно есть мисс Бличем, которой вы хоть немного не безразличны, то она наверняка согласится заплатить за повозку.

Спустя несколько минут Глория с чашкой чая перед собой сидела в полицейском участке, который делили констебль МакКлауд и констебль МакАртур. Почти все жители Данидина были шотландцами по происхождению.

Констебль МакКлауд позвонил сначала мисс Брендон, потом миссис Ланкастер и, наконец, повернулся к Глории:

— Да, у них есть Сара Бличем, но сейчас у нее урок… астрономии. Странный предмет, никогда бы не подумал, что девочек можно этим заинтересовать! Впрочем, ректор сказала, что я должен просто посадить вас в такси и отправить туда. А она как-нибудь уладит этот вопрос.

Это звучало утешительно, и вскоре Глория утонула в подушках очень удобного автомобиля; судя по всему, у пассажиров здесь часто бывали высокие шляпы. Водитель прогрохотал через Порт Шальмер, не забыв указать Глории на преимущества электрического освещения улиц, которое здесь недавно проложили, а потом на хорошие дороги, ведущие к Данидину. Глория пожалела, что не видела днем идущие через поросшую лесом местность дороги. Южные буки… Капустные деревья… Может быть, она будет чувствовать себя не так странно, если увидит растения своей родины.

Здание школы «Принцесса Элис» напоминало «Оукс Гарден». Впрочем, оно было меньше и красивее с архитектурной точки зрения, представляя собой строение из типичного для этой местности светлого песчаника с эркерами и башенками, которые придавали ему некую игривость. К дому вела аллея, и сердце Глории забилось быстрее, когда шофер остановился напротив подъезда. Если мисс Бличем не узнает ее или не захочет иметь с ней ничего общего… Что тогда делать, чтобы отработать поездку на такси?

Водитель поднялся вместе с ней по лестнице, и вот она уже в холле с камином, тепло которого отгоняло осеннюю прохладу. Здесь была мебель из дерева каури, кресла, диваны и мягкие ковры. Дверь открыла пожилая, несколько полноватая женщина и улыбнулась Глории.

— Я миссис Ланкастер, ректор, — представилась она и тут же заплатила водителю. — А теперь мне очень интересно, кто залетел к нам на

огонек из Австралии. — Она приветливо посмотрела на Глорию. — Кстати, нашей мисс Бличем тоже. Она не знает никого из Австралии.

Глория нервничала, пытаясь подобрать слова, чтобы прояснить ситуацию, когда увидела спускающуюся по лестнице в фойе мисс Бличем. Ее учительница слегка постарела, но, в принципе, это было ей к лицу. Она уже не казалась такой неуверенной, как раньше, — никакой Кристофер Бличем уже не смог бы ей понравиться. Сара Бличем держалась ровно, двигалась уверенным шагом. Ее темные волосы были собраны в пучок, и, похоже, она перестала стесняться своих очков с толстыми стеклами. Как бы там ни было, она не стала теребить их, увидев в фойе незнакомого человека.

— Это ко мне? — спросила она своим низким голосом. Глория узнала бы его из тысячи. Но мисс Бличем смотрела на таксиста.

— Это я, — негромко произнесла Глория.

Мисс Бличем нахмурилась и подошла ближе. Даже в очках она видела не очень хорошо.

— Глория, — прошептала девушка. — Глория Мартин.

На миг мисс Бличем слегка растерялась, а потом глаза ее засияли.

— Дитя, я ни за что не узнала бы тебя! — призналась она. — Ты так повзрослела. И похудела, выглядишь совершенно истощенной. Но, конечно же, это ты! Моя Глория! И ты опять постриглась!

Мисс Бличем бросилась к Глории и резко притянула девушку к себе.

— Я так переживала за тебя, когда ты перестала писать. — Мисс Бличем гладила короткие спутанные волосы. — А как волнуется бабушка. Я связывалась с ней несколько месяцев назад, спрашивала, где ты сейчас, и она сказала, что ты сбежала и тебя не могут найти. Я всегда опасалась чего-то такого. Но теперь ты нашлась. Моя Глория…

Глория смущенно кивнула. «Моя Глория». Глория мисс Бличем, Глория бабушки Гвин… Она вдруг почувствовала, как в ней что-то освободилось. И она заплакала, прижавшись к плечу мисс Бличем. Сначала коротко, сухо всхлипывая, потом появились слезы. Сара Бличем отвела девушку на диван в холле, села рядом и прижала ее к себе. Она крепко обнимала Глорию, а та все плакала, плакала и плакала.

Миссис Ланкастер растерянно смотрела на них.

— Бедная девочка, — пробормотала она. — Неужели у нее нет матери?

Сара подняла голову и почти незаметно покачала головой.

— Это долгая история… — устало произнесла она.

Глория проплакала всю ночь и половину следующего дня. Временами она проваливалась в дремоту, чтобы тут же снова начать всхлипывать, как только просыпалась. Саре и миссис Ланкастер каким-то образом удалось отвести ее наверх, в комнату Сары. Позже миссис Ланкастер послала им суп и хлеб. Глория проглотила еду и после этого, вцепившись в Сару, опять расплакалась.

Миссис Ланкастер, представлявшая собой совершенно иной тип директора школы, нежели строгая мисс Эрроустон, на следующий день дала Саре выходной. Поэтому учительница сидела рядом с Глорией, пока девушка наконец не перестала всхлипывать и не провалилась в глубокий сон.

Сара Бличем укрыла ее и постучала в дверь ректора. Миссис Ланкастер сидела за своим тщательно убранным письменным столом и пила чай. Она предложила Саре присесть, достала для нее чашку из красивого шкафа своего по-домашнему обставленного кабинета.

— Мне нужно позвонить, — сказала Сара, отпив чаю. — Но я не уверена…

— Она очень устала, Сара, — произнесла ректор, придвигая учительнице тарелку с печеньем. — Думаю, с этим не следует спешить. Я, конечно, могу известить семью… Просто скаж´ите мне, где найти бабушку и дедушку девочки.

Сара пожала плечами.

— Вполне может быть, что она этого не хочет. Поймите меня правильно, у Глории здесь есть родственники, которые по-настоящему любят ее. Но решения так часто принимались без их участия… Я согласна с тем, что лучше подождать, пока она полностью не придет в себя.

— Как вы думаете, что с ней стряслось? — спросила ректор. — Кто вообще эта девушка? Ваша бывшая ученица, это я уже поняла. Но откуда она?

Сара Бличем вздохнула.

— Можно мне еще чаю? — спросила она. А потом рассказал всю историю о Куре и Глории Мартин.

— Наверное, под конец бедная девочка не выдержала и сбежала. Однако я не представляю себе, что случилось с ней по пути в Австралию, — закончила рассказ учительница. — От миссис МакКензи мне известно, что она сбежала из отеля, где жили ее родители, без денег и багажа, взяв с собой лишь паспорт. Остальное может рассказать нам только Глория. А она до сих пор плачет.

Миссис Ланкастер осторожно кивнула.

— Вам, наверное, не стоит ее расспрашивать. Будет лучше, если она сама все расскажет… Но, возможно, девочка замкнется и будет молчать.

Сара нахмурилась.

— Но должна же она хоть кому-то рассказать! Неужели все настолько ужасно, что она вечно будет молчать об этом…

Миссис Ланкастер слегка покраснела, но взгляда не опустила. Она стала учительницей не сразу. Сначала, выйдя замуж, она жила с мужем в Индии, пока тот не умер, а на оставленные им деньги основала школу для девочек. Джейн Ланкастер кое-что знала об этой жизни.

— Сара, да подумайте сами! Девушка — без денег, без помощи, без поддержки близких и друзей — совершенно самостоятельно пересекает полмира… Может, вы и сами не захотите знать, что пришлось пережить бедняжке. Бывают воспоминания, с которыми можно жить, только не делясь ими ни с кем…

Сара густо покраснела. Казалось, она хотела что-то спросить, но промолчала, опустив глаза.

— Я не буду спрашивать ее, — прошептала она.

Когда на следующее утро Глория проснулась, она чувствовала себя немного лучше, но совершенно опустошенной. Как и прежде, у нее не было сил делать что бы то ни было или принимать решения, и она была благодарна Саре за то, что та дала ей время. На протяжении первых дней Глория ходила за учительницей, словно собачка. Когда Сара занималась с девочками постарше, она просто оставляла Глорию в классе в надежде, что урок, возможно, заинтересует ее. Школа «Принцесса Элис» в значительной степени отличалась от «Оукс Гарден». Здесь основными предметами обучения были естественные науки. Все было нацелено на то, чтобы подготовить девушек к поступлению в университет Данидина, который со дня своего основания в 1869 году без ограничений принимал женщин. Миссис Ланкастер, относившаяся ко всем воспитанницам по-матерински — в браке, к своему огромному несчастью, она осталась бездетной, — заботилась о том, чтобы в школе царила атмосфера дружелюбия и внимания друг к другу. Конечно же, среди девочек, как и повсюду, случались ссоры, но преподаватели старались делать так, чтобы никто не чувствовал себя слишком обособленным, чтобы никто из воспитанниц не стал предметом насмешек. Поэтому девочки не трогали Глорию и не дразнили ее, когда она неподвижно сидела за одной из парт и безучастно глядела на доску или в окно, на самом деле ничего не видя.

Если же Сара занималась с младшими девочками, Глория ждала у

двери — пока миссис Ланкастер однажды не обнаружила ее там и не заговорила с ней.

— Вам не скучно здесь, Глория? Может быть, вы не откажетесь немного помочь по хозяйству?

Глория равнодушно кивнула и поплелась за ректором в кухню. Пока она терпеливо чистила овощи, повариха, настроенная весьма дружелюбно, болтала с ней. Ее предки были из маори, и она часами могла рассказывать о своей семье и племени матери, о муже, который работал в этой школе экономом, о своих детях.

— Если ты с фермы, то, может, тебе больше понравилось бы помогать в саду? — поинтересовалась она. — Мой муж наверняка найдет тебе занятие…

Глория, которая обычно просто молча слушала ее, испуганно покачала головой. Эконом был пожилым, вполне приличного вида мужчиной, который вряд ли набросился бы на нее. Но Глория по-прежнему предпочитала избегать представителей мужского пола.

Что ж, в этом отношении школа «Принцесса Элис» была для нее идеальным местом, поскольку здесь работали только учителя-женщины. Кроме эконома, в школе бывал еще викарий, который по субботам проводил богослужение, но в церковь Глория все равно не ходила. Конечно, девушка понимала, что когда-нибудь ей придется уйти из школы, — в душе Глория по-прежнему тянулась к родным местам, ей очень хотелось снова увидеть Киворд-Стейшн. Если бы во время путешествий кто-то сказал ей, что она будет торчать много дней на расстоянии всего лишь короткого путешествия от Крайстчерча, она сочла бы это ненормальным. Но теперь ее словно парализовало.

Сара Бличем могла сколько угодно говорить ей, что бабушка Гвин тревожится за нее, что она примет ее с распростертыми объятиями, — Глория боялась встречи с семьей. Бабушка Гвин всегда видела ее насквозь, если она проказничала в детстве. Что, если и сейчас не удастся обмануть ее? Что, если она поймет, что стало с ее Глорией?

Еще больше тревожила мысль о Джеке. Что он подумает о ней? Есть ли у него тоже этот инстинкт клиентов, которые с первого взгляда узнавали в ней проститутку?

Сара с тревогой наблюдала за тем, как ее воспитанница начала обустраиваться в «Принцессе Элис», и наконец решилась поговорить с Глорией. Она пришла в маленькую комнатку, которую ей выделила миссис Ланкастер. Глория приходила туда только спать, остальную часть дня следовала за Сарой, словно тень. Она с удовольствием не отходила бы от

нее совсем, поскольку страдала от мучительных кошмаров.

— Глори, так дальше не пойдет, — мягко произнесла Сара. — Мы должны наконец поставить в известность твою бабушку. Ты здесь уже две недели. Ты в безопасности, но мы вынуждаем ее продолжать волноваться. Это жестоко.

Глаза Глории тут же снова наполнились слезами.

— Вы хотите, чтобы я ушла?

Сара покачала головой.

— Я не хочу избавиться от тебя, Глори. Но ты пересекла полмира не для того, чтобы прятаться в каком-то интернате в Данидине! Ты хотела домой, Глори. Так иди же домой!

— Но я… я не могу, не такой… — Глория нервно провела рукой по волосам.

Сара улыбнулась.

— Мисс Гвин не любит, когда локоны похожи на штопоры. Она уже видела тебя с короткой стрижкой, неужели ты не помнишь? И все свое детство ты проходила в бриджах. Для бабушки ты не обязана шикарно одеваться, как и для своей собаки тоже.

— Моей собаки? — переспросила Глория.

Сара кивнула.

— Разве ее зовут не Нимуэ?

Мысли Глории лихорадочно заработали. Возможно ли, что Нимуэ еще жива? Она была щенком, когда Глория уехала. С тех пор прошло восемь лет…

— И ты все равно не можешь здесь оставаться, — продолжала Сара. — После летних каникул школа будет закрыта. Миссис Ланкастер приняла решение на время войны предоставить ее в распоряжение госпиталя.

Глория подняла голову и озадаченно посмотрела на нее. Конечно же, идет война. Но ведь не в Новой Зеландии… В Австралии война не ощущалась. Там тоже вербовали добровольцев, но в самой стране боев не было. Так зачем же госпиталь?

Сара Бличем поняла ее без слов.

— Глори, милая, ты никогда не слышала о месте под названием Галлиполи?

8

Роли О’Брайен с облегчением — хоть и несколько пристыженный, оттого что снова стал медбратом, — перешел в бригаду санитаров командующего Бистона. И проявил себя там наилучшим образом.

— Похоже, я снова перед вами в долгу! — довольно заявил командующий Бистон Джеку, когда мужчины встретились на берегу теплым июльским вечером. — Ваш рядовой О’Брайен заменяет мне двух санитаров. — Бистон рухнул на песок. Пэдди носился по берегу, настроение у всех было приподнятое, как на пикнике. На фронте вот уже несколько недель царило затишье; судя по всему, турки наконец-то решили передохнуть. Становилось понятно, что на побережье Галлиполи враг пока не будет предпринимать активных действий и застрявшие здесь войска просто выжидают.

Джек отмахнулся.

— Я знал, что Роли хорошо проявит себя. Но все равно вы оказали мне огромную услугу. За это я еще трижды вытащу вашего маленького песика из воды. К грохоту орудий он, судя по всему, уже привык…

Бистон пожал плечами.

— Да уже почти ничего и не слышно. Но долго так продолжаться не будет. Мы здесь для того, чтобы завоевать подход к Константинополю, а не для того, чтобы болтаться в волнах. — Он указал на двух молодых солдат, баловавшихся в воде.

— Думаете, мы пойдем в атаку? — встревожился Джек.

Он, как и прежде, копал со своими людьми траншеи, расширяя систему окопов на северном фланге фронта. Это слегка удивляло Джека, поскольку местность там была каменистой и неровной. Нападение было возможно только с учетом огромных потерь. С другой стороны, турки никогда не догадаются, что они там…

— Скоро должно прийти подкрепление. Вместе с ним — санитарные бригады, а это значит, что командование готовится к кровопролитным боям…

Командующий Бистон погладил своего пса.

— Иногда я спрашиваю себя, что я здесь делаю…

Джек не ответил, но про себя подумал, что у врачей все же самые обоснованные причины находиться на фронте. По крайней мере они облегчали страдания раненых. А уж зачем сюда приезжали остальные… Джек уже давно сожалел о принятом им решении, хотя цели своей вполне достиг: он перестал день и ночь думать о Шарлотте. На смену горько-сладким снам о жене пришли кошмары, в которых он снова и снова убивал турок, брел в крови по окопам, а днем думал только о том, чтобы выжить.

Война научила его не забывать об умерших, а оставлять их в покое. Довольно того, что они приходят к нему в тревожных сновидениях.

Чтобы хоть как-то отвлечься, он, как и все, с нетерпением ждал писем с родины, контакта с близкими людьми, с чем-то нормальным. Джек радовался, как ребенок, когда приходило письмо от матери, рассказывавшей о Киворд-Стейшн, или Лейни Ламберт, писавшей о делах на руднике ее мужа. Время от времени Элизабет Гринвуд тоже удавалось заставить себя написать несколько строк. И только от Глории не было никаких вестей, что все больше тревожило Джека. Конечно, почта в Штаты идет долго, к тому же письма наверняка сначала попадают в концертное агентство, которое потом пересылает их музыкантам. Но ведь прошло уже больше полугода с тех пор, как он послал Глории первое письмо с отчетом из Египта. Она давно могла ответить…

После того как Роли откомандировали на побережье, Джеку было одиноко. С другими ребятами своего взвода он толком не сошелся. Они уважали своего старшего, но между солдатами и сержантом не бывает дружбы. После битвы в окопах Джека снова повысили. Поэтому по вечерам он по большей части оставался один, и собственное существование казалось ему бессмысленным. Вылазки на побережье вносили в жизнь приятное разнообразие. Здесь можно было забыть о войне; мужчины резвились, словно дети. Но сколько времени отведено им на передышку? Командующий Бистон только что подтвердил то, о чем догадывался и сам Джек.

На протяжении следующих дней появились признаки приближающегося наступления. Дело было не только в том, что прибыли новые отряды и все дружно принялись копать траншеи, расширять и укреплять бункеры. Были установлены цистерны для воды, куда таскали воду. Мужчины ворчали, недовольные тем, что они вынуждены делать все это сами, хотя вокруг было полно вьючных животных: у нескольких индийских канониров имелись мулы, которые носили их оружие и обеспечивали им мобильность. В спасательных отрядах и полевом лазарете тоже были животные, в основном ослы, но на фронт не выделили ни одного.

— Враг заподозрит, что мы готовимся, — терпеливо объяснял Джек. — Поэтому и копаем ночью. Давайте, парни, это в наших же интересах — застать этих ребят врасплох. Между нашими и их траншеями пятнадцать ярдов. Это расстояние придется преодолеть…

Пятого августа Джека и других унтер-офицеров вызвали на совещание, проходившее на побережье. Майор Холлендер коротко объяснил стратегию запланированной атаки.

— Завтра мы идем в атаку. Наша цель — отогнать турок до самого Константинополя, и на этот раз у нас все получится. Ура гордым войскам Австралии и Новой Зеландии! Мы пойдем в атаку широким фронтом!

Джек и остальные присоединились к патриотическим крикам, при этом большинство мужчин испытывало такую же эйфорию, как и майор. Неудивительно, ведь многие из них были новичками и не видели атаки турок в мае.

— Но, сэр, если мы выскочим из окопов, они нас перестреляют, как зайцев, — произнес другой ветеран, озвучив именно то, о чем подумал Джек.

— Я слышу голос трусости, капрал? — В тоне, каким это было сказано, звучала явная издевка. — Боитесь смерти, солдат? — продолжал майор.

— По крайней мере не испытываю тяги к самоубийству… — пробормотал мужчина, впрочем, настолько тихо, что его услышали только ближайшие соседи.

— Наша цель — прорыв левого фланга, там маленькое расстояние между траншеями, так что есть шанс застать турок врасплох. И чтобы отвлечь их, мы начнем с корабельной атаки. Мы пойдем на Одинокую сосну…

«Одинокой сосной» солдаты называли хорошо укрепленную огневую точку турок. Здесь вражеская система траншей была вытянутой и у врага имелось достаточно места для того, чтобы собрать войска.

— Наша цель — вынудить противника сосредоточить там свои силы, тогда на северном фланге нам будет легче. Что касается нашего полка, то его черед придет только во время второй атакующей волны. Впрочем, я предполагаю, что вы поддержите товарищей на Одинокой сосне и будете тревожить врага со своих позиций. Собственно атака последует во второй половине дня, в семнадцать часов тридцать минут, сигналом послужат три свистка, три волны атаки. С нами Господь!

Какое дело Господу до пути в Константинополь?

Джек испытывал весьма противоречивые чувства.

Возвращаясь в свое расположение вдоль берега, он встретил Роли.

— Мистер Джек, вы уже слышали? Завтра мы атакуем!

Роли шел за ним. С тех пор как Джек, устроив парню перевод, по сути спас ему жизнь, тот вел себя трогательно-прилипчиво. Теперь Роли не

терпелось поделиться будто бы никому не известными новостями. Очевидно, санитарные бригады были предупреждены об атаке заранее. Конечно, ведь им готовиться больше.

— Просто Джек, — привычно поправил Джек. — Да, нам только что сообщили… радуйся, что тебе не нужно туда.

Джек скривился.

— Нужно. Я же в спасательном отряде. Увидимся завтра… или послезавтра?

— Мы будем стоять на северном фланге, Роли. Так что казнь откладывается на один день. Но почему ты в спасательном отряде? Натворил что-то?

Роли рассмеялся. Он казался спокойным и уверенным в себе; наверняка знал, что командующий Бистон ценит его.

— Не-е-ет, мистер Джек. Просто подкрепление для лазарета пришло только сегодня. Командующий крепко ругался. С корабля — и сразу в бой, люди же здесь вообще не ориентируются. Поэтому их оставили в лазарете, а нам всем придется идти в поле. Но это ничего, мистер Джек. Мне ж не нужно в окопы…

— На ничейной земле гораздо опаснее, — заметил Джек. — Это будет ужасно, Роли. Как в мае, только на сей раз бежать по полю, притворяясь мишенями, придется нам.

— Но ведь у нас будут белые повязки на рукавах! — воскликнул Роли, словно это делало его неуязвимым. — Я справлюсь, мистер Джек!

Джеку оставалось лишь пожелать парню удачи. На следующий день ему было практически не до того, чтобы думать о друге. От Одинокой сосны доносился адский грохот. Поднимая перископ над краем траншеи, Джек видел, как падают солдаты. Турки стреляли по широкому фронту из всех орудий. Джек и его ребята ожесточенно отвечали на огонь в надежде ослабить врага.

— Если мы вымотаем их, завтра у нас будет больше шансов, — сказал своим людям Джек. Самые молодые из них восхищенно кивали, а старшие хмурились.

— Они сменят людей! — произнес младший капрал.

На это Джек предпочел не отвечать.

День 7 августа был еще одним ясным жарким летним днем на турецком побережье. Море раскинулось под солнцем, ярко-синее и спокойное, деревья на склонах гор выгорели — а на ничейной земле между фронтами высыхала кровь. Когда Джек без особого удовольствия хлебал

свою кашу и размышлял о том, стоит ли сейчас же проглотить отложенные на черный день запасы алкоголя или же лучше надеяться на то, что он выживет и сможет отпраздновать после сражения, в укрытие зашел Роли.

— Я принес почту! — объявил он, бросая Джеку стопку писем для его людей. — Говорят, это поднимает настроение, если ребята прочтут весточку от любимых людей. Моя Мэри тоже написала!

Джек разложил письма, нашел для себя — с Киворд-Стейшн. От Глории снова ничего.

— Ну, как все вчера прошло?

Лицо Роли залила бледность.

— Ужасно. Столько убитых… Они бросают бомбы и стреляют шрапнелью. Это разрывает людей, мистер Джек. Там, в лазарете, почти только тем и занимаются, что ампутируют. Если вообще остается достаточно тела, чтобы было что отрезать. И траншеи у турок частично крытые, нужно быть осторожным, мистер Джек. Нужно перепрыгнуть через них и проникнуть вглубь, в коммуникационные окопы… Да, я знаю, что не слишком умен, мистер Джек. Опять обычный рядовой, даже не младший капрал… а люди, которые это решают, генералы или даже выше. Но мы не справимся, мистер Джек. Только не с нашим количеством людей!

Джек кивнул.

— Мы сделаем все возможное, Роли! — попытался подбодрить он парня.

Роли посмотрел на него так, словно его друг был не в себе, и спокойно сказал:

— И умрем ни за что.

Милый Джек…

Джек открыл письмо Гвинейры, как только ушел Роли. Может быть, последнее письмо. Ощущение было странным, но он полностью погрузился в него. Ему казалось, что он слышит голос матери, поскольку Гвинейра писала более живо, чем обычно. Она не очень хорошо умела писать, но на этот раз пером водили сильные чувства.

…Ты пишешь, что у вас на фронте все спокойно, поэтому я буду молиться, чтобы все оставалось так же и дальше. Каждый раз, получая от тебя весточку, я вздыхаю с облегчением, хотя прекрасно знаю, что письмо идет не одну неделю. Ты должен выжить, Джек, я ведь так по тебе скучаю. Наша надежда на

то, что Глория наконец вернется домой, исполнится не так скоро или, по крайней мере, не так легко, как нам того хотелось бы. Вчера мне звонила Кура-маро-тини. Да, все верно, она лично воспользовалась телефоном и была очень взволнована.

Судя по всему, Глория исчезла из их отеля в Сан-Франциско. Похищение они исключают, девочка взяла с собой только документы. Впрочем, билет на пароход на ее имя никто не покупал, поэтому нет доказательств, что она покинула Америку. Тем не менее Кура, как я поняла, предполагает, что в ближайшее время Глория объявится у нас. Как она себе это представляет, я не знаю, но она практически делает меня ответственной за побег Глории. Как будто я послала одну из этих современных летательных машин или использовала какое-то колдовство. Кура совершенно вне себя, она говорила о черной неблагодарности со стороны девочки, ругала Глорию за неспособность приносить труппе хоть какую-то пользу. Для меня загадка, почему тогда она просто не отправила девочку домой. В любом случае Глория пропала, и я очень тревожусь. Если бы оставалась надежда на твое скорое возвращение…

По поводу фермы не волнуйся, под присмотром Мааки все в порядке. Цены на шерсть и мясо высоки, похоже, все наживаются на войне. Но я думаю о тебе и обо всех остальных, для кого эти сражения означают лишь кровь и смерть.

Береги себя, Джек. Ты мне нужен.

Твоя мать, Гвинейра МакКензи

Джек закрыл лицо руками. Значит, теперь и Глория. Он теряет всех, кого любит…

Когда наконец прозвучал сигнал к атаке, Джек совершенно не испытывал страха. Он видел и слышал, как выскочили из окопов первые атакующие, — зачастую они падали, сраженные пулей, едва успевали покинуть укрытие. И действительно, лишь немногие перебежали через ничейную землю и достигли вражеских окопов.

Затем пошла вторая волна атаки.

Джек не размышлял, он выбрался из окопа и побежал, побежал, побежал…

Внезапно что-то сильно ударило его в грудь. Он хотел взять и

отбросить *это* в сторону… но увидел кровь… Странно, ему было совершенно не больно, но бежать дальше он не мог. Ему казалось, что он ужасно тяжелый…

Джек упал на землю, пытаясь понять, что с ним происходит. Он чувствовал кожей августовский жар, видел, как сияет в голубом небе солнце… Руки перестали слушаться, не хотели нащупать место, откуда лилась вся эта кровь… Он цеплялся за твердую землю…

Над ним промчалась третья волна атакующих. Теперь они сражаются там, в турецких окопах… Джек смотрел на солнце, которое постепенно становилось красным. А потом возникло ощущение, что все вокруг нереально…

В какой-то момент над ним появилось лицо. Встревоженное, круглое, молодое лицо, обрамленное мокрыми от пота кудрями.

— Мистер Джек…

— Просто Джек… — прошептал он. На языке чувствовался привкус крови. Ему показалось, что он хочет прокашляться. В следующее мгновение он перестал чувствовать вообще что бы то ни было.

Дальние дороги

Греймут, Кентерберийская равнина, Окленд

1915–1916-1917-1918

1

Тимоти и Илейн Ламберт оказались бездарными тюремщиками. Конечно, Тим поначалу настаивал на том, чтобы Лилиан была наказана за своеволие и посажена под домашний арест. Ведь она, действуя вопреки его четким приказам, увела Бена на прогулку в папоротниковый лес. Однако после искупления ею вины Тим был готов простить дочь, и Лилиан снова пользовалась свободой, которую обычно предоставляли ей родители. Никому не приходило в голову запретить ей ездить верхом, никто не собирался устраивать ежедневные инквизиторские допросы, выясняя, где она была и что делала. Однако во всем этом не было необходимости, потому что, несмотря на то что Лилиан совершенно не собиралась прекращать отношения с Беном, встретиться с юношей не получалось.

Сколь часто она ни направляла свою лошадь в сторону рудника Биллеров, как ни старалась задержаться на улице перед их домом, болтая с подружками, — Бена она не видела. Флоренс Биллер прикладывала все усилия, чтобы удержать сына от слишком ранней любви, которую она не приветствовала. Она объявила Бену о долгосрочном домашнем аресте и не спускала с него глаз. Утром он уезжал на ее машине на рудник, в конторе выполнял работу под неусыпным вниманием Флоренс, а дома за ним присматривали все кому не лень.

Однажды терпение Бена лопнуло. Он попытался послать письмо Лилиан через почту с рудника. К несчастью, его тут же обнаружила мать.

— Какая чушь! Если девчонке это нравится, значит, она еще и глупа! — насмехалась Флоренс, пробежав глазами содержание письма, которое написал Бен. — «Мое сердце течет к тебе с каплями дождя…» Капли дождя не текут, Бен, они падают! А сердца и подавно. Теперь садись сюда и проработай эти счета. Сравни с накладными, пожалуйста, и внеси в приходный журнал. Без витиеватостей и рифм! — Флоренс скомкала

письмо вместе с конвертом и вышвырнула в открытое по случаю летней жары окно.

Бен, залившись краской, выслушал тираду с опущенной головой. Обычно Флоренс не отчитывала его перед сотрудниками, ведь они должны были проникаться уважением к младшему шефу. Если Бен допускал ошибку в работе, она наказывала его наедине. Однако в вопросах «стихосложения» Флоренс была безжалостна — и невольно помогала своему сыну.

Потому что дело было не только в том, что конторские служащие сочувствовали юноше, хотя ничего и не понимали в рифмах, а в том, что он очень отличался от своей суровой матери. Так, при взбучке случайно присутствовала молодая жена одного из работавших в конторе посыльных, которая принесла своему мужу бутерброды, забытые им в спешке дома. Она ждала в прихожей и слышала возмущенные возгласы Флоренс — в отличие от матери Бена, женщина была тронута до слез отношением юноши к своей возлюбленной. Уходя, она подняла письмо, разгладила его, вложила обратно в конверт и бросила в ближайший почтовый ящик, — к сожалению, не приклеив марку. Поэтому оно попало в руки Илейн, когда почтальон потребовал у нее плату за доставку.

Илейн серьезно колебалась между солидарностью с мужем, дочерью и тайной переписки. Тим, без сомнения, сразу же уничтожил бы письмо, но Илейн не могла заставить себя сделать это. В конце концов она решила пойти на компромисс: сначала прочесть послание, а потом решить, насколько оно безобидно и можно ли вручить его Лилиан.

Конечно же, Лилиан была возмущена, получив вскрытый и помятый конверт.

— Ты когда-нибудь слышала о личной жизни? — зашипела она на мать. — Наши письма не вскрывали даже в интернате!

— Я бы не была в этом так уверена, — заметила Лилиан. — К примеру, я частенько получала письма, которые до отправления были вскрыты.

— Что? — Лилиан готова была уже возмутиться действиями учителей, но решила не тратить время и побыстрее прочитать драгоценное письмо от Бена.

— Ты ничего не вынимала? — проворчала она.

Илейн покачала головой.

— Честно! — улыбнулась она. — Оно уже по прибытии было помятое и толком не запечатанное. Кстати, у меня волосы дыбом встали, когда я читала. Если вы собираетесь жить на то, что Бен будет зарабатывать

написанием стихов, будущее видится мне в мрачном свете…

— Стихи тоже только для меня! — самоуверенно улыбнулась Лилиан. — Тебе их не понять…

— А потом она на три часа спряталась в своей комнате, вместе с растекшимся сердцем Бена, — смеясь, рассказывала Илейн позже своему мужу. Тим приехал вместе с Мэттом Гавейном после деловой встречи в Уэстпорте, Лилиан в этот день его не сопровождала.

Тот недовольно скривился. Он устал от поездки и очень неровных дорог. Автомобиль пружинил не намного лучше одноколки, которую он предпочитал раньше.

— Лейни, это не смешно! И мы ведь договорились не поддерживать это дело. Как ты могла отдать ей письмо?

Илейн усадила Тима в кресло, помогла ему поднять ноги повыше и принялась мягко массировать ему плечи.

— Это не тюрьма, Тим, — заметила она. — И существует такая вещь, как право на личную переписку. Строго говоря, я не имела права даже вскрывать конверт, но это показалось мне уж слишком либеральным. К тому же ты знаешь мою точку зрения: эти отношения совершенно безвредны. Если мы будем превращать это в государственную измену, все будет гораздо хуже.

Тим фыркнул.

— В любом случае я буду внимательнее следить за ней. Она может поиграть в моего шофера, особенно теперь, когда Роли уехал. У нее будет занятие, и в то же время я смогу ее контролировать. И смотри мне, не позволяй ей самой писать этому парню! Не то мне тут же начнет звонить Флоренс, а она только-только успокоилась после того, как проучила железнодорожников…

Лилиан не стала отвечать на письмо Бена с обратной почтой; она прекрасно понимала, что ее ответ тут же ляжет на стол его матери. Кроме того, она была занята тем, что училась водить машину, и это доставляло ей огромное удовольствие. Она не стала восставать против своих новых обязанностей шофера Тима, и Илейн вздохнула с облегчением, оттого что его «пристальное внимание» не закончилось новым скандалом. Некоторое время она даже надеялась на то, что благодаря своим новым впечатлениям Лилиан отвлечется и сможет забыть о «великой любви», ведь теперь девушка много путешествовала вместе с отцом и знакомилась с молодыми людьми.

Но Илейн ошибалась. Лилиан по-прежнему мечтала о Бене, стихи которого она хранила под подушкой. Она все время думала, как возобновить общение с молодым человеком, и отбрасывала одну идею за другой. Наконец Лилиан разработала план, для успешного воплощения которого ей пришлось подкупить младшего брата. Бобби потребовал три трубочки лакрицы за то, что перед воскресным богослужением он «нечаянно» столкнется с Беном Биллером.

Все прошло так, как и задумала Лилиан. Притворившись, что увлечен игрой, мальчик налетел на Бена, едва не сбил его с ног и на миг вцепился в него, как будто боялся упасть сам.

— Мертвый почтовый ящик, южный бук, кладбище! — заговорщически прошептал Бобби и, подмигнув Бену, добавил: — Развилина справа, на уровне головы… — И помчался дальше. Бен, нахмурившись, стоял на месте, пытаясь осмыслить информацию.

Во время богослужения Лилиан украдкой косилась на него. Не собирается ли он незаметно выйти? Ждать, когда закончится служба, нельзя, ведь на кладбище, возможно, будет полно людей!

Бену потребовалось немного больше времени, чтобы осознать значение услышанных от Бобби слов. Он не сразу сообразил, что малыш — младший брат Лилиан, поэтому лишь в самом конце богослужения встал и выбежал из церкви. Флоренс посмотрела на него с некоторым неудовольствием, но увидела, что Лилиан сидит с родителями, и успокоилась. Теперь главное, чтобы Бен нашел записку… Впервые за это утро Лилиан молилась искренне.

Позже перед церковью она увидела заметно повеселевшего Бена. Молодой человек прямо-таки сиял, и Лилиан стала опасаться, что его мать может поинтересоваться, что случилось с ее сыном, который всего несколько минут назад был мрачным и недовольным всем и вся. Однако Флоренс, увлеченная разговором с преподобным отцом, даже не заметила, что Лилиан лукаво подмигнула ее сыну и победно взмахнула рукой. Мертвый почтовый ящик в южном буке был, вне всякого сомнения, огромным шагом вперед в их отношениях.

Последовавшее за этим событием время было очень волнующим для юных влюбленных. Хотя они виделись только в церкви или случайно в городе и при этом изо всех сил изображали безразличие, поскольку, как правило, им приходилось сопровождать Тима и Флоренс, переписка их была весьма оживленной. Особенно старалась Лилиан, которая придумывала все новые и новые тайники, где она прятала записки или

маленькие подарки для Бена. У юноши, в отличие от Лилиан, не было такого конспиративного таланта, но он подхватывал ее идеи и обменивал ее посылочки с собственноручно испеченным печеньем и щедро разрисованными сердечками и цветами письмами на все новые и новые элегии, посвященные ее красоте и уму.

Иногда Лилиан вплетала в свои послания поэтические строки, выписанные из альбома, но в основном рассказывала о своей повседневной жизни. В своих письмах она писала о лошади, автомобиле, который все больше и больше завоевывал ее сердце по мере того, как она осмеливалась сильнее давить на педаль газа, и, конечно же, о своем жгучем желании снова увидеться с Беном.

«Ты не можешь выбраться ночью? Может быть, у тебя под окном растет какое-нибудь подходящее дерево?» — спрашивала она в послании.

Бену еще никогда не приходила в голову мысль выбраться из дома ночью, но, в принципе, она показалась ему настолько волнующей, что он тут же написал стихотворение о том, как сверкают в лунном свете волосы Лилиан.

Это показалось Лилиан восхитительным, но в некотором роде она была разочарована. В стихотворениях Бен мог часами разглагольствовать о том, какие героические поступки он готов совершить и с какими опасностями столкнуться, чтобы сорвать поцелуй с губ Лилиан. Но в действительности не предпринимал никаких попыток, чтобы увидеться с ней. В конце концов девушка решилась действовать.

«В четверг ночью, в половине двенадцатого, в конюшне “Лаки Хорс”», — бесстрашно написала она. Назначенное место встречи заставило Бена густо покраснеть, поскольку «Лаки Хорс» представлял собой не только паб, но и почасовой отель мадам Кларисс. Размышления о том, как его прекрасная, невинная Лили могла попасть в такое гнездо разврата и согласна ли его совесть поддерживать ее в этом, стоили ему немало бессонных ночей.

Лилиан же совершенно не переживала на этот счет. Она мыслила практично, впрочем, как и всегда. «Лаки Хорс» подходил просто потому, что там часто бывал ее отец. Тим Ламберт и Мэтт Гавейн не пропускали ни одного четверга, и с недавних пор Лилиан была обязана возить Тима в город и забирать его незадолго до закрытия. Конечно же, ей было строго велено парковаться на свету фонарей, не выходить из автомобиля и не открывать двери. До сих пор электрическое освещение в Греймуте было только в центре города, и честной девушке нельзя было показываться на улице ночью.

Однако Лили была не из пугливых и, кроме того, прекрасно ориентировалась в окрестностях «Лаки Хорс». Ее мать жила в пристройке рядом с конюшней, когда работала пианисткой в баре, к тому же и мадам Кларисс, и ее девушки были ближайшими подругами Илейн. Когда Лилиан была маленькой, Илейн часто брала ее с собой на встречи с ними, и девочка играла в конюшне и на улицах вокруг здания. В последние годы это случалось редко — девушки у мадам Кларисс менялись, поскольку уже через несколько месяцев выходили замуж за шахтеров, — но страх перед борделем Лилиан был неведом. Кроме того, она точно знала, кто из друзей Тима приезжал верхом, кто в автомобиле, а кто просто приходил пешком. По четвергам в конюшне могла быть только одна лошадь, костлявая кобыла кузнеца, а кузнец никогда не выходил из паба до закрытия. Поэтому молодым влюбленным никто не должен был помешать. И если Лилиан подъедет к пабу с тыльной стороны и поставит автомобиль в тени пристройки, риск, что его обнаружат, был практически исключен. Еще более надежной — и, конечно же, романтичной — была бы встреча за городом. Но Бену пришлось бы слишком далеко идти. Лилиан прокляла то обстоятельство, что юноша не любил ездить верхом и поэтому у него не было лошади. Впрочем, повозку водить ему тоже не нравилось. Он даже не сумел бы запрячь лошадь. А семейный автомобиль Биллеров водил только шофер.

Сердце Лилиан гулко стучало, когда она под покровом темноты пробралась в конюшню паба, которая была слабо освещена всего одним фонарем. К радости Лилиан, задуманный ею план сработал. Всего одна лошадь мирно щипала сено, и Бен уже был там.

Лилиан едва не вскрикнула, когда он прижал ее к себе — как в романе! — и поцеловал.

— Эй, ты меня задушишь! — смеясь, воскликнула она. — Все в порядке, никто ничего не заподозрил?

Бен покачал головой.

— Ничего подобного они от меня не ждут! — гордо заявил он. — Я… я чуть не вылез из окна!

Поскольку спальня Бена находилась на втором этаже, а у окна не было дерева, он предпочел не врать. Лилиан решила, что даже его намерения, столь романтичного, было достаточно.

Следующие полчаса оба провели за маленькими нежностями, уверениями в любви и жалобами на скучную жизнь. Лилиан не хватало только Бена, Бен же страдал от множества напастей.

— Работа в конторе — это совершенно не мое. И горное дело меня не

интересует. А мать вынудила меня даже под землю спуститься…

— И?.. — взволнованно поинтересовалась Лилина. — Как там?

— Темно, — ответил Бен, а потом осознал, что для поэта это описание как-то слабовато. — Темно, как в могиле! — добавил он.

Лилиан нахмурила лоб.

— Но ведь у вас есть современные шахтные лампы. Дядя Мэтт говорит, что рудник освещен, словно танцевальный зал.

— Для меня там было темно, словно в преисподней! — заявил Бен.

Лилиан решила не говорить, что в преисподней тоже, наверное, очень светло. Там ведь должно гореть достаточно огня.

— А уж счета выписывать — это и вовсе тягостное занятие. Недавно я обсчитался на тысячу долларов и мать очень сильно разозлилась.

Лилиан решила, что это вполне понятно. Однако погладила друга по щеке, чтобы утешить.

— Но ведь они наверняка отправят тебя обратно в университет? Горному делу нужно обучаться. Ах, Бен, ты снова будешь далеко…

Лилиан прижалась к нему, и он отважился уложить ее на кучу сена. Она не дергалась, когда он стал покрывать поцелуями не только ее лицо, но и шею, и грудь. Лилиан, в свою очередь, просунула руки под рубашку и принялась робко ласкать его мускулистую грудь и спину. Ей было жаль, что он перестал заниматься греблей. Ей очень нравилось, как играли мышцы у него под рубашкой.

— Встретимся в следующий четверг? — с трудом переводя дух, спросила она, когда они наконец оторвались друг от друга.

Бен кивнул. Он казался себе ужасно героическим парнем, даже немного порочным.

После первой встречи в конюшне паба Лилиан была очень счастлива. Она наслаждалась своей тайной любовью и работой на отца. Война требовала постоянного увеличения добывающей мощности рудника, и Тим часто встречался с другими горными инженерами, железнодорожниками и бизнесменами. Лилиан сопровождала его как на деловые обеды, так и на общественные мероприятия, и Илейн с удовольствием наблюдала за тем, как дочь флиртует и танцует. Несмотря на смутное подозрение, что Лилиан по-прежнему мечтает о Бене Биллере, она не догадывалась об их тайных встречах и все более дерзких ласках.

Что касается Флоренс Биллер, то она и подавно ничего не замечала. Впрочем, Флоренс находила множество других поводов злиться на старшего сына. Очевидное отсутствие интереса у Бена к своей работе, его

неспособность выполнять простейшие практические поручения сводили ее с ума. Бен все отчаяннее жаловался на ее вспышки. Надежды юноши на продолжение учебы в университете Данидина разбились, а предложение отца отправить его изучать горную инженерию или промышленную экономику хотя бы на протяжении нескольких семестров были отвергнуты Флоренс. Она даже слушать не хотела мужа.

— Техника горного дела, не смеши меня! Наш Бен — инженер! Да он прячется, стоит ему услышать, как закипает кофе-машина! — Благородный посеребренный аппарат для приготовления кофе был новейшим приобретением Флоренс. Он стоял в приемной ее кабинета и вызывал всеобщее восхищение. — Что же до экономики, то он не сможет научиться в Данидине большему, чем у меня!

Калев вздыхал. Флоренс пришлось самой добывать все знания. Ее отец, тоже владелец рудника, и мысли не допускал, чтобы послать девушку учиться или хотя бы позволить работать вместе с ним на его предприятии. Однако нельзя было сомневаться в том, что Бен был не таким. Возможно, он увлекся бы экономическими теориями, если бы ему позволили подойти к этому делу с точки зрения науки. Калев, как и прежде, видел своего сына скорее ученым, нежели продолжателем семейного дела и владельцем рудника. Он верил, что Бен смог бы сделать научную карьеру. К счастью, младшим сыновьям Флоренс не терпелось заняться именно тем, к чему не лежала душа Бена. Старший интересовался деловой политикой, младший уже возился с паровыми машинами и с воодушевлением нагружал «углем» вагончики своей игрушечной железной дороги.

Калев не понимал, почему нельзя отпустить Бена, но Флоренс предпочитала делать несколько ставок. У них был Бен; он стал достаточно взрослым, чтобы работать на семейном предприятии, вот пусть этим и занимается. «У Флоренс, — с неприязнью думал Калев, — фантазии не больше, чем у подъемной клети».

К счастью, Бен еще очень юн. Обычно в его возрасте мальчики даже школу не успевали окончить, не говоря уже об учебе в университете. Калев надеялся, что интерес Флоренс к сыну ослабнет, как только Сэм подрастет достаточно для того, чтобы работать в конторе вместе с ней. Бен мог потом поехать учиться в Данидин, и, возможно, ему даже не пришлось бы заниматься изучением экономики. Калев готов был позволить сыну изучать то, что он хочет, и предвкушал интеллектуальные беседы с молодым лингвистом.

К сожалению, Бену недоставало отцовской терпеливости. Он не видел выхода из ситуации. Запрет учиться в Данидине или Крайстчерче поверг

его в депрессию.

— Но мы по крайней мере останемся вместе! — утешала его Лилиан. Однако даже такая перспектива не могла его удовлетворить.

— Что это за существование! — жаловался юноша. — Сплошные тайны, постоянный страх быть обнаруженными… Сколько это будет продолжаться, Лили?

Лилиан закатила глаза.

— Пока мы не достигнем совершеннолетия, конечно! — заявила она. — Потом они уже не смогут нами командовать. Нужно просто немного продержаться!

— Немного? — в отчаянии переспрашивал Бен. — Пройдут годы, прежде чем мне исполнится двадцать один год!

Лилиан пожала плечами.

— Настоящая любовь должна пройти настоящие испытания! — героически заявила она. — Так всегда бывает. В книгах, в песнях…

Бен вздохнул.

— Я уже думаю смыться и пойти в армию…

Лилиан испугалась.

— Только не это, Бен! Тебя же убьют. Кроме того, чтобы записаться в АНЗАК, нужно быть совершеннолетним. — Она схватила его за руку. В конюшне было прохладно. Но лучшего места встречи она не знала.

— Это можно подделать, — заявил Бен. — И, кроме того, я могу доказать, что учился в университете в Кембридже. Обычно для этого нужно быть старше восемнадцати.

— Но ведь не двадцать один! — не уступала испуганная Лилиан, понимая, что Бена нужно срочно отговорить от столь ужасного намерения.

Роли О’Брайен писал нечасто, но от его рассказов о Галлиполи кровь стыла в жилах. В книгах и песнях война выглядит очень романтично, но в действительности, судя по всему, дело обстоит иначе. А ее Бен с винтовкой… Конечно, он напишет восхитительные стихи о мужестве своих товарищей, но она не верила, что он сможет стрелять, не говоря уже о том, чтобы попасть. Нужно срочно что-то придумать.

— Я размышляла на эту тему, — объявила ему Лилиан во время следующей встречи, почти месяц спустя.

В прошлые четверги Тим не приезжал в паб; Лилиан сопровождала его на заседание в Бленем. Был там и Джордж Гринвуд, а также другие акционеры. Было решено построить на руднике Ламберта коксовальный завод. Эту информацию Бен воспринял без энтузиазма. Ему не приходило в

голову, что, возможно, Флоренс Биллер пошла бы на убийство, лишь бы узнать об этом первой. Лилиан без всякой задней мысли рассказывала ему о планах отца, она была слишком занята нежностями, чтобы думать о возможных последствиях.

После долгого воздержания поцелуи Бена были еще слаще — и укрепили ее в решении, принятом в Бленеме. Мысль о тайном визите в загс внесла свою немалую лепту.

— Мне ведь уже семнадцать. Я могу выйти замуж.

— За кого ты собралась замуж? — не понял Бен, храбро расстегивая верхнюю пуговицу на ее блузке.

Лилиан закатила глаза.

— За тебя, конечно же! — заявила она. — Это очень просто. Мы поедем поездом в Крайстчерч, а оттуда в Бленем. Автомобилем, конечно, быстрее, но красть машину отца я не хочу. А из Бленема ходит паром в Веллингтон. Там мы поженимся. Или в Окленде. Это безопаснее, в Веллингтоне нас могут искать. Австралия, разумеется, тоже подойдет… — Лилиан помедлила. Ей казалось, что Австралия ужасно далеко.

— Но у меня нет документов, — заметил Бен. — Никто не поверит, что мне восемнадцать.

— Семнадцати достаточно, даже для мальчиков. Пару месяцев до твоего дня рождения мы можем подождать. А в остальном все еще проще: надо поклясться, что ты не женат ни на ком другом и что мы не состоим в кровном родстве.

До двадцати лет требовалось еще согласие родителей, но об этом Лилиан решила Бену пока не говорить. Девушка собиралась просто подделать подпись Тима, а в случае с Флоренс Биллер она вообще не колебалась.

— И тогда ты сможешь учиться в Окленде. Это ведь тоже подойдет, правда?

Бен закусил нижнюю губу.

— Это даже отлично, — задумчиво произнес он. — Там очень серьезно занимаются исследованиями культуры маори, строят музей для артефактов или что-то в этом роде. Мой отец в полном восторге. Он даже собирается съездить туда. Если он нас поймает…

Лилиан застонала. Иногда Бен казался ей слишком нерешительным.

— Когда мы поженимся, Бен, это уже не будет иметь значения. Брак нельзя так просто взять и отменить. Кроме того, в таком большом городе, как Окленд, есть много возможностей разминуться с твоим отцом!

Бен кивнул.

— Это действительно хорошее решение…

По крайней мере идея была волнительная, хотя по-настоящему он себе этого не представлял. Сердце начинало гулко стучать при одной только мысли о побеге на Северный остров. Он никогда не решится на подобное!

2

Господский дом в Киворд-Стейшн всегда казался Гвинейре МакКензи слишком большим. Еще когда она жила в нем вместе со своей семьей, многие помещения пустовали, потом Кура и Уильям Мартин заняли комнаты Джеральда Уордена, свекра Гвинейры. Несмотря на огромное пространство вокруг, Гвинейра никогда не чувствовала себя по-настоящему одиноко — до смерти Джеймса и Шарлотты, ухода Джека в армию и исчезновения Глории. Теперь же она по возможности старалась сбежать из пустого дома в конюшни или сараи для стрижки овец. Но сейчас была зима, июнь 1916 года, и в то время, как в мире грохотали бои, в Киворд-Стейшн стояла почти призрачная тишина. На улице шел небольшой моросящий дождь, типичный для Кентерберийской равнины. Животные прятались под деревьями, а работники фермы, наверное, играли в покер в конюшнях — как и тогда, когда Гвин впервые вошла в конюшню Киворд-Стейшн и познакомилась с неким Джеймсом МакКензи. Энди Макэран, Покер Ливингстон… В живых не осталось уже никого, Энди ушел вслед за своим другом Джеймсом всего лишь несколько месяцев спустя.

Гвинейра с горечью улыбнулась, думая о том, что теперь, наверное, они все снова вместе и снова играют на каком-нибудь облаке.

— Смотрите, не жульничайте со святым Петром! — пробормотала она, приглаживая распущенные волосы.

Она переживала по поводу Джека — он не писал целую вечность, а ведь уже давным-давно должен был уехать с этого побережья в Турции. Галлиполи — Гвинейра до сих пор не знала, как это правильно произносится. Да теперь и не нужно учиться. После отчаянной атаки в августе англичане оставили побережье. Войска АНЗАКа были отозваны. Будто бы в порядке и почти без потерь. В газетах Крайстчерча писали об уходе с Галлиполи как о победе, хотя все понимали, что это было грандиозное поражение. И, скорее всего, Джек не осмеливался признаться в этом. Гвинейре это казалось единственно возможным объяснением его молчания.

Но еще больше она тревожилась за Глорию. Прошел почти целый год

после того, как девочка исчезла из отеля в Сан-Франциско, и с тех пор никто ничего о ней не слышал. Уильям и Кура по-прежнему оплачивали услуги нескольких частных детективов, но Глории и след простыл. При этом Кура была скорее в ярости, чем тревожилась за дочь; вероятно, вспоминала, как много лет назад сама сбежала от мужа с надежной Киворд-Стейшн и как скиталась по Новой Зеландии и Австралии. Опасности для жизни это не представляло, и Гвинейра тогда тоже не очень-то беспокоилась. Временами она не знала, где находится Кура, но всегда была уверена в том, что та не покидала Южного острова. Но Глории, которая могла оказаться где угодно, не хватало непоколебимой уверенности в себе, присущей Куре-маро-тини. Кроме того, Сан-Франциско совершенно не такой, как Крайстчерч. Джордж Гринвуд, знавший этот город, сомневался, что Глория покинула его.

— Мне очень жаль, мисс Гвин, но представьте только, как девушка, одна, в этом болоте разврата… — Джордж замолкал, и Гвинейра не хотела даже думать, каким образом могла умереть ее правнучка.

— Извините, мисс Гвин, но ужин готов! — Кири, ее старая домработница, открыла дверь в маленький кабинет Гвинейры, где она любила прятаться, потому что здесь ее голос хотя бы не отдавался эхом, когда она разговаривала сама с собой.

Гвинейра вздохнула.

— Я не голодна, Кири… А остатки аппетита пропадут, если ты накроешь в салоне. Я могу прийти к вам в кухню, и мы перекусим вместе, хорошо?

Кири кивнула. И она, и кухарка Моана давно уже стали для Гвинейры скорее подругами, чем служанками. Кири не готовила грандиозный ужин, просто пожарила рыбу по маорийскому рецепту и приготовила сладкий картофель.

— Ронго Ронго говорит, что Глория не мертвый! — утешила Гвинейру Моана, когда та положила себе в тарелку совсем мало еды. Она прекрасно знала, что тревожит хозяйку. — Она спрашивать духи, *тикки* говорит, ее сердце петь печальные песни, но она недалеко.

— Большое спасибо, Моана. — Гвин заставила себя улыбнуться.

Наверное, Моана что-то заплатила колдунье за ритуал, а может, Ронго провела его просто ради интереса или по поручению вожака Тонги. Временами Тонга спрашивал о Глории. Он переживал, хотя, скорее всего, по другой причине.

В салоне зазвонил телефон. Кири и Моана вздрогнули.

— Духи звать! — произнесла Моана, но не поднялась, чтобы пойти в

салон и снять трубку.

Кири была смелее — и любопытнее. Однако странный маленький коробок, из которого доносились голоса, пугал обеих маори. В принципе, Гвинейру тоже, хотя его преимущества она давно оценила.

Наконец Кири пошла к телефону — и вскоре вернулась.

— Телефонистка сказала, звонок из Данидина. Мы принимаем?

— Конечно. — Гвинейра встала.

Вообще-то, она ожидала звонок ветеринара из Крайстчерча, который приготовил ей новое средство для дегельминтизации. Но Данидин?

Она терпеливо дождалась, пока телефонистка соединит ее.

— Можете говорить! — наконец произнес взволнованный голос.

Гвинейра вздохнула. Телефонистка, женщина «из конторы», сидевшая в Холдоне, была знаменита тем, что слушала все разговоры, а потом обсуждала их содержание с подругами.

— Это Киворд-Стейшн, Гвинейра МакКензи, — сообщила Гвинейра и стала ждать.

Сначала на другом конце провода было тихо. Потом кто-то откашлялся и послышался сдавленный голос:

— Бабушка Гвин? Это… это Глория.

Гвинейра не стала лишать себя удовольствия забрать внучку из Данидина.

— Вы сможете? Так долго ехать на поезде? — тревожилась мисс Бличем.

Гвинейра перекинулась с Глорией лишь парой слов, подробнее говорила уже с ее учительницей. Сама девушка, взволнованная донельзя, не смогла сказать почти ничего. Даже насчет места своего пребывания она сообщила очень коротко: «У мисс Бличем, в школе…» Гвинейра никак не могла понять девочку, впрочем, возможно, все дело было в том, что сердце ее отчаянно колотилось. Глория жива, она в Новой Зеландии!

Наконец мисс Бличем забрала у девушки трубку. От нее Гвинейра узнала самое важное.

— Я ведь могу просто посадить Глорию на поезд, а вы встретите ее в Крайстчерче.

Но Гвинейра и слушать не стала.

— Конечно, я переживу поездку, мне ведь не придется тянуть вагон на себе! — со своей обычной решимостью заявила она учительнице. — И, в первую очередь, я больше не хочу рисковать! Я ни в коем случае больше не оставлю девочку одну. Пусть побудет у вас, а я приеду не позже чем через

три дня. Присмотрите за ней хорошенько!

Забыв о своем возрасте, Гвинейра буквально протанцевала через весь салон обратно в кухню с бутылкой шампанского в руке.

— Я еду в Данидин, дети, я привезу Глорию! Ах да, и пусть Ронго Ронго заберет мешок семян. Здорово она это проделала, с духами-то!

Мисс Бличем и Глория ждали Гвинейру в Данидине, и пожилая женщина сразу заметила, что что-то не так. Девушка в закрытом темно-синем дорожном костюме вела себя как-то слишком нервно, все время цеплялась за руку такой повзрослевшей, уверенной мисс Бличем. Обе они немного напоминали старых дев. Даже Гвинейра выглядела более современно в своей яркой одежде, чем двадцатилетняя Глория. Радуясь возвращению правнучки, она наконец-то сняла мрачные черные платья и купила в Крайстчерче элегантный дорожный костюм сочного цвета морской волны. Белые полоски на воротничке и манжетах оживляли его, а шляпка в тон игриво сидела на уже совершенно седых волосах Гвинейры.

— Глория!

Гвинейра подмигнула ей сквозь стеклышко лорнета. Он казался ей элегантнее, чем эти бесформенные очки, которые у нее тоже были. Впрочем, для ее возраста зрение у Гвинейры было еще довольно хорошее. Очки ей нужны были только для чтения. Однако теперь она хотела как можно лучше разглядеть потерявшуюся внучку. — Ты так повзрослела!

Улыбка Гвинейры и ее слова маскировали ужас, охвативший ее при близком рассмотрении Глории. Девушка казалась не просто взрослой, она казалась… старой. Взгляд был неподвижен и почти без выражения. С другой стороны, Глория вела себя по-детски пугливо. Мисс Бличем пришлось мягко, но решительно вырвать у нее свою руку, чтобы пожать руку ее бабушки. Когда же Гвинейра обняла Глорию, ей показалось, что ее прикосновение было неприятно девушке.

— Глория, девочка, я так рада, что ты вернулась! Как ты добралась сюда? Ты должна мне все-все рассказать…

Гвинейра крепко держала Глорию за руки. Они были ледяными.

По лицу Глории промелькнула тень. Ее лицо, еще хранившее следы загара, побледнело. «Судя по всему, минувшее лето она провела не под крышей, как белокожая мисс Бличем», — подумала Гвинейра.

— Нет, конечно же, ты ничего не должна, Глори… — мягко произнесла мисс Бличем, бросив на Гвин многозначительный взгляд. — Глория не любит говорить о пережитом. Мы знаем лишь, что она добиралась домой через Китай и Австралию…

Гвинейра удивленно кивнула.

— Такое длинное путешествие — и совсем одна! Я горжусь тобой, моя маленькая!

Глория разрыдалась.

Гвинейра пошла с мисс Бличем и Глорией в школу, пережила натянутое чаепитие с мисс Бличем и миссис Ланкастер. Учительницы вели себя приветливо и изо всех сил старались помочь завязаться разговору между прабабушкой и внучкой, но все было тщетно. Глория отвечала односложно, крошила печенье пальцами и, казалось, не хотела поднимать глаза от тарелки.

— Вы поедете ночным поездом, миссис МакКензи, или я могу предложить вам переночевать у нас? — заботливо поинтересовалась миссис Ланкастер.

Гвинейра покачала головой.

— Две такие поездки за один день — это, конечно, слишком много для моих старых косточек. Поэтому я забронировала номер в отеле в Данидине. Так что если вам не трудно вызвать нам такси…

Услышав слова «нам» и «отель», Глория стала бледнее мела. Гвинейра заметила, что она бросает на мисс Бличем умоляющие взгляды, но учительница покачала головой. Гвинейра ничего не понимала. Глория не хочет уезжать? Ощущение было такое, что она до смерти боится уехать из школы. Гвинейра уже стала подумывать над тем, чтобы пойти на попятную и принять предложение переночевать в школе. Но потом отбросила эту мысль. Подобное поведение только оттянет решение проблемы на один день. Кроме того, в этом случае придется отказаться от запланированного на утро похода за покупками в Данидине — если она правильно поняла мисс Бличем, Глории срочно нужны новые вещи.

— Может быть, ты принесешь свою сумку, малышка? — спросила она, старательно не замечая обиды Глории. — Или ты вообще еще не собиралась? Ничего страшного, мисс Бличем тебе наверняка поможет, а мы с миссис Ланкастер пока немного поболтаем.

Сара Бличем поняла намек и ушла вместе с Глорией в ее комнату. Тем временем миссис Ланкастер выразила свое согласие по поводу намерений Гвинейры.

— Вы совершенно правы, собираясь забрать девочку сегодня же, и новая одежда ей тоже нужна. У нее всего два костюма, второй примерно такой же, как был на ней сегодня. Я несколько раз предлагала мисс Бличем пойти с ней за покупками, и мы, конечно же, нашли бы деньги. Но Глория

не захотела.

Гвинейра подняла брови.

— Значит, этот… хм… костюм… она… выбирала не с помощью ваших учительниц?

Миссис Ланкастер рассмеялась.

— Миссис МакКензи, у нас школа для девочек, а не женский монастырь! Наши ученицы носят обычную школьную форму, но мы не настаиваем, чтобы в свободное от занятий время они одевались, как учительница средних лет. Лично я считаю, что мисс Бличем… Впрочем, оставим это, у нее наверняка есть причины несколько… хм… подавлять свою женственность. Боюсь, у Глории тоже. Вам придется запастись терпением, миссис МакКензи.

Гвинейра улыбнулась.

— Этого у меня достаточно, — ответила она. — По крайней мере с лошадьми и собаками. С людьми иногда не срабатывает… но я буду стараться.

— Вы вдова?

По лицу Гвинейры промелькнула тень.

— Да, вот уже два года. Я никогда не смогу по-настоящему привыкнуть к этому…

— Извините, я не хотела бередить вашу рану. Дело в том… на вашей ферме живут мужчины, миссис МакКензи? — Миссис Ланкастер закусила губу.

Гвинейра с недоумением посмотрела на нее.

— Миссис Ланкастер, я управляю овечьей фермой… — Она улыбнулась. — Не женским монастырем! Конечно же, у нас работают пастухи, управляющий, на нашей земле живет племя маори. К чему подобный вопрос?

Было видно, что миссис Ланкастер растерялась.

— Глории тяжело общаться с мужчинами, миссис МакКензи. Что… что с этим Джеком? Глория рассказывала о нем, и мне кажется, что Джек — это главная причина того, что она боится возвращаться домой.

Глория сверкнула глазами. Она не знала, что делать — удивляться или злиться.

— Глория боится Джека? Но мой сын никогда не тронет ее! У них всегда были чудесные отношения. Впрочем, Джека сейчас нет в Киворд-Стейшн. Он ушел в армию…

— Мне очень жаль, миссис МакКензи, но я должна сказать. Если вы не принадлежите к числу женщин, которые не могут дождаться возможности

отправить сыновей на войну… Но отсутствие вашего сына может облегчить Глории привыкание.

Гвинейра не верила своим ушам, но прежде чем они смогли продолжить этот довольно странный разговор, вошла мисс Бличем и почти втолкнула в комнату Глорию. Девушка выглядела бледной, но решительной.

В такси, которое везло их в отель, Гвинейра начала рассказывать о Джеке, чтобы понаблюдать за реакцией девушки. На лице Глории читались попеременно грусть и облегчение.

— Все, — тихо произнесла она, — будет по-другому.

Гвинейра покачала головой.

— Не слишком, малышка. На овечьей ферме почти ничего не меняется. Рождаются ягнята, мы перегоняем овец на высокогорья, их стригут, мы продаем шерсть… каждый год, Глория. Одно и то же…

Глория попыталась уцепиться за эту мысль.

Прогулка по магазинам на следующее утро выдалась не очень удачной. Глории вообще не хотелось покидать отель, а когда Гвинейре наконец удалось затащить ее в магазин, девушку потянуло к самым ужасным платьям, просторным и мрачным.

— Когда ты была маленькой, ты любила брюки! — решительно заявила Гвинейра и не отступила, пока Глория не примерила шокирующе модную юбку-брюки.

Эту новинку ввели в обиход суфражистки для тех женщин, которые ездят на автомобиле и велосипеде. В Англии эта мода уже почти отошла, но здесь, на другом конце света, просторные, с восточными мотивами брюки все еще считались последним писком моды. Они великолепно подошли Глории, и она удивленно глядела в зеркало. На нее смотрела совсем другая девушка. Продавщица надела на ее короткие кудрявые волосы простую обтекаемую шляпу.

— Прическа у вас подходящая, — с улыбкой произнесла она, убирая волосы с лица Глории.

Гвинейра настояла на том, чтобы правнучка купила брюки и тут же надела их для путешествия. Для подобных случаев эта одежда представлялась ей очень практичной. Однако Глория чувствовала себя очень неуютно под оценивающими взглядами попутчиков. Гвинейра тоже не могла отвести взгляд, когда они наконец оказались в купе.

— У меня что-то не так с лицом? — наконец раздраженно поинтересовалась Глория.

Гвинейра слегка покраснела.

— Нет, конечно. Прости, дитя, что я так на тебя таращусь. Но сейчас, в этой шляпке… сходство просто поразительное…

— Сходство с кем? — резко переспросила Глория. Казалось, она была готова встать в оборонительную позу.

Гвинейра замахала руками.

— С Марамой, — ответила она. — Твоей бабушкой. И с твоим дедом, Полом. Мне даже кажется, что я вижу их фотографию… К сожалению, их нет, я могла бы доказать тебе… Такое впечатление, как будто их фотографии напечатали на прозрачной бумаге и положили один портрет поверх другого. Мне кажется, что я попеременно вижу то Пола, когда смотрю справа, то Мараму — когда смотрю слева. К этому нужно привыкнуть, Глория.

В действительности черты Глории больше напоминали Мараму, нежели Пола. По меркам маори ее скорее широкое лицо, да и фигура прекрасно соответствовали идеалу коренных жителей острова. Сейчас Глория нравилась Гвинейре больше, чем на последних фотографиях из Америки, где ее лицо казалось расплывчатым. Она похудела, лицо стало более выразительным и четким. От Пола ей достались главным образом близко посаженные глаза и энергичный подбородок, но это было почти незаметно, особенно теперь, в сочетании со спортивной одеждой. Если бы только не этот мрачный, замкнутый взгляд… Именно взгляд, вечно нахмуренный лоб, напряженные губы и вызвали в памяти Гвинейры образ Пола Уордена. Воспоминания были неприятными. Пол тоже был озлоблен на весь свет. Гвинейра начала опасаться.

Маака хотел прислать автомобиль, чтобы встретить Гвинейру и Глорию на вокзале, но по недвусмысленному требованию Гвинейры привел полукаретку, запряженную двумя кобами. Автомобиль остался в сарае.

— Но ведь автомобилем будет гораздо быстрее, мисс Гвин! — произнес молодой маори, страстный автолюбитель. — А на лошадях нам потребуется целая ночь!

— Мы не спешим! — заявила ему Гвин. — Мисс Глория любит лошадей. Она будет рада видеть кобов.

И действительно, лицо Глории впервые озарилось улыбкой, когда она увидела стоящую у вокзала карету. Однако слегка отшатнулась, когда едва не столкнулась нос к носу с Маакой.

— *Киа ора,* мисс Глори! — весело поздоровался старший мастер. — *Хаере маи!* Мы очень рады, что вы вернулись домой! — Он сиял, но Глории, казалось, было трудно даже коротко поблагодарить его.

— Пойдем, Глори, посмотри на лошадей! — позвала девушку Гвинейра. — Это сводные сестры, обе от Кухулина. Кередвен еще от Рейвен, на которой ездила я, а Колин от… — И она перечислила всю родословную.

Глория слушала. Казалось, она вспоминает лошадей, на лице ее читался явный интерес. Во всяком случае, ей это было интереснее, чем семейные истории, которыми пыталась развеселить ее Гвинейра.

— А Принцесса? — почти бесцветным голосом поинтересовалась она.

Гвинейра улыбнулась.

— Она еще с нами. Но она слишком легкая для этой полукаретки… — Гвинейра хотела продолжить, но разговор прервался из-за оглушительного лая. Женщины подошли к полукаретке так близко, что их учуяла маленькая трехцветная собака, которую Маака привязал под козлами.

— Я подумал, что нужно привезти ее вам, мисс Глори, — усмехнулся он, отвязывая веревку.

Нимуэ ринулась к женщинам, и Гвинейра по привычке наклонилась, чтобы поздороваться с ней. Но собака не смотрела на нее. Лая, повизгивая, почти воя от счастья, она прыгала вокруг Глории.

— Моя Нимуэ? — Глория опустилась на колени прямо на улице, новая одежда была забыта. Она обнимала и прижимала к себе собаку, которая, в свою очередь, покрывала ее влажными поцелуями. — Она ведь не могла… Я так боялась, что…

— Что она умерла? — переспросила Гвинейра. — Вот почему ты о ней не спросила… Но, послушай, она же была совсем маленькой, когда ты уехала, а бордер-колли живут долго. Она проживет еще лет десять…

С лица Глории исчезла вся замкнутость, вся неестественность; на нем отражалось одно сплошное счастье от встречи. Значит, все же есть кто-то, кто любит ее.

Гвинейра довольно улыбнулась. А потом села на козлы.

— Можно я буду править, Маака?

Маори рассмеялся.

— Я так и знал, мисс Гвин, что придется отдать поводья. Но если вы не против, я бы остался в Крайстчерче. Я подумал, что стоит забежать в контору к мистеру Джорджу. Счет за шерсть…

— И очаровательная дочка Рети, — поддразнила его Гвин. Все знали, что Маака влюблен в дочь управляющего Джорджа Гринвуда, Рети. Девушка маори закончила колледж на Северном острове и с недавних пор помогала в конторе. — Можешь остаться, Маака, но не наделай глупостей! Малышка воспитана на западный манер, она хочет ухаживаний, с цветами

и конфетами! Может быть, тебе стоит иногда сочинять для нее стихи!

Маака нахмурился.

— За такой глупой девушкой я никогда не стал бы ухаживать! — заявил он. — Ей не нужен *тохунга*, который будет читать ей стихи, и она не ребенок, чтобы завоевывать ее конфетами. Цветы весной цветут на всем острове, и если срывать их без причины, это может навлечь беду. — Он рассмеялся. — Но у меня есть вот это… — Маака выудил из кармана жадеит, на котором вырезал контуры маленького божества. — Я сам нашел этот камень, мои духи прикасались к нему…

Гвинейра улыбнулась.

— Как красиво! Это ее порадует. Передавай от меня привет Рети и Элизабет Гринвуд, если увидишь ее.

Глория слушала разговор с каменным выражением лица. Она снова напряглась, когда речь зашла о флирте. Может, у нее была несчастная любовь?

— А тебе мужчина уже что-нибудь дарил, Глория? — мягко поинтересовалась она.

Глория, прижимая к себе собаку, с ненавистью посмотрела на Гвин.

— Больше, чем мне хотелось бы, бабушка!

И на протяжении всего неблизкого пути не произнесла ни слова.

Гвин тоже молчала, пока сильные кобылки миля за милей бежали по уже ставшей хорошей дороге через Кентерберийскую равнину. Похоже, им действительно потребуется целая ночь, лучше бы они остановились в «Уайт Харт». С другой стороны, ночь такая ясная, красивая. Холодно, но зато нет дождя, небо полно звезд, над ними сверкают Плеяды.

— Матарики… — Джеймс научил Гвин этому слову давным-давно, в ночь любви.

Глория серьезно кивнула.

— И *ика-о-те-ранги*. Млечный Путь. Небесная рыба для маори.

— Ты еще помнишь! — улыбнулась Гвинейра. — Марама обрадуется. Она всегда боялась, что ты забудешь маори, как Кура. Она говорит, что Кура забыла язык. Мне, впрочем, это кажется странным. Кура, уже будучи взрослой, бегло говорила на маори, а еще она поет на этом языке. Как же можно забыть слова?

— Слова — нет, — ответила Глория, подумав о Таматее.

Гвинейра пожала плечами. Скоро взойдет солнце, они приближались к Киворд-Стейшн. Глория должна узнать местность. Луга, озеро…

— Можно мне… можно я поведу? — хриплым голосом спросила

девушка. Желание самостоятельно направить кобов к подъезду дома было настолько велико, что она даже Нимуэ отпустила.

Гвинейра уже хотела передать ей поводья. Но потом вдруг в памяти всплыла картина: Лилиан в день своего возвращения из Англии. Ее сверкающие глаза, подбадривающие крики, развевающиеся на ветру волосы. Гвинейра чувствовала себя молодой, радость правнучки захватила ее. И еще Джеймс, скачущий ей навстречу на сивом жеребце. Так же, как тогда, когда он ждал ее в кругу каменных воинов. Гвинейре показалось, что Лилиан унесла ее в путешествие во времени. Но потом…

Гвинейра не должна выпускать поводья из рук. Это принесет несчастье…

— Нет, лучше не надо! — Пальцы Гвинейры сжали поводья.

Глория снова замкнулась. Больше она не произнесла ни слова, пока они не доехали до конюшен. Когда один из пастухов приветствовал женщин, ей больше всего хотелось спрятаться в какую-нибудь мышиную норку.

— Давайте я распрягу, мисс Гвин! Мисс… Глория?

Мужчина был еще молод, белокож. Он не знал Глорию в детстве. При виде молодой женщины в роскошной юбке-брюках — наверное, он никогда прежде не видел, чтобы женщина так одевалась, — у него расширились глаза. Гвинейра увидела не только удивление, но и восторг. Глория — просто желание.

— Большое спасибо, Фрэнк! — приветливо ответила Гвин, передавая ему поводья. — А где у нас маленькая Принцесса, Фрэнк? Мисс Глория хочет сразу же увидеть ее, это была ее пони в детстве. Сейчас Глория, конечно же, уже слишком большая для нее.

— В паддоке за конюшнями, мисс Глория! — Фрэнк Уилкенсон послушно указал на противоположный выход из конюшни. — Если хотите, я с удовольствием объезжу ее. Перед легкой одноколкой она будет хорошо смотреться.

Глория ничего не сказала.

— Вы ведь тоже любите управлять, мисс Глория?

Глория бросила на Гвинейру мрачный взгляд.

— Нет, — только и сказала она.

— Ты произвела на него впечатление, — попыталась поддразнить ее Гвинейра, ведя правнучку через конюшню. Нужно же как-то развеять ее дурное настроение. — Он очень милый молодой человек, ловко управляется с лошадьми. Я бы поразмыслила над его предложением.

Принцесса отлично смотрелась бы в упряжи. С моей стороны большая глупость, что я не подумала об этом раньше.

Казалось, Глория хотела что-то ответить, но передумала и продолжала молча идти за прабабушкой. Лицо ее просветлело лишь тогда, когда она увидела небольшую рыжую кобылку на выгоне вместе с другими лошадьми.

— Принцесса, милая моя…

Естественно, Принцесса не узнала бывшую хозяйку. Спустя столько лет этого нельзя было ожидать, и Глория, конечно, не стала обижаться на животное. Она пролезла под оградой и направилась к кобылке, чтобы погладить ее. Принцесса разрешила сделать это и даже немного потерлась головой о плечо Глории.

— Завтра я тебя почищу, — с улыбкой произнесла Глория. Она поняла намек. Кобыла испытывала зуд, а она, похоже, будет тем самым человеком, у которого найдется для нее время.

Возвращаясь к Гвинейре, Глория улыбалась.

— А где жеребенок? — спросила она.

— Какой жеребенок… — Гвинейру бросило в жар. Жеребенок Принцессы… лошадь, которую обещал Глории Джек, и говорил, что по возвращении она сможет ездить на ней.

Гвинейра закусила губу.

— Глория, милая, мне очень жаль, но…

— Он умер? — тихо спросила Глория.

Гвинейра покачала головой.

— Нет-нет, что ты. Это хорошенькая кобылка. И у нее все в порядке. Но… я подарила ее Лилиан. Мне очень жаль, Глория, но тогда мне казалось, что ты вернешься не скоро. И ты никогда не писала, что он тебе все еще нужен…

Глория уставилась на Гвинейру. Пожилая женщина изо всех сил пыталась истолковать взгляд правнучки, но в глазах у той читалась неприкрытая ненависть.

— Если ты не ездишь верхом, значит, ты умер. Разве не ты это всегда говорила? Я была… я уже…

— Глория, я ничего такого не имела в виду! Я вообще не думала. Просто кобылка стояла без дела, а Лилиан хорошо обращалась с ней. Послушай, Глория, все лошади в этом стойле принадлежат тебе. Есть несколько отличных четырехлеток. Но, может быть, ты предпочтешь роскошную трехлетку, с которой ты сможешь работать сама…

— Разве они не принадлежат моей матери? — холодно

поинтересовалась Глория. — Как и все здесь? Включая меня? Кстати, что будет, если она снова захочет забрать меня? Ты опять меня отошлешь?

Гвинейра хотела обнять ее, но девушка словно окружила себя ледяной стеной.

— Ах, Глори… — вздохнула Гвинейра.

Она не знала, что и сказать. Гвин никогда не была великим дипломатом, и эта ситуация выбивала ее из колеи. Ей вдруг захотелось, чтобы рядом была Хелен. Или Джеймс. Они бы знали, что делать. Но Гвин чувствовала лишь беспомощность. Должна же Глория понимать, что ее здесь любят!

— Мы можем просто еще раз покрыть Принцессу! — наконец сказала Гвин. Она предпочитала решать проблемы действиями, а не словами.

— Может, пойдем в дом? — спросила Глория, не ответив на предложение. — Кстати, где мне теперь жить? Моя комната еще принадлежит мне? Или ты отдала Лилиан и ее?

Гвинейра решила просто не отвечать. Вместо этого она медленно пошла вперед по тропе, которая вела от конюшен к кухне Киворд-Стейшн. В последний момент до нее дошло, что Глория опять может все превратно понять.

— Ты ведь не против, чтобы мы… нет, конечно, мы можем войти и через главный вход… но в моем возрасте тяжело проделывать это. Столько ступенек.

Глория закатила глаза, но у нее это получилось не смешно, как у Лилиан, а скорее презрительно.

— Бабушка Гвин, я хочу в свою комнату. Как я туда попаду, мне совершенно все равно.

Но быстро уйти не получилось. В кухне ждали Кири, Моана и бабушка Глории, Марама.

— *Хаере маи, мокопуна!* Как я рада снова видеть тебя!

Гвинейра наблюдала за женщинами-маори, которые кружились вокруг Глории, здоровались с внучкой, пытаясь прижаться к ней лицами в традиционном *хонги*. Если вид Глории испугал их так же, как и вчера Гвинейру, им, по крайней мере, удалось это довольно успешно скрыть.

Однако Марама не стала обнимать внучку. Взяла девушку за руки и что-то сказала на своем языке. Гвинейра толком не разобрала, но ей показалось, что это были извинения.

— Прости свою мать, мою дочь, *мокопуна*. Люди всегда были ей безразличны…

Глория с довольно безучастным видом приняла приветствия. Лишь улыбнулась, когда Нимуэ пришла в восторг при виде радующихся женщин и начала громко лаять и бегать вокруг них.

— А теперь нужно отдохнуть. Сегодня вечером хорошая еда! — наконец заявила Кири. Возможно, безразличие Глории она списала на усталость после ночной поездки. — Мы приготовим *кумера*, сладкий картофель. Наверняка ты не есть это, когда уезжать в Англию!

Гвинейра отвела правнучку в ее комнату — ту самую, в которой Глория жила до отъезда. С радостью отметила, что напряжение на лице девушки ослабло, когда они вошли внутрь. Гвинейра ничего не меняла здесь. Картинки с изображением лошадей по-прежнему украшали стены, там же были последняя фотография Глории с Принцессой, по-детски неловкие рисунки и несколько естествоведческих изображений местной флоры и фауны, сделанные еще Лукасом, первым мужем Гвинейры.

— Видишь, мы всегда ждали тебя, — натянуто произнесла Гвинейра, но на лице Глории появилась улыбка лишь после того, как она увидела лежащий на кровати подарок Марамы.

Как часто она быстро и торопливо сбрасывала брюки для верховой езды, чтобы к ужину снова «превратиться в девочку», как называл это Джек. А теперь там лежали новехонькие, простого старого покроя бриджи, сшитые Марамой.

Гвинейра попыталась ответить на ее улыбку.

— Может быть, завтра ты выберешь себе лошадь? — робко спросила она.

Сияние в глазах Глории погасло.

— Может быть, — ответила она.

Гвинейра была почти рада, закрыв за собой дверь.

Глория еще раз прошлась по комнате, скользнула взглядом по картинкам на стенах, истоптанному старому ковру. Заметила кусочки жадеита и пестрых камней, которые они собирали вместе с Джеком…

А потом бросилась на кровать и, обняв Нимуэ, заплакала. Когда слезы наконец высохли, солнце стояло уже высоко.

Она добралась. Она в Киворд-Стейшн.

Глория понимала, что, вообще-то, должна радоваться. Время горестей миновало. Но радости она не испытывала.

В душе остался лишь жгучий гнев.

3

Идея тайно пожениться стала чудесной мечтой, и Лилиан с Беном разукрашивали ее все больше и больше. Лилиан не обращала внимания ни на что из того, что занимало ее родителей; ни военные события, ни возвращение Глории не волновали девушку. Она была полностью поглощена своей любовью к Бену и планированием побега и совершенно не колебалась, думая о его воплощении в жизнь. Бен же разделял ее фантазии, хотя в душе не верил, что нечто подобное возможно. И вот однажды, в холодный весенний вечер, все полетело кувырком.

В город снова приехал Джордж Гринвуд, и вместе с Тимом и Мэттом Гавейном они решили наконец посвятить общественность в планы постройки коксовального завода. Уже сейчас вокруг строительства ходило много сплетен. Впрочем, краеугольный камень был заложен, и вряд ли кто-то в Греймуте смог бы опередить Ламбертов. Конечно, Тим прекрасно осознавал, что владельцы остальных рудников могут обидеться, если он слишком долго будет держать в секрете свои планы. Поэтому мужчины договорились пригласить Биллеров, управляющего рудником Блэкболла и других важных людей на торжественный ужин в одном из лучших отелей на берегу. И там собирались объявить о том, что с настоящего момента у всех рудников в Греймуте будет возможность перерабатывать уголь в кокс прямо на месте. Вероятность того, что мнения на этот счет разделятся, была очевидна. Владельцы рудников помельче, возможно, обрадуются, а вот Флоренс Биллер скорее разозлится из-за того, что сама не осмелилась вложить деньги в подобное расширение производства. Для рудника Ламберта эта инвестиция наверняка превратится в золотую жилу.

Для Лилиан Ламберт и Бена Биллера этот вечер представлял собой веху в их отношениях по другой причине. Впервые за минувший год их родители осмелились позволить им встретиться в обществе. Бен сопровождал мать, поскольку Калев снова испугался, а Лилиан по-прежнему играла в шофера. Джордж Гринвуд настоятельно просил позволить восхитительной спутнице быть его соседкой справа за столом.

— Ну что, как у тебя дела сердечные? — весело поддразнил он ее, когда Лилиан церемонно заняла место рядом с ним. На ней было новое платье цвета зеленого яблока, ее первое настоящее вечернее платье, и она выглядела очаровательно. Бен поедал ее глазами. — Ты уже подарила свое сердце возлюбленному или же отдашь его отцовскому руднику?

Лилиан густо покраснела.

— Я… э… кое-кто уже есть! — важно заявила она. Дядя Джордж всегда воспринимал ее всерьез. Конечно же, он не станет вести себя так по-детски, как ее родители, когда узнали об их с Беном любви. — Но это пока тайна!

Джордж улыбнулся.

— Значит, пока не будем говорить об этом, — заметил он, а про себя решил позже побеседовать на эту тему с Илейн.

Она как-то рассказывала ему о влюбленности Лилиан и Бена, но считала, что все уже в прошлом. Однако Джорджу так не казалось. И, в отличие от остальных, он заметил, что Лилиан и Бен в какой-то момент исчезли. Лилиан нашла повод — Илейн попросила дочь принести сумочку, которую забыла в машине. Бен же просто выбрался из-за стола, когда увидел, что Флоренс Биллер занята. Она отчаянно спорила с управляющим рудником Блэкболл по поводу какого-то железнодорожного соединения.

Джордж решил, что сейчас идеальный момент для того, чтобы сделать свое сообщение. И постучал по бокалу.

Бен догнал Лилиан, когда она закрывала машину. Улыбнулся ей сияющей улыбкой.

— Мне нужно было увидеть тебя наедине.

Лилиан позволила обнять себя, но встревожилась. Она припарковала автомобиль прямо на улице, и их мог увидеть по меньшей мере портье отеля. Возможно, он не собирался выдавать их, но все равно следовало быть осторожными. Кроме того, стоял октябрь, на улице было холодно, со стороны Альп дул ледяной ветер.

Поколебавшись, Лилиан наконец решилась.

— Садись в машину! — пригласила она Бена и скользнула на заднее сиденье.

Бен сел рядом с ней и тут же начал ласкать ее. Лимузин был огромен, им никогда не доводилось располагать таким большим пространством. Лилиан, смеясь, отвечала на его поцелуи.

— Оставь хоть что-то на первую брачную ночь! — решила она поддразнить его. — Скоро уже ничего не останется. Подождем твоего дня рождения или сделаем это в Окленде? Когда мы туда поедем?

Бен испугался, но тут же обнаружил лазейку.

— Давай лучше подождем. Потому что… ну, где же мы будем жить, до свадьбы-то?

Лилиан пожала плечами.

— Снимем квартиру у хозяина, который не будет спрашивать свидетельство о браке, — с присущей ей практичностью заявила Лилиан. — Наверняка такой найдется.

Бен покраснел.

— Ты хочешь сказать… что мы… э… сделаем это до свадьбы?..

Лилиан серьезно кивнула.

— Думаю, да. На всякий случай. Чтобы не случилось ничего непредвиденного… чтобы все подошло… ну и все в таком духе.

— А почему не подойдет? — удивился Бен.

Теперь настал черед Лилиан краснеть.

— Ну… что ж, насколько я поняла… это имеет какое-то отношение к тому, чтобы… входить.

Бен нахмурился.

— Но мне кажется, что входит всегда.

Лилиан пристально поглядела на него.

— Откуда ты знаешь? Уже пробовал?

На лице ее читались и надежда на наличие некоторого опыта, и горькая мысль о неверности.

Бен возмущенно покачал головой.

— Конечно нет! Я никогда не сделал бы это ни с кем, кроме тебя. Но… — кровь снова прилила к его щекам, — но другие мальчики из колледжа…

Лилиан поняла. Товарищи Бена по учебе были гораздо старше. Конечно же, они знали больше, чем он.

— Ну ладно, — примирительно произнесла она. — Но попробовать наверняка не помешает. Ты ведь хочешь, правда?

— Сейчас? — спросил Бен. — Здесь?

Вот и искушение. В автомобиле было тепло и гораздо уютнее, чем в конюшне. Но Лилиан понимала, что нужно оставаться разумной.

— Нет, сейчас слишком рано. В Окленде.

Тем временем Бен целовал ее более упоенно. Противостоять мысли о том, чтобы попробовать здесь и сейчас, было невозможно.

— Но тогда будет уже поздно. Мы не сможем уйти, если даже не подойдет…

Лилиан на миг задумалась. А потом разрешила ему задрать ей платье и погладить бедра. Они никогда этого раньше не делали, но это было восхитительнее всех ощущений, вызванных ласками груди и поцелуев. Девушка застонала от удовольствия.

— Подойдет… — пробормотала она.

Флоренс Биллер была вне себя от ярости. Опять этот Гринвуд! Опять эта фирма, у которой, судя по всему, денег просто куры не клюют и которая вкладывает их в рудник Ламберта. Ясное дело, идея строительства принадлежит Тиму! Сама она, конечно, тоже задумывалась об этом, но для точных расчетов ей нужно было конструкторское бюро. Так осторожно, как у Ламберта, у нее не получилось бы. И без инвесторов тоже ничего бы не было… Если бы Калев был немного ловчее и проявлял побольше интереса к руднику! Так трудно делать все одной, а когда она обращалась к внешним инвесторам, то натыкалась на старые препятствия. Флоренс отчаянно хотелось быть мужчиной! Разумеется, она рассчитывала на сыновей. Сэм, похоже, мыслит верно, но он еще слишком мал. Бен же… Старший со временем все больше и больше становился похож на отца. Такой же слабак и неудачник. Университетская карьера! Как можно называть это карьерой? Калев со своими статьями и исследованиями не мог толком заработать на жизнь, не говоря уже о жизни, к которой привыкла Флоренс. Рудник процветал только благодаря ее усилиям. Можно было расширяться, можно было рискнуть, если бы она… А где вообще Бен? Флоренс огляделась по сторонам, пока остальные гости толпились вокруг Гринвуда, Ламберта и Гавейна, забрасывая их вопросами.

А где маленькая Ламберт?

Флоренс поискала свой плащ. То ли попытаться найти Бена, то ли просто подышать свежим воздухом, но ей нужно было выйти — пока никто не заметил, насколько она раздражена. Флоренс знала, что волнение плохо сказывается на цвете ее лица. Оно пойдет пятнами, рот искривится. Но, повинуясь правилам стратегии, она должна сейчас улыбаться и поздравлять.

Флоренс вышла из зала. Как ей казалось, незаметно. Однако Джордж Гринвуд не упустил этот момент и, слегка коснувшись руки Илейн, негромко произнес:

— Лейни, мне кажется, что наша пыхтящая от злости миссис Биллер отправилась на поиски своего сына.

Илейн стояла рядом с мужем с бокалом шампанского в руке, улыбалась и скучала. Теперь она бросила на Джорджа удивленный взгляд.

— И что? Он не мог уйти далеко.

— А ты… ты никого не ищешь?

Илейн схватилась за голову.

— О нет! Она что-нибудь говорила, дядя Джордж? Ладно, пойду искать ее. Пока не нашла Флоренс. О чем эта девочка только думает?

Скорее веселая, нежели встревоженная, Илейн отправилась на улицу — и успела увидеть, как Флоренс Биллер распахнула дверь в салон кадиллака и вытащила оттуда своего сына.

— Вон отсюда! Ты… ты… Там наша фирма разоряется, а ты развлекаешься с этой маленькой проституткой!

— Это не то, что ты подумала… — пролепетал Бен и на всякий случай незаметно проверил, застегнута ли у него ширинка. Лилиан только что с любопытством поигрывала с ней.

— И вы, миссис Ламберт… — Бен увидел, что за спиной матери появилась Илейн, и предпринял попытку успокоить ее. — Я все могу объяснить, мама… и миссис Ламберт. Мы собираемся пожениться!

Илейн уставилась на дочь, лишившись дара речи. Лилиан поправила платье и как раз собиралась тоже выйти из машины.

— Вам нечего сказать на это? — возмущалась Флоренс. — Эта маленькая проститутка…

— Оставьте ваш тон, Флоренс! — набросилась на нее Илейн. — Моя дочь не проститутка, хотя, возможно, наши дети… слегка нарушили правила приличия. Выходи, Лили. И приведи себя в порядок. Может быть, вам стоит отправить сына домой, Флоренс. В остальном же, думаю, устраивать здесь скандал — это ни в ваших, ни в наших интересах. Лилиан, умойся и иди обратно в зал! Флоренс, нам нужно будет поговорить позже. И, вероятно, решить… — Илейн изо всех сил пыталась сохранять спокойствие.

— Поговорить? О чем здесь разговаривать? Это в вашем стиле! Дочь барной девки! — Флоренс шипела от ярости.

— Да, а вы не постеснялись лечь в постель к тому, кто больше всех предложит! — не уступила Илейн. — Я ошибаюсь или мой муж тоже немного интересовал вас? Калека с рудником — это ведь так перспективно, правда? Жаль только, что у Тима всегда хорошо работала голова, поэтому «теплый брат» с рудником оказался более подходящей кандидатурой.

— Лейни, кажется, уже достаточно. — Между женщинами протиснулся бледный Мэтью Гавейн. — А вы успокойтесь, миссис Биллер, иначе завтра о вас будет судачить весь город. Того портье и без того придется озолотить за молчание. Лилиан… тебя ждет отец. А мистер Гринвуд хочет потанцевать с тобой!

Илейн закусила губу. Она крайне редко позволяла себе подобные выходки. Вообще-то, ее легко было запугать. Но эта ужасная женщина назвала ее дочь «проституткой», что выходило за все рамки и было слишком!

— Ну, она не так уж неправа, верно? — громовым голосом произнес Тим Ламберт. Уже наступил вечер, и, вне всякого сомнения, историю Лилиан и Бена лучше было бы обсудить на следующее утро.

Конечно, на приеме Тим кое-что заметил. Перешептывание Джорджа с Илейн, потом с Мэтью, который при этом выглядел испуганным. И расстроенное лицо Илейн по возвращении, следы слез на лице Лилиан, исчезновение Флоренс и Бена… Муж Илейн был неглуп. Однако Ламберты проявили железную выдержку и спокойно дождались окончания ужина в отеле. И только дома Тим набросился на Лили, дав волю своим эмоциям.

— Если я все правильно понял, этот маленький негодяй задрал тебе платье и…

— Ничего не случилось! — защищалась Лилиан. — Мы просто немного пообнимались…

— И руки его при этом были у тебя под платьем?

— Мы ведь собираемся пожениться!

Тим закатил глаза.

— Этого просто не может быть! Пожениться! Сколько вам лет? Это неслыханная чушь! Твоя мать может считать это пустыми мечтами, но дело зашло уже слишком далеко — ты позволяешь ему задирать тебе платье в моем автомобиле…

Больше всего Тиму Ламберту хотелось отлупить дочь. Такой скандал, причем в знаменательный вечер его триумфа! Флоренс Биллер теперь еще активнее будет пытаться вставлять ему палки в колеса. И, в первую очередь, они потеряют рудник Биллеров в качестве важного клиента для коксовального завода. Флоренс наверняка уже сидит над чертежами собственного завода, даже если при этом у нее ничего не получится!

— Я…

— Посмотри на это дело спокойно, Тим, — пришла на помощь Илейн. — Если сегодня это не была внезапная вспышка страсти — а Лилиан заверила меня, что это не так, — то наши дети вот уже два года испытывают серьезные чувства… Может, они действительно подходят друг другу. Флоренс должна понять…

— Ничего Флоренс не должна! А мы тем более. Не считая того, что мне кажется необходимым как можно скорее отослать Лилиан подальше. Как насчет твоих родителей, Лейни? Наша дочь могла бы помогать в универмаге, она хорошо справляется с подобными вещами. А твой отец за ней присмотрит. Он ведь уже убедился на твоем опыте, что бывает, если позволить слепо влюбленной девушке действовать по своему

усмотрению…

— Какое это имеет отношение ко мне? — возмутилась Илейн.

Лилиан всхлипнула. Она в общих чертах знала историю первого брака Илейн, но мать не любила вспоминать об этом. Конечно, в вопросах любви можно ошибиться, если ты очень юн. Лилиан это понимала. Но сама она не ошибается!

— Я люблю Бена! — героически заявила она. — И я не позволю меня отсылать! Мы поженимся и…

— А ты замолкни! — приказал Тим.

— Вообще-то, тебе пора в постель, — произнесла Илейн гораздо спокойнее. — Завтра мы продолжим разговор.

— Нечего тут обсуждать! — мрачно заключил Тим.

Лилиан сбежала в свою комнату и плакала, пока не уснула, а родители продолжали ожесточенно ссориться. Так бывало очень редко, но в эту ночь они скрестили клинки и помирились только ближе к утру — и, крепко обняв друг друга, проспали дождь камешков, которые отчаявшийся Бен Биллер довольно неловко бросал в окно комнаты Лилиан.

Лилиан отреагировала более чутко. Когда первый камешек наконец попал, она проснулась, распахнула окно и пригнулась, уворачиваясь от града камней.

— Осторожно, потише! — удивленно прошептала она, одновременно испытывая восхищение от случившегося. — А то разбудишь моих родителей!

— Мне нужно поговорить с тобой! — Голос Бена звучал приглушенно, совсем не так, как обычно, словно у него были романтические намерения. — Ты можешь спуститься?

Лилиан набросила халат, хотя знала, что в нем наверняка замерзнет на улице, но он был самым красивым из тех, что у нее были. Яркий и сочный зеленый цвет подчеркивал цвет ее глаз. Жаль только, что в темноте он этого не увидит… Лилиан на доли секунды потерялась в своем отражении в зеркале, но потом взяла себя в руки. Она обнаружила Бена в саду под окном. Молодой человек прятался в кустах.

— Тебе влетело? — спросила она, глядя на его расстроенное лицо. — Мой отец был в ярости! Ты представляешь, он…

— Меня хотят отослать! — перебил ее Бен. — По крайней мере мать, отцу и слова сказать не дали…

Лилиан захихикала.

— Мой отец тоже заявил, что отошлет меня в Квинстаун. Но, конечно же, я не поеду…

— Меня отправляют на Северный остров, — прошептал Бен. — У наших родственников там рудник. И я должен буду работать там, моя мать уже звонила дяде. Среди ночи, в такой ярости она была. Должно быть, произошло что-то еще, помимо нас…

Лилиан закатила глаза. Бен снова не сумел сложить два и два. Она рассказывала ему о коксовальном заводе и о запланированном объявлении вчера вечером. Она не сомневалась, что Флоренс Биллер была вне себя еще и поэтому.

— Она ведь не может тебя заставить, — попыталась утешить его девушка. — Просто скажи, что ты не поедешь. Ты не хочешь работать в конторе.

— Лили, ты не понимаешь! — Бен схватил ее за плечи, словно собираясь встряхнуть, но потом зарылся лицом в ее густые распущенные волосы. — Я должен буду работать не в конторе, меня посылают в шахту! Мой дядя сказал, что у него каждый должен начинать с кирки. По меньшей мере пару месяцев мне придется работать в забое под землей. Из его сыновей это тоже выбило дурь.

— *Ты* должен будешь добывать уголь? — переспросила Лилиан.

Бену, очень неловкому от природы, были противопоказаны профессии, связанные с физическим трудом, и это было ясно давно. Лилиан понимала, что своими успехами в гребле он обязан скорее чувству ритма и стратегическим способностям, нежели физической силе.

— Я не могу, Лили! — пожаловался Бен. — И я действительно пытался, я хотел ей сказать, что не буду этого делать. И что ей не удастся притащить меня на паром… и вообще все то, что ты всегда говорила. Но я не смог, Лили! Когда я оказываюсь перед ней, я словно замираю. Как будто язык проглотил… Да и мой отец чувствует себя точно так же.

Лилиан обняла его, утешая.

— Бен, мы ведь все равно собирались сбежать.

Бен закивал.

— Поэтому я и пришел. Давай уедем, Лили. Прямо сейчас, утренним поездом!

Лилиан нахмурилась.

— Но ведь утренний поезд идет в Уэстпорт, Бен. Тот, который в Крайстчерч, отправляется аж в одиннадцать.

— Не тот! — поправил ее Бен. — От нашего рудника в Крайстчерч отходит товарный с углем. В шесть часов утра. Вагоны уже готовы, работники железной дороги просто прицепят их, когда подойдет локомотив. Если мы залезем в один из них, никто не заметит.

— Но мы будем похожи на мавров, когда приедем в Крайстчерч, — заметила Лилиан.

— Значит, мы сойдем раньше и помоемся где-нибудь… — План Бена был основан на мужестве доведенного до отчаяния человека.

У Лилиан тут же возникла корректирующая идея.

— Нам нужны одеяла. Или, еще лучше, брезент, чтобы прикрыться от угольной пыли. Совсем не получится, но хотя бы как-нибудь. У вас есть что-то подобное на руднике? Наверняка. А еще мы должны одеться в самую старую и некрасивую одежду. Мы ее просто выбросим, когда приедем в Крайстчерч, — все равно поезд придет на товарный вокзал, верно? Там найдется какой-нибудь сарайчик или что-то в этом роде, где мы сможем переодеться. Значит, мне нужно быстро собрать вещи. Где твои вещи, Бен?

Бен непонимающе уставился на нее.

— Бен! Твой чемодан! Ты собирался уехать вот так? Без одежды на смену? И где твой паспорт?

Об этом Бен даже не думал. Очевидно, он убежал в панике, и теперь им нужно вернуться в город, а потом обратно. Лилиан вздохнула. Что делать, придется позаимствовать автомобиль. Пешком они не успеют обернуться к шести, а верхом… сажать Бена на круп Вики — это бессмысленно.

Самой Лилиан, которая посвятила вопросу отъезда не один день размышлений, потребовалось всего несколько минут, чтобы вбежать в дом, переодеться в старое домашнее платье, а потом бросить в сумку не менее поношенный плащ и несколько платьев на смену. Паспорт тоже лежал наготове. Лилиан собралась к отъезду менее чем за полчаса. Не оглядываясь, она закрыла за собой дверь. Окрыленная ощущением грядущих приключений, девушка повела Бена к конюшням. Гараж для автомобиля был пристроен к ним. Рядом находилась небольшая квартирка, принадлежавшая Роли, но она пустовала вот уже много месяцев. К счастью для Лили.

Девушка завела машину и испугалась звука заводящегося мотора, который, казалось, разорвал ночную тишину. Конечно же, в доме он будет слышен слабо, но если кто-то не спит…

Мэри, служанка, спала не в доме Ламбертов, а в доме своей семьи, в шахтерском квартале. А Тим и Илейн все равно уже проспали град камней. Медленно, стараясь шуметь как можно меньше, Лилиан вывела тяжелый автомобиль из гаража.

— Закрой ворота, Бен! Тогда они с утра не сразу поймут, что

автомобиля нет… Нет, левый засов! Боже мой, неужели ты даже ворота не можешь закрыть, не прищемив пальцы?

Бен сосал прищемленный палец, когда Лилиан вывела автомобиль на улицу. Он уже дрожал от собственного мужества.

— Я должен еще раз вернуться в дом? А если мои родители проснутся?

— У них был очень долгий день. Главное, ничего не опрокинуть на лестнице. Просто пойди, собери вещи, а потом мы уедем. Не забудь паспорт!

Лилиан провела очень нервные полчаса за рулем автомобиля в нескольких боковых улочках от дома Биллеров. Перед ее внутренним взором вставали тысячи сложностей. Но Бен, к счастью, снова оказался на сиденье рядом с ней.

— Мой отец… — пробормотал он. — Он меня застукал…

— Что?! — изумленно воскликнула Лили. — А почему же ты тогда здесь? Ты… Бен, ты же не ударил его, не застрелил, правда? — В книгах и фильмах обычно все заканчивалось так. Хотя Лилиан, в принципе, не ожидала от Бена никакого насилия.

Бен покачал головой.

— Нет, он дал мне вот это… — Молодой человек выудил из кармана стодолларовую банкноту. — Он… это было так жутко, я… я собрал вещи, но мне ведь нужен был паспорт, а он лежит у него в кабинете, и я пошел, а там… там был он. В темноте. С бутылкой виски. Он посмотрел на меня и сказал…

— Да?.. — переспросила Лилиан, готовая услышать целую героическую историю.

— Он сказал: «Ты уходишь?» А я сказал: «Да». А потом он достал из кармана деньги и сказал…

— Что? — Лилиан постепенно теряла терпение. Однако, метнув взгляд на сиденье, удостоверилась, что сумка с вещами при Бене, и завела автомобиль.

— Он сказал: «Больше у меня при себе нет». — Бен нервно сглотнул.

— И что? — спросила Лили.

— И ничего, — проворчал Бен. — Потом я ушел. Ах да, еще я сказал «спасибо».

Лилиан перевела дух. Ладно, на драму это не тянет, но в любом случае Бен выбрался, причем с благословения отца. Сама она воспользовалась бы возможностью и попросила бы Калева подписать разрешение на брак. Ладно, главное, что Бен не забыл взять паспорт.

— Мы оставим автомобиль в лесу, рядом с вашим рудником, утром его там найдут, — торопливо произнесла Лилиан. — У тебя есть ключ от ворот или нам придется лезть через забор?

Ключ у Бена был, и вагоны уже стояли на рельсах, как он и говорил. Еще целый час до прибытия локомотива никого не было, и Бен с Лилиан выкопали себе в горе угля как можно более удобное укрытие на время путешествия. Однако желание при этом не выпачкаться оказалось, конечно, иллюзорным. Когда оба несколько часов спустя — поезд давным-давно уже был в пути, а солнце взошло — приподняли брезент и выбрались на свет, выглядели они как шахтеры. Бен рассмеялся над чумазым лицом Лилиан, поцелуем убрал немного пыли с ее носа.

— Интересно, где мы? — спросила она, глядя на головокружительную панораму Южных Альп.

Поезд как раз переехал изящный мост, который, казалось, с трудом выдерживал его вес. Лилиан задержала дыхание. Под ними зияло ущелье, а в нем вился бело-голубой горный ручей. За спиной у них лежали отчасти покрытые снегом вершины.

— В любом случае далеко от Западного побережья, — облегченно вздохнул Бен. — Интересно, нас уже ищут?

— Наверняка, — заявила Лилиан. — Вопрос скорее в том, знают ли они, что мы уехали этим поездом. Если они догадаются, то поймают нас в Крайстчерче.

— А мы не можем сойти раньше? — поинтересовался Бен.

Лилиан пожала плечами.

— В обычной ситуации могли бы, например, в Роллстоне. Это последняя остановка перед Крайстчерчем. Но остановится ли там товарный поезд? — Девушка задумалась. — Впрочем, он обязательно притормозит перед перевалом Артура. По крайней мере он должен будет ехать очень медленно, и мы сможем спрыгнуть. А потом сядем в самый обычный пассажирский поезд, идущий в Крайстчерч.

— И ты думаешь, что его не проверят? — усомнился Бен.

Лилиан закатила глаза.

— С него мы сможем встать в Роллстоне…

Перевал Артура, крутая горная дорога, соединяла долины реки Отира и Били. Должно быть, прокладывать ее здесь было очень тяжело и опасно, кое-где встречались туннели. Поезд тащился через перевал, и Бен с Лили могли легко спрыгнуть. Однако рядом с рельсами местами было очень

высоко. Наконец они решили дождаться, когда покажется вокзал. Хотя товарный поезд проезжал его и дал только один сигнал, Лили второпях выбросила свою сумку из вагона и спрыгнула прежде, чем он снова успел набрать скорость. Бен последовал за ней, ловко перекатился. Для железнодорожной линии здесь специально корчевали деревья, и рядом с вокзалом были только кусты. Дальше, по направлению к Крайстчерчу, начинались буковые леса, еще одна новая кулиса в панораме путешествия между Крайстчерчем и Западным побережьем.

Однако пока что Лилиан и Бен не обращали внимания на окружающий их пейзаж. Важнее было найти реку, где они могли бы кое-как помыться. Поскольку в этой местности хватало речушек, они довольно быстро отыскали ручей и, смеясь, разбили стоянку. Впрочем, вода оказалась ледяной. Хотя день был солнечный, им стало зябко при одной только мысли о том, что придется искупаться или хотя бы переодеться. Перевал Артура был расположен гораздо выше над уровнем моря, чем Греймут, и сейчас, утром, здесь еще лежал иней.

— Ты осмелишься прыгнуть? — поддразнила Бена Лили и стянула с себя свои совершенно почерневшие от угольной пыли чулки.

— Если ты тоже осмелишься! — Бен снял через голову рубашку. Конечно же, он не додумался переодеться в старые вещи и испортил свою красивую выходную рубашку.

— Для этого мне пришлось бы раздеться… — заметила Лилиан, трогая пальцем ноги ледяную воду.

— Тебе все равно придется сделать это. — Бен указал на ее сумку и одежду для переодевания.

— Не совсем. — Лилиан с наигранной стыдливостью опустила веки. — Но я сделаю это, если ты тоже… — И она стала расстегивать пуговицы на испачкавшемся платье.

Бен уже почти не чувствовал холода, глядя, как она снимает корсет и остается перед ним в одном нижнем белье.

— А теперь ты! — Глаза Лилиан сверкали.

Она зачарованно наблюдала за тем, как Бен снимает штаны.

— Значит, вот как это выглядит, — заметила она, когда он наконец остался совсем голым. — Я думала, это побольше.

Бен густо покраснел.

— Это… зависит от погоды… — пробормотал он. — А теперь ты…

Лилиан нахмурилась. Но потом разделась, чтобы тут же зябко закутаться в пыльный плащ.

— Ты же сейчас будешь черной… — произнес Бен. — Но ты очень

красивая!

Лилиан рассмеялась, теперь по-настоящему смущенная.

— А ты грязный! — воскликнула она. — Пойдем, я тебя вымою!

Она намочила свое нижнее белье в ручье, и вскоре они весело, словно дети, принялись плескаться в ледяной воде, брызгаясь и пытаясь стереть с тел угольную пыль. Лилиан взяла с собой мыло, но это все равно оказалось непросто. Пыль была жирной и крепко въелась в тела; нужна была теплая вода, чтобы полностью избавиться от нее. К счастью, Лилиан догадалась закрыть волосы платком. Бену пришлось мыть голову, и он едва не околел. Впрочем, результат все равно был неудовлетворительный.

— Зато теперь ты выглядишь старше, — заметила Лилиан. — Рано поседевшим.

Бен невольно рассмеялся. Редко когда ему было так весело, как во время этой возни в ручье на перевале Артура. Лилиан была счастлива.

— Но я все еще девственница, — с упреком заявила она. — И это при том, что я была совершенно раздета. Впрочем, здесь действительно слишком холодно. Интересно, как это получается у эскимосов?

Наконец оба оделись в чистое, хотя им все еще было холодно. Бен не подумал о теплом пальто, а Лилиан не стала брать сменный плащ, потому что иначе сумка была бы слишком тяжелой. Бен попытался согреть ее в своих объятиях, когда они брели обратно к вокзалу, чтобы дождаться там пассажирского поезда, идущего в Крайстчерч.

— Он точно здесь останавливается? — спросил Бен.

Лилиан кивнула, у нее стучали зубы.

— И я надеюсь, что он отапливается. Вот, теперь мы подошли достаточно близко. Можем подождать здесь. — Она указала на кусты неподалеку от платформы и, раздвинув их, собралась было усесться на свою сумку.

— Здесь? Разве мы не должны… я хочу сказать, мы же можем пойти на платформу. Сразу купим билеты, и, может быть, там есть зал ожидания…

— Бен… — Лилиан потерла переносицу. — Если мы войдем туда сейчас и купим билеты, смотритель первым делом спросит, откуда мы. И что мы скажем? Что пришли пешком через Альпы? Или что нас сбросили с самолета? Ты слишком честный, Бен. Надеюсь, тебе никогда не придется становиться разбойником или кем-то в этом духе, чтобы прокормить нашу семью, как Генри Мартин из песни. Мы умрем с голоду…

— И как себе это представляет мисс пиратский капитан? — обиженно поинтересовался Бен. — Нам же нужно каким-то образом попасть в поезд.

Лилиан захихикала.

— Мисс пиратский капитан — мне это нравится! А насчет поезда все просто. Люди здесь часто выходят, чтобы посмотреть на перевал и размять ноги. Мы незаметно присоединимся к ним и зайдем в поезд. Не думаю, что здесь проверяют билеты. Кто тут зайцем будет ездить, в такой глуши?

И действительно, забраться в поезд на перевале Артура оказалось очень легко. Самая большая опасность заключалась в том, что им могли встретиться какие-нибудь знакомые — Ламбертов и Биллеров знала половина Греймута. Поэтому Лилиан и Бен тщательно избегали пассажиров, которых, как им казалось, они уже где-то видели, и в конце концов оказались в одном купе с пассажирами из Крайстчерча. Пожилая пара, приветливая и добродушная, поделилась с изголодавшимися молодыми людьми своим дорожным провиантом.

— Видите ли, мой муж шахтер, — говорила Лилиан, объясняя «седину» в волосах Бена. — Но у этой профессии нет будущего… вернее, будущее есть, все рудники работают на полную катушку, из-за войны. Мы… э… то есть Ламберты даже строят коксовальный завод, но… мы не видим там будущего для себя. Мы решили поехать на Кентерберийскую равнину, начать все сначала… Возможно, будем продавать швейные машинки!

У Илейн Ламберт была швейная машинка «Зингер», которую навязал ей Уильям Мартин в то время, когда работал представителем швейной компании. Лилиан выросла с мыслью о том, что продажа этих штуковин выгоднее, чем шитье.

Бен откашлялся и попытался незаметно ткнуть Лилиан локтем в бок.

Пожилая пара проявила довольно сильный интерес, и женщина принялась многословно рассказывать, как ребенком приехала в Крайстчерч и как ее удочерила семья булочника. Позже она вышла замуж за подмастерье, и сегодня дело продолжает ее сын. Лилиан внимательно слушала, попутно задавала вопросы, с удовольствием поглощая великолепных карпов, приготовленных только сегодня утром в Греймуте. Дочь этой пары вышла там замуж, тоже за булочника.

— Если руки работящие, все получится, молодой человек! — подбодрила Бена пожилая женщина. — Мой зять тоже начинал с нуля, там, на Западном побережье!

Бен снова откашлялся, и миссис Розмари Лодерс положила ему еще один кусок карпа.

Пока Лилиан весело болтала, взгляд Бена тонул в восхитительном пейзаже, проносившемся мимо окна. Буковые леса, зачарованные речные

берега, дикие горные склоны, постепенно уступавшие место неровным предгорьям Альп, а затем — бесконечные пастбища Кентерберийской равнины.

Лодерсы поехали дальше в Крайстчерч, а Лилиан и Бен действительно вышли в Роллстоне.

— Тебе обязательно было все время болтать? — недовольно поинтересовался Бен, когда они стояли на платформе, не имея никакой определенной цели. — Они ведь нас запомнят!

— Да, молодую пару из шахтерского поселка! — весело отмахнулась Лили. — Ладно тебе, Бен, кто же будет их расспрашивать? Конечно, вполне возможно, что нас будут искать родители или Джордж Гринвуд. Он в этих делах дока, найдет любого. Но детективы не будут ждать нас в Крайстчерче и тем более расспрашивать пассажиров! По крайней мере пока что. А потом они вообще не смогут найти этих людей.

— По-настоящему в безопасности мы будем только в Окленде, — с тревогой в голосе произнес Бен.

Лилиан кивнула.

— В этом смысле подойдет любой большой город. Пойдем, если немного повезет, скоро мы будем в поезде, идущем в Бленем.

Остаток путешествия в Крайстчерч оказался непростым. Несмотря на то что некоторые фермеры соглашались подвезти их, они добрались до города только к вечеру, когда уже было темно. Бен предлагал снять где-нибудь комнату, но на этот раз медлила Лилиан.

— Я ведь здесь уже была. Меня может кто-нибудь узнать. Если не как Лилиан, то как родственницу бабушки Гвин. Мы все очень похожи, исключая Глорию. К тому же это город Джорджа Гринвуда. Если он будет расспрашивать, то нападет на наш след.

— И что же предлагает королева пиратов? — мрачно поинтересовался Бен. После долгого пути пешком он хоть и перестал мерзнуть, но предполагал, что ночью снова похолодает. Юноше хотелось вымыться в горячей воде и лечь в постель, с Лилиан или без; он слишком устал, чтобы даже думать об «этом».

Наконец оба добрались до товарного вокзала и довольно неплохо поспали на платформе с овечьими шкурами. В загородке рядом с ними дальнейшей транспортировки ожидало стадо крупного рогатого скота, которое обеспечивало дополнительное тепло, а в придачу к нему шум и неприятный запах помета и мочи.

— Вчера мы выглядели как негры, а завтра будем вонять! —

пожаловался Бен. — Что будет дальше?

Лилиан закатила глаза и прижалась к нему.

— Бен, это же так романтично! Это наша история любви! Подумай о Ромео и Джульетте!

— Они зарезали себя! — безжалостно напомнил Бен.

Лилиан захихикала.

— Вот видишь, значит, у нас все гораздо лучше! — заявила она и закрыла глаза.

В эту ночь она тоже осталась девственницей и спала невинно, как ребенок.

4

Люди действительно старались не слишком приближаться к Бену и Лилиан, когда на следующее утро те сидели в поезде на Бленем. Запах помета хоть и не пристал к ним, но ланолиновый запах шерсти долгое время не выветривался из одежды. Лилиан было все равно: тем больше места у окна. Путешествие из Крайстчерча в Бленем проходило хоть и не по такой восхитительной местности, как путь через Альпы, но посмотреть было на что. В особое восхищение девушку приводило побережье. Здесь были белоснежные пляжи и целые вереницы отвесных скал, уходящих в море. Городки, по большей части маленькие, можно было сравнить скорее с Холдоном, нежели с Греймутом. Главной отраслью здесь было овцеводство. Лишь за несколько миль до Бленема появились первые виноградники.

Бен и Лилиан были рады солнечному свету. Считалось, что в районе Бленема самый лучший климат на Южном острове; дождь шел здесь гораздо реже, чем в Крайстчерче, не говоря уже о суровом Западном побережье. Лилиан, которая уже бывала там с отцом, вдохновенно рассказывала о многообразном животном и растительном мире.

— Может, нам повезет и мы увидим китов, когда будем ехать на Северный остров! И пингвинов! В прошлый раз я каталась на лодке вдоль побережья. Это было великолепно!

Бену было что сказать на этот счет с точки зрения науки; однажды во время учебы в Кембридже он дополнил урок биологии рефератом на тему флоры Южного острова. Лилиан задумалась, было ли остальным студентам при этом так же скучно, как ей. Но потом она просто перестала слушать содержание доклада и уснула, убаюканная звучанием любимого голоса. Когда они приехали в Бленем, Бену пришлось разбудить ее.

Путешествие продлилось целый день, и Лилиан с Беном слишком устали, чтобы придумывать какие бы то ни было отвлекающие маневры. Поэтому они не стали выходить до Бленема и решили снять номер в пансионе, вместо того чтобы снова искать укромное место для ночлега.

— В любом случае завтра мы будем на пароме, тогда будет уже все равно! — произнесла Лилиан и прижалась к Бену, когда они рука об руку вышли с вокзала. — Только не красней, когда будешь представлять меня в качестве «миссис Биллер». Иначе люди подумают, что мы обманываем!

В конце концов они остановили свой выбор на маленьком, приличного вида отеле. Это было не дешево, но оба прекрасно понимали, хотя и не говорили об этом вслух, что планируют свою первую брачную ночь. Бен щедро расплатился из отцовских денег, из-за чего сумма несколько уменьшилась. «Если принять во внимание паром, а потом, быть может, ночевку в Веллингтоне, — подумал он, — все мое богатство будет потрачено».

Лилиан меньше задумывалась на этот счет, она выудила свое накопленное состояние: чуть больше трех сотен долларов. Тим Ламберт всегда платил дочери за работу в конторе — в отличие от Флоренс Биллер, которая считала работу Бена вкладом в семейное состояние. И хотя Лилиан тратила каждый месяц почти целое состояние на необычную бумагу для писем, духи, томики стихов и романтические романы, там кое-что еще осталось. Она хранила их под матрасом.

— Мое приданое! — гордо заявила она.

Бен поцеловал ее, и они вместе вошли в чистую комнату с широкой двуспальной кроватью. В первую очередь их, конечно, потянуло в ванную комнату, большую часть которой занимала огромная ванна на четырех львиных лапах.

— Мы там вдвоем поместимся! — рассмеялась Лилиан.

Бен снова покраснел.

— Я не знаю, так… прилично?

Лилиан закатила глаза.

— Мы еще ничего неприличного не сделали, хотя раздевались уже. Между этим местом и перевалом Артура разницы нет — не считая того, что здесь вода теплая!

Совместное плескание в горячей ароматной воде заставило обоих забыть о последних барьерах. Они вымыли друг другу волосы, намылили тела — и на этот раз у Лилиан не возникло вопросов по поводу величины некоторых частей тела Бена. И прежде чем он подвергся опасности утонуть во время попыток лишить ее девственности, она вылезла из ванны и

побежала к кровати. Бен кое-как вытер их обоих, а потом попытался еще раз.

После долгой игры с поглаживаниями и поцелуями никто из них толком не знал, что делать дальше, но Лилиан не преминула пожаловаться, когда стало неприятно. Наконец акт любви удался и настоящий экстаз заставил забыть о небольшой боли. Бен склонился над ней, почти ликуя. А потом они плакали и смеялись от счастья и нежно ласкали друг друга.

— Так ведь было правильно, да? — прошептала Лилиан, когда они наконец разомкнули объятия. — Немного крови — это, наверное, нормально. По крайней мере так говорили девочки в интернате. Хорошо, что завтра утром мы уедем до того, как придет горничная, иначе нам наверняка придется платить за простыню. Слушай, я хочу есть! Закажем в номер?

С учетом позднего перекуса и обильного завтрака они потратили почти весь остаток Бенова состояния, но договорились сэкономить на настоящей свадьбе. На пароме на следующий день оба были так счастливы, что готовы были лететь в Веллингтон. Пока все остальные пассажиры мучились от морской болезни, Лилиан и Бен, бродя по раскачивающейся палубе, едва не умирали от смеха.

Наконец они прибыли в Веллингтон и сразу же купили билеты на ночной поезд в сторону Окленда. Лилиан мечтала о спальном вагоне, но это действительно подорвало бы их бюджет. Поэтому первую ночь путешествия она проспала на своем сиденье, тесно прижавшись к Бену. При этом Бен не отваживался пошевелиться. Он смотрел на Лилиан и все еще не верил в дар, сделанный ему судьбой. Пока поезд несся через Северный остров, он мысленно сочинял новые стихи.

Спустя еще один день и одну ночь, проведенные на колесах, они приехали в Окленд с первыми лучами восходящего солнца. Снимать номер в отеле на последние часы ночи смысла не было, и Лилиан предложила поискать квартиру.

— Посмотрите на западе, — посоветовал смотритель станции, когда она обратилась к нему по этому поводу. — Если вы, конечно, не богаче, чем кажется на первый взгляд.

— А где университет? — спросил Бен.

Мужчина коротко пояснил, и молодые люди направились туда, радуясь теплому воздуху и прелестям субтропического города.

— Пальмы! — удивлялась Лилиан. — И огромные деревья каури! Даже больше, чем дома́!

Университет, состоявший лишь из нескольких зданий, находился на Принцесс-стрит. После роскошных строений в Оксфорде и Кембридже Бен был несколько разочарован, но решил, что, в конце концов, все зависит от того, что происходит внутри. Усталые и голодные, взбудораженные первым успехом своей авантюры, они стали ждать, когда откроется чайная. Лилиан сразу же спросила про квартиру.

— А вы студенты? — в свою очередь поинтересовалась девушка, которая принесла заказанные ими яйца и свежие булочки. — Вы, я бы сказала, выглядите довольно юными!

— Мой муж — студент! — веско заявила Лилиан. — А насчет возраста… что ж, первое впечатление часто бывает обманчивым. Он был стипендиатом в Кембридже. Но пришлось уехать из-за войны. Знаете ли, постоянные бомбежки и все такое…

— В Кембридже бомбежки? — удивилась девушка.

— Нет, не прямо там, — попытался спасти положение Бен. — Но постоянно приходится выслушивать требования пойти добровольцем. Университет опустел, часть построек используется в качестве лазаретов, и всем кажется смешным изучать языки, когда мир вокруг фактически рушится.

В течение первых месяцев войны Бен жил в Англии и знал, о чем говорит. Девушка понимающе кивнула.

— Значит, англистика? — поинтересовалась она. — Или романистика? Мы этим не славимся, пока что процветает в основном химический факультет.

Похоже, она была в курсе университетских дел. Да это и понятно, ведь в чайной в основном питались преподаватели и студенты.

— Изучение маори, — заявил Бен. — Сравнительное языкознание.

— И на это ты собираешься прокормить семью? — рассмеялась официантка, окинув беглым взглядом фигуру Лилиан. — Вы действительно женаты?

Бен покраснел, а Лилиан кивнула.

— Нам срочно нужна квартира. Или комната…

— Спроси в университете, когда запишешься, — посоветовала девушка. — Или просто походите по улицам и посмотрите, не висит ли где табличка «Сдается комната».

Лилиан предпочла бы решить вопрос с жильем в первую очередь, но она понимала, что путь через университет гораздо выигрышнее. Поэтому они пили чай в ожидании начала работы приемной комиссии. Лилиан

набралась терпения и облегченно вздохнула, когда Бен наконец предъявил свои документы. Она не сомневалась, что его примут, причем, по ее мнению, с распростертыми объятиями. Несмотря на то что университет еще только развивался, здесь занимались изучением языка маори, и студент из Кембриджа мог бы внести большой вклад.

Молодые люди в комиссии — судя по всему, студенты, которые решили подработать, — сразу же выдали Бену имена и адреса всех преподавателей, вложили в руку расписание лекций и посоветовали приходить к полудню.

И пока дело не дошло до более-менее академических дискуссий по поводу университетских преподавателей, Лилиан поспешила вмешаться и спросила насчет квартиры. Она смертельно устала, хотя и не отказалась бы повторить первую брачную ночь, прежде чем лечь спать. Но для всех этих потребностей была необходима постель.

— У нас есть список тех, кто сдает жилье, — с сомнением произнес один из молодых людей. — Но это всего лишь отдельные комнаты, которые обычно предлагаются одиноким молодым людям. Некоторые дамы принимают и девушек, если у них хорошие рекомендации. Но супружескую пару?..

Однако Лилиан с благодарностью приняла список, и на протяжении последующих часов они занимались поиском подходящего жилья. Как и предполагалось, безуспешно. По большей части комнаты представляли собой крохотные чуланы. Вдвоем они туда не поместились бы. Не считая того, что ни один из хозяев не собирался сразу сдавать свою квартиру семье.

— Нет, нет, детки, это пока вас двое, а через годик будет потомство, если оно уже не ожидается! А потом мне выслушивать детский плач, в моем-то возрасте!

Лилиан уныло выслушала женщину, квартира которой оказалась единственной из тех, что могли бы им подойти. Большая, довольно просторная комната прямо напротив университета.

— Что, будет через год потомство? — поддразнила Бена Лилиан, когда они вышли на улицу.

Бен испуганно поглядел на нее.

— Это было бы рановато, тебе не кажется? — С другой стороны, он понятия не имел, как это можно предотвратить. — Что же нам теперь делать?

— Походим по улицам и поищем, как советовала девушка. Но сначала надо перекусить. В чайной было очень мило. Может, у официантки будут

еще идеи.

Однако здесь им не повезло. Вместо девушки, которая обслуживала их утром, на этот раз они увидели весьма неприветливую пожилую женщину, ничего не знавшую о сдаваемых внаем квартирах. Однако оптимизм Лилиан был непоколебим. По совету станционного служащего они направились в поисках квартиры на запад и принялись обходить одну улицу за другой. Университетский квартал остался позади.

В западной части города жили в основном ремесленники и рабочие, нежели студенты и преподаватели. Две сдаваемые квартиры располагались над столярной мастерской и над булочной. Вдохнув запах свежего хлеба, Лилиан почувствовала, как у нее засосало под ложечкой. Впрочем, хозяева не горели желанием приютить молодую пару, у которой не было работы, а одни только далеко идущие планы.

— Вы студент? И как вы собираетесь оплачивать квартиру?

Оплата, на взгляд Лилиан, была довольно высокой. Отрезвленные неудачей, они пошли дальше, постепенно приближаясь к портовому кварталу, где стояли не такие респектабельные дома. Наконец Лилиан обнаружила над дверью довольно грязного на вид паба вывеску о сдаче квартиры. В принципе, речь шла скорее о большой комнате с кухонной нишей и туалетом в коридоре.

— Вечерами бывает довольно шумно, — признался хозяин. — И мебель… что ж… Последних постояльцев пришлось вышвырнуть. Такое отребье…

Мебель была грязной, залитой чем-то липким, а в умывальнике еще стояла грязная посуда, оставшаяся от предыдущих жильцов. Однако вид помещения был вполне жилой. Бен недовольно скривился, увидев мушиных личинок.

— Это крысиная нора! — заявил он, когда хозяин вернулся в паб, сказав напоследок: «Осмотритесь спокойно, но ничего не берите!» При этом красть здесь было просто-напросто нечего.

— Зато дешево! — заметила Лилиан. Это было правдой; на свои деньги они смогут прожить здесь не один месяц. — Я согласна, не самый лучший район, но, в принципе, неплохо. Ты же поэт, человек творческий…

— Думаешь, здесь крыша протекает? — произнес Бен, намекая на картину Шпицвега[9].

Лилиан рассмеялась.

— Да ладно тебе, такая атмосфера! Тебя же это должно вдохновлять!

— Это крысиная нора, — повторил Бен.

— Если мы как следует уберем и купим кое-какую мебель, поверь, все

будет не так уж плохо! Ну же, Бен, лучше мы не найдем. Давай соглашаться. Нам еще придется купить сегодня кровать…

Спать на грязном матрасе и шаткой кровати не согласилась бы даже Лилиан.

Пару часов спустя они кое-как вымыли комнату, по требованию Бена обработали стены и пол порошком от вредителей. В одном из порекомендованных новым хозяином магазинов купили подержанную, довольно вычурную кровать, видавшую лучшие времена, и наконец повторили первую брачную ночь в собственном доме. В кабаке под ними тем временем стены ходили ходуном. Насчет «немного шумно» хозяин, конечно, приврал. Растить здесь ребенка — у обоих не шло из головы замечание хозяйки с Принцесс-стрит — казалось совершенно немыслимой идеей.

Лилиан и Бен договорились, что этого ни в коем случае нельзя допустить, однако ночью сделали все возможное, чтобы увеличить вероятность…

— Вопрос не в том, сможем ли мы отыскать их. Вопрос в том, хотим ли мы их найти, — заявил Джордж Гринвуд.

Даже без неприятных опросов всех пассажиров поезда он и Ламберты легко обнаружили след Лилиан и Бена и проследили его до парома в Веллингтоне. Единственной сложностью оказался первый этап пути — прошло почти два дня, прежде чем Флоренс Биллер согласилась на совместные усилия и появилась возможность осмотреть транспорт, идущий из ее рудника. В Крайстчерче продавец билетов сразу вспомнил Бена, а в Бленеме все оказалось еще проще.

Тим Ламберт был вне себя, когда узнал о ночевке в отеле. Илейн восприняла это спокойнее.

— Милый, этого можно было ожидать. А теперь, значит, Северный остров… Биллеры должны узнать об этом. Может быть, нам лучше встретиться на нейтральной территории?

Контору Тима Ламберта вряд ли можно было назвать нейтральной территорией, но встреча там была единственным компромиссом, на который его уговорили пойти Илейн и Джордж.

— Вполне допустимо, что Флоренс уже все знает. То, что можем выяснить мы, может разузнать и она!

Однако не с такой легкостью, как Джордж Гринвуд, фирма которого имела представительства почти во всех крупных городах Новой Зеландии.

И, как выяснилось, Биллеры вообще ничего не предпринимали. Судя по всему, Флоренс была исполнена решимости просто забыть о своем старшем сыне. И приглашение встретиться, исходившее от Тима, принял только Калев.

— Я уверен, что мой сын не имеет никаких бесчестных намерений, — несколько пристыженно заявил он Илейн, когда они поздоровались.

Тим рассерженно засопел.

— А я уверена, что ему не потребовалось уводить мою дочь силой, — улыбнулась Илейн. — Давайте ближе к делу, Калев. Здесь никому ничего не нужно доказывать. Вопрос лишь в том, что нам делать дальше.

Джордж Гринвуд кивнул.

— Как уже было сказано, мы следим за этим делом. Эти двое на Северном острове, и, я думаю, мы можем исходить из того, что они поселятся в одном из крупных городов. Скорее всего, в студенческом городе, поскольку ваш сын вряд ли будет работать пастухом или в горном деле, не так ли, мистер Биллер?

Калев покачал головой.

— Он от этого и сбежал, — стиснув зубы, мрачно произнес он. — Все это в некоторой степени наша вина…

Илейн почти захотелось утешить его.

— Значит, Веллингтон или Окленд, — произнесла она.

Гринвуд кивнул.

— Если вы хотите их найти, я посоветовал бы вам обратиться к частному детективу…

— Что значит «если»? — переспросил Тим. — Конечно же, мы вернем их обратно, это же наши дети!

— Если нам потребуется еще пара недель, возможно, они успеют пожениться, — напомнила ему Илейн. — Если они уже не женаты. Я вполне допускаю, что Лилиан может подделать дату рождения Бена.

— Но это же бред! — возмутился Тим. — Короткая вспышка страсти! Подобные вещи не длятся всю жизнь!

Илейн нахмурилась.

— Я была немногим старше, когда приехала в Греймут. И тебе это не помешало.

— Я тебя умоляю, Лейни, им шестнадцать и семнадцать лет!

— Первая любовь может проходить достаточно бурно, — улыбнувшись, мудро заметил Джордж Гринвуд.

Он знал, о чем говорит, поскольку его первая любовь, сильная и короткая вспышка страсти шестнадцатилетнего парня к своей учительнице

Хелен Дэвенпорт, в конце концов определила всю его жизнь. Интерес к дальнейшей судьбе Хелен привел его в Новую Зеландию, где он влюбился не только в страну, но и в женщину, на которой впоследствии женился, — Элизабет.

— Брак можно расторгнуть, — упирался Тим.

— А потом? — спросила Илейн. — Отправить Лили в Квинстаун, где, возможно, найдется способ запереть ее в четырех стенах, а Бена вынудить работать на шахте? Это совершенно нереально. Лучше всего оставить их в покое. Пусть попробуют пожить самостоятельно, это им совершенно не повредит. Они ведь оба избалованные, до последнего терпеть не станут. Если им будет плохо, они вернутся!

— Лилиан может забеременеть! — заметил Тим.

Калев покраснел.

— Она уже может быть беременна, — невозмутимо ответила Лейни. — Тем лучше, если они хотя бы поженятся. И вообще, Тим, посмотри на это дело с такой точки зрения: ребенок Лилиан унаследует рудник Биллеров! Ты можешь придумать что-либо лучше, чтобы довести Флоренс до бешенства?

В тот же день в одном из загсов Окленда был зарегистрирован брак Лилиан Хелен Ламберт и Бенджамина Марвина Биллера. Согласие родителей было такой же подделкой, как и дата рождения в паспорте Бена. Лилиан вспомнила, как в таких случаях действовали в «Приключениях Шерлока Холмса» или в каком-то другом романе, которые она с удовольствием читала всю свою жизнь. Несколько осторожных движений пером — и Бену стало семнадцать. Разрешение на брак от Тима Ламберта приобрело особенное сходство с оригиналом благодаря использованию его специальной бумаги для писем. Лист, который взяла Лили, был немного помятым, но служащий загса вопросов не задавал.

5

— Мисс Гвин, что с молодой мисс Глорией?

Маака наверняка долго мучился этим вопросом и наконец-то осмелился задать его Гвинейре. И если быть до конца честной, она ждала его давно.

— Мы все пытаемся относиться к ней хорошо, но она ведет себя просто возмутительно. Недавно я подумал, что она побьет Фрэнка. А он просто хотел помочь ей сесть в седло.

Гвинейра предполагала худшее, когда увидела Глорию, которая неслась верхом на лошади, словно за ней гнались черти. Слишком быстро для еще не разогревшейся кобылки. Конечно, Кередвен, черную лошадку, которую выбрала себе девушка, не нужно было особо подгонять. Кередвен была резвой и довольно трудной в управлении, и Глория не всегда справлялась с ее норовом. После такого продолжительного отсутствия практики Гвин никогда не посоветовала бы правнучке эту лошадь, но Глория с ходу отметала все предложения и советы. Фрэнк Уилкенсон страдал от этого как никто другой, возможно, потому, что больше всех пытался завоевать расположение девушки. Гвин казалось, что он немного влюблен, а Глория совершенно не знает, что с этим делать. Тем не менее Уилкенсон ни в коем случае не был навязчивым; создавалось впечатление, что он довольствуется возможностью боготворить девушку издалека. Слабая улыбка или согласие принять предложенную им помощь — и он был бы счастлив. Но Глория обращалась с ним невежливо, и, по словам Мааки, в этот день она даже воспользовалась хлыстом, причем по ничтожному поводу. Если так пойдет дальше, молодой человек просто уволится, а Гвинейра потеряет ценного работника.

У остальных пастухов, по большей части маори, проблем с молодой хозяйкой было меньше. Но они, как заметила Гвинейра, после того как Глория рыкнула на них пару раз, старались держаться от нее подальше. Фрэнка же это, судя по всему, скорее подхлестывало — наверное, он полагал, что девушка хочет, чтобы ее завоевали.

Гвин вздохнула.

— Я тоже не знаю, Маака, — после довольно продолжительной паузы ответила она. — В доме Глория ведет себя точно так же. А Кири и Моане хочется ее побаловать. Но ты дай Фрэнку понять, что она не играет. Все это совершенно серьезно. Если она не хочет флиртовать, ему лучше смириться.

Маака кивнул. Мужчины маори относились к этому проще, чем *пакеха*. У них девушки по традиции имели право выбирать.

— А кстати, как она управляется с овцами? — Вообще-то, Гвинейра не хотела обсуждать проблемы Глории со старшим мастером, но раз уж завязался такой доверительный разговор с Маакой, то стоит узнать его мнение на этот счет. С недавних пор Глория тоже стала принимать участие в жизни фермы. Ее Нимуэ была потрясающей пастушьей собакой, а работа с животными всегда доставляла Глории удовольствие.

Маака пожал плечами.

— Ну, мисс Гвин, что я могу на это сказать? Конечно, опыта у нее как такового нет. Но это не страшно, Нимуэ понимает любой приказ без слов, а

у Глории талант в обращении с животными. Он был у нее всегда, как у мистера Джека… Вы не получали от него известий?

Маака пытался сменить тему.

Однако Гвинейра лишь устало покачала головой.

— По-прежнему ни слова. Только сообщение, которое пришло пару месяцев назад, что он был ранен в боях на Галлиполи. Это после трех запросов армейскому командованию! Наверное, о Галлиполи стараются говорить поменьше. Солдат из АНЗАКа рассеяли по всему миру. Нам придется дождаться, пока Джек не объявится сам. Или… — Она умолкла. Также, как и запоздалое сообщение о ранении, им однажды могло прийти письмо с изъявлениями соболезнования. Гвинейра старалась не думать об этом. — Что ты хотел сказать о Глории? — снова обратилась она к старшему мастеру.

Маака шумно вздохнул.

— Она очень хорошо управляется с животными, мисс Гвин. Но не с людьми. Девушка никого и ничего не слушает, отдаляется. Но должна же она понимать, что это командная работа, особенно с крупным рогатым скотом. Но, похоже, Глория просто не умеет это делать. Марама говорит…

— Что говорит Марама? — оживившись, спросила Гвин.

— Марама говорит, что это как с пением. Ну, когда все попадают в ноты, а один… одному не хватает дыхания. Ему кажется, что он задыхается. И если он все же набирает воздуха… то может только кричать.

Гвинейра призадумалась.

— И я должна это понять? — поинтересовалась она.

Маака пожал плечами.

— Вы же знаете Мараму…

Гвин кивнула. Ее невестка была очень проницательной, но любила говорить загадками.

— Ну ладно, Маака. Поговори с Фрэнком, пусть держится от Глории подальше. И поручи девочке овец и собак, там ничего нельзя испортить. Ах да… и поставь кобылку пони к жеребцу. Ну, ты знаешь, пони Глории. Принцессу…

Глория пустила Кередвен в галоп и скакала, пока и всадница, и лошадь не запыхались. Нимуэ бежала за ними, высунув язык. Обычно Глория считалась со своей собакой, но в этот день ей хотелось просто убраться подальше, причем как можно скорее. Она знала, что перегнула палку: нельзя было бить Фрэнка Уилкенсона. Но когда он взял поводья Кередвен и ухватился за стремя, в ней что-то взорвалось. Все залило красным, и злость

вырвалась наружу. Это происходило не впервые, но до сих пор эта молниеносная инстинктивная реакция была полезной. Когда мужчины видели неистовую ярость в ее глазах и сверкающий нож в руке, они убегали прочь. Но в Киворд-Стейшн это обернется неприятностями — возможно, Маака уже разговаривает с бабушкой Гвин.

Несмотря на то что Глория испытывала некоторое чувство вины, гнев прорывался снова и снова. И бабушка Гвин ничего не сможет сделать с этим. Глория не позволит еще раз отослать себя, нельзя же связать ее и заткнуть рот кляпом. Кроме того, Кура и Уильям, похоже, потеряли к ней интерес. Они по-прежнему были в Америке, теперь опять в Нью-Йорке, представляя свое шоу на Бродвее. Они, казалось, равнодушно восприняли тот факт, что Глория нашлась, и бабушка Гвин перевела дух.

Судя по всему, Кура не собиралась продавать ферму. Мартины были счастливы в Новом Свете, купались в деньгах. Бабушка Гвин наверняка не станет будить лихо, пока оно тихо, и жаловаться на внучку. Глорию несколько даже пьянила собственная власть: она — наследница. Она может делать все, что ей вздумается!

Вообще-то, она хотела перегнать несколько овцематок на зимние пастбища, но из-за ссоры с Фрэнком забыла о животных. И возвращаться теперь было бессмысленно. Лучше проверить внешние выгоны — или проехаться к кругу каменных воинов. После возвращения она побывала там всего лишь раз, чтобы сходить на могилу дедушки Джеймса. Но тогда с ней была Гвинейра, и Глория, думая, что за ней наблюдают, чувствовала себя скованной. Неужели Гвинейре обязательно было постоянно проверять, как она сидит на лошади и держит поводья? Не слишком ли пристально она смотрит на нее? Наверное, не одобряет, что Глория не плачет на могиле ее мужа? Глория постоянно боролась с неуверенностью, когда находилась рядом с Гвинейрой, да и вообще в Киворд-Стейшн не было никого, в чьем присутствии она чувствовала бы себя в своей тарелке. Маака пытался объяснять ей, как она должна перегонять коров и быков, Фрэнк Уилкенсон, похоже, считает, что лучше знает, какая лошадь ей больше подходит… Все только придираются… все как в «Оукс Гарден»… никому она не может угодить…

Так, в плену ярости и задумчивости, Глория добралась до камней у отрогов гор, немного напоминавших неубранную игровую комнату ребенка-великана. Массивные валуны образовывали круг, немного похожий на менгиры в Стоунхендже. Но здесь поработала сама природа, не рука человека. Маури видели в круге каменных воинов прихоть богов, и земля эта была для них священной. Не считая определенных дней или часов, они

старались избегать мест, считавшихся для них *many*. Кольцо каменных воинов по большей части принадлежало одним духам — если не приходили какие-то *пакеха* и не нарушали покой. Духи, как временами богохульствовал дедушка Джеймс, наверняка относятся к этому спокойнее, чем вожак Тонга, который очень часто злился из-за того, что пара овец забредала в святыни его народа.

Тем больше удивилась Глория, когда заметила струйку дыма, поднимавшуюся из круга каменных воинов. Приблизившись, она увидела маленький костерок, у которого устроился молодой маори.

— Что ты здесь делаешь? — набросилась она на него.

Молодой человек, похоже, очнулся от глубокой медитации. Он повернулся к ней лицом, и Глория поначалу испугалась. Все лицо мужчины было покрыто *моко*, традиционной татуировкой его народа. Изогнутые линии тянулись над бровями, расходясь от носа на щеки, а потом каскадом спускаясь к подбородку. Глория знала это украшение, Таматея рисовала его на лице танцовщиц Куры каждый вечер. Марама и ее племя тоже рисовали себе *моко*, прежде чем танцевать *хака* или просто устраивать праздник. Тогда они надевали традиционные костюмы из дубленой буйволовой кожи. Однако этот молодой человек был в джинсах и фланелевой рубашке, как рабочий с фермы. Поверх рубашки была наброшена поношенная кожаная куртка.

— Ты Вирему… — сказала Глория.

Мужчина кивнул, нисколько не удивившись тому, что она его узнала. У сына вожака имя буквально было написано на лбу. Никто больше из его поколения не носил татуировки. Маори с Южного острова после прихода сюда *пакеха* довольно быстро порвали с этой традицией. Они охотно приспосабливались к белым в одежде и внешности, чтобы тоже приобщиться к более высокому уровню жизни. Жизнь на Те вака а Мауи всегда была суровой, и прагматичное коренное население с удовольствием сменило старые обычаи, которые, похоже, пугали *пакеха*, на работу на фермах, зерно, еду и тепло. Образование они тоже принимали охотно — отец Тонги очень ценил возможность отправить сына в школу Хелен О’Киф. Однако сам Тонга настаивал на том, что он маори и маори останется. В своем противостоянии с Уорденами он, уже будучи взрослым человеком, попросил нанести себе на лицо знаки племени. А своего младшего сына отметил ими же в самом раннем возрасте.

Вирему подбросил в огонь еще одну щепку.

— Ты не имеешь права разводить здесь костер! — заявила ему Глория. — Это место — *many*!

Вирему покачал головой.

— Я не имею права здесь есть, — поправил он. — Если бы мне захотелось остаться подольше, пришлось бы голодать. Но никто не заставляет меня мерзнуть во время беседы с духами.

Глория попыталась было подстегнуть свой гнев, но не удержалась и улыбнулась. Она направила свою лошадь в круг и была благодарна за то, что Вирему воздержался от обсуждения ее поступка. Она была совершенно не уверена, допускает ли *many* присутствие всадников.

— Разве ты не собирался поступать в университет? — спросила девушка.

Она смутно припоминала письмо бабушки Гвин. Вирему ходил в среднюю школу в Крайстчерче, а затем должен был поступать в Крайст-колледж или университет в Данидине. Оценки у него были хорошие, и по крайней мере Данидин не отказывался принять сына вождя.

Вирему кивнул.

— Я был в Данидине.

— И?..

— Я бросил. — Вирему словно невзначай провел рукой по татуировке.

Глория не стала больше расспрашивать. Она знала, каково это, когда на тебя таращатся люди. И неважно, поступают ли они так потому, что ты не похож на свою мать, или же потому, что ты слишком вписываешься в традиции своего народа.

— И чем ты теперь занимаешься? — поинтересовалась она.

Вирему пожал плечами.

— То одним, то другим. Охочусь. Рыбачу. Работаю над своим *мана*…

Мана мужчины-маори определяла степень его влияния в племени. Если Вирему будет выделяться не только умом, но и воинскими добродетелями, искусством танцора, рассказчика, охотника или собирателя, он вполне мог стать вождем. При этом не имело значения, младший он сын или старший. Племенем могла руководить даже девушка, но такое случалось редко. Большинство женщин у маори — как и среди *пакеха* — скорее представляли собой теневую власть.

Глория мимоходом подумала о том, что у маори все проще. До появления *пакеха* им было неведомо право владения землей — а то, что не принадлежит человеку, нельзя унаследовать. Женщины тоже не считались собственностью; их нельзя было приобрести или продать. Дети принадлежали всему племени, всех молодых женщин называли мамами, всех постарше — *тауа* — бабушками. И все любили их.

Но это не защитило Вирему от того, чтобы отец отметил его.

— Ты Глория, — сказал Вирему, задержав на ней взгляд. — В детстве мы вместе играли. — Он рассмеялся. — А мой отец очень хотел поженить нас.

Глория сверкнула глазами.

— Я не выйду замуж!

Вирему снова рассмеялся.

— Это очень разочарует Тонгу. Хорошо, что ты не его дочь. Иначе он наверняка нашел бы какое-нибудь *many*, которое обязывает дочь вождя быть рядом с сыном другого вождя. Вокруг дочерей вождя полно всяких *many.*

Глория вздохнула.

— У *пакеха* тоже… — пробормотала она. — Хотя, конечно, их так никто не называет. И необязательно быть принцессой.

— Наследница подойдет, — заявил Вирему. — Как там Америка?

Глория пожала плечами.

— Большая, — ответила она.

Вирему удовлетворился этим ответом. Глория была благодарна ему за то, что он не стал спрашивать об Австралии.

— Правда ли, что там все равны?

— Шутишь?

Вирему улыбнулся.

— Ты не хочешь спешиться?

— Нет, — сказала Глория.

— *Many?* — спросил Вирему.

Она улыбнулась.

На следующий день Вирему ждал у ограды зимнего пастбища. Люди Гвинейры совсем недавно на всякий случай огородили выгон колючей проволокой. Овцы должны были есть траву, которая еще оставалась в этом огороженном скалами месте, но не топтать уже выеденные пастбища.

Глория велела Нимуэ и Джерри, еще одной овчарке, загнать овцематок в загон. А затем направила Кередвен к Вирему.

— Что ты здесь делаешь? — снова спросила она, но на этот раз голос ее звучал мягче.

— Проверяю *many*. Серьезно, мне почти неловко. Ты, наверное, начинаешь считать меня колдуном. Но мой отец послал меня проверить, не нарушаете ли вы границы.

Глория нахмурилась.

— Разве граница проходит не по ручью? Я думала, за ним начинается

старая О’Киф-Стейшн.

Прежняя ферма Хелен О’Киф была отдана племени Тонги в качестве компромисса за несправедливость во время покупки Киворд-Стейшн.

— Тут неподалеку мой отец как раз обнаружил святыню. Или что-то в этом роде. Невесть сколько лет тому назад здесь кто-то воевал. Пролилась кровь. Вы должны это уважать, так он сказал.

— Если дать твоему отцу волю, вся Новая Зеландия стала бы *many*! — возмутилась Глория.

Вирему усмехнулся:

— Так и есть.

Лицо Глории тоже скривилось в улыбке.

— Но тогда вам нигде нельзя было бы перекусывать!

— Туше! — рассмеялся Вирему. Он использовал французское слово как нечто само собой разумеющееся. В его колледже наверняка учили большему, чем в «Оукс Гарден». — Тебе стоит поделиться с ним ходом своих мыслей. Пойдем со мной в деревню, Глория, а то Марама все время жалуется, что ты редко навещаешь ее. Я как раз рыбы наловил. В совершенно свободной от *many* области. Мы могли бы пожарить ее и… ну, не знаю… поговорить о *many* в Англии. — И он приветливо улыбнулся.

Глория оказалась в тупике. Гвинейра тоже вечно требовала, чтобы она навестила Мараму, если уж ездит в сторону О’Киф-Стейшн. На Тонгу она там вряд ли наткнется, тот по-прежнему жил с частью племени в деревне маори у озера в Киворд-Стейшн. Обещание соплеменникам не отдавать землю *пакеха* стало частью его философии. Гвинейра никогда по-настоящему не верила, что он освободит старую деревню и переселится со всеми своими людьми в О’Киф-Стейшн.

— Должно быть, его дух прежде жил в теле *пакеха*! — елейным голосом говорил Джеймс, когда речь заходила о земельной политике Тонги. — Жадный, как прежняя королева! Ему не хватает только колоний.

— Если не хочешь, можешь не спешиваться, — заметил Вирему, указывая на лошадь Глории. — Я могу подать тебе еду наверх.

Глория едва удержалась, чтобы не рассмеяться, и с некоторой неохотой направила Кередвен в сторону деревни маори.

— В прежние времена — на Северном острове, возможно, до сих пор — вождям не разрешалось прикасаться к еде, которую они разделяли с племенем, — говорил Вирему, идя на почтительном расстоянии от Кередвен. — Существовали специальные «рога для еды», которые наполняли, а затем отправляли в рот главному. Довольно сложно, правда?

Глория не ответила. Ей не хотелось непринужденно болтать, она

боялась, что у нее не получится.

— А кем ты собирался стать? — наконец спросила она. — Я имею в виду, после университета…

Вирему скривился.

— Врачом, — помедлив, произнес он. — Хирургом.

— О! — Глории показалось, что она слышит шепот у него за спиной. Возможно, его называли «медицинским человеком».

Вирему потупился, когда увидел, что она скользнула взглядом по его татуировке. Было заметно, что он стыдится, даже здесь, на своей земле, среди своего народа. При этом черно-синие узоры совершенно не уродовали его, напротив, его несколько угловатое лицо казалось с ними немного мягче. Но Вирему в западной операционной? Невозможно.

— Мой отец предпочел бы, чтобы я изучал юриспруденцию, — продолжал он, нарушая молчание.

— Там тебе было бы легче?

Вирему засопел.

— Мне пришлось бы ограничиться делами маори. Конечно, у меня был бы доход, поскольку правовые споры возникают постоянно. «Задача для воина»…

— Это твой отец говорит?

Вирему кивнул.

— Вот только я не люблю решать споры с помощью слов.

— А что, если бы ты занялся лекарственными растениями? — предложила Глория. — Ты мог бы стать *тохунга*.

— Чтобы добывать масло чайного дерева? *Манука?* — с горечью поинтересовался он. — Или стать единым целым с Вселенной? Слушать голоса природы? *Те Рео?*

— Ты пытался, — угадала Глория. — Поэтому ты и был в кругу каменных воинов.

Кровь прилила к лицу Вирему.

— Духи были не очень разговорчивы, — заявил он.

Глория опустила взгляд.

— Они всегда такие… — прошептала она.

— Просто отпустите дыхание! Нет, Херемини, не пытайся сморщить нос, это выглядит смешно и на звуки совершенно не влияет. Так лучше. Ани, ты никогда не станешь единым целым с *коауау*, она принимает тебя такой, какая ты есть. *Нгуру* хочет почувствовать твое дыхание, Херемини…

Марама сидела перед богато украшенным домом для собраний —

оформляя *марае* в О’Киф-Стейшн, люди Тонги не жалели сил — и учила двух девочек играть на флейте. На *коауау*, маленькой пузатой деревянной флейте, играли носом, на *нгуру* — по выбору, носом или ртом. В любом случае сейчас Ани и Херемини пытались использовать свой орган обоняния для того, чтобы издавать звуки, и гримаски, которые появлялись на их лицах, смешили Мараму и сидевших вокруг женщин.

Глория почти испугалась, но девочки тоже хихикали. Похоже, их нисколько не смущало, что флейты издают довольно визгливые звуки.

— Глория! — Увидев внучку, Марама встала. — Как я рада тебя видеть! Для такой редкой гостьи мы должны станцевать приветственную *хака*…

Вообще-то, танцем приветствовали только почетных гостей, то есть в основном чужаков, но Ани и Херемини тут же вскочили, подняли флейты и принялись делать танцевальные движения. При этом они размахивали инструментами, как *мере поунаму* — военными булавами. Когда же они начали выкрикивать не совсем приличные стихи, Марама велела им успокоиться.

— А теперь прекратите, Глория не чужая, она из нашего племени. Кроме того, вам должно быть стыдно за свое карканье. Лучше еще раз попробуйте поиграть на флейтах. Глория… *мокопуна*… ты не хочешь спешиться?

Глория покраснела и соскользнула вниз. Вирему усмехнулся и попытался было забрать у нее кобылку.

— Дозволено ли мне будет поставить трон дочери вождя пастись где-нибудь или тем самым я нарушу какое-нибудь *тапу*? — прошептал он ей на ухо.

— Лошади едят повсюду, — заметила Глория и удивилась тому, что Вирему воспринял это как шутку и весело рассмеялся.

— Лошади живут в милости духов! — добавил он и снял с Кередвен седло.

— *Таua*, вот рыба для ужина. Я пригласил Глорию, — обратился он к Мараме.

Та кивнула.

— Мы пожарим ее позже. Но Глория не нуждается в приглашении, ей всегда рады. Присаживайся с нами, Глория… ты еще помнишь, как нужно играть на *коауау*?

Глория покраснела. В детстве Марама ей показывала, как извлекать звуки из флейты, и у нее очень ловко получалось владеть своим дыханием. Мелодии удавались хуже. Однако отказываться перед племенем не

хотелось. Нервничая, она взяла флейту и дунула в нее, сама испугавшись результата. Из *коауау* вырвалось что-то вроде стона, перешедшего в крик. Немелодично и раздражающе. Но Глория не опустила флейту. Сама Марама взяла *нгуру*, поднесла ее ко рту и начала задавать ритм. Дикая и одновременно трогательная мелодия… Глория вздрогнула, когда у кого-то рядом зазвучал *паху поунаму*, еще один типичный музыкальный инструмент маори. Девочки, Ани и Херемини, похоже, поняли намек, поднялись и снова принялись танцевать. Они были еще маленькими, военная *хака* у них не очень получалась, но передать движениями характер самоуверенных воительниц древности они все же сумели.

— Откуда ты знаешь эту *хака*? Кура ставит? — спросила внучку Марама. — Очень старая вещь, еще с тех времен, когда мужчины и женщины маори сражались вместе. Распространена скорее на Северном острове.

Глория покраснела. Она не знала этого танца раньше, звуки получились случайно. Но *коауау* выкричала ее ярость — а Марама поддержала ее в бою. Странно, Глории казалось, что она не создавала музыку, а проживала ее.

— *Киа ора*, дочери! Мне нужно бояться? Началась война? — В наступающих сумерках к свету костра, который уже разжег Вирему, вышла Ронго Ронго.

— Я хочу погреться, дети, пустите меня к огню… если он вам сейчас нужен не для того, чтобы закалить наконечники копий. — Она потерла над огнем свои короткие сильные пальцы. За ее спиной Глория узнала Тонгу, вожака. И испугалась. После возвращения она не видела Тонгу, и мрачное, покрытое татуировками лицо довольно высокого для маори мужчины почти испугало ее.

Но Тонга улыбался.

— Смотри-ка, Глория… дочь тех, кто прибыл на Аотеароа на «Уруао» и «Дублине».

Глория снова покраснела. Она знала приветственный ритуал маори — по знаменательным поводам называли каноэ, на котором когда-то прибыли предки человека в Новую Зеландию. Конечно же, это было много веков назад. Зато предок Глории со стороны *пакеха*, Гвинейра, прибыла в Новую Зеландию на «Дублине», всего около шестидесяти лет тому назад.

— Ты пришла, чтобы вступить в наследство? Наследство нгаи таху или Уорденов?

Глория не знала, что ответить.

— Оставь ее в покое! — сказала Марама. — Она пришла поесть и

поговорить. Не слушай его, Глория. Лучше помоги Вирему и девочкам приготовить рыбу.

Глория с благодарностью сбежала к ручью, который протекал через деревню. Она не потрошила рыбу с тех пор, когда была маленькой девочкой и Джек учил ее ловить рыбу. Сначала она действовала неловко, но, к ее огромному удивлению, остальные девочки не смеялись над ней. Вирему присоединился к ней, чтобы показать, как это нужно делать. Глория отодвинулась от него.

— Может быть, ты больше хочешь жарить сладкий картофель? — спросила девочка постарше, по имени Пау, которая заметила отстраненность Глории. — Тогда пойдем со мной.

Пау приятельски ткнула ее в бок, когда они пошли к полю.

— Наверное, ты нравишься Вирему, — рассмеялась она. — Обычно он не готовит с нами, играет с большими воинами. Но сегодня… и о твоей лошади он позаботился…

— Но он мне не нравится! — резко заявила Глория.

Пау подняла руки, словно защищаясь.

— Не злиться, я просто подумала… Он хороший воин и сын вождя. Большинству девушек он бы понравился.

— Он мужчина! — вырвалось у Глории, словно это был какой-то приговор.

— Да, — спокойно ответила Пау и дала Глории лопату. — Копай грядку справа. И бери те, что помельче, у них ярче вкус. Потом мы помоем их в ручье…

— Не расспрашивай девушку, Тонга. Лучше вообще оставь ее в покое. Ей пришлось многое пережить… — Ронго Ронго смотрела вслед Глории, когда она ушла с другими девочками готовить еду.

— Это тебе духи сказали? — то ли в шутку, то ли всерьез поинтересовался Тонга. Он уважал Ронго, но, как бы ни любил традиции племени, беседы с духами предков удавались ему не чаще, чем его сыну.

Ронго Ронго закатила глаза.

— Это говорит мне воспоминание о земном шаре, который был в школе у мисс Хелен, — спокойно ответила она. Тогда Гвинейра незаметно забрала его из кабинета Джеральда Уордена и разрешила пользоваться им на уроках. — Ты уже забыл, где находится Америка, Тонга? И насколько велика Австралия? В десять раз больше, чем Аотеароа. Глория прошла или проехала ее — никто не знает, как ей это удалось. Девушка — *пакеха*, Тонга…

— Она наполовину маори, — поправил Тонга.

— На четверть, — сказала Ронго. — И даже маори не рождаются со знанием, как выжить в глуши. Ты ведь слышал об Австралии? Жара, змеи… Совсем одна она бы не справилась.

— Вряд ли она переплыла в одиночку и океан! — рассмеялся Тонга.

Ронго кивнула.

— Вот именно! — На лице женщины снова отразилась печаль.

Глория провела спокойный вечер в деревне маори, не догадываясь, что Гвинейра снова тревожится о ней. Девушка переживала, что Марама будет расспрашивать ее об Англии, о путешествии и, в первую очередь, о Куре. Но Марама ничего подобного делать не стала. Глория могла просто сидеть у огня и слушать истории, которые рассказывали маори. Присутствием Тонги племя было обязано несчастному случаю, происшедшему на охоте. Вожак приходил за Ронго, чтобы она позаботилась о раненом, а потом привел ее обратно. Скала, с которой упал охотник, становилась все выше, а ущелье, из которого вытащили его другие, все глубже. Ронго ничего не говорила по этому поводу, просто внимала рассказу с улыбкой.

— Не слушай их. Они словно дети… — наконец произнесла она, обращаясь к Глории, судя по всему, нервничавшей при виде всех этих задавак.

— Дети? — сдавленным голосом переспросила Глория.

Ронго вздохнула.

— Иногда у детей факелы в руках, а иногда копья и боевые булавы…

Когда Глория наконец оседлала коня — от помощи Вирему она отказалась, — к ней подошел Тонга. Она испугалась и отступила на шаг, словно храня нерушимость *тану*.

— Дочь нгаи таху, — произнес он после паузы. — Что бы с тобой ни сделали, это сделали *пакеха*…

6

Когда миновали первые волнующие недели, прошедшие между побегом, поисками квартиры и свадьбой, Лилиан Биллер с удивлением обнаружила, что ее наличные деньги тают значительно быстрее, нежели она надеялась. Пришлось признать, что она серьезно просчиталась относительно еды, одежды, книг для учебы Бена, а также минимально необходимой мебели, посуды, постельного белья и скатертей. И это при том, что уже первые недели своего брака юная женщина провела в охоте за выгодными покупками и старалась хотя бы мебель покупать подержанную. Однако даром в Окленде не давали ничего, жизнь стоила значительно дороже, чем в Греймуте.

Поэтому Лилиан всерьез задумалась о том, как заработать на жизнь, и обратилась с этим вопросом к своему мужу.

— Ты не можешь работать в университете?

Бен удивленно отвел взгляд от книги, которую как раз читал.

— Милая, я каждый день работаю в университете!

Лилиан вздохнула.

— Я имела в виду оплачиваемую работу. Неужели профессору не нужна помощь? Ты не можешь читать курс или что-то в этом роде?

Бен с сожалением покачал головой. Лингвистический факультет в университете Окленда только развивался. Число студентов почти не оправдывало даже профессорской ставки, не говоря о ставке ассистента. Что же до особой области знаний Бена, то, несмотря на большой интерес со стороны преподавателя, такие темы, как «Сопоставление полинезийских диалектов с целью сужения области, из которой были родом первые переселенцы-маори», вряд ли привлекли бы аудиторию.

— Н-да, значит, тебе придется поискать что-нибудь другое, — прервала Лилиан его долгие рассуждения. — Нам нужны деньги, любимый, тут и говорить не о чем.

— Но моя учеба! Если я не сосредоточусь на ней сейчас, то позже…

— Позже мы умрем с голоду, Бен. К тому же тебе необязательно работать целый день. Найди что-нибудь такое, что можно делать, не бросая учебы. Если я тоже буду работать, нам хватит денег.

Лилиан ободряюще поцеловала его.

— И кем же ты собираешься работать? — удивился он.

Никто в Окленде не хотел учиться рисовать, но зато Лилиан довольно

быстро нашла большое количество учеников на фортепьяно. При этом она сосредоточилась на ремесленном квартале, в семьи ученых старалась не соваться. Вполне могло оказаться, что мать семейства играет на фортепьяно лучше, чем она. Однако среди усердных переселенцев второго поколения, процветающие мастерские которых зачастую обеспечивали им достойное материальное благосостояние, весьма популярным было желание не отставать от «богачей», и обязательным в этом плане считалось музыкальное образование детей.

Объявления, данные Лилиан в продуктовых магазинах и пабах, нашли неожиданно большой отклик. Ведь здесь не нужно было преодолевать страх перед музыкальной школой или дипломированным учителем. Лилиан выглядела не пугающе, она завоевывала нервничающих родителей так же легко, как и учеников. Конечно же, все проникались тем, что она училась музыке в Англии и, несмотря на это, с ней можно было нормально поговорить. К тому же Лилиан не старалась придерживаться классических основ. Она не давала много упражнений для пальцев, свела игру этюдов к минимуму, и ее ученики уже на четвертом занятии могли отбарабанить по клавишам простенькую песню. А поскольку ее клиенты предпочитали слушать песни, нежели фортепьянные концерты — рев посетителей паба часто не давал спать Бену и Лилиан, — она также сделала упор на простом сопровождении уличных песенок и патриотических напевов. Расчет оправдался: ничто не убеждало родителей ее учеников в таланте ребенка и гениальности учителя лучше, чем тот факт, что во время ближайшего семейного праздника можно было собраться у пианино и спеть «It’s a long way to Tipperary».

Бену зарабатывать деньги было значительно тяжелее. Волей-неволей ему пришлось поставить больше на мышечную силу, чем использовать таланты, присущие ему в той или иной степени. Впрочем, в порту можно было почти в любое время дня и ночи найти работу. Бен загружал и разгружал корабли и грузовики, по большей части по утрам, до начала лекций.

На протяжении нескольких месяцев оба справлялись хорошо. Хватило даже на кое-какую новую одежду и хороший обеденный стол с двумя стульями. Однако ситуация с квартирой над пабом оставалась неудовлетворительной. Здесь по-прежнему было шумно, воняло пивом и прогорклым маслом, а Лили жаловалась, что вечером не может брать учеников, поскольку боится одна идти домой через квартал. Туалет в коридоре был сущей катастрофой — никому из остальных жильцов, похоже, даже в голову не приходило время от времени чистить его. А один

раз Лилиан испугалась до смерти, когда один вечно пьяный мужчина, семья которого жила по соседству, ночью заблудился и стал яростно колотить руками и ногами в их дверь. Лилиан не хотела и не могла оставаться здесь надолго — особенно когда началась борьба с тошнотой по утрам.

— Ну вот, наконец-то! — захихикала ее довольно опустившаяся соседка, когда девушка, бледная, еще в халате, пошатываясь, вышла из туалета и направилась в свою комнату. — А я все думаю, когда у вас уже кто-то появится.

У самой женщины было четверо детей. Значит, она знает, о чем говорит. Однако Лилиан позволила себе визит к врачу, который уничтожил все сбережения. Окрыленная, она, приплясывая, двинулась к гавани, чтобы встретить Бена с работы.

— Разве это не здорово, Бен? Малыш! — Лилиан прямо на причале порадовала его новостью.

Он как раз таскал мешки с одного из судов к грузовику и выглядел очень усталым. Лилиан этого не заметила. Возбужденная и радостная, она уже строила планы.

Сам Бен не мог разделить ее восторга. Он начал работать в пять утра, потом провел день в университете и теперь помогал разгружать судно. После этого он мог положить кое-что в общую кассу и очень надеялся, что в ближайшее время удастся нормально позаниматься. С тех пор как Бен начал писать диссертацию, он пользовался каждой свободной минутой. Беременность Лилиан означала для него новые усилия. Ведь семью нужно на что-то содержать, и в обозримом будущем это придется делать самому.

— Это будет не так уж плохо, Бен! — утешила его Лилиан. — Смотри, еще пару месяцев я смогу давать уроки. А ты тем временем просто немного поторопишься со своей диссертацией. Когда ты защитишься, они наверняка дадут тебе оплачиваемую работу. Ведь твой профессор так тобой восхищается!

Хотя это было правдой, на академический успех рассчитывать не приходилось. Бен очень сильно сомневался, что руководство Оклендского университета выделит вторую лингвистическую кафедру. Не говоря уже о том, чтобы поручить ее такому молодому ученому. К тому же после защиты диссертации нужно было поездить по другим университетам, провести там курсы и повысить квалификацию. Иногда можно было получить исследовательскую стипендию, но с учетом необычной области интересов Бена это было маловероятно. И, не считая прочего, даже очень одаренному студенту вряд ли удастся закончить докторантуру за неполных девять месяцев.

Лилиан закусила нижнюю губу, когда Бен сказал ей об этом.

— Но вот так, в порту, ты зарабатываешь недостаточно, — заметила она. — Особенно если принять во внимание, что нам будет нужна новая квартира.

Бен вздохнул.

— Я что-нибудь придумаю, — без особой надежды пообещал он, а потом улыбнулся. — Мы справимся. Послушай, Лили, ребенок! И мы сделали это сами!

Лилиан любила Бена всем сердцем, но давно уже поняла, что его сенсационные умственные способности лучше справляются с синтаксисом и мелодикой всевозможных придаточных предложений, чем с простыми решениями повседневных проблем. Поэтому она не стала дожидаться его идей, а сама стала размышлять о том, как повыгоднее воспользоваться его талантами. Решающая идея пришла ей в голову внезапно, когда, возвращаясь домой от ученика, она шла мимо конторы «Окленд Герольд». Ежедневная газета! А Бен — поэт! Наверняка он легко сможет писать отчеты и статьи. И наверняка за это платят больше, чем за разгрузку океанских великанов.

Лилиан решительно толкнула дверь и оказалась в скромных размеров помещении, где несколько мужчин стучали по клавишам пишущих машинок, что-то выкрикивали в телефонные трубки и раскладывали бумаги. Было довольно шумно.

Лилиан обратилась к первому попавшемуся из них.

— А кто здесь главный? — с самой милой улыбочкой поинтересовалась она.

— Томас Уилсон, — ответил мужчина, не глядя на нее.

Судя по всему, он правил статью и при этом грыз карандаш, если не отвлекался на то, чтобы быстро выкурить сигарету. Лилиан нахмурилась. Если Бен привыкнет курить здесь, то весь дополнительный заработок вылетит в трубу.

— Там… — Мужчина указал карандашом на дверь, на которой висела табличка: «ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР».

Лилиан громко постучала.

— Входите, Картер! Надеюсь, на этот раз вы готовы! — пророкотал голос изнутри кабинета.

Лилиан бочком вошла в комнату.

— Я не хотела мешать… — мягко произнесла она.

— Вы не мешаете. Если только те ребята, что сидят снаружи, не

принесут мне тексты, чтобы я мог просмотреть их и наконец-то отдать в набор. Но, похоже, в ближайшее время этого не произойдет. Так что я могу для вас сделать? — Тяжеловесный, хоть и не слишком полный мужчина за письменным столом, судя по всему, вставать не собирался, но жестом предложил Лилиан присесть.

У него было широкое, слегка покрасневшее лицо и нос картошкой, который занимал на нем большую часть. Темные волосы уже начали седеть. Серо-голубые глаза Уилсона хоть и казались не очень большими, но внимательно смотрели на собеседника с почти юношеской живостью.

Лилиан присела на стул с кожаной обивкой, стоявший с другой стороны заваленного бумагами и неприбранного письменного стола. Пепельница была полна окурков, однако сейчас шеф курил сигару.

— Что нужно уметь, чтобы работать в газете? — Лилиан не стала ходить вокруг да около.

Уилсон усмехнулся.

— Писать, — коротко ответил он. — Умение мыслить тоже приветствуется. Но как показывает практика на примере той своры, что за дверью, без него тоже можно.

Лилиан нахмурилась.

— Мой муж лингвист. И он пишет стихи.

Уилсон восхищенно наблюдал за тем, как вспыхнули ее глаза.

— Значит, главное условие выполнено, — ответил он.

Лилиан просияла.

— Это чудесно… то есть если вы еще нанимаете людей. Нам очень нужна работа! Срочно!

— Вакантных мест нет. Ни одного… если, конечно, я сегодня же не вышвырну кого-нибудь! Но сотрудники мне нужны всегда. — Уилсон глубоко затянулся сигарой.

— Мы как раз ищем работу, которую можно выполнять, не бросая работы в университете, — уточнила Лилиан.

Уилсон кивнул.

— Наверное, «лингвисты» зарабатывают немного?

Лилиан уныло посмотрела на него, вид у нее был несчастный.

— Пока что вообще ничего! При этом Бен блестящий ученый, так говорит его профессор. Все так говорят, в Кембридже он даже получал стипендию, но война…

— Ничего напечатанного у вашего супруга пока нет? — спросил Уилсон.

Лилиан с сожалением покачала головой.

— Нет. Но, как я уже говорила, он пишет стихи. — Она улыбнулась. — Чудесные стихи…

Уилсон засопел.

— Вот только стихи мы не печатаем. Но я не отказался бы прочесть, к примеру, элегию. Может быть, ваш супруг занесет мне что-нибудь…

— Вот! — вновь просияла Лилиан и, сунув руку в сумочку, с довольным видом извлекла оттуда помятый листок почтовой бумаги. — Самое лучшее стихотворение у меня всегда с собой.

Она наблюдала за тем, как Уилсон развернул листок, пробежал глазами текст, — ждала аплодисментов. Уголки губ главного редактора едва заметно подрагивали.

— Что ж, по крайней мере он не делает ошибок в правописании, — заметил редактор, дочитав.

Лилиан обиженно покачала головой.

— Конечно же, нет! Кроме того, он говорит по-французски и на маори, а еще на нескольких полинезийских диалектах, которые…

Томас Уилсон усмехнулся.

— Ладно, ладно, девушка. Я понял, что ваш муж — венец творения. Маори, говорите? Значит, он должен немного разбираться в мире духов, верно?

Лилиан подняла брови.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду…

— Это была шутка. Но если ваш муж захочет, у нас есть приглашение на сеанс: некая миссис Марджери Крэндон из Бостона, а также несколько столпов оклендской общины собираются сегодня вечером вызвать парочку духов. Госпожа Крэндон — медиум и занимается этим делом профессионально. Во всяком случае, так она говорит, и я думаю, что ей хотелось бы выступить здесь еще не раз. Поэтому она заинтересована в том, чтобы мы напечатали об этом. Впрочем, как и я, — возможно, получился бы фельетон. Но мои мальчишки отмахиваются, никто не хочет будить мертвых вместе с миссис Крэндон. А всех, кто не занят в штате, я уже загрузил другими поручениями. Так что если ваш супруг желает заняться этим, пусть попробует. Будем считать это первым опытом. А потом посмотрим.

— А что… э… это дает в финансовом плане? — поинтересовалась Лилиан.

Уилсон рассмеялся.

— Вызов духов или статья? Что ж, наши сотрудники получают оплату за строчку. А медиумы, насколько мне известно, не по количеству

вызванных духов…

И прежде чем Лилиан успела спросить еще что-то, один из сотрудников Уилсона распахнул дверь.

— Вот тексты, шеф! — Он бросил на письменный стол стопку только что отредактированных, довольно неопрятных на вид листков.

— Это было довольно долго, — проворчал Уилсон. — Кстати, девушка, как вас зовут? Вот приглашение. Мне нужно, чтобы текст был у меня на столе завтра в пять, можно раньше. Согласны?

Лилиан кивнула.

— Бен Биллер, — успела сказать она, — ну, это мой муж.

Уилсон уже был занят другими делами.

— Увидимся завтра.

— Я однажды была на таком сеансе, — рассказывала Лили, пытаясь убедить Бена взяться за единственное, а значит, самое выгодное предложение. — В Англии. По выходным я обычно бывала у подруг, и мать одной из них занималась спиритизмом. У нее постоянно гостили медиумы. Однажды мне довелось все это наблюдать. Признаюсь, было довольно жутко.

— Что ж, вопрос скорее не в том, жутко ли это, а способны ли действия медиума выдержать научную критику, — довольно резко оборвал ее Бен.

Поиски работы, предпринятые Лилиан, удивили его, а еще больше — чуть ли не требование немедленно приступить к ней. Конечно же, писать заметки ему подошло бы больше, нежели разгружать грузовые суда. Однако Бен опасался, что работа на какую-то гнусную газетенку повредит его научной карьере.

— Да ведь ты можешь взять себе другое имя! — нетерпеливо пояснила Лилиан. — А теперь не ломайся и переодевайся! С этой работой ты справишься одной левой!

Лилиан уже спала, когда Бен пришел домой среди ночи, и еще спала, когда утром ему нужно было снова уходить, чтобы работать в порту. Поэтому она все утро переживала, успеет ли Бен вовремя сделать работу для редакции. Он действительно пришел домой только в половине четвертого, но, к огромному облегчению Лилиан, написал статью в перерыве между двумя семинарами в университете.

— Скорее отнеси это мистеру Уилсону! — потребовала она. — Ты еще успеешь, он сказал, не позже пяти.

Бен закусил губу.

— Слушай, Лили, я пообещал профессору свою помощь, и мне нужно опять уходить. Может, ты сама отнесешь статью?

Лилиан пожала плечами.

— Конечно, я могу ее отнести. Но разве ты не должен лично познакомиться с мистером Уилсоном?

— В следующий раз, милая, хорошо? А сегодня пусть за меня говорит работа. Не думаю, что с этим будут проблемы.

И Бен вышел за дверь, прежде чем Лилиан успела что-либо сказать. Огорченная, она набросила на плечи плащ. К счастью, в Окленде не нужно было носить зимнее пальто. Климат был мягкий, а к тропическим растениям Лилиан почти привыкла. Однако сейчас путь вел ее в центр города. «Окленд Герольд» расположилась в одном из красивых викторианских домов, которые можно было увидеть кое-где на Квин-стрит.

Томас Уилсон сидел, склонившись над листом бумаги, и вносил правки.

— Ну что? Опять вы, юная леди? А куда подевался ваш супруг? Миссис Крэндон заставила его исчезнуть?

Лилиан улыбнулась.

— Она ведь скорее вызывает… Эктоплазму или что-то в этом духе. К сожалению, моему мужу необходимо быть в университете. Но он попросил меня занести вам статью.

Томас Уилсон доброжелательно смотрел на хрупкую девушку с длинными рыжими волосами под смелой зеленой шляпкой. Скромная одежда, но изысканная манера выражаться и безупречный английский язык. И так старается помочь мужу. Оставалось надеяться, что парень того стоит!

Уилсон пробежал глазами статью. Потом бросил ее на стол и зло сверкнул глазами. Лицо его снова покраснело.

— Девушка, что вы себе воображаете? Я должен печатать эту напыщенную ерунду? При всем уважении к вашему мужу, которым вы так восхищаетесь и который наверняка обладает массой талантов, я должен сказать, что это…

Лилиан испугалась и схватила листок.

Окленд, 29 марта 1917 года

28 марта миссис Марджери Крэндон из Бостона даровала небольшому кругу избранных оклендских интеллектуалов восхитительную возможность заглянуть в многообразие

измерений. Даже скептично настроенные в отношении верификации[10] *спиритуалистического феномена люди вынуждены были признать правоту двадцатидевятилетней американки, что появление аморфной белой субстанции во время ее чисто спиритическим образом произведенной манифестации невозможно объяснить с точки зрения законов природы. Этот хрупкий материал, именуемый в научном вокабулярии «эктоплазма», спроецировал изображение ее духа-хранителя, с которым она общается на потрясающем языке. Синтаксис и произношение позволяют определить его связь с енохианским языком*[11]*, но это не соответствует этим используемым скорее в религиозном контексте глоссолалиям*[12]*. Что же касается верификации вызванных миссис Крэндон впоследствии духов, то сторонний наблюдатель, конечно же, вынужден довольствоваться субъективными интерпретациями. Однако миссис Крэндон ссылается на знаменитого автора и военного сэра Артура Конан Дойля, который объявил ее заявления истинными и честность которого, разумеется, вне всякого сомнения.*

— О боже! — вырвалось у Лилиан.

Томас Уилсон усмехнулся.

— Конечно же, я хотела сказать… как я могла забыть об этом! Мистер Уилсон, мне ужасно жаль, но мой муж просил меня внести в этот текст кое-какие правки, прежде чем передать его вам в чистом виде. Видите ли, это только черновик, но я… я просто забыла об этом, а эти каракули… — она выудила из сумочки бумагу, в которой Томас Уилсон без труда узнал листок со стихом, — конечно же, я не думала, что вам придется это читать. Пожалуйста, дайте мне немного времени, чтобы внести задуманные мужем поправки. — Лицо Лилиан слегка покраснело.

Уилсон кивнул.

— Срок сдачи — семнадцать часов, — заявил он, вынимая из кармана золотые часы. — Значит, у вас пятнадцать минут. Так что за дело. — Он бросил гостье блокнот и снова занялся своими текстами, но при этом краем глаза наблюдал за ней.

Девушка немного помедлила, а затем ее карандаш заметался по бумаге. Спустя пятнадцать минут Лилиан, почти изнемогая, протянула ему совершенно новый текст.

Медиум или обманщица? Спиритистка смущает оклендское общество

28 марта двадцатидевятилетняя спиритистка Марджери Крэндон, американка по паспорту, предстала перед группой почетных представителей оклендского общества и репортеров «Герольда». Однако сама миссис Крэндон заявляет, что происходит из румынской дворянской семьи. Да простятся автору этих строк ассоциации с «Цыганским бароном» Штрауса. Ибо и в остальном многое в выступлении миссис Крэндон напоминало оперетту или представление театра варьете. Кулисы и вступление произвели желаемый эффект некоторого ужаса. Кроме того, создавая «эктоплазму» и вещая на таком неизвестном языке, как енохианский, миссис Крэндон проявила недюжинный актерский талант. При этом будто бы проявил себя и ее «дух-хранитель», который, впрочем, больше был похож на мокрый кусок тюля, нежели на потустороннее явление.

Миссис Крэндон вела себя как с ним, так и с другими духами с привычной уверенностью кукловода, причем ей действительно удалось убедить присутствующих в истинности вызванных ею феноменов. Однако выдержать пристальный взгляд неподкупного «Окленд Герольд» ей не удалось, и ссылка спиритистки на сэра Артура Конан Дойля, который будто бы почитает ее, нас не убедила. Сэр Артур Конан Дойл является человеком, который объединяет в себе избыток фантазии и высокую личную чистоту. Мы не сомневаемся, что ему легче поверить в возможность вызова духов, нежели в то, что леди, выступления которой кажутся выше всяческих сомнений, способна обмануть своих высокородных и порядочных сторонников.

Томас Уилсон рассмеялся.

— У вашего мужа острое перо, — удовлетворенно заявил он. — И, похоже, он разбирается в общении посредством мыслей, поскольку, судя по всему, он прямо сейчас вам все это и продиктовал… Или вы выучили наизусть? Впрочем, неважно. Мне совершенно все равно, как пишет свои

тексты мистер Биллер. Однако я бы посоветовал вычеркнуть «Цыганского барона». Большинство наших читателей не настолько образованные люди. В некоторых словах тоже многовато слогов, да и предложения можно сделать покороче. В остальном же очень хорошо. Пусть вам выплатят двадцать долларов. Ах да, забыл сказать, пошлите своего мужа завтра на пирс. Туда прибудет транспорт из Англии с теми, кто был на Галлиполи. Мы хотели бы написать об этом. Ровно с той долей патриотизма, чтобы никто не почувствовал себя обиженным, но достаточно критически, чтобы даже самый последний человек задался вопросом, почему мы позволяем нашей молодежи гибнуть на побережье перед какой-то замызганной турецкой деревушкой. Всего хорошего, миссис Биллер.

Лилиан пошла вместе с Беном в порт и поговорила с медсестрой и несколькими ветеранами, вид которых шокировал ее до глубины души. Затем заменила деревянный отчет Бена, в котором описывались по большей части географические особенности турецкого побережья, значимость Дарданелл для хода войны и турецкие оборонительные сооружения, волнующим рассказом о последних сражениях и в высшей степени эмоциональной оценкой последнего успешного отступления войск: «При всей гордости за это эпохальное достижение автора охватывает щемящее чувство при виде всех этих молодых людей, утративших свое здоровье на берегах Эгейского моря, которое, конечно же, обрело благодаря этому свое место в истории. Галлиполи навсегда останется синонимом героизма, а также бессмысленности и жестокости войны».

— Вычеркните «синоним», — заметил Томас Уилсон. — Этого никто не поймет. Напишите «образ». И скажите мне наконец, как вас зовут. Не могу же я звать вас Беном!

7

На протяжении последующих месяцев Лилиан Биллер под псевдонимом ББ писала о спуске кораблей на воду, годовщинах договора Вайтанги, заседаниях комитета по деревообрабатывающей промышленности и расширении университета. К восхищению мистера Уилсона, ей удавалось извлечь из самой повседневной темы какой-то интересный момент. Самой Лилиан это казалось настолько увлекательным, что она все меньше и меньше давала уроки на фортепьяно. Однако в целом работа на «Окленд Герольд» не решала их проблему. Здесь тоже нужно было уходить из дома, чтобы посещать различные мероприятия и

разговаривать с людьми. При этом из-за беременности она постепенно полнела и становилась неуклюжей. Когда ребенок родится, это станет вообще невозможно — а именно тогда молодой семье потребуется еще больше денег.

Сделать Бена своим заместителем было идеей безнадежной. Легкий юмористический стиль ему не удавался; Бен, склонный к многословным формулировкам, просто не мог обходиться без тяжеловесных фраз и только при написании научных текстов отказывался от некоторой высокопарности. Лилиан не знала, что делать, и в конце концов пожаловалась Томасу Уилсону на свою беду, когда скрывать беременность стало уже совершенно невозможно.

— Я вообще уже ни в одно платье не влезаю! Я не могу пойти на прием к герцогу. А со временем все будет еще хуже!

Редактор ненадолго задумался. Затем потер морщинку между бровями, которая образовывалась всякий раз, когда он принимался сосредоточенно размышлять.

— Знаете что, Лилиан? На самом деле нам нужно — причем гораздо больше, нежели сообщение о визите герцога Такого-то с целью открытия какого-то здания, — несколько небольших хорошеньких историй. Что-нибудь такое, что подбодрило бы людей. Мы ведем войну третий год, мы наполняем газету сообщениями о сражениях и потерях. На улицах мы видим «героев Галлиполи» на костылях, а мальчишки из АНЗАКа истекают кровью во Франции и Палестине. В экономике застой, исключая, конечно, военную промышленность. Люди встревожены. И они не так уж неправы, потому что мир превратился в одно сплошное поле боя, но никто не понимает почему. Обыватели начинают опасаться, что какие-нибудь безумцы возьмут и нападут на нас прямо здесь. Короче говоря, настроение подавленное…

— Да? — удивилась Лилиан. До сих пор она этого не замечала. Не считая экономических проблем, они с Беном были на седьмом небе от счастья.

— Должно быть, любовь прекрасна… — проворчал Уилсон. Он уже успел узнать свою юную журналистку получше, и их с Беном история была ему известна, хотя и в общих чертах.

Лилиан, кивнув, пропела:

— Да!

Уилсон рассмеялся.

— Итак, что я хотел сказать: было бы неплохо расширить нашу тематику парой ободряющих историй. Коротких историй… То есть не

нужно проделывать исследовательскую работу, лучше чистая фантазия. При этом, конечно же, некоторая достоверность должна присутствовать. Так что никаких «растекающихся сердец» и тому подобного.

Он погрозил ей пальцем.

Лилиан покраснела.

— Как думаете? Сможете написать что-то в этом роде?

— Я могу попробовать! — заявила Лилиан. И уже по пути домой ей в голову пришла первая идея.

Два дня спустя она принесла Уилсону историю педиатрической медсестры, которая каждое воскресенье садилась в поезд, идущий через всю страну, чтобы навестить в Окленде свою пожилую матушку. Она поступала так с тех самых пор, как было открыто железнодорожное сообщение, и Лилиан с наслаждением описывала торжества, во время которых Грэхем Нельсон, проводник, впервые встретился с молодой женщиной. С тех пор он встречал ее в поезде каждую неделю, и они влюбились друг в друга, но не осмеливались обменяться больше чем парой слов, не говоря уже о том, чтобы признаться в своем чувстве. Лишь спустя годы, когда мать умерла и медсестра вдруг не пришла на рейс, Нельсон собрался с духом и решил найти ее… И конечно же, все закончилось свадьбой. Лилиан обогатила историю описаниями пейзажей, рассказом о том, как гордится Новая Зеландия своими железнодорожными компаниями и мужеством медсестер. Ее героиня так любила своих маленьких подопечных, что практически не могла расстаться с ними в больнице.

Уилсон закатил глаза, но напечатал текст в следующую же субботу. Его читатели, особенно женщины, были тронуты рассказом до слез. Вдогонку этой истории Лилиан тут же сочинила историю героя Галлиполи, девушка которого считала его погибшим, но отказывала всем женихам. И ее мужчина, раненный на поле боя, все же вернулся домой спустя годы.

С тех пор она могла быть уверена в том, что из газеты ее не прогонят. Читательницы с нетерпением ждали новых историй от ББ. Читая эти истории, Бен Биллер содрогался.

— Сплошная халтура! — в ужасе говорил он, поскольку любовные сцены в историях с каждой неделей становились все более и более главными. — Если когда-нибудь выяснится, что я имею к этому какое-то отношение…

— Совершенно никакого, любимый! — рассмеялась Лилиан, ища свою шляпку.

Она как раз закончила следующую историю и собиралась нести текст

на Квин-стрит. Однако было ясно, что вскоре этим придется заниматься Бену, хочется ему того или нет. Лилиан сама себе постепенно начинала напоминать выброшенного на берег кита. До рождения ребенка оставалось два месяца, а нереализованных идей для новых историй — бесчисленное множество.

И нужда в этом была колоссальная. Повысившиеся доходы Лилиан позволили им купить два платья для ее положения, да и на вещи для малыша она уже отложила деньги. Но о новой квартире по-прежнему нечего было и думать. Бен занимался диссертацией и, соответственно, меньше работал в порту.

— Без моей халтуры мы не проживем. Людям нравится! — упрямо заявила Лилиан.

Бен бросил на нее почти жалостливый взгляд. Он никогда не поймет, почему для бóльшей части людей намного интереснее подробности свадьбы британского короля, нежели прелести полинезийской грамматики. В любом случае собственные стихотворения уже вызывали у него чувство неловкости.

— Вам стоит попробовать написать роман, — как-то сказал Томас Уилсон, быстро проглядев рукопись Лилиан. — Люди без ума от ваших историй. Серьезно, Лилиан, если бы я прислушивался к просьбам читателей, с которыми они обращаются в своих письмах, я мог бы каждый день печатать одну из ваших сентиментальных историй.

— За это хорошо платят? — поинтересовалась Лилиан.

Несмотря на беременность, она по-прежнему выглядела восхитительно. Ее просторное платье в светлую и темную шотландскую клетку очень гармонировало с ее живым взглядом и несколько бледным цветом лица. Волосы она собирала в пучок, наверняка для того, чтобы выглядеть старше. На лбу выступили капельки пота. Долгий путь пешком из портового квартала в центр города, должно быть, утомил ее.

Уилсон улыбнулся.

— Презренный металл! Где же потребность творца в самовыражении?

Лилиан нахмурилась.

— Сколько? — спросила она.

Уилсон решил, что это восхитительно.

— Послушайте, Лилиан, мы поступим следующим образом: вы напишете для пробы одну или две главы, а потом я схожу с вами к одному знакомому издателю. Впрочем, для этого нам придется съездить в Веллингтон. Вы справитесь?

Лилиан рассмеялась.

— С чем? С путешествием на поезде или с двумя главами? Последнее — точно не проблема. И если я напишу их достаточно быстро, ребенок вряд ли появится на свет в купе.

— Об этом я бы очень попросил! — с напускной строгостью проворчал Уилсон.

Всего три дня спустя Лилиан снова пришла, в ее аккуратной папочке лежала рукопись с двумя первыми главами и кратким содержанием. В «Хозяйке Кенвей-Стейшн» речь шла о молодой шотландке, которая позволила жениху заманить себя в Новую Зеландию. Для сюжета Лилиан смешала истории своих прабабок, Гвинейры и Хелен. Она красочно живописала путешествие через океан и первую встречу с довольно мрачным «овечьим бароном» Мораном Кенвей. Затем ее героиня оказалась на ферме, вдали от людских поселений, окруженная роскошью, но запертая в четырех стенах и мучимая одиночеством. Лилиан лишь слегка сомневалась, когда решала, приплести ли сюда историю первого брака своей матери, Илейн. Но, к счастью, друг юности никогда не забывал героиню. Он поехал за ней в Новую Зеландию, мгновенно заработал целое состояние на золотых приисках и поспешил освободить девушку.

Томас Уилсон бегло просмотрел текст и потер глаза.

— Ну как? — поинтересовалась невыспавшаяся Лилиан. Вопреки обыкновению, сегодня в этом была виновата не любовь и не шумный паб, а экстаз, охвативший ее во время написания. Она не могла оторваться от истории. — Как вам это?

— Ужасно, — заявил Уилсон. — Но люди будут вырывать книгу у вас из рук! Я сейчас же отправлю это в Веллингтон. Посмотрим, что скажет на это Боб Андерсон.

Бен Биллер воспротивился идее отпустить Лилиан одну в Веллингтон и успокоился только тогда, когда Уилсон, чтобы смягчить его, купил билет на поезд и для него. Так Бен встретился с представителями тамошнего университета, побеседовал с ними насчет возможной ставки для приглашенного доцента, пока Уилсон и Лилиан вели переговоры с Бобом Андерсоном. В конце концов Лилиан подписала договор не только на «Хозяйку Кенвей-Стейшн», но и на ее продолжение. Уилсон посоветовал ей не спешить с этим, поскольку аванс получится выше, если первая книга будет хорошо продаваться. Но Лилиан покачала головой.

— Деньги нам нужны сейчас, — заявила она и тут же придумала историю. «Наследница Вакануи» должна была вылиться в новозеландскую

версию «Покахонтас», в которой *пакеха* влюбляется в принцессу маори.

— Мне кажется это безумно романтичным! — восхищалась Лили во время заключительного совместного ужина в высококлассном ресторане. — Вы знаете, что, когда была война, воины маори должны были проползать между ногами дочери вождя? Тем самым они как бы проходили порог, превращаясь из мирных людей в безжалостных воинов. И чувства, которые она испытывает при этом, поскольку знает, что ее отец посылает этих людей против ее возлюбленного…

— Дочери вождя, исполнявшие роль жриц, были сильно ограничены *many*, — с кислым выражением лица заметил Бен. — Маловероятно, что такая девушка смогла бы хоть раз увидеть *пакеха*, не говоря уже о том, чтобы он смог пережить такую встречу…

— Не преувеличивай ценность науки, любимый! — рассмеялась Лилиан. — Я ведь пишу не исследовательский труд по культуре маори, а всего лишь хорошую историю.

— Однако именно этот ритуал по своей функции обесчеловечивания воина несет огромную эмоциональную перегрузку… — И Бен пустился в пространные объяснения. Лилиан слушала его с мягкой улыбкой, наслаждаясь устрицами.

— Не обращайте на него внимания, — негромко сказал Томас Уилсон мистеру Андерсону. — Малышка любит его в некотором роде как экзотического зверька. Нестандартное поведение и формы общения ей совершенно непонятны, но она охотно оплачивает корм и ветеринара.

И он снова обернулся к Лилиан:

— Что мы будем делать с вашим именем, Лилиан? Я предложил бы псевдоним. Но, может быть, инициалы стоит сохранить? Что скажете насчет «Берты Болейн»?

Последние недели беременности Лилиан провела за письменным столом в своей новой просторной квартире между Квин-стрит и университетом. Аванса за книги хватило не только на оплату аренды, но и на покупку некоторых предметов мебели, а также роды в госпитале, на чем настаивали как Бен, так и Томас Уилсон. Оба до смерти переживали за Лилиан, в то время как сама она относилась к ситуации гораздо спокойнее. Схватки начались после того, как она закончила последнее предложение «Хозяйки Кенвей-Стейшн».

— Вообще-то, я собиралась еще отредактировать… — с сожалением произнесла Лилиан, но позволила Бену отвести себя к машине.

К этому времени по городу ходили почти одни только автомобили, и

Лилиан затеяла ссору с водителем, который, как ей казалось, ехал слишком осторожно.

Сами роды оказались ужасными, и не только потому, что Бену не разрешили присутствовать при этом событии — герой ее романа самолично, при в высшей степени драматических обстоятельствах помог героине разрешиться дочерью своего врага, которую самозабвенно готов был воспитывать как собственную дочь, — но и потому, что в родильном зале было очень холодно и сильно пахло лизолом. Вдобавок ко всему ноги Лилиан привязали к чему-то вроде виселицы, а неуклюжая медсестра прикрикивала на нее каждый раз, когда она принималась хоть чуточку жаловаться. У этой женщины не было ничего общего с тем ангелоподобным существом из первой коротенькой истории Лилиан, да и в остальном она пришла к выводу, что рождение детей на самом деле далеко не так восхитительно, как поется в песнях и рассказывается в романах.

Только увидев своего сына, Лилиан снова примирилась с реальностью.

— Мы назовем его Галахад! — решила она, когда к ней наконец пропустили бледного как смерть и совершенно не выспавшегося Бена.

— Галахад? — удивленно переспросил он. — Что это за имя? В моей семье…

— Это имя героя! — заявила Лилиан, но на всякий случай не стала говорить Бену о том, что его сын должен быть назван не только по имени рыцаря Грааля, но и в честь спасителя «Хозяйки Кенвей-Стейшн». — А глядя на твою семью…

Бен рассмеялся.

— Думаешь, однажды он осмелится возразить своей бабушке?

Лилиан захихикала.

— Может быть, он вообще вышвырнет ее со своего рудника!

Пока Лилиан печатала на пишущей машинке, которую подарил ей Томас Уилсон по случаю рождения сына, «Наследницу Вакануи», маленький Галахад лежал рядом с ней в колыбельке. Время от времени она качала его или пела романтические песни. Ночью он лежал между родителями и пока что мешал появлению еще одного малыша. Впрочем, теперь Лилиан решила быть осторожнее. Бен наконец сумел заставить себя расспросить товарищей насчет надежных предохраняющих средств и действительно купил необходимые для этого презервативы. И хотя было довольно трудно привыкать к этим толстым резиновым штукам, Лилиан настаивала на этом, потому что ей не хотелось больше встречаться с похожей на фельдфебеля акушеркой из Оклендского госпиталя. Бену все

это было на руку; он радовался, что наконец-то можно не работать в порту. «Хозяйка Кенвей-Стейшн» уже спустя полгода кормила всю семью. Лилиан подписала контракт на следующие два романа, Бен защитился в начале 1918 года и стал одним из самых молодых докторантов Британской империи, а затем получил приглашение приехать читать лекции в Веллингтон.

Лилиан и Бен были счастливы.

8

— Что это Глория постоянно делает у маори?

Гвинейра снова нарушила собственное предписание не обсуждать семейные проблемы со своим управляющим Маакой. Но, как и прежде, на ферме не было никого, с кем можно было бы поделиться своими тревогами. Глория говорила мало, Марама тоже, а от Джека по-прежнему не было ни слуху, ни духу. То есть лично он не писал ей. Только Роли О’Брайен, слуга Тима Ламберта, время от времени писал Тиму и Илейн, сначала из Греции, потом из Англии. Судя по всему, он сопровождал транспорт с ранеными, который вывез Джека с Галлиполи, и иногда упоминал друга. Поначалу вести были угрожающими: «Мистер Джек до сих пор на пороге между жизнью и смертью». Потом он стал писать, что «мистеру Джеку уже немного лучше» и что «мистеру Джеку наконец-то разрешили вставать». Однако закулисная сторона событий так и оставалась тайной — Роли писал редко и не очень умело. Его рано отдали подмастерьем на шахту, и он почти не ходил в школу.

Гвинейра утешала себя тем, что в любом случае Джек жив, хотя, возможно, потерял руку или ногу. Почему он не писал сам или не попросил об этом кого-нибудь, для нее оставалось загадкой. Впрочем, Гвинейра хорошо знала своего сына: Джек не любил делиться неприятностями, и, если его настигал удар судьбы, он скорее предпочитал замыкаться в себе, нежели рассказывать об этом окружающим. Тогда, после смерти Шарлотты, он молчал много недель.

Это задевало Гвинейру, но она старалась не думать об этом. В данный момент более насущную проблему представляла для нее Глория, хотя атмосфера в Киворд-Стейшн немного улучшилась. Девушка перестала ссориться с пастухами, не обижала прислугу. Почти каждый день она садилась на лошадь и отправлялась в О’Киф-Стейшн в сопровождении собаки. Иногда Глория уходила пешком в расположенную у озера деревню

маори. Чем она руководствовалась, Гвинейра не знала; Глория разговаривала с ней очень редко. К ужину или обеду девушка появлялась время от времени, предпочитая есть у маори, и, похоже, даже зимой ей не надоедала скудная пища. Если охотникам не удавалось подстрелить дичь, там можно было съесть разве что сладкий картофель или лепешку из муки, но, судя по всему, для Глории это было лучше любого обеда в присутствии бабушки.

Из ее комнаты постепенно исчезали рисунки и игрушки, которые заменили маорийские поделки — пока что сделанные столь же неуклюже, как и артефакты из ее детства, и Гвинейра решила, что Глория пробует себя в вырезании орнаментов и украшении жадеита.

Маака подтвердил это.

— Мисс Глория делает то, что делают женщины сейчас, весной, — сидит с ними, шьет, вырезает, засевает поля… Глория часто бывает у Ронго.

Что ж, по крайней мере это хорошие новости. Гвинейра очень высоко ценила повитуху-маори.

Но когда Маака добавил, что они разговаривают с духами, Гвинейра вновь занервничала. С того дня, как Глория вернулась в Киворд-Стейшн, ее поведение и поступки казались странными. И если она еще начнет духов заклинать… Может, ее правнучка сходит с ума?

— Спокойно прикоснись к дереву… почувствуй его силу и душу.

Ронго велела Глории разговаривать с деревом, пока сама она готовила церемонию, предварявшую сбор урожая красных цветков дерева *ронгоа*. К этому священному растению могла прикасаться только *тохунга*. Однако в сборе и сушке листьев *коромико* Глория могла помогать. Листья использовались при поносе и болях, а также при болезнях почек. Глория старательно запоминала то, что рассказывала Ронго, но беседа с деревом казалась ей чем-то сомнительным.

— Что заставляет тебя думать, что у дерева меньше души, чем у тебя? — спросила Ронго. — То, что оно не разговаривает? Но ведь то же самое говорит о тебе мисс Гвин…

Глория смущенно улыбнулась.

— Или что оно не защищается, когда по нему стучат топорами? Может быть, у него на то свои причины?

— Что за причины? — упрямо поинтересовалась Глория. — Какие могут быть причины, чтобы позволить себя убить?

Ронго пожала плечами.

— Не меня спрашивай. Спрашивай дерево.

Глория прислонилась к твердой коре южного бука и попыталась почувствовать силу дерева. Ронго заставляла ее поступать так со всевозможными растениями, а также с камнями и ручьями. Глория делала это, потому что ей нравилось спокойствие, которое источали все эти… Существа? Вещи? Ей нравилось проводить время с Ронго. И всеми ее духами.

Ронго закончила церемонию и принялась вещать о пользе цветков *ронгоа*.

— Напиток помогает от боли в горле, — поясняла она. — А еще из него можно готовить мед…

— А почему ты все это не записываешь? — Глория отстранилась от дерева и пошла рядом с Ронго через негустой лесок. — Тогда это все могли бы прочесть.

— Только если они учились читать, — уточнила Ронго. — Иначе им придется просто спрашивать у меня. — Женщина улыбнулась. — Но когда я была в твоем возрасте, я думала точно так же. Я даже предложила записать все это своей бабушке, Матахоруа.

— И она не захотела? — спросила Глория.

— Она не видела в этом смысла. Если кому-то не нужно знание, то не стоит себя и утруждать. Если кто-то хочет научиться, должен потратить на это время. Так он станет *тохунга*.

— Но если все записать, то можно сохранить знание для потомков.

Ронго рассмеялась.

— Так думают *пакеха*. Вы всегда хотите все сохранить, записать — и тем быстрее все забываете. Мы храним знание в себе. В каждом. И оно живо. *И нга ва о муа*… ты знаешь, что это означает?

Глория кивнула. Это выражение она знала. Дословно оно означало следующее: «До времени, которое придет». Однако на самом деле оно обозначало прошлое — к бесконечному удивлению *пакеха*, которые пытались учить маори. Сама Глория никогда прежде не задумывалась об этом. Но сейчас почувствовала, как в ней закипает гнев.

— Жить в прошлом? — мрачно спросила она. — Постоянно касаться того, что больше всего хочется забыть?

Ронго потянула ее за собой, усадила рядом на валун и нежно провела рукой по волосам. Она знала, что речь сейчас идет не о том, как получить мед из цветов *ронгоа*.

— Если ты потеряешь воспоминания, то потеряешь себя, — мягко произнесла она. — Твоя история делает тебя тем, кто ты есть.

— А если я не хочу этим быть? — спросила Глория.

Ронго взяла ее за руку.

— Да ведь твое путешествие еще далеко не окончено. Ты продолжаешь собирать воспоминания. Ты меняешься… Это еще одна причина, почему мы ничего не записываем, Глория. Потому что записать — это навеки. А теперь покажи мне дерево, с которым ты недавно разговаривала.

Глория наморщила лоб.

— И как я должна его найти? Здесь дюжины южных буков. И все выглядят одинаково.

Ронго рассмеялась.

— Закрой глаза, дочка, оно позовет тебя…

Глория все еще злилась, но выполнила указание пожилой женщины. Вскоре она уверенно пошла к своему дереву.

Ронго Ронго улыбалась.

Глория тяжко справлялась с воспоминаниями, но жить было легче, когда она находилась в своей маорийской семье. При этом Гвинейра не задавала вопросов и было видно, что она пытается воздержаться от того, чтобы критиковать правнучку. Однако Глории постоянно казалось, что в ее глазах она читает неодобрение, а в голосе слышит упрек.

Марама покачала головой, когда девушка поделилась с ней размышлениями.

— Твои глаза и глаза мисс Гвин одинаковые. И ваши голоса можно спутать…

Глория хотела сказать, что это чушь. У нее самой были фарфорово-голубые глаза, а глаза Гвинейры по-прежнему были восхитительного лазурного цвета, который она передала по наследству своей внучке Куре. У голосов двух женщин тоже было мало общего — у Гвинейры он был значительно выше, чем у Глории. Но она давно уже поняла, что слова Марамы нельзя воспринимать буквально.

— Ты поймешь, — спокойно произнесла Ронго, когда Глория пожаловалась ей. — Не торопись…

— Не торопи ее, — сказала Марама своим певучим голосом.

Она сидела напротив Гвинейры в *варенуи*, деревенском доме для собраний. Обычно она принимала свекровь без церемоний, на улице, но сегодня дождь лил как из ведра. Однако Гвинейра знала этикет. Она без труда выучила *каранга*, приветственный ритуал перед входом в дом собраний, без напоминания сняла обувь и не стала жаловаться на артрит,

садясь на пол.

— Почему ты не хочешь отпустить ее? У нас с ней ничего не случится.

Поводом для визита Гвинейры стала последняя «безумная идея» ее правнучки Глории. Племя маори собиралось кочевать, и Глория настаивала на том, чтобы присоединиться к ним.

— Да знаю я. Но она должна снова привыкнуть к жизни в Киворд-Стейшн! А это не удастся, если она несколько месяцев будет бродить вместе с вами. Марама, если причины экономические…

— Нам не нужны подачки!

Редко бывало, чтобы Марама повышала голос, но последние слова Гвинейры задели ее гордость. Действительно, причины того, что племена Южного острова кочевали, были по большей части практического характера. Они поступали так гораздо чаще, чем маори Северного острова, на родине которых условия для ведения сельского хозяйства были лучше. На Южном острове урожаи зачастую были небольшими, а если весной припасы заканчивались, племя отправлялось в путь, чтобы прожить несколько месяцев за счет охоты и рыбной ловли.

Однако Марама и ее племя не стали бы говорить о «нужде». Земля давала достаточно пропитания. Поэтому скорее племя кочевало, подчиняясь традиции. Для младших это было приключением, для старших — удовольствием. Кроме того, в таком путешествии маори видели сакральный смысл. Они становились ближе к земле, превращались в единое целое с горами и реками, дававшими им пропитание и кров. Дети знакомились с отдаленными, важными с духовной точки зрения местами, укреплялась связь с Те вака а Мауи.

Гвинейра закусила губу.

— Да, я знаю, но… Что с Вирему, Марама? Маака говорит, что она с ним общается…

Марама кивнула.

— Да. Я тоже заметила. Он единственный мужчина, с которым она время от времени разговаривает. Последнее тревожит меня, первое — нет.

Гвинейра глубоко вздохнула. Было видно, что она с трудом сохраняет спокойствие.

— Марама! Ты же знаешь Тонгу. Это не приглашение на прогулку с племенем, это ухаживание за невестой. Он хочет спарить Глорию с Вирему!

Марама пожала плечами. В своем спокойствии она до сих пор напоминала ту девушку, которая восприняла свою собственную любовь и поначалу некоторую отстраненность Пола Уордена так же спокойно, как

летний дождь.

— Если Глория любит Вирему, ты не разлучишь их. Если она не любит Вирему, Тонга не поженит их. Он не может заставить их лечь рядом в общинном доме. Так что предоставь Глории право решать!

— Я не могу! Она… она наследница! Если она выйдет замуж за Вирему…

— Тогда земля по-прежнему будет принадлежать не Тонге и племени, а детям Глории и Вирему. Может быть, они станут первыми баронами с кровью маори в жилах. Может быть, они вернут землю племени. Ты этого уже не увидишь, мисс Гвин, да и Тонга тоже. Но горы будут стоять, и ветер будет играть в кронах деревьев… — Марама сделала жест, означавший подчинение воле богов.

Гвинейра вздохнула и принялась теребить волосы. Женщина строго зачесывала их наверх, как приличествовало ее возрасту, но, как всегда, когда она волновалась, из прически выбивалось много мелких прядей. Гвинейра никогда не была хладнокровной. И теперь она испытывала жгучее желание что-нибудь разбить. Больше всего — строго охраняемую булаву вождя Тонги, знак его власти.

— Марама, я не могу допустить этого. Я должна…

Марама грациозным жестом заставила ее замолчать. Она выглядела строже, чем обычно.

— Гвинейра МакКензи, — твердо произнесла она. — Я оставила тебе обоих детей. Сначала Куру, потом Глорию. Ты воспитала их в духе *пакеха*. И смотри, что из этого получилось.

Гвинейра сверкнула глазами.

— Кура счастлива!

— Кура — бродяга в чужой стране… — прошептала Марама. — Без корней. Без племени.

Гвинейра была уверена в том, что Кура считает совершенно иначе, но с точки зрения Марамы, чистокровной маори, которая жила в согласии со своей землей, ее дочь была потеряна.

— А Глория… — Гвинейра не договорила.

— Отпусти Глорию, Гвин, — мягко произнесла Марама. — Не стоит совершать еще больше ошибок.

Гвинейра устало кивнула. Внезапно она почувствовала себя старой. Очень старой.

На прощание Марама прижалась лбом и носом к лицу Гвинейры. Это выглядело гораздо более интимным и утешительным, чем обычно бывало во время официальных приветствий.

— Вы, *пакеха*… — пробормотала она. — Все ваши дороги должны быть ровными и прямыми. Вы отвоевываете их у земли, не слушая ее стонов. А ведь извилистые каменистые тропки чаще всего оказываются короче, если идти по ним с миром…

Глория шла за Марамой по колено в мокрой траве. Дождь лил уже много часов без остановки, и даже Нимуэ эта долгая прогулка постепенно начала надоедать. Мужчины и женщины племени стоически продвигались вперед, погруженные в себя. Смех и болтовня, обычные для маори, когда они коротали время пути, давно стихли. Глория спрашивала себя, единственная ли она здесь, кому хочется оказаться в сухой уютной квартире. А может, остальных поддерживают какое-то знание и чувство общности, которых сама она испытывать не в состоянии? Спустя три дня марша по довольно влажной погоде ей уже почти надоело собственное приключение. А ведь она с таким нетерпением ждала, когда они тронутся в путь, — с тех пор, как Гвинейра наконец дала согласие. Глории стоило бы расценить это как триумф, но прабабушка выглядела при этом такой грустной, старой и обиженной, что она чуть было не осталась дома.

— Я отпускаю тебя, потому что не хочу потерять тебя, — сказала Гвинейра. Обычно такие слова можно было услышать от Марамы. — Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь.

После этого совместная жизнь стала еще тяжелее. Глория пыталась подпитывать свою злость и неприятие, но совесть все же мучила ее. Больше всего злило то, что она снова чувствовала себя ребенком.

На прощание она не позволила обнять себя, но обменялась с Гвинейрой нежным *хонги*, что, вообще-то, представляло собой более интимный жест. Она чувствовала морщинистую кожу Гвинейры, сухую, но теплую, с запахом меда и роз. Этим мылом бабушка пользовалась еще тогда, когда Глория была маленькой; она вспомнила объятия-утешения. От Джека пахло иначе — кожей и жиром для копыт. И почему она думает сейчас о Джеке?

Глория перевела дух, когда племя наконец-то тронулось в путь, и первые часы путешествия показались ей прекрасными. Она смеялась с остальными, чувствовала себя свободной и открытой для новых впечатлений — и защищенной своим племенем. По традиции женщины и дети шли в центре группы, мужчины — по бокам. Они несли копья и снаряжение для охоты; женщины тащили гораздо более тяжелые тенты для палаток и сковородки. Через несколько часов Глория стала задаваться вопросом, справедливо ли это.

— Но они же должны двигаться! — пояснила ей Пау. — Если на нас кто-нибудь нападет…

Глория закатила глаза. Они все еще находились на территории Киворд-Стейшн. Да и дальше, на высокогорье МакКензи, не было ни одного враждебного племени. Никто не угрожал нгаи таху. Но, может быть, пора прекращать мыслить, как *пакеха*.

О тяготах путешествия до момента отправления Глория вообще не думала. Она считала себя крепче всех остальных; она ведь пересекла пустыни Австралии, причем зачастую шла на своих двоих. Но тогда ее гнали вперед воля и отчаяние; она не испытывала чувств, только цель вела ее вперед.

Однако Кентерберийская равнина, постепенно переходившая в предгорья Южных Альп, была другой. Здесь было не сухо и жарко, а влажно и холодно — по крайней мере так казалось промокшим путникам. Уже спустя несколько часов пути пошел дождь и куртка Глории, ее рубашка и бриджи промокли насквозь. Маори чувствовали то же самое, но не собирались останавливаться из-за дождя. Только вечером они поставили импровизированные палатки, и женщины попытались развести костер. Результат получился удручающий.

Наконец люди в поисках тепла стали жаться друг к другу — только Глория почти с испугом отодвинулась от всех и, сидя в сторонке, завернулась в свое почти негнущееся от влаги одеяло. О ночевке в общей палатке она как-то раньше не думала — при этом девушка, конечно же, знала, что дома племя тоже спит в одном доме. Теперь же она по нескольку часов лежала без сна, прислушиваясь к издаваемым другими людьми звукам, стонам, храпу, а иногда слышала сдерживаемое хихиканье и негромкие вскрики страсти любившей друг друга пары. Глории хотелось сбежать, но на улице по-прежнему шел дождь.

Плохая погода держалась и на протяжении последующих дней. Глория мимоходом подумала, захочет ли Гвинейра и ее помощники занести сено, если так будет продолжаться и дальше. В остальном же ей хватало собственных проблем. Обувь — сапоги «Jodhpur», которые она, вообще-то, всегда считала очень подходящими для верховой езды и работы на ферме, — постепенно начала расползаться от постоянной влажности. Маори смеялись над этим. Они ходили босиком и советовали Глории поступить так же. Наконец девушка решилась и действительно сбросила мокрые сапоги, но она не привыкла к продолжительной ходьбе босиком, поэтому все время мерзла и чувствовала себя ужасно.

На пятый день Глория окончательно перестала понимать, зачем она

променяла свою спокойную и сухую комнату в Киворд-Стейшн на все это. Она с благодарностью приняла кусок брезента, который принес ей Вирему, видя ее мучения. Теперь она хотя бы немного была защищена от непогоды. Молодой маори выглядел таким же недовольным и замерзшим, как и Глория, но, конечно же, не признавался в этом. Вирему тоже воспитывался, как *пакеха*. Годы в интернате в Крайстчерче не прошли бесследно. Глории казалось, что она почти чувствует, что парень тоже жалеет о своем решении кочевать вместе с племенем. Он хотел стать врачом, а теперь бродит в глуши и мокнет под дождем. Она бросила взгляд на Тонгу, который со спокойным достоинством шел впереди соплеменников.

— Может быть, мы остановимся чуть раньше? — в отчаянии спросила Глория. — Я не понимаю, что вас гонит… — Она умолкла, осознав, что допустила бестактность. Нельзя было говорить «вас». Нужно научиться думать о нгаи таху и о себе как о «нас», если она хочет быть частью их. А ей ничего не хотелось так сильно, как быть с ними…

— У нас заканчиваются припасы, Глори, — пояснил Вирему. — Мы не можем охотиться, по такой погоде ни один заяц не высунется из норы. А река волнуется слишком сильно, рыбы не пойдут в ловушки. Поэтому мы идем к озеру Текапо[13].

Племя уже несколько часов шло вдоль Текапо-ривер, которая из-за дождей действительно превратилась в сметающий все на своем пути поток.

У озера, пояснил Вирему, они будут стоять лагерем несколько дней, а может быть, и недель. Там достаточно рыбы и лесов, где полно дичи.

— Мы разбиваем лагерь в тех местах с незапамятных времен, — улыбался Вирему. — Поэтому и озеро так назвали: *така* — циновка для сна, *по* — ночь.

Именно такую, по возможности сухую и постеленную на полу прочного дома, Глории очень хотелось иметь сейчас, но она ничего не сказала, пытаясь приноровиться к шагу остальных.

К вечеру дождь наконец поутих.

— У озера дождь почти никогда не идет, — сказала Ронго. — Да и как мог бы Ранги плакать при виде такой красоты…

И действительно, в последних лучах заходящего солнца озеро Текапо было до умопомрачения красивым. Равнинные пастбища граничили с северным берегом, на другой стороне озера величественно вздымались Южные Альпы. Вода сверкала темной лазурью — в лучах солнца она должна была светиться. Женщины племени приветствовали озеро пением и смехом, а Ронго мирно зачерпнула первую воду. На этот раз даже удалось развести костер на берегу. Мужчины разбежались охотиться, и хотя добыча

оказалась скудной, у костра давали жареную рыбу и хлебные лепешки из последних запасов муки. Марама и некоторые другие женщины достали инструменты из более-менее защищенных от дождя мешков и начали праздновать приход к озеру. Конечно же, палатки и циновки были еще влажными, когда племя наконец стало готовиться ко сну, но маленький праздник подбодрил людей. Многие мужчины и женщины предавались любви. Глории стало противно, и она решила выйти.

Закутавшись в одеяло, Глория выбралась из палатки. Небо над озером было совершенно черным, но на вершинах гор еще лежал снег. Девушка смотрела вверх и пыталась стать единым целым с природой, как советовала ей Ронго. С небом, озером и горами это было несложно. А с племенем не получится, наверное, никогда…

Услышав шаги за спиной, она испугалась. Вирему.

— Не можешь уснуть?

Глория не ответила.

— Поначалу, когда я вернулся из города, мне тоже было трудно. Но в детстве мне это нравилось. — По его голосу было слышно, что он улыбается. — Мы переползали от одной женщины к другой, одна рука всегда была свободна.

— Моя мать не хотела меня, — сказала Глория.

Вирему кивнул.

— Я слышал об этом. Кура была другой, я ее почти не помню…

— Она красивая…

— Ты красивая. — Вирему подошел к ней ближе и поднял руку. Он хотел прикоснуться к ее лицу, но Глория отпрянула.

— *Many?* — мягко поинтересовался он.

Глория не могла шутить на этот счет. Насторожившись, она стала пятиться назад к палатке.

— Ты можешь спокойно повернуться спиной. Я не стану нападать сзади. Что с тобой, Глория? — Вирему пошел за ней, схватил за плечо, но напряжение не позволяло Глории отличить нежное прикосновение от враждебного. Только не ночью.

Девушка молниеносно выхватила нож. Увидев его блеск, Вирему пригнулся, упал на землю и перекатился через плечо.

Глория испуганно наблюдала за тем, как он снова ловко вскочил на ноги и с ужасом посмотрел на нее.

— Глори…

— Не трогай меня! Никогда больше не прикасайся ко мне!

Вирему услышал панику в ее голосе.

— Глория, ведь мы же были друзьями. Я ничего не хотел тебе сделать. Слушай, посмотри на меня! Это я, Вирему, разве ты забыла? Неудавшийся доктор.

Глория постепенно приходила в себя.

— Мне очень жаль, — негромко сказала она. — Но я… я не люблю, когда ко мне прикасаются.

— Так нужно было просто сказать. Глория, я ведь понимаю, что такое *many*, и ты это знаешь. — Вирему уже снова улыбался, поднимая ладони. Жест мира.

Она робко кивнула. Бок о бок, но не прикасаясь друг к другу, они пошли обратно к палатке.

Тонга, спавший отдельно от племени, видел их возвращение и удовлетворенно откинулся на спину.

Погода на озере действительно была лучше, чем внизу, на равнине, но дождь все равно шел довольно часто. Нгаи таху не приходилось голодать; здесь хватало и рыбы, и мяса, так что люди наедались. Глория сопровождала Ронго в поисках лекарственных растений. Она училась обрабатывать лен, слушала истории Марамы о Харакеке, боге льна, внуке Папа и Ранги. Кроме того, женщины рассказывали о богах озер и гор, описывали путешествия Купе, первооткрывателя Аотеароа, и его сражения с огромными рыбами и земными чудовищами.

Иногда они встречали другие племена, устраивали длительные *похири* — приветственные церемонии, расписанные до мельчайших подробностей, — а потом праздновали. И тогда Глория танцевала с остальными и дудела в *коауау* под боевую *хака* девушек. Она забывала о своем постоянном страхе сделать что-то не так. Марама и другие женщины не упрекали своих учениц, они терпеливо объясняли. Мелкие ссоры между девочками никогда не получались такими ожесточенными, как в интернате, уже хотя бы потому, что взрослые не имели привычки вмешиваться. Глория научилась отличать добродушные насмешки девочек-маори от безжалостных издевок бывших одноклассниц и в конце концов стала просто смеяться, когда Пау поддразнивала ее, говоря, что ее самодельный мячик *пои пои* похож на яйцо странной птицы. Поскольку эта штука не получилась у нее полностью круглой, во время танцев она летела по странному эллипсу, а когда он попал Ани в голову, та заявила, что, наверное, это новое чудодейственное оружие.

— Только мягковат, Глори, тебе стоит попытаться делать эти штуки из *поунаму*.

После они ходили к руслу реки, а вечером Ронго показала им, как из похожего на жадеит камня вырезать подвеску в форме маленькой фигуры божка. Глория и Ани подарили друг другу по *хей-тики*, которые потом с гордостью носили на шее. Позже Вирему удивил Глорию еще более красивой подвеской — у него ведь опыта было больше.

— Вот, возьми, она должна принести тебе счастье!

Остальные девочки разболтали об этом, и Глории было неприятно. Но она доверяла Вирему. Он для нее был просто другом, не более.

Глория наслаждалась днями, проведенными в кругу своей новой семьи, — однако ночи в общей палатке по-прежнему были для нее мучительны. Если позволяла погода, она выбиралась наружу и спала на открытом воздухе, но при этом просыпалась от каждого шороха. Девушка могла сколько угодно говорить себе, что здесь ее не подстерегут ни крокодилы, ни змеи, как тогда, в Австралии, но страх сидел глубоко. А в эти теплые летние ночи звуков было много. Девушки и юноши уходили из палатки или уединялись, когда племя еще сидело у костра. И они любили друг друга в пиниевом лесу или же в траве за скалами.

Глория боялась мужчин, которые вставали ночью по нужде. Она знала, что они не желают ей зла, но одного силуэта мужчины на фоне озера было достаточно, чтобы сердце ее начинало колотиться как безумное.

Если ночь выдавалась не слишком теплой, а Глория все равно выходила из палатки и устраивалась неподалеку, дрожа и кутаясь в свое влажное одеяло, к ней присоединялся Вирему. Он садился на почтительном расстоянии, и они разговаривали. Вирему рассказывал о том, как учился в Крайстчерче. Каким одиноким чувствовал себя поначалу и как приходил в отчаяние, когда остальные дразнили его.

— Но тебе же нравилось! — удивлялась Глория. — Ты ведь даже хотел остаться и продолжить обучение.

— В школе мне нравилось. И я — сын вождя, высокий и сильный. Мне ничего не стоило проучить всех ребят-*пакеха*. Порой на меня жаловались, и тогда возникали проблемы с учителями. Но по большей части все старались помалкивать. *Мана*… ну, ты понимаешь. — Он улыбался.

Глория понимала. Он приобрел влияние в племени и в школе благодаря тому, что не уступил мучителям.

— Но ты был одинок, — заметила она.

— *Мана* всегда делает одиноким. У вождя есть власть, но нет друзей.

Это верно, Тонга всегда держится особняком. Впрочем, наверное, ему так хочется. Тонге часто приходилось напоминать своему сильно

поддавшемуся западному влиянию племени, какие *many* связаны с его достоинством.

Позже, продолжал рассказывать Вирему, он снискал уважение в школе *пакеха* благодаря хорошим успехам в учебе. И только в университете все началось сначала. Там ему встретились новые товарищи по учебе, которые еще не успели познакомиться с его кулаками. Чтобы драться и с ними, смеясь, рассказывал парень, он был «уже слишком цивилизован».

Сама Глория не любила говорить о проведенном в Англии детстве. Она немного рассказала о мисс Бличем и о том, что ее всегда интересовали растения и животные.

— Мисс Бличем считала, что мне нужно изучать естественные науки. Тогда я могла бы остаться в Данидине. Но я знаю так мало… мы только музицировали и рисовали… и смотрели на странные картины.

Глория вспомнила о Европе и Зевсе, который влюбился в нее и превратился в быка, чтобы сбежать от своей ревнивой жены. Вирему изучал в колледже латынь и немного греческий, он дополнил историю, многословно и красочно, совсем по-маорийски. Парень развлекался от души. Глория краснела, испытывая сочувствие и гнев. Ей казалось, что у соблазненной принцессы наверняка были совсем другие планы на жизнь, нежели служить игрушкой отцу богов.

В последующие дни Вирему часто приносил ей интересные экземпляры растений или насекомых, а однажды ночью разбудил ее осторожным окриком, чтобы показать киви. Парень и девушка шли на пронзительный свист ночной птицы и вскоре под кустом обнаружили робкую пичугу с коричневым оперением и длинным изогнутым клювом. На Аотеароа было много ночных птиц, особенно в предгорьях Альп, но увидеть киви было непросто. Глория доверчиво пошла за другом, чтобы понаблюдать за птицей. Вирему все чаще приглашал ее на ночные прогулки, но никогда не прикасался к ней.

Впрочем, другие девушки не упускали возможности поговорить с сыном вождя о его ночных прогулках. От взрослых женщин это тоже не укрылось. Тонга выглядел очень довольным.

Через некоторое время нгаи таху оставили озеро и пошли дальше в горы. Аораки, самая высокая гора на острове, считалась священной, и они хотели подойти к ней поближе.

— Некоторые *пакеха* поднимались на нее несколько лет назад, — рассказывала Ронго. — Но духам это не понравилось.

— Тогда почему они позволили это? — спросила Глория. Она знала о Маунт-Кук, и ей доводилось слышать об успешных экспедициях.

Ронго ответила, как и всегда:

— Не спрашивай меня, спрашивай гору.

Потом они охотились на земле МакКензи, и вечером у лагерного костра Глория действительно осмелилась рассказать историю своего дедушки Джеймса и разукрасить ее так же, как обычно делали маори. В длинных, напоминающих матрешек предложениях их языка она рассказала о встрече МакКензи с его дочерью Флёр и о том, как Джон Сайдблоссом в конце концов поймал скотокрада и посодействовал тому, чтобы его изгнали в Австралию.

— Но мой дедушка вернулся из большой страны по ту сторону моря, где земля красна, как кровь, а горы словно раскаленные угли. И жил долго.

Слушатели восхищенно зааплодировали, а Марама улыбнулась ей.

— Ты еще станешь *тохунга*, если будешь продолжать в том же духе. Но это неудивительно. Твой отец тоже был мастер красиво говорить. Хотя пользовался своим даром довольно странным образом…

Окрыленная похвалой Марамы, Глория стала упражняться в красноречии. Она увлеченно работала над своей *пепеха*, личной речью-представлением, которую может произнести любой маори, если того требует церемония. При этом нужно было назвать своих *тупуна* — предков — и описать каноэ и подробности путешествия, которое когда-то привело их на Аотеароа. Марама рассказывала Глории о племени, которое основали тогда путешественники, показывала ей места, где они жили. Особенно восхитительной была долина, похожая на естественную крепость. Сегодня она была *many*; наверное, когда-то здесь сражались несколько людей или произошло еще что-нибудь необычное. Мужчины племени боялись ходить в то место, но Ронго и Марама отвели туда Глорию и медитировали с ней у костра. А чуть позже Глория вплела точное описание скальной крепости в свою *пепеха*.

Дать детальное описание семейной ветви *пакеха* было, конечно же, труднее, и Глория назвала корабль, на котором путешествовала Гвинейра, *ава* Темза, место назначения — Киворд-Стейшн, а Уорденов *иви* — ее племенем. Наконец она ярко живописала место, где родилась, и почувствовала при этом что-то вроде тоски по дому. Нгаи таху путешествовали уже не первый месяц. И хотя Глория, судя по всему, принадлежала к племени и впервые за многие годы чувствовала, что ее по-настоящему принимают, у нее часто возникало ощущение, что она живет жизнью кого-то другого. Она играла роль девушки-маори, и, вероятно, это шло ей на пользу. Но действительно ли она хочет быть ею? Кто она? До сих

пор Глория никогда не выступала против того, что от нее ожидали. Она училась пользоваться лекарственными растениями. Училась ткать и понимать значение выпряденного узора. Готовила мясо, которое приносили мужчины. Но чем больше времени она проводила с женщинами племени, тем отчетливее понимала, что на самом деле занимается тем же самым, чем занимаются дома в кухне Моана и Кири. Хорошо, она выполняет работу по дому и готовит на свежем воздухе, но это единственное отличие. Глории же всегда гораздо больше нравилось помогать на ферме, работать с овцами и крупным рогатым скотом. Ей не хватало животных.

Конечно, маори не мешали ей присоединиться к мужчинам во время охоты или рыбной ловли. Все это позволялось и женщинам; любая девушка-маори должна была уметь постоять за себя. Однако совместная охота не практиковалась, и если девушка шла с ними, мужчины склонялись к тому, чтобы расценить это как попытку сближения. Глория не хотела так рисковать. Поначалу она пыталась убедить подруг пойти на охоту или рыбалку. Если же Пау или Ани удавалось подбить на подобную затею, совместные мероприятия с юношами быстро переходили в довольно беззастенчивый флирт. Глория невольно оказывалась втянутой в наигранные перебранки, а она этого терпеть не могла!

Поэтому она чаще всего оставалась у костра и лишь иногда ходила с Вирему ловить рыбу. Пока она училась плести вентери из тростника и веток, где оставляли наживку для рыбы, женщины в лагере говорили об их отношениях с Вирему. Вечерами ее поддразнивали, указывая на Вирему, — и на следующий день Глория снова предпочитала оставаться у палаток.

Но даже если разделить задачи мужчин было проще, чем сидеть с женщинами у огня, — Глория боролась с осознанием того, что ей не очень нравится охотиться и ловить рыбу. Конечно, она не была излишне чувствительной. В Киворд-Стейшн временами тоже забивали скот, а рыбу она ловила с самого детства. Но ей было не по душе убивать каждый день ради пропитания. У нее не хватало терпения на то, чтобы постоянно делать ловушки и проверять их, она терпеть не могла разделывать птиц или мелких грызунов, которые запутывались в них. Ей не хватало работы обычного фермера, который годами держит животных, задумывается о том, как лучше всего спарить овцу и барана, кобылу и жеребца, а потом радуется рождению, а не смерти. Глория любила заботиться о животных. Во время охоты она не получала никакого удовольствия.

Поэтому девушка не очень расстроилась, когда племя наконец отправилось в обратный путь. Тонга предпочел бы идти дальше, да и Ронго была слегка разочарована, поскольку ей хотелось показать Глории

побольше родины нгаи таху. В последнее время она часто рассказывала девушке о *тапу* и *тикага*, всех обычаях ее племени. Марама время от времени намекала на то, что, наверное, целительница видит в ней преемницу. У Ронго было три сына, но ни одной дочери.

Впрочем, лето подходило к концу, и, как бывало почти всегда у племен Южного острова, мужчины и женщины настаивали на своем — даже вопреки воле вождя и своей мудрой женщины. Осенью в Киворд-Стейшн проходил перегон скота. При этом нужны были люди, можно было заработать хорошие деньги. Кроме того, уже поспело зерно, которое посеяли женщины перед началом путешествия. Благодаря урожаю и заработанным у *пакеха* деньгам семьи смогут пережить зиму — не предпринимая утомительных путешествий и охоты в дождь и холод. Тонга мог сколько угодно говорить, что это не соответствует традициям племени и что тем самым они становятся зависимы от белых. Но возможность жить в тепле и пользоваться такой роскошью, как инструменты, кастрюли и приправы *пакеха*, были для людей важнее традиций.

Впрочем, это не означало, что они разворачиваются и возвращаются обратно на Кентерберийскую равнину. Обратная дорога тоже продолжалась много недель, в нее входило посещение святых мест и *марае* других племен. Глория уже успела наизусть выучить соответствующие церемонии. Она пела и танцевала с другими девушками без боязни и произносила свою *пепеха*, если хозяева удивлялись ее непривычной внешности. При этом ей всегда выказывали большое уважение; фантазию слушателей особенно окрыляли ее описания путешествия *пакеха* из далекого Лондона на *ава* Темзе, переход через горы новой родины, которые Хелен Дэвенпорт назвала тогда «Адскими горами». *Мана* Глории в общине росла. Она шагала среди подружек гордо и прямо, когда племя наконец вернулось на землю, которую *пакеха* все еще называли О’Киф-Стейшн. Вирему, шедший с мужчинами, время от времени улыбался ей, и она не стеснялась отвечать на его улыбку. Глория чувствовала себя в безопасности.

— Разве ты не хочешь пойти сегодня домой? — спросила Марама, удивленно глядя на праздничный маорийский наряд Глории.

Нгаи таху снова овладели своей *марае* на бывшей ферме Хелен О’Киф, и Глория вместе с остальными девушками чистила *варенуи* для предстоящих торжеств. Пау выбивала циновки для сна, Глория подметала. Другие девушки вытирали пыль с высоких идолов. Все уже были одеты в *пиу-пиу* и тканые верхние части без плеч черного, красного и белого цветов. Вопреки обыкновению природа позволила так одеться; было солнечно,

дождь прекратился. Позднее девушки станцуют приветственную *хака* перед домом собраний. Однако Марама не предполагала, что ее внучка захочет принимать в этом участие.

— Мисс Гвин услышит, что мы вернулись. Она будет ждать тебя.

Глория пожала плечами. В действительности же она разрывалась на части. С одной стороны, ей хотелось отпраздновать вместе с племенем возвращение домой, а с другой, она тосковала по своей уютной постели и комнате, где можно запереться. И ей даже немного хотелось обнять бабушку Гвин, вдохнуть ее запах роз и лаванды, поесть еды, поданной Моаной и Кири. За настоящим столом. На настоящих стульях.

— Что ты говорила о возвращении домой, Марама? — спросил Тонга. Он как раз вошел в дом, за ним шли его сыновья. Вирему шел последним. Как и все остальные, он уже был одет в традиционный костюм для праздника. Мужчины будут танцевать *хака*, чтобы приветствовать своих женщин в *варенуи*. — Здесь Глория дома. Ты хочешь отослать ее обратно к *пакеха*?

Вождь возглавлял церемонию возвращения в родную *марае* — хотя он и его семья, вообще-то, жили в деревне в Киворд-Стейшн. Впрочем, туда он собирался вернуться только на следующий день. Для Глории это был подходящий повод побыть еще со своей маорийской семьей. Пешком идти в Киворд-Стейшн далеко; было бы лучше проделать путь в группе, нежели в одиночестве. Глория улыбнулась, вспомнив о своей лошади. Она снова сможет ездить верхом. После долгого путешествия она научилась ценить эту возможность.

— Я никого никуда не отсылаю, Тонга, — спокойно ответила Марама. — Глория сама знает, что делает и с кем хочет жить. Но положено хотя бы навестить мисс Гвин и показать ей, что с девушкой все в порядке.

— Я… — Глория хотела что-то сказать, но старшие велели ей молчать.

— Я думаю, Глория уже показала и доказала, где ее место, — с достоинством заявил Тонга. — И я считаю, что сегодня ночью она должна закрепить эту свою связь с племенем. Мы уже не первый месяц наблюдаем, что Глория и Вирему, мой младший сын, проводят вместе время. Днем и ночью. Настал час разделить ложе и в присутствии семьи.

Глория вскинулась.

— Я… — она хотела что-то сказать, но голос не повиновался ей. Все обучение *вайкореро* не готовило ее к такой ситуации. — Вирему… — беспомощно прошептала она.

Вирему должен сейчас что-то сказать. Как ни хотелось ей громко выкрикнуть свое «нет», все же она была почти рада панике, которая

помешала этой спонтанной реакции. Если она отвергнет его, Вирему потеряет лицо перед племенем. Отказ должен последовать от него.

Вирему переводил взгляд с одного на другого.

— Это… так неожиданно… — запинаясь, произнес он. — Но я… что ж, Глория… — Он придвинулся ближе.

Глория умоляюще глядела на него. Судя по всему, ему было трудно признаться в том, что между ними никогда ничего не было. Глория проклинала мужскую гордость. И чувствовала, как в душе закипает гнев. Тонга поставил своего сына в невозможное положение. И ее саму, конечно, тоже. Если сын вождя получит отказ при всем племени, это не укрепит его *мана*. Вот только Глории утрата своей *мана* была совершенно безразлична — по крайней мере в отношении того, чтобы снова делить ложе с мужчиной. Но всем было все равно. Тонга не имел права просить ее вместо своего сына.

— Я… э… — Вирему все еще пытался подобрать слова.

Глория постепенно начинала тревожиться. Конечно же, по такому поводу не предполагалась определенная речь, но простого «нет, я не хочу» или, если это так уж необходимо, осторожного «дай нам время» Вирему, на ее взгляд, все же способен был произнести.

— Глория, я знаю, что мы никогда об этом не говорили. Но как хочешь… я был бы за… то есть я бы с удовольствием тебя…

Глория, застыв, как изваяние, недоверчиво смотрела на него. Все ее чувства вдруг словно вымерли. Она не видела ничего вокруг себя, только этого мужчину, которому она доверяла. И который как раз намеревался предать ее.

— Мы ведь можем сделать это для проформы… — прошептал он ей по-английски. — То есть мы должны провести первую брачную ночь перед племенем… — Вирему достаточно долго воспитывался среди *пакеха*, чтобы это было неприятно и ему тоже.

— Тогда, значит, решено! — обрадовался Тонга. — Мы отпразднуем это сегодня ночью. Глория, тебя будут приветствовать в этом *варенуи* как принцессу… — Вождь сиял.

Вирему неуверенно переминался с ноги на ногу. *Пакеха* в нем дожидался необходимого «да» от невесты.

Но внутри Глории будто что-то разбилось. Вне себя от гнева, она сорвала с шеи льняной шнурок с *хей-тики* Вирему и бросила ему под ноги.

— Вирему, ты был мне другом! Ты клялся мне, что никогда не прикоснешься ко мне! Ты говорил мне, что девушка-маори может выбирать. А теперь собираешься лечь со мной перед всем племенем, даже

не спросив моего мнения?

Глория обнажила нож, хотя никто не угрожал ей. Ей просто необходимо было ощутить холодную сталь, ей нужно было что-то, чтобы чувствовать себя уверенно. При этом, в принципе, она выглядела смешно, поскольку стояла в окружении мужчин, вооруженных копьями и боевыми топорами. Конечно же, это было ритуальное оружие, но тем не менее оно было острым.

В этот миг Глория чувствовала, что стоит перед лицом целой армии. Она уже не испытывала страха, осталась лишь одна ярость, клокочущая ярость. Однако впервые в жизни гнев уже не лишал ее дара речи. Она не стала молчать, не боролась со словами. Внезапно она поняла, что должна сказать. Глория осознала, кто она.

— А ты, Тонга, ты считаешь, что я должна укрепить свою связь с племенем? Я могу быть частью этой земли только в том случае, если буду с вами? Значит, слушайте ее, мою *пепеха! Пепеха* Глории — не дочери Курымаро-тини, не внучки Джеральда Уордена. Не маори, не *пакеха*.

Глория выпрямилась, дожидаясь, пока вокруг нее соберутся все. В *варенуи* уже пришли и другие мужчины и женщины. Было время, когда одно только такое количество слушателей лишило бы Глорию дара речи. Но она давно переросла это. Запуганной ученицы «Оукс Гарден» уже не существовало.

— Я Глория, и тот ручей, что протекает в миле к югу отсюда, ограничивает землю, связывающую меня со Здесь и Сейчас. *Пакеха* называют это Киворд-Стейшн, а меня они называют наследницей. Но у этой девушки, у Глории, нет *тупуна*, нет предков. Женщина, которая называет себя моей матерью, продает песни своего народа ради славы и денег. Мой отец никогда не давал мне земли — может быть, потому что его отец когда-то изгнал его оттуда. Своего деда я не знаю, история моих предков пропитана кровью. Но я, Глория, приехала на Аотеароа на «Ниобе». Я пересекла океан боли, путешествовала с потоками слез. Я приставала к чужим берегам, прошла через страну, где сгорела моя душа. Но я здесь. *И нга ва о муа* — время, которое настанет и которое миновало — найдет меня на земле между озером и кругом каменных воинов. На моей земле, Тонга. И никогда больше не смей оспаривать ее у меня! Ни словами, ни поступками, не говоря уже о нечестной игре!

Глория сверкала глазами, глядя на вождя. Когда позже нгаи таху рассказывали об этом вечере, они говорили об армии разъяренных духов, которые придавали ей сил.

Самой Глории не нужны были духи. И она не ждала ответа. С высоко

поднятой головой она покинула *варенуи* своего племени.

И побежала только тогда, когда за ней закрылась дверь.

Мир

Данидин, Киворд-Стейшн, Крайстчерч

1917–1918

1

Джек МакКензи вглядывался в горизонт, на котором постепенно проступала белая дымка. Новая Зеландия — страна белых облаков. Судя по погоде, Южный остров предстанет перед ним сегодня так же, как когда-то перед переселенцами с Гавайки. Стоявшие вокруг мужчины радостно приветствовали родную землю. Капитан велел сказать всем, что они приближаются к месту назначения, и те, кто мог ходить или передвигаться в инвалидной коляске, высыпали на палубу. Вокруг Джека смеялись люди, некоторые плакали. Для многих ветеранов Галлиполи возвращение домой было приправлено горечью, и никто из них уже не был таким же, каким он когда-то уходил на войну.

Джек смотрел на воду, от волн кружилась голова. Может, думал он, лучше снова спуститься в каюту; вид находившихся вокруг него мужчин расстраивал его. Все эти мальчишки, которым отстрелили руки и ноги, которые возвращались с войны слепыми и хромыми, больными и немыми, вызывали не только чувство жалости, но и наполняли душу неизбывной грустью. Он помнил, как они уходили на войну — распевая песни, смеясь и размахивая руками. Все впустую. Спустя две недели после последней атаки, во время которой был ранен Джек, войска из Галлиполи отозвали. Турки победили — но они тоже полили свою землю кровью. Джек чувствовал в теле свинцовую тяжесть. Как и прежде, приходилось заставлять себя делать каждое движение, вот и сегодня он вытащился на палубу только потому, что на этом настоял Роли. Первый взгляд на родину — Аотеароа. Джек подумал о Шарлотте. Стало зябко.

— Вам холодно, мистер Джек? — Роли О’Брайен заботливо набросил одеяло на плечи Джека. На палубе было довольно свежо. А там, на побережье Галлиполи, скоро снова начнет печь солнце. — Сейчас сестры принесут горячий чай. Ведь люди заходят остаться на палубе, пока по-

настоящему не покажется земля. Это так волнующе, мистер Джек! Интересно, сколько пройдет времени, прежде чем мы причалим?

— Просто Джек, Роли… — устало произнес Джек. — Сколько тебе повторять? И пройдет не один час, прежде чем мы причалим. До земли еще много миль. Ее пока вообще не видно. Только висящий над ней туман.

— Но она скоро появится, мистер Джек! — весело воскликнул Роли. — Мы возвращаемся домой! Мы живы, мистер Джек! Видит Бог, бывали дни, когда я уже не верил в это! Порадуйтесь же хоть немного, мистер Джек!

Джек попытался улыбнуться в ответ, но почувствовал только усталость. Может быть, не так и плохо было бы вечно спать… но потом он обругал себя за неблагодарность. Он не хотел умирать. Просто искушал Бога. И теперь достиг точки, когда ему самому стало это безразлично…

Тем, что он выжил, Джек МакКензи был обязан цепочке счастливых случайностей, но в первую очередь Роли О’Брайену и маленькой собаке. Роли и его спасательный отряд воспользовались временем между двумя волнами атакующих, чтобы забрать убитых с поля боя — или, точнее сказать, с ничейной земли, на которой турки расстреливали АНЗАК, словно зайцев. Атака с самого начала была обречена на поражение; Джек и остальные ветераны турецкого наступления могли сразу сказать это Верховному командованию. Весной они устроили стрельбу по мишеням в лице наступающего врага — в августе ситуация сложилась с точностью до наоборот; но, возможно, ничего не вышло бы и даже с сотней тысяч. Уже после первой волны атакующих равнина была усеяна убитыми и ранеными, и только благодаря дружелюбию турок спасательные отряды ушли целыми и невредимыми. Британцы вообще выстроили настоящие баррикады из тел, которые нельзя было перебежать. Не было сомнений, что и десятая, и даже двадцатая волна атакующих захлебнулась бы под вражеским огнем, — пока у турок оставались боеприпасы. А снабжение из Константинополя работало безупречно. В любом случае турки чувствовали себя в безопасности, а потому великодушно разрешили вражеским санитарам поработать на поле.

Однако Джек не выжил бы, если бы его не нашел именно Роли. Во время подобных сражений ресурсы были ограничены. Уже сами спасательные отряды решали, кого из раненых можно спасти, а кого с тяжким сердцем оставляли умирать. Простреленное легкое относилось к последней категории. Даже если бы штабные врачи могли оперировать спокойно, выживала лишь малая доля раненых. Когда же поспешно

оказывали первую помощь, а совсем рядом кипела война, шансов практически не было.

Однако Роли не хотел верить в это. Несмотря на то что его люди качали головами, он настоял на том, чтобы уложить Джека МакКензи на носилки и вынести за линию обстрела.

— Торопитесь! — подгонял он санитаров. — И не сгружайте его в окоп, это только задержит доставку. Его нужно срочно на стол. Я отнесу его на берег…

Роли знал, что превышает полномочия, но ему на это было наплевать. Мистер Джек должен жить — молодой человек точно знал, кому обязан своим спасением от военного трибунала. Поэтому он подозвал санитаров и велел нести носилки с Джеком дальше, на берег, куда попада́ли только те, у кого были реальные шансы выжить. Об остальных заботились позже, если это было еще необходимо. Роли и его люди влились в поток санитаров, которые несли по траншеям носилки с кричащими, стонущими или потерявшими сознание мужчинами. Мимо бледных как смерть молодых солдат, сидевших в резервных окопах и дожидавшихся своего часа, которые уже прекрасно понимали, что им предстоит. Смеялись и шутили лишь немногие.

— Можете поставить его здесь, — тяжело дыша, произнес Роли.

Он заставил своих людей бежать, как только они приблизились к пляжу. И теперь они наконец входили в полевой лазарет. Снова отбор: здесь решали врачи, кто первым попадет на операционный стол, а в чьем случае это имеет мало смысла. Последнее случалось довольно редко. Тем, кого донесли сюда, обычно оказывали врачебную помощь.

Только вряд ли с такой раной, как у Джека.

— А теперь убирайтесь обратно, на фронт. Я догоню. Но мне нужно найти командующего Бистона. Вперед… чего вы ждете?

Санитары, почти еще мальчишки, устало смотрели на него. Они явно предпочли бы остаться, хотя в палатке царил сущий ад. Пахло порохом и эфиром, лизолом и экскрементами. Люди кричали и плакали, песок пропитался кровью. Но здесь хотя бы не стреляли и не валились одно за другим искромсанные пулями тела.

— Идите! — приказал Роли своим людям. — И… большое спасибо!

Санитары, постепенно придя в себя, побежали туда, где не умолкал грохот орудий. На этот раз в другую сторону. Носилки они не забрали. Тем лучше. Не придется тратить время на то, чтобы перекладывать на одну из полевых коек.

Роли проверил у Джека пульс, вытер с губ пузырящуюся кровь.

Раненый был жив — но если не случится чудо, ему оставалось недолго.

— Я скоро вернусь. Держитесь, мистер Джек!

Роли не хотелось оставлять раненого одного. Если сейчас его увидит кто-нибудь из врачей и прикажет перенести умирать в какую-нибудь палатку, в таком хаосе он не найдет его никогда. Но приходилось рисковать.

— Командующий Бистон! — Роли бегал между палаток в поисках врача.

Но прежде чем ему удалось найти штабного врача, Джека нашел Пэдди.

Командующий Бистон любил своего пса, однако в такие дни, как сегодня, терял его из виду. У него не было времени на то, чтобы тревожиться о благополучии маленькой полукровки; часто врач лишь к вечеру вспоминал о том, что давно не видел Пэдди. Шум битвы все еще пугал животное, а кровь и суматоха в госпитале довершали это дело. Пэдди бесцельно носился по лагерю, время он времени получал пинка, если попадался кому-то под ноги, выл и заползал в какое-нибудь укрытие. Но от страха долго не выдерживал и снова отправлялся на поиски утешающей руки.

В этот день все складывалось особенно плохо, поскольку в госпитале были почти одни чужаки. Постоянные санитары пошли в спасательные отряды, врачам помогали только новички — и ни у кого из них не нашлось ни одного приветливого слова для маленького песика. Кроме того, доктор Бистон оперировал не первый час, а в операционную палатку Пэдди не пускали. Песик беспомощно выл под дверью, прокрадывался внутрь, но его снова вышвыривали. А потом он вдруг почуял знакомый запах. Заскулив, Пэдди прижался к руке Джека МакКензи, безвольно свисавшей с носилок. Хоть старый друг Пэдди и не собирался гладить его, но он хотя бы был рядом. Впрочем, что-то явно было не в порядке. Пэдди чувствовал запах крови и смерти. Он сел рядом с Джеком на задние лапы и душераздирающе завыл.

— Что там стряслось у этой шавки? Это же невыносимо! — Один из молодых санитаров бросил взгляд на Джека и хотел расстегнуть его форменную курточку, но Пэдди зарычал на него.

— Еще лучше, теперь эта тварь меня покусает! О чем только думает командующий, когда позволяет ему здесь бегать? Доктор Бистон! — Молодой человек позвал врача, который как раз выходил из операционной и устало оглядывался по сторонам. Бесконечный поток новых операций…

Доктор Бистон размышлял о том, как бы ему сделать хотя бы глоточек

чаю.

— Командующий Бистон? Ваш пес… э… — Молодой санитар в последний момент осознал, что штабной врач может отправить его прямиком на фронт, если он сейчас скажет что-то не то. Он не любил собак, но жизнь ему еще не надоела. — Вы не могли бы… э… забрать свою собаку? Он мешает нам работать.

Доктор Бистон удивленно подошел ближе. Пока что ему еще никто не жаловался на Пэдди. Да, бывало, что пес путался под ногами, но…

— Он не пускает меня к раненому, сэр! — доложил санитар. — Я мог бы… — Он снова потянулся к куртке Джека, но Пэдди попытался схватить его за ногу.

Доктор Бистон подошел к носилкам.

— Это еще что такое, Пэдди? Подождите, это же…

Врач узнал Джека МакКензи и сам разорвал на нем рубашку.

— Ранение в легкие, сэр! — диагностировал юный капрал. — Для меня загадка, зачем его вообще сюда принесли. Это ведь безнадежно…

Доктор Бистон сверкнул глазами.

— Большое спасибо за экспертную оценку, молодой человек! — заявил он. — Вам же лучше знать. А теперь в операционную парня! Быстро! А мнение свое держите при себе!

Роли впал в панику, когда по завершении бесплодных поисков доктора Бистона не обнаружил Джека там, где оставил его. Только Пэдди, сидевший на том месте, заскулил при виде Роли.

— Куда же он мог подеваться, Пэдди? Может быть, ты поищешь его? Нашего мистера Джека? Да от тебя тоже никакого толку!

— Кого вы ищете, рядовой? — поинтересовался проходивший мимо молодой капрал. — Того, с легочным ранением? Он в операционной. Личный приказ Бистона. С недавних пор у нас домашние животные стали решать, кто попадет в руки шефу…

Роли не вернулся на фронт. Его мучила совесть, но он заглушал ее тем, что приносит пользу в госпитале, в ожидании, когда доктор Бистон закончит оперировать. Опытного санитара увидел доктор Пинтер, другой штабной врач, и отправил его к своему операционному столу. Доктор Пинтер был ортопедом. К нему попадали солдаты с разорванными ручными гранатами и минами конечностями. После пятнадцатой ампутации Роли перестал считать. Когда он вышел из госпиталя с третьим мешком разорванных конечностей, он уже не спрашивал о Джеке. По-прежнему прибывали раненые. Никто не вспомнит определенного

человека. Судьба Джека была теперь не в руках Роли. Придется подождать, пока все успокоится, а потом приниматься за поиски.

Выстрелы стихли лишь поздно ночью, а когда доктор Пинтер наконец отправил последнего раненого в госпитальную палатку, уже светало.

— Они ведь не будут больше атаковать, правда? — спросил врач капитана.

У молодого офицера была рука на перевязи. Он поглядел на доктора Пинтера пустыми глазами.

— Не знаю, сэр. Никто ничего не знает. Майор Холлендер погиб еще вчера, военное командование пока совещается. Но если вы спросите меня, сэр, то скажу… битва проиграна. Весь этот проклятый берег потерян. И если у генералов осталась хоть толика разума, они свернут все это…

Роли думал, что врач отругает молодого офицера, но доктор Пинтер только покачал головой.

— Не наговорите лишнего, капитан! — мягко произнес он. — Лучше молитесь…

Но никто не услышал молитв врачей и фронтовых солдат.

Вместо этого вскоре после рассвета последовали первые пулеметные очереди. Новые волны атакующих, новые убитые.

«Битва за Одинокую сосну», как позже назвали августовскую атаку в честь одного из окопов, за который сражались ожесточеннее всего, закончилась лишь пять дней спустя. Успешно, согласно оперативной сводке главного командования сухопутных войск.

АНЗАК проник еще на сто ярдов вглубь турецкой земли. Продвижение было куплено ценой жизни девятнадцати тысяч человек.

Роли нашел Джека утром следующего дня — до того, как прибыли новые раненые и смертельно уставшие врачи снова взялись за скальпели. Среди сотен недавно прооперированных мужчин, которые плотными рядами, кое-как обработанные лежали на полевых койках, он искал бы своего мистера Джека не один час, если бы у его постели не сидели Пэдди и доктор Бистон. Джек был без сознания, но он дышал и перестал сплевывать кровь. Врач как раз осматривал его раны.

— О’Брайен? — спросил он, когда Роли подошел ближе. Лицо доктора Бистона казалось почти таким же бледным, как лицо его пациента. — Это вам он обязан тем, что оказался здесь?

Роли виновато кивнул.

— Я не мог бросить его там, сэр, — признался он и покраснел. — Конечно, я понимаю, что… Я готов нести ответственность.

— Ах, оставьте это, — вздохнул Бистон. — Кого интересует, выживет ли этот, умрет ли другой? Может быть, кроме нас, разве что. Если это успокоит вас, я тоже превысил полномочия — или растянул, мягко говоря. У нас есть свои директивы. Нельзя играть в Бога.

— Разве мы не сделали бы то же самое, бросив его там, сэр? — спросил Роли.

Бистон пожал плечами.

— Не в этом смысле, О’Брайен, так мы придерживались бы директивы. У Бога — и можете считать это богохульством, если угодно, — нет директив.

Врач осторожно перевернул Джека.

— Позаботьтесь о нем, О’Брайен. Иначе в этом хаосе о нем забудут. Я устрою так, чтобы его сегодня же перенесли на «Гасконь».

«Гасконь» был наилучшим образом оборудованным госпитальным кораблем.

— В Александрию, сэр? — с надеждой поинтересовался Роли. Перевод в военный госпиталь в Александрии обычно означал окончание войны для раненого.

Бистон кивнул.

— И вы будете сопровождать его, — спокойно произнес он. — То есть вы будете сопровождать транспорт. Ради вас, кстати, тоже кое-кто сыграл в Бога, О’Брайен. Кто-то с хорошими связями. Ваш приказ отправляться обратно в Новую Зеландию пришел вчера вместе с подкреплением. Написано, что один очень важный для войны инвалид в Греймуте не может существовать без вашего ухода. Без вас, О’Брайен, вся новозеландская угледобывающая промышленность встанет. По крайней мере так все представлено.

Несмотря на серьезность ситуации, Роли не смог сдержать ухмылки.

— Это слишком большая честь для меня, сэр! — заявил он.

Бистон закатил глаза.

— Я не стану судить. Так что собирайте вещи, солдат! Позаботьтесь о своем друге и, ради бога, не лезьте под пули, чтобы с вами ничего не случилось. «Гасконь» отплывает в пятнадцать часов.

Джек был гораздо ближе к смерти, чем к жизни, когда госпитальный корабль прибыл в Египет, но он был парнем крепким. К тому же тщательный уход со стороны Роли в значительной степени помог ему

выжить. Для такого количества тяжелораненых санитаров было слишком мало. Некоторые мужчины умерли еще на корабле, другие — вскоре после прибытия в Александрию. Однако Джек держался и иногда приходил в сознание. Он оглядывался по сторонам, видел ужас вокруг себя, понимал, что выжил, — но стал другим. Джек перестал говорить. Он не упрямился, не был раздражительным, как другие выжившие, которые онемели от гнева и страха перед будущим. Джек вежливо отвечал на вопросы врачей и сестер. Однако, не считая этого, ему, казалось, совершенно нечего сказать.

На шутки и подбадривающие слова Роли Джек отвечал молчанием — и не собирался преодолевать собственную слабость. Он спал или по большей части молча смотрел на потолок над своей постелью, а потом, гораздо позже, когда ему разрешили сидеть у окна, смотрел на голубое небо над Александрией. Джек слушал монотонные выкрики муэдзина, разносившиеся над городом с башни мечети, и думал о словах доктора Бистона, которые передал ему Роли: Бог не придерживается правил. Джек задавался вопросом, есть ли в таком случае вообще смысл молиться ему, хотя он уже давно перестал это делать.

Выздоровление Джека затянулось на месяцы. Рана зажила, но он исхудал и страдал от постоянной усталости. Роли остался с ним. Он не обращал внимания на приказ об отъезде в Новую Зеландию, а штабные врачи в Александрии не настаивали на этом. Госпиталь был безнадежно завален ранеными; на счету был каждый санитар. Кроме того, необходимость в его возвращении в Новую Зеландию уже не имела такого значения, как раньше, — с тех пор как Тим Ламберт узнал, что Роли уже не на передовой. Время от времени Роли писал домой и получал письма от Мэри и Ламбертов. Приходили письма и для Джека МакКензи. Роли не знал, читает ли он их. Сам Джек никому не писал.

В декабре 1915 года британское командование эвакуировало всех с побережья Галлиполи, которое уже стали называть исключительно «бухтой АНЗАК». Отступление войск прошло упорядоченно и без дальнейших потерь. Британцы вытащили своих людей с турецкой земли почти незаметно для местных. После отступления окопы подорвали.

Роли взволнованно рассказал Джеку об успешной акции.

— И под конец они наподдали тем ребятам! — воодушевленно говорил он. — Во время взрывов подохла куча турок!

Джек опустил голову.

— А ради чего, Роли? — негромко поинтересовался он. — Сорок четыре тысячи погибших с нашей стороны, а у турок, говорят, еще больше.

И все впустую.

Ночью ему опять приснилась битва в окопах. Он снова и снова вонзал штык и лопату в тела своих противников. В сорок тысяч тел… Когда Джек проснулся, выкупавшись в поту, он написал Глории об отступлении отрядов АНЗАК. Джек знал, что она никогда не прочтет его письмо, но ему стало легче, когда он рассказал эту историю.

Зимой Джека мучил ужасный кашель. Военный врач, увидев его худобу и бледность, диагностировал туберкулез и отдал приказ о переводе Джека в санаторий под Саффолком.

— В Англию, сэр? — поинтересовался Роли. — А нельзя нас домой? Там наверняка есть лечебные заведения для легочных больных…

— Там нет военных заведений, — только и сказал врач. — Вы, О’Брайен, конечно же, можете ехать домой. Мы даже будем рады. Конечно, вы принесли огромную пользу, но госпиталь постепенно пустеет. Если кто-то заметит, что мы эксплуатируем гражданского…

— Но официально меня не увольняли, — заметил Роли.

— У вас есть приказ на марш, устаревший на полгода, — улыбнулся врач. — Делайте что хотите, О’Брайен, но уходите отсюда. Мне все равно, если вы проберетесь на уходящий в Англию корабль. Но госпиталь вам нужно покинуть, пока кто-нибудь не отправил вас во Францию!

Переброшенные из Галлиполи войска частично использовались во Франции, а частично — в Палестине.

Роли нашел себе работу на вокзале, пока Джек лежал под слабым английским весенним солнцем и глядел на этот раз в матово-голубое небо. Когда получалось, парень навещал своего мистера Джека, а когда услуги санатория были расширены до оказания помощи инвалидам войны, он даже нашел работу санитара. Тим Ламберт снова отпустил его, но попросил регулярно сообщать о состоянии здоровья Джека. Он писал, что его мать, миссис Гвин, очень сильно встревожена. Роли вполне понимал ее тревогу. Строгая миссис О’Браейн, мать Роли, устроила бы ему взбучку, если бы он целый год держал ее в неведении относительно своего здоровья и благополучия. Однако в ответ на его упреки Джек молчал, равно как и на предложение написать надиктованное им письмо.

— Что я должен писать, Роли?

Джек смотрел, как спеет на полях пшеница; слушал пение жнецов и наблюдал за тем, как осень окрашивает листья в желтый цвет. Зимой смотрел на снег, но все равно видел перед собой окровавленный берег

Галлиполи. Прошел еще один год, а он все не выздоравливал. Иногда он думал о Шарлотте, но Гавайки находился далеко, еще дальше, чем Америка, где еще могла быть Глория.

— Три с половиной года, и по-прежнему идет война… — бормотал Роли, листая газету, лежавшую на столике рядом с постелью Джека. Стоял очень теплый для этого времени года день, и сестры вывели больных в сад. Считалось, что свежий воздух необычайно целебен. Свежий воздух и покой. — Чем же все это закончится, мистер Джек? Кто-нибудь победит или же мы будем сражаться вечно?

Джек пожал плечами.

— Все уже проиграли, — негромко произнес он. — Но в конце концов, конечно же, будет большая победа — у кого бы то ни было. Кстати, у меня тоже есть повод праздновать. Врачи отправляют меня домой.

— Серьезно, мистер Джек? Мы едем домой? — Круглое лицо Роли, на котором, впрочем, война тоже оставила свой след, озарилось улыбкой.

Джек слабо улыбнулся.

— Они собирают транспорт для инвалидов войны. Все с ампутациями, все слепые, которые не смогли или не захотели сразу ехать домой…

Большинство жертв Галлиполи отправили из Александрии в Полинезию. Однако к этому моменту мужчины Аотеароа все еще оставались во Франции и в других местах боевых действий. Чаще всего их некоторое время лечили в Англии, прежде чем становилось ясно, что они нормально перенесут путешествие.

— Так я ведь тоже могу поехать с вами, — обрадовался Роли. — Разве им не нужны санитары?

— Они ищут добровольцев среди медсестер, — ответил Джек.

Роли просиял.

— Занятно, — произнес он после паузы. — Когда все начиналось, я хотел на войну, чтобы меня перестали звать «медбратом», а теперь я готов надеть юбку, чтобы сойти за «сестру»!

И вот она, Новая Зеландия. Первый взгляд на Южный остров — для тех, кто еще мог видеть. Джек знал, что должен быть благодарен судьбе. Но он по-прежнему не чувствовал ничего, кроме холода. А ведь от одного только вида острова, окутанного туманом, из которого, словно паря в небе, медленно вздымались вершины далеких Альп, захватывало дух. Корабль должен был причалить в Данидине. Джек вдруг подумал, известил ли Роли об их прибытии Тима Ламберта, а Ламберты, в свою очередь, — Гвинейру.

Если да, то семья наверняка будет ждать его на причале. Джек приходил в ужас от этой мысли. Но у него были вполне реальные шансы на то, что все окажется не так. Из-за войны почта приходила с большим опозданием; даже в обычное время должно было сильно повезти, чтобы его письмо пришло в Греймут раньше, чем они.

В Данидине Джека снова отправят в госпиталь. Впрочем, ненадолго: он считался здоровым.

— Вы уже не кашляете, шумов в легких нет… Единственное, что мне не нравится, это ваша слабость, — заявил ему врач в Англии. — Но тут вы сами должны кое-что предпринять. Вставайте, ходите! Побольше участвуйте в жизни, сержант-майор МакКензи!

В последние дни в Александрии Джек с удивлением узнал, что за храбрость в битве за Одинокую сосну его снова повысили и наградили орденом. На этот кусок металла он даже ни разу не посмотрел.

— Хочешь взять себе? — спросил он, когда Роли пожурил его за это. — Вот, возьми орден, ты заслужил его больше, чем я. Покажи его своей Мэри, надень его, когда будешь брать ее в жены. Ни один человек не спросит у тебя подтверждения.

— Вы шутите, мистер Джек! — заявил Роли, жадно глядя на бархатную коробочку. — Я же не могу…

— Конечно, можешь! — воскликнул Джек. — Вот, присуждаю его тебе! — Он с трудом открыл коробочку. — Встань на колено, или что там делают в таких случаях, и я передам его тебе.

Роли гордо нацепил орден на лацкан, когда корабль входил в гавань Данидина. Многие другие мужчины тоже украшали себя трофеями. Может быть, у них не осталось рук или ног, но они были героями.

Толпа людей, приветствовавших их в порту, была, однако, гораздо меньше, чем во время отправления. По большей части она состояла из родственников больных, которые при виде их не ликовали, а плакали, и врачей с медсестрами. Санаторий в Данидине — по слухам, переоборудованная школа для девочек — прислал три машины и несколько санитаров.

— Вы не против, мистер Джек, если я вас оставлю? — спросил Роли уже не в первый раз; он неоднократно рассказывал Джеку о своих планах. Самое позднее на следующий день по прибытии в Данидин он собирался отправиться в Греймут, и теперь, поскольку корабль причалил в начале второй половины дня, парень надеялся, что успеет сесть на ночной поезд в Крайстчерч. — А вы точно не хотите со мной? Ведь Крайстчерч…

Джек отмахнулся от него.

— Меня еще официально не уволили из армии, Роли, — уклончиво ответил он.

Роли махнул рукой.

— Ах, да кто будет спрашивать, мистер Джек? Мы сообщим о вашем уходе, и вам просто пришлют документы об увольнении. Я ведь собираюсь поступить точно так же.

— Я устал, Роли… — ответил Джек.

— Вы можете поспать в поезде. Пожалуйста, мистер Джек! Мне было бы гораздо спокойнее, если бы я мог доставить вас семье.

— Просто Джек, Роли. И я же не посылка.

В конце концов Роли оставил Джека одного, чтобы вынести на палубу вещи. Джек просто сидел и наблюдал за тем, как медсестры помогают выбраться на берег мужчинам на костылях и в инвалидных колясках. К нему тоже подошла молодая женщина, вероятно одна из добровольных помощниц. Джек понял это, потому что она была одета не в синюю форму, как профессиональные сестры, а в темное платье и сестринский передник.

— Я могу вам помочь? — приветливо поинтересовалась она.

Джек взглянул в ее узкое, обрамленное строго зачесанными назад темными волосами лицо, на котором умные светло-зеленые глаза прятались за толстыми стеклами очков. Под его пристальным взглядом женщина слегка покраснела.

А потом в ее глазах сверкнул слабый проблеск узнавания.

Джек опередил ее.

— Мисс Бличем? — неуверенно спросил он.

Она улыбнулась ему, но не смогла полностью скрыть чувств, овладевших ею. Сильный, всегда улыбчивый старший мастер Киворд-Стейшн, неугомонный сын Гвинейры и Джеймса МакКензи, веселый друг и непоколебимый защитник Глории Мартин, был бледен и слаб; он кутался в одеяло, хотя было тепло, и, судя по всему, чувствовал слишком сильную усталость, чтобы без посторонней помощи сойти с корабля на родную землю. Джек прочел мысли Сары и устыдился своей слабости. Наконец он выпрямился и заставил себя улыбнуться.

— Рад вас видеть.

2

Пока Джек беседовал с Сарой Бличем, вернулся Роли и, взвалив на

плечи собственный вещмешок и мешок Джека, рассмеялся:

— Мистер Джек, я не верю своим глазам! Еще не успели войти в порт, а вы уже с девушкой! Мадам… — Роли попытался свободной рукой пригладить свои всклокоченные волосы и торжественно поклонился.

Сара Бличем робко улыбнулась. Джек представил ее.

Роли вздохнул с облегчением, когда услышал, что она имеет отношение к санаторию «Принцесса Элис».

— Значит, я могу со спокойной душой передать вам мистера Джека, — заявил довольный Роли. — Вы, случайно, не знаете, сегодня еще есть поезд в Крайстчерч?

Сара кивнула.

— Я могу купить билет и вам, мистер МакКензи, — предложила она. — Даже в спальном вагоне. Если я позвоню вашей матушке, она наверняка пришлет кого-нибудь с Киворд-Стейшн, чтобы он встретил вас на вокзале. Конечно же, сначала вас нужно обследовать, но, насколько я знаю, санаторий «Принцесса Элис» — это скорее промежуточная станция. Все могут ехать домой. Но так как некоторые из прибывших живут в разных концах Южного острова, потребуется не один день, чтобы организовать для них путешествие домой.

Роли усердно закивал, и Джек, конечно же, знал, что все здесь считаются «здоровыми». Часть инвалидов на набережной уже встречали семьи.

— Мне очень жаль, мисс Бличем, но мне хотелось бы, несмотря на это… я просто слишком устал, понимаете… — Солгав, Джек покраснел.

Он чувствовал себя не хуже, чем в предыдущие дни, но мысль о том, чтобы вернуться в Киворд-Стейшн, пугала его. Пустая постель в комнате, где он жил с Шарлоттой. Пустая комната Глории. Пустое место отца — и печальные глаза матери, в которых он, чего доброго, увидит жалость. Через какое-то время со всем этим придется свыкнуться. Но не сегодня. Не сейчас.

Сара переглянулась с Роли, который пожал плечами.

— Ну, тогда я пошел. Увидимся, мистер Джек! — Роли махнул рукой и развернулся, собираясь уходить.

— Роли? — Джеку казалось, что он должен хотя бы обнять этого парня со всклокоченными волосами, но не смог преодолеть себя. — Роли… ты бы мог обращаться ко мне просто Джек?

Роли рассмеялся. Затем бросил мешки, подошел к Джеку и заключил его в медвежьи объятия.

— Всего хорошего, Джек!

Когда он, помахав рукой, стал уходить, Джек улыбнулся.

— Хороший друг? — спросила мисс Бличем, беря вещи Джека.

Джек кивнул.

— Очень хороший друг. Но не нужно нести мои вещи. Я справлюсь…

Сара покачала головой.

— Нет, оставьте это. Я ведь должна помогать. Вы… вы можете опереться на меня.

Но особого желания последовать приглашению это не вызывало. Джек прекрасно помнил склонность мисс Бличем к чопорности.

— И давно вы стали сестрой милосердия? — вежливо поинтересовался он.

Сара нервно рассмеялась.

— Вообще-то, я не медсестра. Я просто помогаю. Я должна… немного развлекать больных.

Джек нахмурился. Он вполне представлял себе мисс Бличем в роли сиделки, развлекающей пожилую леди, но чтобы коротать время с мужчинами… Впрочем, его это не касается. Он медленно спускался по трапу вслед за молодой женщиной. Сара присоединилась к некоторым другим сестрам, которые катили инвалидные кресла или вели слепых. Большинство из них были одеты в светло-голубые платья с белым воротничком и чепцы. На Сару они смотрели с неудовольствием. Наверное, она уже не впервые выбирала для оказания помощи более «здорового» пациента.

Темноволосый врач переходил от одного к другому и приветствовал вновь прибывших, прежде чем им помогали усесться в транспорт. Мужчина показался Джеку знакомым. Но особенно сильно удивил его блеск в глазах Сары, когда мужчина подошел к ним.

— Это доктор Пинтер! — сияя, представила мужчину Сара.

Врач тоже улыбнулся, но посерьезнел, вглядевшись Джеку в лицо.

— Доктор Пинтер, это…

— Мы знакомы, не так ли? — спросил Пинтер. — Подождите… я припоминаю… Старший сержант МакКензи, верно? Галлиполи… Простреленное легкое, которое спас пес Бистона… — Он с горечью улыбнулся. — Несколько дней в лазарете только и говорили, что о вас. Я рад, что вы живы!

Джек кивнул.

— А вы были… капитаном?

Пинтер пожал плечами.

— Майор. Но кого это интересует? В лазарете все по локоть в крови.

Боже мой, редко бывает, чтобы мы принимали раненых из Галлиполи. По большей части прибывают из Франции. Вы ведь не возвращались на фронт, правда?

— Нет. Мистера МакКензи лечили в Англии! — вмешалась Сара, которая уже успела выудить документы Джека из пачки, чтобы показать их Пинтеру.

— А вы? — спросил Джек, испытывая некоторую напряженность. Судьба врача по-настоящему не интересовала его, но он чувствовал, что должен поддержать разговор.

Учительница и врач вместе с ним забрались в автобус. Он не мог сидеть с ними рядом молча и смотреть на Альпы.

— Я хочу сказать, вы… ведь были штабным врачом, а война еще не закончилась…

Доктор Пинтер закусил губу. Лицо его стало серьезным, и теперь Джек разглядел следы, оставленные на нем Галлиполи. Он был худощав и бледен, а его еще молодое лицо было изборождено морщинами. Врач поднял руки и вытянул их вперед. Джек увидел, что они неконтролируемо дрожат.

— Я больше не мог оперировать, — негромко произнес Пинтер. — Никто не знает, что это такое… возможно, паралич нервов. Это началось в Галлиполи… в последний день, когда уже эвакуировали почти все войска и мы хотели как можно скорее убраться… И только небольшая часть патрулировала траншеи, делая вид, что там полно солдат. И двое ребят, кажется, перестарались. Они хотели вовлечь турок в демонстративный бой, но у тех за спиной была тяжелая артиллерия. Тех ребят… разорвало. То, что осталось от них, принесли мне на стол. Я спас одного, семнадцатилетнего, если можно так сказать. Обе руки… обе ноги… Давайте больше не будем говорить об этом. После этого началась дрожь…

— Скорее всего, вам просто нужен покой, — негромко произнесла Сара.

Пинтер опустил взгляд.

— Мне нужны какие-нибудь другие воспоминания, — прошептал он. — Я больше не хочу видеть кровь, когда закрываю глаза. Я не хочу больше слышать выстрелы, когда вокруг царит тишина.

Джек кивнул.

— Я представляю себе воду, — негромко произнес он. — Бухта… Первый взгляд на берег, прежде чем мы высадились. Красивая была бухта…

После этого оба мужчины замолчали. Сара хотела что-то сказать, но

легкая беседа ей не удавалась. Она почти с завистью смотрела на других сестер, которые болтали и шутили со своими пациентами.

Джека разместили в двухместной комнате. Его сосед, мрачный пожилой мужчина, не выпускал из рук бутылку виски. Джек недоумевал, откуда он взял ее, но было видно, что ветеран ни за что не поделится даже одним глотком из нее.

— Лекарство от головной боли, — проворчал он и показал на уродливый шрам на левой половине лица.

Еще один, кто пережил ранение, с которым обычно не попадают в лазарет. Выстрел в голову почти всегда был смертелен.

— Пуля еще внутри, — произнес мужчина. А затем принялся молча пить.

Джеку это было только на руку. Он смотрел в окно, выходившее в сад. На улице шел дождь. По словам Сары, на протяжении последних недель дождь шел часто. Джек мимоходом подумал о заготовке сена в Киворд-Стейшн. Все это было так далеко. Галлиполи был ближе.

На следующее утро его навестила Сара Бличем. Сосед Джека рано сбежал — вероятно, в поисках дополнительной дозы «лекарства». Сам Джек чувствовал обычную свинцовую усталость и холод. Но он догадывался, что Сара не оставит его в покое. Поэтому он был одет, сидел у окна и смотрел на дождь, когда молодая женщина вошла в комнату.

— Следующий поезд в Крайстчерч уходит в одиннадцать, — заявила она. — Может быть, попросить отвезти вас на вокзал?

Джек закусил губу.

— Мисс Бличем, я предпочел бы… я бы хотел еще немного отдохнуть…

Сара Бличем подставила к окну второй стул.

— Что стряслось, мистер Джек? Почему вы не хотите возвращаться домой? Вы поссорились с матерью? Плохие воспоминания?

Джек покачал головой.

— Слишком хорошие воспоминания, — с иронией произнес он и после паузы продолжил: — Это самое ужасное, понимаете? Галлиполи… вся эта кровь… это больно… это оставляет пустоту, и ничто не заполнит ее… Но однажды воспоминания померкнут. А счастье, мисс Бличем, не забывается никогда.

Сара вздохнула.

— У меня не очень много счастливых воспоминаний, — пробормотала

она. — Нет, я редко бывала по-настоящему несчастна. Я очень люблю преподавать, люблю своих учениц. Но такого великого…

— Значит, вам можно позавидовать, мисс Бличем, — только и сказал Джек и снова погрузился в молчание.

— Вы не хотите поделиться… — в отчаянии произнесла Сара. — Я хочу сказать… я готова выслушать. Больше от меня проку нет, я не гожусь в медсестры. Мне не нравится прикасаться к мужчинам. Другие сестры… они говорят, что во мне нет сочувствия…

— Вероятно, вы чувствуете слишком много, — ответил Джек. — Почему вы не подыщете себе другую работу?

Сара закусила губу и потерла брови. При этом она взглядом проводила высокую фигуру доктора Пинтера, который как раз, набросив на плечи кусок брезента, перебегал двор.

— И почему он не берет зонт, — тихо произнесла она. — Он ведь промокнет. Простудится, заболеет…

Джек слабо улыбнулся.

— Вот и ответ на мой вопрос… Он отвечает вам взаимностью? Боже мой, кажется, я уже о чем-то подобном вас спрашивал? Или моя мать? Речь шла об этом преподобном отце…

Сара Бличем покраснела, сжала губы.

— Преподобный Бличем не смог ответить мне взаимностью, — сказала она. — Что же касается доктора Пинтера… то он не может оставить Галлиполи. Пока не может…

Сейчас Джек должен был взять ее за руку и произнести слова утешения. Это было сложно. Он знал, как правильно поступить, но заставить себя сделать что-либо подобное не мог.

— Вообще-то, это было красивое место… — снова заговорил он.

— И вы думаете, что он его забудет? — с надеждой спросила Сара. — Когда-нибудь проснется и, может быть, заметит меня?

Джек кивнул, хотя, конечно же, совсем не был уверен.

— Сначала нужно, чтобы закончилась война. Отвезите его куда-нибудь, где не придется больше смотреть на калек. В какое-нибудь красивое место.

— Если он захочет, — сказала Сара. — Киворд-Стейшн — красивое место. — Она пристально посмотрела на Джека. — А вы не хотите туда ехать, сторонитесь его, словно испуганный конь. В точности как…

— Это пустое место, — перебил ее Джек. — Я чувствую там присутствие Шарлотты. И своего отца. И Глории. Это… как в опустевшем после большого праздника доме. В комнатах еще стоит сигаретный дым, и

кажется даже, что слышны отзвуки смеха, — но уже никого нет. Только пустота и боль. Я думал, что переживу случившееся с Шарлоттой. И мой отец… он был стар. Его смерть соответствовала правилам…

Сара нахмурилась.

— Правилам? — переспросила она.

Джек не ответил.

— Но Глория… С тех пор как Глория пропала… я не справляюсь, мисс Бличем. Я не могу смотреть матери в глаза и читать в них одни только вопросы. А единственный ответ заключается в том, что Богу неведомы правила…

Сара схватила его за руку.

— Но ведь Глория вернулась, Джек! Я думала, что вы знаете! Неужели мисс Гвин не писала вам? Или, возможно, вы были уже в море. Глория нашлась. Она была здесь, у меня!

Джек в недоумении уставился на нее.

— А теперь?..

Сара пожала плечами.

— Мисс Гвин забрала ее. Насколько мне известно, девочка сейчас в Киворд-Стейшн.

Рука Джека сжала ее ладонь.

— Это… это… Я еще успею на поезд? И вы сможете позвонить матери вместо меня?

Гвинейра МакКензи была счастлива, но, встречая Джека на платформе, испытывала тревожное ощущение дежавю. Худощавый молодой человек, вышедший из поезда слишком медленно и тяжело, стал ей чужим. На его лице появились морщины, которых не было три с половиной года тому назад, а в его золотисто-рыжих волосах появились почти полностью седые пряди. Слишком рано для его возраста. Но больше всего напугало ее деревянное объятие. Все было в точности как с Глорией, хотя Джек все же старался быть приветливым и по крайней мере делал вид, что отвечает на пылкие чувства матери.

Джек, как и Глория, тоже не хотел разговаривать. Он отвечал на вопросы, пытался улыбаться, но ничего не рассказывал. Создавалось впечатление, что последние годы своей жизни он хочет провести отстраненно, навечно замкнувшись в себе. Гвинейра содрогнулась при мысли, что скоро придется созерцать за обеденным столом две молчаливые, мрачные фигуры, — хотя ей ничего не хотелось так сильно, как возвращения Глории домой. Во время путешествия девушки с маори

Гвинейра, несмотря на достаточно напряженные отношения с правнучкой, все же скучала по ней и тревожилась. Вообще-то, Гвин понимала, что с племенем Глория должна быть в безопасности, но постоянная тревога, сопровождавшая пожилую женщину последние годы, забрала у нее все силы, и она почти не могла с ней справляться.

А теперь еще и Джек. Чтобы встретить его, Гвинейра взяла автомобиль. Дождило, и постепенно она осознала, что становится слишком старой, чтобы ездить в медлительной повозке, под крышей которой хоть и сухо, но не тепло.

— Ты сама водишь? — удивился Джек, когда она открыла перед ним дверь.

— А почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответила Гвин. — Боже мой, не так уж и трудно управлять этой штукой. Раньше заводить ее было сложновато, но теперь… это действительно может всякий.

Она с грохотом включила передачу и чересчур сильно газанула. Потом воспользовалась сигналом, чтобы освободить дорогу. Джек почувствовал себя более-менее в безопасности только после того, когда они оставили позади Крайстчерч и понеслись по гораздо более пустынным дорогам, ведущим через Кентербери. Смеркалось, на всем вокруг лежал рассеянный свет. Джек смотрел на Альпы, очертания которых проступали сквозь пелену дождя.

Гвинейра жаловалась на то, что сена заготовили мало и что овец пришлось перегнать с высокогорных пастбищ раньше срока.

— И даже здесь, внизу, травы не так много, как обычно. Просто лето выдалось слишком холодным. Поголовье крупного рогатого скота я сократила — лучше меньше, но по-настоящему кругленькие, а не такие тощие. Я так рада, что ты вернулся, Джек! Мне уже тяжело делать все в одиночку.

Гвинейра положила руку на плечо сына. Джек не отреагировал.

— Ты устал, Джек? — Гвинейра отчаянно пыталась вызвать у него хоть сколько-нибудь нормальную реакцию. — День выдался длинный, правда? Долгое путешествие.

— Да, — сказал Джек. — Прости, мама, но я очень устал.

— Здесь ты быстро наберешься сил, Джек! — Гвинейра была полна оптимизма. — Я уж постараюсь, чтобы ты снова нарастил мясо на костях. И бывал на солнце. Ты же бледный как смерть. Эти больницы… Что тебе нужно, так это немного свежего воздуха, хорошая лошадь… и у нас сейчас есть щенки, Джек. Выбери себе одного. Что сегодня за день, Джек? Вторник? Тогда тебе следует назвать его Тьюзди. Твой отец всегда называл

собак по дням недели…

Джек утомленно кивнул.

— Нимуэ… она еще жива? — осторожно поинтересовался он.

— Конечно. Но она с Глорией — исследует собственные корни, — фыркнула Гвинейра. — Хотя Нимуэ следовало бы отправиться скорее в Уэльс. Но Глория сейчас познает свое маорийское наследие. Она кочует с племенем Марамы. Если хочешь знать мое мнение, Тонга вынашивает матримониальные планы. Перед уходом все только и судачили, что о Глории и Вирему.

Джек закрыл глаза. Значит, дом все же пуст. Ничего, кроме отзвуков голосов в брошенных комнатах.

Или нет? К собственному удивлению, Джек заметил, как глубоко внутри что-то шевельнулось. Неужели он почувствовал… Что? Гнев — или ревность! Кто-то снова пытается забрать у него Глорию. Сначала Мартины, теперь Тонга. И он всякий раз опаздывает, не успевает защитить ее.

— Я не знаю, что еще делать. Он окопался в своей комнате. Все еще хуже, чем с Глорией. Та хоть выезжала…

Гвинейра налила чай своей внучке Илейн. Как бывало почти каждый год в конце лета, Илейн приехала в Киворд-Стейшн с двумя младшими сыновьями, чтобы немного подышать деревенским воздухом. Ее старший сейчас учился в интернате в Данидине, а каникулы проводил в Греймуте. Его очень сильно интересовала работа отца, ему нравилось помогать на руднике, при этом он не боялся и работы под землей. Илейн же наслаждалась общением с овцами и лошадьми. Еще в детстве она мечтала о жизни на ферме и завидовала наследству Куры. Гвинейра подумала о том, что все могло быть намного проще и лучше, если бы ферму унаследовали ее дочь Флёретта, а затем Илейн и ее дети!

— Ты хочешь сказать, что он вообще ничего не делает на ферме? — спросила Илейн.

Она только что приехала, но еще не видела Джека. Маака заставил его посмотреть нескольких племенных животных. Мастер-маори отчаянно пытался пробудить у Джека интерес к ферме. Но Гвинейра прекрасно знала, как все пройдет. Джек поедет с ним, бросит взгляд на животных и произнесет несколько ни к чему не обязывающих слов. Потом посетует на усталость и снова забаррикадируется в комнате.

— Он ведь был здесь когда-то старшим мастером! — Илейн взяла себе еще одну чашку чая.

Гвинейра грустно кивнула.

— Он разбирался во всем. И это было у него в крови. Джек — прирожденный фермер и животновод, а еще тренер собак. Его колли всегда были лучшими в Кентербери. А теперь? Щенок, которого я ему подарила, сейчас с ним. Но это случилось не сразу… Почему-то Джек не захотел иметь собаку. Но ты же знаешь колли. Тьюзди скулил у него под дверью, пока он наконец не впустил его. У кого угодно терпение лопнет, я уже не могла слушать это. Но он терпит пса, и только. Он не тренирует его, не выходит с ним на улицу больше необходимого… Собаке просто позволяется составлять ему компанию, когда он «смотрит в окно». Если Тьюзди становится скучно, он выпускает его; тогда пес бегает за мной или идет в конюшню. Я зашла в тупик!

— Может быть, мальчишки хоть немного расшевелят его, — размышляла Илейн. — Он ведь любит детей.

— Попробуй, — устало произнесла Гвинейра. — Но, в принципе, Маака перепробовал уже все. Он так старается, и это очень трогательно. А поначалу я боялась, что они начнут ссориться из-за полномочий. Маака фактически руководил фермой на протяжении трех с половиной лет. Но легко отдал бы пальму первенства Джеку, если бы тот только захотел! В первый вечер к нам зашли Маака и еще пара других ребят с бутылкой виски. За Джеком пришли. Ты же знаешь этих ребят, они предпочитают напиваться в конюшне. Джек пригласил эту ораву в салон, достал бокалы… Ребята не знали, куда деваться! Я тогда решила уйти к себе, в моем присутствии они чувствовали себя еще скованнее. После этого они вроде бы перекинулись парой слов — а потом напились, по большей части молча. Во всяком случае, так сказала Кири, она делала им сэндвичи. Тоже к огромному удивлению пастухов. Наверное, это была самая цивилизованная попойка в их жизни. С тех пор Маака отчаянно пытается в чем-нибудь задействовать Джека. Но натыкается на стену.

— Маака не ушел кочевать вместе с племенем? — спросила Илейн. Чуть раньше Гвинейра подробно рассказывала ей о Глории.

Но бабушка покачала головой.

— Слава богу, что нет. Не знаю, что бы я без него делала. Именно в это ужасное лето. Урожай сена катастрофический, половина пропала из-за дождей. Если так пойдет и дальше, то нам еще и животных придется раньше перегонять. Надеюсь, к тому моменту маори вернутся.

— Иначе этим буду заниматься я с двумя своими ковбоями! — рассмеялась Илейн, бросив взгляд в окно. Оба ее мальчишки веселились на лужайке перед домом с двумя кобылами-кобами. Фрэнк Уилкенсон пробовал свои силы в качестве учителя верховой езды. — И знаешь что? Я

тоже хочу новую колли. Келли умерла уже давно, но я по-прежнему ищу ее. Мне нужна новая тень! И я уж заполучу себе Джека в качестве тренера. Он должен показать мне, как это делается. И он оттает.

Джек появился час спустя, потный и усталый после выезда. Раньше такая вылазка не доставила бы ему ни малейших усилий, но после долгой болезни для него это было слишком. Однако он выпил чаю и перебросился с Илейн парой вежливых фраз. Больше всего его интересовало благополучие Роли.

— У Роли все в порядке, он наконец-то женится! — с нарочитой веселостью рассказывала Илейн. Худоба и бледность Джека повергли ее в состояние шока. — Я должна передать тебе настоятельное приглашение. Вообще-то, он очень занят. Во-первых, Роли снова возится с Тимом, что благотворно сказывается не только на муже, но и на всей семье. Конечно, Тим вполне справляется сам, но это очень тяжело. Он не любит просить о помощи и часто вымещает свое дурное настроение на детях! Но с тех пор как вернулся Роли, нам всем стало легче. Кроме того, у Роли появился новый пациент, Грег Макнамара, тот самый парень, который уходил с ним на войну. Такая трагедия. Бедняга потерял обе ноги, и семья совершенно не знает, что делать. До возвращения Роли Грег целыми днями лежал в постели. Мать и сестры просто не могли поднять его, а маленькой пенсии не хватает на жизнь. Мы сначала подарили им коляску Тима, а преподобный позаботится о том, чтобы он получил доплату на лечение. Грег и рад бы работать, но перспектив фактически нет. Миссис О’Брайен могла бы взять его в швейный цех, однако Роли не осмеливается предложить ему работу у матери, говорит, что Грег подумает, будто он делает это в отместку.

Джек грустно скривился.

— Медбрат… — вспомнил он поддразнивания Грега.

— Как я уже говорила, трагическая история, — подытожила Илейн. — Тебе еще повезло, Джек.

Джек закусил губу.

— Да, верно, — негромко ответил он. — Извините, мне нужно помыться…

В некоторой степени расчет Илейн оправдался. Джек вежливо ответил на ее просьбу помочь с обучением собаки и каждое утро выходил во двор, чтобы поработать с Илейн и ее Шэдоу. Тьюзди это тоже пошло на пользу. Она быстро училась и боготворила хозяина. Впрочем, она, в отличие от

Шэдоу, не могла насладиться после тренировки прогулкой или выездом. Сразу же после занятий Джек уходил в дом. Похоже, ему уже не так нравилось работать с животными, как раньше. Он хвалил собак, стараясь делать это приветливо и по-деловому, но в его глазах не было радостного блеска, а в голосе не слышалось удовлетворения.

— Он ведет себя безупречно, — доложила Илейн Гвинейре. — Но мне кажется, что в нем что-то умерло.

3

— А что слышно о ваших сбежавших детях?

Гвинейра была так занята своими собственными проблемами, что поинтересовалась судьбой Лилиан и Бена довольно поздно. Она везла внучку в одноколке из Киворд-Стейшн в Крайстчерч. Илейн хотела навестить Элизабет Гринвуд, а на следующий день поехать в Греймут.

Илейн пожала плечами.

— Сведения противоречивые, — ответила она.

Гвинейра нахмурилась.

— И как прикажешь это понимать?

Она не ожидала никаких особенных новостей, иначе Илейн давно бы ей уже все рассказала. В конце концов, она регулярно писала о молодой паре и Гвин знала, что у нее появился первый праправнук, которого Лилиан по непонятным причинам назвала Галахадом.

— По словам источников Калева, то есть профессоров из университета, у них все хорошо, — уточнила Илейн. — А частный детектив Джорджа Гринвуда сообщает, что у них все очень хорошо.

Гвинейра непонимающе покачала головой и прищелкнула языком, подгоняя кобов, бежавших перед упряжкой. Вдруг перестал идти дождь, и Илейн выразила недвусмысленное желание ехать упряжкой. Джереми и Бобби гордо скакали рядом на двух лошадях, поэтому Илейн могла говорить с бабушкой откровенно и не опасаясь, что их услышат. Она хранила сведения о Лилиан и Бене в тайне от своего мужа и сыновей, равно как и Калев — от своей семьи. При этом у обоих были свои источники информации. Калев, который сам был знаменитым и уважаемым фольклористом, общался с профессорами из Беновой альма-матер, а Илейн дважды в год получала отчет детективов, которых нанял для нее Джордж Гринвуд.

— В чем разница? — спросила Гвин.

— Что ж, эти двое недавно перебрались в Веллингтон, — ответила Илейн. — Бен получил там место преподавателя. Калев буквально лопается от гордости! Такого молодого человека могли взять в лучшем случае в качестве ассистента. Но Бен всегда был умнее своих сверстников — хотя я этого никогда не замечала. Впрочем, это не столь важно.

Гвинейра улыбнулась.

— И? — поинтересовалась она.

— Место преподавателя означает небольшую, но зарплату. Поэтому Бену уже не приходится работать в порту или что он там делал, чтобы прокормить семью. Конечно, он мог бы позволить себе маленькую квартирку, но тогда они с трудом держались бы на плаву, и то при условии, что Лилиан окажется экономной хозяйкой. Или будет давать уроки игры на фортепьяно.

— Но?.. — Гвинейра начинала терять терпение.

— Но они переехали в хорошенький домик с садом на окраине города. Бен устраивает небольшие приемы для своих студентов, а по утрам нянька возит маленького Галахада на прогулку. В очень дорогой коляске, по словам детектива. Лилиан одевается в красивые платья, и, если в городе случается театральное представление или концерт, Биллеры всегда там.

— И как же они это оплачивают? — озадачилась Гвин.

— В этом-то и вопрос. — Илейн придержала шляпку, которую едва не унес ветер. Кобылки-кобы торопились. Оба мальчика обогнали их и скакали впереди.

— Я надеюсь, что Элизабет Гринвуд расскажет мне больше. Думаю, что Джордж обратил пристальное внимание детектива на этот вопрос.

— Ты предполагаешь что-то незаконное? — встревожилась Гвин. Сама она всегда считала нечто в этом духе вполне вероятным — с тех пор, как Джеймс стал скотокрадом.

Илейн рассмеялась.

— Вряд ли. Чтобы Бен Биллер ограбил банк — такое мне никогда в голову не приходило. Это сделало бы его более интересным человеком. Но, судя по тому, что я о нем знаю, он просто очень милый зануда. Совсем как отец. В школе — выскочка, как поэт — безнадежен, как бизнесмен — никуда не годится. Последняя информация от Тима, который расспрашивал людей на руднике Биллеров, подтверждает, что в семейном деле он вряд ли добился бы успеха. Флоренс не могла оставить его в конторе одного даже на пару минут…

— И чем же он тогда заинтересовал нашу Лилиан? — удивилась Гвинейра. — Она ведь такая непосредственная девушка.

— Сладость запретного плода! — вздохнула Илейн. — Если бы Флоренс и Тим не вели себя настолько глупо, все могло быть по-другому. Но их ничему не научило даже то, что от них сбежали дети! И теперь между Ламбертами и Биллерами идет самая настоящая война. Каждый пытается узнать деловые секреты другого и подсмотреть технические новинки. Тим и Флоренс буквально наперегонки расширяют производство. Флоренс влезла в ужасные долги со своей коксовальной установкой и теперь демпингует, старается переманить наших клиентов. А Тим поддается на провокации! Если бы Гринвуд с присущей ему энергичностью не остановил бы его, цены пошли бы вниз по спирали. Но дядя Джордж настоятельно рекомендует выждать. Хотя коксовальная установка Биллеров загружена больше нашей, она нерентабельна. В перспективе все закончится пшиком. Будем надеяться, что Флоренс при этом не разорится. А Тим и Джордж уже подумывают о фабрике по производству угля в брикетах, чтобы продать даже самую мелкую угольную пыль. Если Флоренс попытается не отстать, Биллеры вскоре станут банкротами.

Гвинейра задумалась.

— Зачем она это делает? — принялась рассуждать пожилая женщина. — Не хотелось бы спрашивать тебя об этом, но все же… Скажи, было ли что-нибудь между Флоренс Биллер и твоим мужем?

Илейн рассмеялась.

— Напрямую — нет. Но, судя по всему, ты обладаешь некоторым провидческим даром! Оба злятся друг на друга за что-то. Это тянется еще с тех пор, когда с Тимом случилось несчастье. Ему было очень плохо, а его отец и другие боссы горной промышленности повели себя с ним откровенно мерзко. Они обсуждали дела, касающиеся рудников, а Тим сидел в кресле как предмет обстановки и не мог даже слова вставить. И только Флоренс уделяла ему внимание, была такой милой… Но Кура сразу заподозрила неладное и сказала, что Флоренс что-то замышляет. Вероятно, Тим был запасной лошадкой. Флоренс во что бы то ни стало хотела заполучить рудник и понимала, что единственный способ добиться своей цели — это выйти замуж. В остальном же ей было все равно — калека или «теплый брат»…

— Илейн! — возмутилась Гвинейра.

— Мне очень жаль, но Калев Биллер… У них существовала определенная договоренность. В любом случае запасной план Флоренс не понадобился. Она вышла замуж за Калева и тут же перестала обращать внимание на Тима. Наверное, это задело его, причем довольно сильно. — Илейн бросила взгляд на юных всадников, опасаясь, что они могут

услышать их разговор.

— Миссис Биллер никак не может успокоиться из-за того, что «предмет обстановки» стал серьезным конкурентом… — с понимающей улыбкой заметила Гвин.

— И сам делает своих детей. Что Калеву удалось только в случае с Беном. Остальные мальчики… Впрочем, оставим этот разговор. Все это довольно глупо, но ситуация превращается в драму. Проклятье, мне так хочется повидать своего внука! И я скучаю по Лили! Тим, конечно же, тоже, но он никогда в этом не признается. Нужно обязательно что-то придумать!

— Ты это видела? — Элизабет Гринвуд придвинула Илейн книгу.

Женщины сидели за столом и пили чай. Гвинейра только что откланялась, а мальчики вышли с ней, чтобы попрощаться с лошадьми. Элизабет, похоже, только этого и ждала.

Нахмурившись, Илейн взяла книгу. Вообще-то, она хотела расспросить о Лилиан и Бене, но сдерживалась, заставляя себя быть терпеливой. В последние годы Элизабет принимала большое участие в этом деле. Она все еще переживала из-за смерти Шарлотты и тревожилась за Джека. К тому же она немного горевала о своем старшем сыне, Роберте. Он был в порядке, но два года тому назад уехал в Англию, чтобы позаботиться о наследстве своих дяди и деда. По поводу обстоятельств смерти Уильяма Гринвуда, младшего брата Джорджа, ходило немало слухов, но Джордж считал, что в этом немаловажную роль сыграли алкоголь и кокаин. Вопрос наследства остался нерешенным. Две женщины претендовали на остатки наследства Гринвудов от лица своих детей, но подлинных свидетельств о браке предоставить не мог никто.

Когда Роберт приехал в Лондон, его, судя по всему, охватило желание возродить старую фирму деда, занимавшуюся экспортом и импортом. Джорджу это было только на руку. Он еще в молодости отказался от своих прав на предприятие, только чтобы не работать вместе с Уильямом. В качестве компенсации отец переписал на него акции семейных предприятий в Австралии и Новой Зеландии. Джордж издалека наблюдал за тем, как под руководством Уильяма фирма приходит в упадок, и страшно горевал по этому поводу. И теперь, когда Роберт решил спасти отцовское предприятие, Джордж готов был оказать ему любую поддержку. Его зять, Стивен О’Киф, очень способный юрист, пока что руководил предприятиями в Новой Зеландии и Австралии. Это было потрясающим решением для всех, кроме Элизабет. Она не видела Роберта вот уже два

года, а с тех пор как он женился в Лондоне, и вовсе разобиделась на судьбу. Конечно, сын обещал приехать в гости с женой. Но точной даты еще никто не знал.

Однако сегодня Элизабет не казалась подавленной, она была скорее возбуждена и горела жаждой деятельности.

— Ну скажи наконец, ты это видела? — снова спросила она.

Илейн пролистала книгу.

— «Хозяйка Кенвей-Стейшн». Да, как-то читала. Очень увлекательно, мне нравятся такие истории.

— И что? — продолжала допытываться Элизабет. — Ничего не бросилось в глаза?

Илейн пожала плечами.

— Я, собственно, имею в виду сюжет. Эта ферма на краю света… парень, в некотором роде держащий свою жену в плену…

Илейн покраснела.

— Ты хочешь сказать, что я… я должна вспомнить Лайонел-Стейшн? — Она могла бы вспомнить Томаса Сайдблоссома, но у нее было стойкое нежелание произносить имя своего первого мужа.

Элизабет кивнула.

— Мысль напрашивается сама собой.

— Сходство, надо сказать, не настолько большое, — пробормотала Илейн, — во всяком случае я не припомню, чтобы героиня… ну, чтобы она…

Сама Илейн тогда выстрелила в мужа и сбежала.

— Нет, героиню спасает друг ее юности, — согласилась Элизабет. — Поэтому меня ничего особенно не настораживало. Но потом появилось вот это… — Она достала вторую книгу — «Наследница Вакануи».

Илейн пробежалась глазами по тексту на обложке: «После смерти своей любимой жены Джером Гастингс становится замкнутым и трудным в общении человеком. Своей фермой «Тиббет-Стейшн» он управляет сурово, а враждебно настроенный вождь маори Мани готов повергнуть в состояние войны всю округу. Если бы не Пау, дочь вождя, которая втайне любит его…»

— И о чем я должна была подумать? — спросила Илейн.

Элизабет закатила глаза.

— В конце у них рождается ребенок, — помогла ей женщина.

Илейн задумалась.

— Пол и Марама Уорден. Кура-маро-тини. Но не слишком ли это притянуто за уши? — Она снова бросила взгляд на обложку. — Бренда

Болейн. Не знаю я никакой Бренды Болейн.

— А это тоже случайность? — Элизабет выудила откуда-то третью книгу — «Красавица из Уэстпорта» и прочла вслух текст на обложке: — «Джоанна Уолтон безвинно теряет место гувернантки в Крайстчерче. В бегстве от злобного Брендана Луиса ее заносит на Западное побережье — опасное место для невинной девушки. Но Джоанна остается верна себе. Подрядившись играть на пианино в одном из баров, она кое-как зарабатывает себе на жизнь — и находит новую любовь. Ллойд Карпинтер владеет акциями железнодорожной компании. Но останется ли он рядом, узнав о ее прошлом?»

Илейн побледнела.

— Кто бы это ни писал, я убью его!

— Не преувеличивай, — рассмеялась Элизабет. — Но ведь в случайность ты уже не веришь, правда? Именно поэтому я попросила провести дополнительное расследование…

— Я начинаю догадываться, — вздохнула Илейн.

— Книги выходят в издательстве, расположенном в Веллингтоне, и это как-то связано с газетой, в которой в последнее время иногда подрабатывал Бен Биллер.

Илейн кивнула.

— Под псевдонимом ББ, верно? Это было написано в отчете детектива. Но много он там заработать не мог. В любом случае по общепринятым меркам этот парень совершенно бездарен. Последнее, что я читала из его трудов, это жуткие стихи, в которых речь шла о «растекающихся» сердцах.

Элизабет пожала плечами.

— Я попросила выслать мне газету. ББ пишет очень милые короткие истории, в том же стиле, что и Бренда Болейн.

Илейн покачала головой.

— Даже не представляю… Парень, как мне казалось, абсолютно лишен литературных способностей, а эта книга… — она указала на «Хозяйку Кенвей-Стейшн», — может, и не классика литературного жанра, но написана отточенным языком.

Элизабет усмехнулась.

— И речь, кстати, идет не о семье Биллер. К тому же, как мне кажется, за именем Бренда скорее скрывается женщина.

Илейн изумленно уставилась на нее.

— Ты хочешь сказать, что Бен не имеет к этому отношения? Ты думаешь… Лили? — Она встала и прошлась по комнате. Элизабет едва

успела убрать у нее из-под ног дорогую китайскую вазу. — Проклятье, я ее выпорю! Или подержу, чтобы ее выпорол Тим! Ему этого давно уже хочется! Как она могла?

Элизабет улыбнулась.

— Успокойся, нужно достаточно хорошо знать историю вашей семьи, чтобы заподозрить сходство. Честно говоря, после первых двух книг я не догадалась бы, если бы героя в «Хозяйке» не звали Галахад.

— Она назвала сына в его честь? — Илейн тоже не сдержала улыбки.

— Думаю, Галахад — мужчина ее мечты, — сухо заметила Элизабет. — Я ведь не знаю Бена Биллера, но он должен быть исключительным человеком, чтобы хотя бы приблизиться к герою «Хозяйки». И что будем теперь делать? Есть какие-нибудь идеи?

Илейн так резко тряхнула головой, что локоны выбились из строгой прически, а шляпка окончательно съехала набекрень.

— Я напишу Бренде Болейн письмо от восторженного читателя. И осторожно расспрошу о подробностях своей семейной истории. Может быть, это давно потерявшаяся кузина, которая так мило и запутанно излагает историю наследия Киворд-Стейшн. Посмотрим, что ответит Лили.

Элизабет усмехнулась.

— Очень дипломатичное решение — элегантно и без посвящения в это дело Тима. А вдруг эта Бренда скажется старой школьной подругой? Впрочем, в любом случае ситуацию придется как-то урегулировать, Илейн. Это же настоящий фарс — две семьи воюют непонятно из-за чего.

— Зато оригинально, — заметила Илейн. — Монтекки и Капулетти убивают друг друга, пока Ромео изучает полинезийский, а Джульетта обращает историю своей семьи в деньги. Это даже Шекспиру не пришло в голову!

Многоуважаемая мисс Болейн!

После того как мне довелось прочесть Ваше третье литературное произведение, я решила позволить себе выразить Вам свое глубочайшее уважение к Вашему писательскому таланту. Редко какому автору удавалось так заворожить меня своими фантазиями.

Но прошу Вас, позвольте мне задать вопрос: к своему огромному удивлению, в каждой Вашей работе, изданной на сегодняшний момент, просматриваются параллели с историей моей семьи. Сначала я решила, что это совпадение, потом

подумала, что, возможно, это какое-то родство душ. Такой тонко чувствующий человек, как Вы, вполне мог бы обладать способностями медиума. Но почему же Ваш хранитель описывает Вам историю именно моей семьи? Размышляя обо всем этом, я пришла к выводу, что, вероятно, Вы — наш пока неизвестный или потерявшийся член семьи, который совершенно понятным образом узнал историю моих близких. Если это так, то я была бы рада возможности пообщаться.

Остаюсь искренней почитательницей,

Ваша Илейн Ламберт

Сначала Лили удивилась, увидев почерк адресата, но она получала так много писем от читателей, что давно уже перестала обращать внимание на такие вещи. Однако, прочитав первые строки, она покраснела, а затем захихикала и потянулась к пишущей машинке.

Но потом передумала. И на любимой парфюмированной бумаге написала следующие слова:

Любимая мамочка…

4

Гвинейра МакКензи никогда не была особенно терпеливым человеком, и в этом смысле, несмотря на ее преклонный возраст, ничего не изменилось. Однако это лето потребовало всей ее выдержки и терпения: сначала возвращение Глории и ее отчужденность, затем новое исчезновение, на этот раз с маори, и вот теперь Джек. Тем не менее визит Илейн слегка взбодрил пожилую женщину. Приятно было видеть свою веселую внучку и ее смышленых мальчишек. Носившиеся по всему дому дети заставили его пробудиться к новой жизни. Но Джек не оттаял; он по-прежнему бродил по дому, как привидение. Да и Глория не подавала о себе вестей, хотя Гвин была уверена, что кочующее племя поддерживало связь с оставшимися на ферме маори. Гвинейра не очень хорошо говорила на маори, но ей казалось, что Кири и Моана на кухне часто болтают о гостивших в деревне соплеменниках. Передать с ними весточку было бы легко. Но Глория окружила себя молчанием — и Гвинейра чувствовала, что

ее застоявшиеся чувства вот-вот взорвутся.

В конце концов все выплеснулось на Джека, причем в тот день, когда путешествие маори наконец-то завершилось и они вернулись домой. Кири и Моана, на скорую руку приготовив хозяевам холодный ужин, отпросились пораньше.

— Племя вернуться, мы праздновать! — довольно заявила Моана.

После этого Гвинейра стала ждать появления Глории, но девушка не показывалась. Когда же день стал клониться к вечеру, а та все не возвращалась домой, Гвинейра отправилась к Джеку. Когда ей никто не ответил на стук, она распахнула дверь.

Сын лежал на постели и таращился в потолок. Похоже, он не слышал, что она стучала. Лежавшая у него в ногах Тьюзди вскочила и залаяла в знак приветствия. Гвин отмахнулась от нее.

— Не знаю, чем ты таким важным занят, — набросилась она на сына. — Но, пожалуйста, прервись на пару часов и съезди в О’Киф-Стейшн. Племя вернулось. И я хотела бы… нет, я настаиваю на том, чтобы Глория явилась сюда сегодня же. Я, черт побери, требую не слишком многого. Она все лето делала что хотела. Но сейчас я желаю знать, все ли с ней в порядке. И еще мне хотелось бы выслушать небольшой отчет о том, что она делала на протяжении последних нескольких месяцев. Даже если она снова ограничится фразами вроде «Все было чудесно, бабушка Гвин».

Джек медленно поднялся.

— Я не знаю… Может быть, нам стоит подождать, пока она…

Он точно не знал, что чувствует. С одной стороны, ему не терпелось повидать Глорию, ибо с тех пор, как Маака утром объявил, что племя возвращается, предвкушал встречу с ней. С другой стороны, он боялся этой встречи. Испугается ли она, как и большинство остальных? Будет ли сочувствовать? Презирать? Порой Джек сам ненавидел себя за собственную слабость, замечая неодобрение в глазах других мужчин. Он вспомнил осуждающий взгляд молодого пастуха Фрэнка Уилкенсона. Этот парень еще верил в славу Галлиполи. Он был готов приветствовать Джека как героя и едва ли не просить прощения за то, что сам отказался причаститься к легенде, окружавшей этот проклятый берег. Джек довольно грубо осадил его. И теперь, когда парень увидел, что сделала с ним война, он начал считать МакКензи недостойной тряпкой.

— О нет, Джек, я не собираюсь больше ждать! — решительно заявила Гвинейра и прошлась по комнате. — И если они устроили там свадьбу, ты немедленно вытащишь оттуда невесту и доставишь ее сюда, прежде чем она успеет лечь в спальном доме вместе с этим Вирему!

Джек едва не расхохотался. Его мать была отнюдь не чопорной женщиной, но настолько недвусмысленных слов он не слышал от нее никогда.

— Я бы попытался, мама, но боюсь, что Тонга проткнет меня копьем. Да я и не верю в это. Он бы пригласил тебя. В таком удовольствии он бы себе не отказал!

Гвинейра засопела.

— Он пригласил бы меня завтра! — мелодраматично воскликнула она. — Чтобы показать кровь на простынях!

Джек решил не напоминать ей об обычаях маори. Может быть, когда-то дочерей вождя действительно выдавали замуж невинными, следуя ритуалу, чтобы ублажить каких-то богов. Но современные девушки-маори к моменту выбора мужа давно уже не были девственницами. Обычно они сближались с несколькими мужчинами, прежде чем выбрать одного. Конечно же, Гвинейра знала об этом. Если Глория решила выйти замуж за Вирему, он наверняка не первый ее мужчина.

При мысли об этом Джек почувствовал прилив ярости и одновременно грусти. Ревность? Он покачал головой. Это глупости, Глория — ребенок. И он готов пожелать ей счастья — если она действительно обретет его в объятиях Вирему.

Анвил, конь Джека, ждал в стойле. Думая о мерине, Джек испытывал чувство вины. Он слишком редко выводил его на прогулку, равно как и Тьюзди. Маленькая собачка восторженно кружилась вокруг него.

— Оседлать его для вас, мистер Джек? — спросил Фрэнк Уилкенсон с едва скрываемым презрением. В последнее время Джек иногда принимал его предложение. И теперь ему стало стыдно.

— Нет, оставьте, я сделаю это сам. — Он не выказал слабости, которая одолела его, когда он поднял тяжелое седло.

Анвил стоял спокойно, пока темнота перед глазами Джека снова рассеялась. Джек знал, что это не имеет отношения к его ранению. Просто он слишком мало двигается. Нужно…

Джек натянул подпругу и взнуздал Анвила. Затем вывел его на улицу.

— Я еду в О’Киф-Стейшн, — коротко сказал он. — Вернусь через пару часов. — И тут же отругал себя за то, что отчитывается, словно девушка, решившая прогуляться в одиночестве. Раньше он никогда так не поступал. Но то было раньше, когда он чувствовал себя неуязвимым и никогда не думал, что с ним или его лошадью может что-то случиться, что может понадобиться искать его и быстро найти.

— Я понял, мистер Джек… забирать блудную дочь… — Фрэнк Уилкенсон нагло оскалился.

Джек подумал мимоходом, что его нужно уволить, но не нашел в себе сил на то, чтобы отругать парня.

День был отличный, один из немногих теплых солнечных дней этим летом, которого толком и не было. Проехав несколько миль, Джек почувствовал, что наслаждается прогулкой, и даже пришпорил Анвила, погнав его в галоп. При этом ему вспомнились гонки, которые они так любили устраивать с Глорией. И о лошади, которую он ей обещал. Он не спрашивал Гвинейру, что стало с жеребенком. Но маленькая Принцесса снова была в тягости. Может быть, Гвинейра продала кобылку Вики и теперь пытается умилостивить свою совесть?

Джек пересек ручей, служивший границей между О’Киф-Стейшн и Киворд-Стейшн. Маори снесли старые здания фермы и построили свой *марае* немного западнее. Там и раньше была деревня, но сейчас, поскольку земля официально принадлежала племени, они построили гораздо более роскошные спальные дома и дом для собраний, чем это было принято на острове. Джек ехал по вытоптанной тропинке между огражденными пастбищами. Племя маори держало здесь несколько дюжин овец, но пока животные были еще на высокогорьях вместе с отарами Киворд-Стейшн.

Он уже видел деревенские дома. Перед *варенуи* собрались празднично одетые люди. Джек спешился, чтобы крикнуть ритуальное приветствие и попросить позволения войти в *марае*. В обычной ситуации маори давно заметили бы его, хотя он приблизился к деревне с тыльной стороны. Если кто-то приезжал в деревню, ему повсюду встречались женщины и дети, которые носили воду, ухаживали за животными или обрабатывали огороды.

Но сегодня все внимание было приковано к чему-то, что происходило в доме собраний. А потом из дома вышла девушка, одетая в традиционную одежду маори — пеньковую юбку и тканый верх в цветах племени. Сначала Джек подумал, что это жрица, которая собирается начать какую-то церемонию. Однако девушка спокойно отделилась от группы, а затем, завернув за угол, где ее уже не было видно из *варенуи*, побежала. Девушка что есть духу бежала в сторону леса, из которого только что выехал Джек, очевидно направляясь к ручью, а затем в Киворд-Стейшн, — и едва не налетела на него.

Увидев мужчину и лошадь, девушка остановилась. Когда она посмотрела на него, ее глаза сверкали.

Джек глядел в широкое лицо, которое, однако, было у́же, чем у

большинства женщин-маори. Первым делом он обратил внимание на искусно нарисованные узоры *моко*. Благодаря им глаза девушки казались больше. Голубые глаза… Она была молода, но уже не ребенок; судя по всему, ей около двадцати лет. Ее волосы… густые, непослушные светло-русые локоны были подобраны широкой лентой в тон ее традиционному наряду.

— Пропустите меня! — На лице девушки не было ни страха, ни узнавания — только неприкрытая ярость. Что-то взбесило ее до крайности.

Джек испугался, увидев, что в руке у нее сверкнул нож.

Он поднял руки, словно защищаясь, хотел заверить ее, что ничего ей не сделает. Но потом с губ сорвалось только одно слово:

— Глория?

Девушка вздрогнула. Похоже, она постепенно успокаивалась и теперь внимательнее смотрела на своего собеседника.

Джек ждал признаков узнавания в ее глазах. Сочувствия, испуга, неприятия. Но на лице Глории читались лишь изнурение и усталость.

— Джек, — только и сказала она.

Джек пристальнее вгляделся в ее лицо. Она повзрослела — и, конечно же, он это осознавал. Прошло десять лет с тех пор, как маленькая девочка с залитым слезами лицом взяла с него невозможное обещание: «Если все станет совсем плохо… ты заберешь меня?»

— Я должен забрать тебя домой, — негромко произнес он.

— Ты опоздал. — Она помнила.

— Ты справилась без меня. И ты… ты…

Она стояла перед ним и все еще смотрела на него.

Он не знал, как облечь в слова свои ощущения. В Глории по-прежнему не было ничего воздушного, но лицо ее приобрело более четкие контуры. Проявились высокие скулы, придававшие Куре-маро-тини ее невообразимую красоту, но остались и плоские черты лица, и широкий нос ее предков со стороны маори. Глория загорела после долгого лета в лагере, и ее смуглая кожа составляла восхитительный контраст с ее светлыми глазами. Угловатый подбородок придавал ее чертам решимость, которой не было в лицах большинства коренных жителей острова. Буйные волосы выбились из-под ленты. Это тоже однозначно было наследием *пакеха*; таких волос Джек никогда не видел у маори. В облике Глории обе расы не соединились в восхитительную красавицу, как в облике Куры, а, скорее, боролись за превосходство. В глазах Глории было очень странное выражение. Старое как мир — и, несмотря на это, воинственное, юное и боевое.

— Так ты пойдешь со мной? — спросил он после паузы.

Глория кивнула.

— Я как раз туда и собиралась.

— В таком наряде? — Джек кивком указал на ее коротенькую маорийскую юбочку. — То есть, я хотел сказать… не пойми меня превратно, ты выглядишь чудесно, но…

— Я переоденусь дома.

И Глория решительно тронулась в путь.

— А ты не хочешь поехать верхом со мной? — спросил Джек и тут же осознал неловкость собственных слов. Глория уже не ребенок, которого можно было посадить на круп коня за спиной. И уж точно не с голыми ногами и не в таком наряде.

Однако он оказался не готов к безумному, почти паническому взгляду, которым Глория ответила на его предложение. Она как будто хотела что-то сказать, но потом закусила губу…

Наконец опомнилась.

— Это… это было бы неприлично.

Джек подавил горький смешок. Прежняя Глория никогда не спрашивала, что прилично для девушки. А эта новая, другая Глория… Слово «прилично» звучало так, будто бы она с трудом подбирала правильное слово на чужом языке.

— Тогда поезжай одна, — предложил он. — По-дамски. Ты ведь еще помнишь, как это делается, верно?

Глория насмешливо посмотрела на него.

— Кто не может больше ездить верхом, тот умер, — только и сказала она.

Джек улыбнулся и передал ей поводья Анвила.

— Вот только я не уверен, что смогу помочь. — Джек подошел к Анвилу. Прошло уже несколько лет с тех пор, как он помогал сесть в седло даме по правилам этикета.

Поначалу Глория, кажется, хотела отстраниться; но потом либо воспитание взяло свое, либо она осознала, что ее юбочка обнажит ноги полностью, если она сейчас задерет ногу и поставит ее в стремя, а потом будет производить все те сложные движения, которые требуются для того, чтобы сесть в седло без помощи кавалера.

Поэтому она положила руки на луку седла, осторожно, почти жеманно подняла правое колено и позволила Джеку одним махом посадить ее в седло.

В последний раз он вот так подсаживал в седло Шарлотту. Она была

легкой, как перышко. Но ее действительно приходилось поднимать; сама она ничего не делала для того, чтобы сесть в седло. Глория же оттолкнулась правой ногой и облегчила ему задачу. Она почти грациозно села в седло, а потом постаралась устроиться поудобнее. В дамском седле один или два валика удерживали левую и правую ногу в нужной позиции. Здесь же Глории пришлось самой держать равновесие, но это удалось ей без труда. Она сидела верхом на лошади ровно и уверенно.

— Как принцесса маори, — улыбнулся Джек.

Глория бросила на него гневный взгляд.

— Принцессы маори путешествуют пешком.

Джек ничего не ответил. Он дождался, пока Глория возьмет поводья, а затем пошел рядом с ней. Идти было далеко, но Джек не сказал бы, что он устал. Наоборот, впервые за долгое время он чувствовал себя прекрасно.

— У тебя есть лошадь в Киворд-Стейшн, — сказал он после паузы. — Ты будешь ездить на ней?

— Конечно, — ответила Глория.

Судя по всему, она не собиралась продолжать бывать у нгаи таху. Джек задумался, не стоит ли спросить о Вирему, но решил не затрагивать эту тему. За его спиной в кустах что-то зашелестело. Джек испугался, обернулся, готовый встретить нападающего, — и заметил, что Глория отреагировала точно так же. Оба смущенно рассмеялись, когда из кустов вывалилась Нимуэ. Наверное, она не сразу заметила, что хозяйка ушла, а затем бросилась за ней в погоню. Она весело приветствовала Джека, несколько сдержаннее — Тьюзди.

Джек и Глория, пытаясь скрыть смущение, переключили внимание на собаку. Раньше ни он, ни она не всполошились бы, если бы в кустах что-то зашуршало. В Новой Зеландии практически не было ничего опасного. Здесь не было крупных хищных животных, а с маори они жили в мире. Однако, несмотря на это, они успокоились только тогда, когда достигли пастбищ вокруг Киворд-Стейшн. Равнина просматривалась хорошо.

— Мы опоздаем на ужин, — наконец произнесла Глория. — Бабушка Гвин будет ругаться. — Она говорила, как маленькая.

Джек улыбнулся.

— Она будет рада, что ты снова с ней. А Кири и Моана пошли на *ваиата-а-ринга*, так что ужин все равно холодный. — Он чуть помедлил, подыскивая слова, и добавил: — Я рад, что ты вернулась, Глория!

— Это моя земля, — спокойно ответила Глория.

Однако ее уверенность улетучилась, едва они доехали до конюшен

Киворд-Стейшн. Фрэнк Уилкенсон принял у них коня. Он вместе с несколькими другими пастухами пил виски, и теперь все без исключения таращились на коротенькую юбочку Глории. Девушка покраснела. Джек снял куртку и отдал ей.

— Надо было сделать это раньше, — с сожалением произнес он. У него был и платок, чтобы стереть с нее *моко,* но они не подумали об этом. И сейчас им оставалось только красться через кухню в надежде, что Гвинейра их не заметит.

Однако та стояла в проходе, ведущем в хозяйственные помещения. На ней было то же самое домашнее платье, что и днем, и выглядела она удрученной. Гвинейра никогда прежде не казалась Джеку настолько старой. А еще он заметил на ее щеках следы слез.

— Кого это ты мне привел, Джек? — строго спросила она. — Невесту-маори? Я же пошутила. Не нужно было ее похищать. Она ведь при первой же возможности сбежит обратно к своему племени. — Гвинейра отстранилась от сына и обернулась к правнучке: — Вы что, не могли пригласить меня, Глория? Разве мы не можем отпраздновать здесь? Ты так сильно ненавидишь меня, что я должна узнавать о свадьбе своей внучки от кухарки?

Джек нахмурился.

— Кто говорит о свадьбе, мама? — мягко поинтересовался он. — Глория всего лишь собиралась принять участие в танце. Но потом передумала. Когда я встретил ее, она шла домой.

— Ты всегда ее выгораживал, Джек, — сказала Гвинейра и отстранилась от него, а он, в свою очередь, предупредительно встал между ней и девушкой. — Ну хорошо, Глория, как ты это себе представляешь? Ты будешь жить с Вирему здесь? Или в лагере? Покроете дом тростником, как лачугу Хелен, когда племя заберет его себе? Впрочем, сначала нужно спросить согласия Куры. Пока еще земля принадлежит ей.

Глория встала напротив бабушки, и в глазах ее снова вспыхнули ярость и безумие, которые наполняли ее, когда она бежала из лагеря маори.

— Это принадлежит мне! Только мне! Пусть Кура Мартин только попробует отнять это у меня! И дом не будет принадлежать никому другому, бабушка! Я ничья невеста. И не буду ничьей женой! Я… — Казалось, она хотела сказать что-то еще, но развернулась и побежала прочь — второй раз за день.

Джек вдруг почувствовал ужасную усталость.

— Что ж… тогда я пойду к себе, — натянуто произнес он.

Гвинейра вперила в него полный отчаяния взгляд.

— Да, иди к себе! Все идите! — накинулась она на него. — Иногда мне кажется, что это уже слишком, Джек! Да, это уже слишком!..

Назавтра ни Джек, ни Глория не вышли к совместному завтраку. Гвинейра, которой было стыдно за свою вспышку, узнала от Кири, где эти двое. На этот раз они поменялись стратегиями: Глория сидела в своей комнате и, судя по всему, занималась тем, что разбивала или рвала на мелкие кусочки все свои работы в стиле маори. Джек же поехал кататься и провел день у круга каменных воинов. У Гвинейры было достаточно времени, чтобы выяснить, что на самом деле случилось в *марае* в О'Киф-Стейшн. Кири и Моана охотно делились новостями.

— Тонга хотел женить Вирему. Объявил всему племени. Только не Глори и не Вирему. Они не хотели.

— Вирему хотел! — поправила Моана.

— Вирему хотел *мана*. Но он трус… Глория очень злится, потому что…

— Наверное, он не делить с ней ложе, — заявила Кири и ухитрилась при этом покраснеть. Пятьдесят лет в доме *пакеха* изменили ее представления о морали. — А только делать вид…

Гвинейра прокляла свое недоверие. Нужно было хотя бы выслушать, что скажет Глория. Поразмыслив, она решила проявить великодушие и извиниться перед внучкой. Когда девушка спустилась к ужину — в том костюме старой девы, в котором она встретила Гвинейру в Данидине, — она торжественно выразила свое сожаление:

— Я так испугалась, Глори. Я думала, что ты поддалась на уловки Тонги. Кура тогда едва не попалась…

Глория скривилась.

— Я не Кура! — зло сказала она.

Гвинейра кивнула.

— Я знаю… пожалуйста… Мне очень жаль.

— Все в порядке, — успокаивающим тоном произнес Джек.

Отношения между двумя женщинами почти пугали его. Казалось, Глория винит Гвин во всех своих бедах. Он задумался над тем, что могло случиться с девушкой. Сколько же она путешествовала одна? После долгих размышлений ему удалось вычленить из ее реакции главное: она наверняка пережила свою собственную войну.

— Нет, не в порядке! — крикнула Глория. — Не говори за меня, Джек! Все будет в порядке, когда об этом скажу я… — Она запнулась, а потом, помолчав, натянуто произнесла: — Все в порядке.

Гвинейра перевела дух.

После ужина она задержала девушку, которая хотела уйти в свою комнату.

— Тут пришло кое-что для тебя, Глория. Посылка от твоих родителей. Она пришла пару недель назад.

Глория фыркнула.

— Мне ничего не нужно от родителей! — зло сказала она. — Можешь отправить обратно.

— Но это же письма, дитя, — удивилась Гвин. — Кура написала, что пересылает твою почту. Наверное, агентство, куда приходили письма, переправило их в Нью-Йорк.

— Кто мог мне писать? — мрачно поинтересовалась Глория.

Гвин пожала плечами.

— Я не знаю, Глори, я не вскрывала почту. Может быть, ты все-таки просто посмотришь? Сжечь всегда успеешь.

Ближе к вечеру Глория разожгла огонь перед конюшнями и бросила туда свой праздничный маорийский наряд.

В комнате она вскрыла посылку. Первое выпавшее из нее письмо было распечатано. Наверное, Кура читала его. Глория посмотрела на адрес отправителя:

Рядовой Джек МакКензи, АНЗАК, Каир.

Милая Глория!

Вообще-то, я надеялся, что уже смогу писать тебе в Киворд-Стейшн. Ты ведь окончила школу, и мама рассчитывала, что ее любимая правнучка наконец-то вернется домой. Но недавно она написала мне, что ты совершаешь турне по Америке вместе с родителями. Опыт наверняка интересный, раз ты предпочла это нашей старой ферме. Твоя бабушка Гвин очень опечалена этим, но ведь речь, скорее всего, идет всего о шести месяцах.

Думаю, что ты уже знаешь о моем решении на некоторое время уехать с Киворд-Стейшн и послужить своей стране в качестве солдата. После смерти отца и моей возлюбленной супруги Шарлотты я просто хотел заняться чем-то другим, увидеть что-то новое. Что касается последнего, то в этом отношении я полностью доволен. Египет — восхитительная

страна, я пишу тебе, можно сказать, в тени пирамид. Гробницы, которые торчат, как горы, и не выпускают наружу мертвецов, наводят на мысли о бессмертии. Но что это за бессмертие, если души замуровывают, а тела опускают под землю и тщательно прячут, постоянно опасаясь мародеров? Наши маори не поняли бы этого, и я тоже предпочел бы знать, что Шарлотта под солнцем Гавайки, нежели в вечной тьме…

Глория опустила письмо и задумалась о Шарлотте. Как она выглядела? Она почти не помнила младшую дочь Гринвудов. А Джек… почему ему пришло в голову вдруг написать ей такое длинное письмо? Или, может быть, он делал это всегда? Может быть, школа перехватывала его письма? Почему, по чьей указке?

Глория быстро просмотрела все остальные письма. Не считая нескольких от бабушки Гвин и двух открыток от Лилиан, все они были от Джека!

Глория открыла следующий конверт.

…Современный Каир считается крупным городом, но здесь не наблюдается ни красивых домов, ни площадей, ни дворцов. Люди живут в одноэтажных, похожих на ящики каменных домах, а улицы больше похожи на узенькие переулки. Город живет суматошной, полной забот жизнью, арабы очень деловитые люди. Во время маневров нас почти всегда сопровождает целая толпа одетых в белое мужчин, которые предлагают освежиться. Британских офицеров это сводит с ума, ведь они опасаются, что мы и на войне будем полагаться на то, что рядом всегда будет продавец дынь. В городе они пытаются продать нам местные древности, которые будто бы выкопаны из гробниц фараонов. С учетом количества предлагаемых «раритетов» это маловероятно, не могло же у этой страны быть столько правителей. Мы считаем, что эти люди просто сами вырезают статуи богов и сфинксов. Но даже если бы они были настоящими, я не захотел бы приобрести ничего из того, что они продают, — у меня по спине пробегают мурашки при мысли о том, что можно грабить мертвых, каким бы удивительным ни казался обычай класть предметы в могилу

вместе с покойником. Иногда мне вспоминается маленькая жадеитовая подвеска, которую носила на шее Шарлотта. Хей-тики*, вырезанная женщиной-маори. Она говорила, что это приносит счастье. Когда я нашел Шарлотту на берегу мыса Реинга, подвески у нее уже не было. Может быть, ее носит теперь ее душа на Гавайки? Я не знаю, зачем я тебе все это рассказываю, Глория, — наверное, Египет не идет мне на пользу. Слишком много смертей вокруг меня, слишком много образов из прошлого, хотя теперь оно не мое. Но скоро нас переведут. Ситуация становится серьезной. Планируется атака на турок у входа в Дарданеллы…*

Глория невольно потянулась за собственной *хей-тики*, но потом вспомнила, что бросила ее под ноги Вирему. Лучше так, пусть он куда хочет, туда и девает ее маорийскую душу.

…Я никогда не забуду тот берег, который я увидел в первых лучах рассветного солнца. Маленькая бухта в обрамлении скал, идеальная для пикника или романтического ужина с любимой женщиной. И никогда не забуду звуков того первого выстрела. А ведь с тех пор я слышал сотни тысяч выстрелов. Но тот первый… он нарушил мир, разрушил невинность побережья, на которое Бог до сих пор мог смотреть только с улыбкой. Потом мы превратили его в место, где может смеяться только дьявол…

Глория устало улыбнулась. Наверняка дьявол немало повеселился в этом мире.

Внезапно ей расхотелось читать дальше, и она тщательно спрятала письма под матрас. Они принадлежали ей, и никто другой не должен был найти их — особенно Джек. Возможно, он не захотел бы, чтобы она читала письма сейчас. Он ведь никогда не рассказывал о том, что пережил на берегу Галлиполи. К тому же… Джек писал другой Глории. Наверное, ему представлялся скорее ребенок, девчушка, когда он наглядно описывал, как ездил верхом на верблюдах, и ругал крупных, тяжелых мужчин, потому что они позволяли носить себя по пустыне крохотным ослам. С другой

стороны, некоторые фразы словно обращались к той самой женщине, которой Глория была сейчас. Наверное, Марама сказала бы, что Джеком руководили духи…

Глория легла в постель, но уснуть не могла. Еще было светло, и ее взгляд скользил по голым стенам комнаты, с которых она сорвала вещи маори. Глория встала и достала из дальнего угла шкафа старый альбом. Она открыла его, и на нее уставился разукрашенный вета. Глория вырвала листок, а затем нарисовала дьявола.

5

— Ты не поедешь перегонять овец? — спросил Джек.

Он не ожидал встретить Глорию за завтраком. Ведь пастухи уехали ни свет ни заря, чтобы собрать овец на высокогорных пастбищах и пригнать их обратно на ферму. Почти на четыре недели раньше обычного, потому что на смену влажному и невеселому лету пришла такая же печальная дождливая осень. Гвинейра опасалась потерять слишком много животных, а кроме того, предполагала, что зима будет ранней. Если в горах начнутся серьезные бури и снег, ехать в предгорья Альп будет очень опасно. Не считая того, что по снегу искать животных будет гораздо тяжелее.

— Совсем одна с толпой сорвиголов? — мрачно спросила Глория.

Джек закусил губу. Конечно, Глорию нельзя было отправлять на высокогорье с пастухами. Разве что при условии, что он поехал бы с ней. Он перевел взгляд на мать и прочел в ее глазах немой упрек. Гвинейра считала, что его нежелание ехать — неискреннее, и так же считали пастухи-*пакеха*. О чем думали маори, не знал никто. Но работники и мать не прощали столь длительной слабости. Он был здоров. Если он захочет, то сможет ехать верхом. Но ему была невыносима мысль о палатках, кострах, хвастливых речах пастухов. Все это будет пробуждать воспоминания о смеющихся, перебрасывающихся шутками мальчишках, которые потом погибли в Галлиполи. И немного о Шарлотте, которая пару раз ездила вместе с ним перегонять скот и занималась кухонной повозкой. Они жили в одной палатке, рано уходили спать и лежали, держась за руки, в то время как по брезенту барабанил дождь или же луна светила настолько ярко, что освещала все внутри их временного обиталища. А теперь вместо этого ему предстоят сны, полные бесконечных кошмаров о крови и смерти.

Что ж, по крайней мере Глория, похоже, не собирается упрекать его. Она отнеслась к его отговоркам совершенно спокойно. Судя по всему, ей

было безразлично, помогает он на ферме или нет.

Глория действительно не думала об участии Джека в перегоне скота. Ее слишком сильно занимала собственная дилемма. С тех пор как Глория вернулась после путешествия с маори, она снова стала показываться на конюшне, предложила свою помощь по уходу за крупным рогатым скотом и оставшимися на ферме овцами. Однако мужчины проявили завидное упрямство. Ей не давали каких бы то ни было поручений, а к совместной работе никто и подавно не был готов. Глория уже понимала, что путешествие с маори было огромной ошибкой. А еще большей — то, что она вернулась в короткой маорийской юбочке. Для рабочих-*пакеха* подобный наряд считался бесстыдным. Они до сих пор хихикали за спиной Глории и называли ее «невестой вождя» или «Покахонтас». Уважения от них теперь не дождешься. Ее указаний никто не слушал, на ее вопросы обычно отвечали коротко и иронично. В лучшем случае мужчины отделывались от нее коротким «Да, мисс Глория» или «Нет, мисс Глория», а затем обращались к Мааке или Гвинейре. В худшем случае смотрели сквозь нее или же насмехались в открытую.

С пастухами-маори было не лучше. Хотя они стали уважать Глорию — такие речи, как та, что она произнесла в *варенуи*, всегда производили впечатление на племя, — но намеренно держались на расстоянии. Пассивное сопротивление излишне настырному вождю Тонге — это одно, но кричать на него или швырять идолов под ноги его сыну — это совсем другое. Для маори из племени Тонги Глория была *many*, при этом она не знала, объявили ее таковой или просто так получилось. Ее избегали.

Но Глория привыкла к презрению других людей. Она не обращала на него внимания, смотрела прямо и гордо, когда игнорировали ее указания. Однако сложившаяся ситуация не нравилась девушке, в том числе и потому, что ей не всегда удавалось найти себе занятие. Иногда она часами каталась верхом, пыталась тренировать щенков во дворе. Но это получалось не очень хорошо. Она ошибалась и слышала, как смеются мужчины, когда маленькая колли не подчинялась ей. С молодыми жеребцами было то же самое. Глория проклинала годы, которые потратила в Англии за изучением никому не нужных искусств, вместо того чтобы учиться работать на ферме.

Поэтому она все чаще проводила день не на улице, а в своей комнате, куда обычно уходила уже после обеда. Тогда она открывала одно из писем Джека и погружалась в его описания войны.

Мы окапываемся. Видела бы ты, какая здесь система траншей! Это почти как настоящий подземный город. Турки, в свою очередь, делают то же самое, и если задуматься о том, что происходит в реальности, можно просто сойти с ума. Вот так и сидим, караулим друг друга и надеемся на то, что какой-нибудь дурак с другой стороны окажется чересчур любопытным. Тогда мы снесем ему башку — как будто это что-то изменит в ходе военных действий. Парочка умников из наших придумала перископ, и мы с помощью палки и двух зеркал можем выглядывать, не опасаясь получить пулю. Теперь они конструируют еще и устройство для стрельбы.

Но, в принципе, туркам везет больше. Они просто удерживают позиции на возвышенностях, в горах — если бы их оружие стреляло дальше, они могли бы стрелять прямо по нашим окопам. Но, к счастью, это не так. Впрочем, моего воображения не хватает на то, чтобы представить себе, как мы будем захватывать эту землю.

Сейчас я много размышляю о мужестве, Глория. Неделю назад турки решились на вылазку и проявили просто невероятную храбрость. Мы уничтожили тысячи солдат, но они все выскакивали и выскакивали из своих окопов, пытаясь штурмовать наши. В конечном счете погибло почти две тысячи турок. Представляешь, Глория? Две тысячи убитых мужчин! В какой-то момент мы перестали стрелять — не знаю, отдал ли кто-то такой приказ или же просто проснулась человечность. Спасательные отряды турок унесли с ничейной земли убитых и раненых. А потом началась следующая волна атаки. Что это — мужество или глупость, Глория? Или отчаяние? Это ведь их родина, их земля — они защищают ее. Что бы делали мы, если бы речь шла о нашей родине? И что мы вообще здесь делаем?

Читая эти строки, Глория чувствовала, как гулко колотится сердце. Может быть, Джек понял бы и то, что сделала она, чтобы вернуться в Киворд-Стейшн?

Пытаясь отвлечься, она снова взяла в руки альбом.

После перегона овец Киворд-Стейшн наполнилась жизнью. Повсюду в

паддоках стояли животные, нужно было постоянно кого-то кормить, за кем-то убирать навоз. Гвинейра разработала план, требовавший больших затрат, — она видела, как тают и без того скудные запасы сена, которое удалось спасти от дождей весной. Но ни Джек, ни Глория не помогали перегонять животных и присматривать за рабочими. Джек по-прежнему сидел в своей комнате, да и Глория в последнее время была склонна к уединению.

Отчаявшись, Гвинейра снова решила поговорить с Маакой на этот счет, но маори лишь коротко ответил, что девушка ему не нужна.

— Она мне только ребят запугивает, — бросил он, и Гвинейра не стала расспрашивать, чтобы выяснить подробности.

Ей казалось, что все это напоминает катастрофический стиль ведения хозяйства, который был присущ ее сыну Полу, и женщина решила, что Глория допускает те же ошибки. Конечно, она пыталась заговорить об этом с правнучкой, но в очередной раз поняла, что ей не хватает дипломатичности.

Вместо того чтобы спросить Глорию о том, на что намекал Маака, она стала упрекать девушку. Глория возмутилась и в конце концов убежала к себе в комнату.

Гвинейра не догадывалась, что она плачет там от ярости и беспомощности. Ей нужна была поддержка, а бабушка Гвин встала на сторону ее противников.

От Джека тоже не приходилось ждать помощи. Создавалось впечатление, что жизнь на ферме проносится мимо него и он не желает принимать в ней участие.

Иногда Гвинейре казалось, что она просто сойдет с ума от всего этого. Она по-прежнему придерживалась традиции совместных семейных ужинов, однако Джек и Глория упрямо молчали, когда она заговаривала, к примеру, о недостатке сена и своих тревогах по поводу того, как прокормить животных на ферме. Джек словно не слышал ее, а Глория, кусая губы, угрюмо смотрела на нее исподлобья. В первую неделю зимы девушка время от времени вносила предложения, но Гвинейра не захотела ее слушать, потому что все, что она предлагала, зачастую оборачивалось лишь новыми трудностями.

— Земля вокруг каменных воинов — не *many*, — например, заявила девушка. — Если не хватает корма, животные могут пастись там, ведь это почти два гектара. Конечно, лучше, чтобы святыня стояла на нетронутой земле, но ведь трава вырастет снова. Богам все равно, а Тонга пусть не упрямится.

Но Гвинейру возмутила сама идея — они уже много десятилетий назад признали святыню маори, и она не хотела нарушать договор о неприкосновенности этой земли. Ладно, Тонга постоянно расширяет территорию, на которую претендует, но Гвинейра не хотела ссориться. Даже сейчас.

Глория решила, что ее в очередной раз предали, и замолчала.

Вскоре после Рождества Джек удивил Гвинейру и Глорию, объявив, что едет в Греймут.

— В принципе, желания у меня нет, — сказал он, — но я когда-то обещал Роли приехать к нему на свадьбу. И теперь он настоятельно приглашает, а Илейн и Тимоти Ламберт поддерживают его…

В действительности Джек приходил в ужас при мысли о том, что придется ехать в место, где они с Шарлоттой провели свадебное путешествие. Но сейчас ведь не придется осматривать все достопримечательности Южного острова. Он просто поживет два дня у Илейн — или, что еще лучше, в отеле. Свадебное торжество он как-нибудь переживет, равно как и встречу с Грегом, которого помнил строптивым мальчишкой и который теперь передвигался в инвалидном кресле. Он должен сделать это ради Роли.

Гвинейра равнодушно предоставила в его распоряжение машину, и Джек потратил пару дней на то, чтобы научиться водить. Затем он покатил на ней в Крайстчерч, а там сел на поезд до Греймута.

Илейн и ее сыновья радостно приветствовали его на вокзале.

— Хорошо выглядишь, Джек! — заявила она. — Посвежел, немного поправился. Я буду тебя откармливать, берегись…

Джеку потребовалось усилие, чтобы дать ей понять, что он предпочел бы жить в отеле и не прибавлять забот своим присутствием. Казалось, Илейн была сильно разочарована, но взяла себя в руки и начала его поддразнивать.

— Только не в «Лаки Хорс», Джек! Такую ответственность я на себя не возьму. Хотя Роли настаивает на том, чтобы отпраздновать свадьбу именно там, а мой Тим и все остальные завсегдатаи в полном восторге от его идеи. Однако ночевать там опасно — это будет покушение на твою добродетель!

Наконец Джек поселился в красивой комнате на берегу и провел не один час, глядя на волны, когда за ним приехали Роли и Тим.

— Мальчишник! — смеялся Роли. — Прощание с холостяцкой жизнью! Мы тут устроим, мистер… — он усмехнулся, — прости, Джек! Простите, мистер Тим!

Тим Ламберт рассмеялся.

— Роли, как ты называешь моего… кстати, кто мы друг другу, Джек? В любом случае мне все равно, как ты называешь Джека. Если эта ночь пройдет так же весело и пьяно, как задумано, то в конце концов мы все, наверное, перейдем на «ты».

Муж Илейн был симпатичен Джеку, и он тоже попытался пошутить.

— Кажется, Илейн моя племянница. Но не утруждай себя, Тим, не нужно называть меня «дядей».

Грег Макнамара относился к своей судьбе спокойнее, чем казалось Джеку. По крайней мере сегодня вечером, когда виски лилось рекой. Мужчины уважали инвалида войны, считали его героем. На самом деле Джеку и Роли было неприятно, когда первый бокал подняли за «героев Галлиполи», в отличие от Грега, который сиял и позже без устали рассказывал о своих приключениях на мысе Геллес, стоивших ему здоровья. Гораздо позже нашлась и девушка, которая все это слушала с неподдельным интересом, да еще и уселась на остатки бедер Грега.

— Это действительно бордель, — удивленно произнес Джек, обращаясь к Тиму, который шутил с владелицей заведения, мадам Кларисс, и вспоминал смешные случаи тех давних времен, когда они с Илейн были помолвлены.

— До него наконец-то дошло! — рассмеялась пожилая владелица отеля. — Где вы его откопали, мистер Тим? В самом дальнем загоне Кентерберийской равнины? Я думала, вы были на войне, мистер МакКензи. Вы что, никогда там… ну, скажем так, не искали возможности развеяться с героиней ночи?

Джек покраснел. Он не признавался в этом, но после смерти Шарлотты ему действительно не доводилось обнимать ни одну женщину. Тем более — какую-нибудь продажную женщину Александрийского порта или одного из жалких баров вокруг лагеря в Каире.

— Гера, позаботься об этом мужчине!

Девушка по имени Гера была похожа на маори, но в действительности вряд ли могла принадлежать к одному из племен, иначе она не работала бы в заведении мадам Кларисс. Джек был достаточно вежлив, чтобы не спрашивать. Он с облегчением перевел дух, когда увидел, что эта девушка, пышнотелая, смуглая, с длинными черными волосами, совершенно не напоминала Шарлотту. Джек сумел даже перекинуться с Герой парой вежливых фраз, прежде чем удалиться, хотя время было еще не позднее.

— Уже устали? — удивилась девушка. — Что ж, в принципе, очень

разумно не напиваться до беспамятства за день до свадьбы. Жениху тоже не мешало бы об этом напомнить. Но у нас здесь есть кровати… — Она одарила его манящей улыбкой.

Джек покачал головой.

— Может быть, завтра, — уклончиво ответил он и тут же устыдился своих слов. Разумеется, он и завтра не собирался делить постель с проституткой.

Гера только рассмеялась.

— Мы к этому еще вернемся! — шутливо пригрозила она.

Джек был рад, что смог сбежать. В роскошной комнате с видом на берег ему приснились Шарлотта и Гера, лица которых во сне слились в одно. Но девушка, которую он поцеловал в итоге, была… Глорией.

О’Брайены были католиками, как и Флаэрти, родители невесты. Поэтому терпеливому преподобному отцу методистской церкви пришлось призвать на помощь всю свою толерантность, чтобы позволить венчание в торжественной атмосфере маленькой церквушки. Он действительно пустил в дом божий своего католического собрата из Уэстпорта, а Илейн — не очень к месту, но эту песню хотя бы знали все, — сыграла на органе «Amazing Grace».

Мадам Кларисс появилась со всеми своими девушками, и Гера улыбалась Джеку, в то время как приличные матери жениха и невесты презрительно поджимали губы, стараясь не замечать присутствия юных особ из «Лаки Хорс». На лицах мужчин остались заметные следы похмелья, что несколько расстроило дам, но в конце концов все присутствующие женщины прослезились, когда услышали, как Роли и Мэри четко сказали друг другу «да».

Джек вспоминал свою свадьбу с Шарлоттой и тоже едва сумел сдержать слезы. Рядом с ним громко рыдал Грег. Ему вряд ли светила свадьба. Девушка, с которой он встречался до Галлиполи, бросила его после возвращения. Да и как ему прокормить жену?

После венчания был обед в «Лаки Хорс», что потребовало немалого терпения теперь уже со стороны мадам Кларисс, поскольку миссис О’Брайен и миссис Флаэрти заняли кухню.

— Если бы эти две особы были в Галлиполи, мы бы победили, — заметила Илейн, умудрившаяся ненадолго попасть под перекрестный огонь. — Мадам Кларисс уже опасается, что они обратят в католицизм всех ее овечек. В любом случае мы с Шарлен решительно не нужны. Где шампанское?

Она весело оглядела бар, который незадолго до этого вместе с несколькими другими женщинами и девушками украсила цветами и гирляндами. Убирать не пришлось, это сделала прислуга мадам Кларисс. В «Лаки Хорс» всегда царила безупречная чистота. В этот день часть столов отставили в сторону, в центре комнаты устроили танцплощадку. Там стояли взволнованные Роли и его Мэри, принимая подарки и поздравления от гостей. Мэри пила первый бокал шампанского в своей жизни. В своем кремовом свадебном платье она выглядела просто чудесно. Конечно же, оно было сшито в мастерской матери Роли, которая в очередной раз превзошла саму себя. Никто не владел техникой пользования новомодными швейными машинками лучше, чем она.

Что касается матери невесты, то миссис Флаэрти блистала на кухонном поприще. Даже завсегдатаям «Лаки Хорс» пришлось признать, что их никогда не кормили так вкусно, как сегодня.

Тим Ламберт оплатил шампанское, но бóльшая часть гостей предпочитала виски. Джек удивился, что Гера, которая, судя по всему, пила этот напиток литрами, не пьянела.

Илейн и Шарлен, упитанная супруга Мэтью Гавейна, едва не лопались от смеха. Женщины присоединились к Джеку, который сидел в одиночестве за одним из столов. Другие мужчины еще стояли у бара.

— Девушки мадам Кларисс вообще не пьют, — пояснила Шарлен. — По крайней мере не так много. По субботам после смены всегда можно было получить стаканчик, верно, Илейн?

Илейн кивнула.

— И мне это нравилось. Хотя я всего лишь играла на пианино. Но я серьезно, Джек, там в бокале обычный черный чай. Хоть сегодня все оплачивает Роли, девушки все равно не пьют. Они получают пару центов за каждый бокал, который им предлагают выпить мужчины. Это приличная прибавка — даже я в некоторые вечера буквально тонула в чае. — Она грустно улыбнулась, вспоминая об этом. Джек все еще следил взглядом за Герой, которая танцевала то с одним мужчиной, то с другим. Как и везде на Западном побережье, здесь было больше мужчин, чем женщин, и девушкам мадам Кларисс приходилось подстраиваться. Гера выглядела уже довольно разгоряченной.

— Но она наверняка выпьет шампанского, если ты пригласишь ее, — заметила Илейн, слегка подтолкнув Джека в сторону Геры. — Самообслуживание дорогими напитками строжайше запрещено мадам Кларисс.

Шарлен кивнула.

— Можете спокойно привести несчастную малышку за наш стол, мистер МакКензи, — подбодрила она его. — Ей может потребоваться передышка.

— Несчастную малышку? — переспросил Джек. — Мне вчера показалось, что ей здесь очень даже нравится.

Шарлен фыркнула.

— Это же часть работы, мистер МакКензи. Разве вы стали бы платить проститутке, которая постоянно ноет?

Джек пожал плечами.

— Я никогда еще не платил проститутке, — признался он. — Но если девушкам не нравится… зачем же они это делают?

Илейн и Шарлен, которые были уже несколько нетрезвы, театрально вздохнули.

— Сладкий, — хриплым голосом, которого Илейн не слышала от нее со времен свадьбы с Мэттом, произнесла Шарлен, — тому есть множество причин. Но насчет «нравится» — ни от кого не слышала.

Джек неуверенно поглядел на нее.

— Вы… тоже работали здесь? — смущенно поинтересовался он.

— Точно, сладкий! — расхохоталась Шарлен. — И, предваряя твой следующий вопрос, скажу: нет, я не умею играть на пианино. Я делала то, что делают все остальные девушки.

Джек не знал, куда девать взгляд.

Шарлен закатила глаза.

— Если вам противны бывшие проститутки, вам следует избегать Западного побережья, — злобно произнесла она. — К слову, девушки мадам выходят замуж быстрее, чем она успевает находить пополнение. И только Гера, бедная малышка Гера, не нужна никому. Если эти парни западают на женщин-маори, они берут в жены кого-нибудь из племени. Она тоже рада и остается на месте.

— Нет, нет, вы неверно поняли, — поднял руки Джек. — Я просто думал, что у девушки всегда есть выбор… — Он поставил бокал с шампанским.

Шарлен налила ему виски.

— Выпейте наконец чего-то покрепче, эта пузырящаяся вода вам ведь совершенно не нравится. А что касается выбора…

— Конечно, можно самым честным образом умереть с голоду, — заметила Илейн. — Я, наверное, так бы и поступила. Тогда я предпочла бы умереть, нежели прикоснуться к любому мужчине. — Илейн оказалась в Греймуте после неудачного брака с очень жестоким человеком.

— Тебя бы не спрашивали, милая моя, — горько усмехнулась Шарлен. — Наша мадам Кларисс никого не заставляет, верно, но в большинстве заведений всем заправляют мужчины. И если прибьется такая малышка, как ты, которой, судя по всему, есть что скрывать и которую будто бы никто не станет искать, они начинают ее объезжать. После этого она ломается и готова на все.

Джек сделал большой глоток виски из своего бокала.

— А что касается малышки Геры, — продолжала Шарлен, — то ее продали, когда ей еще и десяти не было. Ее мать была маори, но какой-то парень сманил ее из племени. Золотоискатель. Он утащил ее с Северного острова на Южный. Шансов вернуться домой нет. Когда золото не потекло рекой, он продал девушку — а потом и дочь. Ее никто не спрашивал, Джек.

— И даже если тебя спросят… — добавила Илейн. — У меня была подруга в Квинстауне, она делала это добровольно, чтобы заплатить за билет в Швецию. Она оказалась перед выбором между двух зол…

Тут Джек нашел возможность возразить:

— Но Глория же приехала как юнга. Ей не пришлось…

Шарлен отпила еще шампанского.

— Юнгой? Всю дорогу из Англии до Новой Зеландии?

— Из Америки, — поправил Джек.

Шарлен нахмурилась.

— И за все это время, будучи юнгой, ни разу не сняла рубашку? Не говоря уже о подштанниках? Нет, конечно, я была еще ребенком, когда мы приехали сюда. Но я хорошо помню, как жарко было в Тихом океане. Матросы работали с голым торсом, а чтобы охладиться, прыгали за борт, а потом их затаскивали обратно с помощью канатов. Это была проверка мужества, некоторые погибали.

Джек не хотел говорить о том, как доказывают свое мужество юные матросы.

— Что… что вы хотите сказать? — ощетинился он.

Илейн накрыла его руку ладонью, пытаясь успокоить.

— Она хочет сказать… что если бы все было так… тогда в ее историю должны были быть посвящены хотя бы один-два члена команды… Джек, мне ведь тоже известно только то, что рассказывала бабушка Гвин…

— Один-два? — усмехнулась Шарлен. — С каких пор юнги делят каюту на двоих? Слушай, Лейни, они же спят в чуланах по шесть, а то и по десять человек. Девушку в любом случае заметят, здесь не приходится сомневаться.

— Ну ладно, был сообщник… — Джек налил себе еще виски. У него

дрожали руки.

— И он не потребовал никакого вознаграждения за свое молчание? — усмехнувшись, произнесла Шарлен. — Скорее снимите с малышки нимб, пока он не начал давить!

— Пойди потанцуй, Джек… — Илейн увидела, что Джек с такой силой сжал в руке бокал, что побелели костяшки пальцев. — Гера…

— Гера может выпить со мной, если захочет, но желания танцевать у меня нет. — Джек перевел дух. Он не был склонен к проявлениям ярости. Особенно если кто-то говорил правду.

— И ты, наверное, тоже, Шарлен. — Илейн сделала подруге знак, что той пора уйти. — Бери своего Мэтта и расшевели его. И если получится, пришли ко мне Тима. Он уже слишком долго стоит у бара, потом у него все будет болеть, а он хотел уехать домой в одиннадцать…

Джек молча выпил полбутылки виски. Сначала в одиночестве, потом с Герой, которая просто ждала. Наконец она увела его наверх, и он уснул в ее объятиях.

На следующий день он вручил ей деньги за всю ночь.

— Но ведь ничего не было! — возмутилась девушка. — Ты же должен помнить…

Джек покачал головой.

— Было больше, чем ты можешь себе представить.

Джек МакКензи впервые в жизни платил проститутке.

6

После утомительного дня, проведенного в семье Ламбертов, которые настоятельно просили его посмотреть всех их лошадей и собак, Джек купил билет на ночной поезд до Крайстчерча. На вокзале с ним заговорил высокий худощавый мужчина со светлыми волосами и удлиненным лицом. Джек не помнил его имени, но мужчина вежливо представился:

— Мистер МакКензи? Я Калев Биллер. Мы немного знакомы. Мы с вашей супругой имели несколько очень интересных бесед, когда вы приезжали сюда в прошлый раз.

Джек вспомнил Калева и пожал ему руку.

— Рад видеть вас, мистер Биллер. Вы знаете, Шарлотта… — Он запнулся, ему все еще было больно говорить об этом.

Калев Биллер кивнул.

— Ваша жена умерла несколько лет назад. Мне очень жаль, она была превосходным исследователем. Позже я читал несколько ее статей.

— Да, — негромко произнес Джек, задаваясь вопросом, что нужно Биллеру от него лично. Он ведь наверняка пришел на вокзал не для того, чтобы поговорить о смерти Шарлотты и выразить соболезнования.

— Не хочу показаться невежливым, мистер МакКензи, но… я хотел узнать, распорядились ли вы — а если да, то каким образом — наследием миссис МакКензи. По ее статьям я понял, что она собирала мифы маори, записывала их и переводила…

Джек кивнул, надеясь, что поезд скоро подъедет. Но так быстро отделаться от Калева Биллера ему не удалось.

— Она записала их несколько сотен, — признал он.

У Калева заблестели глаза.

— Я так и думал. Ее очень сильно интересовала эта тема. Но что интересует меня… Где эти записи? Вы предоставили записи вашей супруги какому-нибудь институту?

Джек нахмурился.

— Институту? Да кому это нужно?

— Любому уважающему себя университету, мистер МакКензи. Вы ведь не выбросили записи? — Похоже, одна лишь мысль о том, что эти записи могли быть утрачены, привела Биллера в ужас.

Джека не меньше.

— Выбросить? Да как вы могли подумать? После того как Шарлотта

вложила в них столько труда? Конечно, они у меня. Все ее вещи у меня… Возможно, мне следовало… — Джек смутился при мысли о полных платьев и туфель шкафах, полках с книгами и ящиках, заполненных бумагами, исписанными аккуратным почерком Шарлотты. Нужно было давно просмотреть их, оставить себе несколько личных вещей, а остальное раздать.

Калев Биллер вздохнул с облегчением.

— Я очень на это надеялся. Послушайте, мистер МакКензи, при всем уважении к вашим чувствам, Шарлотта занималась исследованиями не для того, чтобы они остались лежать в ваших шкафах. Она наверняка хотела, чтобы другие исследователи, а с ними и потомки могли ознакомиться с результатами. Вы сможете сделать это?

Джек пожал плечами.

— Если вы считаете, что эти документы кому-то нужны… Хотите, я пришлю их вам? — Он взвалил на плечо рюкзак. Поезд наконец подали.

Калев Биллер колебался.

— Я не совсем тот человек, который нужен в этом случае, — заметил он. — Это скорее для… более литературно и лингвистически ориентированного факультета. Сам я занимаюсь искусством и музыкой коренного населения, понимаете?

Джек в принципе понимал, но считал, что толку от этого мало.

— Слушайте, мистер Биллер, мне пора на поезд. Говорите прямо, что вы задумали. Кому я должен послать документы?

— В принципе, в любой университет…

— Мистер Биллер! В какой? — Уклончивость Калева Биллера бесила Джека. Судя по всему, он хотел, чтобы документы были переданы какому-то определенному факультету, но не мог заставить себя говорить откровенно.

— Может быть… Веллингтон? Там как раз создали доцентуру, которую… — Калев Биллер переминался с ноги на ногу.

— Хорошо, мистер Биллер. Веллингтон. Как только у меня будет время просмотреть материалы, я отправлю их. Кому-нибудь конкретно?

Тут Биллер покраснел еще больше.

— Вообще-то, я хотел попросить вас… это наверняка очень много бумаг. И… возможно, университет пришлет кого-нибудь, кто просмотрит их сам…

Калев хотел, чтобы университет прислал в Крайстчерч какого-то конкретного доцента. Джек удивился, не понимая, что ему с того. А потом ему вспомнилось, при каких обстоятельствах он слышал имя Биллера.

— Скажите, это не ваш сын сбежал с моей внучатой племянницей Лилиан?

Лицо Калева Биллера приобрело цвет переспелого помидора.

— Парень, который сравнивает полинезийские диалекты или что-то в этом роде?

Биллер кивнул.

— Мой сын мог бы оценить записи вашей супруги лучше, чем любой другой, — принялся оправдываться он. Наверное, помогать родственникам найти интересные проекты для исследования было запрещено какими-то академическими нормами.

Джек усмехнулся.

— Я не сомневаюсь. И вероятно, разбирая материал, ваш сын немного восстановит семейные связи.

Биллер закусил губу.

— Я еще не говорил об этом с Илейн, — произнес он. — И тем более с моей женой и Тимом Ламбертом. Они все равно ничего о детях не знают. Признаться, эта мысль пришла мне в голову только вчера, когда я услышал, что вы здесь. Но я действительно рассуждал эгоистично, мистер МакКензи. Надеюсь, у вас вскоре будет время…

Джек заставил себя улыбнуться. Время — не проблема. Проблема заключалась в том, чтобы войти в комнату Шарлотты, вдохнуть ее запах, прикоснуться к вещам, которых касалась она. Но Калев прав. Это нужно сделать. Шарлотта хотела бы этого. Она восстала бы против мавзолея… Джек почувствовал боль в груди и вдруг увидел перед внутренним взором пирамиды египетских фараонов. Души, замурованные с кучей разных предметов, привязанные к этому миру, далеко от Гавайки. У Шарлотты это вызвало бы отвращение. Джек решил заняться ее комнатой на следующий же день.

Чтобы добраться на машине до Киворд-Стейшн, ему потребовался почти целый день. Вообще-то, он мог бы приехать быстрее, но Джек не доверял технике и опасался давить на педаль газа. Напряженный и до смерти уставший, он вернулся на ферму только во второй половине дня, завел автомобиль в сарай и решил зайти в дом через заднюю дверь. Если удастся не попасться на глаза матери, то можно будет поспать еще часа два, до ужина. Тогда он наверняка будет в состоянии рассказать о свадьбе — и встретиться с Глорией.

Но он увидел девушку сразу же, у загона рядом с конюшнями. Огороженный кружок часто использовали для обучения лошадей и собак.

Глория заняла его вместе с щенком колли, которому было, пожалуй, около полугода, собакой из того же помета, что и Тьюзди, и Шэдоу.

— Сидеть! — приказывала она с легким нетерпением в голосе, и Нимуэ, дожидавшаяся хозяйку за пределами загона, послушно садилась. Однако щенок по-прежнему стоял перед Глорией, виляя хвостом, преданно смотрел в глаза, но не собирался выполнять команду, хотя девушка тянула его за ошейник.

— Сидеть!

Непокорные пряди упали на лицо девушки, когда она склонилась над щенком. С тех пор как Глория ушла от маори, она перестала носить ленту и пользовалась заколками для волос, однако эта затея была безнадежной. Джек видел, как она пытается сохранять спокойствие. Она знала, что, общаясь с животными, нужно набраться терпения, но на лице читалось сплошное отчаяние. Джеку казалось, что она очень юна — и очень красива. Ему нравилось ее старание, но такой подход к делу был безнадежен.

Джек подошел ближе.

— Ты даешь щенку противоречивые сигналы, — наконец произнес он. — Собака не понимает, что делать.

— Но я же могу только показывать, что нужно делать, — произнесла расстроенная неудачей Глория. Теперь она попыталась прижать зад колли к земле, но собачка снова встала, как только девушка отпустила ее. — И Нимуэ я тогда научила. Может быть, этот щенок просто глупый…

Джек рассмеялся.

— Смотри, чтобы бабушка тебя не услышала! Глупый бордер-колли — это все равно что овца в клеточку. Нет, все дело в тебе, ты просто разучилась. Вот, посмотри.

Джек пролез между палками, ограждавшими загон, и поздоровался с собакой, приветливо хлопнув в ладоши. Затем взял поводок, потянул за него и при этом отдал короткий приказ. Щенок плюхнулся задом на землю.

— Ну как же так! — вздохнула Глория. — Почему же он меня не слушается?

— Ты допускаешь одну маленькую ошибку, — пояснил Джек. — Отдавая команду и дергая за поводок, ты наклоняешься к собаке. При этом она стремится к тебе, виляя хвостом. Это хорошо. Гораздо хуже было бы, если бы она тебя боялась и пятилась. Но ей ни в коем случае не придет в голову мысль сесть, вместо того чтобы заигрывать с тобой. Смотри, как делаю я…

Глория зачарованно наблюдала, как Джек выпрямился, давая собаке команду сидеть. Щенок посмотрел на него снизу вверх, поднял голову — и

плюхнулся на зад.

— Дай-ка я! — Глория повторила позу Джека, ловко дернула за поводок — и колли присела. Оба, и Глория, и Джек, тут же похвалили собаку.

— Вот видишь, — улыбнулся Джек. — Не глупая собака, а…

— …просто глупая Глория. Я все всегда делаю не так. Думаю, пора бросать. — Глория отвернулась. В обычной ситуации она не позволила бы себе произнести подобные слова, но в этот день ее в очередной раз загнали в угол.

Утром к Гвинейре явился Тонга и с серьезным лицом пожаловался на присутствие нескольких овец на священной для маори земле. Животные действительно перешли границу О’Киф-Стейшн и теперь оказались в том месте, где много десятилетий подряд паслись овцы Говарда О’Кифа, за которыми обычно присматривали пастухи-маори.

Глория, не удержавшись, заявила, что его люди могли бы просто прогнать заплутавших животных, вместо того чтобы устраивать скандал. После этого бабушка Гвин резко отругала ее и признала правоту вождя, но Глория ее поступка не поняла. Гвинейра и Тонга враждовали, сколько девушка себя помнила, и раньше бабушка Гвин всегда защищала ее. Однако сейчас в Киворд-Стейшн отчаянно не хватало работников. В первую очередь к работе на фермах утратили интерес *пакеха*. Те искатели удачи, которые обычно подряжались к ним на работу, записались в АНЗАК, а потом осели в крупных городах — если пережили свое приключение. Поэтому Гвинейра была вынуждена обращаться за помощью к маори. Если Тонга решит бойкотировать ее, она останется одна с десятью тысячами овец. Она была не готова отважиться на подобный шаг и поэтому уступала.

Глория считала иначе и позже не постеснялась заявить ей об этом.

— Лучше было бы пригрозить уволить работников *нгаи таху*! — заявила она, злясь из-за того, что ее поставили на место в присутствии вождя, который, тая злорадную ухмылку, пытался продемонстрировать мудрость. — Тогда они быстро выйдут на баррикады. Урожай был плохим, все семьи вынуждены работать. У Тонги нет такого количества *мана*, чтобы послать племя кочевать среди зимы, потому что у них не будет еды. Ты слишком мягкая, бабушка!

Теперь боль от выслушанного упрека ощутила Гвинейра, которая по праву считала, что уже не первое десятилетие прекрасно руководит фермой в одиночку. Еще при жизни Джеральда Уордена она управляла практически всем.

— Когда унаследуешь ферму, Глория, тогда и будешь руководить ею,

как сама пожелаешь! — зло заявила она. — Но пока руковожу я, тебе придется считаться со мной. Поезжай и собери этих проклятых овец!

Ничего не видя за пеленой слез, Глория бросилась прочь из дома, взяв лошадь и собаку, — и больше ни одного помощника, что впоследствии, как выяснилось, было фатальной ошибкой. Шаловливые молодые барашки, убежавшие из загона, ни в какую не хотели слушаться. Даже с опытной Нимуэ Глории потребовалось почти полдня, чтобы загнать их и кое-как починить загон. Позже Маака доложил Гвинейре, что животные снова убежали. Еще один упрек Глории. Девушка была слишком горда, чтобы сказать Гвинейре, что она сразу же по возвращении попросила Фрэнка Уилкенсона послать людей с инструментами починить забор. Уилкенсон снова проигнорировал ее, и несколько часов спустя этим делом занялся уже Маака. Барашки к тому моменту давным-давно нашли брешь в паддоке.

В результате Глория ушла к себе в комнату, чтобы снова взахлеб читать письма Джека, но описание повседневной лагерной жизни между атаками и его бьющая через край печаль только еще больше расстроили Глорию. Рисование днем тоже не помогало; чтобы перенести рисунки из головы на бумагу, девушке нужна была темнота.

Наконец она вышла из дома, чтобы потренировать собаку, — и снова поражение. На сегодня с Глории было довольно, и в виде исключения она решила это озвучить.

Джек покачал головой.

— Ты так же неглупа, как и собака, — заявил он. — Просто ты не знала этой уловки. В чем проблема-то?

— Ты знаешь и другие такие уловки? — неохотно поинтересовалась Глория.

Джек кивнул.

— Сотни, — уверенно ответил он. — Но сегодня я слишком устал. Давай я покажу тебе их завтра?

На лице Глории появилась улыбка. Джек едва не перестал дышать. С тех пор как он вернулся в Киворд-Стейшн, ему не доводилось видеть, чтобы она открыто улыбалась. Чаще всего Глория ограничивалась кривой усмешкой. Но сейчас у нее светились глаза. Он увидел в них отражение доверия, с которым Глория относилась к нему в детстве, — и восхищения.

— Давай! — негромко ответила она. — Но там, где никто не будет смотреть…

Занятия с Глорией и колли были отличным предлогом еще немного отложить необходимость заняться наследием Шарлотты. Джек не совсем

понимал, почему все должно происходить втайне, но он подчинился желанию Глории и встречался с ней на выеденном овцами выгоне, а несколько раз даже в круге каменных воинов, чтобы сначала показать ей основы дрессировки с Тьюзди и Нимуэ, а потом тренировать щенков.

— Правда ли то, что ты тогда сказала? — спросил он девушку, когда они возвращались домой, ступая по пышной, но по-зимнему бурой траве. — Что на этой земле вообще нет никаких *many*?

— Конечно, — гордо ответила Глория. — Ты сам можешь прочесть эту историю. Ронго Ронго говорит, что она рассказывала ее твоей… твоей супруге.

— Ее звали Шарлотта, — негромко произнес Джек. — И она собрала тысячи историй.

— Этой точно пара сотен лет, и все рассказывают ее по-разному. Но в круге камней, судя по всему, однажды было что-то вроде поединка. Двое мужчин с сильным *мана* повздорили из-за чего-то…

— Из-за женщины? — спросил Джек.

Глория пожала плечами.

— Ронго Ронго говорила о рыбе. Какой-то говорящей рыбе или что-то в этом роде, я не запомнила. А может быть, о духе в рыбе… Но будто бы мужчины затеяли спор о том, кому будет принадлежать слава поймавшего ее. Она сделала бы *мана* рыбака еще сильнее. Все закончилось кровопролитием, оба мужчины погибли. С тех пор место битвы стало *many*. Ничего особенного, многие священные места когда-то были местом поединков…

Джек кивнул, думая о Галлиполи. Было бы здорово оставить теперь тот берег в неприкосновенности навсегда.

— Внутри каменного круга нам… маори нельзя есть и пить. Это место, где следует углубиться в свои мысли и почтить духов предков. Строго говоря, там никого нельзя было хоронить. Но таков уж Тонга — он толкует любое *many* так, как ему удобно. Ведь за кругом камней ничего не произошло. И если там будет пастись парочка овец, на духов это не повлияет.

— Я думаю, что Уордены не посылали туда овец только для того, чтобы они случайно забрели в круг камней, — произнес Джек.

— Возможно, именно с этого все и началось, — сказала Глория. — Но что бы ни говорил Тонга, мы можем обнести круг камней забором, чтобы овцы туда не заходили, и тогда никакого святотатства не будет. Конечно, молиться в обнесенном колючей проволокой месте не очень-то приятно, но…

— В такую погоду все равно сюда никто не придет! — заметил Джек.

Стоял туманный и пасмурный день. Альп не было видно за пеленой дождя, дул сильный ветер. Джек в тысячный раз спросил себя, почему в такую погоду нельзя заняться тренировкой собак в сарае. Впрочем, он уже заметил, как рабочие относятся к Глории. Если бы он проводил в хозяйственных постройках больше времени, то обратил бы внимание на язвительные насмешки *пакеха* в адрес Глории намного раньше. Что касается маори, то они при появлении Глории тут же исчезали. Неудивительно, что девушка мечтает о суровых мерах, чтобы вернуть уважение к себе.

— И это же не навсегда, — продолжала рассуждать Глория. — Всего на пару недель, чтобы сэкономить сено. Оно, кстати говоря, заканчивается. Маака уже наводил справки на других фермах. К сожалению, ни у кого ничего нет на продажу. Я не представляю себе, как бабушка Гвин собирается решать эту проблему. — Девушка зябко поежилась, несмотря на то что была одета в непромокаемый вощеный плащ. Густые локоны, которые ветер и дождь швыряли ей в лицо, липли к щекам. Она нетерпеливо отбросила волосы назад. Джек вспомнил это движение. Оно сохранилось еще с детства, когда неукротимые волосы Глории не хотели держаться в хвостике. А потом вдруг она их отрезала. Джек улыбнулся, вспомнив, как ужаснулась мисс Бличем. Сегодня прическа Глории соответствовала последнему писку моды. В Англии самые смелые девушки как раз примеряли первые короткие стрижки. Глории бы пошло.

— Бабушка Гвин старая, ей больше восьмидесяти лет, — извинился Джек за мать. — Ей уже не хочется ссориться.

Глория пожала плечами.

— Значит, она должна передать руководство фермой.

Джек закусил губу, пытаясь отогнать чувство вины. Гвинейра и Джеймс МакКензи много лет назад уступили управление фермой ему. Когда они с Шарлоттой жили на ферме, Джек был старшим мастером. Порой он обсуждал свои решения с родителями, но ни отец, ни мать никогда всерьез не оспаривали их. Гвинейра давно уже могла уйти на покой — если бы он не отправился на эту бессмысленную войну. Джек вспомнил о попытках Мааки снова передать ему руководство фермой после возвращения с войны и подумал, что нужно взять себя в руки и хотя бы просмотреть учетные книги, разобраться с запасами сена, а потом уже серьезно поговорить о территориальных претензиях Тонги. Но ведь он не может даже собраться с духом и перебрать вещи Шарлотты. Впрочем, занятия с Глорией, похоже, не утомляют его. Напротив, он всегда с

нетерпением ждет их.

— Дело в том, что земля в районе круга камней нас тоже не спасет, — наконец произнес он. — Может быть, неделю или две мы выиграем, но…

Глория подняла брови.

— Джек, круг камней — это же только верхушка айсберга. Я могу показать тебе четыре, а то и пять кусков земли, на которых мы не выпасаем овец из уважения к духам маори. Обычно это не проблема, как я уже говорила, но этой зимой… И по большей части претензии Тонги безосновательны.

— По закону это так, — заметил Джек. — Уордены приобрели эту землю на законном основании, даже Тонга в конце концов признал это.

— Претензии несправедливы в любом отношении! — подтвердила Глория. — Нельзя же признавать каждый уголок земли, где когда-то подрались мальчишки-маори, *many*. Тонга довольно грязно играет с бабушкой Гвин.

— Завтра придут колонны стригалей, — объявила за ужином Гвинейра МакКензи своему сыну и правнучке.

Была середина сентября, погода улучшилась. Временами, когда Джек и Глория ездили на прогулки верхом и брали с собой собак, им казалось, что весна уже близко. Почти ежедневные тренировки приводили их на какой-нибудь выгон. Все четыре молодые собаки благодаря обучению приобрели необходимые навыки, а Нимуэ, которая прошла все это еще раз, достигла пика своей формы. Теперь нужно было использовать умения собак в работе с овцами — и щенки учились этому с головокружительной скоростью. Как и все бордер-колли, они были прирожденными овчарками. Глория едва не лопалась от гордости за своих маленьких питомцев и даже думать не хотела о том, что, возможно, летом их будут продавать. В Киворд-Стейшн было достаточно взрослых, полностью обученных животных.

— Уже? — спросил Джек. — Не слишком ли рано, мама? Мы ведь никогда не стригли раньше октября, да и то не в первые дни месяца.

Гвинейра пожала плечами.

— У нас больше нет сена, нужно перегонять раньше. Если погода продержится, то в середине октября овцематки смогут уйти в горы.

— Но это же безумие, это… — Глория уронила вилку и бросила на прабабушку сверкающий негодованием взгляд. — Это слишком рано! Мы потеряем половину ягнят!

Гвинейре очень хотелось ответить резко, но Джек сделал движение рукой, пытаясь успокоить ее.

— Погода может перемениться в любой момент, — спокойно произнес он.

— Может, но не переменится! — заявила Гвинейра. — Она должна улучшиться. После такого ужасного лета и дождливой зимы… Когда-то же должны прекратиться дожди.

— На Западном побережье дождь идет триста дней в году! — напомнила Глория.

— Конечно, дождь прекратится, — сказал Джек. Он повозил вилкой по тарелке. У него тоже пропал аппетит. Глория права — его мать вот-вот готова была принять ошибочное решение. — Но не прежде, чем весна начнется по-настоящему. И необязательно сразу в Альпы, мама. Ты же знаешь, какая там сейчас погода!

— Нам ничего другого не остается. Придется уповать на погоду. Что там с сараями для стригалей? Кто-нибудь из вас хочет заняться этим вопросом? Третий номер еще свободен, если только его не займу я.

Гвинейра испытующе поглядела сначала на одного, затем на другого. Она никогда бы не призналась в этом, но ей срочно нужна была помощь. В последнее время, наверняка из-за промозглой погоды, у нее очень сильно болели суставы. С этого все и начинается, думала Гвинейра, и часто вспоминала Джеймса с его артритом.

— Ни в коем случае! — заявил Джек.

Сейчас по его матери хорошо был заметен ее возраст. За последние месяцы Гвинейра словно бы съежилась. Она всегда была маленькой и хрупкой, но теперь казалась крохотной и слабой. Волосы совсем поседели и утратили упругость. По утрам Гвинейра небрежно собирала их в пучок. Ее испещренная морщинами кожа придавала ей сходство с одной из древних лесных фей с ее кельтской родины. Образ прекрасно дополняли глаза, все еще сиявшие лазурной синевой и силой. Британских лесных фей побороть было тяжело.

— Если никто из вас этого не сделает… — холодно заявила Гвинейра и выпрямилась.

— Я сделаю, — сказала Глория, предупреждающе сверкнув глазами. Она прекрасно знала, что бабушка скорее рассчитывала на помощь Джека. Но пусть попробует сказать это вслух!

Что касается контроля в сарае для стригалей, то Глория терзалась сомнениями. С одной стороны, ей очень хотелось взять на себя эту задачу. Она знала, в чем суть; еще в детстве девушка помогала записывать результаты одного стригаля и целой колонны на висевшей на стене доске. Сарай с лучшими результатами получал в конце приз, и, конечно же,

Глория нервничала вместе со «своими» стригалями. Она предвкушала, что на этот раз возьмет на себя ответственность одна — и справится с задачей.

С другой стороны, мужчины сделают все, чтобы она на себе испытала, почем фунт лиха. Женщине всегда тяжело пробиться, а слухи, ходившие о Глории, только усугубляли ситуацию. Сейчас уже болтали, будто она веселилась с матерью в Америке и была танцовщицей, а танцовщица для этих грубых людей, которые слышали музыку только в пабе, была фактически той же проституткой. Вследствие этого Глории все чаще приходилось бороться с приставаниями, которые были не такими сдержанными, как в первое время, когда ей оказывал внимание Фрэнк Уилкенсон.

И вообще, этот Уилкенсон… Кажется, он очень разозлился на нее за ту отстраненность, с которой она вела себя, сталкиваясь с ним. Судя по всему, она ранила его гордость тем, что в конце концов присоединилась к маори. За этим, как считали мужчины, стоял воин из племени, и их приводил в ярость тот факт, что белые женщины, которых здесь было значительно меньше мужчин, выбирают туземцев. Уилкенсон и его друзья всячески выказывали Глории свое презрение. Хотя с этой частью своей истории девушка вполне могла жить.

Но страх от того, что со временем откроется еще какая-то страница ее прошлого, не давал Глории спать. Гвинейра и Джек, возможно, и верили, что она сумела пересечь океан и Австралию, работая юнгой и разнорабочим. Ребята, собиравшиеся вокруг Уилкенсона, не поверили бы ей никогда в жизни. Слишком хорошо они знали, каково приходится бродягам и ловцам удачи. Девушка в мужской одежде никогда не останется незамеченной.

Что до бабушки Гвин, то ее, похоже, решение Глории не порадовало. Она бросала на Джека многозначительные взгляды, но тот делал вид, будто не замечает их. В свою очередь Джек терзался чувством вины. Нужно было хотя бы предложить Глории свою помощь. Но он по-прежнему содрогался при мысли о шуме, голосах мужчин, смехе и этом грубом товариществе, которое возникает словно само собой, — все это заставляло его вспоминать лагерную жизнь в Александрии. Может быть, в следующем году…

— Нужно наконец разобрать вещи в комнате Шарлотты, — увильнул он. — Я писал в этот университет. Они скоро ответят, и тогда…

Гвинейра уже научилась обращаться с сыном предупредительно и осторожно. Поэтому она не стала закатывать глаза, а лишь тихонько вздохнула и повернулась к внучке.

— Ну хорошо, Глори, — спокойно произнесла она. — Но, пожалуйста,

следи за тем, чтобы считать правильно и ни на что не поддаваться. Соревнование между сараями не имеет ничего общего с личным тщеславием, оно служит исключительно для того, чтобы стригали работали быстрее. Так что не позволяй себя увлечь…

— Подделать результат? — швырнула Глория ей в лицо. — Мне кажется, ты шутишь!

— Я просто напоминаю. Пол… — Гвинейра закусила губу. Много лет назад Джеральд Уорден передал своему сыну Полу надзор за одним сараем для стригалей, и мальчишка устроил настоящую неразбериху.

Джек знал эту историю, Глория наверняка тоже. Старые пастухи еще в детстве дразнили ее дедовым неумением считать.

— Мама, Пол Уорден был тогда еще ребенком! — заметил Джек.

— А Уильям… — не сдавалась Гвинейра.

Глория закусила губу. Ее отец тоже не очень-то зарекомендовал себя в работе на ферме. Но подозревать Глорию в ошибках Уильяма было нечестно. Девушка вдруг почувствовала навалившуюся на нее усталость. Нужно подхлестнуть себя, не дать пролиться предательским слезам.

— Мне надоело это слушать! — в ярости закричала она. — Если ты считаешь, что я слишком глупа или тщеславна, чтобы вести счет, бабушка, то делай сама. В противном случае завтра на мне сарай номер три.

Явившись на работу в брюках для верховой езды, Глория тем самым обеспечила небольшой скандал, хотя постоянные работники Киворд-Стейшн давно привыкли к тому, что девушка обычно работала в просторных бриджах. Глория сама шила себе брюки и никакой проблемы в этом не видела. От модных юбок-брюк они отличались лишь тем, что она заправляла штанины в сапоги. А так как в это утро нужно было заниматься не столько стрижкой, сколько загоном овец, Глория появилась на лошади и в обычном своем наряде. Мужчины из колонны стригалей, прибывшие около полудня, смотрели на нее удивленно — и в первый же перерыв были посвящены пастухами во все скандалы, связанные с Глорией Мартин.

Ситуация осложнилась еще и тем, что к третьему сараю приписали Фрэнка Уилкенсона. Глория полагала, что Гвинейра сделала это нарочно. Уилкенсон, будучи ближе всех к статусу старшего мастера, по всей вероятности, должен был надзирать за процессом и людьми. Конечно, они тут же стали недоверчиво коситься друг на друга — впрочем, подобное поведение было для них обычной историей.

На самом деле Уилкенсону, как и всем остальным мужчинам в Киворд-Стейшн, которые владели необходимой техникой, было поручено стричь

овец. Как правило, постоянные рабочие помогали стригалям, а хорошие стригали с фермы — каким раньше был Джеймс, а потом и Джек МакКензи — вполне успешно конкурировали с профессионалами. Это обеспечивало дополнительное напряжение во время соревнования. Надсмотрщик должен был следить за тем, чтобы работали все мужчины, а не занимались тем, чтобы воодушевлять конкурентов и отвлекать их криками. Вот и в третьем сарае Уилкенсон и самый быстрый стригаль из колонны мгновенно начали работу, и Глория едва успевала записывать их результаты. Это подзадорило остальных, поэтому у Глории возникло ощущение, что она хорошо контролирует работу, — пока Фрэнк Уилкенсон и его люди не начали сомневаться в результатах.

— Да ну, Покахонтас, этого не может быть! Это была двухсотая овца, а не сто девяностая. Ты обсчиталась!

Глория постаралась отреагировать спокойно.

— Во-первых, мисс Глория, мистер Уилкенсон. Во-вторых, счет был верен. У мистера Шэффера двести, у вас отставание на десять животных. Так что лучше поторопитесь и стригите, вместо того чтобы затевать спор.

— Я тоже видел, — заявил Боб Тейлор, лучший друг и собутыльник Уилкенсона. — Я тоже считал.

— Да ты и считать-то не умеешь, Боб! — крикнул кто-то.

— По крайней мере не можете одновременно считать и стричь, — заметила Глория. — Если бы вы не пытались делать два дела сразу, вам бы удалось настричь больше восьмидесяти пяти…

— Не наглей, дочка вождя!

Боб Тейлор встал перед Глорией. Она нащупала нож… и тут же подумала, что это было бы неправильно. Глория глубоко вдохнула, чтобы успокоиться.

— Мистер Тейлор, — ровным голосом произнесла она. — Так не пойдет. Убирайтесь отсюда, вы уволены. А остальных попрошу продолжать работу.

Она сверкнула глазами, и рабочий потупил взгляд. Глория перевела дух, когда Тейлор направился к двери.

— Я этого так не оставлю! — бросил он, выходя из сарая.

Глория подумала уже, что победила, — но Фрэнк Уилкенсон поднял голову и улыбнулся своему приятелю.

— Сначала я должен выиграть это соревнование, Бобби. Но потом я проясню этот вопрос с мисс Гвин, не переживай!

Глория снова сделала ему замечание, сохраняя при этом видимость спокойствия. Она научилась сдерживать себя после своего приезда на

ферму, когда поняла, что вспышки ярости не приносят ничего хорошего. Но весь остаток дня ее мучил страх.

И он оказался небеспочвенным. Фрэнк Уилкенсон доказал, что он самый быстрый стригаль в сарае номер три и вечером с результатом двести шестьдесят восемь обошел всех остальных.

Глория увидела его в кабинете Гвинейры, когда она, грязная и усталая, вернулась домой после работы.

— …просто она чересчур вспыльчива, а Боб… ну, он не может не поддразнить девушку…

Глория знала, что должна войти, прояснить ситуацию и защитить свое решение. Но вспомнила о своем последнем споре с Гвинейрой из-за Тонги и решила не вмешиваться. Обидевшись, девушка отправилась в ванную.

За ужином Гвинейра сказала ей, что она снова наняла Боба Тейлора. Глория молча встала из-за стола и ушла к себе в комнату. Выплакавшись, она снова погрузилась в чтение писем. К этому моменту она прочла уже почти все. Письмо, которое она держала сейчас в руках, было датировано 6 августа 1915 года. Вскоре после этого Джек был ранен. Глория развернула листок.

Сегодня во время корабельной атаки погибло две тысячи человек. Только для того, чтобы отвлечь турок. А завтра будет еще ужаснее. Мы выскочим из окопов и с криками понесемся под вражеский огонь. Новобранцы, похоже, даже радуются этому. Сегодня вечером я буду сидеть с ними у огня и слушать их россказни о том, как они станут героями. Что до меня, то постепенно я начинаю ненавидеть все это братание у лагерных костров. Люди, с которыми я сегодня пью, завтра, возможно, будут мертвы. А мы будем пить, нам выдали виски. Эту битву не выиграть.

Глория точно знала, как чувствовал себя Джек. Она рисовала полночи.

7

Джек МакКензи никогда еще так сильно не ссорился с матерью, как в этот вечер.

— Как ты могла сначала позволить ей надзор, а затем зарывать в землю ее авторитет? Может быть, Глория была совершенно права. Боб Тейлор подонок!

— Мы все знаем, что он не мальчик из хора, — ответила Гвинейра, складывая салфетку. — Но Глори пора научиться не обращать внимания на мелкие насмешки. Боже мой, когда я была молода, ко мне тоже приставали. Они же мужчины. И их не учили хорошим манерам.

— А что, если эта история выглядела совершенно иначе? Почему Фрэнк Уилкенсон вступился за этого парня? Может быть, он имеет к этому отношение? Ты должна была хотя бы выслушать Глорию. И даже если она приняла неверное решение, нужно было поддержать ее, потому что она отвечала за ход стрижки, а значит, ее слово — закон. Мы всегда так поступали. Либо ты доверяешь ей, либо нет! — Джек отодвинул тарелку в сторону и подумал о Глории, которая осталась голодной после такого напряженного дня. Девушка и так все худела и худела. Джеку вспомнилось ее лицо, на котором в этот вечер вопреки обыкновению читалась не ярость, а отчаяние.

— Вот то-то и оно, Джек. Я не знаю, могу ли я ей доверять, — сказала Гвинейра. — Глория упряма и зла на весь мир. С работниками фермы общего языка не нашла, с маори, судя по всему, тоже не ужилась. Что-то не так с этой девушкой…

— Мама…

Джек не знал, как ей объяснить. Он вообще не мог ничего сказать. Если скажет — выдаст Глорию; это означало бы разрушить доверие. Она, конечно, не рассказывала ему свою историю. И то, что, как ему казалось, он теперь знает, пришло из третьих рук. Но кто он такой, чтобы обсуждать то, о чем не может сказать сама Глория?

На следующее утро Джек пересилил себя и отправился к сараям стригалей. Он не хотел вливаться в работу по-настоящему и не знал, что сделать, чтобы помочь Глории. Если он заберет у нее руководство, это будет не менее унизительно. Но что-то нужно было сделать.

Джек толкнул дверь в сарай и едва не оглох от блеяния овец и криков мужчин, сообщавших Глории свой результат. От пыли горела слизистая, и Джек с трудом подавил желание прокашляться. Он поискал взглядом Глорию; девушка стояла в центре помещения у доски и казалась маленькой и уязвимой. В первом ряду работали Фрэнк Уилкенсон и Боб Тейлор.

— Джек… — Глория не знала, радоваться ей или злиться. Может быть, Гвин послала Джека, чтобы он сменил ее?

Джек слабо улыбнулся.

— Я… решил проверить, не разучился ли я, — громко сказал он, чтобы его услышали Уилкенсон и другие первоклассные стригали. — Откроешь мне счет?

Несколько стригалей постарше зааплодировали. Раньше Джек МакКензи был в числе лучших.

Глория тоже знала это. Она одарила его очаровательной улыбкой.

— Ты уверен?

Джек кивнул.

— Не думаю, что смогу выиграть. Но я в деле! — Он взял прибор для стрижки и выбрал себе рабочее место. — Посмотрим, насколько я подзабыл…

Взяв первую овцу, Джек привычным движением уложил ее на спину. Конечно же, он совершенно не разучился. Эти движения он проделывал тысячу раз. Его руки летали над телом животного.

К полудню Джек до смерти устал, но настриг на десять овец больше, чем Уилкенсон. Однако в общем счете победил профессионал Роб Шеффер.

Джеку не хотелось оставлять Глорию одну, но он знал, что отстанет, если будет продолжать. Легкие горели, он чувствовал смертельную усталость. Поэтому он снова извинился и сказал ей, что пойдет работать над наследством Шарлотты.

— И не опозорьте шефиню! — добавил Джек, строго глядя на Уилкенсона. — Мисс Глория делает эту работу впервые, но в скором будущем она будет руководить фермой. Думаю, если вы победите, по такому случаю она выкатит еще один бочонок!

Когда он уходил, Глория бросила на него полный благодарности взгляд.

Вечером Глория переоделась к ужину, хотя у нее не было большого желания встречаться с Гвинейрой. Чего доброго, снова придется в чем-то оправдываться. И действительно, во второй половине дня Уилкенсон снова попытался усомниться в записях Глории, но на этот раз против него восстали все стригали.

— До сих пор я не видел никаких ошибок, — заявил Роб Шеффер. — Может быть, тебе просто стоит стричь быстрее?

Глория не совсем понимала почему, но приход Джека укрепил уважение к ней самой.

Усталая, она вышла из сарая и была удивлена тем, что за дверью ее ждал Джек. Судя по его виду, у него болело все; мышцы отвыкли от

тяжелой работы, глаза слезились от летавшей в сарае пыли, а когда он заговорил с Глорией, то едва не захлебнулся от кашля.

— Отвык от хорошего, — пошутил он, когда Глория встревоженно оглядела его. — Надеюсь, ты не откажешься от мяса гриль. Ах да, я принес тебе куртку. Сегодня мы поедим со стригалями. Мама пожертвовала барашка, а мы возьмем с собой бочонок пива. Пора нам показаться у костров.

— Но ты… — Глория не договорила. Может быть, ей просто кажется, что после Галлиполи Джек избегает общества мужчин.

Джек взял ее за руку — и Глория испугалась прикосновения, но подавила свой страх.

— Я справлюсь, — сказал он, мягко сжав ее пальцы. — И ты тоже справишься.

Напряженная до предела, Глория сидела с мужчинами у костра и односложно отвечала на их шутки, однако это не мешало стригалям прославлять ее щедрость за бочонок пива. Самые старшие из них еще помнили детство Глории на ферме и начали подтрунивать над ее утонченным английским воспитанием.

— Повежливее с юной леди! — советовали они младшим стригалям из третьего сарая. — А то она опять от нас сбежит. Мы уже не верили, что вы вернетесь из Англии, мисс Глори. Думали, что выйдете там замуж за лорда и будете жить в замке!

Глория натянуто улыбнулась.

— Что мне делать в замке, мистер Гордон? — спросила она. — Я именно там, где хотела быть.

Постепенно Глория расслабилась и поздно вечером, когда Джек проводил ее до двери комнаты, чувствовала себя на редкость хорошо. Они ушли от костров, потому что снова зарядил дождь. Глории пришлось в очередной раз сражаться со своими волосами, которые от влажности стали виться еще сильнее. Девушка отчаянно пыталась убрать их назад, и Джек с улыбкой сказал:

— Может, тебе стоит вообще состричь их? — И удивился, заметив, что Глория вдруг побледнела.

— Думаешь, было бы красиво, если бы я…

Джек представлял себе фотографии современных девушек с короткими стрижками и, конечно, не думал ни о чем таком, когда произнес эти слова. Но Глория вспомнила лица мужчин, которые при виде ее обритой наголо головы возбуждались еще сильнее, и кровь застыла у нее в жилах.

— Ты мне всегда кажешься красивой… — ответил Джек, но Глория уже не слышала его. В панике она вбежала в свою комнату и захлопнула за собой дверь.

Глории потребовалось два дня, прежде чем она снова смогла смотреть на Джека. А Джек, который вообще не понял, что произошло, много раз извинился, пытаясь вернуть ее расположение. И только спустя какое-то время, уже расслабившись, она поняла, что, говоря «состричь», Джек просто шутил, вспоминая, как ее стригли наголо в детстве. Она отругала себя за глупость, но не знала, как объяснить Джеку ситуацию. В конце концов оба решили просто не говорить об этом.

Стрижка овец тем временем продвигалась без происшествий, и в соревновании действительно победил сарай номер три. Стригали бурно радовались, но Глория отчаянно отбивалась, когда они попытались поднять «шефиню» на плечи и пронести вокруг сарая в честь праздника. Наконец Джек вмешался и дипломатично предоставил ей своего коня. Роб Шеффер, победитель в общем зачете, получил право провести Анвила вокруг сарая, в то время как остальные громко затянули «She’s a Jolly Good Fellow». Джек, который предполагал подобное осложнение и только потому затесался в толпу, помахал ей рукой, и Глория, почувствовав себя свободно, стала смеяться и праздновать вместе со всеми. Казалось, бабушка Гвин была наконец-то довольна.

После праздника, когда колонны стригалей отправились дальше, эйфория несколько поутихла. Снова шел дождь, и Джек с Глорией беспомощно смотрели на голых овец в загонах, не зная, что и делать. Гвинейра велела перегнать животных на высокогорья, как только пройдет этот — с ее точки зрения, последний — циклон.

— Они такие худые, — беспокоилась Глория. — Обычно ведь это не так, верно?

Джек кивнул.

— После такой трудной зимы, учитывая нехватку корма, они действительно похудели. Ведь овцематки в первую очередь отдают все ягнятам. Но состояние пока не критическое. Несколько недель на лугах — и они снова округлятся.

— Луга еще нужно найти, — пробормотала Глория. — Пока что они только мерзнут. Они ведь мерзнут?

Джек снова кивнул.

— Такие худые, да теперь еще и без шерсти… Стричь было рано. А уж перегонять их на высокогорья и подавно. А что говорит на этот счет Маака?

Глория фыркнула.

— Сейчас он думает только о своей свадьбе! Ему ведь на руку, что овцы уже уходят. Тогда не придется страдать от мук совести, что он бросит бабушку Гвин одну с овцами и этим невозможным Уилкенсоном. Маака определенно не годится для своего назначения. Но ведь бабушка Гвин не так глупа…

— Глория! — строго произнес Джек. — Твоя бабушка не глупа!

Глория с сомнением подняла брови.

— Как бы там ни было, Маака при всякой возможности уезжает в Крайстчерч, — сказала она.

Красивая дочь Рети, Веймарама, наконец-то приняла ухаживания Мааки, но она была христианкой и настаивала на том, чтобы пожениться по ритуалу *пакеха*. Маака так сходил по ней с ума, что даже согласился предварительно креститься. К свадьбе было запланировано несколько торжественных мероприятий в Крайстчерче и окрестностях, а потом невесту должны были приветствовать в *марае* жениха — то есть предстояла еще церемония с *нгаи таху*. Маака, конечно же, пригласил Гвинейру, Джека и, после некоторых колебаний, Глорию.

— Если хотите, мисс Глори… — сказал он. — Конечно, я не могу не пригласить Тонгу и Вирему, но…

Глория неохотно кивнула. Сначала нужно было решить проблему с овцами. И на этот счет у нее были определенные идеи.

— Что, если мы просто выгоним их из загонов? — спросила она Джека. — На остальные пастбища Киворд-Стейшн. Наплевав на *тапу* Тонги. Может, так будет лучше?

Джек скривился.

— Конечно, так будет лучше. Даже при более благоприятных условиях мы потеряем некоторое количество животных, если овцы будут ягниться на высокогорьях. В предгорьях Альп гораздо холоднее, чем здесь. К тому же там, наверху, останется не более двух пастухов. Так что никакой помощи, когда животные начнут ягниться. Но если мы пустим овцематок пастись вблизи круга каменных воинов…

— На другом участке земли, на который претендует Тонга, есть лес и естественные пещеры, — добавила Глория. — Там у них будет и укрытие. Джек, почему бы нам не поставить Тонгу и бабушку перед свершившимся фактом? С четырьмя щенками и Нимуэ мы перегоним их за одну ночь. Тогда к утру трава будет съедена, и мы скажем, что она все равно уже

осквернена.

Джек задумался.

— Будут большие неприятности, — заметил он.

— Джек, подумай о барашках! — взмолилась Глория. — Они же там замерзнут. Если мы дадим им съесть всю траву на территории Киворд-Стейшн, то выиграем четыре недели. К тому моменту погода улучшится.

Джеку не хотелось идти против Гвинейры. Вплоть до нескольких последних недель ему было почти все равно, что будет с животными. Но после того как ему во время стрижки пришлось подержать в руках около двухсот этих исхудавших, жалобно блеющих бедолаг, он изменил свое мнение. Скоро на лугах появятся крохотные ягнята. Он чувствовал их движения в телах овцематок, когда стриг животных. Джек вспомнил, какое невероятное удовлетворение испытываешь, когда помогаешь появиться на свет близняшкам, которые немного запутались в чреве матери во время родов. Даже у выносливых пород нередко возникали сложности во время ягнения. Поэтому обычно Гвинейра давала животным оягниться на ферме и перегоняла их позже. Вплоть до этого года…

Джек кивнул.

— Хорошо, Глори. Тайком. Только давай сначала перегоним овец к пустым стойлам для крупного рогатого скота у деревни маори. Там они смогут согреться. И если сегодня ночью не будет дождя, мы уведем их. Остальные загоны не видны от конюшен, так что наш друг Уилкенсон нас не сдаст. И Маака тоже ничего не заметит, хотя, возможно, он был бы на нашей стороне. Свадьба там или не свадьба, но он любит овец. Давай, зови собак!

Выбраться тайком ночью из дома и вывести лошадь из стойла — целое приключение. Последнее, впрочем, могло не получиться, их мог заметить кто-то из рабочих. При мысли об этом лицо Глории залила краска. Люди будут говорить о ее ночной прогулке с Джеком.

Но потом она почти наслаждалась поездкой рядом с ним под звездным небом. К вечеру небо действительно прояснилось, поэтому путь им, хоть и немного, освещала луна.

— Это Южный Крест, видишь? — спросила Глория, показывая на заметное скопление звезд на небе. — Мне мисс Бличем показывала. Он помогает морякам при навигации…

— А тебе в Австралии помог? — негромко спросил Джек. — В Галлиполи были люди оттуда. Они говорили, что там невероятно красиво, но страна огромна и опасна.

Глория пожала плечами.

— Мне не понравилось, — только и сказала она. — Здесь красиво.

Перед ними возвышался круг каменных воинов. Собаки очень быстро взбодрили сонных овец и теперь так же быстро гнали их перед собой. Они ехали меньше часа, а потом овцы постепенно разбрелись вокруг камней. Джек обнес священное место специально заготовленной колючей проволокой.

— Думаешь, дух дедушки Джеймса действительно здесь? — спросила Глория, помогая ему натянуть проволоку между дольменами. Она была не из пугливых, но тени каменных воинов в лунном свете все же внушали некоторый страх.

Джек серьезно кивнул.

— Конечно! Разве ты не слышишь, как он смеется? Отец бы очень порадовался нашей затее с вылазкой! Он как раз вспоминает, как ночами угонял овец с крупных ферм на высокогорные луга, пока пастухи играли в карты в хибарках. Что бы ни сказала завтра мама, Джеймс МакКензи нами гордился бы. Точно.

Глория улыбнулась.

— Привет, дедушка Джеймс! — крикнула она ветру.

Джек с трудом удержался, чтобы не обнять ее.

Словно в ответ, зашелестела трава.

До утра эта парочка вместе с собаками разогнала по разным пастбищам пять тысяч овец. Смертельно уставший Джек свалился в постель и наконец-то уснул глубоким и крепким сном без сновидений, не думая о Шарлотте и Галлиполи.

Глория спала беспокойно, ожидая, что в любой момент ее поднимут с постели. Но ничего не произошло, хотя отсутствие овец пастухи должны были заметить, ведь животных нужно было кормить.

Однако рабочие не стали сразу обращаться к Гвинейре, а сначала поставили в известность Мааку. Тот постучал в двери Джека уже ближе к полудню. После ясной ночи утром лег туман, снова пошел дождь.

— Я нашел овец, — коротко сказал маори. — И просто хотел предупредить тебя, что я ни словом не обмолвлюсь об этом Тонге. Я предлагал перегнать туда животных еще три месяца назад. И говорил не только с мисс Гвин, но и с Тонгой и Ронго Ронго.

— А может быть, еще и с духами? — поинтересовался Джек. — Парень, ты же крестишься через неделю…

Маака пожал плечами.

— Это не изгонит духов из этого мира.

Джек рассмеялся.

— В любом случае Ронго не возражала. Тонга же взбеленился так, словно Те вака а Мауи вот-вот снова превратится в каноэ и уплывет, если овца съест стебелек священной травы. Просто не обращай на него внимания. Если вам повезет, он заметит это, когда меня здесь не будет, и тогда он уже ничего не сможет сделать. В одиночку он животных не перегонит, а ребята-*пакеха* без руководства довольно беспомощны. Правда, Уилкенсон…

— Он только и ждет возможности занять твое место, — напомнил Джек.

Маака усмехнулся.

— Опять же, это последнее, чего хочет Тонга. Старший мастер из народа маори ему гораздо нужнее. Когда ты наконец вернешься, Джек? Ты нужен ферме!

Джек нахмурился.

— Я же здесь.

Маака покачал головой.

— Твое тело здесь, — пояснил он. — А твоя душа на двух пляжах, один из них на Северном острове, а второй в этой стране… я не могу даже выговорить название. В любом случае это плохое место для твоей души. Возвращайся скорее домой, Джек!

Чтобы отвлечься, Джек действительно взялся разбирать вещи Шарлотты. Ему было мучительно открывать ящики, вынимать ее вещи и складывать в коробки, чтобы потом раздать бедным. Джек натыкался на засушенные лепестки роз и стебельки лаванды и видел перед собой Шарлотту, тщательно расправляющую лепестки на промокательной бумаге и выкладывающую их на солнце. Ему даже казалось, что он слышит песню, которую она при этом напевала, видит солнечный свет в ее волосах.

Джек нашел ее бумагу для писем — и начатое письмо в университет Данидина. Он читал его, и на глазах выступали слезы. Шарлотта предлагала лингвистическому факультету свои исследования. Калев Биллер был прав. Она хотела отдать свои записи людям. И догадывалась, что не вернется из путешествия на Северный остров. Чего она не могла знать, так это то, что Джек будет разбирать ее наследие лишь много лет спустя. Он почувствовал себя виноватым. Что еще он найдет?

В дальнем углу ее секретера лежал сверток.

Джеку.

Джек прочел свое имя, написанное крупным почерком Шарлотты, и развернул сверток. Оттуда выпала маленькая жадеитовая подвеска. Значит, она не потерялась в море. Шарлотта сняла ее. Для него. Джек впервые посмотрел на жадеит пристальнее — и увидел две сплетенные фигуры. Папатуануку и Рангинуи, небо и земля, — до того, как их разделили. Джек развернул бумажку, в которую был завернут амулет.

Помни о том, что солнце смогло засиять только тогда, когда расстались Папа и Ранги. Наслаждайся солнцем, Джек.

С любовью, Шарлотта.

В этот день Джек оплакал Шарлотту в последний раз. Затем распахнул окно и впустил солнце.

8

Над деревней маори в этот день тоже наконец взошло солнце, и группа мужчин отправилась на охоту. Возможно, никто из них не разобрался бы, где Тонга устанавливал *many*, а где нет, но группу вел старший сын вождя.

Вечером он сообщил отцу о стадах овец у круга каменных воинов.

— Нет, это не случайность. Там сотни животных. Мисс Гвин нарушает договор.

На следующее утро Тонга с делегацией мужчин направился в Киворд-Стейшн.

Гвинейра МакКензи задремала над бумагами у себя в кабинете. В последнее время это бывало часто. Она устала, и ей не хотелось уделять всем этим счетам, квитанциям и чекам должное внимание. Бухгалтерия и без того всегда казалась ей скучной. Она уже давно размышляла над тем, чтобы заставить Джека или Глорию заняться этим делом. Но и на это сил тоже не хватало. Она больше рассчитывала на молодую жену Мааки. Она ведь работала на Гринвудов, так что должна разбираться в бумагах.

— Мисс Гвин?

Гвинейра очнулась от дремоты — и, к собственному ужасу, осознала,

что перед ней стоит вполне живой и вооруженный до зубов воин-маори. Конечно же, присмотревшись внимательнее, она узнала Тонгу, но прежде чем смогла ответить, нужно было успокоить гулко бьющееся сердце.

— Тонга? Что, черт побери, ты здесь делаешь?

— Меня привел сюда не столько ваш черт, сколько духи наших умерших предков, — мрачным тоном заявил Тонга.

Гвинейра почувствовала, как в душе закипает былой гнев. Каков наглец — позволил себе ворваться в дом вместе со всем кланом, чтобы напугать ее до смерти!

— Кто бы тебя сюда ни привел, он вполне мог подождать, пока Кири или Моана не доложат о тебе! Какая наглость — входить сюда и…

— Мисс Гвин, у нас срочное дело!

Гвинейра сверкнула глазами.

Тонга и его люди заполонили весь ее небольшой кабинет, который она устроила в бывшей приемной. Воины казались до смешного лишними среди хрупкой светлой лакированной мебели, но они были далеки от того, чтобы напугать Гвинейру.

— Вот как? Неужели появилась возможность вернуть духов к жизни, пугая старых женщин? — Гвинейра всерьез разозлилась.

Тонга недовольно скривился.

— Не богохульствуйте! Но, конечно же, мне жаль, что я вас разбудил. — Видимо, в Тонге вновь прорезалось британское воспитание. Шесть лет в школе Хелен О’Киф не прошли даром, хорошие манеры, которым его научили, нельзя было просто так забыть.

Гвинейра с достоинством выпрямилась за своим письменным столом, взяла в руки перо и изобразила очень занятого управляющего фермой.

— Как бы там ни было, Тонга…

— Вождь, — напомнил ей Тонга о формальном обращении.

Гвинейра закатила глаза.

— И почему мне вечно видится босоногий мальчуган, который клянчил у меня сладости, когда я только приехала в Киворд-Стейшн?

Стоявшие за спиной Тонги мужчины рассмеялись.

Тонга бросил на них угрожающий взгляд.

— Ну ладно, вождь. Что говорят духи? — спросила Гвинейра, проявляя признаки нетерпения.

— Вы нарушаете договор, мисс Гвин. Овцы Киворд-Стейшн оскверняют священные для *нгаи таху* места.

Гвинейра вздохнула.

— Опять? Мне очень жаль, Тонга, у нас слишком мало травы.

Животные голодны, и они становятся изобретательными. Мы не успеваем с такой скоростью латать ограды, с какой эти животные выбираются наружу. Где они на сей раз? Мы пошлем человека, и он перегонит их обратно.

— Мисс Гвин, речь идет не о паре дюжин беглецов. Я имею в виду тысячи животных, которых намеренно перегнали на нашу землю.

— Вашу землю, Тонга? По решению губернатора… — Терпение Гвинейры иссякло.

— Священная земля, мисс Гвин! И нарушенное вами обещание! Вы же помните, в чем уверяли меня…

Гвинейра кивнула. Со своей стороны Тонга пошел на некоторые уступки, когда позволил похоронить Джеймса в кругу каменных воинов. У Киворд-Стейшн было достаточно пастбищ, и Гвин охотно пообещала не трогать еще несколько мест, будто бы священных для маори. Однако в последнее время их становилось все больше.

— Я уверена, что это произошло случайно, Тонга, — вздохнула она. — Может быть, кто-то из новых пастухов…

— Это Глория Мартин! — пророкотал Тонга.

Гвинейра нахмурилась.

— У тебя есть какие-нибудь доказательства? — Она злилась на Тонгу, но если Глория действительно осмелилась нарушить ее недвусмысленные указания…

Тонга смерил пожилую женщину холодным взглядом.

— Готов спорить, что доказательства найдутся. Поспрашивайте в своих конюшнях, наверняка кто-то что-то слышал или видел.

Гвинейра сверкнула глазами.

— Я сама спрошу внучку. Глория не станет мне лгать.

Тонга фыркнул.

— Глория не славится своей прямолинейностью. Поступки девушки противоречат ее словам. И ей неведомо уважение к *мана*.

Гвинейра зло усмехнулась.

— Она тебе возразила? Тогда мне тебя действительно жаль. Да еще при всем племени, как я слышала… Верно ли, что она не захотела выходить замуж за твоего сына? Наследница Киворд-Стейшн?

Тонга выпрямился во весь рост и повернулся, чтобы уйти.

— Насчет наследия Киворд-Стейшн мы еще посмотрим! Пока что ваша Глория не выбрала никого из *пакеха*. Кто знает, что принесет будущее?

Гвинейра вздохнула.

— Наконец-то хоть что-то, с чем я могу полностью согласиться. Так

что давай подождем, Тонга, и перестанем строить планы. Насколько я знаю, это советуют все ваши духи. А я позабочусь об овцах.

Тонга был свободен. Но не хотел уходить, не оставив за собой последнее слово.

— Я надеюсь на это, мисс Гвин. Потому что пока не будет улажен этот вопрос, ни один человек из *нгаи таху* не покажется в Киворд-Стейшн. Мы будем кормить собственный скот и обрабатывать собственные поля.

И он гордо вывел свою делегацию через парадные двери господского дома.

Гвинейра позвала Глорию.

— Какая разница, какие у вас были намерения и что именно сейчас *many*! — гневно говорила Гвинейра, когда Глория и Джек стояли перед ней, словно нашкодившие дети. Обоим было стыдно из-за своего унижения, но если Гвинейра по-настоящему выходила из себя, из глаз ее летели искры. — Вы не имеете права игнорировать мои указания! Тонга пришел сюда, а я ничего не знаю! Что я должна была ему сказать?

— Что в сложной ситуации ты вынуждена нарушить данное при совершенно других обстоятельствах обещание, — заявил Джек.

— Я его не нарушала! — с достоинством объявила Гвинейра.

— Нарушила твоя внучка и наследница. После согласования этого вопроса с местными маори, уполномоченными выступать от имени духов, если можно так сказать. Ронго Ронго благословила…

— При чем тут Ронго Ронго? Речь идет о моем благословении! — отрезала Гвинейра. — Глория не имеет права распоряжаться. А ты отказался от своего поста старшего мастера, Джек! Так что не пытайся меня одурачить! Вы завтра же перегоните овец на высокогорье! Или нет, вы двое останетесь дома. Кто знает, что еще вам в голову взбредет…

— Домашний арест, бабушка Гвин? — дерзко поинтересовалась Глория.

Гвинейра бросила на нее злой взгляд.

— Если тебе так угодно. Ты ведешь себя как маленькая. Так что не жалуйся, когда с тобой обращаются соответственно.

— Мы должны были представить это дело иначе, — сказал Джек, когда оба беспомощно наблюдали за тем, как Маака и оставшиеся пастухи-*пакеха* сначала собрали, а затем погнали овец на запад. — Она в чем-то права. Нужно было действовать в открытую.

Глория пожала плечами.

— Я считаю, что она не права. И речь идет уже не об овцах, *many* и тому подобном. Все ведь произошло именно так, как мы и планировали. Мнимое святотатство случилось, земля уже осквернена. И если Тонга не хочет посылать к нам рабочих… что ж, тогда у нас не будет людей, чтобы перегнать овец из зоны *many*. Бабушка Гвин могла повесить вождя на его же собственной веревке. Но она не захотела этого. Ей захотелось повесить не Тонгу, а меня!

Гвинейра размышляла над тем, как все могло выйти из-под контроля. Она любила Глорию каждой своей клеточкой, но, несмотря на это, только ссорилась с ней. Однако же выносить ненависть, светившуюся в глазах девушки, она не могла, как не могла видеть перекошенное от злобы девичье лицо, напоминавшее ей собственного сына, Пола. Чем старше становилась девушка, тем чаще и чаще появлялось это выражение. Раньше было иначе. Тогда в лице Глории угадывались мягкие черты Марамы.

В этот день Гвинейра не смогла находиться в доме. Ведь там окопались Глория и Джек, каждый в своей комнате; ко всему прочему, Джек сносил вниз одну коробку за другой, наполненную платьями и личными вещами Шарлотты МакКензи Гринвуд. Гвинейра с болью вспоминала то время, когда Джек и Шарлотта были счастливы, когда дом наполнял смех и жила надежда на скорое появление внуков. Но сейчас остались лишь грусть и раздражение. Гвинейра бродила по опустевшим стойлам и загонам для овец. Все мужчины были на высокогорье; у нее осталась лишь горстка *пакеха*, собравшихся вокруг Фрэнка Уилкенсона и язвительно усмехавшихся. К счастью, Маака еще не уехал. Управляющий восстал против своего вождя и вышел на работу, как и каждый день. Он предпринял еще одну попытку переубедить Гвинейру.

— Мисс Гвин, в данный момент погода хорошая. Но все может измениться, сейчас только начало октября. Животных недавно остригли, они не выдержат, если на высокогорье снова начнется зима. Пусть Тонга возмущается, он скоро успокоится!

— Речь идет не о Тонге, — в очередной раз повторила Гвинейра, — речь о моем авторитете. Я держу свои обещания и требую, чтобы мои указания выполнялись. Так что, Маака, ты едешь или мне просить Уилкенсона возглавить перегон скота?

Маака пожал плечами и ушел. А Гвинейра почувствовала себя такой одинокой, как никогда в жизни. Она пошла к лошадям, бросила им немного сена. Кормежку придется взять на себя Глории, и старая женщина надеялась, что внучка действительно сделает это. После их последней

ссоры девушка все еще дулась и сидела в своей комнате. Но лошадей-то она любит.

Гвинейра задумчиво почесала за ухом Принцессу, пони для верховой езды. С нее все и началось. Гвинейра в очередной раз прокляла себя за то, что позволила тогда Глории сфотографироваться на ней, как настоящей непоседе. Она по-прежнему была убеждена в том, что именно это заставило Мартинов обратить внимание на недостаток воспитания у дочери. А потом вторая ошибка… Гвинейра отлично помнила выражение лица Глории, когда она спросила насчет жеребенка Принцессы. Джек обещал ей лошадь. Как она могла подарить ее Лилиан? И вот теперь скоро на свет появится жеребенок, к которому Глория до сих пор не проявила ни капельки интереса.

Гвинейра погладила лошадь.

— Может быть, это я во всем виновата, — вздохнула она. — В любом случае не ты.

Она не могла знать, что всего через несколько дней именно Принцесса станет поводом для следующего скандала.

Работники вернулись, снова пошли дожди, правда теплые, весенние, но это все равно было неприятно. Люди сидели в сараях и играли в карты. Джек по-прежнему разбирался с наследством Шарлотты, и Глория полагала, что он чувствует при этом то же самое, что и она, когда читает его письма из Галлиполи. Сделать все за один раз было просто невыносимо. Возможно, большую часть времени, проведенную в комнатах Шарлотты, Джек просто угрюмо сидел без дела.

Сама Глория пыталась заниматься какими-то делами, пусть и рутинными. Если все время сидеть дома и наполнять мрачными рисунками один альбом за другим, она сойдет с ума. Поэтому она прилежно тренировала собак и выезжала на Кередвен. Скоро у Принцессы появится жеребенок…

Только что выехавшая во двор Глория бросила взгляд на загон. Верховая пони стояла в загородке среди кобов, где травы давно не было и осталась одна грязь. Кобылкам-кобам было все равно. Они стоически выдерживали непогоду, их покрытым густой шерстью задам были нипочем ни ветер, ни дождь. А Принцесса казалась очень несчастной. Глория заметила, что она постоянно встряхивается и дрожит. Нужно было что-то делать.

Глория обратилась к первому попавшемуся работнику фермы, который повстречался ей на пути. Фрэнк Уилкенсон, судя по всему, возвращался в

сарай играть в карты с остальными, справив нужду.

— Мистер Уилкенсон, будьте так любезны, заведите Принцессу под крышу и дайте ей немного овса. Я тогда сразу накрою ее, лошадь мерзнет.

Уилкенсон презрительно усмехнулся.

— Лошади не мерзнут, мисс Глория. — Он с нажимом произнес слово «мисс», как будто вежливое обращение к девушке было неуместно. — И у нас нет лишнего корма, все расписано.

Глория изо всех сил пыталась сохранять спокойствие.

— Ваши фермерские лошади и уэльские кобы не мерзнут. Но у Принцессы среди предков большая доля чистокровных породистых лошадей. Тонкая кожа, шелковистая шерстка, почти нет гривы. Эти лошади промокают, если дождь идет достаточно долго. Так что, пожалуйста, заведите лошадь под крышу.

Уилкенсон рассмеялся. Глория с испугом осознала, что он на подпитии. Остальные мужчины, обратившие на них внимание и высыпавшие из сарая, тоже были нетрезвы.

— А если я сделаю это, мисс Покахонтас? Что мне тогда будет? Вы покажетесь в юбочке из тростника?

Смеясь, он потянулся к волосам Глории и намотал одну прядь на палец.

Глория попыталась нащупать нож, но оказалось, что она не взяла его с собой. Именно сегодня… она забыла вынуть его из кармана старой кожаной куртки и переложить в карман плаща. Кроме того, она сняла тяжелый мокрый вощеный плащ, когда заводила лошадь в стойло. Глория прокляла себя за свою небрежность. Она уже решила, что в безопасности. Ошибка.

— Уберите руки, мистер Уилкенсон! — Девушка говорила со всей строгостью и сдержанностью, на которую была способна, но голос ее дрожал.

— Ах, а если не уберу? Тогда ты проклянешь меня, маленькая принцесса-маори? Я переживу. — Он молниеносно схватил ее за плечи. — Давай, Покахонтас! Один поцелуй! За это я заведу твою лошадку.

Глория металась из стороны в сторону, кусая мужчину, который, смеясь, повалил ее на тюки с соломой. Нимуэ и молодые собаки лаяли, Кередвен беспокойно переступала с ноги на ногу. Мужчины в сарае болели за Уилкенсона.

Внезапно дверь распахнулась. В проходе стоял Джек МакКензи, ведущий за уздечку приплясывающую Принцессу. Долю секунды он смотрел на суматоху в конюшне, затем в два счета оказался рядом с

Глорией, не заметив, как пони сломя голову бросилась на улицу. Джек развернул Уилкенсона и не стал долго раздумывать. Его удар правой рукой оказался точен.

— Вы никого не будете заводить, — сказал он, отходя. — С этого момента вы уволены.

Судя по всему, несколько секунд Уилкенсон размышлял, не ударить ли в ответ. Он был не выше Джека, но на несколько килограммов тяжелее и, без сомнения, сильнее. Но потом, видимо, решил, что связываться с сыном Гвинейры — себе дороже. Он отодвинулся и усмехнулся.

— А кто сказал, что эта маленькая мышка не хотела этого? — поинтересовался он.

Недолго думая, Джек снова ударил. Так быстро и точно, что снова застал Уилкенсона врасплох. Глория инстинктивно потянулась за ножом, которым пользовались, разрезая веревку на снопах сена и который висел у двери сарая. Глаза сверкали безумием. Она приблизилась к Уилкенсону, с трудом поднимавшемуся на ноги. Похоже, он упал неудачно и повредил правую руку. Во всяком случае мужчина пытался подняться с помощью одной левой.

— Эй, малышка, мы еще можем поговорить об этом…

Глории показалось, что она на расстоянии многих миль отсюда. Обнажив нож, она медленно шла на мужчину, словно ее задача заключалась в том, чтобы выполнить свою священную миссию.

Джек видел выражение в ее глазах. Оно было ему знакомо. С этим фанатичным и пустым взглядом мужчины выпрыгивали из окопов, когда в голове пульсирует одна-единственная мысль: убить.

— Глория… Глория, этот подонок того не стоит! Глория, положи нож!

Казалось, Глория не слышала его. И Джеку пришлось принимать решение. Глория умела метать нож. Джек наблюдал, как она оттачивает свой навык. Играючи — в детстве, да и в последние месяцы тоже, хотя уже не играя. При этом она была совершенно серьезной.

Нужно остановить ее. Но хватать ее за руку он не спешил. Только не стать следующим человеком, на которого она набросится, если он прикоснется к ней без разрешения. Джек встал между Глорией и Уилкенсоном.

— Глория, не делай этого. Не все такие. Я Джек. Ты не хочешь причинять мне вред.

На какой-то удар сердца ему показалось, что она не узнает его. Но потом глаза ее оживились.

— Джек, я… — Всхлипывая, Глория опустилась на вязанку сена.

— Все в порядке. — Джек говорил мягко, по-прежнему не отваживаясь прикоснуться к ней.

Вместо этого он обернулся к Уилкенсону:

— Вы скоро там? Поднимайте свою задницу и выметайтесь с этой фермы!

Однако Уилкенсон, похоже, не до конца осознавал опасность. Он по-прежнему зло смотрел на Джека.

— Одно вам должно быть ясно, МакКензи. Если я уйду, то заберу с собой по меньшей мере троих…

Он перевел взгляд на Тейлора и других собутыльников.

Джек пожал плечами.

— Вы имеете в виду этих негодяев? Тут вам даже стараться не придется. Они ведь тоже уволены. Не трудитесь, я слышал, как они вас подбадривали. Вместе пойманы — вместе повешены. А теперь убирайтесь отсюда! Помогите своему доброму мастеру подняться, а потом сесть на коня, и чтоб духу вашего здесь не было!

Джек дождался, пока мужчины, ворча, встанут. Тейлор помог Уилкенсону подняться.

— Пойдем, нам нужно поймать Принцессу, — обратился Джек к Глории. — Она опять убежала на улицу.

Глория дрожала.

— Мне… мне нужно расседлать Кередвен, — прошептала она.

Сначала лошадь, затем всадник. Бабушка Гвин внушала это своим детям и внукам буквально с первых минут жизни. Никто не должен сходить с ума, пока не обтерта лошадь.

Джек кивнул.

— Тогда я схожу за Принцессой. Ты можешь остаться одна?

Глория сжала нож и посмотрела на него взглядом, который напугал его. А затем негромко ответила:

— Я всегда была одна…

Джек снова поборол в себе желание обнять ее. Потерявшегося ребенка — и обесчещенную женщину. Глория не захотела бы этого. Джек не знал, кого она видит в нем, но знал, что еще далеко до того, чтобы девушка начала доверять ему.

9

— Ты проявил мужество, — сказала она потом, когда они оба,

промокшие и уставшие, шли обратно к дому. Кроме того, Джек чувствовал полное опустошение — после того, как он отвел всех лошадей в конюшню, покормил, а затем позаботился об оставшихся овцах и коровах. А теперь нужно как-то аккуратно сказать матери, что он только что уволил бóльшую часть оставшихся у них людей. Лишь немногие *пакеха* не входили в компанию Уилкенсона. Оставалось надеяться, что назавтра они выйдут на работу. Маака был в Крайстчерче. Люди Тонги бойкотировали Киворд-Стейшн. Да еще дождь лил как из ведра. О бурях в предгорье Альп Джеку даже думать было страшно. Но, несмотря на все это, он чувствовал себя довольным и почти счастливым. Глория шла рядом. Она была спокойна и менее напряжена, чем во время драки.

— Я был в Галлиполи, — криво усмехнувшись, ответил он. — Мы герои.

Глория покачала головой.

— Я читала письма.

Джек покраснел.

— Но я думал…

— Мои родители переслали их мне.

— О!.. — только и сказал Джек.

Он уже не помнил точно, что именно писал, но знал, что за некоторые вещи ему должно быть стыдно. Когда он писал письма, то видел перед собой Глорию-ребенка. Некоторые мысли она тогда бы не поняла, просто не обратила бы внимания, как почти любая девушка. Кроме Шарлотты. И той женщины, которой стала Глория.

— Последние письма я вообще не отправлял, — сказал Джек, испытывая в связи с этим нечто похожее на облегчение. Эти последние письма — из госпиталя в Александрии, а потом из Англии — были хуже всего. Тогда он дошел до ручки и писал девушке, которая, как он думал, была, скорее всего, мертва. Никто не видел Глорию несколько месяцев, нашлась она почти год спустя.

— Разве? — удивилась Глория.

У нее осталось всего два нераспечатанных письма, прочтение которых она все откладывала, прочитав завершающий отчет из Галлиполи. Но они бросились ей в глаза еще в первый день, поскольку почерк на конвертах был другой. Не такой ровный, скорее неумелый. И адрес неполный, не хватало индекса. Но нью-йоркские почтальоны без труда сумели доставить его. И название концертного агентства было написано правильно.

Глории показалось, что она знает, что произошло. Должно быть, Джек куда-то положил письма, а потом кто-то — медсестра или, возможно, этот

Роли, который так часто помогал Джеку, — написал адрес и наклеил марки. Наверное, все-таки Роли. Он ведь и раньше относил почту вместо Джека, вот и запомнил название агентства.

Глория вдруг заспешила в свою комнату. Она должна была прочесть эти письма.

Дорогая моя Глория,

думаю, писать тебе бессмысленно, потому что я знаю: ты никогда не получишь это письмо. Но я все еще лелею надежду, что ты жива и, может быть, думаешь обо мне. В любом случае сейчас я понимаю, что ты думала обо всех нас, хотя и с гневом. Я уже уверен в том, что ты не получала моих писем, отправленных в Англию. Иначе ты позвала бы на помощь. И я… Приехал бы я? Я лежу здесь, Глория, и задаюсь вопросом, что я мог изменить. Могло ли что-то спасти Шарлотту? Спас бы я тебя, если бы за одной любовью не забыл о другой? Я хотел верить, что ты так же счастлива, как и я, и… предал тебя. А потом, после смерти Шарлотты, я сбежал. От себя, от тебя — на чужую войну. Я сражался и убивал людей, которые просто защищали свою родину, — а я свою родину предал.

Я пишу и слышу, как муэдзин призывает к молитве. Пять раз в день. Остальные пациенты говорят, что это сводит их с ума. Но для здешних людей это делает жизнь проще. «Ислам» означает «покорность». Принимать что-то таким, как оно есть, осознавать то, что Бог не придерживается правил…

Англия — вот теперь и я здесь, Глория. Я думаю о тебе. Ты видела это небо, зелень лужаек, огромные, такие непривычные для нас деревья. Говорят, у меня чахотка, что необязательно правда, поскольку некоторые врачи сомневаются. Но это, возможно, и верно, потому что я действительно чувствую себя ужасно: я чахну, исчезаю, мне кажется, что легче умереть, чем жить дальше. Теперь я уже ничего не боюсь больше, нежели возвращения в Киворд-Стейшн, в пустоту после смерти Шарлотты и твоего исчезновения.

Тебя уже так долго не могут найти, Глория, и, несмотря на то что моя мать не сдается и все еще надеется на твое возвращение в Киворд-Стейшн, говорят, что, «как подсказывает здравый смысл», тебя нет в живых. Полиция Сан-Франциско

прекратила поиски, и все детективы, которых наняли моя мать и Джордж Гринвуд, не нашли и следа. Поэтому, возможно, глупо и бессмысленно писать тебе это письмо, ведь это все равно что пытаться дотянуться до твоей души. Лишь мысль о том, что и в этот раз Бог доведет «здравый смысл» до абсурда, еще придает мне сил.

Глория держала письма на коленях и плакала. Так сильно, как не плакала той ночью на руках у Сары Бличем. Джек писал ей в Англию. Он всегда помнил о ней. И ему тоже было стыдно. Может быть… может быть, он делал вещи похуже, чем она.

Глория почти не осознавала, что делает. Словно в трансе, она вырывала рисунки из альбома и вкладывала их в последний блокнот записей Шарлотты МакКензи по мифологии *нгаи таху*. Перед тем, как уйти кочевать с маори, она прочла все тексты Шарлотты, и последний блокнот все еще лежал у нее на книжной полке. Джек будет его искать.

Гвинейра беспокойно ходила взад-вперед по салону и слушала шум ветра и дождя за окном. Погода прояснялась всякий раз ненадолго. По-прежнему было прохладно и дождливо, и она со страхом представляла, что творится на высокогорьях. Конечно, овцы там не пропадут; летом тоже бывает плохая погода. Но так рано, так быстро после стрижки — Гвинейра сожалела о принятом решении перегнать животных в горы. Но уже ничего не изменишь. Ей не найти подходящих людей, чтобы вернуть овец. Фрэнк Уилкенсон был единственным, кто имел достаточно опыта, чтобы возглавить перегон скота. Да еще при таких обстоятельствах.

Тем не менее Гвинейра проклинала себя за то, что давным-давно не уволила этого парня. Джек наверняка был прав, выгнав его с фермы без предупреждения, но сама она должна была заметить, что он мучает Глорию. Вспоминая о случившемся в сарае для стрижки овец, она ругала себя. Как ей теперь смотреть в глаза Глории? Гвинейра налила себе виски и взглянула в лицо фактам: похоже, она перестала справляться с делами. Она даже не знает, что происходит у нее на ферме. А ведь раньше она могла решить любую проблему, знала о мельчайшей стычке между работниками; для нее не было секретом, кто склонен к хвастовству или пьянству, а за кем нужен особый присмотр. Конечно же, она и за Тонгой следила внимательнее! Еще пару лет назад она сразу же проверила бы, какой кусок земли действительно является святыней для маори. Она не отдала бы Тонге

без боя несколько гектаров земли. Но сейчас она все спихнула на Мааку, а тот решительно не справлялся со своей задачей. Маака — хороший пастух, но отнюдь не прирожденный старший мастер. А Джек…

Пронзительный телефонный звонок развеял мрачные мысли Гвинейры. Телефонистка сказала, что звонят из Крайстчерча. Вскоре пожилая женщина услышала в трубке голос Джорджа Гринвуда.

— Мисс Гвин? Вообще-то, я хотел поговорить с Джеком, но вы ведь можете ему передать. Пусть держит записи Шарлотты наготове, эксперт из Веллингтона приедет через две недели.

Голос Джорджа звучал весело и оживленно.

— И угадайте, кого он привезет с собой, мисс Гвин! Я не очень-то понимаю всю эту секретность, но Илейн и моей жене так нравится играть в Мату Хари! Как бы там ни было, Веллингтон действительно пришлет Бена Биллера, а Лилиан будет его сопровождать. Причем парень понятия не имеет о семейных связях. Лили так же держит его в неведении, как Илейн своего Тима.

Настроение у Гвинейры немного улучшилось.

— Вы хотите сказать, что сюда приедет Лили? С маленьким… как там его зовут?

— Галахад, — ответил Джордж. — Очень странное имя. Кельтское, верно? Ну, как бы там ни было… да, она приедет. И очень вероятно — Илейн со своим Тимом. Ведь Киворд-Стейшн гораздо больше подходит для такой встречи, чем мой маленький домик. Готовьтесь, мисс Гвин, все комнаты будут заняты!

От радости сердце Гвинейры забилось быстрее. Все комнаты заняты! Ползающий повсюду малыш, взаимное подтрунивание Илейн и Лилиан… Лили всегда удавалось рассмешить даже Глорию! Это будет чудесно. Может быть, нужно пригласить и Рубена с Флёреттой…

— Ах да, я должен передать вам еще кое-что от Мааки, — продолжал Джордж, уже скорее деловым, нежели веселым тоном. — Вам нужно немедленно послать этого Уилкенсона перегнать овец обратно. Метеорологи и племена маори, живущие на высокогорьях, предсказывают сильные бури. Ожидается возвращение зимы, над Альпами сгущаются тучи. Почему ваши овцы вообще оказались там, мисс Гвин? Так рано…

Праздничное настроение Гвинейры тут же улетучилось. Возвращение зимы… племена маори, спускающиеся на равнину, поскольку их *тохунга* опасаются метелей…

Гвинейра быстро попрощалась с Джорджем и выпила еще бокал виски. А потом сделала то, что должна была сделать.

Джек постучал в дверь комнаты Глории. Он не нашел последний блокнот с записями Шарлотты и подумал, что он может быть только у Глории. Она ведь совсем недавно напоминала ему об одной из записанных историй. Значит, она читала тексты.

И, может быть, Глория согласится немного поговорить. Джек чувствовал себя одиноко после безрадостного разговора с матерью. Гвинейра проявила понимание, более того, казалась виноватой. Она признала его правоту в отношении Уилкенсона и нехотя пообещала поговорить насчет этого с Глорией. Но в целом разговор получился удручающий. Гвинейра казалась такой больной и старой — и совершенно раздавленной создавшейся ситуацией. Джек попытался уверить ее в том, что будет помогать. Но толком не знал, что может сделать. Раньше, если случалось что-то подобное, нужно было ехать в Холдон, заказывать пиво в баре и громко объявлять о том, что в Киворд-Стейшн нужны пастухи. Обычно тут же подходили один-два искателя приключений. Но поступают ли так сейчас? И сможет ли Джек заставить себя сделать это?

Глория слегка приоткрыла дверь.

— Полагаю, ты ищешь это…

Она просунула блокнот в узкую щель, но сама почти не показалась. Джек лишь мельком успел увидеть ее покрасневшее лицо. Она плакала? Густые локоны торчали во все стороны, словно она дергала себя за волосы, вместо того чтобы попытаться их уложить.

— Что-то случилось, Глория? — спросил Джек.

Она покачала головой.

— Ничего…

Глория закрыла дверь, прежде чем он успел спросить что бы то ни было еще. Покачав головой, Джек пошел прочь. Блокнот, который он держал в руках, казался гораздо толще всех остальных, он толком не закрывался, словно кто-то вложил что-то между страниц. Придя к себе в комнату, Джек открыл его — при свете новых электрических ламп.

От того, что он увидел, его прошиб озноб.

Мрачный город, возвышающийся на фоне беззвездного неба. В щелях между домами смеялся дьявол — а из порта уходил корабль. Джек видел поднятый флаг с черепом, но смерть была в облике обнаженной девушки. На палубе стоял юноша и неотрывно смотрел на дьявола. Воинственный, уверенный в своей победе, а у девушки на флаге из мертвых глаз текли слезы.

Затем он увидел девушку в объятиях мужчины — или же это был дьявол с предыдущей картинки? Похоже, художница не могла определиться. Мужчина держал девушку, готовый овладеть ею, но она не смотрела на него. Пара лежала на палубе корабля, и взгляд девушки был устремлен на море — или на остров вдалеке. Она уже не защищалась, но была далека от того, чтобы наслаждаться близостью мужчины. Джек покраснел, разглядев некоторые детали рисунка.

И снова город. Но не такой, как первый, на этот раз вместо маленьких домов — большие, целое море больших домов. Среди них — чайная или что-то в этом роде. Заведение напоминало скорее арабское, нежели европейское кафе или паб. Мужчина пил с дьяволом. А между ними, словно рыба на разделочной доске, лежала девушка. Рядом наготове ножи. Дьявол — это было видно отчетливо — пододвигал мужчине деньги. На этот раз девушка была не обнаженной, но выглядела еще более беззащитной в коротком дешевом платьице. Выражение лица было недоуменным и испуганным.

С этого момента на рисунках изображался один сплошной кошмар. Джек видел девушку, прикованную цепями, в аду, окруженную пляшущими чертями, выдумывавшими все новые и новые мучения. Временами лицо Джека наливалось кровью, на рисунках появлялись все более и более пугающие детали, которые потом, словно в приступе ярости, были закрашены угольным карандашом, так что первоначальный рисунок был виден лишь схематично. Кое-где карандаш протыкал бумагу — с такой силой вела его Глория. Джек буквально чувствовал ее боль и отчаяние.

Наконец после всех этих ужасающих рисунков появился другой: девушка спала на берегу, между ней и дьяволом лежал океан. Но с другой стороны пляжа ждали новые чудовища. На следующих рисунках изображалась новая одиссея по аду. Джеком овладело смятение, когда он увидел обритую голову девушки, от рисунка к рисунку все больше напоминавшую череп мертвеца. На последних листах черт лица девушки разобрать было уже невозможно, остались одни кости и пустые глазницы. Девушка, изображенная в виде скелета, была одета в темный костюм и застегнутую на все пуговицы блузу. Она наконец-то поднималась на корабль и снова смотрела в сторону острова, который угадывался еще на первом рисунке.

Глория взяла Джека в свое путешествие.

— Ты с ума сошла! — Резкий голос Глории доносился из салона, когда Джек спускался вниз на следующее утро.

Девушка стояла перед Гвинейрой — очередной неприятный и слишком эмоциональный спор между бабушкой и правнучкой, который совершенно не нужен был Джеку именно сегодня. Впрочем, вопреки обыкновению Гвинейра не стала отвечать ей той же монетой. Она спокойно восприняла слова Глории — или, точнее, сдержанно. Джек с удивлением отметил, что мать одета в костюм для верховой езды, а на плече у нее висит седельная сумка.

— Она собирается ехать на высокогорье! — крикнула Глория, увидев спускающегося по лестнице Джека. Девушка была настолько взволнована, что даже не думала о рисунках. Не обратила внимания на его покрасневшие от бессонницы глаза. — Твоя мать собирается ехать на высокогорье и возвращать овец.

Гвинейра с достоинством оглядела обоих.

— Не пытайся выставить меня сумасшедшей, Глория, — спокойно произнесла она. — Я ездила на высокогорье чаще, чем вы оба, вместе взятые. Я точно знаю, что делаю.

— Ты собираешься ехать одна в предгорья Альп? — удивился Джек. — Ты рассчитываешь в одиночку справиться с десятью тысячами овец?

— Трое оставшихся пастухов-*пакеха* поедут со мной. И сегодня ночью я была у Марамы…

— Что ты сказала? Ты ездила ночью в О’Киф-Стейшн и разговаривала с Марамой? — воскликнул Джек. Слова матери не укладывались в голове.

Гвинейра грозно сверкнула глазами.

— С тех пор как ты вернулся с войны, Джек, тебе много чего не хватает, но до нынешнего дня со слухом вроде бы было в порядке. Ну да ладно, я повторю: я говорила с Марамой, и она пообещала прислать к нам трех своих сыновей. Ей все равно, что скажет на это Тонга. Может быть, присоединится еще кто-то, я предложила двойную оплату. А теперь мне пора. Я возьму Кередвен, Глория, если ты не против. Она наиболее тренированная лошадь.

Джек, казалось, все еще был в трансе.

— Глория права, ты сошла с ума… — Он никогда еще не разговаривал с матерью таким тоном, но намерение Гвинейры он воспринимал как ненормальное. — Тебе уже за восемьдесят. Ты больше не можешь возглавлять перегон скота!

— Я могу делать то, что должна. Я допустила ошибку, и теперь я ее исправлю. Обещают снегопады, животных нужно вернуть. А поскольку никто на это больше не способен…

— Мама, прекрати, поеду *я*. — Джек выпрямился. Только что он

чувствовал себя усталым и обескураженным, но Гвинейра была права: делаешь то, что должен. И он не мог позволить, чтобы дело всей жизни его родителей — и наследство Глории — погибло в метели.

— Я тоже поеду, — не колеблясь, заявила Глория. — С собаками мы сможем делать работу за троих. И животные будут слушаться, чтобы поскорее попасть домой.

Джек знал, что это не так. Во время ненастья овцы часто терялись и подчинялись пастухам и собакам намного хуже, чем обычно. Но скоро Глория сама это поймет.

— Ты уже велела оседлать вьючных лошадей? — спросил он у матери. — И не спорь со мной, пожалуйста, вопрос решен. Мы поедем, а ты здесь все подготовишь. Подыщи в Холдоне кого-нибудь, кто тебе сможет помочь, — наверное, это можно сделать даже по телефону. И постарайся заказать овес и пшеницу, овцам нужно снова набраться сил после перехода в бурю. Мы загоним их в сараи для стрижки и в старые коровники. Им нужно быть в сухом и теплом месте. А потом… Но это мы обсудим позже. Проверь содержимое седельных сумок, Глория. Мама, скажи ей, что нам понадобится. В любом случае нужно взять побольше виски. В такой холод будем греться изнутри. А я пойду в конюшню и посмотрю, готовы ли люди.

После ранения Джек ни разу еще не произносил столько слов сразу, особенно таким тоном. Капрал МакКензи умер под Галлиполи. И вдруг снова вернулся Джек МакКензи, старший мастер Киворд-Стейшн.

10

У конюшен дожидались сыновья Марамы, сводные братья Куры-маротини. Младшему было всего пятнадцать, и он волновался в предвкушении опасного приключения. К ним присоединились еще двое других пастухов маори, оба опытные мужчины, не боявшиеся противостоять Тонге. При виде третьего Джек удивленно нахмурился: Вирему.

— Ты когда-нибудь работал с овцами? — недовольно поинтересовался Джек. У него не было причины отказать сыну Тонги, но он не знал, как отреагирует на его появление Глория.

Вирему покачал головой.

— Только в детстве. Потом меня послали в город. Но я умею ездить верхом. К тому же у вас каждый человек на счету. — Он понурился. — И еще… я в долгу перед Глорией.

Джек пожал плечами.

— Тогда пусть решает Глория. Вы все знаете, что нам предстоит тяжелая работа и что будет опасно. Мы должны выступить как можно раньше, потому что погода будет ухудшаться с каждым часом, если верить прогнозам. Так что пусть вам выделят лошадей.

В конюшне Джек увидел троих оставшихся *пакеха*; все были необученными молодыми людьми, которые только и умели, что свистеть собакам. Он вздохнул. С такой пестрой компанией он еще никогда не перегонял скот, и это при том, что поездка обещает быть очень опасной. Ему не хотелось брать с собой маленького Тане. Но Вирему был прав, сейчас каждый человек на счету.

Под капюшоном у Глории была широкая маорийская повязка, чтобы волосы не падали на лицо. Она нашла ее в дальнем углу своего шкафа и не стала задумываться, модно это или нет. Кроме того, она надеялась, что вязаное изделие немного согреет уши, если действительно начнется метель.

Когда одиннадцать всадников и пять вьючных лошадей тронулись в путь, дождь лил как из ведра. День был более чем неприятным; казалось, ветер никак не может разогнать сгустившиеся над Альпами тучи и солнце не в силах пробиться сквозь них. Горы, обычно видневшиеся на горизонте, сегодня утром напоминали угрожающие тени, почти невидимые за пеленой дождя. Полевые дороги, уже не первую неделю утопавшие в грязи, не давали возможности двигаться быстро. Первые нежные кустики травы, которые пробудила весна, безжалостно вдавливали в землю дождь и ветер. Джек надеялся, что хотя бы не будет града.

Только к полудню они выбрались на более утоптанные дороги. Здесь редко ездили верхом и никогда — на автомобиле, поэтому грунт был тверже; лошадей можно было пустить рысью или даже в галоп. Джек взял довольно быстрый темп, но пытался не слишком загонять лошадей. Перерывы были короткими; никому не хотелось отдыхать под дождем. К вечеру они наткнулись на отару молодых барашков, которых Глории часто приходилось прогонять со священной для Тонги земли. Очевидно, они направлялись домой.

— Умные ребята! — похвалил их Джек. — Пока что возьмем их с собой. Сегодня переночуем в сторожке в устье реки. Там они и попастись смогут. А завтра Тане поедет с ними домой.

Младший сын Марамы, судя по всему, разрывался между сожалением из-за того, что для него приключение закончится так рано, и гордостью, что ему доверили в одиночку пригнать отару овец. У него была овчарка, которой он довольно умело руководил. Джек был уверен, что паренек нормально доберется домой. Одной заботой меньше — ответственность,

возложенная на него за Тане, тяготила.

Когда они снова тронулись в путь, Джек поехал рядом с Глорией. Он видел, как она вздрогнула, когда он сказал про сторожку.

— Мы можем разбить тебе палатку, — добавил он. — Или переночуешь в конюшне. Но мне не хотелось бы оставлять тебя одну…

— В палатке я тоже буду одна, — заметила Глория.

— Но между твоей палаткой и сторожкой будет стоять моя, — произнес Джек. Он пытался поймать ее взгляд, но она не смотрела ему в глаза.

В принципе, ему ужасно не хотелось ставить палатки под дождем; с другой стороны, у него, как и у Глории, не было желания спать вместе со всеми.

— Тогда ты можешь… — Глория опустила голову и очень тихо произнесла: — Тогда ты тоже можешь переночевать в конюшне.

В сторожке было бы уютнее. В те времена, когда Джек МакКензи воровал скот, «овечьи бароны» повсюду установили такие блочные сторожки, и летом в них всегда кто-то жил. Это были надежные маленькие постройки с очагами и альковами. Мужчины развели в камине огонь и сразу же предложили Глории одну из постелей.

— Мисс Глория предпочла бы ночевать в конюшне, — ответил за нее Джек, — но пока что пустите ее к огню, чтобы она могла погреться. Кто будет готовить?

Вирему предложил послать спать в конюшню мужчин. Остальные неохотно согласились. Но Глория покачала головой.

— Так у нас не останется места для лошадей, — ответила она. — И я не жду особого отношения. А здесь достаточно места для всех. Если мне не хочется ночевать в общей спальне, это мое дело.

Наконец Глория залезла в спальный мешок и свернулась калачиком на соломе рядом с Кередвен, чтобы было теплее. Нимуэ и двое других щенков легли рядом с ней, и девушка согрелась бы быстрее, если бы они не были совершенно мокрыми. Джек строгим голосом велел им убираться в угол конюшни.

— Мы ведь оставим их здесь, правда? — спросила Глория, глядя на собак.

Она со смущением и испугом наблюдала за тем, как Джек расстилает свой спальник. В другом конце конюшни, у самой двери, соединяющей сторожку и сарай.

Джек улыбнулся.

— Да, думаю, мы оставим их здесь.

Он был счастлив, что она сказала «мы», и перевел дух, услышав вскоре равномерное дыхание Глории. Он еще помнил, как прислушивался к нему, когда она была ребенком. Тогда она часто забиралась к нему в постель и рассказывала о своих снах, особенно если ей снились кошмары. Иногда это действовало ему на нервы.

В эту ночь Джек был рад, что она не захотела поговорить, — пока что.

На следующее утро небо ненадолго прояснилось, а к полудню они вновь наткнулись на овец. Собрать их вместе было не трудно. Маори разожгли костер и зажарили пойманную в ручье рыбу. Но потом снова пошел дождь, а чуть позже поднялась буря. Сейчас они быстро поднимались в горы и к вечеру достигли долины, где мужчины из Киворд-Стейшн традиционно разбивали лагерь. Это место было знакомо и Глории по тому времени, когда она кочевала с маори. Долина представляла собой поросшую травой котловину, с двух сторон окаймленную высокими скалами. Отсюда на протяжении последующих дней они будут выезжать на поиски и сбор животных.

Обычно скалы давали некоторую защиту от ветра, но на этот раз они, похоже, не могли задержать резкие порывы. Несмотря на то что вечер только начинался, было уже почти темно, капли дождя стали превращаться в снежинки, когда мужчины занялись обустройством лагеря. С каждой палаткой возились двое мужчин. Разбивка стоянки превратилась в настоящее сражение; сильный ветер швырял в лицо снег, вырывал из рук брезент, как только люди пытались разгрузить вьючных лошадей. Джек дышал с трудом. Ледяной воздух обжигал легкие. К тому же он сильно пропотел, когда ему наконец-то удалось открепить от седла хотя бы подпорки. Лошади стоически переносили непогоду, повернувшись крупами к ветру. Овцы мерзли и жались друг к другу.

— Две овцематки рожают… — в довершение ко всему заявил Вирему.

Он делил палатку со старшим сыном Марамы и неплохо справлялся с установкой. Однако если придется одновременно принимать ягнят, это будет для него уже слишком.

Сквозь бурю Джек пробился к первой овцематке, один из опытных маори взял на себя вторую. К счастью, овцы оягнились без особых осложнений. Помогать пришлось всего одному ягненку.

— Давай я! — попросила Глория. — У меня руки меньше…

Джек закашлялся.

— Но ты не делала этого много лет! — воскликнул он, перекрикивая бурю.

— Ты тоже, — возразила девушка.

А затем ловко просунула правую руку в промежность овцы, нащупала застрявшего ягненка, поправила его вывернувшуюся переднюю ножку. И вместе с остатками околоплодных вод он выскользнул на свет.

— Я возьму их к нам, мистер Джек! — произнес старший маори и втолкнул слабо протестовавших животных в свою палатку, прочь от бушующего ветра.

Джек побрел к куче брезента и подпорок, в которую тем временем превратилась его собственная палатка. Никто не подумал о том, чтобы поставить ее, пока он возился с овцами. Нужно было отдать распоряжение. Однако все мужчины уже забрались в свои укрытия. Все, кроме Глории… Она молча подошла, взялась помогать, но ветер то и дело вырывал у нее из рук брезент и перетяжки. Джек, с трудом дыша, держал подпорки, пока Глория привязывала их. Когда палатка наконец была установлена, он, дрожа, рухнул на землю. Глория втащила внутрь спальники и устало присела в уголке. Только теперь Джек сообразил, что тюк с ее собственной палаткой тоже еще лежит в снегу.

— Я не смогу сейчас поставить еще одну, — прошептал Джек. — Нужно попросить ребят…

Рабочие уже давно забрались в свои палатки, из двух доносилось блеяние овцематок. Терпеливые маори забрали их к себе. Вряд ли кто-нибудь из них добровольно выйдет в бурю еще раз, чтобы поставить палатку для Глории. Девушка в панике смотрела на узкое пространство, наполовину занятое импровизированным ложем Джека. Это нечестно. Он обещал ей…

И только потом она услышала его хриплое дыхание.

Джек лежал на одеяле с закрытыми глазами и пытался дышать спокойнее, но когда воздух наконец-то стал немного теплее, он с трудом подавил кашель.

— Мне так жаль, Глори. Может быть… может быть, позже, но…

Глория опустилась на колени рядом с ним, когда он закашлялся.

— Подожди, — сказала она и принялась рыться в седельных сумках. Бабушка Гвин положила медикаменты, она сама дополнила набор.

— Масло… масло чайного дерева? — попытался пошутить Джек. — Оно есть в Австралии… входит в неприкосновенный запас…

— Хорошо помогает от волдырей на ногах, — заметила Глория.

— С этим нам бороться не приходилось. — Джек снова закашлялся.

Глория выудила из сумки бутылочку сиропа ронгоа.

— Глотни. — Она поднесла бутылочку к губам. — У тебя жар, —

встревожилась девушка.

— Это просто из-за ветра… — прошептал Джек.

Глория увидела, что он дрожит, и нашла его спальник. Она расстегнула его, и Джек с трудом забрался внутрь. Глория помогла ему застегнуть мешок, но про себя отметила, что ему, похоже, не стало теплее.

— Давай я спрошу, может, кто-то сделает чай, — сказала она. Ей не хотелось идти к другим палаткам; к тому же буря продолжала бушевать. Однако она очень беспокоилась за Джека.

Джек покачал головой.

— В такую бурю… никакой костер гореть не будет… — Его трясло. — Глори, я… я тебе ничего не сделаю, ты же знаешь. Просто расстилай постель и попытайся поспать.

Глория растерялась.

— А ты?

— Я тоже посплю, — ответил Джек.

— Тебе нужно снять мокрые вещи.

Ввалившись в палатку, Джек снял с себя только промокший насквозь плащ. Влажная рубашка и бриджи должны были высохнуть сами по себе. Но так он никогда не согреется.

Мужчина бросил на Глорию скептический взгляд.

— Не беспокойся, — сказала она. — Я знаю, что ты ничего мне не сделаешь.

Отвернувшись от него, она выудила из его седельных сумок сухую фланелевую рубашку и джинсы. Мокрую одежду Джек кое-как стянул — дрожь никак не унималась, мешала одеться снова. От приложенных усилий он снова закашлялся. Встревоженная, Глория сидела в своем углу и смотрела на него.

— Ты заболел…

Джек покачал головой.

— Иди спать, Глория.

Глория погасила фонарь, слабо освещавший палатку. Джек лежал в темноте, пытался согреться и прислушивался к ее дыханию. Глория, напряженная до предела, в свою очередь прислушивалась к нему. Казалось, прошел не один час, а Джек все еще сотрясался от дрожи. Его дыхание по-прежнему было хриплым. Наконец Глория встала и придвинулась к нему.

— У тебя жар, — сказала она. — И озноб.

Он не ответил, но его тело говорило само за себя. Без тепла он не сможет уснуть, а утром его состояние только ухудшится. Девушке вспомнилось письмо, которое он писал из санатория. У него не в порядке

легкие, он может умереть…

— Ты не будешь прикасаться ко мне? — тихо спросила она. — Только не трогай меня…

Девушка дрожащими пальцами расстегнула его спальник и влезла внутрь. Она почувствовала рядом с собой его худощавое тело и прижалась к нему, чтобы поделиться своим теплом. Голова Джека опустилась ей на плечо, и он наконец уснул.

Глория старалась не спать, чтобы не потерять контроль, но пережитый день со всеми его трудностями взял свое. Проснувшись, она обнаружила, что лежит, свернувшись калачиком, как обычно. А Джек обнимает ее.

Глория в панике хотела высвободиться, но потом поняла, что он все еще спит. И что он не трогал ее. Ладонь его была расслаблена, словно он просто положил руку поудобнее. С другой стороны от нее лежала Нимуэ, рядом с ним — Тьюзди. Глория едва удержалась, чтобы не улыбнуться. Наконец она осторожно высвободилась из объятий Джека — ей не хотелось чувствовать себя неловко, когда он проснется. Но он открыл глаза.

— Глория…

Девушка замерла. Никто и никогда не произносил ее имя так мягко и нежно. Она судорожно сглотнула и откашлялась.

— Доброе утро. Как… как самочувствие?

Джек хотел заверить ее, что все в порядке, но на самом деле у него страшно болела голова и он едва сумел сдержать приступ кашля.

Глория осторожно положила руку ему на лоб. Он пылал жаром.

— Тебе нельзя вставать.

Джек покачал головой.

— Там, снаружи, ждет пара тысяч овец, — с наигранной веселостью произнес он. — И, похоже, буря утихла.

Это действительно было так, но небо оставалось серым, укутанным тучами. Вчерашний снег растаял не везде. Глория с ужасом представляла себе, каково будет ехать по такой погоде. Джеку казалось, что туман ложится на его легкие, словно пленка.

У палаток пастухов-*пакеха* уже горели костры.

— Нужно сделать горячий чай. А потом выезжать как можно скорее. — Джек попытался подняться, но голова закружилась сразу, как только он сел. Тяжело дыша, он снова рухнул на ложе.

Глория накрыла его еще несколькими одеялами.

— Ты останешься здесь, — решила она. — А я разберусь с овцами.

— И с мужчинами? — негромко поинтересовался Джек.

Глория решительно кивнула.

— И с мужчинами!

Не дожидаясь возражений, она надела еще один свитер и плащ, а затем вышла из палатки.

— Все в порядке, ребята? Как прошла ночь?

Голос Глории звучал ободряюще и сдержанно. Если она боялась, то по крайней мере умело скрывала это. Однако, оглядев лагерь, она успокоилась. Замерзшие мужчины сидели перед палатками — никому и в голову не приходило попытаться обидеть девушку. Овцы и лошади паслись вокруг лагеря, охраняемые щенками и овчарками пастухов.

Паора, старший из маори, кивнул Глории.

— Все ягнята живы. Ночью оягнились еще две овцы. Один ягненок умер, остальные в порядке. Мы взяли к себе в палатку и их. Было довольно тесно.

Глория ждала сальных намеков на себя и Джека, но, слава богу, Фрэнка Уилкенсона и Боба Тейлора в отряде не было. Это придало Глории мужества, и она отдала дальнейшие распоряжения:

— Мы попьем чаю, а затем поедем и соберем как можно больше животных. Вчерашняя погода может вернуться в любой момент. Но мистер Джек болен. Ему придется остаться в палатке. Вирему, ты позаботишься о нем…

Вирему бросил на Глорию измученный взгляд.

— Я не врач, я…

— Ты проучился два семестра и каждое лето помогал Ронго Ронго, она мне рассказывала. А при перегоне скота мы можем обойтись без тебя. — Чтобы избежать лишних дискуссий, Глория сразу же обратилась к остальным: — Паора и Хори, вы объединитесь с Уиллингсом и Картером и поедете туда, где обычно собираются овцы. Анару поедет с Билсом… ты уже перегонял скот, Анару? Нет? Но ведь ты кочевал, значит, местность знаешь. Пусть Паора покажет тебе, где вероятнее всего можно найти большие скопления овец. Рихари поедет со мной.

Рихари, средний сын Марамы, был хорошим наездником и следопытом, кроме того, у него была собака-полукровка, прекрасно зарекомендовавшая себя во время охоты.

— Мы будем искать разбежавшихся животных выше в горах. Думаю, Кури и Нимуэ сумеют найти их. Паора и Хори, у вас есть собственные собаки. Анару, Уиллингс, Картер и Билс возьмут по одному щенку. Они уже хорошо подчиняются командам, так что у вас не будет проблем.

Чтобы показать, что это действительно так, Глория быстро продемонстрировала важнейшие свистки и почувствовала гордость, когда

каждый щенок мгновенно отреагировал на сигнал. Собаки маори тем временем слушали команды на языке хозяев, и Глория вспомнила, что ее дедушка Джеймс всегда командовал своими овчарками на гэльском. Однако Гвинейра с самого начала настаивала на том, чтобы щенков учили по стандартной системе. Глории всегда казалось, что это скучно и ограничивает собак, но теперь она понимала смысл этой затеи. Овчарки с Киворд-Стейшн работали с любым дрессировщиком, их настраивали на умение быстро приспосабливаться и сразу помогать людям.

Джек с благодарностью кивнул ей, когда она пришла к нему в палатку с кружкой чая.

— Я бы поступил точно так же, Глори, — мягко произнес он. — Но тебя я не послал бы в горы одну. Ты уверена, что должна?.. — Он грел руки, сжимая горячий глиняный сосуд.

Глория закатила глаза.

— Внизу от меня никакого проку. Ни я, ни Рихари не знаем долин, в которые обычно уходят отары. Мы можем в лучшем случае поддержать другие команды, но они должны справиться и без нас. Если же мы поедем вверх по перевалам, то сможем спасти сотни животных.

— Будь осторожна. — Джек провел пальцами по ее руке.

Глория улыбнулась.

— А ты будешь слушаться Вирему, договорились? Он не признается, но Ронго говорит, что он мог бы стать *тохунга*. Просто он ожесточился, потому что не получилось с обучением в университете *пакеха*. Парень играет в охотника, ставит ловушки, вместо того чтобы заниматься тем, что ему нравится.

— Не похоже, чтобы ты его ненавидела, — наполовину в шутку, наполовину всерьез сказал Джек.

Глория пожала плечами.

— Если бы я ненавидела всех трусов этого мира… — Осекшись на полуслове, девушка вышла из палатки.

А Джек остался лежать, чувствуя то гордость, то страх за Глорию. Перевалы не так уж безопасны, особенно в условиях внезапного возвращения зимы. Но тут пришел Вирему, и у Джека не осталось времени на размышления. Парень развел костер перед палаткой, нагрел на огне камни и обложил ими Джека. Вскоре тот уже купался в поту. Вирему положил ему на грудь травяные компрессы, заставил вдыхать горячий пар.

— У тебя было ранено легкое, — произнес он, бегло осмотрев шрамы. — Большая часть сосудов разрушена, ты просто чудом выжил.

Правое легкое, должно быть, все в рубцах. Этот орган уже не может впитывать такое количество кислорода, как обычно, поэтому ты быстро устаешь и у тебя мало сил.

Джеку казалось, что травы сжигают его легкие.

— И что это значит? — прохрипел он. — Мне нужно было сидеть дома, как… как девушке?

Вирему усмехнулся.

— Девушки Уорденов не склонны к тому, чтобы сидеть дома, — ответил он. — Но и тебе это тоже не на пользу. Обычная работа на ферме — не проблема. Но тебе следует избегать тяжелых физических нагрузок, особенно при таких погодных условиях, как вчера. И тебе нужно больше есть. Ты слишком худой.

Вирему вливал в него чай и сироп ронгоа, который был у Глории.

— Он очень хорошо помогает. Но в это не поверит никто, если увидит фокусы, сопровождающие его приготовление. Прежде чем собрать цветки, Ронго сначала исполняет три танца… — В голосе Вирему звучало презрение. Он отказался от медицины маори только для того, чтобы узнать, что не нужен медицине *пакеха*.

— Тем самым она выказывает уважение растению, — заметил Джек. — Что в этом плохого? Многие *пакеха* произносят молитву, прежде чем преломить хлеб. В интернате тебе тоже наверняка приходилось делать это.

Вирему снова усмехнулся.

— Фокусы *пакеха*.

— Вирему… что сказала Глория? — вдруг спросил Джек. — Тогда в *марае*. Тонге. Я издалека видел, что она что-то говорила ему, но не слышал, что именно.

Вирему покраснел.

— Это была ее *пепеха*, представление личности в племени. Ты знаешь, как это делается?

Джек пожал плечами.

— Только приблизительно. Что-то вроде «Привет, я Джек, моя мать приехала на Аотеароа на “Дублине”…»

— Обычно сначала называют каноэ, на котором приплыл предок отца, — поправил Вирему. — Но это не так важно, главное — значение. С помощью *пепеха* мы вспоминаем свое прошлое, поскольку оно определяет будущее. *И нга ва о муа*, понимаешь?

Джек вздохнул.

— Значение слова — да. Чтобы понять принцип, нужно, наверное,

было приплыть на Аотеароа в первом каноэ. И что такого ужасного было в кораблях, на которых сюда приехали Уордены и Мартины?

Вирему повторил ему речь Глории.

11

Глория ехала сквозь туман, надеясь, что он либо поднимется, либо крутая горная дорога наконец-то выведет ее за пределы туманной завесы. Она спрашивала себя, как ехавший впереди Рихари так уверенно находит дорогу и каким образом собакам Кури и Нимуэ, время от времени издававшим восторженный лай, с такой легкостью удается обнаруживать овец, которых они тут же начинают сгонять в отару. На данный момент у них насчитывалось уже около пятидесяти животных, в основном это были старые и молодые барашки, которые с большой неохотой подчинялись Нимуэ, удерживающей их в общей отаре. Все они были одиночками или же перемещались небольшими группами. «Индивидуалисты и интриганы», — подумала Глория и рассмеялась. Рихари молча ехал впереди. То, что он, судя по всему, знал дорогу и прекрасно ориентировался в этих местах, успокаивало девушку.

Когда полоса тумана осталась позади, Глории открылась восхитительная панорама. Казалось, над облаками плывут заснеженные вершины гор. Приветливо улыбалась вершина Аораки, и создавалось впечатление, что лошади пересекают пропасти между долинами по едва видимым зачарованным мостам. Горы то становились похожими на дюны, мягко изгибавшимися вдали, то вдруг резко уходили ввысь, словно их отсекли щербатым ножом.

— Думаешь, мы найдем еще овец? — спросила Глория. Она не могла наглядеться на красоту гор, но знала, что им предстоит еще длительный спуск, причем окольными путями: вдруг удастся найти еще каких-нибудь «индивидуалистов».

Рихари покачал головой.

— Я выехал сюда только потому, что хотел посмотреть на погоду, — пояснил он, и голос его прозвучал на удивление глухо. — Потому что я… хотел увидеть это.

Глория смотрела на юг, на Маунт-Кук, но Рихари показывал на запад.

Гряда облаков, собиравшихся там, тоже была игрой природы. Но вместо того чтобы утонуть в ее красоте, любой мало-мальски сведущий наблюдатель вздрагивал при виде подобной картины.

— Проклятье, Рихари! Что это такое? Следующая буря? Или сейчас начнется светопреставление? — Глория в ужасе смотрела на черные и серые тучи, среди которых временами вспыхивали призрачные молнии. —

Это идет сюда?

Рихари кивнул.

— А ты не видишь?

Пока они говорили, темнеющий буквально на глазах фронт стал заметно ближе.

Глория взяла поводья и выпрямилась в седле.

— Нам нужно спускаться вниз, в лагерь, как можно скорее и предупредить остальных. Проклятье, Рихари, если все настолько плохо, как кажется на первый взгляд, наши палатки просто сметет…

Глория развернула Кередвен и свистнула собакам. Рихари последовал за ней. Лошади в свою очередь старались как можно быстрее вернуться на стоянку и шли без понуканий. Глории приходилось часто придерживать свою кобылку. Опасность поскользнуться и рухнуть в пропасть была слишком велика. Рихари пытался контролировать овец, но потом вынужден был предоставить это собакам. Грозовой фронт неумолимо приближался, животные запаниковали. Но зато всадникам не пришлось снова нырять в туман. Надвигающаяся непогода прогнала пелену прочь. Плохой признак. Вскоре пошел дождь.

— Глория, мы не можем оставаться здесь, на перевале, — закрываясь от хлещущих струй дождя, сказал Рихари, когда поравнялся с девушкой. — Если будет такая метель, как вчера, лошадей сметет. Не считая уже того, что мы не видим ни зги.

— А куда же нам тогда? — спросила Глория. Ветер превращал ее слова в обрывки.

— Есть пещеры в долине неподалеку…

— И? — раздраженно поинтересовалась Глория. — Мы можем разбить там лагерь?

— Они *many*! — крикнул Рихари. — Духи… Но ведь ты знаешь Поурева. Ты была там с Ронго?

Глория на миг задумалась. Ронго водила ее по разным долинам, они бывали у подножия многих гор, она показывала ей причудливые скальные образования и пещеры, в которых давным-давно жили какие-то предки. И теперь Глория пыталась вспомнить значение слова *Поурева*. Перед глазами вдруг встала скальная крепость. Долина, окруженная горами. Что-то вроде форта, который образовался несколько тысяч лет назад на месте кратера вулкана или ледника.

— Духам придется принять гостей, — заявила Глория. — Рихари, где эта крепость? Она, помнится, была далеко от основного лагеря. Мы с Ронго шли не один час.

— Ронго старая женщина… — Рихари медлил. Он знал святыню, и, очевидно, она находилась рядом. Но, похоже, он не хотел осквернять ее. С другой стороны, буря приближалась…

Глория решила не обращать внимания на сомнения Рихари.

— Сейчас ты отведешь нас туда, а потом мы воспользуемся ружьями, — сказала она. — Может быть, другим придет в голову поискать нас там. У нас есть световые заряды?

Рихари пожал плечами. Но Глория была почти уверена, что есть. Бабушка Гвин напоминала ей об этом, осматривая седельные сумки.

Тем временем они продолжали ехать под дождем по заметно сузившимся тропкам, что отметила про себя Глория. Рихари вел Глорию сначала вниз, затем снова в гору. Возможно, здесь никогда прежде не ходили лошади — и, по крайней мере последнюю сотню лет, лишь немногие люди.

Потом Глории показалось, что она узнает местность. Верхом на Кередвен она решительно обогнала колеблющегося Рихари и энергично направила кобылу вперед. Тем временем дождь сменился легким снегопадом, и Глория, пытаясь защитить лицо, закрыла его шарфом. При этом она едва не проехала мимо входа в долину. Хорошо, что Рихари знал дорогу.

— Подожди! — воскликнул он, перекрикивая ветер. — По-моему, это здесь.

Глория вгляделась в метель. Казалось, духи замаскировали вход в долину, который летом, наоборот, притягивал взгляд. Однако Рихари уверенно направил коня между двух скал. Они образовывали что-то вроде арки — врата в Поурева духов. Было видно, что Рихари по-прежнему сомневается, имеют ли они право въехать в долину. Будь он христианином, наверное, перекрестился бы.

Глория же не стала долго раздумывать. По ее свистку собаки провели овец через каменные врата. А потом перед ней снова открылся вид, очаровавший девушку еще тогда, когда она приходила сюда с Ронго. Скалы у входа обрамляли путь в маленькую котловину, образованную отвесно уходящими вверх утесами, которые внизу казались скорее размытыми. Поэт сравнил бы открывшееся пространство, возникшее здесь по прихоти природы, с собором или рыцарским залом. Но Глория видела в первую очередь достаточно большие естественные укрытия для овец. Люди и животные были бы здесь в безопасности при любой буре, даже самой страшной.

Между скалами вокруг небольшого озерца росла скудная трава. Летом

озеро отливало почти неестественной синевой, но сегодня оно было темным из-за мрачных туч, проносившихся по небу.

Глория боролась с собой. У нее есть идеальное укрытие — не только для ее пары дюжин животных, но и для всех, включая Джека и его людей.

Должна ли она оставить это благодатное место и поехать за остальными? Так было бы надежнее всего, но она не знала, сумеет ли сделать это до начала неумолимо надвигающейся бури. Или выстрелить световым зарядом в надежде на то, что Джек увидит его и истолкует правильно? Но что, если выстрел будет воспринят как крик о помощи? Тогда, возможно, он пошлет поисковый отряд, группа распадется и в конце концов все окажутся беззащитны перед стихией. Мужчины уже наверняка увидели грозовой фронт. Учитывая опытность Джека, можно было не сомневаться, что он прикажет свернуть лагерь.

— Остальные знают об этом месте? — спросила Глория.

Рихари предпринял попытку одновременно покачать головой и кивнуть.

— Может быть, Вирему, остальные точно нет. Я знаю эту долину только потому, что однажды сопровождал Ронго. Тогда мы встретили другое племя. Оно шло с высокогорья МакКензи, и их колдунья хотела посетить это место. Ронго провела ее сюда. А ты же знаешь Мараму, она всегда боится за Ронго, которая уже совсем состарилась. Поэтому она послала меня с ней в качестве защитника. С двумя старухами было довольно скучно. И мне пришлось ждать снаружи. Если ты загонишь сюда овец, духи будут очень злиться, Глория.

Глория закатила глаза. А потом приняла решение.

— Вряд ли безобидный дух земли может злиться сильнее, чем Тавириматеа сейчас, — заметила она. Тавириматеа был богом зимы. — Послушай, Рихари, ты подожди здесь. Снаружи или внутри — мне все равно, только не выпускай моих овец. А я поеду вниз, в лагерь. Кури я возьму с собой; он проведет меня обратно, если я заблужусь. Я приведу остальных, пока не началась буря.

— Ты не успеешь… — сказал Рихари. — Ты же не знаешь, где это.

Глория фыркнула.

— Я всегда любила мчаться галопом. А лагерь я как-нибудь найду. Просто поеду вниз, а там сориентируюсь, это не так уж сложно. Так что жди меня… Ах да, и делай выстрелы. Время от времени. Это поможет мне найти обратную дорогу. Может быть, остальные уже вышли мне навстречу. Если Вирему знает это место, он наверняка сообразит, что надо делать. *Many* или не *many*, а людей нужно спасать.

Рихари покусывал нижнюю губу.

— Не знаю… Может быть, лучше поеду я? Я обещал мистеру Джеку присматривать за тобой.

Глория сверкнула глазами.

— Я сама могу о себе позаботиться. И я в десять раз лучше езжу верхом, чем ты.

И, словно в доказательство своих слов, Глория пришпорила слегка упиравшуюся кобылу и заставила ее повернуть. Конечно, Кередвен чувствовала себя в долине гораздо увереннее, нежели в метели, но слушалась команд. Нимуэ, разумеется, побежала за ней. Кури, собаку Рихари, пришлось тащить за собой, поскольку та сопротивлялась.

Глория пустила Кередвен вниз галопом. Она никогда прежде не боялась ездить верхом, но теперь едва не умирала от страха. Девушка знала, что ей ни в коем случае нельзя дать почувствовать лошади свою неуверенность. Глория не сомневалась в кобылке, но все равно старалась покрепче держать поводья, чтобы в трудный момент помочь лошади. Иногда животное поскальзывалось на гальке, и Глории казалось, что у нее вот-вот остановится сердце. Однако Кередвен уверенно бежала дальше. Ловко, словно кошка, перепрыгивала через уступы, обходила резкие повороты. Ниже, в предгорьях Альп, дождь лил как из ведра, но снега еще не было. Пока Глории удавалось обгонять бурю. Ветер не набрал полную силу, но уже вовсю трепал редкие деревца, росшие на этой высоте. Глория испугалась, когда рядом с ней сломалась ветка и полетела по воздуху. Кередвен сочла это достаточным поводом для того, чтобы побежать еще быстрее. По крайней мере она, похоже, нисколько не сомневалась в том, куда нужно бежать, да и Нимуэ с Кури бежали в ту же сторону. Глория перевела дух, когда увидела внизу долину, в которой они вчера ставили палатки. Сейчас там было полно овец. За день мужчины согнали сюда не одну тысячу.

Глория пыталась разглядеть, что делается в лагере, узнала некоторых мужчин. Судя по всему, пастухи вернулись и как раз сворачивали палатки. Мокрый брезент складывали кое-как, вероятно, им было приказано торопиться.

Глория поискала взглядом Джека и увидела его у одного из костров. Он сидел, прислонившись к седлу, в наброшенном на плечи одеяле и раздавал указания. Время от времени он нервно оглядывался на запад. Глория закусила губу. Должно быть, он еще болен, если не в состоянии помогать людям. Оставалось надеяться, что он хотя бы сможет сидеть в седле…

Кередвен нетерпеливо сражалась с поводьями, но Глория не позволила ей вбежать в лагерь, заставила войти в долину спокойным шагом. Наконец Глория спешилась и повела кобылу меж овец. Когда Джек увидел ее, его бледное лицо просветлело. Он с трудом поднялся и пошел ей навстречу.

— Глория, боже мой, Глория! Я не уехал бы вниз, пока не нашел бы тебя! — Джек обнял девушку, и Глория вдруг почувствовала свинцовую усталость. Больше всего ей хотелось рухнуть как подкошенной. Ей вдруг вспомнилась ночь в палатке. И тепло Джека…

Но потом она отстранилась.

— Не вниз… — с трудом переводя дух, произнесла она. — Наверх, на запад. Я знаю, это звучит безумно, но там есть долина…

— Но это *many*, — заметил Вирему.

Джек строго посмотрел на него.

— Маорийские фокусы? — поинтересовался он.

Вирему потупился.

— Я хотел спуститься в сторожку… — нерешительно произнес Джек. — Я еще около полудня отправил туда Хори и Картера с частью овец.

— Может быть, они и успеют до того, как буря разразится по-настоящему. Но мы — нет, Джек! Туда день пути. А у пещер мы будем через час или два.

Она хотела сказать: «Доверься мне!» — но не сделала этого.

Джек на миг задумался, а затем кивнул.

— Мы пойдем за Глорией, — решительно произнес он, обращаясь к мужчинам. — Поспешите, мы должны двигаться быстрее, чем буря.

— Но мы же поедем навстречу урагану, — заметил один из *пакеха*.

— Тем быстрее доберемся до места.

Вирему привел Джеку лошадь.

Глядя, как Джек садится в седло, Глория обернулась к молодому маори:

— Он справится?

Вирему пожал плечами.

— Должен. Вниз ли, вверх ли — здесь ему в любом случае оставаться нельзя. На открытой местности нам придет конец. Это не просто буря, это ураган. И он подобрался так внезапно…

— Его скрывал туман, — громко сказала Глория, перекрикивая ветер. — А теперь за мной, я поеду первой. Те, кто не очень уверенно ездит верхом, держитесь крепче! Скакать нужно быстро, а дорога неровная. Но не очень опасная, если не считать пары-тройки мест.

Было маловероятно, что новорожденные ягнята смогут выдержать заданный темп, но считаться с этим сейчас не приходилось. Сердце Глории обливалось кровью, когда она смотрела на блеющих крох, но сейчас в первую очередь нужно было думать об овцематках. Она пыталась ехать галопом хотя бы первые мили в гору, поскольку пока что местность была еще не слишком трудной. Однако, несмотря на всю спешку, они продвигались вперед не настолько быстро, как рассчитывала Глория. Лошади, даже Кередвен, шарахались от каждой мелочи. Они не хотели идти в темноту. Инстинкт заставлял их бежать прочь от бури. Овцы чувствовали то же самое, так что на долю собак выпала самая тяжелая работа.

Погода стремительно ухудшалась. Сначала дождь сменился снегопадом, а вскоре посыпался град, и градинки били в лицо, словно стрелы. Глория с тревогой посматривала на Джека и неуверенных наездников из деревни маори. Последние держались храбро, цепляясь, словно обезьянки, в гривы своих терпеливых лошадей. Джек же выглядел очень измученным. Глория задумалась, не стоит ли остановиться и позаботиться о нем, но потом взяла себя в руки и погнала Кередвен вперед. Джек должен справиться. Другой возможности добраться до скальной крепости не было.

Джек ехал, низко склонившись к шее Анвила, скрючившись и обмотав лицо шарфом, чтобы как можно лучше защититься от непогоды. Легкие горели, и он благодарил небо за каждую скалу, мимо которой они проезжали и которая давала хоть какую-то защиту. А еще его терзали мысли о том, что он согласился на предложенный Глорией выход. Если это не удастся, если буря обрушится на них в пути… Все они погибнут.

Сама Глория, конечно же, осознавала опасность их предприятия. Чем ближе была надвигающаяся на них буря и чем медленнее они ехали вперед, тем больше она тревожилась. Спуск показался ей коротким; однако подъем, похоже, обещал затянуться не на один час. Плащи всадников давно уже были покрыты снегом и льдом, но у Глории не было времени мерзнуть. Она лихорадочно пыталась найти правильную дорогу, несмотря на то что снег почти полностью слепил ее. Впрочем, Кури, судя по всему, понимал, где он находится и, главное, куда ему нужно. Девушка судорожно цеплялась за поводок, с помощью которого она мешала маленькому метису Рихари убежать вперед одному. Она очень надеялась, что собака не поведет ее по опасным для жизни тропам. Если Кури хочет поскорее попасть к хозяину, то он наверняка идет по доступным для лошадей и овец тропам.

Внезапно мужчины за спиной Глории вскрикнули. Звук выстрела не

заглушил даже рев бури. И теперь они увидели слабую вспышку света за пеленой метели. Рихари выстрелил световым сигналом. Они приближались к укрытию — как раз вовремя. Лошади изо всех сил пытались противостоять буре, собаки прятались за отарой овец, всадники почти вслепую шли за животными. А ветер швырял в них снежные хлопья вперемешку с льдинками, и путникам приходилось защищать от него лица. Оставалось лишь довериться лошадям, длинные гривы которых уже покрылись льдом. Когда Анвил споткнулся и с огромным трудом снова встал на ноги, Джек был уже готов к тому, чтобы устроить привал. Он подумал, что если все прижмутся друг к другу, то, возможно, удастся пережить ураган. Он читал, как один человек в Исландии выжил в буре, убив свою лошадь, разрезав ей живот и втиснувшись в теплые внутренности. Но Джек знал, что подобного приказа отдать не сможет. Тут уж лучше умереть.

Похоже, Бог опять нарушает правила. Впрочем, одного у него не отнять: он очень изобретателен. Пытаясь сосредоточиться на собственном черном юморе, Джек железной хваткой вцепился в поводья Анвила. А потом услышал, как взвизгнул впереди Кури.

— Вот оно! — воскликнула Глория, перекрикивая бурю. — Там вход! Вы видите скалы? Поезжайте вдоль них, сейчас покажется проем!

Саму ее собака уже тащила внутрь. Девушка наконец выпустила поводок. Залаяв, Кури бросилась к хозяину. Люди и животные входили в долину.

Конечно же, Рихари не стал ждать их у входа. Когда дождь и снег, смешавшись, превратились в сплошную стену, он попросил у богов прощения и присоединился к овцам и своей лошади. Если забиться достаточно далеко в промоины, можно было даже разжечь костер. Сначала Рихари колебался, но потом подумал о Глории, замерзших до костей мужчинах и больном Джеке. Если духи разгневаются на них, то им так или иначе конец. Поэтому Рихари набрал побольше хвороста и сухой травы, которую ветром прибило к подножию скал, и разжег костер. А потом нарушил последнее *many* — зарезал старого барашка, который, скорее всего, не пережил бы этого приключения. Он как раз жарил на костре мясо, когда уставшие мужчины прибыли во главе с Глорией. Джек скорее свалился, чем спешился, с лошади и с благодарностью принял кружку горячего чая.

— Остальным придется подождать, котелок крошечный, — извинился Рихари. В седельных сумках, принадлежащих ему и Глории, было только

самое необходимое.

Глория мужественно стояла под шквалистым ветром, пока последняя овца не прошла в скальные ворота, и только после этого въехала в котловину. Сердце радостно забилось, когда она увидела, насколько более защищенными были животные в этой небольшой долине. Конечно, между утесами здесь тоже дул ветер, снег по-прежнему летел в лицо. Но благодаря скалам порывы его были намного слабее, и Глории показалось, что здесь почти уютно.

Еще теплее было в пещерах, потому что туда ветер вообще не задувал. Правда, тут чувствовался стойкий запах, и Глория, увидев старый овечий помет, подумала, что некоторые животные знали это место и не обращали внимания на *many*. Вот и теперь овцы поспешили забраться в укрытие, и людям пришлось свистнуть собак, чтобы оставить себе хотя бы небольшое пространство. Грея руки о глиняную кружку (для «шефини», как теперь с уважением называли ее все, Рихари тоже оставил чай), Глория отважилась провести небольшую инвентаризацию и оглядеть животных.

— Очень плохо? — негромко поинтересовался Джек. Вирему расседлал его коня, и теперь мужчина сидел у огня, прислонившись к лежащему на земле седлу.

Глория поджала губы.

— Мы потеряли не так много ягнят, как я думала. Может быть, потому что лошади не хотели идти вперед и овцам не пришлось выдерживать высокий темп, поспевая за ними. Но, конечно, год будет не самый лучший. На данный момент мы собрали, пожалуй, примерно две трети животных. Остальные еще в долинах. Посмотрим, сколько из них переживут бурю. Как твое самочувствие?

Каждый вдох обжигал легкие Джека, он промерз до костей, но его «хорошо», несмотря ни на что, прозвучало искренне. В течение последнего часа он уже не верил, что переживет бурю, да и прежде его указания давались скорее от отчаяния, нежели из уверенности. Он приказал спускаться к хижине просто в надежде на то, что они сумеют убежать от бушующего урагана. Он не сомневался, что эпицентр бури придется на горы. Если бы пришлось поступить именно так, у людей был бы крохотный шанс на то, чтобы вовремя добраться до более безопасных областей. Но Джек все равно не поехал бы с ними. Без Глории он не тронулся бы с места. И теперь, глядя на девушку, он испытывал глубокую благодарность.

Вирему принес им с Глорией мясо и свежий чай, который основательно разбавил виски. Сидевшие у огня мужчины пили виски

прямо из бутылки и хвалили «шефиню». За Рихари тоже выпили — и по мере опьянения все чаще поднимали тосты за духов.

— Нужно поставить палатки, пока еще можно, — сказала Глория. Она сбежала к Джеку, который лежал немного в стороне от небольшого костерка. — Мы ведь сможем вогнать в землю распорки? Или здесь камень?

Вирему сел рядом с ними, держа в руке кусок мяса.

— Тебе ведь нельзя здесь есть, — ядовито напомнила Глория.

Вирему улыбнулся.

— Я ем там, где хочу. Я уйду из племени, Глория. Вернусь обратно в Данидин.

— Будешь продолжать учебу? — удивилась девушка. — Несмотря на… — Она поднесла руку к лицу, словно показывая на невидимые знаки, нарисованные на коже.

Вирему кивнул.

— Мне нет места ни здесь, ни там, но там мне нравится больше. Я переформулирую свою *пепеха*. — Он твердо посмотрел на нее. — Я Вирему, и мой *маунга* — университет Данидина. Мои предки прибыли на Аотеароа на «Уруао», а теперь я пересекаю страну на автобусе. На моей коже записана история моего народа, но свою историю я пишу сам.

Вирему поставил палатку для Джека и помог ему перебраться внутрь. Он снова нагрел камни, чтобы дать больному больше тепла, и после очередного компресса дыхание Джека успокоилось. Вирему пошел вместе с Глорией в последний раз посмотреть овец. Проверка затянулась: три овцы ягнились, одна овцематка не пережила роды.

Джек проснулся, когда Глория залезла к нему в спальный мешок. На этот раз дрожала она. После трудного дня и последних родов она едва не околела от холода. Больше всего Джеку хотелось прижать ее к себе, но он тщательно следил за тем, чтобы не прикасаться к девушке.

— Неужели не нашлось никого, кто поставил бы тебе палатку? — спросил он.

Глория кивнула.

— Почему же? Но Вирему делит ее с двумя осиротевшими ягнятами. Со временем он наверняка станет хорошим врачом. Правда, я не думаю, что он будет специализироваться на помощи при родах. Когда овцематка умерла, он позеленел.

— Значит, еще одну овцу потеряли? — спросил Джек.

Глория вздохнула.

— Мы потеряем еще нескольких. Но далеко не всех. Это стойкая порода.

Джек улыбнулся.

— И это касается не только четвероногих, — мягко произнес он.

Глория свернулась калачиком, снова спиной к нему.

— Ты видел рисунки? — негромко спросила она.

Джек кивнул, а потом вспомнил, что она его не видит.

— Да. Но я и так знал.

— Ты… откуда? Откуда ты мог знать? — Глория обернулась. В свете фонаря Джек увидел, что она сначала покраснела, а потом стала белее мела. — По мне видно?

Джек покачал головой. Он не удержался, протянул руку и убрал волосы с ее лица.

— Илейн, — произнес он. — Илейн знала. Точнее, она догадывалась. Подробности ей, конечно же, неизвестны. Но она сказала, что ни одна девушка в целом свете не сумела бы сделать это иначе.

— Сама она никогда не… — Глория с трудом подыскивала слова, — продавала себя, — наконец прошептала она.

Джек поднял брови.

— Если я правильно понял ее, то она обязана своей добродетелью исключительно тому обстоятельству, что местная бордель-маман искала скорее пианистку в бар, нежели еще одну проститутку. Если бы у тебя был выбор, ты тоже предпочла бы играть на пианино.

— Мою игру никто и слушать бы не захотел, — прошептала Глория в приступе черного юмора.

Джек рассмеялся, а затем рискнул положить руку ей на плечо. Глория не протестовала.

— Бабушка Гвин? — испуганно произнесла она.

Джек погладил ее, успокаивая. Под толстым свитером он чувствовал ее худенькое плечо. Еще один человек, которому нужно больше есть.

— Моей матери необязательно знать все. Она верит в историю о юнге. Так для нее лучше.

— Иначе она возненавидела бы меня, — прошептала Глория.

Джек покачал головой.

— Нет, никогда. Гвинейра больше всех остальных хотела, чтобы ты вернулась. Если бы она узнала, как ты это сделала, горе, возможно, убило бы ее… Но ненавидеть она стала бы скорее тех ребят, которые тебя обидели. И Куру-маро-тини!

— Мне так стыдно, — призналась Глория.

— Мне тоже стыдно, — ответил Джек. — Но у меня для этого гораздо больше причин. Я захватывал чужой берег, изуродовал его омерзительными защитными окопами, сидел в них и убивал настоящих владельцев лопатой. Это гораздо хуже.

— У тебя был приказ.

— У тебя тоже, — сказал мужчина. — Твои родители хотели, чтобы ты осталась в Америке. Против твоей воли. Отказаться было твоим правом. Ты все еще можешь смотреть в зеркало, Глория. Я — нет.

— Но ведь турки тоже стреляли в тебя, — удивилась Глория. — У тебя не было выбора.

Джек пожал плечами.

— Я мог остаться в Киворд-Стейшн и пересчитывать овец.

— Я могла остаться в Сан-Франциско и гладить платья своей матери.

Джек улыбнулся.

— Тебе нужно поспать, Глория. Можно мне… можно мне обнять тебя?

В эту ночь голова Глории лежала на плече Джека. Когда она проснулась, он поцеловал ее.

12

Тимоти Ламберт терпеть не мог ездить на поезде. Купе были настолько узкими, даже в первом классе, что он не мог устроиться поудобнее, чтобы снять шины с ног. Кроме того, их все время сильно трясло, и пассажиры не могли насладиться пейзажами за окном, хотя пути, проложенные между Греймутом и Крайстчерчем, проходили через красивейшие места. Впрочем, многие люди развлекались, когда поезд то поднимался в горы, то спускался в долины. Однако плохо зажившее бедро Тима во время бесконечной тряски отзывалось мучительной болью. К тому же расписание вынуждало его часами сидеть на одном месте. И если во время поездок в машине или карете допускались частые остановки, которые помогали ему переносить трудности, то здесь это было невозможно. Поэтому Тим старался не путешествовать поездом.

Однако в этом случае Джордж Гринвуд решил не уступать. По какой-то причине встреча с представителями Веллингтонского университета, которые будто бы собирались продемонстрировать невероятные новинки техники для горного дела, должна была обязательно состояться в Крайстчерче. И поэтому ехать на поезде было быстрее и практичнее. Сопоставимых прямых дорог через горы между Крайстчерчем и Западным

побережьем не существовало, поездка заняла бы несколько дней.

Тим перенес вес тела в десятый раз за последние несколько минут и поглядел на жену. Илейн решила сопровождать его, и отговаривать ее было бесполезно. Если уж они попадут в Крайстчерч, заявила она, то можно будет повидаться с семьей в Киворд-Стейшн. Еще одна поездка на автомобиле или в карете. Тим даже думать об этом не хотел.

Несмотря на все тяготы пути, вид Илейн отвлекал его от собственной боли. В этот день она выглядела особенно чудесно. Прежде он никогда не обращал внимания на то, что простой визит к бабушке может так поднять ей настроение. С самого начала путешествия у нее блестели глаза, лицо слегка раскраснелось — видимо, от радости предстоящей встречи. Кроме того, Илейн прихорошилась: рыжие локоны были уложены в новую прическу, зеленое платье красиво облегало ее все еще стройную фигуру, а юбка была короче обычного. Тим довольно оглядывал стройные икры Илейн.

Илейн заметила его взгляд и улыбнулась. Словно для того, чтобы поддразнить его, она еще немного приподняла платье. Впрочем, не преминув убедиться, что Роли крепко спит в другом углу купе.

Легкий флирт существенно взбодрил Тима, и Илейн перевела дух. Она встревоженно наблюдала за тем, как ее муж ерзает по сиденью, отчаянно пытаясь устроиться поудобнее. При этом она думала о том, что Тим мог бы предотвратить боль, если бы принял опиум, в порядке исключения. Но в этом отношении ее муж был непреклонен: пока он может терпеть боль, морфий принимать не будет. Воспоминания о матери, по малейшему поводу хватавшейся за флакончик с опиумом, заставляли его действовать решительно. Тим не хотел превратиться в плаксивое, зависимое от наркотика существо. С другой стороны, постоянные боли заметно повлияли на его характер; он привык выплескивать свое раздражение на окружающих, что совершенно не нравилось Илейн.

Когда поезд достиг перевала Артура, где пассажиры могли выйти и размять ноги, она очень обрадовалась. Тим сумел сделать это только с помощью Роли, что лишний раз подтверждало, что ему действительно плохо. Однако возможность потянуться и немного пройтись все же взбодрила Тима, да и боль, похоже, стала слабее. Илейн улыбнулась, когда он обнял ее и восхитился панорамой гор. Сейчас стояла ясная погода, но за возвышающимся на фоне неба горным кряжем собирались темные тучи. Покрытые снегом вершины казались почти нереальными. Туман и тучи не полностью пропускали солнечный свет, и создавалось впечатление, что долины раскрашены в оттенки голубого и фиолетового цветов. В воздухе

вспыхивали электрические разряды. Затишье перед бурей.

Однако Илейн предчувствовала непогоду и на личном фронте, поскольку перед купе первого класса разминали ноги не только Ламберты и Роли. Из своего вагона только что вышел Калев Биллер, который теперь направлялся к ним, намереваясь вежливо поздороваться. Илейн не была удивлена, заприметив на платформе его длинную худощавую фигуру. Но разве ему тяжело было усидеть в купе? С другой стороны, подобные мысли — просто ребячество. Даже Тим не в ссоре с Калевом. Мужчины обменялись парой приветливых фраз о погоде — и, конечно же, возвратились в вагон вместе. Илейн видела, что Тиму это не нравится, но Калев не замечал признаков недовольства на лице собеседника, поэтому просто отослать его прочь было бы очень невежливо. Калев намекнул, что собирается встретиться в Крайстчерче с другими учеными, и принялся подробно рассказывать о своих последних исследованиях, в которых речь шла о сопоставлении изображения богов у маори и знаменитых статуй на острове Пасхи.

— Примечательно, что наши маори предпочитают выставлять фигуры скорее внутри *варенуи*, что отличает их ото всех остальных полинезийских племен, которые…

— Может быть, у тех не так часто идет дождь, — предположила Илейн.

Калев в недоумении уставился на нее. Судя по всему, к этой мысли ученые еще не пришли.

Наконец Тим покорился судьбе и предложил Калеву зайти в их купе. Илейн забавлялась, наблюдая за тем, как он пытается извлечь максимум выгоды из этой встречи и немного порасспросить Калева насчет рудника Биллеров. Впрочем, он довольно быстро сдался. Калев, будучи совершенно равнодушен к делам рудника, просто ничего не знал; его интересы в области геологии ограничивались добычей жадеита-*поунами*, а также раковин-*пауи*, которые иногда нужны были для того, чтобы вставлять их в статуи богов.

— Вы не обращали внимания, что эти статуи выглядят довольно-таки угрожающе? Когда входишь в дом, кажется, что они смотрят на тебя, но это всего лишь игра света в камне, просто…

Тим вздохнул и снова переменил позу. Не будь в купе Калева, он наверняка забыл бы о своей гордости и лег бы на скамью, чтобы хотя бы вытянуть ноги. Но в присутствии постороннего человека он не мог допустить ничего подобного.

Илейн попыталась перевести разговор на другую тему, памятуя о том,

что вопрос «семьи» в данном случае опасен. Калев без особого воодушевления ответил, что Сэм, его второй сын, сейчас работает на руднике.

— В колледж не захотел, — с сожалением произнес Калев. — Даже для того, чтобы изучать экономику предприятия, хотя Флоренс считала это целесообразным. Но парень возомнил, что ему достаточно прочитать пару книг и сразу опробовать все в деле. Он очень… практичен. — Последние слова прозвучали так, словно речь шла о каком-то хроническом заболевании.

Илейн рассказала, что старший из ее сыновей интересуется юриспруденцией, в то время как средний скорее склонен к технике. Младший, Бобби, еще ходит в школу.

— Но, похоже, ему нравится математика. Может быть, станет коммерсантом. Посмотрим.

— Вашим детям повезло, Тим, — усмехнулся Калев и болезненно скривился. — Они могут делать все, что хотят, рудник им не наследовать…

Тим собрался было возмутиться, но Илейн мягко накрыла его руку ладонью. Калев не хотел сказать ничего плохого. Вероятно, он вообще не мог себе представить, каково было Тиму, когда отец продал его наследство. Позже оказалось, что все к лучшему, Тим стал очень успешным управляющим, но потеря семейного предприятия все еще беспокоила его, как старая заноза. И теперь Илейн пояснила Калеву обстоятельство, давным-давно известное Флоренс. Ламберты использовали огромную прибыль, полученную в первые годы войны, для того, чтобы выкупить часть акций обратно. Поэтому к данному моменту уже было что наследовать и Ламберты будут иметь едва ли не решающее слово относительно вопроса, кто придет работать вместо Тима.

Тим с гордостью улыбнулся, но Калев, похоже, считал новое богатство скорее обузой для последующих поколений. В результате Ламберты снова предоставили ему возможность вести беседу и скучали, пока он рассуждал о костях, из которых вырезали музыкальные инструменты маори. Калев пустился в рассуждения о том, как это влияет на звук *паху поунаму*, если по нему традиционно стучать китовой костью, вместо того чтобы использовать коровьи кости.

— Это помогло Куре во время гастролей, но в целом она была скорее недовольна…

— А что слышно вообще о Куре? — спросила Илейн, чтобы отвлечь его, пока гость не успел углубиться в тему костей. Калев все еще делал аранжировки для концертной программы Куры-маро-тини.

— О, у нее все хорошо! Они планируют вернуться в Лондон. Хотя Уильям любит Нью-Йорк, Куру, судя по всему, снова тянет в Европу. Наверное, больше блеска… — Калев понимающе усмехнулся. — В новой программе мы пытаемся отойти от прежней связи маорийского фольклора с классикой и затронуть новые направления в музыке. В том числе и из Нового Света. На Куру произвело большое впечатление направление спиричуэлс. И синкопы джаза…

Илейн завидовала Роли, мирно дремавшему в уголке. Но затем, когда поезд подъехал к вокзалу Крайстчерча, она позабыла о Калеве. На платформе их дожидался Джордж Гринвуд, рядом прогуливалась Элизабет. Она выглядела довольной и качала на руках малыша.

Тим нахмурился, когда после остановки поезда Илейн так быстро соскочила на платформу, что уронила его костыли. Роли поднял их и помог ему выйти. Калев смотрел на платформу с таким же интересом, как и Илейн. Такую заинтересованность он проявлял только в тех случаях, когда рядом было фортепьяно или для него танцевал веселый парень-маори.

— Это у кого из отпрысков Гринвудов такие маленькие дети? — недовольно поинтересовался Тим, когда он, опираясь на Роли, выбрался из тесного купе.

Роли пожал плечами. Он не записывал, кто из знакомых его хозяина заводил детей, хотя, конечно, кое-что слышал. На самом деле он даже обсуждал со своей женой вопрос, не сообщить ли Тиму кое-что по секрету. Но Мэри энергично выступила против.

— Это будет так чудесно! Так романтично! Ой, как мне жаль, что я этого не увижу! — При этом она двигала по столу «Хозяйку Кенвей-Стейшн». Роли никогда прежде не видел, чтобы Мэри читала книги, но над судьбой героини этого романа она могла проливать горькие слезы.

Илейн ловко выбралась из поезда. Новая мода на более короткие юбки ей очень нравилась. Затем она быстро поздоровалась с Джорджем и обернулась к Элизабет и малышу, рыжеволосому мальчишке.

Тим не знал, что и думать. Илейн была хорошей матерью, но он никогда прежде не замечал, чтобы ее интересовали чужие дети. Щенки и жеребцы нравились его жене гораздо больше.

— Здравствуй, Джордж! — Тим протянул Гринвуду руку. — Что это у вас за новый потомок? Илейн от него просто с ума сходит… — Тим пригляделся. — Он даже немного похож на нее. Это Стивена и Дженни?

Зять Джорджа, Стивен, был братом Илейн.

Джордж усмехнулся.

— А мне кажется, он больше похож на тебя…

Тим нахмурился. И точно. У малыша была такая же угловатая форма лица, как у него, и такие же ямочки на щеках. Впрочем, лицо было немного вытянутым…

— В любом случае от Флоренс у него нет ничего, — вставил Калев Биллер, и тон, каким это было сказано, свидетельствовал о том, что он весьма доволен этим фактом. Зародившееся подозрение Тима обратилось в уверенность.

— Джордж, — строго произнес он, — признавайся, нет никаких ученых из Веллингтона. Это заговор. А это…

— Галахад, — проворковала Илейн. — Поздоровайся с дедушкой, Гал!

Малыш нерешительно переводил взгляд с одного на другого. А потом улыбнулся кривлявшемуся Роли.

Тиму вдруг показалось, что он не устоит на ногах.

— Почему же, есть ученый из Веллингтона, — заявил Джордж. — Ты же знаешь, я тебе никогда не вру. Он даже кое-что понимает в горном деле… если в него входит добыча *поунаму* под Те Таи-поутини, об истории которого и его следах в мифологии маори он прочел мне сегодня за завтраком очень длинный и поучительный доклад.

Илейн с трудом подавила смешок, что очень понравилось Галахаду. Малыш издал какой-то булькающий звук. Илейн взяла его у Элизабет.

— О да, есть еще и *хака*… — Судя по всему, Калеву очень хотелось кое-что добавить к докладу своего сына. Но он вовремя опомнился и занялся своими обязанностями в качестве деда. Калев всегда был безупречным джентльменом. Он с серьезным лицом выудил из кармана крохотную *путатара* и протянул ее Галахаду. — Ее делают из раковин, — пояснил он заинтересовавшемуся малышу. — Зачастую из тех, что встречаются на пляжах Восточного побережья. Чем больше раковина, тем ниже звук. Этот инструмент можно сопоставить с европейской трубой, которая…

— Калев! — вздохнула Илейн. — Просто подуди!

Все взрослые заткнули уши, но малыш восторженно запищал, когда Калев извлек из инструмента пронзительный звук.

Тим вдруг почувствовал себя глупцом. Нужно будет тоже купить малышу подарок. Что-то для мальчика! И почему Калев был в курсе?

Роли ткнул его локтем в бок и вложил в руку игрушечный локомотив.

— Ты… — Тим собирался шепотом отругать Роли, но просто показал ему на Илейн, которая самозабвенно возилась с малышом. Тим хотел рассердиться на нее, однако не удержался и широко улыбнулся. Галахад увидел локомотив, схватил его и радостно вскрикнул.

— Он сказал «Пых!» — восхитилась Элизабет.

Илейн бросила на Тима извиняющийся взгляд, но тому сейчас не интересны были ни таинственность Илейн, ни издаваемые малышом звуки.

— Ну ладно! — проворчал он. — Где Лилиан? И откуда у ребенка такое имя — Галахад?

Лилиан и Илейн не могли расстаться, так же как и Калев с Беном. Пока мать и дочь вели бесконечные разговоры о жизни на Северном острове, отец и сын всерьез рассуждали на тему образной подачи мифов в искусстве маори. При этом они готовы были вцепиться друг другу в волосы, когда спор зашел о том, можно ли считать изображение разделения Папы и Ранги в резьбе по жадеиту и дереву «статическим» или нет. Тим несколько принужденно беседовал с Джорджем и Элизабет, пил виски, пытаясь ослабить боль, и наконец отправился спать, держа в руках последний роман Лилиан «Красавица из Уэстпорта». Полчаса спустя Роли принес ему оставшееся в бутылке.

— Мисс Лейни придет чуть позже. Она отвезет Лили и поможет ей уложить Гила… Гало… ну, малыша. — Гринвуды предоставили в распоряжение Ламбертов свою комнату для гостей; Биллеры ночевали в номере в отеле. — Но она сказала, что это может вам понадобиться. И что вы должны относиться к этому с юмором.

Тим бросил на него измученный взгляд.

— Иди спать, Роли, завтра нам предстоит напряженный день. Ты поможешь мне выпороть дочь!

— Я бы предпочел оставить вас здесь, — произнес Джордж Гринвуд за завтраком, на который собрались все гости, — но будет лучше, если вы поедете в Киворд-Стейшн сегодня утром. Я тревожусь за мисс Гвин, я говорил с ней по телефону, и она была очень расстроена. Если я все правильно понял, она на ферме совсем одна, не считая какого-то парня-маори, который помогает ей с животными. Джек и Глория на высокогорьях, они пытаются вернуть овец на ферму. В такую бурю! Мисс Гвин тревожится. И, должен сказать, не безосновательно, поскольку на метеостанции, куда я звонил, опасаются очень серьезного ухудшения погоды.

Тим и Илейн кивнули, соглашаясь. Они видели скопление темных туч и странный свет на перевале Артура. Но почему овцы с Киворд-Стейшн так рано оказались в горах?

Лилиан помалкивала и прятала глаза за волосами, выбившимися из

прически, благодаря которой она казалась старше. Тим принес вниз ее книгу и положил рядом с тарелкой, многозначительно посмотрев на дочь. После этого Лилиан покраснела, как помидор. Ей не нравилось, что разговоры о надвигающейся буре отвлекли присутствующих от ее романа, хотя, в принципе, ей это было на руку.

— Мы можем поговорить об этом в машине, — строго заметил Тим. — А ты пока вспомни, о чем ты думала, взявшись за это! Джордж, ты дашь нам свою машину или мы сможем взять что-то напрокат? Если можно, то побольше. Мне нужно пространство для ног.

После путешествия поездом у него по-прежнему болело все тело, и он не имел бы ничего против того, чтобы улечься в постель с очередным творением Лилиан. Конечно, это просто бульварное чтиво, конечно, не надо было посвящать читателей в скандал, имевший отношение к семейной истории Ламбертов. Но до сих пор ничто так не отвлекало его от боли в ноге, как эта книга.

Джордж кивнул.

— Пойдемте со мной, Роли, у нас есть разные автомобили, принадлежащие фирме…

Лилиан не стала упускать шанс.

— Нет, я поведу! О, пожалуйста, дядя Джордж! Я всегда возила папочку.

Илейн закатила глаза.

— Ты не могла бы время от времени вспоминать о том, что ты леди, Лили, и не лишать Роли работы?

Лилиан покачала головой, отчего из прически выпало еще несколько локонов.

— Но я же вожу быстрее! — заявила она. — Роли не будет чувствовать себя ненужным, правда? — Она бросила на Роли умоляющий взгляд, который произвел вполне ожидаемое впечатление.

Роли нервно переступил с ноги на ногу.

— Конечно нет, мисс Лили. И вообще… я ведь могу присмотреть за ребенком. Как там его зовут?

Пока Лилиан вела автомобиль, долгие разговоры не получались. Только Бен умудрился сделать подробный доклад, в котором он сдержанно извинял существование писательских трудов своей жены. Сначала он сравнил ее книги с такими безобидными историями, как «Джен Эйр», но затем пришел к выводу, что их — по причине слабого соприкосновения с реальностью — скорее следует отнести к жанру фантастики. При этом он

привел в качестве примера «Франкенштейна» и «Дракулу». Тим, снова ставший раздражительным, оборвал его замечанием по поводу того, что Лили излишне посягнула на их семейную историю. Но как бы там ни было, она не превратила своих героев в вампиров и не заставила их раскапывать могилы. Лилиан, чуть повернувшись, с благодарностью улыбнулась отцу, из-за чего машина слегка вильнула.

После этого Бен разразился рассуждениями о вампиризме в устных преданиях полинезийцев. Илейн возилась с Галахадом, привыкшим к стилю вождения матери; малыш не выпускал из рук подаренный ему локомотив и издавал при этом довольные булькающие звуки. Роли, забившись в угол салона, подбадривал себя воспоминаниями о том, что он все-таки выжил в Галлиполи.

Они прибыли в Киворд-Стейшн в абсолютно рекордные сроки. Лилиан немного обиделась, что никто это не оценил. Впрочем, она решила, что как минимум прабабушка Гвин ею гордилась бы.

На самом деле Гвинейре было не до рекордов Лили. Она даже не обратила особого внимания на своего праправнука Галахада. Впервые за все годы жизни в Киворд-Стейшн Гвинейра МакКензи пребывала в полнейшей растерянности и совершенно обессилела.

— Они погибнут там, наверху, — снова и снова повторяла она. — И это моя вина.

В первую очередь Илейн позаботилась о том, чтобы Моана и Кири приготовили всем чай. Обе женщины-маори казались такими же растерянными, как и их хозяйка, и, кроме того, принялись рассказывать что-то о споре между Марамой, Ронго Ронго и Тонгой, который так же потряс их мио, как и крушение мира Гвинейры.

— Марама сказала, если Глори и Джек умирать, виноват Тонга, а Ронго говорит, духи будут в ярости…

Последнее, казалось, серьезно тревожило Кири, на что Бен с присущей ему многословностью начал распространяться о том, что разрушенная *мана* вождя влияет на духовную сферу равновесия маорийского общества. По крайней мере с точки зрения тех, кого это касается.

Лили улыбнулась и налила еще чаю.

— Пока что никто не умер, — заметил Тим. — И если я не ошибаюсь, первые овцы уже здесь. Во всяком случае, мы видели их, когда подъезжали.

Гвинейра кивнула. Маленький Тане действительно благополучно добрался в Киворд-Стейшн с молодыми барашками. Впрочем, животные снова выбрались из загонов. Паддок, в который загнал их Тане, был не

залатан.

— Если мне кто-нибудь скажет, где инструменты, я могу починить. — Роли изо всех сил старался быть полезным.

— Все дело в том, что не хватает корма, — сказала Гвинейра. — В паддоках уже ничего не растет, и если мы выгоним их на последние пастбища…

Тим и Илейн, нахмурившись, слушали ее рассказ обо всей суматохе вокруг обещаний, *тапу* и духах.

— Минутку, если я правильно понимаю, — поинтересовался Тим, — этот круг каменных воинов находится на твоей земле, бабушка, верно? Но за разрешение похоронить там дедушку Джеймса вождь потребовал единоличное право пользоваться еще какими-то землями, которые ему не принадлежат?

— Они же ими не пользуются… — прошептала Гвинейра.

— А что там с этой *мана*?

— Попросту говоря, *мана* означает влияние одного человека в рамках племени. Но есть и духовный аспект. Ее приумножают, когда… — Бен снова пустился в пространные рассуждения.

— …когда оказывают давление на пожилых женщин, — вставил Тим, настроение которого заметно испортилось: от поездки по неровной дороге еще больше усилилась боль в ноге. Ему хотелось поскорее прилечь, нежели решать семейные проблемы. — Серьезно, все дело именно в этом. Вождь хочет произвести впечатление на своих людей, контролируя местных *пакеха* и оказывая влияние на пользование землей и рабочим рынком. Это нужно прекратить, бабушка! Ты сейчас просто перегонишь своих овец туда, где растет трава, и, если он опять будет возмущаться, мы немного встряхнем его *мана*. Было бы интересно понаблюдать за тем, какое влияние окажет на мир духов твоя угроза вообще выгнать его людей со своей земли. Скажи ему, что снесешь деревню у озера.

Гвинейра в ужасе посмотрела на него.

— Люди живут там веками!

Тим пожал плечами.

— А в Греймуте уголь веками лежит под землей. Сейчас я его добываю. До сих пор ни один дух не возмутился.

— Ну, не нужно перегибать палку, — произнесла Илейн. — Кроме того, овец недавно остригли, а на улице буря и дождь. Если мы выгоним их, будет такой же эффект, как на высокогорье. Неужели у вас совсем не осталось сена, бабушка Гвин?

— Какие-то остатки для лошадей. Джек сказал, чтобы я заказала

комбикорм. Но торговец сидит в Крайстчерче и не хочет присылать транспорт…

— Что? Где телефон? — Тим наконец-то нашел, на ком выместить свое дурное настроение.

Спустя несколько минут он вернулся, сопя от ярости.

— Этот парень всерьез заявляет, что он не может поставить корм раньше следующей недели. Погода, видите ли! Как будто больше нигде не идут дожди. Я сказал ему, что мы пришлем повозку и сами заберем корм. Мы можем выделить на это человека?

Гвинейра покачала головой.

— Сейчас у нас нет никого, кроме Тане. Да и его нельзя посылать одного в Крайстчерч.

— Тогда поеду я! — вызвалась Лилиан. — У вас есть что-то вроде крытого фургона, бабушка Гвин? Нужно ведь будет накрыть корм. И кого мне запрягать? Автомобиль был бы, конечно, лучше…

Илейн закатила глаза.

— Я предпочла бы видеть тебя на козлах, — заявила она. — В этом случае хотя бы можно положиться на рассудительность лошадей.

— И возьми с собой своего Бена, — приказал Тим. — Хотя вряд ли погрузка мешков входит в область его компетенции.

— Тут вы ошибаетесь, сэр! — улыбнулся ему Бен, закатал рукав рубашки и показал свой тренированный бицепс. — До того, как Лилиан начала писать эти… э… книжки, я по ночам работал в порту.

Тим впервые зауважал своего зятя. Он даже не предполагал, что тот сможет прокормить семью, работая руками. С другой стороны, Лилиан ведь раньше говорила о его спортивной карьере. Если он правильно запомнил, мальчик не просто умел грести, он выиграл регату. Тим постепенно начинал чувствовать себя лучше. Несмотря на внешнее сходство и одинаковые, действующие на нервы научные интересы, Бен не был Калевом. Его зять был мужчиной.

— Если хотите и если бабушка не против, можете привезти своего отца, — примирительно проворчал Тим. — Мы совсем забыли про него, так торопились приехать сюда. Если он будет сидеть один в Крайстчерче, то не повидает внука…

Гвинейра наконец оживилась, проводила Лилиан и Бена в конюшни и выдала им упряжку кобов и повозку. Илейн пошла с ними и тут же взяла на себя организацию работы в конюшне.

— Здесь срочно нужно убрать навоз. Это может сделать Тане. Или его помощь пригодится тебе в починке забора, Роли? Ах, знаешь что? Забудь

про забор. Мы перегоним овец в один из сараев для стрижки. И остальные тоже нужно подготовить, ведь Джек и Глория приведут еще больше овец.

Джек и Глория. В заботах о корме для животных она почти забыла о людях в горах. Илейн позаимствовала у Гвинейры старомодный костюм для верховой езды и вощеный плащ, однако когда она с помощью Тане перегоняла барашков в сарай для стрижки, то промокла до нитки. В горах этот дождь превращается в снег. И это только предвестники урагана, если верить метеорологам из Крайстчерча.

— Если поехать за ними, это что-то даст? Как думаешь? — спросила она Тима, когда, дрожа, сидела перед камином и пыталась согреться.

Тим наконец сдался и лежал на диване, укрывшись одеялом. Перед этим он несколько раз созванивался с Джорджем Гринвудом.

— «Гринвуд Энтерпрайзис» поможет, выдав еще одну повозку, которую нагрузят кормом и которая прибудет сегодня же ночью. Люди же, присланные Джорджем, на время останутся на ферме и помогут кормить животных и выполнять другую работу. Хоть они ни разу в жизни еще не видели овцы, но вилами наверняка размахивать смогут. А как ремонтировать забор, я покажу им в крайнем случае сам. Это, — Тим нетерпеливо указал на ногу, — завтра наверняка будет чувствовать себя лучше.

Илейн в этом сомневалась — в дождь и непогоду Тим обычно чувствовал себя хуже, — но не стала больше ничего говорить. Она больше тревожилась о тех, кто сейчас находился в горах.

— Овец до начала бури мы не получим. Но, может быть, кто-то сможет предупредить людей?

Гвинейра пожала плечами.

— По времени никак не успеть, — проворчала она. — Обычно туда два дня пути верхом. Ну, очень быстрая лошадь с очень хорошим седоком, возможно, справится за один день…

— Там, наверху, уже идет снег, — заметил Тим. — И где посланнику их искать? Люди могут быть где угодно…

— Я знаю, где они. Я… — Гвинейра собралась было встать.

— Ты останешься на месте, бабушка Гвин! — приказала Илейн. — Отбрось глупые мысли! Судя по всему, нам придется просто ждать… и надеяться на опыт Джека, который знает, как вести себя в горах.

Гвинейра вздохнула.

— В последнее время Джек изменился… Вряд ли на него можно положиться.

Роли О’Брайен, который тоже грелся у огня после того, как целый день

выгребал навоз и чистил конюшни, зло сверкнул глазами.

— На мистера Джека всегда можно положиться! Он болел, но если понадобится, достанет ваших овец из самого пекла!

Сначала Гвинейра удивилась. А потом пристально вгляделась в молодого человека, борясь с какими-то своими мыслями.

— Значит, вы и есть тот самый Роли, — наконец сказала она. — Вы были вместе с Джеком. Вы не расскажете мне о войне, мистер О’Брайен?

Роли никогда еще так подробно не рассказывал о Галлиполи, и язык ему развязало не только первоклассное виски, которое подливала ему Гвинейра, но и ее живое участие. Пожилая женщина с усталыми глазами слушала молча, но чем дольше говорил Роли, тем больше оживал ее взгляд и тем больше отражались горе и ужас в ее восхитительных синих глазах.

Тим и Илейн уже давно ушли спать, а они все еще сидели у огня. Тиму нужна была постель, да и Илейн после работы с овцами едва не уснула в кресле. Ночью она проснулась, встревоженная каким-то шумом, и не сразу смогла понять, что происходит. Идея Гвинейры самостоятельно искать пропавших в горах людей напугала ее. Она встала, чтобы посмотреть, что ее разбудило.

Оказалось, что это пришел транспорт с продовольствием из Крайстчерча. Гвин и Роли приветствовали возниц в салоне; наверное, они до сих пор сидели у камина и разговаривали. И теперь наливали виски промокшим и усталым мужчинам. На улице бушевала метель, хоть и не такая сильная, какой могла быть в горах.

— Ну ладно, Роли, пошли кормить животных, — вздохнула Илейн, поглядев в окно. — Мы потеряем еще больше овец, если они будут голодными в такой мороз, а это нам совершенно не нужно. Фургон еще запряжен? Если так, мы можем поехать прямо к сараю для стрижки овец и там уже разгрузить его.

Роли не просто слегка покачивался, а шатался, но, конечно же, пошел вместе с Илейн к овцам и, довольный, наблюдал за тем, как едят животные.

— Я всегда хотела иметь ферму, — вздохнула Илейн. — Так завидовала Куре-маро-тини из-за Киворд-Стейшн. Но такие ночи…

— Джек никогда не рассказывал о войне, — вдруг, совершенно не в тему, пробормотал Роли. — Его мать ничего не знала, он просто лежал в своей комнате и смотрел в стену. Утонченные люди почему-то очень терпеливые. Моя мама давно бы меня выгнала.

На следующий день Илейн вместе с новыми помощниками проверила

сараи для стрижки, приготовила корм и подстилки для овцематок. Тим осмотрел постройки фермы и несколько расстроился.

— Сломанные заборы — это только верхушка айсберга. Здесь нужно все ремонтировать, бабушка. Наверное, твой Маака скорее склонен к импровизации: здесь кое-что подлатать, там побыстрее что-нибудь сколотить. Когда Джек вернется, нужно будет поговорить о серьезном ремонте…

— То же самое касается и сараев для стрижки, — добавила Илейн. — Они скоро развалятся. Ты когда-нибудь думала о том, чтобы построить здесь что-то новое? У вас ведь сейчас гораздо больше овец. Вам нужны более просторные помещения.

— И проблема с рабочими… — Утром Тим был удивлен, когда на работу, словно ничего не произошло, вышли трое маори. — Нельзя же позволять людям приходить, когда им удобно.

— Все дело в погоде, они не могут охотиться, — пояснила Гвин. — И запасы зерна израсходованы. Они рассчитывают на то, что мы дадим им продукты, если они бросят Тонгу.

— Но ведь этот Тонга вместе со своим *мана* далеко отсюда, — проворчал Тим. — И потом, бабушка, почему вы платите им продуктами? Почему у них нет трудового договора? Это же каменный век! Джек должен позаботиться об этом. Сегодня проблема наемного труда решается не так, как в феодальные времена! И вообще, я бы на вашем месте, бабушка, подумал о паре специалистов. Может быть, следует нанять людей в Уэльсе или Шотландии. Одного только старшего мастера, который разбирается в овцеводстве, недостаточно!

Во второй половине дня появились Лилиан, Бен и Калев с еще одной повозкой корма — и новыми рабочими. Проверенная методика Лили заговаривать со всяким, кто мог бы пригодиться, помогла им заполучить опытного животновода. Этот человек приехал по каким-то семейным делам с Северного острова — «Несчастная любовь!» — уточнила Лилиан, мелодраматично взмахнув ресницами, — и решил пока заняться торговлей кормами. Но слово за слово, и выяснилось, что он предпочел бы снова работать с овцами. Лилиан тут же потянула его за собой.

Вечером настроение в Киворд-Стейшн было подавленным. Днем все были заняты работой, и это отвлекало от тревожных мыслей. Но буря уже неистовствовала над Кентерберийской равниной, и все прекрасно представляли, что творится в горах.

— У нас обычно были с собой хотя бы крытые повозки, — негромко

произнесла Гвинейра, глядя в окно. — Если они…

— Брезент унесет с такой же легкостью, как и палатку, — в такую-то погоду, — заметила Илейн и подумала: «И если там, наверху, действительно бушует ураган, он унесет и повозку». Однако говорить об этом вслух не стала.

Некоторую надежду принесла Марама. Она пришла в Киворд-Стейшн вместе с мужем, который наконец снова вышел на работу. На протяжении предыдущих дней он не отваживался открыто восстать против Тонги. Изначально он не принадлежал к племени и обладал небольшой *мана*, но зато был опытным пастухом и стригалем. Марама не сомневалась в том, что скоро для него найдется работа.

— Может быть, уже завтра они придут с первыми отарами, — заявила она. — И половина овец оягнится дома в первую же ночь.

От переживаний Гвинейры и Илейн по поводу людей в горах она отмахнулась.

— Если бы с моими сыновьями что-то случилось, я бы почувствовала!

Марама верила в это так же непоколебимо, как и много лет назад, когда никто не знал, куда подевалась Кура.

Тим снова нахмурился, когда Илейн рассказала ему о предположениях Марамы.

— А ты знала, что я жив, когда меня засыпало в руднике? — спросил он.

Илейн честно покачала головой.

— Нет, но я всегда знала, что у Лилиан все в порядке!

Тим закатил глаза.

— Любимая, предположения, основанные на отчетах частных детективов, не считаются!

Лилиан пыталась отвлечь Гвинейру игрой с Галахадом, но малыш устал и капризничал. Наконец она уложила ребенка спать и молча присоединилась к родителям.

Единственные, кто в этот вечер разговаривал, хоть и приглушенно, были Бен и Калев Биллеры. Калев, наверное, был на седьмом небе от счастья, поскольку обычно общался с единомышленниками лишь письменно, а теперь можно было напрямую поговорить с сыном. Бен пространно вещал о понятии *мана* и его соответствии сходным понятиям в других областях Полинезии. Калев связывал это с величиной идолов — в итоге получилась оживленная дискуссия насчет того, каким количеством *мана* обладали различные боги и полубоги.

— Было бы очень полезно уже сейчас просмотреть записи мисс Шарлотты, — заметил Калев и в очередной раз принялся превозносить заслуги молодой женщины.

Полная тревоги и беспокойства, Гвинейра обрадовалась, что может хоть чем-то заняться.

— Мой сын все подготовил. Если хотите, я принесу записи.

Калев не хотел утруждать ее, но Бен смотрел на него так, словно его лишили десерта.

— Меня не затруднит.

Гвинейра поднялась по лестнице, изо всех сил стараясь не обращать внимания на свой артрит. Обычно она не входила в комнату сына без разрешения, но видела блокноты Шарлотты у него на столе. Что ж, если все ее опасения оправдаются, ей скоро придется перебирать здесь вещи. Войдя в комнату, она сделала глубокий вдох — этим же воздухом дышал и сын. У пожилой женщины вдруг закружилась голова.

Она присела на кровать Джека и вжалась головой в его подушку. Ее сын. Она не поняла его. Она ничего не поняла. В душе она считала его трусом. А теперь он, возможно, никогда не вернется.

Наконец она взяла себя в руки и потянулась к блокнотам. Один из них лежал рядом со стопкой других. Гвинейра подняла его — и не сумела удержать посыпавшиеся из него листы. Рисунки полетели на пол.

Гвинейра вздохнула, включила свет и стала собирать их. Когда ей усмехнулся череп, она испугалась.

Прошлую ночь Гвинейра провела в Галлиполи.

Этой ночью она совершила путешествие на «Мэри Лу» и «Ниобе».

На следующий день буря улеглась, но по-прежнему было очень холодно. Илейн и Лилиан продрогли, пока кормили овец и лошадей. Роли с Беном, а также новые помощники носили воду. А затем на ферму хлынул поток мокрых и замерзших овец. Пришли Хори и Картер. Они привели первые отары без особых потерь и даже успели до бури попасть в сторожку.

— Мы думали, что ветер ее снесет! — рассказывал Картер. — Нужно послать кого-нибудь, чтобы починить сторожку. Крыша кое-где обвалилась. И сегодня утром мы сразу ушли. У вас нет известий от мистера Джека и мисс Глории? Мы видели световые ракеты.

— И вы не поехали обратно, чтобы поискать их, когда улеглась буря? — строго поинтересовалась Илейн.

Хори покачал головой.

— Мисс Лейни, если там, наверху, кто-то жив, он справится и без нас. А если в живых никого… мы спасли хотя бы этих овец.

Как и почти все маори, он был практичен.

— Световые ракеты, — сказала Илейн мужу. Тим был в сарае для стригалей, наблюдал за работами по утеплению. — Они звали на помощь, а мы даже не видели этого.

— И какой был бы прок, если бы мы увидели? Странно вообще, что они на это полагались. Джек должен знать, что туда от цивилизации два дня пути верхом. Если бы они стреляли после бури, это было бы логично. Тогда можно было бы предположить, что есть выжившие, которым нужна помощь. Но стрелять световой ракетой посреди бури? Не очень взвешенное решение. — Тимоти Ламберт научился сохранять спокойствие даже в трудных ситуациях. Будучи горным инженером, он обеспечивал безопасность в шахте. Однако Илейн рассердилась на него за то, что он усомнился в Джековой рассудительности.

— Боже мой, в такой ситуации необязательно постоянно думать логически! Нужно собрать поисковый отряд…

— Для начала позаботься об овцах, — велел ей Тим. — И не ругай парней. Они поступили совершенно правильно. — Тим снова повернулся к рабочим: — Как там бабушка?

Прошлой ночью Гвинейра — спустя час после того, как поднялась наверх, — снова пришла в салон. Казалось, пожилая женщина была бледнее смерти. Она молча вручила Биллерам блокноты, а сама сразу же отправилась к себе и до сих пор не спускалась.

— Кири отнесла ей завтрак. Она не хочет никого видеть, она ничего не ела, хотя чай выпила. Чуть позже я позабочусь о ней.

Илейн вышла из сарая и занялась распределением вновь прибывших овец по сараям для стрижки и коровьим стойлам. Некоторые из них оказались овцематками и вот-вот должны были оягниться, с другими были крохотные ягнята. Новый помощник, Джейми, которого привезла Лили, занялся животными. Он попросил поставить жаровни с углями, чтобы обеспечить дополнительное тепло для наиболее замерзших животных. Оказалось, что мужчина отлично справляется с родами и, кроме того, сразу поладил с собаками.

После этого Илейн отправила Хори и Картера спать. Мужчины совершенно обессилели.

Еще позже она отчиталась перед бабушкой. Гвинейра, которая наконец-то спустилась в салон, сидела у камина и играла с Галахадом. Выражение лица у нее было отсутствующее. Казалось, она постарела на

много лет.

— Ребята привели две тысячи овец, из них восемьсот овцематок. Ягнята, родившиеся вчера ночью, почти все погибли. В такую бурю они не могли выжить. Но многие ягнятся сегодня, и Джейми творит настоящие чудеса…

— Кто такой Джейми? — отстраненно поинтересовалась Гвинейра.

— Новый пастух, которого привезла Лили. Ах да, еще пришли четверо или даже пятеро маори. Тим отчитал их за историю с Тонгой. Сказал, что еще одна подобная выходка — и они больше не получат работу… — продолжала Илейн.

Гвинейре вдруг показалось, что она окончательно утрачивает контроль над фермой. И это ощущение не было неприятным.

13

Глория не ответила на поцелуй Джека, но сопротивляться не стала. Прежде чем она опустила глаза, в ее взгляде мелькнули удивление и озадаченность.

Перед палаткой лежал тонкий слой снега. Несмотря на то что они поставили ее подальше от входа в пещеру, ветер принес снег и было настолько холодно, что он не таял. В долине перед скалами тоже лежал снег, но пруд не замерз. На его поверхности отражалось сизое небо. Некоторые овцы пили из него; грязно-серые, они стояли на испачканном пометом снегу. Впрочем, судя по всему, большая часть животных выжила, а в соседней палатке блеяли ягнята. Снаружи доносилась ругань. Вирему и Паора поймали одну из овцематок и пытались подоить отчаянно сопротивляющееся и обезумевшее животное для осиротевших ягнят. Другие мужчины занимались разведением костра, Рихари притащил от пруда воду.

— Сейчас будет горячий чай, шефиня! Как дела, мистер Джек?

Джек надеялся, что сегодня сможет держаться в седле, но после вчерашней скачки об этом нельзя было даже думать. У него снова поднялась температура, и когда он вместе с Вирему пошел к костру, почувствовал головокружение. Устало присев на корточки у огня, Джек пытался продумать план на грядущий день.

— Ну, что скажете? Поедем вниз и уведем животных в безопасное место или попытаемся найти остальных овец?

— Вы не можете ехать верхом, мистер Джек! — встревоженно

произнес Уиллингс. — Вы же еще вчера висели на лошади, как пустой бурдюк. И тогда от этого зависела ваша жизнь. Вам нужно обязательно остаться здесь, пока не станет лучше.

— Дело не во мне… — отмахнулся Джек.

— Конечно же, мы соберем остальных овец, — решила Глория и мрачно добавила: — Если они выжили. Впрочем, эти твари не глупые и живут здесь каждое лето. Может быть, им известны какие-то укрытия, подобные этим. Кто-то наверняка что-то нашел.

— Но нужно послать кого-нибудь в Киворд-Стейшн, — произнес Паора. — Мисс Гвин будет сходить с ума от беспокойства.

Глория пожала плечами.

— От этого я не могу избавить ее, — сказала она. — Мы не можем обойтись без кого бы то ни было. Животных нужно срочно собрать и перегнать вниз. Для отары хватит той травы, что в котловине и вокруг, до завтрашнего утра. Они могут разгребать снег, да и вообще он скоро растает. Так что передышка у них будет. Завтра же одна команда спустится вместе с овцами, пока мы будем собирать остальных, а послезавтра мы тоже тронемся в путь. Если погода будет на нашей стороне. Какой у нас прогноз, Рихари?

Следопыт и наблюдатель за погодой посмотрел на затянутое тучами небо.

— Думаю, ярость Тавириматеа поутихла. Похоже, будет дождь. Может, выпадет немного снега, но буря, кажется, миновала.

И действительно, ветра почти не было, да и в воздухе уже не чувствовалось разрядов. Вполне обычный дождливый день — неприятный, но не опасный. Так часто бывает в горах.

Глория со своими людьми погнала последних разбежавшихся овец не в крепость, а на старое место сбора.

— Мы снова перенесем лагерь, — решила Глория. — Завтра же утром. До того момента овцы еще не успеют съесть всю траву вокруг озера и дерн не разрушат. И если потом летом придут *тохунга*, чтобы побеседовать с духами, все будет как обычно.

Глория не сказала, действительно ли она уважает *тану* или же просто не хочет ссориться с Ронго. Она немного удивилась, что ей никто не возразил, но, наверное, магия потайного убежища в горах повлияла на душу даже последнего *пакеха*.

Вечером она совершенно естественно забралась в палатку Джека, а затем залезла в его спальный мешок. Не глядя на него, девушка легла

рядом. Он чувствовал, что ее тело напряжено, но не стал говорить об этом, не стал упоминать утренний поцелуй. Они обменялись парой замечаний по поводу поездки и поиска овец — Глория с мужчинами собрала еще почти тысячу овец. Джек мягко поцеловал ее в лоб.

— Я так горжусь тобой, — с любовью произнес он. — Спокойной ночи, моя Глория.

Ему больше всего на свете хотелось обнять ее, разрушить оцепенение, но это было бы ошибкой. А Джек не хотел больше допускать ошибок. Только не с женщиной, которую он любил.

В конце концов он заставил себя повернуться к Глории спиной и уснул, отчаявшись дождаться, когда она расслабится. Но, проснувшись, почувствовал ее тепло. Она прижалась грудью к его спине, положив голову ему на плечо. Рукой она обнимала его, словно держалась за него. Джек подождал, когда она тоже проснется, и снова поцеловал ее.

В это утро Глория послала половину людей с большей частью стада овец обратно в долину. Джек еще недостаточно окреп, чтобы как следует помогать; впрочем, с помощью Тьюзди он не давал оставшимся овцам разбрестись, пока Глория, Вирему и двое опытных пастухов еще раз объехали высокогорье в поисках разбежавшихся животных. Именно Вирему удалось во второй половине дня найти последних шестьсот овцематок. Многие из них потеряли своих ягнят, но почти все драгоценные производители выжили.

Глория была очень счастлива, и, когда они вечером собрались у костра, она слегка прижалась к Джеку. В палатке она позволила ему поцеловать себя, а потом снова застыла, лежа на спине и дожидаясь, пока он уснет. На этот раз Джек не отвернулся, но трогать ее не стал. Он не знал, что делать. От напряженной донельзя девушки исходил даже не страх, а покорность перед неизбежным. Джеку это показалось невыносимым. Он знал, как помочь ей справиться со страхом, но что нужно сделать, чтобы для Глории их сближение не было жестом отчаяния, понятия не имел.

— Я не хочу ничего, чего не хочешь ты, Глория… — прошептал он.

— Да я же хочу, — тоже шепотом ответила она. К его ужасу, это прозвучало почти безучастно.

Джек покачал головой. А потом поцеловал в висок.

— Спокойной ночи, моя Глория.

На этот раз она расслабилась быстрее. Засыпая, он чувствовал тепло ее спины. Завтра они поедут в Киворд-Стейшн. Возможно, дальше ничего не будет. Но Джек умел ждать.

На следующий день первым в Киворд-Стейшн появился Маака. Молодой старший мастер решил, что дальнейшие ухаживания могут подождать. Вместо того чтобы приветствовать свою красавицу жену в *марае* племени, он разместил ее для начала в одной из множества комнат в Киворд-Стейшн. Впервые за много лет комнат стало не хватать.

Тим Ламберт обрадовался появлению Мааки, поскольку уже начинал всерьез опасаться, что его предприимчивая жена и еще более непоседливая дочь могут самостоятельно организовать спасательную экспедицию, чтобы найти потерявшихся в горах людей.

Как только представилась возможность, он отвел Мааку в сторону.

— Давай без сентиментальностей, — заявил он. — Там, наверху, может быть кто-то живой?

Маака пожал плечами.

— Вполне, сэр. Там много пещер, котловин, кое-где даже лес есть, где можно укрыться. Нужно только сориентироваться и постараться, чтобы буря не застала врасплох…

— И что? — спросил Тим. — Джек МакКензи ориентируется?

— Не так хорошо, как мальчишки-маори, сэр, — ответил Маака. — Племя проводит в тех местах почти целое лето. Сыновья Марамы, наверное, там каждый камень знают.

— А Джек… — Тим закусил губу. Он собирался задать работнику очень деликатный вопрос. — Он умеет принимать советы других?

Маака снова неуверенно пожал плечами.

— Джек был отличным парнем. Но после войны… трудно сказать. Он плывет по течению, понимаете? Возможно, он передаст все в руки Глории…

Маака не стал этого говорить, но по его лицу Тим понял, что Глорию считают скорее упрямой девушкой. Это Тима не удивило. Он знал Куру-маро-тини. Женщину, которая всегда получала то, что хотела.

— А как вы относитесь к идее снарядить поисковый отряд? — поинтересовался он. — Кто-то видел вспышку световой ракеты. Моя жена считает, что люди могут ожидать помощи.

— Да тут не видно, если кто-то будет стрелять в горах, — удивился Маака. — Может быть, это была зарница?

Тим рассказал о наблюдениях Хори и Картера, но Маака лишь отмахнулся.

— Мы берем с собой световые ракеты, если кто-то потеряется или заблудится. Тогда он подает сигналы в главный лагерь. В Киворд-Стейшн

ничего не будет видно, да и непонятно будет, где стреляют.

— То есть никаких спасательных отрядов? — Постепенно невозмутимое спокойствие молодого человека начинало действовать Тиму на нервы. Такого отсутствия сентиментальности он и не предполагал.

— Зачем?

— Да чтобы спасти людей, парень! Скорее всего, что-то случилось, иначе они давно уже были бы здесь! Или что, по вашему мнению, происходит там, наверху? — взорвался Тим.

— Сгоняют овец, — коротко ответил Маака.

Тим растерялся.

— Вы хотите сказать, что кто-то, чудом выжив после урагана, какой бывает раз в сто лет, не отправится прямо домой, а будет продолжать собирать овец, словно ничего не произошло?

Маака выпятил губу.

— Кто-то, может быть, и нет. Но МакКензи — да. — Он на миг умолк. — И Уорден тоже. Так что я займусь подготовкой старых коровников, сэр. Чтобы овцы пришли в тепло.

Стойла были вычищены и посыпаны соломой, заборы проверены и починены, когда прибыла первая группа людей с овцематками. Марама, улыбаясь, обняла своего второго сына. Илейн перевела дух, когда прибывшие заверили ее, что остальной отряд вернется на следующий день.

— Вы не могли бы послать кого-то вперед? — спросила Гвинейра, то смеясь, то плача. Она пригласила промокших и усталых мужчин в дом, щедро угостила виски и выслушала все подробности приключения.

— Мы предлагали, но шефиня сказала, что нам нужны все люди.

Когда Илейн и Лилиан наконец, несколько рановато, спустились к общему ужину, Гвинейра сидела у камина и вертела в руках бокал виски.

— Меня они никогда не называли «шефиня», — задумчиво произнесла она.

Лилиан захихикала.

— М-да, наступили другие времена. Ты могла сколько угодно хорошо разбираться в овцах, но для мужчин все равно оставалась милой «мисс Гвин». Глории не повезло — или, наоборот, повезло — она никогда не была милой. Правда, раньше она была робкой. — Лилиан улыбнулась. — Похоже, все изменилось.

Джек, Глория и остальные мужчины провели последнюю ночь перегона скота в сторожке. На этот раз Вирему настоял на том, чтобы они

оба спали внутри. Джек был еще слаб, и после целого дня верхом ему нужно было полежать в тепле. Но тут Глория удивила всех:

— Мы все будем спать здесь, — решила она. — А ягнят отправим в стойло, иначе под такое блеяние никто не уснет.

Она быстро оглядела мужчин. Однако, кроме Вирему и Джека, похоже, никто не понял, насколько тяжело ей далось это предложение. С ними остались одни маори; они привыкли спать в общих домах, и им никогда бы в голову не пришло тронуть девушку. Особенно если она принадлежит кому-то другому.

Джек надеялся, что Глория снова придет к нему, но она осталась в алькове и забралась в свой толстый спальный мешок. Джек, не возражая, занял вторую кровать в хижине; после длительной поездки, да еще в такой холод и под дождем, его состояние снова ухудшилось. Он терпеливо выпил чаю, который принес ему Вирему.

— Я не совсем понимаю, — произнес юноша-маори. — Она делит с тобой палатку, но здесь…

Джек пожал плечами.

— В общем доме, Вирему? Не слишком ли это?

— Разве вы не поженитесь? — спросил Вирему. — Я думал…

Джек улыбнулся.

— За мной дело не станет. Но я не хочу получить от ворот поворот, как ты…

Вирему с горечью усмехнулся.

— Следи за своим *мана*! — посоветовал он.

Они прибыли в Киворд-Стейшн на следующий вечер, и, к счастью, до этого дождя не было целый день. Мужчины открыли стойла для овец, Илейн даже выпустила лошадей из конюшен и порадовалась тому, как они резвятся на выгоне. В этот день все было наполнено ожиданием. Наконец Лилиан и Илейн поехали встречать перегонщиков.

Увидев кузину, Глория была более чем удивлена.

— Разве ты не пропала в Окленде? — поинтересовалась она, оглядывая Лилиан.

Рыжеволосый кобольд почти не изменился за все эти годы. Конечно, Лилиан повзрослела, но лукавая и беззаботная улыбка на ее лице была все такой же.

— Это *ты* пропала! — возразила Лили. — Я просто вышла замуж!

Она тоже разглядывала Глорию, но видела перед собой совсем другую девушку, не то полноватое, запуганное и мрачное существо из «Оукс

Гарден», но стройную, уверенно сидевшую в седле «шефиню». Лицо у нее было красным, на нем отчетливо виднелись следы пережитого, но оно приобрело четкие контуры. Лилиан редко доводилось видеть настолько интересное лицо. Нужно запомнить его для своей следующей книги… Девушка, которая в поисках любимого объехала полмира. Новая версия «Jackaroe». Впрочем, она испытывала смутное подозрение, что Глория никогда не расскажет ей всю свою историю.

Довольная и возбужденная встречей, Лили рассказывала о своей жизни в Окленде и своем малыше. Илейн, в свою очередь, докладывала об обстановке в Киворд-Стейшн. Джек и Глория молча переглядывались, время от времени бросая гордые взгляды на животных, которых они гнали впереди себя. Когда они наконец добрались до поместья, их уже встречали рабочие, чтобы тут же начать распределять овец по сараям. С ними был и Маака, готовый взять на себя руководство, но люди, которые ездили на поиски животных, смотрели только на Глорию. А Глория — на Джека.

— Ну ладно, парни, — произнес Джек. — Как же здорово вернуться! Мы все можем поздравить друг друга. Паора, Анару, Уиллингс, Билс, это была очень хорошая работа. Думаю, мы поговорим с шефиней насчет небольшого бонуса.

Джек посмотрел на Глорию. Та улыбнулась.

— Полагаю, вы освободили сараи для стрижки, чтобы загнать туда овцематок? А барашков мы просто погоним дальше, на пастбище за Болдс-Крик. И чтобы я больше не слышал слова «*many*»! Если снова не пойдет дождь, те овцы, которые уже оягнились, завтра смогут перебраться к кругу каменных воинов.

Джек спокойно раздавал указания, в то время как Глория и некоторые другие мужчины уже подзывали свистом собак, чтобы разделить отары.

— Маака, присмотришь потом? Я хотел бы поздороваться с матерью. К тому же в доме, судя по всему, полно гостей.

— Ванна тоже не помешала бы, — заметила Глория, спешиваясь. — Я отведу лошадей в конюшню, Джек. Можешь идти в дом и отдыхать.

Она повела Кередвен и Анвила, как вдруг дверь конюшни распахнулась и им навстречу вышла Гвинейра. На самом деле Джек предполагал застать мать в доме — когда приезжали гости, она редко находила время, чтобы проверить, как дела в конюшне. На Гвинейре было старое платье для верховой езды, свои седые всклокоченные волосы она уложила сама, как и прежде, а лицо сияло и казалось таким молодым, каким Джек не видел его уже много лет.

— Джек, Глория! — Гвинейра бросилась к ним обоим и обняла

одновременно.

Она не обращала внимания на то, что Глория замерла, а Джек лишь вежливо прижал ее к себе. Все со временем изменится; спешить некуда. К тому же вся важность события несколько померкла перед лицом случившегося в конюшне, что всегда было чудом для Гвинейры МакКензи, даже спустя столько лет.

— Входите, входите, тут кое-кто хочет поздороваться с вами! — загадочно произнесла она, потянув за собой сына и правнучку к стойлу Принцессы. — Он только что родился! — Гвинейра махнула рукой в сторону стойла, и Джек с Глорией бросились туда.

Рядом с ездовой пони стоял маленький жеребенок шоколадного цвета. Между ноздрей у него было крохотное белое пятнышко, а на лбу — настоящая звезда.

Глория поглядела на Джека.

— Жеребенок, которого ты мне обещал.

Джек кивнул.

— Он должен был дождаться, когда ты вернешься.

— Джек!

Тим Ламберт не вышел из дома, чтобы приветствовать прибывших. К вечеру на улице стало еще холоднее и неуютнее, а в Киворд-Стейшн и без того дождило больше, чем могли выдержать его кости. Кроме того, огромный господский дом едва отапливался. В принципе, его можно было сделать уютным, но только с бóльшим количеством прислуги, нежели держала Гвинейра. Тим тосковал по своему маленькому уютному домику в Греймуте, да и по своей конторе тоже. Предвкушал встречу с угольными складами и коперами. На овец он уже насмотрелся, по крайней мере на ближайшие несколько лет.

Для него было загадкой, что задержало Джека и Глорию в конюшне еще на два часа после прибытия на ферму. Уже зашел в дом даже Маака, который занялся овцами после того, как их пригнали обратно; он сидел рядом с Тимом у камина и немного стеснялся. Но теперь наконец вернулись и Джек с Глорией, оба грязные, всклокоченные, но с очень довольными лицами. Маака налил другу виски. Как и все маори, он должен был сначала поздороваться. Тим же сразу перешел к делу.

— Нужно обязательно поговорить, Джек. Эти сараи для стрижки… и твои работники… Я попросил твоего старшего мастера, чтобы…

Джек с улыбкой отмахнулся.

— Позже, Тим… и Маака. Пожалуйста. Мне сейчас совсем не хочется

виски. Мне нужна ванна, еда… Мы ведь будем ужинать все вместе? Вот после и поговорим.

Маака кивнул.

— В любое время, — произнес он. — Теперь, когда ты наконец-то вернулся.

Редко в Киворд-Стейшн собиралось за столом столько гостей, как в этот вечер. Тим и Илейн, Лилиан и Бен, Калев, а также Маака и его несколько напряженная супруга. Ваимарама чувствовала себя неуютно среди всех этих *пакеха*, но тем не менее продемонстрировала безупречные манеры. Джек с непривычной сердечностью поздоровался с Роли, а затем сел рядом с Глорией. Сияющая Гвинейра сидела во главе стола и держала на руках своего первого праправнука. Галахад пускал слюни на ее красивое платье и портил прическу, но на подобные вещи Гвинейра никогда не обращала внимания. Она одобрительно смотрела на Глорию. На девушке был брючный костюм, который она купила ей в Данидине. Лилиан едва не подпрыгнула от восхищения.

— Тебе так идет! И в моде другие платья. Я тебе как-нибудь покажу журналы…

Глория и Джек молчали, почти как всегда, но это молчание не вызывало неприязни. Казалось, им обоим не мешает даже большая компания. Если они вообще начинали разговор, то говорили о жеребенке Принцессы, что, конечно же, заставило Лилиан вспомнить о своей Вики.

— К сожалению, ее пришлось оставить в Греймуте. Хотя было бы гораздо романтичнее бежать из родительского дома на лошадях!.. Признаться, я была бы рада, если бы она жила с нами. А можно взять лошадь на паром, папочка? Или у них начинается морская болезнь?

К огромному удивлению Гвинейры, ей ответил Джек. Негромким голосом, словно отвык разговаривать, он поведал о лошадях кавалерии, которые путешествовали морем в Александрию.

— Раз в день корабли разворачивались и шли против ветра, чтобы было не так жарко. Я еще тогда подумал, что лошадям нечего делать на море — не говоря уже о войне…

— Может быть, мы снова переедем на Южный остров, — задумчиво произнесла Лилиан. — Мне все равно, где писать книги, а Бен может выбирать! Университет в Данидине готов принять его с распростертыми объятиями… — Лилиан бросила на супруга полный гордости взгляд.

Тим закатил глаза, но Илейн посмотрела на него и укоризненно покачала головой.

Гвинейра довольно улыбалась.

Позже все собрались в салоне. Тим и Маака предложили Джеку и Глории послушать свои соображения насчет ремонта сараев, совершенно не замечая, что те едва не засыпают от усталости. После скачки на холоде огонь камина действовал как снотворное.

Лилиан вовлекла в разговор жену Мааки и обнаружила, что Ваимарама становится еще красивее, когда оттаивает. Со смешанным чувством удовольствия и удивления Глория отметила, что, несмотря на это, Джек не смотрел на девушку-маори. Бен Биллер тоже практически не реагировал на нее. Он снова вел дискуссию с отцом, на этот раз они говорили о том, какое значение имеет поражение Мауи в сражении с богиней мертвых. Шла ли речь о предательстве лживых друзей или же о неотвратимости смерти? Бен аргументировал свой ответ, обратившись к записям Шарлотты, Калев — элементами резьбы, встречающимися на Северном острове.

При этом оба взволнованно швырялись какими-то теоретическими выкладками — и Джек с ужасом увидел, что в руках у Бена последний блокнот Шарлотты. Сердце его сжалось. Нельзя, чтобы рисунки Глории попали в руки чужих людей! Их никто не должен был видеть… Почему он их не спрятал, а просто вложил обратно в блокнот?

Бен Биллер заметил ужас в его взгляде и расценил это как недовольство.

— Я тысячу раз прошу прощения, мистер МакКензи, конечно же, мы не хотели брать записи без вашего разрешения. Но ваша мать была так добра…

Глория очнулась от полудремы, в которую погрузилась, отвлекшись от беседы мужчин. До этого момента она почти не обращала внимания на дискуссию Бена и Калева. Но теперь насторожилась.

Джек перевел взгляд на Гвинейру. Та подняла голову. И увидела страх и отчаяние на лице Глории.

— А вы двое подойдите ко мне, — негромко произнесла Гвинейра. — Не нужно ничего говорить. Я просто хочу вас обнять. Теперь, когда вы оба вернулись.

14

Джек и Глория лишь краем уха слушали, как остальные строили планы. Тим Ламберт хотел как можно скорее вернуться домой, а Илейн убеждала Лилиан и Бена присоединиться к ним хотя бы на пару дней.

Между молодоженами возникли некоторые разногласия по поводу поездки в Греймут: Лилиан хотела повидать братьев и любимую лошадь, но Бен боялся встречи с матерью. Как и ожидалось, Лили настояла на своем. Илейн прошептала Тиму, что Бен «действительно милый мальчик».

— Просто я не пойму, что Лили в нем нашла, — добавила она, в то время как Бен и Калев снова занялись обсуждением вопроса о принципиальной предсказуемости в действиях богов и мифологических героев маори. Тим проворчал что-то в ответ, и Илейн расценила это как согласие.

Маака и его красивая жена вскоре удалились; возможно, дискуссия Бена и Калева действовала им на нервы еще больше, чем всем остальным. Джек, воспользовавшись шансом, тоже попрощался. Пожелала всем спокойной ночи и Глория. Она поцеловала бабушку в щеку, чего не делала уже много лет. Гвинейра растрогалась до слез.

Глория осторожно приоткрыла дверь в комнату Джека. Она не стучала. Раньше она тоже никогда не стучала. И так же естественно, как много лет назад, забралась к нему под одеяло. Но тот ребенок носил ночную сорочку и сразу, не издав ни единого звука, прижимался к своему большому защитнику и засыпал без кошмаров до утра. Сегодняшняя женщина сбросила халат, прежде чем прийти к нему. Под ним не было ничего. Она дрожала, и Джеку показалось, что он слышит ее гулкое сердцебиение.

— Что мне делать? — негромко спросила она.

— Ничего, — ответил Джек, но девушка покачала головой.

Глория отбросила назад свои только что вымытые волосы; Джек поднял руку одновременно с ней. Их пальцы встретились и, словно наэлектризованные, дернулись в разные стороны.

— «Ничего» я уже пробовала, — прошептала Глория.

Джек погладил ее по голове и поцеловал. Сначала в лоб, потом в щеку, а затем в губы. Она не приоткрыла их, лежала тихо.

— Глория, ты не обязана это делать, — мягко произнес Джек. — Я люблю тебя. Неважно, будешь ты спать со мной или нет. Если ты не хочешь…

— Но ты же хочешь, — пробормотала Глория.

— Об этом речь не идет. Если это любовь, хотеть должны оба. Если это нравится только одному, то это… — Он не мог подобрать слов. — В любом случае это неправильно.

— Твоей Шарлотте понравилось в первый раз? — Глория немного расслабилась.

Джек улыбнулся.

— О да. Хотя она тоже была девственницей, когда мы поженились.

— Тоже? — переспросила Глория.

— Для меня ты девственница, Глория. Ты еще никогда не любила мужчину. Иначе ты бы не спрашивала, как это. — Джек снова поцеловал ее, коснулся губами ее шеи, затем плеч. Осторожно провел рукой по ее груди.

— Так покажи мне, — негромко ответила Глория.

Она по-прежнему дрожала, но успокоилась, когда он стал целовать ее руки, запястья, шершавые ладони и сильные короткие пальцы. Джек провел ее рукой по своему лицу, приглашая тоже погладить его. Он прикасался к ней нежно и осторожно, как к пугливой лошадке.

После Шарлотты у Джека не было женщин, и он боялся этого. Но Глория была совсем не такой, как Шарлотта. Конечно, его жена тоже была целомудренной и поначалу робкой. Но Шарлотта была маленькой опытной суфражисткой. Со своими подругами она боролась за права женщин — студентки выступали за лечение уличных девок. Так что его молодая жена примерно представляла себе, что ей предстоит; когда девушки оставались одни, они шептались и делились опытом. Поэтому Шарлотта предвкушала первую брачную ночь. Ей было любопытно и очень хотелось попробовать на себе искусство любви.

Глория же была пуглива. Однако страх ее выражался не в том, что она пыталась отпрянуть, а в терпеливости. Она даже не застывала — в какой-то момент на «Ниобе» она поняла, что боль переносить легче, если расслабиться. И Джеку нужно было следить за тем, чтобы она не скатилась в эту покорность и не стала безвольной куклой в его объятиях. Он говорил с ней, между ласками нашептывал ей нежные слова и пытался прикасаться к ней так, как не прикасались все те мужчины. Он был счастлив, когда она прижалась лицом к его плечу и поцеловала его. А потом он любил ее — медленно, не торопясь, чтобы не сделать больно; в конце же перевернулся и притянул к себе. Он не хотел рухнуть на нее, как поступали ее похотливые мучители. Скатившись с него, она легла рядом и прижалась к его плечу, а он тем временем переводил дух. Наконец она отважилась задать вопрос. В голосе ее звучал испуг:

— Джек… то, что ты делаешь это так медленно… это из-за того, что ты болел? Болеешь?

Джек удивился. А потом негромко рассмеялся.

— Конечно же нет, Глори. И я не медленный. Просто не спешу, потому что… потому что тогда это чудеснее. В первую очередь для тебя. Разве это было не чудесно, Глори?

Она закусила губу.

— Я… не знаю. Но если ты сделаешь это еще раз, я попробую обратить на это внимание.

Джек прижал ее к себе.

— Это не научный эксперимент, Глори. Попытайся ни на что не обращать внимания. Только на себя и меня. Смотри… — Он старался подыскать образ, чтобы объяснить ей свое понимание любви, и внезапно ему вспомнилась последняя нежная записка Шарлотты.

— Подумай о Папе и Ранги, — мягко произнес он. — Должно быть так, словно небо и земля сливаются в единое целое — и не хотят расставаться.

Глория нервно сглотнула.

— А можно я… можно я сейчас побуду небом?

Впервые в жизни она не лежала под мужчиной. Глория склонилась над Джеком, стала целовать и гладить его, как только что он делал с ней. А потом она перестала обращать внимание на все вокруг. Небо и земля взорвались в чистом экстазе.

Глория и Джек проснулись в крепких объятиях друг друга. Первым открыл глаза Джек и тут же увидел перед собой две довольные мордашки колли. Нимуэ и Тьюзди лежали в изножье кровати, свернувшись калачиком, и, судя по всему, радовались, что их хозяева наконец-то собираются начать новый день.

— Не будем делать из этого традицию! — заявил Джек, нахмурившись, и, строго покачав головой, прогнал собак с кровати.

— Почему? — сонно пробормотала Глория. — Второй раз мне очень понравилось.

Джек поцеловал ее и снова занялся с ней любовью.

— И каждый раз будет лучше и лучше? — спросила девушка.

Джек улыбнулся.

— Я стараюсь. Но что касается традиции… Глория, ты согласилась бы выйти за меня замуж?

Глория еще сильнее прижалась к нему. Джек напряженно ждал ответа, а она прислушивалась к звукам просыпающегося дома.

Лилиан громко и фальшиво пела в ванной, Тим тяжело спускался по лестнице на костылях — он постоянно пытался спуститься вниз первым, чтобы никто не успел стать свидетелем его неловкости, — Илейн звала собаку, а где-то спорили Бен и Калев, наверное, опять насчет обычаев маори.

— Это обязательно? — спросила Глория. — Разве я только что не спала с тобой в общем доме?

Джек и Глория хотели устроить скромную свадьбу, но Гвинейра расстроилась, а Илейн возмутилась. Судя по всему, она чувствовала себя обманутой в важный для Лилиан день и теперь хотела поучаствовать хотя бы в планировании свадьбы Джека и Глории.

— Праздник будет в саду! — решила Гвин. — Самые лучшие свадьбы всегда получаются в саду, да и лето уже на пороге. Можете пригласить всю округу. Обязательно! В конце концов, наследница Киворд-Стейшн выходит замуж, люди будут ждать большого торжества.

Гвинейра прекрасно помнила некоторые не очень удачные свадьбы в саду в Киворд-Стейшн; с другой стороны, лампионы в парке, танцплощадка под звездами и сказочная атмосфера всегда приводили ее в восторг.

— Но только никакого фортепьяно! — заявила Глория.

— И никаких вальсов… — Джеку вспомнился первый танец с Шарлоттой.

Гвинейра же мысленно унеслась в свой первый танец с Джеймсом.

— Нет! Оркестра вообще не будет. Всего пара людей, которые умеют пиликать и дудеть, — они просто немного помузицируют. Среди рабочих всегда были такие. Может быть, кто-нибудь станцует со мной джигу…

С тех пор как Гвинейра узнала о решении Джека и Глории, она, казалось, помолодела на несколько лет и, планируя свадьбу, волновалась, как юная девушка.

— И мы не будем долго ждать, — заявил Джек. — Никаких полугодичных помолвок или чего-то в таком духе. Мы сделаем это…

— Сначала нужно перегнать овец на высокогорья, — вставила Глория. — То есть не раньше декабря. И не забывай о новых сараях для стрижки. Я не хочу примерять платья, когда вы будете заниматься ремонтом.

Гвинейра рассмеялась, а затем рассказала о том, как бессчетное множество раз примеряла свое свадебное платье в Англии. Сегодня ей казалось немыслимым, что тогда из нее делали идеальную невесту, — для мужа, живущего на другом конце света.

Глория не любила говорить о подвенечном платье. В действительности ее ужасно нервировала одна только мысль об этом. В платье она никогда не выглядела красиво. И гости обязательно будут сравнивать ее с Курой-маротини, волшебную свадьбу которой многие еще помнили. В детстве ей часто

рассказывали о простом шелковом платье Куры и свежих цветах в ее чудесных волосах. Глория предпочла бы выйти к алтарю в брюках для верховой езды.

К счастью, эту проблему решила Лилиан. Для Бена действительно нашлось место преподавателя в Данидине — Лилиан предполагала, что Калев задействовал свои связи, но, конечно же, никогда не сказала бы об этом Бену, — и за четыре недели до свадьбы она приехала на Южный остров с ребенком, нянькой и пишущей машинкой, чтобы подыскать дом. Однако это была официальная причина. На самом же деле она явилась сначала в Киворд-Стейшн и взяла на себя заботу о тех предсвадебных делах, которыми пока не занялась ее мать, Илейн. Узнав, что подвенечного платья еще нет, она разволновалась.

— Мы должны купить платье! — энергично заявила Лилиан сопротивляющейся Глории. — Не возражай, завтра мы поедем в Крайстчерч. Я уже точно знаю, что тебе нужно! — Она тут же выудила из сумки женский журнал из Англии и раскрыла его перед Глорией.

Та бросила удивленный взгляд на просторные развевающиеся платья из легких тканей, кое-где украшенные пайетками и бахромой, немного напоминавшие *пиу-пиу*, юбки, в которых танцевали маори. Кроме того, новые платья были короче; они доходили только до колен, для них не нужна была осиная талия, наоборот, они зрительно опускали ее ниже.

— Самая последняя мода! В них танцуют новый танец, чарльстон. Ах да, и волосы тебе нужно немного укоротить. Вот, посмотри, как у этой девушки…

И действительно, у женщины на рисунке была короткая каскадная стрижка.

— Это мы сделаем первым делом, пойдем!

В одно время, когда на цирюльника не хватало денег, Лилиан стригла Бена сама. И теперь она так быстро водила ножницами по секущимся волосам Глории, что напомнила девушке работу стригалей. Глория не осмеливалась противиться и, конечно же, не могла рассказать Лилиан о своей последней «стрижке». Поэтому она дрожала и молчала — а затем не могла отвести взгляд от своего отражения в зеркале. Ее густые волосы уже не торчали во все стороны, они аккуратно обрамляли лицо. Новая прическа подчеркивала ее высокие скулы и ставшие еще более выразительными черты лица. Благодаря стрижке ее маорийские корни проявились экзотичнее, а широкое, слегка плоское лицо стало казаться у́же.

— Готово! — заявила довольная Лилиан. — И еще тебе нужно будет, конечно, подкраситься. Я тебе уже показывала в школе, но ты ведь этого не

делаешь. Перед свадьбой я этим займусь. А завтра мы купим платье.

Но их затея обернулась неудачей, поскольку во всем Крайстчерче пока невозможно было найти платье «чарльстон». Продавцы были в высшей степени шокированы при виде рисунков.

— Бесстыдно! — возмутилась одна матрона. — Подобные вещи никогда не будут носить здесь.

Глория примерила несколько других платьев — и едва не отменила свадьбу.

— Я выгляжу ужасно!

— Это платья ужасные, — заявила Лилиан. — Боже мой, я подозреваю, что здесь устроили соревнование: кто из портных нашьет больше рюшек на свадебное платье. Ты похожа на торт с масляным кремом! Нет, нужно что-то делать. В Киворд-Стейшн ни у кого нет швейной машинки?

— Ты ведь не собираешься шить сама? — ужаснулась Глория. Рукоделие входило в число предметов, которые преподавали в «Оукс Гарден», и она прекрасно помнила результаты стараний Лилиан.

Лилиан захихикала.

— Я — нет…

Единственная швейная машинка между Крайстчерчем и Холдоном принадлежала Мараме — один из последних подарков ее зятя, Уильяма. В последние годы она постоянно пользовалась ею для того, чтобы шить простые бриджи и рубашки для сыновей.

— Восхитительно! — обрадовалась Лилиан. — Модель пробудит в ней прежние воспоминания. Примерно такое же подвенечное платье она наколдовала для моей матери! Можно мне позвонить в Греймут?

Благодаря свадьбе Глории миссис О’Брайен, мать Роли, которая прекрасно умела шить, совершила первое в своей жизни путешествие по железной дороге. Взволнованная и горящая жаждой деятельности, она через два дня приехала в Крайстчерч и была почти так же шокирована рисунками в журнале Лилиан, как и продавцы универмага. Однако затем она выслушала комментарии Лилиан и отнеслась к своей задаче как к вызову. Уже через пару часов миссис О’Брайен принялась подбирать подходящую ткань.

— Это можно спокойно делать из шелка, деточка, в любом случае ткань должна быть гладкой, тюль — ни в коем случае. А эта бахрома… это из Америки, мисс Лили? От индейцев? Ну да ладно, главное, чтобы вам нравилось.

Однако когда Глория наконец примерила платье, оно все же понравилось миссис О’Брайен. И Лилиан тут же потребовала похожую модель, поскольку собиралась быть подружкой невесты.

Платье превратило Глорию в совершенно другую женщину. Она казалась выше, взрослее, но вместе с тем мягче и даже игривее. В принципе, она никогда не была толстой, но до сих пор в платьях девушка выглядела приземистой. Теперь же она, глядя в зеркало, впервые в жизни казалась себе стройной. Она закружилась по комнате, насколько позволяли туфли на высоких каблуках, на которых настояла Лилиан.

— А вместо фаты тебе нужна вот такая шляпка с перьями, — заявила Лили, снова хватаясь за журнал. До этого она не решалась высказать это предложение, но сейчас, когда Глория была так воодушевлена, не сомневалась, что она согласится. — Вы сможете сделать, миссис О’Брайен?

Чем меньше времени оставалось до свадьбы, тем более молчаливым становился Джек. Слишком сильно напоминали ему старания Илейн и Лилиан ту суматоху, которую тогда устроили Элизабет и Гвинейра вокруг его бракосочетания с Шарлоттой. Однако Глория тоже сбега́ла от всей этой суеты в конюшни, в то время как Шарлотта наслаждалась приготовлениями.

— Нужно было уехать, — заявил он за день до свадьбы. — Лилиан и Бен поступили правильно: бежать куда глаза глядят, а потом поставить подпись в Оклендском загсе.

Глория покачала головой.

— Нет, это должно состояться здесь, — непривычно мягким голосом произнесла она.

Вчера пришло письмо от Куры и Уильяма Мартин — ответ на оглашение помолвки Глории и Джека и приглашение на свадьбу. На свадьбе они, конечно же, присутствовать не могли — и несколько обиделись из-за того, что, назначая дату торжества, никто не принял во внимание расписание их турне. Впрочем, в данный момент их труппа находилась в Лондоне, то есть теоретически они могли бы приехать. Но родители заявили, что свободное от гастролей время появится у них примерно через восемь месяцев. Сначала Глория рассердилась из-за письма, но Джек забрал ее у него, быстро пробежал глазами и отложил в сторону.

Затем он притянул Глорию к себе, которая снова застыла при одном прикосновении к письму Куры.

— Я никогда не осмелился бы любить тебя так… — примирительно прошептал он ей в волосы.

Глория высвободилась и удивленно поглядела на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Если бы они не отправили тебя в Англию, — пояснил Джек, — ты осталась бы здесь и никогда не стала бы для меня взрослой. Я любил бы тебя, но как младшую сестренку, как близкую родственницу. Ты…

Глория поняла.

— Я была бы для тебя *many*, — произнесла она. — Может быть. Так что, мне теперь нужно упасть на колени перед родителями и поблагодарить их?

Джек рассмеялся.

— В любом случае ты не должна на них сердиться. И прочти-ка постскриптум… — Он поднял письмо, разгладил его и вложил ей в руку.

Глория в недоумении смотрела на несколько слов в конце письма: Кура Мартин просила Гвинейру подготовить документы. Она собиралась переписать на дочь Киворд-Стейшн в качестве свадебного подарка. Глория хотела что-то сказать, но не смогла произнести ни слова.

— Ты не боишься, что я женюсь на тебе только из-за всех твоих овец? — с улыбкой поинтересовался Джек.

Глория пожала плечами и глубоко вздохнула.

— Это наверняка закончится хорошо, — немного помедлив, ответила она. — Подумай о бабушке Гвин. Она прожила с овцами своего супруга долгую и счастливую жизнь. — Глория улыбнулась и взяла Джека за руку. — А теперь пойдем и расскажем ей. Впервые за много десятков лет она будет спать спокойно.

День свадьбы выдался по-летнему сияющим. Джек перевел дух, когда утром не увидел на небе ни облачка. Во время его бракосочетания с Шарлоттой шел дождь. У Илейн сердце обливалось кровью, но она все же отказалась от свадебного марша во время венчания — Глория просто видеть не могла фортепьяно. Однако Марама решила почтить традицию *пакеха* и сыграла «Лоэнгрин» на флейте *путорино*. Да и в остальном она обеспечивала музыку во время праздника, а кроме того, спела любовные песни маори своим чудесным голосом.

— Это было прекрасно, — благодарно произнесла мисс Бличем, которая была свидетельницей Глории. Голос ее звенел от счастья, она казалась красивой и молодой в своем модном светло-синем платье.

Впрочем, истинная причина объяснялась просто: рядом с ней на венчании стоял доктор Пинтер. Бывшего штабного врача тоже было не узнать. Он поправился; затравленное выражение, оставшееся с военных

времен, сменилось спокойным взглядом. Он сообщил Джеку, что снова стал оперировать.

— Маленький мальчик с неправильно сформировавшимся бедром. Родился у одного из инвалидов войны — конечно же, у этих людей не было денег, ребенок остался бы калекой. И Сара сказала, что мне стоит просто попытаться. — Он бросил на мисс Бличем такой полный обожания взгляд, словно был обязан своим возвращением в профессию исключительно ей.

— И теперь мы открываем детский госпиталь! — воскликнула мисс Бличем. — Роберт унаследовал кое-какие деньги, да и я кое-что отложила. Мы купили чудесный дом! И все так удачно складывается! После операции детям придется много лежать, они не смогут ходить в школу. И я буду с ними заниматься. Мне было бы тяжело отказаться от преподавания…

На последних словах она покраснела.

— То есть вы выходите замуж, мисс Бличем? — поинтересовался Джек. Конечно же, он знал это, но ему по-прежнему нравилось заставлять краснеть бывшую учительницу Глории. — А мы так надеялись, что в ближайшем будущем вы снова приедете к нам…

Мисс Бличем бросила взгляд на все еще стройную фигуру Глории и тут же снова смутилась. Глория помогла ей справиться со смущением, представив доктору Пинтеру Вирему. В отличие от Тонги и других представителей племени, явившихся в традиционных нарядах маори, Вирему надел костюм, который не совсем подходил ему. Судя по всему, он остался у него еще со времен учебы в Данидине, но за многие месяцы охоты парень набрал в весе, и пиджак едва не лопался у него на плечах.

— Вирему изучает медицину. Может быть, вам пригодится помощник в госпитале?

Доктор Пинтер неодобрительно оглядел татуировки Вирему.

— Не знаю, — протянул он. — Дети будут пугаться…

— Что вы! — просияла Сара. — Наоборот! Он их подбодрит. Высокий и сильный воин-маори рядом с вами. Детям это необходимо! Если хотите, то добро пожаловать!

Сара протянула Вирему руку. Доктор Пинтер поступил так же.

Тонга смотрел на сына, проявляя все признаки неодобрения. Наконец вождь подошел к Гвинейре.

— Могу вас поздравить, — заявил он. — Сначала Кура, теперь Глория.

Гвинейра пожала плечами.

— Я ни одной из них не подыскивала супруга, — ответила она. — И никогда не хотела играть в эту игру. Кура всегда была другой. Ты никогда

бы не удержал ее, даже если бы она вышла замуж за маори. Так же, как не смогла удержать я. Но Глория… она вернулась. Ко мне и к вам. Она принадлежит этой земле. Киворд-Стейшн ее… как вы говорите? Ее *маунга*, верно? Тебе не нужно привязывать ее к племени. Ее корни здесь. И у Джека тоже. — Она проследила за взглядом Тонги и добавила: — И у Вирему. Может быть, однажды он вернется. Но ты не можешь заставить его.

Тонга улыбнулся.

— В свои преклонные годы вы все же стали мудры, мисс Гвин. Так что скажите этим двоим, чтобы в следующее полнолуние пришли в *марае*. Мы проведем *повири* и поприветствуем нового члена племени.

— Нового… — не поняла Гвинейра.

— Не совсем нового, — вклинилась Ронго. — Это еще нескоро. Джека в качестве мужа Глории.

— Ну, как прошла встреча с Флоренс?

Тим Ламберт приехал в Киворд-Стейшн только утром в день свадьбы, и во время подготовки и церемонии венчания у Илейн не нашлось времени поговорить с ним. Теперь они сидели вместе с Гвинейрой и родителями Илейн за столом, далеко от танцплощадки, где Роли как раз кружил свою Мэри.

Тим бросил на жену измученный взгляд.

— Что ж, мы по-прежнему не друзья. Но, я думаю, Флоренс поняла, в чем дело, ведь она, в первую очередь, человек деловой. Она согласится на наши предложения.

Приезд Бена и Лилиан в Греймут не обошелся без осложнений. Конечно же, Лилиан надеялась, что Флоренс Биллер-Уэбер тоже попадет под очарование их малыша, как и ее собственные родители, но мать Бена была слеплена из другого теста. Она воспринимала маленького Галахада скорее с опаской, нежели с обожанием. Словно она уже сейчас раздумывала над тем, не будет ли он в ее глазах таким же ничтожеством, как его отец и дед. С другой стороны, приходилось смотреть в лицо фактам. Гал был в числе наследников ее рудника — и наследников Тима, хотя, возможно, он никогда не будет ими руководить. К тому же злость на Бена смягчалась потрясающими успехами ее второго сына. Сэмюэл Биллер, казалось, словно был создан для руководства предприятием. В его холодной расчетливости и решительности Флоренс узнавала саму себя. И у Ламбертов, судя по всему, были сыновья, интересующиеся горным делом. Если повезет, можно будет выкупить у Бена и Лилиан их долю. Бен обрадовался подобной идее, но Калев, на удивление, оказался к ней глух.

— Ты не станешь откупаться от моего сына какими-то крохами, — спокойно произнес он, но в его голосе сквозила такая решимость, что Флоренс не стала с ним спорить. Что ж, не важно. Если рудник снова будет приносить доход, семья сможет позволить себе еще одного гуманитария.

Что касается отношений Ламбертов и Биллеров, то последние не смогли отказаться от предложений Тима. Флоренс должна была прекратить саморазрушительное соперничество с Тимом. Может быть, она действительно закроет коксовальный завод. За это Тим предлагал ей построить на ее территории запланированную фабрику по производству угля в брикетах.

— Подъезд к путям гораздо удобнее, железная дорога проложена. Нам не придется заниматься корчевкой, и благодаря этому строительство обойдется дешевле. А «Гринвуд Энтерпрайзис» может вкладывать деньги как в мое производство, так и в твое. Конечно, нам нужны некоторые гарантии, но уж точно не семейная вражда…

В конце концов они скрепили договоренность бокалом виски, который Флоренс опрокинула в себя, пожалуй, чересчур поспешно. Но перенесла это, насколько заметил Тим, как мужчина.

— Все это очень хорошо, — сказала Илейн, глядя на Лилиан и Бена. Зять беседовал с татуированным молодым маори, дочь болтала с прежней гувернанткой Глории. — И нам грех жаловаться на Бена, похоже, он по-настоящему любит Лилиан. Если бы я только понимала, что она в нем нашла!

Тим пожал плечами.

— Когда выяснишь это, сообщи мне, — ответил он. — Но, боюсь, ты скорее разгадаешь загадку пирамид.

— Теперь у мисс Бличем наконец-то будет муж! — рассмеялась Лилиан.

Пока Бен продолжал болтать с Вирему, а Джек был вынужден выпить немного виски с соседями, Лилиан и Глория сели за семейный стол. Лилиан пила шампанское и пребывала в наилучшем расположении духа. Она снова одержала верх — гости наперебой хвалили Глорию, подвенечное платье которой вызвало всеобщее одобрение и было ей очень к лицу. Жених же просто благоговейно молчал. Его восхищение было только в глазах, но Глория прочла его и порхала в толпе гостей, опираясь на его руку. Никакого сравнения с мрачной полноватой индивидуалисткой, какой она была в интернате, никакого сравнения с той молодой женщиной, которой хотелось сбежать из-под венца. Подобные вещи делали Лилиан

счастливее. Даже еще больше, чем счастливый конец в ее историях. А тот факт, что жизнь мисс Бличем тоже изменилась к лучшему, и вовсе окрылил ее.

— Интересно, у нее будут дети? Она ведь не так уж юна. И доктор Пинтер… что ж, для меня было загадкой, что она в нем нашла.

— А что ты нашла в своем Бене? — мимоходом поинтересовалась Глория. Ей просто хотелось оградить свою любимую мисс Бличем от сплетен. Она даже не заметила, что остальные женщины, сидевшие за столом, затаили дыхание.

Лилиан наморщила лоб. Казалось, она задумалась.

— По крайней мере я всегда считала, что ты выйдешь замуж за какого-нибудь героя, — не отставала Глория, по-прежнему беззаботным тоном. Похоже, по-настоящему ее это не интересовало. — После всех тех песен и историй…

Лилиан театрально вздохнула.

— Ах, знаешь, — вдруг сказала она, — вся эта куча приключений… когда об этом читаешь, то все выглядит здорово и романтично, но на самом деле быть бедной, как церковная мышь, не иметь нормальной квартиры и не знать, что делать, — это не столь увлекательно.

— Ах, вот как? — развеселилась Илейн. — А мы и не знали.

Ее мать, Флёретта, и Гвинейра с трудом сдержали смех, даже Глория скривилась. Но Лилиан, похоже, совершенно не заметила иронии.

— Конечно. — Она продолжала делиться с остальными своими познаниями. — А если еще кто-то в кого-то стреляет или что там еще может случиться с героем… ну, если бы Бен вышел в море или что-то в этом духе… я бы ужасно за него волновалась!

— А при чем тут вопрос о том, что ты в нем нашла? — нахмурилась Глория. Она не всегда успевала уследить за мыслью Лилиан.

— Ну, за Бена мне никогда не приходится волноваться, — беззаботно уточнила Лили. — Утром он идет в свою библиотеку и изучает эти свои диалекты южных морей. И самое волнительное, что он планирует когда-нибудь предпринять поездку на острова Кука.

— А как же прекрасные островитянки? — поддразнила ее Илейн. — Он ведь может сказать «я люблю тебя» по меньшей мере на четырнадцати диалектах.

Лилиан захихикала.

— Однако сначала нужно всесторонне обсудить принцип образования пар по эмоциональным побуждениям в определенном культурном кругу. Исследовать его возможные практические или мифологические корни,

обменяться мнениями с другими учеными по поводу скульптурного изображения половых отношений в той или иной географической области. Он ведь хочет все делать правильно. К этому моменту девушка явно заскучает, так что я могу быть совершенно спокойна.

Все, кто прислушивался к разговору, рассмеялись, но Лилиан, судя по всему, не обиделась.

— А тебе никогда не бывает скучно? — вдруг, к всеобщему удивлению, спросила Гвинейра. Она была старше всех собравшихся за столом, но глаза ее сверкали так же оживленно, как в тот день, когда она праздновала в Киворд-Стейшн свою собственную свадьбу.

Лилиан пожала плечами.

— Если мне становится скучно, у меня всегда есть Галахад. И Флориан, и Джеффри… Нового зовут Джуверт…

Лилиан перечисляла действующих лиц своих книжек.

— А если мне нужно вечером продолжать писать, потому что мой герой оказался где-то в плену или ему предстоит спасти свою девушку из какой-то ужасной передряги, то Бен не возражает против того, чтобы приготовить ужин.

— Но ведь настоящие герои могут и сами подстрелить кролика на ужин, — усмехнулась Гвинейра. Она вспоминала Джеймса в те счастливые времена, когда он охотился, ловил для нее рыбу, а затем жарил ее на костре.

Ее дочь Флёретта кивнула.

— А потом они разбрасывают повсюду внутренности! — сухо заметила она. — Я понимаю, что ты имеешь в виду, Лили. Твой Бен — чудо.

В полночь сыновья Илейн запустили фейерверк. Гости, которые по большей части были уже несколько под хмельком, встретили это радостными возгласами.

А Гвинейра МакКензи направилась в конюшню. Она знала, что лошади заперты. Она не встретит там Джеймса, не будет поспешно заводить внутрь племенных кобыл, чтобы они не перепугались. Никто не играл на скрипке у сараев. Джек и Глория не захотели устраивать отдельный праздник для работников и хозяев, как поступали раньше. Тогда в празднично убранном саду играл струнный квартет, в то время как пастухи кружили горничных под музыку гармони, скрипки и дудки. Гвинейра вспомнила танцы вокруг костра, и ей показалось, что она видит перед собой сияющее лицо Джеймса, когда она присоединилась к мужчинам и станцевала с ним танец. Тогда она чуть не поцеловала его.

Но и теперь там, где тогда была устроена импровизированная танцплощадка, стояла пара и целовалась. Джек и Глория сбежали от общей суматохи и стояли, крепко обнявшись, в то время как в небо взмывали тысячи искусственных звезд.

Гвинейра не стала подходить к ним. Она просто скользнула назад, в темноту, предоставив их самим себе. Они — это будущее.

— Наверное, это моя последняя свадьба в Киворд-Стейшн… — с грустью произнесла Гвинейра. Она отказалась от шампанского и пила виски. Пила за Джеймса. — Следующее поколение я уже не увижу.

Лилиан, окрыленная шампанским и растроганная до слез, обняла пожилую женщину.

— Да ладно, бабушка Гвин! Смотри, один праправнук у тебя уже есть! — Она произнесла это так, словно Галахад мог жениться хоть завтра. — В остальном же… вообще-то, мы могли бы пожениться еще раз, Бен. В Оклендском загсе было довольно скучно, здесь в десять раз лучше. Особенно фейерверк. Или сделаем иначе, по ритуалу маори. Так, как в «Наследнице Вакануи», — это было бы романтично! — Сияя, она глядела на Бена.

— Милая, у племен маори нет романтичных свадеб. — Голос Бена звучал обиженно; наверное, он уже неоднократно говорил об этом своей жене. — Торжественные свадебные церемонии выполняют свою функцию только для династических браков, при этом предполагается клерикальное соединение… — Он хотел продолжить, но заметил, что публика уже не способна воспринимать серьезные рассуждения. — Ритуалы, описанные в «Наследнице Вакануи», ты выдумала от начала и до конца!

Лилиан пожала плечами.

— И что? — заявила она, а затем снисходительно улыбнулась. — Кому это мешает? В принципе, хорошая история — всегда самое главное!

Послесловие и благодарность

Для исторического романа тоже нужна хорошая история, но серьезный автор должен быть далек от такого вольного обращения с историей и мифологией, как у моей беззаботной Лили. По крайней мере я пыталась уложить историю выдуманных мной персонажей в сеть хорошо исследованных фактов. Всевозможные версии, начиная от свидетельств современников и заканчивая подготовкой к публикации книги для молодежи, историю отрядов АНЗАК можно прочесть не только в бесчисленном множестве книг, но и по простому запросу в Интернете. Впрочем, страдания солдат в окопах почти всегда героически приукрашены.

Интерпретация этой катастрофически ошибочной военной операции и последовавшего за этим поражения и превращения всего этого в героический эпос не знает себе равных. В действительности же в бухте Галлиполи произошло одно из самых кровавых сражений Первой мировой войны, и заслуга военного командования состоит исключительно в том, что оно устроило весьма успешное отступление на удивление слабо деморализованных войск. Конечно, тогда тоже были критически настроенные журналисты, которые задавали неудобные вопросы относительно смысла боев и тем самым, возможно, даже немного преуменьшили размах катастрофы. Впоследствии, однако, прославляли только героизм безжалостно брошенных на произвол судьбы солдат. Исключение составляет лишь песня Эрика Богла «And the Band Played Waltzing Matilda», которая оказала на меня впечатление большее, чем все ежегодные парады, устраиваемые в честь дня АНЗАК.

Настроение и ход боевых действий в Галлиполи я попыталась представить по возможности аутентично. А вот образы солдат и их командиров выдуманы от начала и до конца. Исключение составляет только военный врач Ливсли Джозеф Бистон и его весьма слабо склонный к военной дисциплине пес-метис Пэдди. Об их приключениях можно прочесть в Интернете. Военный дневник Бистона дает огромное количество информации и представляет собой отличный фон для моей истории. К сожалению, их фотографий нет. Поэтому мне пришлось призвать на помощь свою фантазию, при этом в случае с Пэдди мне навязался образ моего столь же непослушного метиса таксы. Спасибо, Бадди, за постоянное вдохновение!

Как и в моих предыдущих книгах, в этой большую роль играет живущее в Киворд-Стейшн племя маори, но на этот раз я позволила Глории глубже погрузиться в его представления и образ жизни. Конечно же, я снова преследовала определенную цель — описать реальность и образ жизни на Южном острове в начале двадцатого века. Вот только исследования в области маорийской культуры проводить непросто — уже хотя бы потому, что в принципе не существует такого понятия, как «маорийская культура».

В действительности же у каждого племени есть свои собственные обычаи и *many*. Местами они очень сильно отличаются друг от друга и по большей части зависят от условий жизни, в которых живут общины. Так, Южный остров гораздо скуднее относительно природных ресурсов и потому не так густо населен, как Северный. Здесь было гораздо меньше военных противостояний между племенами, и, как следствие, законы, *many* и представления о мире оказались не так сильно подвержены «военному» влиянию.

В целом же Северный остров отличается более сложной маорийской культурой. Общими для почти всех жителей Северного и Южного островов являются только божественный пантеон и большая часть сказочного мира. Наука — практически любой мало-мальски приличный университет предлагает изучение маори — помогает разобраться во всем этом многообразии, затрагивая разные аспекты и исследуя их, чтобы затем вписать их в общую картину, насколько это возможно. Менее серьезные публикации пользуются маорийской традицией подобно тому, как поступают в супермаркете: выбирают всегда только то, что вписывается в их картину мира или обещает прибыль и хорошие продажи. К примеру, показателен тот факт, что немецкий целитель посвящает маслу чайного дерева целую книгу, ошибочно называя его универсальным целительным средством, в то время как официальный сайт маорийских организаций вообще не упоминает дерево *манука* как растение, обладающее целительными свойствами.

Эзотерики тоже в последнее время любят подключаться к некой мудрости маори, что, как бы там ни было, делает несколько легче жизнь их предыдущих жертв, аборигенов Австралии. Те вообще были не в восторге от того, что западные простаки приписывали им обладание чудесными силами. Они предпочли бы, чтобы их, грубиянов, лучше принимали в обществе, давали больше шансов обучаться в университете и обеспечивали более высокооплачиваемой работой. В целом же почти все публикации на тему маорийской культуры (не говоря уже о публикациях об аборигенах)

следует подвергать сомнению. Серьезность источников проверить невозможно. Поэтому, проводя исследования для данной книги, я ограничивалась в основном словами или публикациями самих маори или маорийских организаций. Хотя они не гарантируют полной аутентичности (мрачные аспекты собственной культуры, конечно же, предпочитают опускать в тех разделах сайта, где подается информация «О нас»), но это хотя бы ограждает от излишне смелых рассуждений.

По поводу научных исследований культуры маори здесь стоит еще отметить, что в этой книге я слегка опередила время. В начале двадцатого века в Окленде еще не было факультета, занимающегося исследованием маори. Хотя я определила профессора Бена на отделение лингвистики, его в то время только организовывали. Однако частные ученые, такие как Калев и Шарлотта, в то время уже вполне могли существовать.

Пропасть между маори и *пакеха* никогда не была настолько глубокой, как между коренным населением и колонистами в других частях света. Особенно это справедливо для Южного острова. Между *нгаи таху* — к которым принадлежит не только мое выдуманное племя, но и практически все *иви* Южного острова — и переселенцами из Европы никогда не было достойных упоминания разногласий. Если верить высказываниям маорийской фольклористки, которая любезно согласилась побеседовать со мной на эту тему, племена с готовностью подстраивались под западный образ жизни, поскольку он, по крайней мере на первый взгляд, обеспечивал более высокое качество жизни. Сомнения пришли лишь позже, и в этом отношении мой Тонга тоже слегка опережает время. Сегодня, особенно на Северном острове, есть сильное движение маори, которые ратуют за возвращение к истокам собственной культуры и подталкивают к конфликтам молодых *пакеха*.

Что же касается истории Лилиан, то читатели могут задаваться вопросом, не слишком ли притянута за уши история ее свадьбы. В действительности же в Новой Зеландии и сегодня можно спонтанно заключить союз на всю жизнь — если у вас есть паспорт и вы достигли необходимого возраста. Письменное разрешение от родителей для тех, кто младше восемнадцати лет, было и остается скорее формальностью.

Была во времена Лили на Северном острове и газета «Окленд Герольд». Она в самом деле принадлежала семье Уилсон. Мой энергичный главный редактор Томас Уилсон, впрочем, выдуман, в отличие от известного в то время во всем мире медиума Марджери Крэндон. Правда ли, что эта дама вызывала своих духов и в Новой Зеландии, сказать трудно, скорее этот факт маловероятен, особенно во время войны. В тот период она

приносила пользу и водила карету «скорой помощи» в Новой Англии. В остальном же она действительно одурачила Артура Конан Дойля, в то время как великий маг Гудини скорее разделял взгляды Лили. Он публично называл Крэндон обманщицей. Но это не нанесло никакого ущерба ее славе спиритуалистки. В конце концов, нет ничего важнее хорошей истории…

Я благодарна своим друзьям и редакторам за советы и помощь при написании этой книги, особенно — как обычно — моему чудесному агенту Бастиану Шлюку. Клара Декер, как всегда, читала черновик, а Ева Шлюк и Мелани Бланк-Шредер, наряду с выполнением работы редактора, принимали участие в обсуждении зачастую трудного образа Глории. Конечно же, несколько необычно то, что героиня романа так мешает сама себе, как правнучка Гвинейры; мне тоже эта девушка временами действовала на нервы. Но тут уж ничего не поделаешь: человек в истории, в которой речь идет о людях.

Роб Ритчи помог мне с информацией, касающейся званий и жизни британских военных, не поленился проверить всю главу о Галлиполи на предмет аутентичности. Я пишу не на простом немецком языке, и это стоило немалых усилий. Достоверное ощущение, когда в тебя стреляют во время самой обычной прогулки, я получила от местного, очень недисциплинированного егерства, которому я, однако, не слишком благодарна за это.

А во время работы над первыми главами рядом со мной все еще сидела моя бордер-колли Клео, которая вдохновляла меня на написание первых томов трилогии «Земля белых облаков». Затем она в возрасте почти двадцати лет попрощалась со мной и отправилась на Гавайки вместе с духами.

Ты на небесах, Клео… и дальше на пару звезд…

Выходные данные книги

Роман

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2014

© Bastei Lübbe AG, Köln, 2009
© Reinhard Borner, карты, 2015
© DepositPhotos.com / GoodOlga, обложка, 2015
© Shutterstock.com / Valua Vitaly, обложка, 2015
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

ISBN 978-966-14-9505-9 (fb2)

Электронная версия создана по изданию:

Ларк С.
Л25 Под парусом мечты: роман / Сара Ларк; пер. с нем. Е. Бучиной; предисл. А. Чвиковой. — Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2015. — 608 с.
ISBN 978-966-14-9102-0 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3217-9 (Россия)
ISBN 978-3-404-16261-1 (нем.)

Глория родилась в чудесном краю, что на языке маори зовется Землей белых облаков. Но счастливое детство закончилось, когда девочку отправили учиться в английский интернат. Вдали от родных, среди чужих людей Глория чувствовала себя ненужной и одинокой. Она мечтала вернуться туда, где ее настоящий дом, и однажды решилась на отчаянный шаг — завербовалась юнгой на корабль, чтобы пересечь полмира и быть с теми, кого любит. Но какие испытания ждут невинную девушку на этом пути?

УДК 821.112.2
ББК 84.4Г

Переведено по изданию:
Lark S. Der Ruf des Kiwis: Roman / Sarah Lark. — Köln: Bastei Lübbe, 2012. — 848 S.

Перевод с немецкого *Екатерины Бучиной*
Дизайнер обложки *Маргарита Ефимова*

---

notes

1

По-английски «sheep» — овца, «ship» — корабль. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное*)

2

Кобольды — домовые в мифологии Северной Европы. Добродушные, однако могли устроить в доме хаос и беспорядок в ответ на пренебрежение. (*Примеч. ред.*)

3

Эммелин Панкхёрст (1858–1928) — британская общественная и политическая деятельница, борец за права женщин, лидер британского движения суфражисток, сыграла важную роль в борьбе за избирательные права женщин. (*Примеч. ред.*)

4

Платье «реформ» — первое платье, которое стали носить без корсета, своеобразный символ борьбы за здоровье женщины. (*Примеч. ред.*)

5

«Ревущие сороковые» — название, данное моряками океаническим пространствам между 40° и 50° широты в Южном полушарии Земли, где дуют сильные и устойчивые западные ветры, вызывающие частые штормы. (*Примеч. ред.*).

6

Осси (от англ. *Australia* — Австралия, в свою очередь, от лат. *Auster* — юг) — так американцы и канадцы называют жителей Австралии. Сами австралийцы, а также британцы и новозеландцы произносят это прозвище как «ози». (*Примеч. ред.*)

7

ИМКА (YMCA; от англ. *Young Men's Christian Association* — Юношеская христианская ассоциация) — молодежная волонтерская организация. Стала известна благодаря организации детских лагерей. (*Примеч. ред*.)

8

Флоренс Найтингейл (1820–1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. (*Примеч. ред*.)

9

Карл Шпицвег (1808–1885) — немецкий художник, рисовальщик и иллюстратор. Автор имеет в виду его картину «Бедный поэт». (*Примеч. ред.*)

10

Верификация (от лат. *verus* — истинный и *facio* — делаю) — подтверждение. (*Примеч. ред.*)

11

Енохианский язык — мифический эзотерический магический язык, сходный с арабским, латынью и древнееврейским; не является разговорным. (*Примеч. ред.*)

12

Глоссолалия — речь, состоящая из бессмысленных слов и словосочетаний, имеющая некоторые признаки осмысленной речи (темп, ритм, структура слога, относительная частота встречаемости звуков). (*Примеч. ред.*)

13

Считается, что название озера имеет маорийское происхождение, при этом его правильная форма — Такапо, а не Текапо. В переводе с языка маори «така» означает «циновка для сна», а «по» — «ночь».